This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

-P Slav 538.14

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

1865

НОЯБРЬ

КНИЖКА ПЕРВАЯ

стр.

I. Обойденные. Романъ въ трехъ частяхъ. *Окончаніе второй части.* Безъ кормила и весла. **М. Стевницкаго** 1

II. Профессоры философіи въ современной Германіи. I. Фихте-младшій. **А. Волынскаго** 34

III. Наполеонъ I-й и поляки въ 1812 году. Историческій эскизъ. *Статья первая.* **Н. Ѳ. Дубровина** 56

IV. Эпизодъ изъ современной исторіи Средней Азіи. **А. Бутакова** 103

V. Попытки къ соединенію Финляндіи съ Россіей. Густавъ III и аньяльскій заговоръ. *Статья вторая и послѣдняя.* **Д. Ш—ва** 113

VI. Объ отношеніи естествовѣдѣнія къ искуству. *Статья первая.* **Н. И. Соловьева** 132

VII. Нашъ взаимный другъ. Романъ **Чарльза Диккенса.** Книга третья. Главы XIV—XVI 147

VIII. О русскомъ людѣ и русскомъ бытѣ. Путевыя мечтанія. 1) Что можетъ сносить русская спина. 2) По поводу почтарей. 3) Иванъ Мелентьевъ. **Е. Л. Маркова.** 189

IX. Политическая хроника. Чѣмъ занимаются нѣмцы во Франкфуртѣ-на-Майнѣ? — Смерть лорда Пальмерстона. — Переходное положеніе нашего судопроизводства 1

X. Обозрѣніе спеціальныхъ журналовъ. Производительныя силы Россіи съ точки зрѣнія нѣмецкихъ торговыхъ палатъ и проч. — О борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи, и о язычествѣ русскихъ въ настоящее время 20

XI. Интересы литературы и науки на Западѣ. Возраженія противъ теоріи Кролля. — Журналъ безъ направленія, новое изданіе Льюиса 36

XII. Новыя русскія и иностранныя книги 50

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

Digitized by Google

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ

ВЪ 1866 ГОДУ.

Съ 1865 года мы измѣнили сроки выхода и объемъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ»: вмѣсто двѣнадцати, мы начали выдавать въ годъ *двадцать-четыре* книги. По многимъ соображеніямъ, о которыхъ было объявлено въ прошломъ году подробно, мы считали эту перемѣну болѣе выгодною для читателей и болѣе пригодною настоящему времени. Выпускъ книжекъ журнала черезъ двѣ недѣли давалъ редакціи болѣе средствъ своевременно сообщать такія извѣстія, которыя могли казаться запоздалыми въ ежемѣсячномъ изданіи. Мы дѣлали пробу, не зная, какъ на нее взглянетъ публика; теперь же можемъ сказать, что перемѣна, сдѣланная нами въ журналѣ, удалась вполнѣ, если вѣрить сочувствію читателей — а не вѣрить ему мы не имѣемъ права. Вслѣдствіе этого, мы удерживаемъ и *на будущій 1866 годъ прошлогоднюю программу, и также будемъ выдавать двадцать-четыре книги въ годъ.*

Въ нынѣшнемъ году мы старались избавиться отъ той неакуратности, которою страдали наши журналы долгое время и надѣемся, что достигли цѣли: на неакуратность выхода книжекъ никто не могъ пожаловаться.

Дозволеніе издавать журналъ безъ предварительной цензуры и новыя постановленія о печати дадутъ намъ средства продолжать нѣкоторыя произведенія, прежде начатыя, и сообщить новыя, которыя при прежнихъ цензурныхъ правилахъ не могли бы явиться.

Мы продолжаемъ печатаніе «Петербургскихъ Трущобъ» съ первой октябрской книжки, и считаемъ долгомъ сказать, что перерывъ въ печатаніи этого романа происходилъ не по нашей

Digitized by Google

1932

винѣ. Такъ-какъ романъ этотъ не будетъ авторомъ вполнѣ доставленъ въ редакцію въ нынѣшнемъ году, то мы обязываемся новымъ подписчикамъ на 1866 годъ выдать безденежно всѣ части романа, напечатанныя въ 1864 и 1865 г. (большой томъ, формата «Отечественныхъ Записокъ», болѣе сорока печатныхъ листовъ, или около 700 страницъ). Просимъ только, заблаговременно и *никакъ не позже 1-го марта*, увѣдомить насъ, кто изъ подписывающихся на 1866 годъ *не* подписывался на «Отечественныя Записки» въ 1865 году. Дѣлаемъ это для избѣжанія затрудненій и той напрасной переписки, которая была въ нынѣшнемъ году, отъ слишкомъ запоздалыхъ требованій.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ 1866 ГОДУ

будутъ выходить *два раза въ мѣсяцъ* (1-го и 15-го числа) книжками, изъ которыхъ каждая заключитъ въ себѣ *до 15-ти печатныхъ листовъ*.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

состоящее изъ *двадцати-четырехъ* книгъ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ И МОСКВѢ:

15 руб. серебромъ.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:

16 руб. 50 коп. серебр.

ПОДПИСКА *ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО* ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Для иногородныхъ и городскихъ жителей: въ Главной конторѣ «Отечественныхъ Записокъ» на Литейной, въ домѣ № 38 (тамъ же, гдѣ контора газеты «Голосъ»).

ВЪ МОСКВѢ:

Для жителей Москвы: въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (бывшемъ Базунова), на углу Большой Дмитровки и Страстнаго Бульвара, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.*

Редакторы-издатели: А. Краевскій и С. Дудышкинъ.

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. КРАЕВСКИМЪ и С. ДУДЫШКИНЫМЪ.

ТОМЪ CLXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Digitized by Google

△
P.Sfar. 538. 14 (163, mislab.)
✓

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
AUG 29 1963

63 * 2

Digitized by Google

ОБОЙДЕННЫЕ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть вторая.

БЕЗЪ КОРМИЛА И ВЕСЛА.

«...Держи меня;
Я вырваться не смѣю.»
Байронъ.

VII.

Любовь до слезъ горючихъ.

Тихое однообразіе нищкой жизни Доры и ея спутника продолжалось ненарушаемое ничѣмъ ни съ одной стороны, но при всемъ этомъ оно не было тѣмъ утомительнымъ semper idem, при которомъ всякое чувство и всякое душевное настроеніе способно переходить въ скуку. Одинъ недавно умершій русскій писатель, владѣвшій умомъ обаятельной глубины и свѣтлости, человѣкъ увлекавшійся безмѣрно и соединявшій въ себѣ крайнюю необузданность страстей съ голубиною кротостью духа, восторженно утверждалъ, что для людей живыхъ, для людей *съ искрой божіей* нѣтъ semper idem и что такіе, живые люди, оставленные самимъ себѣ, никогда другъ для друга не исчерпываются и не теряютъ великаго жизненнаго интереса; остаются другъ для друга вѣчно, такъ-сказать, недочитанною любопытною книгою. Отъ слова до слова я помнилъ всегда оригинальныя, полныя самаго горячаго поэтическаго вдохновенія рѣчи этого человѣка, хлеставшія бурными потоками въ спорѣ о всѣмъ извѣстной старенькой книжкѣ Saint Pierre «Paul et Virginie», и теперь, когда исторія событій доводитъ меня до этой главы романа, въ ушахъ моихъ снова

Digitized by Google

звучать эти пылкія рѣчи смѣлаго адвоката за право духа и человѣкъ снова начинаетъ мнѣ представляться недочитанною книгою.

Дорушка и слышать не хотѣла ни о какихъ знакомствахъ, и ни о какихъ разнообразіяхъ. Когда Долинскій случайно познакомился гдѣ-то въ café съ братомъ Вѣры Александровны Онучиной, Кириломъ, и когда Кирилъ Александровичъ сдѣлалъ Долинскому визитъ и потомъ еще навѣстилъ его два или три раза, Дорушка не то что дулась, не то чтобы тяготилась этимъ знакомствомъ, но точно какъ будто боялась его, тревожилась, находила себя въ какомъ-то неловкомъ, непрямомъ положеніи. А Кирилъ Онучинъ не былъ совсѣмъ же непріятный аристократъ, ни демократическій фатъ, ни левъ, ни франтъ дурного тона. Это былъ человѣкъ самый скромный, и вообще типъ у насъ довольно рѣдкій. По происхожденію, состоянію, а равно по тонкости и бѣлизнѣ кожи, сквозь которую видно было, какъ благородная кровь переливается въ тоненькихъ, голубыхъ жилкахъ его висковъ, Кирилъ Онучинъ былъ аристократъ, но ни одного аристократическаго стремленія, ни одного исключительнаго порока и недостатка, свойственнаго большинству нашихъ русскихъ патриціевъ, въ Кирилѣ Онучинѣ не было и запаха, и тѣни. Въ собственной семьѣ онъ былъ очень милымъ и любимымъ лицомъ, но лицомъ таки ровно ничего незначущимъ; въ обществѣ, съ которымъ водилась его мать и сестра, онъ значилъ еще менѣе.

— Кирилъ Онучинъ?... Да какъ бы это вамъ сказать, что̀ такое Кирилъ Онучинъ? отвѣчалъ вамъ, разводя врозь руками всякій, у кого бы вы ни вздумали освѣдомиться объ этомъ экземплярѣ.

Въ существѣ же длинный и кротчайшій Кирилъ Сергѣевичъ былъ страстный ученый, любившій науку для науки, а жизнь свою какъ средство знать и учиться. Онъ почти всегда или читалъ, или писалъ, или что нибудь препарировалъ. Въ жизни онъ былъ самый милый невѣжда, но въ ботаникѣ, химіи и сравнительной анатоміи знатокъ великій. Скромнѣйшимъ образомъ возился онъ съ листочками да корешочками, и никому рѣшительно не была извѣстна мѣра его обширныхъ знаній естественныхъ наукъ; но когда Орсини бросилъ свои бомбы подъ карету Наполеона III-го, а во всѣхъ кружкахъ затолковали объ этихъ ужасныхъ бомбахъ и недоумѣвали, что̀ это за составъ былъ въ этихъ бомбахъ, Кирилъ Сергѣевичъ одинъ разъ вызвалъ потихоньку въ садъ свою сестру, сталъ съ нею подъ окномъ каменнаго грота, показалъ крошечную, черненькую грушку, величиною въ малень-

Digitized by Google

кій женскій наперстокъ, и загнувъ руку, бросилъ этотъ шарикъ на полъ грота. Страшный взрывъ потрясъ нетолько всѣ стѣны грота, но и земляную, заросшую дерномъ насыпь, которая покрывала его старинные своды.

— Вотъ видишь, только это въ крошечномъ размѣрѣ, а то, вѣрно, въ большомъ, разсказывалъ Кирилъ Сергѣевичъ перепуганной его опытомъ сестрѣ, и никому болѣе не говорилъ объ этомъ ни одного слова.

Этотъ смирный человѣкъ рѣшительно не могъ ничѣмъ произвесть въ Дорѣ дурное впечатлѣніе, но она, очевидно, просто на просто не хотѣла никакихъ знакомствъ. Ей просто не хотѣлось имѣть передъ глазами и на слуху ничего способнаго каждую минуту напомнить о Россіи, съ воспоминаніемъ о которой связывалось кое-что другое, смутное, но тяжелое, о которомъ лучше всего не хотѣлось думать.

Не давая ярко проявляться своему неудовольствію за это новое знакомство съ Онучиными, Дора выбила этотъ клинъ другимъ клиномъ: замѣнила знакомство Онучиныхъ знакомствомъ съ дочерью молочной сестры madame Бюжаръ, прехорошенькою Жервезой. Эта Жервеза была очень милая женщина съ добрымъ, живымъ французскимъ лицомъ, покрытымъ постоянно сильнымъ загаромъ, придававшимъ живымъ и тонкимъ чертамъ еще большую свѣжесть. Ей было около двадцати-двухъ лѣтъ, но она уже имѣла шестилѣтняго сына, котораго звали Пьеро, и второго, грудного, Жона. Мужъ Жервезы, прехорошенькій парискъ, щеголявшій всегда чистенькою рубашкой, яркимъ галстухомъ и кокетливой курткой, былъ огородникъ. У нихъ былъ свой очень маленькій крестьянскій домикъ, въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ города. Домикъ этотъ стоялъ на краю одной узенькой деревенской дорожки при зеленой долинѣ, съ которой несло вѣчной свѣжестью. Жервеза и Генрихъ (ея мужъ) были собственники. Собственность ихъ состояла изъ этого домика, съ крошечнымъ дворикомъ, крошечнымъ огородцемъ грядъ въ десять или пятнадцать и огороженнымъ лужкомъ съ русскую тридцатную десятину. Это было наслѣдственное богатство сиротки Жервезы, которое она принесла съ собою своему молоденькому мужу. Потомъ у нихъ на этомъ лужкѣ гуляли четыре очень хорошія коровы, на дворѣ стояла маленькая желтенькая тележка съ красными колесами и небольшая, лапоухая мышастая лошадка, болѣе похожая на осла, чѣмъ на лошадь. Если прибавимъ къ этому

Digitized by Google

еще десятка полтора куръ, то получимъ совершенно полное и обстоятельное понятіе о богатствѣ *молочной красавицы*, какъ называли Жервезу горожане, которымъ она аккуратно каждое утро привозила на своей мышастой лошадкѣ молоко отъ своихъ коровъ и яйцы отъ своихъ куръ. Мужъ Жервезы бывалъ цѣлый день дома только въ воскресенье. Въ простые дни онъ обыкновенно вставалъ съ зарею, запрягалъ женѣ лошадь и съ зеленою шерстяною сумою за плечами уходилъ до вечера работать на чужихъ, большихъ огородахъ. Жервеза въ эту же пору усаживалась между кувшинами и корзинами въ свою крошечную тележку и катила на своей лапоушкѣ въ нѣжащійся еще во снѣ городъ. Старшій сынъ ея обыкновенно оставался дома съ мужниной сестрою, десятилѣтнею дѣвочкой Аделиной, а младшаго она всегда брала съ собою, и ребенокъ или сладко спалъ, убаюкиваемый тихою тряскою тележки, или при всей красотѣ природы съ апетитомъ сосалъ материно молоко, хлопалъ ее полненькой рученкой по смуглой груди и улыбался, зазирая изъ-подъ косынки на черные глаза своей кормилицы.

Эта Жервеза каждый день являлась къ madame Бюжаръ, и оставивъ у нея ребёнка, отправлялась развозить свои продукты, а потомъ заѣзжала къ ней снова, выпивала стакакъ кофе, брала ребёнка и съ купленнымъ для супу кускомъ мяса спѣшила домой. Дорушка нѣсколько разъ видѣла у madame Бюжаръ Жервезу, и *молочная красавица* ей необыкновенно нравилась.

— Это Маріи, говорила она Долинскому:—а не мы, Марѳы, кажется, только и стоющія одного упрека... Можетъ быть, только мы и выслужимъ за свое марѳунство.

— Опять новое слово, замѣтилъ весело Долинскій: — то разъ было *комонничать*, а теперь *марѳунствовать*.

— Всякое слово хорошо, голубчикъ мой, Несторъ Игнатьичъ, если оно выражаетъ то, что̀ хочется имъ выразить. Академія наукъ не знаетъ всѣхъ словъ, которыя нужны, отвѣчала ласково Дора.

Быстро и сильно увлекаясь своими симпатіями, Дора совсѣмъ полюбила Жервезу, вспоминала о ней очень часто, и говорила, что она отдыхаетъ съ нею духомъ, и не можетъ на нее налюбоваться.

Въ то время, когда съ Долинскимъ познакомился Кирилъ Опучинъ, у Жервезы случилось горе: мужъ ея, впервые послѣ шести

Digitized by Google

лѣтъ, уѣхалъ на какую-то очень выгодную работу на два, или на три мѣсяца, и Жервеза очень плакала и грустила.

— Онъ у меня такой недурненькій, такой ласковый, а я одна остаюсь, наивно жаловалась она тетѣ Бюжаръ и Дорушкѣ.

— Ай, ай, ай, ай! говорила ей, качая сѣдою головою, старушка Бюжаръ.

— Ну, да! хорошо вамъ разсуждать-то, отвѣчала печально, обтирая слезы, Жервеза.

Горе этой женщинки было, въ самомъ дѣлѣ, такое граціозное, поэтическое и милое, что и жаль ее было, и все-таки нельзя было не любоваться самымъ этимъ горемъ. Дорушка перемѣнила мѣсто прогулокъ и стала навѣщать Жервезу. Когда они пришли къ «молочной красавицѣ» въ первый разъ, Жервеза ужинала съ сыномъ и мужниной сестренкой. Она очень обрадовалась Долинскому и Дорѣ; краснѣла, не знала какъ ихъ посадить и чѣмъ угостить.

— Милочка, душечка Жервеза, и ничего больше, успокоивала ее Дора.—Совершенно французская идилія изъ повѣсти или романа, говорила она, выходя съ Долинскимъ за калитку дворика:— благородная крестьянка, коровки, дѣти, куры, молоко и лужайка. Какъ странно! Какъ глупо и пошло мнѣ это представлялось въ описаніяхъ, и какъ это хорошо, какъ спокойно ото всего этого, на самомъ дѣлѣ. Жервеза, возьмите, милая, меня жить къ себѣ.

— Oh, mademoiselle, какъ это можно! Мы не умѣемъ служить вамъ; у насъ... тѣсно, безпокойно, увѣряла «молочная красавица».

— А вотъ, mademoiselle Дора думаетъ, что у васъ-то именно очень спокойно.

— Oh, non, monsieur! Коровы, куры утромъ кричатъ, дѣти плачутъ; мой Генрихъ тоже встаетъ такъ рано и начинаетъ рубить дрова, да нарочно будитъ меня своими пѣснями.

— Но теперь вашъ Генрихъ не рубитъ вамъ дровъ, и не поетъ своихъ пѣсенъ?

— Да, теперь онъ бѣдный не поетъ тамъ своихъ пѣсенокъ.

— А, можетъ быть, и поетъ, пошутила Дора.

— Поетъ! Ахъ нѣтъ, не поетъ онъ. Вы вѣдь не знаете, mademoiselle, какъ онъ меня любитъ: онъ такой недурненькій и всегда хочетъ цаловать меня... Я просто, когда только вздумаю, кто ему тамъ чиститъ его бѣлье, кто ему починитъ если разорвется его платье, и мнѣ такъ хочется плакать, мнѣ дѣлается такъ грустно... когда я только подумаю, что...

Digitized by Google

— Кто-нибудь другой тамъ вычистить его бѣлье, и его поцалуетъ?

— Mademoiselle! зачѣмъ вы мнѣ это говорите? произнесла блѣднѣя «молочная красавица», и кружка заходила въ ея дрожащей рукѣ.—Вы знаете что-нибудь, mademoiselle? спросила она, дѣлая шагъ къ Дорѣ, и быстро вперяя въ нее полные слезъ и страха глаза.

— Что вы! что вы, бѣдная Жервеза! Успокойтесь, другъ мой, я пошутила, говорила встревоженная Дора, вставая и цалуя крестьянку.

— Честное слово, что вы пошутили?

— Даю вамъ честное слово, что я пошутила, и что я, напротивъ, увѣрена, что Генрихъ любитъ васъ, и ни за что вамъ не измѣнитъ.

— Увѣренъ въ этомъ, mademoiselle, никто не можетъ быть, но я лучше хочу сомнѣваться, но... вы никогда, mademoiselle, такъ не шутите. Вы знаете, я завтра оставлю дѣтей и хозяйство, и пойду сейчасъ, возьму его назадъ оттуда, если я что-нибудь узнаю.

— Однако, какъ плохо шутить-то! проговорила порусски Дора, когда Жервеза успокоилась и начала высказывать свои взгляды.

— Вѣдь я ему вѣрна, mademoiselle Дора; я ему совсѣмъ вѣрна; я противъ него даже помысломъ невиновата, и я люблю его, потому что онъ у меня такой недурненькій и ласковый, и потомъ вѣдь мы же съ нимъ, mademoiselle, вѣнчались; онъ не долженъ сдѣлать противъ меня ничего дурнаго. Прекрасно еще было бы! Нѣтъ, если я тебя люблю, такъ ты это знай и помни, и помни, и помни, говорила она, развеселясь и цалуя за каждымъ словомъ своего ребёнка. Вы вѣдь знаете, мы шесть лѣтъ женаты, и мы никогда, рѣшительно никогда не ссорились съ моимъ Генрихомъ.

— Это рѣдкое счастье, Жервеза.

— Ахъ правда, mademoiselle, что рѣдкое! Мы оба съ Генрихомъ такіе... какъ бы вамъ сказать? Мы оба всегда умно ведемъ себя: мы цѣлый день работаемъ, а ужь за то, когда онъ приходитъ домой, mademoiselle, мы совсѣмъ сумасшедшіе; мы все цалуемся, все цалуемся.

Дора и Долинскій оба весело разсмѣялись.

— Ахъ, pardon, monsieur, что я это при васъ разсказываю!

— Пожалуйста, говорите, Жервеза; это такъ рѣдко удается слышать про счастье.

Digitized by Google

— Да, это правда, а мы съ Генрихомъ совсѣмъ сумасшедшіе: какъ я ему только отворяю вечеромъ дверь, я схожу съума и онъ тоже.

— А что вы думаете, Жервеза, объ этомъ господинѣ? *Не дурненькій* онъ или нѣтъ? говорила Дора, прощаясь и указывая Жервезѣ на Долинскаго.

«Молочная красавица» посмотрѣла на Нестора Игнатьича, который былъ безъ сравненія лучше ея Генриха, и улыбнулась.

— Что же? переспросила ее Дора.

— Генрихъ лучше всего міра! отвѣчала ей на ухо Жервеза.— Онъ такъ меня цалуетъ, шептала она скороговоркой:—что у меня голова такъ кружится, кружится-кружится, и я ничего не помню послѣ.

На первой полуверстѣ отъ дома молочной красавицы, Дорушка остановилась разъ шесть, и принималась весело хохотать, вспоминая наивную откровенность своей Маріи.

— Да-съ, однако, шутить-то съ вашей Маріей не очень легко: за ухо приведетъ и скажетъ: нѣтъ, *ты мой мужъ*; помни это, голубчикъ! говорилъ Долинскій.

— Ну, да, да, это очень наивно; но вѣдь она на это право имѣетъ: видите, она за то вся живетъ для мужа и въ мужѣ.

— Вы это оправдываете?

— Извиняю. Еслибы Жервеза была не такая женщина, какая она есть; еслибы она любила въ мужѣ самое себя, а не его, тогда это, разумѣется, было бы неизвинительно; но когда женщина любитъ истинно, тогда ей должно прощать, что она смотритъ на любимаго человѣка, какъ на свою собственность, и не хочетъ потерять его.

— А если она ревнуетъ, лежа какъ собака на сѣнѣ?

— Тогда она собака на сѣнѣ.

— Видите, начала, подходя къ городу, Дора:—почему я вотъ и назвала такихъ женщинъ Маріями, а насъ—многорѣчивыми Мареами. Какъ это все у нея просто, и все выходитъ изъ одного *люблю*.—Почему *люблю?*—Потому, что онъ такой недурненькій и ласковый. А совсѣмъ нѣтъ! Она любитъ потому, что *любитъ его*, а не себя, и потомъ все ужь это у нея такъ прямо идетъ—и преданность ему, и забота о немъ, и боязнь за него, а у насъ пойдетъ мареунство: какъ? да что? да, можетъ быть, иначе нужно? И пойдутъ эти надутыя лица, супленье, скитанье по угламъ, доказыванье характера, и прощай счастье. Люби просто, такъ все

Digitized by Google

и пойдетъ просто изъ любви, а начнутъ вотъ этакъ пещися и молвить о многомъ—и все пойдетъ, какъ ключъ ко дну.

— Правда въ вашихъ словахъ чувствуется великая и, конечно, *внутренняя* правда, а не логическая и, стало-быть, самая вѣрная; но вѣдь вотъ какая тутъ исторія: думаешь о любви какъ-то такъ хорошо, что какъ ни повстрѣчаешься съ нею, все обыкновенно не узнаешь ее... все она бѣднѣе чѣмъ-то. И опять хочется *настоящей любви*, такой, какая мечтается, а настоящая любовь...

— Есть любовь Жервезъ, подсказала Дора.

— Любовь Жервезъ? Я не корю ее, но почемъ вы знаете, чего здѣсь болѣе—любви, или привязанности и страсти, или убѣжденія, что все это такъ быть должно. Охъ, настоящая любовь—большое дѣло! Она скромна, она молчитъ... Нѣтъ, настоящая любовь... нѣтъ ея, кажется, нигдѣ даже.

Дорушка тихо повернулась лицомъ къ Долинскому.

— Настоящая любовь, сказала она: — вѣрно тамъ, гдѣ нѣтъ насъ?

— Можетъ быть.

— И гдѣ мы не были, пожалуй?

— Да это будетъ одно и то же.

— Ай, ай, ай, на какихъ вещахъ вы даете ловить себя, Долинскій! протянула Дора, и дернула за звонокъ у воротъ своего дома.

— Вы, кажется, вчера вывели изъ нашего разговора какое-то новое заключеніе? спрашивалъ ее на другой день Несторъ Игнатьичъ.

— Новое!... никакого, отвѣчала, улыбнувшись, Дора.

Дней черезъ пять Дора снова вздумала идти къ Жервезѣ. Проходя мимо одной лавки, они накупили для дѣтей фруктовъ, конфектъ, лентъ для старшей дѣвочки, кушакъ для самой молочной красавицы, и вышли съ большимъ бумажнымъ конвертомъ за городъ.

Не нужно много трудиться надъ описаніемъ этихъ сине-розовыхъ вечеровъ береговыхъ мѣстъ Средиземаго моря: ни Айвазовскаго кисть, ни самое художественное перо все-таки не передаютъ ихъ вѣрно. Вечеръ былъ божественный, и Дора съ Долинскимъ не замѣтили, какъ дошли до домика молочной красавицы.

Когда Долинскій нагнулся, чтобы сбить угломъ платка пыль, насѣвшую на его лакированный ботинокъ, изъ растворенняго

Digitized by Google

низенькаго и очень широкаго окна послышалось какое-то очень стройное пѣніе: женскій, довольно слабый контральтъ и дѣтскіе, неровные дисканты.

Дорушка приподняла платье, тихонько подошла къ окну и остановилась за густымъ кустомъ, по которому сплошною сѣтью ползли синіе усы винограда. Долинскій такъ же тихо послѣдовалъ за Дорою, и остановился у ея плеча.

— Тсс! произнесла чуть слышно Дора и, не оборачиваясь къ Долинскому, погрозила ему пальцемъ.

Чистенькая бѣлая комната молочной красавицы была облита нѣжнымъ краснымъ свѣтомъ только что окунувшагося въ море горячаго солнца; старый орѣховый комодъ, закрытый бѣлой салфеткой; молящійся бронзовый купидонъ и грустный ликъ Мадоны, съ сердцемъ, пронзеннымъ семью мечами, все смотрѣло необыкновенно тихо, нѣжно и серьёзно. Изъ комнаты не слышно было ни звука. Черезъ верхнія вѣтки куста Долинскій увидалъ Жервезу. Молочная красавица въ яркомъ спензерѣ и высокомъ бѣломъ чепцѣ стояла на колѣняхъ. На локтѣ лѣваго рукава ея бѣлой рубашки лежалъ небольшой черненькій шарикъ. Это была головка ея младшаго сына, который тихо сосалъ грудь, и на котораго она смотрѣла въ какой-то забывчивости. Рядомъ съ Жервезою, также на колѣняхъ, съ сложенными на груди ручонками, стояла десятилѣтняя сестра жервезинаго мужа, а слѣва опять на колѣняхъ же помѣщался ея старшій сынъ. Пятилѣтній Пьеро былъ босикомъ, въ синихъ нанковыхъ штанишкахъ и желтоватой нанковой же курточкѣ. Мальчикъ тоже держалъ руки сжавши на груди, но смотрѣлъ въ бокъ на окно, на которомъ сидѣлъ бѣлый котенокъ, преграціозно раскачивающій лапкою привѣшенное на ниткѣ красное райское яблочко.

Жервеза взяла мальчика за плечо и тихо повернула его лицо къ Мадонѣ, и тотчасъ же запѣла: «Ты, который все видишь, всѣхъ любишь и со всѣми живешь, приди и живи въ нашемъ сердцѣ».

Дѣти пѣли за Жервезой не совсѣмъ согласно, отставали отъ нея и повторяли слова нѣсколько позже, но тѣмъ не менѣе, въ этомъ несмѣломъ тріо была гармонія удивительная.

«И тѣхъ, которыхъ нѣтъ съ нами, Ты также помилуй, и съ ними живи, пѣла Жервеза послѣ первой молитвы.—Злыхъ и недобрыхъ прости, и всѣхъ научи насъ другъ друга любить, какъ правду любилъ Ты, за насъ на крестѣ умирая».

Digitized by Google

При концѣ этой молитвы двое старшихъ дѣтей начинали немного тревожиться. Они розняли свои ручонки, робко дотрогивались до бѣлыхъ рукавовъ Жервезы и заглядывали въ ея глаза. Видно было, что они ожидали чего-то, и знали чего ожидаютъ.

«А тѣхъ, которые любятъ другъ друга, запѣла молочная красавица голосомъ, въ которомъ съ перваго звука зазвенѣли слезы: — тѣхъ Ты соедини и не разлучай никогда въ жизни. Избавь ихъ отъ несносной тоски другъ о другѣ; верни ихъ другу въ другу все съ той же любовью. О, пошли имъ, пошли имъ любовь Ты до вѣка! О, сохрани ихъ отъ страстей и соблазновъ, и не попусти одному сердцу разбить навѣки другое!»

Слезы, плывшія въ голосѣ Жервезы и затруднявшія ея пѣніе, разомъ хлынули цѣлымъ потокомъ, съ стонами и рыданіями тоски и боязни за свою любовь и счастье. И чего только, какихъ только словъ могучихъ, какихъ душевныхъ движеній не было въ этихъ разрывающихъ грудь звукахъ!

— Молись, молись, Пьеро, за своего отца! Молись за мать твою! Молись за насъ, Алиночка! говорила Жервеза, плача и прижимая къ себѣ обхватившихъ ее дѣтей.

Минуты три въ комнатѣ были слышны только вздохи и тихій, неровный шопотъ; даже бѣлый котенокъ пересталъ колыхать лапкой свое яблочко.

Долинскій оглянулся на Дашу: она стояла на колѣняхъ и смотрѣла въ окно на блѣдное лицо Мадоны; въ длинныхъ, темныхъ рѣсницахъ Доры дрожали слезы.

Долинскій снялъ шляпу и смотрѣлъ на золотую голову Доры.

— Полно намъ плакать, произнесла въ это время успокоиваясь Жервеза:—будемъ молиться за бѣдныхъ дѣтей.

«Бѣднымъ дѣтямъ, запѣла она спокойнѣе:—дѣтямъ-сироткамъ будь Ты отцомъ, и обрадуй ихъ лаской твоею, и добрыхъ людей имъ пошли Ты на встрѣчу, и доброй рукою подай имъ и хлѣба, и платья, и дай имъ веселое дѣтство...»

Дѣти начали кланяться въ землю, и молитва повидимому приходила къ концу. Дорушка замѣтила это; она тихо встала съ колѣнъ, подняла съ травы лежавшій возлѣ нея бумажный мѣшокъ съ плодами, подошла къ окну, положила его на подоконникѣ, и незамѣченная никѣмъ изъ семьи молочной красавицы, скоро пошла изъ садика.

— Что̀ молится такъ, Долинскій? спросила она, остановившись за угломъ, и прежде чѣмъ Долинскій успѣлъ ей что нибудь

Digitized by Google

отвѣтить, она сильно взяла его за руку и съ особымъ удареніемъ сказала:—такъ молится *любовь!* Любовь такъ молится, а не страсть, и не привязанность.

— Да, это молилась любовь.

— Это сама любовь молилась, Несторъ Игнатьичъ, истинная любовь, простая, чистая любовь до слезъ и до молитвы къ Богу.

Дорушка тронулась впередъ по сѣрой, пыльной дорожкѣ.

— Что жь, вы не зайдете, развѣ? спросилъ ее Долинскій.

— Куда?

— Да къ нимъ?

— Къ нимъ?... Знаете, Несторъ Игнатьичъ, чѣмъ представляется мнѣ теперь этотъ домъ? проговорила она, оборачиваясь и протягивая въ воздухѣ руку къ домику Жервезы. — Это горящая купина, къ которой не должны подходить наши хитрыя ноги.

— Стопы лукавыхъ.

— Да, стопы лукавыхъ! Сдѣлайте милость, не пробуйте опять нигилистничать: совсѣмъ вѣдь не къ лицу вамъ эти лица.

— Они только будутъ удивляться, откуда взялся мѣшокъ, который вы имъ положили.

— Не будутъ удивляться: это Богъ прислалъ дѣтямъ за ихъ хорошія молитвы.

— И прислалъ черезъ лучшаго изъ своихъ земныхъ ангеловъ.

— Вы такъ думаете?

— Удивительная вы дѣвушка, Дора! Кажется, нѣжнѣе и лучше васъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ женскаго существа на свѣтѣ.

— Тутъ одна, сказала Дора, снова остановясь и указывая на исчезающій за холмомъ домикъ Жервезы: — а вонъ тамъ другая, добавила она, бросивъ рукою по направленію на сѣверъ.—Вы, пожалуйста, никогда не называйте меня доброю. Это значитъ, что вы меня совсѣмъ не знаете. Какая у меня доброта? — ну, какая? Что меня любятъ, а я не кусаюсь, такъ въ этомъ доброты нѣтъ; послѣ этого вы, пожалуй, и о себѣ способны возмечтать, что и вы даже добрый человѣкъ.

— А развѣ же я, Дарья Михайловна, въ самомъ дѣлѣ, по вашему, злой человѣкъ?

— Эхъ, да что, Несторъ Игнатьичъ, въ такой нашей добротѣ проку-то! Вонъ анина, или жервезина доброта—такъ это доброта: всѣмъ около нихъ хорошо, а наша съ вами доброта, это... вотъ именно художественная-то доброта: впечатлительность, порывы. Вы вѣдь не знаете, какое у меня порочное сердце и до

Digitized by Google

чего я бываю иногда зла въ душѣ. Вотъ не далѣе, какъ... когда это мы были первый разъ у Жервезы?... ухъ, какъ я тогда была зла на васъ! И что̀ это, въ самомъ дѣлѣ, вамъ тогда пришло въ голову увѣрять меня, что это не любовь, а привязанность одна, и какія-то тамъ глупыя страсти?

— Мнѣ такъ показалось.

— Врете! все врете, и опять начинаете сердить меня. Охъ, да какъ я васъ знаю, Несторъ Игнатьичъ! Еслибы я замѣтила, что меня кто-нибудь такъ знаетъ и насквозь видитъ, какъ я васъ, я бы... просто ушла отъ такого человѣка на край свѣта. Вы мнѣ это тогда говорили вотъ почему: потому что безхарактерность у васъ, должно быть, простирается иногда такъ далеко, что даже, будучи хорошимъ человѣкомъ, вы вдругъ надумаете: а, ну-ка, я понигилистничаю! — можетъ быть, это правильнѣй? И я только не хотѣла вамъ говорить этого, а ужасно вы мнѣ были противны въ тотъ вечеръ.

— Даже противенъ?

— Даже гадки, если хотите. Что̀ это такое? первое дѣло— оскорбляетъ ни за что, ни про что любовь женщины, а потомъ чѣмъ же вы сами-то были?—Шпандорчукъ какой-то, не то Вырвичъ—обезьянка петербургская.

— Вотъ то-то оно и есть, Дарья Михайловна, что судъ-то людской не божій: всегда въ немъ много ошибокъ, отвѣчалъ спокойно Долинскій.—Совсѣмъ я не обезьянка петербургская, а худъ ли, хорошъ ли, да ужь такой, какимъ меня Богъ зародилъ. Вамъ угодно, чтобы я оправдывался — извольте! Знаете ли вы, Дарья Михайловна, все, о чемъ я думаю?

— Конечно, не знаю.

— Совершенная правда, и потому, стало-быть, не знаете, до чего и какъ я иногда додумываюсь. Я не нигилистничалъ, Дарья Михайловна, когда выразилъ ошибочное мнѣніе о любви Жервезы, а вотъ какъ это было: очень давно мнѣ начинаетъ казаться, что все, что̀ я считалъ когда-нибудь любовью, есть совсѣмъ не любовь; что любовь... это совсѣмъ не то будетъ, и я на этомъ пунктѣ, если вамъ угодно, сбился съ толку. Я все припоминаю, какъ это случалось, хоть и со мною даже... идетъ, идетъ будто вотъ совсѣмъ и любовь, а потомъ вдругъ вракъ, смотришь—все какое-то такое вялое, сухое, и чувствуешь, что нѣтъ, что это совсѣмъ не любовь, и я думаю, что нѣтъ, ну вотъ нѣтъ любви. Тутъ совсѣмъ не за что на меня сердиться.

Digitized by Google

Развѣ въ томъ только моя вина, что не отучусь именно изъ себя-то сто разъ все мотать, да перемагивать, а ужь въ обезьянничествѣ я невиноватъ. Помилуйте, мнѣ вотъ очень даже часто приходитъ въ голову, какъ люди умираютъ? Какъ это послѣдняя минута?... вотъ вдругъ есть, и нѣту... Бываютъ минуты, когда я никакъ этого вообразить себѣ не могу, и отчего, откуда приходятъ эти страшныя минуты? — этого никакъ не подстережешь. Вы помните, какъ я одинъ разъ въ Петербургѣ уронилъ стѣнные часы въ мастерской и поймалъ ихъ за два какихъ-нибудь вершка отъ полу?

Дорушка кивнула утвердительно головою.

— Ловокъ! подумалъ я себѣ тогда, а вотъ какъ-то ты увернешься отъ смерти? пошло ходить у меня въ головѣ; вотъ-вотъ-вотъ схватиться бы за что нибудь, и не схватишься. И что жь вы скажете?—я до такой степени все это выматывалъ, что серьёзно, ясно и сознательно сталъ ощущать, что я ужь когда-то что-то такое ловалъ и не поймалъ, и умеръ, и опять живу. Умретъ кто нибудь — мнѣ сейчасъ опять какой-то этакій блѣдный шаръ представляется; ловишь его, и вдругъ бацъ, не поймалъ, умеръ, и сейчасъ что-то мнѣ въ этомъ знакомое есть, что я ужь это пережилъ... Я *увѣренъ* въ этомъ, наконецъ, бываю! Такъ не осуждайте же меня, пожалуйста, за Жервезу: я, право, больной человѣкъ; мнѣ въ тотъ день такъ казалось, что нѣтъ, нѣтъ, и нѣтъ никакой любви, а, право, это не обезьянничество.

— Ну, хорошо, ну, пусть вамъ эта вина прощается за ваши недуги; но нынче-съ!... позвольте васъ искренно, по душѣ, по совѣсти просить отвѣтить: чего вы стояли этакимъ рыцаремъ и таращили на меня глаза, когда мнѣ захотѣлось помолиться съ Жервезой?

— Я таращился! — нисколько. Я просто смотрѣлъ на васъ, потому что мнѣ пріятно было смотрѣть на васъ, потому что вы необыкновенно какъ хороши были, у этого куста на колѣняхъ.

— Пожалуйста, пожалуйста, Несторъ Игнатьичъ! Знаю я васъ. Я знаю, что я хороша и вы мнѣ этимъ не польстите, и вы тоже вѣдь очень... этакій интересный Наль, тоскующій о Дамаянти, а однако я чувствовала, что тамъ было нужно молиться, и я молилась, а вы... Снялъ шляпу и сейчасъ же сконфузился и сталъ соглядатаемъ, ммм! ненавистный, нерѣшительный человѣкъ! Отчего вы не молились?

Digitized by Google

— Ахъ, Дарья Михайловна, какой вы ребёнокъ! Ну, развѣ можно задавать такіе вопросы? Вѣдь на это вамъ только Шпандорчукъ съ Вырвичемъ и отвѣтили бы, потому что у тѣхъ ужь все это впередъ рѣшено.

— А у васъ, мой милый, ничего не рѣшено?

— По крайней-мѣрѣ, очень многое.—Да вы, пожалуйста, не думайте, что рѣшимость это ужь такая высокая добродѣтель, что все остальное передъ нею прахъ и суета. Рѣшимостью самою твердою часто обладаютъ и злодѣи, и глупцы, и всякіе, весьма непостоянные люди.

— И герои.

— Да, и герои, но героевъ вѣдь немного на свѣтѣ, а односторонних людей, способныхъ рѣшать себѣ все наоболмашь, гораздо больше. Вы вотъ теперь даете мнѣ вопросъ, касающійся такого предмета, котораго обнять-то, уразумѣть-то нѣтъ силы, и хотите, чтобы я такъ вотъ все и рѣшилъ въ немъ. Вы знаете моего дядю? Его не одна Москва, а вся Русь знаетъ. Это не былъ професоръ-хлыщъ, професоръ-чиновникъ, или професоръ-фанфаронъ, а это былъ настоящій, комплектный ученый и человѣкъ, а я вамъ объ немъ разскажу вотъ какой анекдотъ: былъ у него въ Москвѣ при домѣ садъ—старый, густой, прекрасный садъ. Дядя работалъ тамъ лѣтомъ почти по цѣлымъ днямъ: подсаживалъ тамъ деревца, колеровалъ, и разныя, знаете, такія штуки дѣлалъ. Я спалъ въ этомъ саду въ бесѣдкѣ. Только одинъ разъ какъ-то очень рано я проснулся. Дѣло было передъ послѣднимъ моимъ экзаменомъ. Я сѣлъ на порожкѣ и читаю; вдругъ, вижу я за куртиной, дядя стоитъ въ своемъ бѣломъ парусинномъ халатѣ на колѣнахъ и жарко молится: подниметъ къ небу руки, плачетъ, упадетъ въ траву лицомъ, и опять молится, молится безъ конца. Я очень любилъ дядю и очень ему вѣрилъ и вѣрю. Когда онъ пересталъ молиться и началъ что-то вертѣть около какого-то прививка, я всталъ съ порожка и подошелъ къ нему. На дворѣ было самое раннее утро, и кромѣ насъ да птицъ въ саду никого не было. Не помню, какъ мы тамъ съ нимъ о чемъ начали разговаривать, только знаю, что я тогда и спросилъ его, что какъ онъ, занимаясь до старости науками историческими, естественными и богословскими, до чего дошелъ, до какой степени уяснилъ себѣ изъ этихъ наукъ вопросъ о божествѣ, о душѣ, о твореніи? Напоминаю вамъ, что утро было самое раннее, изъ-за каменныхъ стѣнъ въ большомъ саду насъ никто не могъ ни

Digitized by Google

видѣть, ни слышать, развѣ кромѣ птичекъ, которыя порхали по деревьямъ. Такъ старикъ-то мой-съ нѣсколько разъ оглянулся во всѣ стороны, сложилъ вотъ такъ трубочкою свои руки, да вотъ такъ поднесъ ихъ къ моему уху, и чуть слышно шепнулъ мнѣ: «ни до чего не дошелъ». Говорю ему: а какъ же вы относитесь... называю, знаете, ему двѣ крайнія-то партіи. «Какъ относусь?» говоритъ, и опять нагнулся къ моему уху и шепнулъ: «не вѣрю ни тѣмъ, ни другимъ». Такъ вотъ вамъ, Дарья Михайловна, какъ высокія и честныя-то души относятся къ подобнымъ вопросамъ: боятся, чтобы птицу небесную не ввести въ напрасное сомнѣніе, а вы меня спрашиваете о такихъ вещахъ, да еще самаго рѣшительнаго отвѣта у меня о нихъ требуете. Можно сомнѣваться, можно надѣяться, но *утверждать*... О, Боже мой, сколько у людей бываетъ странной смѣлости! Я дѣйствительно человѣкъ очень нерѣшительный, но не думайте, что это у меня отъ трусости. Чего же мнѣ бояться? У меня только всегда какъ-то вдругъ всѣ стороны вопроса становятся передъ глазами, и я въ нихъ путаюсь, сбиваюсь и дѣлаю богъ-знаетъ что, богъ-знаетъ что! Ахъ, это самое худшее состояніе, которое я знаю; это хуже дня передъ казнью, потому что это все *дни передъ казнью*. Перестанемте объ этомъ говорить, Дарья Михайловна, а то вонъ опять насъ птица слушаетъ.

Долинскій сдѣлалъ шагъ впередъ и поднялъ съ пыльной дороги небольшую сѣрую птичку, за ножку которой волокся пукъ завалой полевой травы и не давалъ ей ни хода, ни полета. Дорушка взяла изъ рукъ Долинскаго птичку, сѣла на дернистый край дорожки и стала распутывать сбившуюся траву. Птичка съ сомлѣвшей ножкой тихо лежала на бѣлой рукѣ Доры и смотрѣла на нее своими круглыми, черными глазками.

— Какъ бьется ея бѣдное сердечко! проговорила Дора, шевеля мелкія перышки пташки и глядя въ розовый пушекъ подъ ея крылышками.

— Милая! сказала она, поцаловавъ птичку въ головку, приложила ее къ своей шейкѣ и пошла къ городу. Минутъ десять они шли въ совершенномъ молчаніи; на дворѣ совсѣмъ сырѣло; Дорушка принималась нѣсколько разъ все страстнѣе и страстнѣе цаловать свою птичку. Дойдя до стараго, большого каштана, она поцаловала ее еще разъ, бережно посадила на вѣтку и подала руку Долинскому.

— Несторъ Игнатьичъ, сказала она ему, идучи по пустой ули-

Digitized by Google

цѣ:—знаете, чтобъ вамъ разстаться съ вашими *днями передъ казнью*, вамъ остается одно—найдти себѣ *любовь до слезъ*.

— Полноте шутить, Дарья Михайловна, я ничего не желаю находить и не умѣю находить.

— А вотъ птицъ же на дорогахъ находите. Это тоже вѣдь не всякому случается.

VIII.

Повторение задовъ.

У Жервезы Дора и Долинскій болѣе не были, прогулки ихъ снова ограничивались холмомъ надъ заливомъ.

Всякій вечеръ они сидѣли на этомъ холмикѣ, и всякій вечеръ имъ было такъ хорошо и пріятно.

Какъ ни коротки были между собой Дора и Долинскій, но эти вызываемые Дорою разсказы о прошломъ, раскрывая передъ нею еще подробнѣе внутренній міръ разсказчика, давали ея отношеніямъ къ нему новый, нѣсколько еще болѣе интимный характеръ.

— Послушайте, Несторъ Игнатьичъ! сказала разъ Даша, положивъ ему на плечо свою руку.—разскажите мнѣ, мой милый, какъ вы любили, и какъ васъ любили?

— Богъ-знаетъ, что это вы выдумываете, Дора?

— Такъ разскажите. Мнѣ очень хочется найдти ключъ къ вашей душевной болѣзни.

— Забылъ ужь я, какъ я любилъ.

— Э! врете!

— Право, забылъ.

— Забвенья нѣтъ.

— Кто жь это вамъ сказалъ, что забвенья нѣтъ?

— Я вамъ это говорю.

Несторъ Игнатьичъ молчалъ и Даша молчала, и дулась.

— Ну, перестаньте дуть свои губки, Дора! Что вамъ разсказать?

— Какъ вы любили первый разъ въ жизни.

Долинскій разсказалъ свою, почти дѣтскую любовь къ какой-то кіевской кузинѣ. Дора слушала его, не сводя глазъ, и когда онъ окончилъ, вздохнула и спросила:

— Ну, а какъ вы любили на законномъ основаніи?

Долинскій разсказалъ ей въ главныхъ чертахъ и всю свою женатую жизнь.

Digitized by Google

— Какая гадость! прошептала Даша, и вздохнувъ еще разъ, спросила:

— Ну, а дальше что̀ было?

— А дальше вы все знаете.

— Вы грустили?

— Да.

— Встрѣтились съ нами?

— Да.

— И счастливы?

— И счастливъ.

Даша задумчиво покачала головкой.

— Что̀? спросилъ ее Долинскій.

— Такъ—ключъ найденъ! чуть слышно уронила Дора.

— А какъ вы думаете, начала она, помолчавши съ минуту: — вѣрно это такъ вообще, что хорошаго нельзя не полюбить?

— Что̀ хорошее? Есть польская пословица, что не то хорошо, что̀—хорошо, а то хорошо, что̀ кому нравится.

— Я вамъ говорю, *хорошаго* нельзя не любить; ну, пожалуй, того, что̀ нравится.

— Къ чему же вы это говорите?

— Ни къ чему! — къ тому, что если встрѣчается что-нибудь очень хорошее, такъ его возьмешь да и полюбишь — ну, понимаете, что ли?

— Да...

— Да я думаю, что *да*.

Произошла пауза, въ теченіе которой Даша все думала, глядя въ небо, и потомъ сказала:

— Знаете что, Несторъ Игнатьичъ? Мнѣ кажется, что наши сравненія сердца съ монетой—никуда не годятся.

— Я это ужь вамъ говорилъ.

— Съ чѣмъ же его сравнить?

— Много есть этихъ сравненій, и всѣ они никуда не годятся.

— Ну, а напримѣръ, съ чѣмъ можно еще сравнить сердце?

— Съ постоялымъ дворомъ, смѣясь, отвѣчалъ Долинскій.

— Гадко, а похоже, пожалуй.

— А пожалуй, и непохоже, отвѣчалъ Долинскій.

— Одинъ постоялецъ выѣдетъ, другому есть мѣсто.

— А другой разъ и пустой дворъ простоитъ.

— Нѣтъ, и это не годится. Не вѣрю я, не вѣрю, чтобы можно было жить безъ привязанности.

Digitized by Google

— Бываетъ, однако.

— Вы помните эти нѣмецкіе, кажется, стихи...

— Какіе?

— Ну, знаете, какъ это тамъ: Юнитеръ посылалъ Меркурія, отыскать никогда нелюбившихъ женщинъ?

— Я даже этого никогда не читалъ.

— То-то вотъ и есть; а я это читала.

— Что́ жь, Меркурій отыскалъ?

— *Трехъ!*

— Только-то?

— Да-съ; и эти три, знаете, кто были? — *Три фуріи!* протяжно произнесла Даша, поднявъ вверхъ пальчикъ.

— Вѣдь это только написано.

— Да, но я этому вѣрю, и очень боюсь этакого фуріознаго сообщества.

— Вы съ какой же это стати?

— А если Юпитеру послѣ моей смерти вздумается еще разъ послать Меркурія, и онъ найдетъ ужь четырехъ.

— Еще полюбите, и какъ полюбите.

— Нѣтъ, ужь кажется поздно.

— Любить никогда не поздно.

— Вотъ за это вы умникъ! Люди жадны ужь очень. Счастье не во времени. Можно быть немножко счастливымъ, и на всю жизнь довольно. Правда моя?

— Конечно, правда.

— Какое у насъ образцовое согласіе!

— Не о чемъ спорить, когда говорятъ правду.

— А вѣдь, я бы могла очень сильно любить.

— Кто жь вамъ мѣшаетъ? Разборчивы очень.

— Нѣтъ, совсѣмъ не то. По моему любить, значитъ... *любить* однимъ словомъ. Не героя, не рыцаря, а просто любить, кто по душѣ, кто по сердцу — кто не по хорошу милъ, а по милу хорошъ.

— Ну-съ, я опять спрошу: за чѣмъ же дѣло стало?

— А если «законы осуждаютъ предметъ моей любви?», улыбаясь, продекламировала Даша.

— «Но, кто — о сердце! — можетъ противиться тебѣ?» отвѣчалъ Несторъ Игнатьичъ, продолжая речитативомъ начатую Дашею пѣсню.

— Помните, какъ это сказано у Лермонтова:

Digitized by Google

Но сердцу, какъ ума не соблазнить?
И какъ любви стыда не побѣдить?
Любовь, для неба и земли — святыня,
И только для людей порокъ она!

То скотство, то трусость... бѣдное ты человѣчество! Бѣдный ты царь земли въ своихъ вѣчныхъ оковахъ!

— Вы сегодня, Дорушка, все возвышаетесь до паѳоса, до поэзіи.

— Несторъ Игнатьичъ! прошу не забываться! Я никогда не унижалась до прозы.

— Виноватъ.

— То-то.

Даша замолчала, и немного подождавши, сказала:

— Ну, смотрите, какія штучки наплетены на бѣломъ свѣтѣ! Вотъ я сейчасъ бранила людей за трусость, которая имъ мѣшаетъ взять свою, такъ-сказать, долю радостей и счастья; а теперь сама вижу, что и я совсѣмъ неправа. Есть вѣдь такія положенія, Несторъ Игнатьичъ, передъ которыми и храбрецъ струситъ.

— Напримѣръ, что̀ жь это такое?

— А вотъ, напримѣръ, состраданіе, укоръ совѣсти за чужое несчастье, за чужія слезы.

— Скажите-ка немножко пояснѣе.

— Да что̀ жь тутъ яснѣе? Мало ли что̀ случается! Ну, вдругъ, положимъ, полюбишь человѣка, котораго любитъ другая женщина, для которой потерять этого человѣка, будетъ смерть... да что смерть! Не смерть, а му̀ка, понимаете — му̀ка съ платкомъ во рту. Что̀ тогда дѣлать?

— На это мудрено отвѣчать.

— Я думаю, одинъ отвѣтъ:—страдать.

— Да, если тотъ, кого вы полюбите, въ свою очередь не любитъ васъ больше той женщины, которую онъ любилъ прежде.

— А если онъ меня любитъ больше?

— Такъ тогда какой же резонъ дѣлать общее несчастье! Вѣдь если, положимъ, вы любите какое нибудь *А* и это *А* взаимно любитъ васъ, хотя оно тамъ прежде любило какое-то *Б*. Ну-съ, теперь, если вы знаете, что это *А* своего *Б* больше не любитъ, то зачѣмъ же вамъ отказываться отъ его любви и не любить его самой. Ужь вѣдь все равно, не отошлете его обратно, куда его не тянетъ. Простой разсчетъ: пусть лучше двое любятъ другъ друга, чѣмъ трое разойдутся.

Даша долго думала.

Digitized by Google

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчала она:—въ самомъ дѣлѣ, это такъ. Какъ это странно! Люди называютъ безумствомъ то, что̀ даже можно по пальцамъ высчитать и доказать, что это разумно.

— Люди умныхъ людей въ сумасшедшіе дома сажали и на кострахъ жгли, а послѣ черезъ сто лѣтъ памятники имъ ставили. У людей, что̀ сегодня ложь, то̀ завтра можетъ быть истиной.

— Какой вы у меня бываете умникъ, Несторъ Игнатьичъ! Какъ я люблю вашу способность просто разъяснять вещи! Еслибъ вы давно были со мной, какъ бы много я знала!

— Я, Дарья Михайловна, не принимаю это на свой счетъ. Я знаю одно то, что я ничего не знаю, а суда людского такъ просто-таки терпѣть не могу. Не вѣрю ему.

— Да, говорите-ка не знаете! Нѣтъ, большое спасибо вамъ, что вы со мной поѣхали. Здѣсь васъ у меня никто не отнимаетъ: ни Анна, ни газета, ни Илья Макарычъ. Тутъ вы мой крѣпостной. Правда?

— Да, ужь если вы сказали такъ, то разумѣется—правда. Иначе жь вѣдь быть не можетъ! отвѣчалъ шутя Долинскій.

— Ну, да, еще бы! Конечно, такъ, отвѣчала живо и торопясь Дора и сейчасъ же добавила.—А вотъ, хотите, я вамъ задамъ одинъ такой вопросъ, на который вы мнѣ, пожалуй, и не отвѣтите?

— Это еще, Дарья Михайловна, будетъ видно.

— Только смотрите мнѣ прямо въ глаза. Я хочу видѣть, что̀ вы подумаете, прежде чѣмъ скажете.

— Извольте.

— А что...

— Что?

— Эхъ, нетерпѣніе! Ну, отгадывайте, что̀?

— Не магъ и не волшебникъ.

— Что, еслибъ я сказала вамъ вдругъ самую ужасную вещь?

— Не удивился бы ни крошки.

Даша серьёзно сдвинула бровки и тихо проговорила:

— Нѣтъ, я прошу васъ не шутить, а говорить со мной серьёзно. Смотрите на меня прямо!

Она пронзительно уставила свои глаза въ глаза Долинскаго и медленно съ разстановками произнесла: ч-т-о, е-с-л-и-б-ы я в а-с-ъ п-о-л-ю-б-и-л-а?

Долинскій вздрогнулъ, и быстро выпустивъ изъ своей руки ручку Даши, отвѣтилъ смущеннымъ голосомъ:

Digitized by Google

— Виноватъ, проспорилъ. Можно дѣйствительно поручиться, что такого вздора ни за что не выдумаешь, какой вы иногда скажете.

Даша тоже смутилась. Она просто испугалась движенія, сдѣланнаго Долинскимъ и, принявъ свою руку, сказала:

— Чего вы! Я вѣдь такъ говорю, что вздумается.

Она была очень встревожена и проговорила эти слова, какъ обыкновенно говорятъ люди, вдругъ спохватясь, что они сдѣлали самый опрометчивый вопросъ.

— Пойдемте домой. Мы сегодня засидѣлись; сыро теперь, сказалъ нѣсколько сухимъ, гувернерскимъ тономъ, вмѣсто отвѣта, Долинскій.

Даша встала и пошла молча. Дорогою они не сказали другъ другу ни слова.

IX.

Съ другой стороны.

— Покажите мнѣ ваши башмаки, началъ Несторъ Игнатьичъ, когда, возвратясь, они присѣли на минутку въ своемъ зальцѣ.

— Это зачѣмъ? спросила серьёзно Даша.

— Покажите.

Даша нетерпѣливо сняла ногою башмакъ съ другой ноги, и не сказавъ ни слова, выбросила его изъ-подъ платья. Тонкій лѣтній башмакъ былъ сырехонекъ. Долинскій взглянулъ на подошву, взялъ шляпу и вышелъ прежде, чѣмъ Дора успѣла его о чемъ-нибудь спросить.

Съ выходомъ Долинскаго она не перемѣнила ни мѣста, ни положенія, и опустивъ глаза, тихо смотрѣла на свои покоившіяся на колѣняхъ ручки.

Прошло около четверти часа прежде чѣмъ Долинскій вернулся съ склянкой спирта и ласково сказалъ:

— Ложитесь спать, Даша.

— Что это вы принесли?

— Спиртъ. Я его сейчасъ согрѣю, а вы имъ вытрите себѣ ноги.

— Для чего это?

— Такъ. Потому вытрите, что это такъ нужно.

— Да чего вы боитесь?

— Самой простой штуки, вашего милаго здоровья.

— Господи! «Въ какомъ все строгомъ чинѣ!» сказала, презри-

Digitized by Google

тельно подернувъ плечами, Дора, слегка вспыхнула и, сдѣлавъ недовольную гримаску, пошла въ свою комнату.

Долинскій присѣлъ къ столику съ какимъ-то особеннымъ тщаніемъ и серьёзностью, согрѣлъ на кофейной канфоркѣ спиртъ, смѣшалъ его съ уксусомъ, попробовалъ эту смѣсь на языкъ, и постучался въ дашины двери. Отвѣта не было. Онъ постучался въ другой разъ — отвѣта тоже нѣтъ. «Даша? кликнулъ онъ:—Дора! Дорушка!» За дверями послышался звонкій хохотъ. Долинскій подумалъ, что съ Дашей истерика и отворилъ ея двери. Дорушка была въ постели. Укутавшись по самую шею одѣяломъ, она весело смѣялась надъ тревогою Долинскаго.

Долинскій надулся.

— Разотрите себѣ ноги, сказалъ онъ, подавая ей согрѣтый имъ спиртъ.

— Не стану.

— Дорушка!

— Не стану, не стану и не стану! Не хочу! ну, вотъ не хочу!

И она опять разсмѣялась.

Долинскій поставилъ чашку со спиртомъ на столикъ у кровати и пошелъ къ двери; но тотчасъ же вернулся снова.

— Дорушка! ну, прошу васъ ради-бога, ради вашей сестры, не дурачтесь.

— А вы не смѣйте дуться.

— Да я вовсе не дулся.

— Дулись.

— Ну, простите Дора, только растирайте скорѣе свои ноги,— не остылъ бы спиртъ.

— Попросите хорошенько!

— Я васъ прошу.

— На колѣни станьте.

— Дорушка, не мучьте меня.

— А-га! «не мучьте меня», произнесла Даша, передразнивая Нестора Игнатьича, и протянула къ нему сложенную горстью руку.

Долинскій наливалъ Дашѣ на руку спиртъ, а она растирала себѣ подъ одѣяломъ ноги и морщилась, говоря: «какую вы это скверность купили.»

— Гдѣ у васъ шерстяные чулки? спросилъ Долинскій.

— Нѣтъ у меня шерстяныхъ чулокъ.

— Господи! да что вы, въ самомъ дѣлѣ, дитя пятилѣтнее, что ли? воскликнулъ съ досадою Долинскій.

Digitized by Google

— Въ комодѣ вонъ тамъ, сухо отвѣчала на прежній вопросъ Дора.

Долинскій взялъ ключи и рылся, отыскивая чулки.

— Точно нянька! и то самая гадкая — надоѣдливая, говорила смѣясь и глядя на него Даша.

Долинскій досталъ также изъ комода пушистый плэдъ и одѣлъ имъ ноги Доры.

— Еще чего не найдете ли! спросила она, продолжая надъ нимъ подтрунивать.

— Вы не храбритесь, отвѣчалъ Долинскій: — а лучше спите хорошенько, и пошелъ къ двери.

— Несторъ Игнатьичъ! крикнула Даша.

— Что̀ вамъ угодно?

— Что жь это за невѣжество!

— Что̀ такое?

— Ужь вы нынче и не прощаетесь со мной?

— Виноватъ. Вы, право, такъ безпощадно тревожите меня вашими сумасбродствами, Дора.

— А вы все это ото всѣхъ пощады вымаливаете?

— Ну, пожалуйте же вашу ручку.

— Не надо, отвѣчала Даша и обернулась къ стѣнѣ.

— И тутъ капризъ!

— Вездѣ, да, вездѣ капризъ! на каждомъ шагу будетъ капризъ— потому, что вы мнѣ совсѣмъ надоѣли съ своимъ гувернерствомъ.

Ночь Даша провела очень спокойно, сны только ей странные все снились; а Долинскій не ложился вовсе. Онъ нѣсколько разъ подходилъ ночью къ дашиной комнатѣ и все слушалъ, какъ она дышетъ. Утромъ Даша чувствовала себя хорошо; написала сестрѣ письмо, въ которомъ подтрунивала она надъ безпокойствомъ Долинскаго и нарисовала съ краю письма карикатурку, изображающую его въ повязкѣ, какія носятъ русскія няньки. Но къ вечеру она почувствовала необыкновенную усталость и легла въ постель ранѣе обыкновеннаго. Ночью спала неспокойно, а къ утру начала покашливать. Долинскій страшно перепугался этого кашля и побѣжалъ за докторомъ. Докторъ нашелъ вообще, что у Даши очень незначительная простуда, но что кашель очень неблагопріятная вещь при ея здоровьѣ; прописалъ ей лекарство и уѣхалъ. Днемъ Даша была покойна, но все супилась и упорно молчала, а къ вечеру у нея появился жаръ. Даша сдѣлалась говорлива и тревожна. То она, какъ любознательный ребёнокъ, приста-

Digitized by Google

вала къ Долинскому съ самыми обыкновенными и незначущими вопросами; требовала у него разъясненія самыхъ простыхъ, конечно ей самой хорошо извѣстныхъ вещей; то вдругъ рѣзко перемѣняла тонъ и начинала придираться и говорить съ нимъ свысока.

— Вы на меня не сердитесь, голубчикъ Несторъ Игнатьичъ, что я капризничаю? спрашивала она Долинскаго.

— Нисколько.

— Отчего жь вы нисколько на меня не сердитесь?

— Да такъ, не сержусь.

— Да вѣдь я несносно, должно быть, капризничаю?

— Ну, что жь дѣлать?

— Я бы не вытерпѣла, еслибы кто такъ со мною капризничалъ.

— На то вы женщина.

Дорушка помолчала съ минуту и, кусая губки, проговорила глухимъ голосомъ:

— Очень вы всѣ много знаете о женщинахъ!

— Нѣкоторые знаютъ довольно.

— Никто ничего не знаетъ, отвѣчала Дора, рѣзко и съ сердцемъ.

— Ну, прекрасно, ну, никто ничего не знаетъ, только не сердитесь, пожалуйста.

— Вотъ! Стану я еще сердиться! продолжала вспыльчиво Дора. — Мнѣ нечего сердиться. Я знаю, что всѣ врутъ, и только. Тотъ такъ, тотъ этакъ, а умнаго слова ни одинъ не скажетъ.

— Это правда, отвѣчалъ примирительно Долинскій.

— Правда! А если я скажу, что я сестра луны и дочь солнца. Это тоже будетъ правда?

Даша повернулась къ стѣнѣ и замолчала.

Долинскій пригласилъ-было ночевать къ ней m-me Бюжаръ, но Даша въ десять часовъ отпустила старуху, сказавъ, что ей надоѣла французская пустая болтовня. Долинскій не противорѣчилъ. Онъ сѣлъ въ кресло у двери дашиной комнаты и читалъ, безпрестанно поднимая голову отъ книги и прислушиваясь къ каждому движенію больной.

— Несторъ Игнатьичъ! тихо покликала его Даша, часу во второмъ ночи.

Онъ всталъ и подошелъ къ ней.

— Вы еще не спали? спросила она.

— Нѣтъ, я еще читалъ.

Digitized by Google

— Который часъ?

— Около двухъ часовъ, кажется.

Даша покачала головой и съ ласковымъ упрекомъ сказала:

— Зачѣмъ вы себя попусту морите?

— Я зачитался немножко.

— Что же вы читали?

— Такъ, пустяки.

— Охота жь читать пустяки! Садитесь лучше здѣсь на кресло возлѣ меня; по крайней-мѣрѣ будемъ скучать вмѣстѣ.

Долинскій молча сѣлъ на кресло.

— Я все сны какіе-то видѣла, начала зѣвнувъ Даша.—Петербургъ, Анну, васъ, и вдругъ скучно что-то сдѣлалось.

— Скоро вернемся, Дорушка; не скучайте.

Даша промолчала.

— Дайте мнѣ вашу руку, сказала она, когда Долинскій сѣлъ на кресло у ея изголовья.—Вотъ такъ веселѣе все-таки; а то страшно какъ-то, какъ будто въ могилѣ я, никого близкаго нѣтъ со мной.

— Вы хандрите, Дорушка.

— А хандра развѣ не страданье?

— Ну, разумѣется, страданье.

— То-то. Это вѣдь люди все повыдумывали: вымышленное горе, ложный страхъ, ложный стыдъ; а кому горько, или кому стыдно, такъ все равно что отъ ложнаго, что отъ настоящаго горя—все равно. Кто знаетъ, что у кого ложное? философствовала Даша и уснула, держа Долинскаго за руку. Такъ она проспала до утра, а онъ не спалъ опять и много передумалъ. Передъ нимъ прошла снова вся его разбитая жизнь, предъ нимъ стояла тихая, кроткая Анна, передъ которою онъ благоговѣлъ, возлѣ которой онъ успокоился, ожилъ, какъ-бы вновь на свѣтъ народился. А теперь Даша. Ея странные намеки, ея порывы, которыхъ она не можетъ сдержать, или... не хочетъ даже сдерживать! Потомъ ему казалось, что Даша всегда была такая, что она просто по обыкновенію своему шалитъ, играетъ своими странными вопросами, и ничего болѣе. Думалъ онъ уѣхать и нашелъ, что это было-бы очень странно и даже просто невозможно, пока Даша еще не совсѣмъ укрѣпилась.

Утромъ у Даши [illegible] день цѣлый она провела [illegible] ея пришло опять въ [illegible] Съ вечера ей не спалось.

Digitized by Google

— Безсонница меня мучаетъ, говорила она, метаясь по подушкѣ.

— Какая безсонница! Вы просто выспались днемъ, отвѣчалъ Долинскій. — Хотите, я вамъ почитаю такую книгу, что сейчасъ усните?

— Хочу, отвѣчала Даша.

Долинскій принесъ утомительно скучный французскій формулярный списокъ Жюля Жерара.

— Покажите, сказала Даша. Она взглянула на заглавіе и улыбнувшись проговорила: — львы—хорошія животныя—читайте.

Книга сдѣлала свое дѣло. Даша заснула. Долинскій положилъ книгу. Свѣча горѣла подъ зеленымъ абажуромъ и слабо освѣщала оригинальную головку Доры... «Боже! какъ она хороша» подумалъ Долинскій, а что-то подсказывало ему: «а какъ умна, какъ добра! Какъ честна и тебя любитъ!»

Сонъ одолѣвалъ Нестора Игнатьевича. Три ночи, проведенныя имъ въ тревогѣ, утомили его. Долинскій не пошелъ въ свою комнату, боясь, что Дашѣ что нибудь понадобится и она его не докличется. Онъ сѣлъ на коврикъ въ ногахъ ея кровати, и прислонясь головою къ матрацу, заснулъ въ такомъ положеніи какъ убитый.

Къ утру Долинскаго начали тревожить странныя сновидѣнія: степь Сахара жгучая, верблюды съ своими овечьими мордочками на журавлиныхъ шеяхъ, звѣриное рычаніе и щупленькій Жюль Жераръ съ сержантдевильской бородкой. Все это какъ-то такъ переставлялось, перетасовывалось, что ничего не выходитъ яснаго и опредѣленнаго. Вдругъ рѣка бѣжитъ, широкая, сердитая, на ея берегахъ лежатъ огромные крокодилы: «это должно быть Нилъ», думаетъ Долинскій. Издали показалась крошечная лодочка и кто-то поетъ:

Охъ ты Днѣпръ ли мой широкій!
Ты кормилецъ нашъ родной!

На лодочкѣ двѣ человѣческія фигуры, покрытыя длинными бѣлыми вуалями.

«Плыветъ лодка, а въ ней два пассажира; котораго спасти, котораго утопить?» спрашиваетъ Долинскаго самый большой крокодилъ.

— Какая чепуха! думаетъ Долинскій.

— Нѣтъ, любезный, это не чепуха, говоритъ крокодилъ: — а ты выбирай, потому что мы съ тобой въ фанты играемъ.

— Ну, смотри-же, продолжаетъ крокодилъ: — разъ, два! Онъ

Digitized by Google

взмахнулъ хвостомъ, лодочка исчезла въ бѣлыхъ брызгахъ и на волнахъ показалась тонущая Анна Михайловна.

«Это мой фантъ, твой въ лодкѣ», говоритъ чудовище. Разсѣялись брызги, лодочка снова чуть качается на одномъ мѣстѣ, и въ ней сидитъ Дора. Покрывало спало съ ея золотистой головки, лицо ея блѣдно, очи замкнуты: она мертвая.

«Это твой фантъ», внятно говоритъ изъ берегового тростника крокодилъ, и всѣ крокодилы стонутъ, такъ жалобно стонутъ.

Долинскій проснулся. Было уже восемь часовъ. Прежде чѣмъ успѣлъ онъ поднять голову, онъ увидѣлъ предъ своимъ лицомъ лежавшую ручку Даши. «Непріятный сонъ», подумалъ Долинскій, и съ особымъ удовольствіемъ посмотрѣлъ на ручку Доры, облитую слабымъ свѣтомъ, проходившимъ сквозь шелковую зеленую занавѣску окна. Привставъ, онъ тихонько наклонился и поцаловалъ эту руку, какъ цаловалъ ее часто по праву дружбы, и вдругъ ему показалось, что этотъ поцалуй былъ чѣмъ-то совсѣмъ инымъ. Нестору Игнатьевичу почудилось, что дашина рука, привыкшая къ его поцалуямъ, на этотъ разъ какъ будто вздрогнула и отдернулась отъ его устъ. Онъ посмотрѣлъ на Дашу: она лежала съ закрытыми глазами, и роскошные волосы, выбившись изъ-подъ упавшаго на подушку чепца, красною сѣтью раскинулись по бѣлой наволочкѣ. Долинскій тихонько приложилъ руку ко лбу Доры. Въ головѣ не было жара. Потомъ онъ хотѣлъ послушать, какъ она дышетъ, нагнулся къ ея лицу и почувствовалъ, что у него кружится голова и уста предательски клонятся къ устамъ.

Долинскій быстро отбросилъ свою голову отъ изголовья Доры, и поспѣшно вышелъ за двери.

Еслибъ оконная занавѣска не была опущена, то Долинскому нетрудно было бы замѣтить, что Даша покраснѣла до ушей, и на лицѣ ея мелькнула счастливая улыбка. Чуть только онъ вышелъ за двери, Дора быстро поднялась съ изголовья, взглянула на дверь, и еще разъ улыбнувшись, опять положила голову на подушку. Вмѣсто выступившаго на минуту по всему ея лицу яркаго румянца, оно вдругъ покрылось мертвою блѣдностью.

X.

Умъ свое, а чортъ свое.

Даша къ обѣду встала. Она была смущена, и избѣгала взглядовъ Долинскаго; онъ тоже мало глядѣлъ на нее, и говорилъ немного.

Digitized by Google

— Мнѣ теперь совсѣмъ хорошо. Не ѣхать ли намъ въ Россію? сказала она послѣ обѣда.

— Какъ хотите. Спросимте доктора.

Даша рѣшила въ своей головѣ ѣхать, каковъ бы ни былъ докторскій отвѣтъ, и чтобъ приготовить сестру къ своему скорому возвращенію, написала ей въ тотъ же день, что она совсѣмъ здорова. Гулять они вовсе эти дни не ходили, и объявили m-me Бюжаръ, что черезъ недѣлю уѣзжаютъ изъ Ниццы. Даша то суетливо укладывалась, то вдругъ садилась надъ чемоданомъ и, положивъ одну вещь, смотрѣла на нее безмолвно по цѣлымъ часамъ. Долинскій былъ гораздо покойнѣе, и видно было, что онъ искренно радовался отъѣзду въ Петербургъ. Онъ страдалъ за себя, за Дашу и за Анну Михайловну.

— Тихо, спокойно все это надо выдержать, и все это пройдетъ, разсуждалъ онъ, медленно расхаживая по своей комнаткѣ, въ ожиданіи дашинаго вставанья.—А когда пройдетъ, то... Боже! гдѣ же это спокойное, хорошее чувство? Теперь спи моя душа снова, ничего теперь у тебя нѣтъ опять; а лгать я... не могу; не стану.

— Два дня всего намъ остается быть въ Ниццѣ, сказала одинъ разъ Даша:—пойдемте сегодня, простимся съ нашимъ холмомъ и съ моремъ.

Долинскій согласился.

— Только надо раньше идти, чтобъ опять сырость не захватила, сказалъ онъ.

— Пойдемте сейчасъ.

Былъ восьмой часъ вечера. Угасалъ день очень жаркій. Дорушка не надѣла шляпы, а только взяла зонтикъ, покрылась вуалью, и они пошли.

— Ну-съ, сядемте здѣсь, сказала она, когда они пришли на мѣсто своихъ обыкновенныхъ надбережныхъ бесѣдъ.

Сѣли. Даша молчала и Долинскій тоже. Въ послѣдніе дни, они какъ будто разучились говорить другъ съ другомъ.

— Жарко, сказала Даша. — Солнце садится, а все жарко.

— Да, жарко.

И опять замолчали.

— Неба этого не забудешь.

— Хорошее небо.

— Положите мнѣ, пожалуйста, ваше пальто, я на немъ прилягу.

Digitized by Google

Долинскій бросилъ на траву свое пальто; Даша легла на немъ, и стала глядѣть въ сапфирное небо.

Опять началось молчаніе. Даша, кажется, устала глядѣть вверхъ, и небрежно играла своими волосами, съ которыхъ сняла сѣтку вмѣстѣ съ вуалью. Перекинувъ густую прядь волосъ черезъ свою ладонь, она смотрѣла сквозь нихъ на опускавшееся солнце. Красные лучи, пронизывая золотистые волосы Доры, дѣлали ихъ еще краснѣе.

— Смотрите, сказала она, заслонивъ волосами лицо Долинскаго:—я точно, какъ говорятъ наши дѣвушки: «халдей опаляющій». Надо жь, чтобъ у меня были такіе волосы, какихъ нѣтъ у добрыхъ людей. Вотъ еслибы у васъ были такіе волосы, прибавила она, приложивъ къ его виску прядь своихъ волосъ:—преуморительный былъ бы.

— Рыжій чортъ, сказалъ смѣясь Долинскій.

Даша отбросила свои волосы отъ его лица, и проговорила:

— Да вы таки и чортъ какой-то.

Долинскій сидѣлъ смирнехонько, и ничего не отвѣтилъ; Дора молча смотрѣла въ сторону, и рѣзко повернувшись лицомъ къ Долинскому, спросила:

— Несторъ Игнатьичъ! а что̀ вамъ говорятъ теперь ваши предчувствія? успокоились они, или нѣтъ?

— Это всегда остается однимъ и тѣмъ же.

— Ай, какъ это дурно!

— Что̀ это васъ такъ бо̀ходитъ?

— Да такъ, я тоже начинаю вѣрить въ предчувствія; боюсь за васъ, что вы, пожалуй, чего добраго, не доѣдете до Петербурга.

— Ну, этого-то, полагаю, не случится.

— Почемъ знать! Олегова змѣя дождалась его въ лошадиномъ черепѣ: такъ, можетъ быть, и ваша откуда-нибудь вдругъ выползетъ.

— Буду уходить.

— Хорошо, какъ успѣете! Вы помните, какъ змѣи смотрятъ на зайцевъ? Тѣ, можетъ быть, и хотѣли бы уйдти, да не могутъ.— А скажите, пожалуйста, кстати: правда это, что зайца можно выучить барабанить?

— Правда; я самъ видѣлъ, какъ заяцъ барабанилъ.

— Будто! будто вы это сами видѣли! спросила Дорушка съ явной насмѣшкой.

Digitized by Google

— Да, самъ видѣлъ, и это гораздо менѣе удивительно, чѣмъ то, что вы теперь безъ всякой причины злитесь и придираетесь.

— Нѣтъ, мнѣ только смѣшно, что вы меня такъ серьёзно увѣряете, что зайцы могутъ бить на барабанѣ, тогда какъ я знаю зайца, который умѣлъ алгебру дѣлать. Ну-съ; чей же замѣчательнѣе? окончила она, пристально взглянувъ на Долинскаго.

— Вашъ, безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ Несторъ Игнатьичъ.

— Вы такъ думаете, или вы это навѣрно знаете?

— Дарья Михайловна, ну, что̀ за смѣшной разговоръ такой между нами!

Даша страшно поблѣднѣла: глаза ея загорѣлись своимъ грознымъ блескомъ; она еще пристальнѣе вперила свой взглядъ въ глаза Долинскаго, и медленно, съ разстановкою за каждымъ словомъ, проговорила:

— Когда *А* любитъ *Б*, а *Б* любитъ *С*, и *С* любитъ *Б*, что̀ этому *С* дѣлать?

У Долинскаго вдругъ похолонуло въ сердцѣ.

— Отвѣчайте же? Вѣдь это вы мнѣ эту алгебру-то натолковали, сказала еще болѣе сердито Дора.

Несторъ Игнатьевичъ совсѣмъ не зналъ, что̀ сказать...

«Вотъ оно! вотъ оно мое воспитаніе-то! Вотъ онъ мой характеръ-то! — Ничего не умѣю сдѣлать во время; ни въ чемъ не могу найдтись!» размышлялъ онъ, ломая пальцы, но на выручку его не являлось никакой случайности, никакой счастливой мысли.

— *А* любитъ *Д*, и *Д* любитъ *А*! *Б* любитъ *А*, но *А* уже не любитъ этого *Б*, потому-что онъ любитъ *Д*. Что̀ же теперь дѣлать? Что̀ теперь дѣлать?

Дора нервно дернулась, и еще раздраженнѣе крикнула:

— Что̀, вы глухи, или глупы стали?

— Глупъ, вѣрно, уронилъ Долинскій.

— Ну, такъ поймите же безъ обиняковъ: *я васъ люблю*.

— Дора! вскрикнулъ Долинскій, и закрылъ лицо руками.

— Слушай же далѣе, продолжала серьёзно Дора:—ты самъ меня любишь, и ее ты не будешь любить, ты не можешь ее любить, пока я живу на свѣтѣ!... Чего жь ты молчишь? Развѣ это сегодня только сдѣлалось! Мы страдаемъ всѣ трое — хочешь, будемъ счастливы двое? Ну...

Долинскій, не отрывая рукъ отъ глазъ, уныло качалъ головою.

— Я вѣдь видѣла, какъ ты хотѣлъ цаловать мое лицо, про-

Digitized by Google

говорила Дора, поворачивая къ себѣ за плечо Долинскаго:—ну, вотъ оно—цалуй его: *я люблю тебя*.

— Дора, Дора, что̀ вы со мной дѣлаете? шепталъ Долинскій, еще крѣпче прижимая къ лицу свои ладони.

Дорушка не проронила ни слова, но Долинскій почувствовалъ на своихъ плечахъ обѣ ея руки и ея теплое дыханіе у своего лба.

— Дора, пощадите меня, пощадите! это выше силъ человѣческихъ, выговорилъ задыхаясь Долинскій.

— Незачѣмъ! страстно произнесла Дора, и сильно оторвавъ руки Долинскаго, жарко поцаловала его въ губы.

— Любишь? спросила она, откинувъ немножко свою голову.

— Ну, будто вы не видите! робко отвѣчалъ Долинскій, трепетно наклоняя свое лицо къ рукѣ Доры.

Даша тихонько отодвинула его отъ себя, и глядя ему прямо въ глаза, проговорила:

— А Аня!

Долинскій молчалъ.

— Долинскій, а что же Аня?

— Вы надо мной издѣваетесь, проронилъ блѣднѣя Долинскій.

— *Она тебя такъ любитъ*.

— О, Боже мой, какія злыя шутки!

— *А я люблю тебя еще больше*, досказала Дора. — Я люблю тебя, какъ никто не любитъ на свѣтѣ; я люблю тебя, какъ сумасшедшая, какъ бѣшеная!

Дора неистово обхватила его голову и впилась въ него безконечнымъ поцалуемъ.

— Небо... небеса спускаются на землю! шептала она, сгарая подъ поцалуями.

Лепетъ прерывалъ поцалуи, поцалуи прерывали лепетъ. Головы горѣли и туманились; сердца замирали въ сладкомъ томленьѣ, а песочные часы Сатурна пересыпались обыкновеннымъ порядкомъ, и ночь раскинула надъ усталой землей свое прохладное одѣяло. Давно пора было идти домой.

— Боже, какъ уже поздно! сказалъ Долинскій.

— Пойдемъ, тихо отвѣчала Даша.

Они встали и пошли: Даша шла облокачиваясь на руку Долинскаго, онъ шагалъ уныло и нерѣшительно.

— Постой! сказала Даша.

— Что̀ вы хотите?

— Устала я. Ноги у меня гнутся.

Digitized by Google

Они постояли молча и еще тише пошли далѣе.

На землѣ была тихая ночь; въ бальзамическомъ воздухѣ носилось какое-то животворное вѣяніе и круглыя звѣзды миріадами смотрѣли съ темно-синаго неба. Съ надбережнаго дерева неслышно снялись двѣ какія-то большія птицы, исчезли на мгновеніе въ черной тѣни скалы и рядомъ потянули надъ тихо-колеблющимся заливцомъ, а въ открытое окно изъ ярко-освѣщенной виллы бояръ Онучиныхъ, неслися стройные звуки согласнаго дуэта.

M-me Бюжаръ на другой день долго ожидала, пока ее позовутъ постояльцы. Она нѣсколько разъ выглядывала изъ своего окна на окно Доры, но окно это попрежнему все оставалось задернутымъ густою зеленою занавѣскою.

Даша встала въ одинадцать часовъ и одѣлась сама, не покликавъ m-me Бюжаръ вовсе. На Дорѣ было вчерашнее ея бѣлое кисейное платье, подпоясанное широкою коричневою лентою. Къ ней очень шелъ этотъ простой и легкій нарядъ.

Долинскій проснулся очень давно и упорно держался своей комнаты. Въ то время, когда Даша, одѣвшись, вышла въ зальце, онъ неподвижно сидѣлъ за столомъ, тяжело опустивъ голову на сложенныя руки. Красивое и блѣдное лицо его выражало совершенную душевную немощь и страшную тревогу.

— Гнусный я, гнусный и ничтожный человѣкъ! повторялъ себѣ Долинскій, тоскливо и робко оглядываясь по комнатѣ!

«Боже! Кажется, я заболѣю», подумалъ онъ нѣсколько радостнѣе, взглянувъ на свои трясущіяся отъ внутренней дрожи руки. «Боже! еслибъ смерть! Еслибъ не видѣть и не понимать ничего, что̀ такое дѣлается».

Въ залѣ послышались легкіе шаги и тихій шорохъ дашинаго платья.

Долинскій вздрогнулъ, какъ вздрагиваетъ человѣкъ, получающій въ грудь острый уколъ тонкой шпаги; поблѣднѣлъ какъ полотно и быстро вскочилъ на ноги. Глаза его остановились на двери съ выраженіемъ неописуемой муки, ужаса и мольбы.

Въ дверяхъ, тихо, какъ появляются фигуры въ зеркалѣ, появилась воздушная фигура Доры.

Даша спокойно остановилась на порогѣ и пристально посмотрѣла на Долинскаго. Лицо Доры было еще живѣе и прекраснѣе, чѣмъ обыкновенно.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія.

Digitized by Google

— Поди же ко мнѣ! позвала съ покойной улыбкой Дора.

— Я сейчасъ, отвѣчалъ Долинскій, оправляясь и отодвигая ногою свое кресло.

. . . . . .

. . . . . .

Вечеромъ въ этотъ день Даша въ первый разъ была одна. Въ первый разъ за все время Долинскій оставилъ ее одну надолго. Онъ куда-то совершенно незамѣтно вышелъ изъ дома тотчасъ послѣ обѣда и запропастился. Спустился вечеръ и угасъ вечеръ, и темная, теплая и благоуханная ночь настала, и въ воздухѣ запахло спящими розами, а Долинскій все не возвращался. Дору это, впрочемъ, повидимому, совсѣмъ не безпокоило; она проходила часовъ до двѣнадцати по цвѣтнику, въ которомъ стоялъ домикъ, и потомъ пришла къ себѣ и легла въ постель.

Темная ночь эта застала Долинскаго далеко отъ дома, но въ совершенной физической безопасности. Онъ очень далеко забрелъ скалистымъ берегомъ моря, и стоя надъ обрывомъ, какъ береговой воронъ, остро смотрѣлъ въ черную даль и добивался у рокочущаго моря отвѣта: неужто же я самъ хотѣлъ этого? неужто ужь ни клятвъ, ни обѣщаній ненарушимыхъ больше нѣтъ?

М. Стевницкій.

Digitized by Google

ПРОФЕССОРЫ ФИЛОСОФІИ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНІИ.

I.

ФИХТЕ-МЛАДШІЙ.

Послѣ Гегеля, какъ думаютъ вѣрнѣйшіе изъ его приверженцевъ, остановилась производительность философской мысли: она уступила мѣсто развитію другихъ человѣческихъ интересовъ. Аргументъ приводится, между прочимъ, такой: Шеллингъ и Гегель въ своихъ философемахъ дошли до тѣхъ вершинъ человѣческой мысли, дальше которыхъ пойти можно развѣ только тогда, когда какія нибудь чрезвычайныя новыя открытія произведутъ коренную реформу въ области мысли, или когда будетъ изжито, переведено въ плоть и кровь содержаніе этихъ философемъ — а это не такъ-то легко сдѣлать, потому что содержаніе ихъ тамъ же всеобъемлюще, какъ сама жизнь. Въ этихъ пристрастныхъ отзывахъ почитателей берлинскаго философа кроется только одна вѣрная мысль, но и эта мысль говоритъ далеко не въ пользу защищаемаго ими положенія. Объяснимся. Едва-ли не высшая заслуга геніальныхъ діалектиковъ состоитъ въ томъ, что они, какъ выражаются нѣмцы, поставили на твердую ногу понятіе «развитія» — понятіе, дѣйствительно столько же глубокое и всеобъемлющее, какъ сама жизнь. Но вѣдь отсюда прямой выводъ такой: границы, если можно такъ выразиться, указаны, слово найдено — остается наполнять содержаніемъ пространство между этими границами, а для этого нуженъ правильный методъ. Если онъ не найденъ, нужно сыскать его. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Производительность философской мысли вовсе не останавливалась: уничтожилась только былая централизація всего, сочувствующаго философіи, около одной или двухъ свѣтящихся точекъ, уничтожилось это робкое ожиданіе: «что-то скажетъ провозвѣстникъ исти-

Digitized by Google

ны?» Иначе и быть не можетъ. Теперь уже не такъ просто сдѣлаться философомъ въ собственномъ смыслѣ, или, лучше сказать, въ полномъ объемѣ этого слова, то-есть начертать систему міровой жизни, указать ей законы, по которымъ должно идти ея развитіе, и всему указать свое мѣсто въ этой системѣ. Философская мысль нашла, что этимъ путемъ можно, конечно, дойти до такихъ вершинъ, что голова закружится, но что потомъ опять-таки потребуется черновая, кропотливая работа—тщательное изученіе подробностей, да вдобавокъ эта работа покажется съ непривычки еще труднѣе. Впрочемъ, само собою понятно, что реакція въ пользу эмпирическаго направленія не обнимаетъ собою всего философствующаго міра. Геніальные діалектики, какъ и все геніальное, породили послѣдователей и популяризаторовъ. Въ философскомъ мірѣ до сихъ поръ дѣйствуютъ гегельянцы; одинъ изъ нихъ представилъ даже апоѳеозу гегельянизма въ своемъ объемистомъ и, надо сказать правду, мастерски-обработанномъ историко-философскомъ трудѣ. Право, иначе нельзя назвать «Исторію новой философіи» Куно-Фишера.

Вообще же философская мысль новѣйшаго времени образовала собою реакцію діалектико-идеалистическому направленію предшествовавшаго періода: вмѣсто прежняго стремленія къ идеальному истолкованію міровой жизни, она тяготѣетъ къ механическому объясненію всего существующаго. Тутъ мы видимъ Гербарта и его послѣдователей, стремящихся указать процесъ развитія однѣхъ психическихъ формъ изъ другихъ, простѣйшихъ, и указать законы, по которымъ происходитъ это развитіе; Бенеке, отвергавшаго методу Гербарта, но ставившаго ту же задачу для психологіи; Фехнера съ его психо-физикою; Фриза и Вундта, смѣло проповѣдующихъ психическій экспериментализмъ; атомиста Дроссбаха; Бастіана, приближающагося въ своей попыткѣ начертать психологію народовъ къ Фехнеру и Гербарту; видимъ чистыхъ матеріалистовъ—Ноака и Фейербаха, наконецъ Тренделенбурга, ратующаго противъ Гегеля уже на логическомъ полѣ. При всѣхъ своихъ разнорѣчіяхъ, всѣ эти писатели стоятъ въ прямой противоположности къ школѣ Гегеля. Эпиграфомъ ко всѣмъ ихъ трудамъ можно поставить одни и тѣ же слова Фортлаге, только съ небольшими варіаціями: «психологія только тогда достигнетъ настоящаго успѣха, когда она ограничится анализомъ и объясненіемъ процесовъ, предлежащихъ внутреннему чувству или непосредственному воспріятію сознанія, и совершенно оставитъ преждевременные вопросы о сущности души» (System der Psychologie. Vorrede). Полной философской системы, говорятъ всѣ они, отъ насъ не жди. Мы чернорабочіе, твердо держащіеся прин-

Digitized by Google

ципа раздѣленія труда. А что касается подобной системы, то она «покамѣстъ еще невозможна, и попытка построить ее должна быть отложена, покуда не представится достаточное количество наблюденій и вѣрныхъ заключеній изъ всѣхъ сферъ человѣческаго знанія» (Теорія Дарвина въ приложеніи къ наукѣ о языкѣ. Авг. Шлейхера). Какой контрастъ съ гегельянцами, для которыхъ анализъ психической жизни, отысканіе законовъ ея были дѣломъ второстепенной важности, которые поставляли всю суть дѣла прямо въ открытіи мірового смысла психической жизни, въ открытіи значенія, какое имѣетъ душа, какъ одно изъ звѣньевъ безконечной цѣпи живыхъ существъ, въ открытіи сущности души an und für sich! Очевидно, что это—два лагеря, строго слѣдующіе завѣщанію Шиллера:

Будьте враждебны другъ другу:—
Только отдѣльно ища, истину сыщете вы.

Посредниками между этими двумя враждующими лагерями въ разной степени можно назвать: Фортлаге, Лотце и, наконецъ, Германа Фихте. Само собою разумѣется, что всѣхъ ихъ обвиняютъ въ эклектизмѣ, въ натяжкахъ и проч. Въ какой степени справедливы эти обвиненія—предоставляемъ судить читателямъ, которые изъ настоящей статьи познакомятся съ нейтрализаторскою попыткою глубоко-искренняго и симпатичнаго Германа Фихте.

Въ наше время, въ большинствѣ мыслителей, философія все еще представляетъ зрѣлище вѣковой борьбы двухъ особенно рѣзко выдающихся въ ея исторіи направленій: идеализма и матеріализма. Съ обыкновеннымъ практическимъ взглядомъ на дѣло, можно бы подумать, что философія видимо отживаетъ свой вѣкъ: за раздѣленіемъ, несогласіемъ и усиленной, продолжительной борьбою всегда слѣдуетъ безсиліе и истощеніе. Мыслители той и другой стороны, какъ и всегда бываетъ съ соперничествующими партіями, едва-ли не менѣе заботятся о доводахъ въ защиту и оправданіе своихъ положеній, чѣмъ о рѣшительномъ низложеніи мнѣній партіи противоположной. Съ тѣхъ поръ, какъ критика отвергла въ дѣлѣ философскаго мышленія почти всякое значеніе здравыхъ понятій, общечеловѣческаго смысла (sensus communis), какъ обыденныхъ, житейскихъ, вовсе ненаучныхъ представленій и понятій; съ тѣхъ поръ, какъ новѣйшій идеализмъ вышелъ изъ-подъ этой благодѣтельной опеки, составилъ свою логику, и ушелъ съ нею въ заоблачныя сферы развиваться на свободѣ — непроходимая

Digitized by Google

бездна открылась между спорящими сторонами, и исчезла всякая надежда мирной сдѣлки между ними. Наконецъ, воздухоплавателю стало не подъ-силу оставаться въ своей сферѣ, онъ дошелъ до послѣднихъ предѣловъ возможности подниматься выше, и волей-неволей долженъ былъ опуститься въ міръ дѣйствительности, и стать наряду съ своимъ соперникомъ, презрѣннымъ для него, пресмыкающимся по землѣ, предъ одного общаго судью. Наглядный опытъ сталъ судьею спорнаго дѣла, какъ скоро абстракція потеряла довѣренность къ ней общества. При всемъ томъ, трудно однакоже представить, чтобы и при посредствѣ этого третейскаго судьи могъ когда-либо воцариться общій миръ — чтобы современемъ, когда науки эмпирическія и дадутъ на столько вѣрныхъ выводовъ и очевидныхъ истинъ, что тотъ или другой взглядъ на природу существующаго найдетъ средство достаточно выполнить свои пробѣлы, и выпутаться изъ собственныхъ противорѣчій — чтобы и тогда, тотъ или другой взглядъ могъ окончательно восторжествовать надъ мнѣніемъ стороны противоположной. Дѣло въ томъ, что всѣ науки эмпирическія, по своему внутреннему началу, стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ началами философіи. Предъ наблюдателемъ — безмолвная природа: что̀ онъ можетъ отъ нея узнать, когда не знаетъ, о чемъ можно ее спрашивать? Въ ея безконечно-разнообразныхъ явленіяхъ, по чему другому онъ можетъ преимущественно отличить одни явленія, оставивъ въ сторонѣ другія, если не по указанію начала философіи? Да и что̀ именно, какую сторону явленія возьметъ онъ во вниманіе безъ указанія теоріи? Какъ въ началѣ эти науки изошли изъ философіи, такъ и на высшей степени своего развитія онѣ существуютъ для нея, поддерживаясь ею. Съ этой точки зрѣнія, естественныя науки, въ своемъ внутреннемъ началѣ, въ своей внутренней связи могутъ имѣть столько же различій, сколько можетъ быть различныхъ взглядовъ на природу. Если теперь науки эти уклоняются отъ явнаго признанія въ своемъ началѣ опредѣленнаго принципа философскаго, исходя на самомъ дѣлѣ изъ принципа одной изъ спорящихъ сторонъ; если, поэтому, и вѣсъ ихъ свидѣтельства болѣе склоняется на сторону близкую къ нимъ и сродную по принципу — то это, очевидно, временный ихъ недостатокъ; развиваться изъ себя самихъ онѣ не могутъ, не утративъ своего достоинства — научнаго характера; настанетъ время, когда бо̀льшая любовь встрѣтитъ философію, и она сама построитъ множество системъ естествовѣдѣнія, столько же различныхъ, какъ различны основные взгляды направленій философіи. У каждаго взгляда философскаго тогда будутъ въ естественныхъ наукахъ свои сторонники, и каждый взглядъ равно будетъ на нихъ опи-

Digitized by Google

раться; какое угодно направленіе мышленія, безъ сомнѣнія, легко найдетъ себѣ оправданіе въ фактахъ естествознанія, имѣющаго въ основаніи одинъ и тотъ же принципъ съ его принципомъ. Но какъ повѣрять теорію опытомъ, понимаемымъ съ точки зрѣнія самой же этой теоріи, значило бы смотрѣть сквозь цвѣтное стекло на бѣлую бумагу и доказывать, что она окрашена цвѣтами, какъ это значило бы злоупотреблять довѣріемъ къ опыту для повѣрки имъ теоріи—то этимъ самымъ злоупотребленіемъ опыта уничтожилось бы всякое довѣріе его свидѣтельства къ подкрѣпленію воззрѣній философскихъ, и философія осталась бы одна сама съ собою, при своихъ абстрактныхъ понятіяхъ, въ совершенной разобщенности съ дѣйствительностью. Никогда болѣе не возсталъ бы уже, разъ на всегда павшій съ высоты своей идеализмъ; въ безвыходномъ положеніи навсегда остался бы матеріализмъ — и общество осталось бы безъ всякой философіи.

Съ такимъ взглядомъ на дѣло, можно бы дѣйствительно сожалѣть о несчастномъ положеніи философіи въ двойствѣ ея современныхъ началъ. Къ счастію, на самомъ дѣлѣ, ея положеніе не обѣщаетъ ничего подобнаго. Какъ общая сумма человѣческаго вѣдѣнія, философское знаніе существуетъ и при всѣхъ возможныхъ разладахъ мышленія; при самыхъ жаркихъ, повидимому никогда непримиримыхъ спорахъ, философія пріобрѣтаетъ уже долю истины, которая спорящими сторонами опредѣляется сама собою, какъ математическое, неизвѣстное по двумъ даннымъ — которая хотя и не высказывается ими, но время отъ времени опредѣляется точнѣе и точнѣе, находится какъ данная, наличная, хотя и незаявленная. Существо философіи есть вѣчное движеніе мысли человѣческой по направленію къ истинѣ; всѣ несогласныя и взаимно противоположныя направленія мышленія суть не что иное, какъ дѣйствующія силы, слагающіяся къ движенію человѣческаго знанія по пути къ истинѣ, и всѣ вмѣстѣ взятыя ведутъ къ одному и тому же результату. Относительное единство въ мышленіи, этотъ общій результатъ различныхъ направленій мышленія, есть только временная цѣль мышленія, послѣднее слово эпохи, которое необходимо потомъ оказывается недостаточно опредѣленнымъ, необходимо разнится въ своемъ пониманіи, и раздробляется въ выводахъ, что̀ именно и даетъ возможность новаго движенія мышленію. И чѣмъ зрѣлѣе становится это одновременное развитіе противоположныхъ направленій, тѣмъ скорѣе оно снова разрѣшается въ единство, какъ послѣднее слово философскаго мышленія въ данную эпоху. Мыслители, непосвятившіе себя исключительно убѣжденіямъ спорящихъ сторонъ, свободные и безпристрастные наблюдатели событій въ области мышленія, не упуская

Digitized by Google

изъ виду ошибокъ предшествующихъ мыслителей, на основаніи простаго естественнаго пониманія вещей, на основаніи простого здраваго смысла, строятъ собственное міросозерцаніе, примиряющее крайности воззрѣній, извлекая изъ нихъ все, что современнымъ развитіемъ умовъ признано за истинное; въ міросозерцаніи этихъ-то мыслителей сосредоточивается и живетъ философское знаніе, общій результатъ мышленія человѣческаго въ извѣстную эпоху, пока само это міросозерцаніе не станетъ жертвою новыхъ теорій, пока общее развитіе умовъ не оставитъ его взади за собою. Такое мѣсто въ философской литературѣ нашего времени занимаютъ труды Фихте-младшаго, поставившаго себѣ задачею примирить враждующія въ философіи воззрѣнія, высказать результатъ, котораго достигло въ наше время мышленіе, разоблачить предразсудки существующихъ воззрѣній, и на основаніи выработаннаго вѣками философской мысли создать новое міросозерцаніе.

Конечно, не всякое движеніе мышленія есть уже прямое приближеніе его къ своей цѣли, истинѣ. Въ исторіи философіи мы часто видимъ, что мыслители уходили несравненно далѣе отъ истины, чѣмъ прежде къ ней стояли, въ полной увѣренности, что не отступаютъ отъ нея, а, напротивъ, къ ней-то именно и приближаются. Нельзя не согласиться, что дѣйствительно, частные умы нерѣдко удаляются отъ истины, желая къ ней приблизиться; но при всемъ томъ нельзя допустить того, чтобы съ ними регресировала и философія, чтобы въ этихъ поворотахъ и отступленіяхъ частнаго мышленія запутывалась и терялась общая нить мышленія; нельзя допустить, чтобы безпристрастный сторонній наблюдатель, общечеловѣческій смыслъ, обсуживающій оригинальности частнаго мышленія, не видѣлъ ошибокъ и не содѣйствовалъ къ ихъ исправленію. Исторія мышленія указываетъ многостороннія ошибки мыслителей, и предохраняетъ такимъ образомъ отъ новаго признанія за истину неоправданныхъ вѣками убѣжденій; критика возводитъ современныя мнѣнія къ законамъ мышленія и повѣряетъ внимательнымъ сличеніемъ съ дѣйствительностію, доводя до очевидности ихъ ложность или истинность. И если мы поймемъ эту исторію и критику не какъ кодексы съ темными преданіями и недвижными постановленіями, но какъ живое мышленіе, носящее въ самомъ себѣ оправданіе себѣ — то не усумнимся положиться на ихъ бдительность, неоставляющую безъ вниманія ни одного серьёзнаго явленія въ области знанія, что она не позволитъ отступить назадъ на столько, чтобы это ретроградное движеніе составило существенный регрессъ философіи. Внимательное наблюденіе за ходомъ мышленія безъ особеннаго

Digitized by Google

труда откроетъ, что всякое кажущееся отступленіе мышленія въ разъ уже отвергнутому мнѣнію, въ соглашеніи съ нимъ понимаетъ его уже съ новой стороны и пріобрѣтаетъ философіи хотя бы и малую, но существенную долю истины. Конечно, и общечеловѣческій смыслъ, его свободный, безпристрастный разборъ философскихъ воззрѣній, и собственное его построеніе на основаніи ихъ положеній, выдерживающихъ современную критику, еще не есть послѣднее слово философіи; съ послѣднимъ словомъ философскаго мышленія въ извѣстную эпоху абсолютная истина отстоитъ отъ насъ на столько же, быть можетъ, на сколько мы въ теченіе вѣковъ успѣли къ ней приблизиться; намъ не дана эта истина, мы только ищемъ ея, стремимся къ ней, и естественно необходимо должны останавливаться на истинахъ относительныхъ, достояніяхъ эпохи, которыя какъ несомнѣнное принимаются по крайней-мѣрѣ состояніемъ умовъ въ данную эпоху. Если на такое поступаніе общечеловѣческаго сознанія въ извѣстную эпоху смотрѣть не какъ на построеніе системы изъ произвольно взятаго начала, навѣяннаго внѣшними обстоятельствами времени, нравственнымъ расположеніемъ обществъ, но какъ на разумное соглашеніе началъ и положеній предшествовавшаго мышленія, отсѣкающее примѣсь предразсудковъ, недоказанныхъ положеній, поспѣшныхъ заключеній и замѣняющее ихъ положеніями непосредственно очевидной для всѣхъ достовѣрности—если смотрѣть на него какъ на саморазвитіе философскаго знанія, то въ его послѣднемъ словѣ должно находиться все, что̀ изъ пріобрѣтенныхъ мышленіемъ философскихъ знаній стоитъ ближе къ цѣли, имъ искомой. Но гдѣ найдти полное и вѣрное выраженіе для каждаго такого состоянія общечеловѣческаго сознанія? Какая система можетъ отвѣчать ему? Если навремя и забудемъ, что мышленіе не машина, а живая сила, которая не останавливается никогда, а напротивъ постоянно движется впередъ — во всякомъ случаѣ найдемъ его неуловимымъ для вѣрнаго и точнаго выраженія въ системѣ, такъ-какъ всякая попытка заключить въ систему общечеловѣческое сознаніе будетъ носить на себѣ печать индивидуальнаго воззрѣнія, болѣе или менѣе узкаго, болѣе или менѣе склоняющагося въ пользу избраннаго ею принципа. Чтобы какъ можно ближе подойти къ точнѣйшему выраженію послѣднихъ результатовъ мышленія философскаго, остается одно средство: поставить лицомъ къ лицу одно съ другимъ спорящія направленія, выслушать вполнѣ взаимные упреки одного другому, уважить все, что̀ остается неоспоримымъ, и восполнить всѣмъ, что̀ говорятъ послѣдніе выводы и факты эмпирическихъ наукъ.

Digitized by Google

Такую задачу избрала себѣ, по отношенію къ ученію о человѣческой душѣ, фихтева антропологія.

Критика различныхъ взглядовъ на природу души человѣческой, предпосылаемая въ антропологіи Фихте положительному изложенію его собственнаго взгляда, находитъ неудовлетворительными къ объясненію психической жизни какъ то, такъ и другое господствовавшія доселѣ антропологическія воззрѣнія, какъ воззрѣнія вѣрныя въ своемъ началѣ, но неправильно развитыя. Принимая положенія, выдерживающія критику, какъ ленту, которую волею или неволею приноситъ на алтарь науки всякое философское воззрѣніе, Фихте смотритъ на эти положительные результаты своей критики какъ на историческіе факты, неотъемлемое пріобрѣтеніе науки, которые мышленію современному остается только связать и осмыслить; опытъ въ этомъ родѣ представляетъ положительная часть его антропологіи. Мы представимъ прежде всего главные пріемы и результаты его критической исторіи спиритуалистическихъ и матеріалистическихъ ученій о душѣ, на которую онъ самъ указываетъ *, какъ уже на доказательство, хотя косвенное, одного изъ главныхъ и существеннѣйшихъ положеній своей антропологіи о реальномъ отношеніи души къ пространству.

Исходный пунктъ спиритуалистическихъ ученій есть одно изъ свойствъ души, выступающее яснѣе всѣхъ другихъ — единство нашего самосознанія впродолженіе всей нашей жизни. Изъ этого субъективнаго единства заключаютъ, какъ къ необходимому, къ реальному единству существа души, къ бытію одной и той же души во всѣхъ ея измѣненіяхъ. Она—простая субстанція, и притомъ субстанція представляющая, такъ, какъ она знаетъ о своихъ измѣненіяхъ, или представляетъ ихъ. Къ своему тѣлу, какъ и къ тѣламъ неорганическимъ, она относится какъ противоположное: тѣло подвержено постояннымъ измѣненіямъ, сложено изъ различныхъ элементовъ, разрушаемо, тлѣнно; душа—субстанція, проста, неразрушима, нетлѣнна.

Какъ это начало, изъ котораго исходитъ спиритуалистическое воззрѣніе, такъ и это, на основаніи его, опредѣленіе души и тѣла, Фихте находитъ неоспоримо вѣрными, но взамѣнъ вѣрности—односторонними. Односторонность эта, говоритъ онъ, хорошо высказалась въ дальнѣйшемъ развитіи основоположеній спиритуализма, когда фактъ самосознанія, первоначально понимаемый какъ одинъ изъ главнѣйшихъ предикатовъ души, сталъ единственнымъ ея предикатомъ, когда вслѣдъ за вольфовымъ опредѣленіемъ души какъ «субстанціи, которой свойство—сознаніе», до-

* Zur Seelenfrage. 89. S. 157.

Digitized by Google

шли до признанія тожественности души съ сознаніемъ и прямаго противоположенія ея матеріи, какъ немыслящей. Между тѣмъ постоянный опытъ показываетъ, что при такой внутренней, принятой теоріею, противоположности души и тѣла, душа оказываетъ на тѣло огромное вліяніе, равно какъ и отъ него принимаетъ на себя воздѣйствіе. Факты этого взаимнаго воздѣйствія, общепризнанные и очевидные для каждаго, должны были остаться фактами необъяснимыми съ точки зрѣнія спиритуализма; изъ началъ его теоріи рѣшительно оставалось необъяснимымъ, какимъ образомъ каждая изъ этихъ противоположностей остается о-себѣ, когда ихъ дѣятельность—взаимодѣйствіе; какимъ образомъ эти противоположности могутъ своимъ взаимодѣйствіемъ составлять такое единство и гармонію, что происходящее въ области одной изъ нихъ находитъ себѣ строго соотвѣтствующее выраженіе въ другой; какъ, наконецъ, можетъ существовать въ человѣкѣ сознаніе своего единства, когда существо его находится во внутренней раздвоенности. Очевидно, говоритъ Фихте, что спиритуализму слѣдовало возвратиться къ своему принципу и, строже разсмотрѣвъ его, начать снова свое построеніе, чтобы избѣжать непреодолимыхъ препятствій къ объясненію наличныхъ фактовъ; но онъ, напротивъ, самыя трудности эти, возникающія изъ недостаточности принципа, хочетъ понимать, какъ проблеммы, имѣющія основаніе въ самомъ предметѣ. Но какъ проблеммы эти на самомъ дѣлѣ вытекаютъ не изъ существа самаго предмета, а суть слѣдствія ложнаго принципа, и потому не могутъ имѣть никакого прямаго рѣшенія, то спиритуализмъ въ ихъ рѣшеніи долженъ былъ ограничиться однѣми ипотезами.

Предполагали и предполагаютъ, вопервыхъ, что сама въ себѣ нематеріальная и безпространственная душа находится въ непосредственной связи съ своимъ тѣломъ, которое само по себѣ есть такое же законченное цѣлое, какъ и душа — и именно съ тѣмъ его пунктомъ, который служитъ органомъ души въ ея дѣйствіяхъ относительно міра внѣшняго. Но проблемма предположеніемъ этимъ не рѣшается, а только встрѣчаетъ при немъ бо́льшія препятствія къ своему рѣшенію. По основному положенію спиритуалистическаго воззрѣнія, душа есть простое, совершенно безпространственное существо, а всякая часть тѣла, какъ бы она мала ни была, по самому главному предикату вещества — сложности и протяженію, есть уже нѣчто пространственное: какимъ же образомъ, эта безпространственная субстанція можетъ находиться въ непосредственной связи съ какимъ бы то ни было тѣлеснымъ органомъ, пространственнымъ? Говорятъ на это, что, при безконечной дѣлимости, вещество перестаетъ быть простран-

Digitized by Google

ственнымъ, становится совершенно духовнымъ, или, по крайней-мѣрѣ, близко подходящимъ къ простому, невещественному духу. «Но здѣсь—говоритъ Фихте—скачокъ въ совершенно новую область реальнаго, такъ же мало посредствуемый. Какъ ни уклончивы взгляды новѣйшихъ анатомовъ на внутреннее строеніе и значеніе частей мозга, но уже теперь дѣло фактической очевидности, что соединеніе всѣхъ оконечностей периферическихъ нервовъ въ одномъ пунктѣ мозга не представляетъ никакой возможности открыть въ немъ что либо подходящее въ безконечно малой центральной частицѣ мозга, которую предполагаетъ эта ипотеза; напротивъ, чѣмъ далѣе идетъ анатомія нервной системы, тѣмъ невозможнѣе становится принятіе подобной въ немъ частицы. Тѣмъ не менѣе, однакоже, общій результатъ всѣхъ анатомико-психологическихъ и патологическихъ изслѣдованій тотъ, что весь мозгъ составляетъ собою центральный органъ души, и именно всѣми различными функціями своихъ отдѣльныхъ частей. Если на этомъ основаніи мы еще не имѣетъ права отказаться отъ мысли о непосредственномъ взаимовоздѣйствіи души и тѣла, то, по перевѣсу свидѣтельства фактовъ надъ ипотезой, должны принять, что душа существуетъ пространственно, по крайней-мѣрѣ дѣйствуетъ въ формѣ протяженія, обитаетъ во всемъ мозгу» *.

То же замѣчаетъ Фихте и о второмъ родѣ ипотезы «influxus physicus», принимающемъ нѣкоторое третье, посредствующее между душою и тѣломъ начало, Nerwengeist, тонкую и невидимую текучесть, которая проникаетъ мозгъ и нервную систему, или нѣкоторую невѣсомую текучесть, выдѣляемую нервами, Nerwenäther—для объясненія взаимодѣйствія этихъ прямо противоположныхъ субстанцій. «Конечно — говоритъ онъ — опытомъ и наблюденіемъ нельзя этого провѣрить; но невещественную душу поставить въ непосредственной связи съ тонкою ли и тончайшею, или съ грубою и осязательною для чувствъ матеріею, остается одинаково противорѣчущимъ».

Послѣ неудавшейся попытки объяснить фактъ взаимодѣйствія души и тѣла предположеніемъ физическаго посредства, находящагося въ самомъ существѣ человѣка, спиритуализму оставалось только указать на волю Творца. Общее основаніе всего существующаго — божество; Богъ, разсуждали картезіанцы, поэтому и есть посредствующее между душой и тѣломъ. Богъ соединилъ двѣ эти совершенно различныя вещи такъ, что онѣ совершенно отвѣчаютъ одна другой, не находясь въ отношеніи взаимной причинности, какъ двое одинаково идущіе часы, пущенные часов-

* Anthropolog. § 17.

Digitized by Google

щикомъ въ одну и ту же минуту, бьютъ въ одно и то же время, не находясь между собою ни въ какой связи. Міроправленіе божественное есть только непрерывное твореніе: всѣ измѣненія въ конечныхъ субстанціяхъ происходятъ не сами по себѣ, по своей природѣ, но дѣйствуются волею Божества. Ипотеза вызвана подобнымъ разсужденіемъ: «существо души въ знаніи и хотѣніи; если же я замѣчаю, что движенію моей воли соотвѣтствуетъ движеніе въ тѣлѣ, и я не могу назвать себя произведшимъ это движеніе, такъ-какъ не знаю процеса, которымъ оно совершалось, исходя изъ глубины существа души и являясь въ тѣлѣ, о чемъ я необходимо зналъ бы, еслибы это было мое дѣло—то я долженъ предположить, что есть иной, кто даетъ моему душевному расположенію силу выйти изъ глубины моего существа, и явиться въ движеніяхъ тѣлесныхъ, Богъ, *непостижимо* (ineffabiliter) соединившій движенія тѣлесныя съ движеніями воли такъ, что они сопровождаютъ эти послѣднія». Но здѣсь, какъ замѣчаетъ Фихте, уже и высказалась вся несостоятельность ипотезы, предполагающей божественное посредство для объясненія взаимодѣйствія души и тѣла, и въ то же время утверждающей невозможность объяснить это посредство: предметъ объясненія только отдѣляется, скрывается за божественное посредство, но не объясняется, потому что самое это посредство едва-ли не болѣе нуждается въ объясненіи, чѣмъ самый фактъ при предположеніи непосредственной связи души съ тѣломъ.

Ипотезу предустановленной гармоніи Фихте возводитъ къ теоретическимъ началамъ лейбницевой философіи, и предоставляетъ времени оправдать ихъ вѣрность. Вообще о ней замѣчаетъ, что понимаемая, какъ распоряженіе Божества, предустановленная гармонія недостойна Божества и заслуживаетъ порицанія, такъ-какъ она допускаетъ вмѣстѣ съ благими и цѣлесообразными и прямо нецѣлесообразныя и вредныя воздѣйствія тѣлесныя, какъ дѣло Божества.

Въ заключеніе критики спиритуалистическихъ ученій, какую представляетъ фихтева антропологія, можно привести замѣчанія его на теорію современнаго натуралиста Лотце, соединившую въ себѣ и представленіе телеологическаго отношенія между душой и тѣломъ, и предположеніе безконечно малой, безпространственной точки въ мозгу, какъ органа душевной дѣятельности и безпространственнаго сѣдалища души. «Лотце все еще живетъ увѣренностью, что душа тожественна съ сознаніемъ, и что гдѣ ничего не мыслится, тамъ ничего и не дѣйствуется. Поэтому, и только поэтому онъ ищетъ сѣдалища души въ мозгу исключительно, въ этомъ, безъ сомнѣнія, важнѣйшемъ здѣсь средоточномъ, пере-

Digitized by Google

крестномъ пунктѣ всѣхъ ощущеній и всѣхъ *сознательныхъ* движеній воли, каковымъ признаемъ его и мы, не имѣя, впрочемъ, нужды дѣлать изъ него абсолютно безпространственную точку, или мыслить его здѣсь прикованнымъ къ одному какому-нибудь мѣсту. Только поэтому-то Лотце пришелъ и къ окказіоналистическому представленію тѣлеснаго организма, совершенно независимаго отъ души, управляемаго своими собственными законами, находящагося *подлѣ нея*, при которомъ она имѣетъ только ожидать, какъ онъ приметъ и проведетъ ея волепредставленія, и какія онъ съ своей стороны передастъ ей внѣшнія возбужденія, чтобы поставить ее въ состояніе ощущеній». «Надобно видѣть — говоритъ Фихте—какъ трудно и даже невозможно при этомъ предположеніи объяснить другой рядъ безчисленныхъ фактовъ этого взаимодѣйствія. Какъ объяснить то непроизвольное самообъективированіе души въ тѣлѣ, когда тѣло, противъ сознанной воли души, становится зеркаломъ души, если по этому взгляду душа можетъ быть сопутствуема тѣломъ только насколько она *сознательна* и хочетъ *съ сознаніемъ*, тогда-какъ, кромѣ того, тѣло должно слѣдовать еще и своимъ собственнымъ, чуждымъ для души, законамъ? Какъ, съ другой стороны, непрерывное воздѣйствіе органическихъ расположеній и разстройствъ на ощущенія души, не переходя въ специфическія впечатлѣнія, можетъ измѣнять душу въ ея непроизвольной жизни впечатлѣній даже до *возмущеній духа*, если тѣлесный организмъ имѣетъ назначеніе только передавать извѣстныя собственныя измѣненія душѣ, какъ матеріалъ сознаннаго впечатлѣнія?» *

Выставляя на видъ всѣ эти недостатки спиритуалистическихъ ипотезъ къ объясненію связи души съ тѣломъ, Фихте, какъ мы уже замѣтили, не хочетъ найти ложнымъ самое начало, изъ котораго исходитъ спиритуализмъ, какъ общепризнанный фактъ единства и тожества души; напротивъ, принимая его, какъ такое, онъ хочетъ только пріостановить его дальнѣйшее развитіе на самой поворотной точкѣ, съ которой воззрѣніе спиритуалистическое начинаетъ переходить въ дуалистическое — на положеніи о тожествѣ души и сознанія, и вытекающей изъ него мысли о взаимной противоположности духа и матеріи. Эту мысль онъ называетъ древнимъ спиритуалистическимъ предразсудкомъ, и ратуетъ противъ нея во всей своей антропологіи. Самымъ явленіемъ матеріализма въ области мышленія онъ подкрѣпляетъ свое убѣжденіе въ томъ, что спиритуализмъ слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ неправильныхъ выводахъ, чтобы, оставивъ ихъ, возвра-

* Zur Seelenfrage, p. 144,145.

Digitized by Google

титься къ своему принципу, и начать перестройку. «Раздѣляя существо человѣка на двѣ противоположности, спиритуализмъ никакъ не можетъ объяснить ни взаимнаго отношенія между ними, ни значенія, какое имѣетъ соединеніе этихъ противоположностей, и запутывается въ ипотезахъ, которымъ противорѣчатъ факты дѣйствительности»—вотъ послѣдній отзывъ Фихте о спиритуализмѣ. «Никакой принципъ объясненія, никакое исхожденіе изъ первоначальной противоположности между душой и тѣломъ не можетъ объяснить существующей между ними связи, а слѣдовательно и дѣйствительнаго явленія человѣка, ни въ общемъ, ни въ частности фактовъ»—вотъ общій результатъ его критики спиритуализма.

Относительно матеріализма Фихте замѣчаетъ, что и онъ исходитъ изъ правильнаго, въ самомъ себѣ, положенія, что человѣкъ впродолженіе всей своей жизни показываетъ нераздѣльное единство души и тѣла, какъ спиритуализмъ — изъ фактовъ единства и тожества сознанія, разнообразія и измѣнчивости вещественнаго. Матеріализмъ беретъ во вниманіе то обстоятельство, что мы не можемъ указать никакого состоянія души (сознанія), въ которомъ она была бы безъ тѣла, ни одного акта ея дѣятельности, въ которомъ бы она не нуждалась въ тѣлесномъ органѣ, но что, напротивъ, въ своемъ тѣлѣ мы можемъ указать множество такихъ состояній и дѣятельностей, въ которыхъ душа (какъ сознаніе) не принимаетъ участія, которыя остаются для насъ темными и несознанными. Заключеніе, однакожь, что поэтому—душа (или сознаніе) вещественной природы—основывается на положеніи, принятомъ безъ надлежащаго разсмотрѣнія за аксіому, что душѣ надобно приписывать только то, о чемъ человѣкъ знаетъ. Здѣсь, говоритъ Фихте, такое же поспѣшное заключеніе, какое мы находимъ и въ спиритуализмѣ. Тамъ принимается, что душа можетъ быть только сознательнымъ существомъ; здѣсь — что все безсознательное въ человѣческой дѣятельности принадлежитъ дѣятельности тѣлесной; общее основаніе ихъ заблужденій въ томъ, что духъ и матерія предполагаются у нихъ уже какъ извѣстное, тогда какъ понятіе о нихъ должно быть только еще результатомъ ихъ изслѣдованій.

Фихте подробно разбираетъ главныя матеріалистическія ипотезы относительно происхожденія въ человѣкѣ сознанія, и находитъ ихъ несостоятельными, такъ-какъ онѣ, по его мнѣнію, рѣшительно не могутъ объяснить, что̀ такое самая душа, встрѣчая непреодолимыя трудности въ фактахъ ея сознанія и самостоятельности. При всемъ томъ онъ старается отдать справедливость и этому направленію мышленія, не считая его появленіе въ исторіи мышленія за фактъ случайный, но усматривая и въ его тен-

Digitized by Google

денціяхъ требованія справедливыя, выводя и изъ его попытокъ положительные результаты для новаго построенія науки. Онъ обращаетъ вниманіе на слѣдующій рядъ положеній одного матеріалистическаго мыслителя, въ которомъ хорошо высказывается настоящій мотивъ этого направленія. «Душа—говоритъ Бурмейстеръ—есть комплектъ способностей и силъ, какія обнаруживаетъ животный организмъ. Силы существуютъ вообще только въ матеріи; согласно съ опытомъ, нѣтъ ни одной силы, которая могла бы существовать безъ реальнаго субстрата. Слѣдовательно и духовныя силы немыслимы безъ матеріи; духъ, когда бы мы отрѣшили его отъ матеріи, даже когда бы мы противоположили его ей, представлялъ бы изъ себя не что иное, какъ одну пустую абстракцію.» Такимъ образомъ, говоритъ Фихте, матеріализмъ ясно сознаетъ недостатокъ обыкновеннаго спиритуалистическаго дуализма, который понимаетъ душу какъ чистое сознаніе, рѣшительно не зная, гдѣ для этого сознанія должна находиться реальная основа. Впечатлѣніе, сознаніе, я, суть свойства лежащаго въ ихъ основаніи реальнаго субстанціальнаго, самостоятельнаго по себѣ: такое реальное не позволяетъ себя мыслить какъ пустую, парящую на воздухѣ силу. Главный, такимъ образомъ, пунктъ, оспариваемый матеріализмомъ у спиритуализма, есть совершенно непонятная, чистая безпространственность и безотносительность ко времени *души въ себѣ;* и это положеніе, что «душа, какъ составъ сознанной дѣятельности, необходимо нуждается въ нѣкоторомъ реальномъ субстратѣ», говоритъ Фихте, есть единственная наслѣдуемая отъ матеріализма истина, которая лежитъ въ его основаніи какъ скрытая посылка. Въ этомъ-то положеніи Фихте видитъ положительный результатъ своей критики матеріализма и принимаетъ, какъ истину, данную исторіей мышленія, что «связь души съ тѣломъ немыслима, если не хотимъ принять въ ней и реальнаго отношенія къ пространству» *.

Нельзя не согласиться съ Фихте, что спиритуалистическій дуализмъ безвыходно запутанъ въ своихъ ипотезахъ и противорѣчіяхъ. Крайности, къ какимъ прибѣгаетъ онъ въ объясненіи связи души съ тѣломъ, очевидны, и мы видимъ даже открытое отреченіе спиритуализма отъ своего основнаго положенія, что существенное свойство вещества — протяженіе и дѣлимость, а главный предметъ духовности — безпространственность и недѣлимость, когда онъ утверждаетъ, что при безконечномъ уменьшеніи и дѣлимости вещество перестаетъ быть пространствомъ, становится чѣмъ-то духовнымъ. Кто не видитъ здѣсь смѣшенія

* Anthropolog. § 44.

Digitized by Google

самыхъ противоположныхъ по основному спиритуалистическому взгляду понятій, явной несправедливости и противорѣчія въ мышленіи, когда понятіе духовности приписывается *недѣлимому* (атому) какъ *недѣлимому* (индивидууму), и въ то же время утверждается безконечная уменьшимость вещества, дѣлимость его въ безконечность? И мы были бы несправедливы, когда бы сказали, что всѣ эти недостатки спиритуалистическихъ теорій еще не полагаютъ рѣшительнаго конца спиритуалистическому дуализму — что тамъ, откуда начинается у него рядъ неудавшихся ипотезъ, можетъ имѣть современемъ начало какая-нибудь новая ипотеза, которая увѣнчаетъ начала спиритуализма вполнѣ удовлетворительнымъ объясненіемъ фактовъ дѣйствительности. Такая надежда была бы неизвинительна именно въ отношеніи къ спиритуализму, гдѣ даны только двѣ рѣшительныя противоположности въ мышленіи, тѣснѣйшимъ образомъ соединенныя въ дѣйствительности. Очевидно, что сколько бы мы ни строили новыхъ ипотезъ при такомъ положеніи началъ дуалистическаго спиритуализма, никогда не дойдемъ до удовлетворительнаго объясненія связи души съ тѣломъ; противоположности, какъ несоединимыя по самому своему понятію, никогда не соединятся въ мышленіи безъ того, чтобы не измѣнить всеобщимъ законамъ логическаго мышленія. Очевидно, что несостоятельность спиритуализма начинается не съ ипотезъ къ объясненію связи души съ тѣломъ, а съ предшествующаго имъ, породившаго ихъ положенія, по которому душа и тѣло — сущности діаметрально одна другой противоположныя, дѣйствующія каждая по своимъ особеннымъ законамъ. Чтобы дать какой-нибудь ходъ началу спиритуализма, которымъ служитъ очевидный фактъ единства и тожества сознанія, необходимо отвергнуть это положеніе по крайней-мѣрѣ на столько, на сколько оно поставляетъ дѣло въ безвыходное положеніе.

«Мнѣ кажется ошибочнымъ заключеніемъ — говоритъ Фихте — на томъ основаніи, что душа ближайшимъ образомъ показываетъ интенсивную дѣятельность, отрицать отъ нея экстенсивную дѣятельность и экстенсивныя измѣненія, когда другія основанія заставляютъ приписать ей и послѣднія». Не входя еще въ разборъ дальнѣйшихъ, положительныхъ основаній, которыя заставляютъ Фихте признать экстенсивныя дѣйствія и измѣненія души, мы спросимъ здѣсь отчета у дуалистическаго спиритуализма въ самомъ положеніи его, по которому онъ представляетъ духъ и матерію вообще, душу и тѣло въ существѣ человѣка совершенно противоположными одна другой, по своей природѣ, сущностями, и по которому онъ затрудняется признать въ одной и той же сущности дѣятельность интенсивную и экстенсивную. Откуда знаетъ

Digitized by Google

онъ, что есть бытіе духовное, какъ противоположное вещественному, что существуетъ бытіе вещественное, совершенно противоположное духовному? Есть ли достаточное основаніе признавать такой контрастъ между предметами, которые намъ кажутся только различными? Если человѣческая душа является съ свойствомъ сознанія; если мы знаемъ, что матерія протяженна—слѣдуетъ ли отсюда прежде всего то, что сознаніе и протяженіе, болѣе или менѣе постоянныя свойства духа и матеріи, составляютъ ихъ сущность? Еще Кантъ, въ своемъ ученіи о паралогизмахъ чистаго разума, высказался насчетъ неправильности заключенія, когда свойства души, какъ сознающаго существа, переносятся на обыкновенныя ея свойства. Онъ справедливо замѣчаетъ, что здѣсь *я* представляющее или *мыслящее* смѣшиваютъ съ *душой въ себѣ*, и изъ его проявленій стараются доказать ея субстанціальность, простоту, духовность, вмѣсто того, чтобы доказать эти свойства въ самомъ существѣ ея, что такимъ образомъ основаніе нашего *я*, объективное существо души, остается неизслѣдованнымъ. Если природа духа состоитъ только въ сознаніи и мышленіи, то всякій моментъ духовнаго бытія долженъ быть сознаннымъ состояніемъ душевной жизни, и въ ней уже нѣтъ мѣста безсознательнымъ представленіямъ, непреодолимой настроенности духа, вообще никакой безсознательной душевной жизни. Тѣмъ менѣе можно согласиться съ картезіанскимъ положеніемъ относительно протяженности, какъ сущности матеріи. Если сущность матеріи состоитъ только въ протяженіи, то все вещественное бытіе есть не болѣе, какъ геометрическія фигуры, какъ замѣчалъ еще Лейбницъ. Это — совершенно пустая, безсодержательная форма матеріи, а никакъ не сущность ея.

Но положимъ даже, что эти свойства—сознаніе духа и протяженность матеріи, вполнѣ выражаютъ сущность вещей—какое основаніе имѣемъ мы противополагать эти свойства, ставить ихъ въ такой рѣшительный контрастъ, чтобы одно исключало собою другое? Сущность построенія, которымъ спиритуализмъ доходитъ до понятія о двухъ противоположностяхъ — духѣ и матеріи, можетъ быть представлена въ родѣ слѣдующаго заключенія: «Въ душѣ есть сознаніе, коренное ея свойство, котораго тѣла не обнаруживаютъ; въ тѣлахъ коренное свойство — протяженіе, котораго приложить къ душѣ не умѣемъ. Эти свойства составляютъ сущность вещей: такимъ образомъ являются двѣ взаимноисключающія сущности — духъ и матерія. Отсюда можно приписать имъ и противоположныя свойства: душѣ, такъ-какъ матерія сложна и дѣлима — простоту и недѣлимость, безсмертіе; тѣлу, поелику душа сознательна, свободно-разумно-дѣйствующа—

Digitized by Google

неразумность, страдательное бытіе, подчиненное механическимъ законамъ.» Съ перваго взгляда очевидно, что дѣло поведено неправильно. Для того, чтобы опредѣлить отношеніе одного предмета къ другому, надобно разсматривать эти предметы со всѣхъ сторонъ безъ исключенія, и если уже нужно разсматривать въ одномъ только извѣстномъ отношеніи, то эту именно сторону и наблюдать какъ въ томъ, такъ и въ другомъ предметѣ; иначе можетъ случиться, что въ различныхъ наблюденныхъ сторонахъ сойдутся весьма различные предметы, или и очень сходные окажутся противоположными по свойствамъ. Что же общаго между *протяженностью* матеріи и *разумностью* духа, чтобы по этимъ свойствамъ составлять понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ этихъ сущностей? Изъ какого общаго понятія вытекаютъ эти частныя понятія и какъ къ нему относятся? Самое общее понятіе о дѣйствительности—понятіе *бытія*; возводя къ нему эти частныя понятія разумности и протяженности, находимъ, что первое выражаетъ собою качественность бытія, его внутреннее содержаніе, второе же указываетъ только на форму, на внѣшность бытія. Сопоставляя по этимъ-то понятіямъ сущность матеріи и существо духа, спиритуализмъ беретъ во вниманіе тамъ—одно содержаніе, не стараясь вглядѣться въ его форму, здѣсь же—только форму, не доискиваясь содержанія, чтобы имѣть возможность предметы сопоставить во всей полнотѣ ихъ принадлежностей.

Если потомъ разсмотримъ самые факты, на основаніи которыхъ противоположнымъ спиритуалистическимъ сущностямъ приписываются исключительныя свойства, то увидимъ, что и въ этомъ отношеніи дѣло ведено было спиритуализмомъ не совсѣмъ честно. Въ двухъ различныхъ предметахъ, духѣ и матеріи, имъ берутся совершенно разнородныя свойства, фактически въ нихъ очевидныя, и каждое изъ этихъ свойствъ, принимаемое въ одномъ, отрицается въ другомъ только потому, что въ немъ оно не замѣчено, берутся въ душѣ свойства разумности, тожество сознанія, въ матеріи—сложность, протяженность, извѣнчивость, дѣлимость, и первыя отрицаются въ послѣдней только потому, что мы не находимся въ такомъ тѣсномъ отношеніи къ вещественнымъ предметамъ, чтобы мыслію своею проникать во внутреннюю жизнь этихъ предметовъ, и послѣднія въ первой, опять на томъ только основаніи, что существо души недоступно наблюденію внѣшнихъ нашихъ чувствъ. Очевидно, что въ этомъ случаѣ онъ водится предзанятою мыслію о существѣ духа, какъ противоположности матеріи, и пытается доказать эту истину на основаніи ея же самой. Слѣды этой предзанятой мысли обнаруживаются при оцѣнкѣ всѣхъ фактовъ, на основаніи которыхъ онъ дѣлаетъ свое построе-

Digitized by Google

ніе. Въ томъ, что говоритъ онъ о самодѣятельности вещества, о постоянствѣ сознанія и измѣнчивости матеріи, простотѣ духа и сложности вещества, проглядываетъ уже эта задняя мысль, которой хочется установить какую-то абсолютную противоположность между двумя этими сущностями.

Въ дѣятельности какъ духа, такъ и матеріи существуютъ необходимые, механическіе законы, которыми опредѣляется кругъ дѣятельности для дѣятеля; но, съ другой стороны, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, нельзя отрицать и нѣкотораго рода самодѣятельности: и если мы говоримъ, что душа наша свободно-дѣятельна, а матерія подчинена вѣчно-неизмѣннымъ механическимъ законамъ; если говоримъ, что душа наша самодѣятельна, а существенное свойство матеріи—несамодѣятельность, то, очевидно, не отдаемъ полной справедливости природѣ ни того, ни другаго. Не одинаково ли законы душевной дѣятельности относятся къ свободѣ этой дѣятельности, какъ и законы механическаго движенія къ свободѣ движенія вещества? Тѣ и другіе, каждые къ своей области, относятся какъ необходимыя, существенныя условія необходимаго въ нихъ порядка, безъ котораго они не могли бы существовать. Тѣ и другіе сводятся къ одному и тому же началу, къ мысли создавшаго, которою и держатся эти области бытія. Еслибы эти массы вещества одарены были сознаніемъ, то онѣ ни мало не нашли бы законы механическаго движенія стѣсненіемъ для своей дѣятельности, но скорѣе условіемъ надлежащей дѣятельности, точно такъ же, какъ человѣческое существо никогда не будетъ жаловаться на стѣсненіе своей разумной дѣятельности законами мышленія и всѣми вообще законами душевной жизни. Какой бы страшный хаосъ представляла наша разумная дѣятельность, когда бы у насъ не было законовъ логическаго мышленія? Между тѣмъ, чѣмъ же мы можемъ оправдать эти законы, какъ можемъ мы объяснить и чѣмъ можемъ мы доказать ихъ разумность? Это необходимые, но въ то же время необъяснимые разумно-механическіе законы душевной жизни, которые всякій мыслящій признаетъ обязательными для своего мышленія, которыми руководится все человѣчество, хотя только меньшая часть его сознаетъ ихъ въ себѣ. Такова ли на самомъ дѣлѣ самодѣятельность духа, чтобы матерія являлась предъ нею какъ уже совершенно инертивная (недѣятельная)? Это слово, *инерція*, само уже скажетъ о неумѣстности такого представленія матеріи, когда выслушаемъ его объясненіе у естествѣдовъ. Это объясненіе именно даетъ намъ знать, что, по инерціи, матерія сама по себѣ не дѣйствуетъ, пока не будетъ данъ ей толчокъ отвнѣ, и дѣйствуетъ потомъ въ силу этого толчка, пока дѣйствіе не будетъ остановлено другимъ внѣшнимъ влія-

Digitized by Google

ніемъ. Но что же было бы и съ духовнымъ нашимъ развитіемъ, не говоримъ уже объ однородныхъ съ душою нашею, когда бы внѣшній міръ, когда бы эти, столько противоположные ей съ точки зрѣнія спиритуалистической, вещественные предметы не дѣйствовали на него? Намъ кажется, что справедливость требуетъ какъ духу приписать въ извѣстной степени несамодѣятельность, какую приписываемъ матеріи, такъ-какъ онъ начинаетъ свое развитіе подъ вліяніемъ міра внѣшняго, какъ и продолжаетъ его послѣ, такъ и матеріи—уступить въ извѣстной степени самодѣятельную силу, которая, бывъ возбуждена стороннимъ вліяніемъ, продолжаетъ дѣйствовать изъ себя, пока не встрѣтитъ себѣ преграды, сильной удержать ее въ покоѣ.

Постоянство сознанія мы такъ же можемъ назвать относительнымъ, какъ признать относительною и измѣняемость матеріи. Если мы говоримъ о тожествѣ сознанія впродолженіе всей нашей жизни, то все же не можемъ скрыть постоянной текучести и измѣнчивости въ содержаніи нашего сознанія: однѣ состоянія душевныя замѣняются другими и погибаютъ навсегда, оставаясь развѣ только въ памяти; другія являются только затѣмъ, чтобы въ свою очередь исчезнуть. То, что въ дѣтскіе годы намъ нравилось и признавалось нами за разумное и доброе, въ лѣта зрѣлаго возраста представляется уже явною нелѣпостью. Цѣлый поэтическій періодъ дѣтства, со всѣмъ богатствомъ и разнообразіемъ душевной жизни остается въ сторонѣ отъ нашего вниманія, когда мы у себя самихъ требуемъ отчета въ прошедшемъ съ точки зрѣнія человѣка взрослаго, какъ-будто этотъ періодъ жизни вовсе и не принадлежалъ намъ; и это не потому, чтобы взрослый стыдился только за свои дѣтскія шалости, напротивъ, со всѣмъ спокойствіемъ совѣсти, съ сознаніемъ полной справедливости мы отвергаемъ ихъ, какъ не собственныя наши, хотя нѣкогда и относившіяся къ намъ. Такимъ образомъ наше сознаніе въ различныя времена является въ двойствѣ едва-ли не противоположностей. Въ періодъ полнаго развитія умственнаго къ содержанію нашего я, къ самому существу этого *сознающаго я*, придается нѣчто существенное. Обстановленное совершенно иначе, сознающее себя инымъ чѣмъ прежде, дѣйствующее совершенно по инымъ убѣжденіямъ, чѣмъ нѣкогда, хотя и прежнія считались имъ за убѣжденія разумныя, наше *я* совершенно иное, чѣмъ прежде, хотя мы не имѣемъ ни права ни побужденія утверждать, что оно развилось не изъ одного я того же завитка, какъ и то, какимъ оно было за нѣсколько десятковъ лѣтъ. Въ этомъ-то завиткѣ, какъ въ возможности заключены всѣ свойства, возможныя въ его явленіи, и онъ *въ себѣ* остается неизмѣненъ, хотя измѣняется въ явленіи. Иначе, что же бы была за сущность, когда

Digitized by Google

бы она допускала измѣненія и въ самомъ основаніи своемъ, въ которому прививаются тѣ или другія свойства? Тожество сущности самой съ собою необходимо дано уже понятіемъ о ней, коль скоро мы ее мыслимъ и называемъ какъ сущность, какъ постоянный и неизмѣнный субстратъ всѣхъ возможныхъ проявленій предмета и видоизмѣненій въ немъ. Нельзя же сказать, чтобы явленія висѣли на воздухѣ, не будучи прикрѣплены ни къ какой постоянной основѣ: или мы должны были бы признать *измѣненія ни въ чемъ*, или были бы вынуждены понимать всякій предметъ въ каждый моментъ его измѣненія какъ совершенно новый предметъ. Собственно говоря, сущность и не есть вещь, а понятіе; она не дана намъ въ природѣ какъ опредѣленный предметъ, гдѣ царствуетъ жизнь — текучесть и измѣнчивость; мы уже сами въ этой области текучести и измѣнчивости стараемся найти нѣчто постоянное, къ чему бы можно было пріурочить измѣняющееся, нѣчто общее и основное, къ чему бы можно было свести все частное и отнести все производное. Какъ необходимо для мышленія обобщеніе частнаго, возведеніе производнаго къ первоначальному, такъ необходимо для знанія природы принятіе въ ней такого общаго, постояннаго и первоначальнаго; и гдѣ больше мы видимъ измѣненій и текучести, именно въ вещественныхъ предметахъ, тамъ всего скорѣе должны признать сущность, какъ основаніе всей измѣняемости. Постоянныя химическія измѣненія въ массахъ вещества только измѣняютъ составъ этихъ массъ въ строгой опредѣленности ихъ элементовъ, какъ развитіе духовныхъ силъ видоизмѣняетъ содержаніе сознанія—но матерія та же, хотя съ другими свойствами, остается до новыхъ и новыхъ измѣненій, какъ остается самому себѣ тожественнымъ существо души во всѣ періоды развитія духовной жизни. Такъ, а не иначе, мы должны понимать и измѣняемость матеріи, какъ понимаемъ постоянныя движенія и измѣненія въ душевной жизни, коль скоро говоримъ о *сущности матеріи:* иначе этому слову недостанетъ смысла, какъ это случилось въ устахъ спиритуализма, принимающаго двѣ основныя сущности—духъ и матерію, и въ то же время утверждающаго субстанціальность только первой, духовной сущности.

Если, наконецъ, будемъ разсматривать самую простоту духа и сложность матеріи, то и здѣсь не найдемъ основанія противополагать существо духа сущности матеріи. Что̀ же разумѣютъ подъ этой простотой духа — простоту ли сознанія, о которомъ спиритуализмъ утверждаетъ, что оно просто и недѣлимо, или простоту самаго существа души? О самомъ существѣ души, просто ли оно или сложно, мы ничего не знаемъ и не можемъ до-

Digitized by Google

знаться непосредственно. Если примемъ здѣсь за руководство сознаніе, которое спиритуалисты называютъ окомъ души, обращеннымъ на саму себя, или лучше, «зеркаломъ души, обращеннымъ на саму себя», то и въ этомъ зеркалѣ души мы все-таки узнаемъ не самое существо души, а форму ея качественныхъ проявленій, форму не простую, а сложную столько же, сколько и измѣняющуюся, жизнь душевную. Но то же самое слѣдуетъ сказать и о матеріи: существа ея мы не знаемъ, а все, что̀ знаемъ о ней, знаемъ только по явленіямъ ея, въ которыхъ она представляется намъ какъ нѣчто сложное и измѣняющееся.

По всей этой параллели между бытіемъ духовнымъ и вещественнымъ скорѣе можно заключить объ аналогіи между тѣмъ и другимъ, чѣмъ ставить въ прямую противоположность одно другому, хотя, конечно, этой аналогіи совершенно недостаточно, чтобы утверждать взаимное ихъ тожество. Спиритуализмъ слишкомъ мало беретъ фактовъ къ опредѣленію существа духа и сущности матеріи, и первое опредѣляетъ какъ сознаніе, послѣднее—какъ протяженіе, не подозрѣвая, что въ первомъ случаѣ беретъ онъ только качественное опредѣленіе предмета, во второмъ только количественное: вотъ его πρωτον Ψευδος. Если мы не можемъ непосредственно дознать существо вещей, и по необходимости должны ограничиться въ этомъ отношеніи заключеніями о немъ изъ свойствъ вещей, въ которыхъ оно проявляется, то, кажется, тѣмъ съ большею бы слѣдовало осторожностію и вниманіемъ разсмотрѣть эти свойства, не ограничиваясь тѣми только изъ нихъ, которыя всякому бросаются въ глаза, но проникая и въ скрывающіяся за ними отъ поверхностнаго взора наблюдателя. Дѣло, кажется, очевидное, что сознаніе и вся вообще разумная дѣятельность духовная есть внутренней, качественной природы, а потому можетъ быть сравниваема только съ качественнымъ же свойствомъ матеріи, если хотимъ сопоставить духъ съ матеріею. Сознаніе, разумность, управляющую волею, и эту подвижность разумности въ явленіе воли, составляющую произволъ и свободу человѣческихъ дѣйствій, мы необходимо должны признать за душою, какъ качественныя ея опредѣленія, даже, если угодно, противополагающія ее неорганической природѣ, въ которой индивидуумы показываютъ невозмутимый покой, вѣчно неизмѣнную безчувственность, свидѣтельствующую объ отсутствіи разумности, хотя мы не должны при этомъ забывать, что и въ душевной жизни много такихъ состояній и дѣятельностей, въ которыхъ разумная природа души не принимаетъ никакого участія. Но этому-то разумному духу, нашей душѣ, мы можемъ придать также и количественное опредѣленіе, именно—ограниченность бытія

Digitized by Google

и дѣйствованія въ пространствѣ и времени. Мы не можемъ сказать, чтобы эта ограниченность простиралась только до предѣловъ гроба и зависѣла исключительно отъ вещества въ нашемъ организмѣ; мы очень хорошо сознаемъ свою индивидуальность, и нетолько по частному характеру умственнаго и нравственнаго развитія, но именно сознаемъ себя какъ единицы личности — чтобы допустить возможность утраты личности безъ потери самого бытія. Дѣло также, кажется, очевидное, что вещество не есть только абстрактная безсодержательная форма въ противоположность сознанію, какъ-бы отвлеченному какому-то содержанію, неимѣющему никакого количественнаго выраженія. Справедливо, что протяженіе — самая общая форма вещества во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ: но одного протяженія недостаточно къ опредѣленію тѣла, какъ вообще внѣшняго количественнаго свойства. И кромѣ этой формы, протяженія, и кромѣ самаго существа матеріи, осязаемаго для насъ но все-таки непостижимаго, мы необходимо должны признать въ существѣ индивидуализирующую то или другое тѣло силу. Недостаточно сплотить частицу съ частицой, чтобы получить тѣло, какъ оно есть въ природѣ: необходима сила, которая бы сдерживала частицы въ извѣстномъ расположеніи однѣ относительно другихъ, которая бы охраняла видъ и фигуру тѣла, пока оно—тѣло-индивидуумъ, и не подверглось состоянію переходному: разъединенію частицъ, и стремленію ихъ другъ отъ друга. Необъяснимы самыя переходныя состоянія вещества, если не предпологаемъ вліяніе на него различныхъ силъ. Недостаточно одного, болѣе или менѣе тѣснаго сплоченія частицъ, чтобы объяснить, напримѣръ, различіе въ строеніи метала и минерала: понятно для всякаго, что дѣло тутъ не въ количественныхъ отношеніяхъ, а въ качественныхъ. Эти качества вещества, индивидуализирующія его, суть силы природы, проникающія матерію. Такимъ образомъ, мы видимъ и количественныя отношенія духа, и качественныя—матеріи. Первыя—въ ограниченной личности, послѣднія—въ силахъ, обитающихъ въ матеріи.

Вотъ главныя положенія философіи Фихте-младшаго, которыя мы старались передать возможно точно.

А. Волынскій.

Digitized by Google

НАПОЛЕОНЪ I-й И ПОЛЯКИ ВЪ 1812 ГОДУ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭСКИЗЪ.

Знаешь ли ты существа, которымъ отецъ — воображеніе, а мать—ложь?

Письма русскаго офицера о 1812 г.

Не тотъ воръ, кто воруетъ, а тотъ—кто лѣстницу подставляетъ.

Русская поговорка.

Статья первая.

I.

Въ пріемной французскаго императора, въ февралѣ 1811 года, встрѣтились два лица, одновременно, но съ совершенно противоположными цѣлями, оставлявшіе Парижъ. Одинъ изъ нихъ, баронъ Биньонъ (Bignon) — сторонникъ Наполеона, по мнѣнію самаго императора, лучшій исполнитель его воли, впослѣдствіи офиціальный историкъ его жизни и дѣйствій, а тогда политическій дѣятель и посланникъ при тѣхъ дворахъ, на которыхъ преимущественно сосредоточивалось вниманіе Наполеона. Другое лицо, представлявшееся императору, былъ русскій флигель-адъютантъ, полковникъ Чернышевъ — посредникъ частыхъ сношеній между императорами Александромъ и Наполеономъ. Биньонъ ѣхалъ по назначенію императора въ Варшаву; Чернышевъ — въ Петербургъ. По странной игрѣ случая, баронъ Биньонъ и Чернышевъ оба оставили Парижъ 26 (14) февраля 1811 года, и даже въ одинъ часъ, такъ что почти вмѣстѣ пріѣхали на первую станцію. «Я видѣлъ—говоритъ Биньонъ * — подъ платьемъ, на груди русскаго курьера, выпуклость, очевидно производимую толстымъ портфёлемъ. Спроста я привѣтствовалъ его въ слишкомъ строгомъ исполненіи обязанности курьера, въ его добросовѣстномъ усердіи, которое не дозволило ему быть спокойнымъ за

---

* Souvenirs d'un diplomate. La Pologne 1811—1813 г. par M. Bignon, p. 6.

Digitized by Google

свои депеши, иначе, какъ тогда, когда онъ везетъ ихъ у своего сердца. Я узналъ нѣсколько дней позже, что портфёль этотъ содержалъ въ себѣ описаніе нашихъ армій...»

Такимъ образомъ, уже въ началѣ 1811 года, всѣ предвидѣли неизбѣжность войны Россіи съ Франціею. Наполеонъ приказалъ на этомъ основаніи Биньону отправиться въ Варшаву, съ цѣлію приготовить поляковъ къ новой борьбѣ и къ новому подчиненію ихъ Франціи.

Трудно повѣрить тому, что̀ говоритъ Биньонъ въ своихъ запискахъ, что будто бы Наполеонъ, посылая его, хотѣлъ скорѣе ослабить, чѣмъ возбудить надежды поляковъ.

«Не надобно, говорилъ Наполеонъ, по словамъ Биньона: — чтобы они полагались и предавались вреднымъ мечтаніямъ. Въ настоящее время они составляютъ государство болѣе чѣмъ въ четыре мильйона населенія. Гораздо будетъ лучше, если они займутся своими внутренними улучшеніями и преобразованіями, чѣмъ преслѣдовать химерическія идеи (des chimères), которыя могутъ быть для нихъ небезопасны». Если допустить подлинность словъ Наполеона, то и тогда онъ говорилъ не то, что̀ думалъ, такъ-какъ это противорѣчило всѣмъ его дѣйствіямъ. Поступки его съ поляками отличались полною небрежностью, и можно сказать, неуваженіемъ къ націи. Онъ то подавалъ имъ надежду, хотя, конечно, весьма слабую; то вдругъ убивалъ ее; то гладилъ ихъ по головѣ, когда они нужны были ему, какъ орудіе исполненія его дѣйствій, то вдругъ публично объявлялъ то, отъ чего многіе изъ поляковъ приходили въ недоумѣніе. Словомъ сказать, держа поляковъ всегда въ возбужденномъ состояніи, Наполеонъ игралъ польскою націею и дѣйствовалъ относительно ея двумя путями: офиціально онъ жертвовалъ поляками, убивалъ въ нихъ всякую надежду на возстановленіе Польши, а подспудно онъ льстилъ имъ, возбуждалъ ихъ, и поддерживалъ идею о единствѣ всей, нѣкогда бывшей Польши. Краснорѣчивыя фразы Биньона въ его «Histoire de France»—фразы, которыми онъ старается выставить заслуги Наполеона относительно поляковъ, недостаточны даже и для того, чтобы оправдать только дѣйствія и поступки французскаго императора для его личной пользы, и, пожалуй, для пользы Франціи. Чѣмъ, напримѣръ, можно оправдать насмѣшки человѣка надъ цѣлою націею! Какія побужденія могутъ вызвать императора на глумленіе, и притомъ довольно циническое надъ цѣлымъ народомъ?

Двинувъ, въ 1812 году, армію свою на берега Нѣмана, Наполеонъ въ своихъ прокламаціяхъ назвалъ непріязненныя дѣйствія противу Россіи *второю польскою войною* за независимость польскаго народа. Поляки встрепенулись; они чистосердечно по-

Digitized by Google

вѣрили тому, что Наполеонъ серьёзно думаетъ о возстановленіи Польши, но жестоко ошиблись. Черезъ нѣсколько дней, Польша узнала отъ своихъ собственныхъ депутатовъ, что французскій императоръ не можетъ для нихъ сдѣлать ровно ничего, что онъ оставляетъ ихъ собственному произволу, и обязываетъ ихъ не предпринимать ничего къ возстановленію Польши [1]. Откуда такія одновременныя противорѣчія? Дѣло, видите ли, въ томъ, что Наполеонъ за одинъ лишній корпусъ австрійскихъ войскъ, обѣщалъ гарантировать Австріи и сохранить цѣлость ея владѣній. Въ своемъ мѣстѣ мы разскажемъ подробности этого поступка, а теперь должны сказать только то, что возбужденные поляки, въ пылу энтузіазма, не замѣтили этой насмѣшки; ихъ національная гордость не оскорбилась такими словами французскаго императора. Поляки помѣстили даже эту насмѣшку въ своемъ сенатѣ, написавъ ее, въ назиданіе потомству, золотыми буквами на мраморной доскѣ [2]. Какъ увидимъ ниже, поляки все еще продолжали надѣяться, и не допуская грубаго обмана, положили множество своихъ вѣрныхъ сыновъ на поляхъ битвы, развѣ только для того, чтобы способствовать заключенію Наполеона на островѣ Эльбѣ!...

Для лучшаго разъясненія и оцѣнки дѣйствій Наполеона и поляковъ въ 1812 году и ихъ отношеній между собою, необходимо прослѣдить хотя бѣгло историческій ходъ этого вопроса.

Тильзитскій договоръ между Россіею и Франціею обезпечилъ самобытность и политическое существованіе Прусіи, съ весьма большими однакоже пожертвованіями со стороны этой державы. Изъ большей части польскихъ областей, бывшихъ во владѣніи Прусіи, положено образовать Варшавское Герцогство, отдавъ его во владѣніе королю саксонскому. Для возможно-лучшаго разграниченія естественными предѣлами Варшавскаго Герцогства съ Россіею, къ русскимъ владѣніямъ присоединена Бѣлостокская область. Данцигъ долженъ быть вольнымъ городомъ подъ покровительствомъ Прусіи и Саксоніи.

Тильзитскій договоръ, кромѣ того, соединилъ двухъ императоровъ, Александра и Наполеона, сдѣлавъ ихъ друзьями. Они взаимно ручались въ цѣлости владѣній, нетолько обѣихъ державъ, но и союзниковъ своихъ.

На основаніи мирнаго договора въ томъ же Тильзитѣ, между

---

[1] Смотри ниже: «Вильно въ 1812 году», гдѣ нами приведены подлинныя слова Наполеона въ отвѣтъ на рѣчь Выбицкаго.

[2] Въ приведенномъ ниже постановленіи генеральной конфедераціи Польскаго Королевства.

Digitized by Google

Прусіею и Франціею заключеннаго, постановлено, чтобы Прусія уступила въ пользу Саксоніи Котбусскій округъ и всѣ земли, пріобрѣтенныя отъ Польши, начиная съ 1772 года, и исключая только Эрмеланда, части западной Прусіи и Грауденца, оставленныхъ за Прусіею, Данцига, объявленнаго вольнымъ городомъ, и Бѣлостокской области, уступленной Россіи.

Учрежденіе Варшавскаго Герцогства, какъ отдѣльной части, подъ властію саксонскаго короля, казалось полякамъ хорошимъ предзнаменованіемъ и первымъ шагомъ Наполеона къ возстановленію Польши. Поляки думали, что политическая необходимость заставляетъ императора французовъ хлопотать о возстановленіи ихъ отечества. Значительно позже, два года спустя, они даже офиціально, во всеуслышаніе, говорили объ этомъ, въ своемъ воззваніи къ полякамъ, служившимъ въ Россіи. Они вѣрили сплетнямъ и интригамъ, проводимымъ Наполеономъ въ народѣ, и не обращали вниманіе на то, что̀ онъ дѣлалъ на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности.

Ободряя ихъ на каждомъ шагу и питая въ нихъ надежду на свою помощь, Наполеонъ публично говорилъ совершенно противное. Приступая къ переговорамъ, которые должны были начаться съ Австріею, Наполеонъ предложилъ императору Александру или принять непосредственное участіе присылкою полномочныхъ, или быть включеннымъ въ нихъ, какъ союзникъ Франціи. Начиная переговоры, Россія не ограничилась одними словами о нежеланіи ея возстановить Польшу. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ передалъ требованія петербургскаго кабинета въ нотѣ, сообщенной герцогу Винченскому, бывшему посланникомъ Франціи при русскомъ дворѣ. Требованія эти были какъ нельзя болѣе современны и необходимы, потому что въ это время поляки начинали уже думать о возстановленіи своего отечества. «Они именуются—говорилъ Румянцевъ въ своей депешѣ—польскими войсками. Они объявляютъ прокламаціи отъ имени ихъ отечества. Идея о возстановленіи Польши рождается въ ихъ головѣ; въ ней они видятъ исполненіе своихъ секретныхъ желаній; они ее проповѣдуютъ какъ крестовый походъ. Но эта идея не можетъ даже и въ самомъ воображеніи искать себѣ исполненія иначе, какъ только предположивъ разъединеніе двухъ императоровъ».

Нѣсколько дней спустя, императоръ Александръ самъ писалъ къ Наполеону: « . . . . . Ваше величество можете дать мнѣ полное ручательство и обезпеченіе, если вспомните все то, что̀ было мною часто повторяемо въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ объ интересахъ Россіи по отношенію дѣлъ прежде бывшей Польши, и то,

Digitized by Google

что я поручилъ своему посланнику вамъ объяснить... Мое наибольшее желаніе заключается въ устраненіи всего того, что можетъ вредить союзу, дабы онъ могъ скрѣпиться еще болѣе» [1].

Наполеонъ старался всячески избѣгнуть опредѣленнаго отвѣта на столь рѣшительныя требованія. Онъ сказалъ Горголи, при отправленіи его въ С.-Петербургъ съ депешами: «La Pologne va donner lieu à quelques contestations; mais le monde est assez grand pour que nous puissions nous arranger».

Заключеніе шёнбрунскаго договора было началомъ несогласій между кабинетами тюильрійскимъ и с.-петербургскимъ. Наполеонъ подалъ къ тому поводъ уже тѣмъ, что въ числѣ условій договора включилъ требованіе, чтобы участокъ восточной Галиціи, уступаемый австрійскимъ правительствомъ Россіи, не заключалъ въ себѣ Бродъ, «единственнаго пункта, имѣвшаго нѣкоторую важность по значительной торговлѣ своей» [2].

По условіямъ шёнбрунскаго договора (10 октября 1809 г.), отдѣливъ отъ себя часть Галиціи во владѣнія Россіи, Австрія должна была передать западную Галицію съ Замойскомъ и Краковомъ во владѣнія саксонскаго короля. Наполеонъ выставлялъ причиною такого поступка политическую необходимость и то, что будто бы онъ желалъ способствовать видамъ императора Александра [3], такъ-какъ характеръ саксонскаго короля и образъ его мыслей могли служить ручательствомъ въ ненарушимости спокойствія и безопасности сосѣдственныхъ владѣній. Видя, что Александру непріятно увеличеніе Варшавскаго Герцогства, Наполеонъ ссылался на то, что не можетъ предоставить мщенію Австріи націю, которая такъ хорошо ему служила и которая сдѣлалась для него *болѣе чѣмъ священна*. Боясь, чтобы нація, для него священная, не спросила его, почему же онъ не всю Галицію отдѣлилъ отъ Австріи, Наполеонъ поручилъ своему министру иностранныхъ дѣлъ оговориться публично въ Монитёрѣ и сослаться на узы дружбы съ Россіею. Его министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Кадорскій (Шампаньи) писалъ громкія фразы въ защиту дѣйствій своего императора. «Благодарность—писалъ онъ [4]—должна быть первою добродѣтелью государей, точно такъ же, какъ честь и достоинство есть ихъ первый законъ. Ни то ни другое не дозволило императору Наполеону отдать Австріи ту часть Галиціи, которая была противъ нея въ инсурекціи съ большимъ единодушіемъ».

---

[1] Отъ 21-го августа 1809 г.

[2] Богдановичъ: «Исторія отечеств. войны». Ч. I стр. 14.

[3] Письмо Шампаньи къ графу Румянцеву отъ 14-го октября 1809 г.

[4] Отъ 20-го октября 1809 г. Секретныя дѣла молдавской арміи.

Digitized by Google

Шампаньи ссылался на то, что никакими параграфами трактатовъ нѣтъ возможности защитить жителей отъ мщенія правительства, котораго они не уважаютъ и которымъ такъ тяжко обижены. Простая гарантія казалась Наполеону, по выраженію его министра, малымъ обезпеченіемъ для поляковъ и похожа была на полное оставленіе націи на жертву. Императоръ французовъ полагалъ, впрочемъ, въ случаѣ успѣха и возможности выговорить у Австріи всю Галицію, уступить изъ нея четыре пятыхъ Варшавскому Герцогству и одну пятую Россіи. «Еслибы Россія и Франція были между собою сосѣди—говорилъ французскій императоръ — то онѣ сдѣлали бы равный раздѣлъ между собою» [1].

Вообще баронъ Биньонъ выставляетъ въ этомъ случаѣ Наполеона вполнѣ безкорыстнымъ. Онъ старается доказать, что Франція ничего не присвоивала себѣ, отдавая Галицію саксонскому королю, который въ одинъ день могъ перемѣнить политику и присоединиться къ Россіи.

Нужно быть сильно увѣреннымъ въ недальновидности читателя, чтобы подобными софизмами объяснять и защищать образъ дѣйствій императора. Если Наполеонъ дѣйствовалъ безкорыстно, то почему онъ не слѣдовалъ словамъ и совѣтамъ императора Александра? «Если уже Галиція должна быть отдѣлена отъ Австріи—говорилъ русскій императоръ—то пусть отдадутъ ее одному изъ эрцгерцоговъ—я не стану опозировать этому; но если хотятъ раздѣлить ее между мною и Варшавскимъ Герцогствомъ, то надобно, чтобы оно получило меньшую, а я бо́льшую ея часть». Французскій посланникъ отвѣчалъ на это тѣмъ, что меньшая часть, данная Россіи, будетъ всегда имѣть обширныя преимущества и выгоды, тогда какъ Герцогство Варшавское никогда не образуетъ сильнаго королевства и не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ опасно.

«Поляки — отвѣчалъ на все это императоръ Александръ французскому посланнику—никогда не будутъ для васъ тѣмъ, чѣмъ для Россіи. Рано или поздно они сдѣлаются недовольными»...

Самъ Наполеонъ, видя неудовольствіе Александра и не желая нарушить союза, собственноручно писалъ императору, какъ будто съ цѣлію приготовить его къ принятію безъ особенной досады постановленія о раздѣлѣ Галиціи [2]:

«Государь братъ мой! Герцогъ Виченскій извѣстилъ меня, что ваше величество заключили миръ съ Швеціею, и что вы полу-

---

[1] Bignon. Histoire de France T. 2 p. 220.

[2] Письмо Наполеона къ Александру отъ 10-го октября 1809 г.

Digitized by Google

чили тѣмъ выгоды и преимущества, которыя желали. Ваше величество позволитъ ли мнѣ сдѣлать ему этимъ письмомъ мое привѣтствіе? Альтенбургская негоціація ведется въ Вѣнѣ. Князь Лихтенштейнъ занимается ею съ г. Шампаньи, и я надѣюсь на возможность увѣдомить вскорѣ ваше величество о заключеніи мира съ Австріею. Въ немъ ваше величество увидитъ, что бо́льшая часть Галиціи, согласно вашимъ желаніямъ, вовсе не перемѣняетъ повелителя (de Maître), и что я, угрожаемый вашими интересами, старался сдѣлать все, что̀ могъ, совѣтуясь во всемъ съ собственною честію (l'honneur) и тѣмъ, что̀ она внушала мнѣ.

«Благосостояніе и хорошее существованіе Герцогства Варшавскаго требуютъ того, чтобы оно было въ милости (dans la bonne grace) вашего величества, а ваши интересы могутъ, конечно, служить къ тому, что ни въ какомъ случаѣ, ни въ какомъ предположеніи оно не должно надѣяться ни на какую съ моей стороны поддержку и протекцію *.

«Я далъ миръ Австріи болѣе выгодный, чѣмъ она сама могла надѣяться. Она ничего не уступаетъ кромѣ Зальцбурга и нѣсколькихъ незначительныхъ владѣній. Она ничего не уступаетъ со стороны Богеміи. Она ничего не уступаетъ со стороны Италіи за исключеніемъ того, что̀ мнѣ необходимо для моихъ сообщеній съ Далмаціею. Австрійская монархія остается цѣлою. Это второе доказательство, которое я хотѣлъ сдѣлать. Я употребилъ относительно ея умѣренность, которой она не имѣла никакого права ожидать. Я, надѣюсь, сдѣлалъ этимъ весьма пріятное вашему величеству»...

Между тѣмъ, полный сочувствія взглядъ на Польшу, проводимый въ народной массѣ, не могъ не нравиться полякамъ. Они надѣялись на французскаго императора, а главное, на его приближенныхъ. Поляки думали, что имъ удастся возстановить Польшу и потому охотно шли подъ власть саксонскаго короля, тѣмъ болѣе, что ихъ увѣряли въ добрыхъ началахъ и благонамѣренности новаго ихъ повелителя. Отдаваясь въ чуждую для нихъ власть, поляки думали своею угодливостію достигнуть своей независимости. На саксонскаго короля они смотрѣли какъ на лицо подставное, какъ на ширму, за которой блуждалъ огонекъ то исчезавшій, то снова появлявшійся. Варшава не праздновала никогда съ такою пышностію и усердіемъ дни національныхъ празд-

* ... que dans aucun cas, dans aucune hypotèse ils ne doivent esperer aucune protection de moi.

Digitized by Google

никовъ и посѣщеній саксонскаго короля, съ какою она праздновала дни именинъ и рожденія Наполеона [1].

Зная и вѣря въ одну только сторону дѣла, они не знали, а можетъ быть и не хотѣли знать другой, и самой главной. Они не хотѣли видѣть, что тотъ, во власть кого ихъ отдавали, былъ въ полнѣйшей зависимости отъ французскаго императора. Полякамъ не было извѣстно, что одновременно съ высказываемымъ теплымъ участіемъ, Наполеонъ нетолько не желалъ поселить надежды на возстановленіе Польши, дѣйствія столь удаленнаго отъ его мысли, но готовъ былъ содѣйствовать всему тому, что̀ могло изгладить память объ ней [2]. Въ выноскѣ мы приводимъ выраженія французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, ясно и какъ нельзя болѣе опредѣленно указывающаго на истинныя тенденціи его императора [3].

На самомъ дѣлѣ Наполеонъ признавалъ необходимымъ и полезнымъ для Европы, чтобы снова Польша и поляки совершенно исчезли нетолько изъ всѣхъ политическихъ сношеній, но даже и изъ исторіи. Саксонскій король получилъ чуть не приказаніе французскаго императора, достигать и стремиться ко всему, что̀ могло привести къ этой цѣли. «Все, что̀ могло бы служить къ поддержанію въ покорности и полномъ повиновеніи жителей Литвы—говорилъ тотъ же герцогъ Кадорскій [4] — будетъ *принято* императоромъ *и исполнено* саксонскимъ королемъ. Нынѣшнее Герцогство Варшавское составляетъ не болѣе одной десятой части прежней Польши. Возможно ли, чтобы изъ такой небольшой области возникло обширное государство?»

Самъ Наполеонъ, въ рѣчи своей законодательному корпусу, сказалъ 3-го декабря 1809 года: «Mon allié et ami, l'Empereur de Russie, a reuni à son vaste Empire la Finlande, la Moldavie, la Valachie et un district de la Gallicie. Je ne suis jaloux de rien de ce qui peut arriver de bien à cet Empire. Mes sentimens pour son illustre Souverain sont d'accord avec ma politique» [5].

---

[1] Французскія газеты наполнены подобными описаніями и выдержки изъ нихъ мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ.

[2] Шампаньи къ графу Румянцевъ отъ 14-го октября 1809 года.

[3] L' Empereur—писалъ Шампаньи—veut non seulement ne point faire naitre l'idée de la renaissance de la Pologne, si eloignée de sa pensée, mais il est disposé á concourir avec l' Empereur Alexandre, á tout ce qui pourra en effacer à jamais le souvenir dans le coeur de ses anciens habitans.—S. M. approuve que les mots de Pologne et de Polonais disparaissent non seulement de toutes les transactions politiques, mais même de l'Histoire». Отъ 20-го октября.

[4] Письмо Шампаньи къ графу Румянцеву отъ 14 и 20-го октября 1809 г.

[5] Союзникъ и другъ мой, русскій императоръ, присоединилъ къ своей обшир-

Digitized by Google

Въ отчетѣ министра иностранныхъ дѣлъ Шампаньи за 1809 годъ, были объяснены самымъ неточнымъ и двусмысленнымъ образомъ причины, побудившія Наполеона увеличить Варшавское Герцогство: «Герцогство Варшавское—говорилъ онъ 24 декабря*—увеличено присоединеніемъ части Галиціи. Императору было бы весьма нетрудно присоединить къ герцогству и всю Галицію; но онъ не желалъ ничего такого, что̀ могло бы возбудить безпокойство и опасенія въ его другѣ и союзникѣ, русскомъ императорѣ. Галиція прежняго раздѣла почти вся цѣликомъ оставлена во владѣніи Австріи. Его величество не имѣлъ вовсе въ виду возстановленія Польши. То, что̀ сдѣлалъ императоръ для новой Галиціи, его побудила сдѣлать это, конечно, гораздо менѣе политика, чѣмъ его достоинство: онъ не могъ предоставить мщенію неумолимаго (implacable) принца народъ, который показалъ себя столь горячо преданнымъ Франціи.

«Молодой австрійскій принцъ, тотъ самый, который командовалъ подъ Ульмомъ въ 1805 году, столь же надменный, сколько несвѣдущій въ военномъ искуствѣ, не зналъ съ 40,000 человѣкъ, что будетъ разбитъ княземъ Понятовскимъ, имѣвшимъ только 13,000. Вслѣдствіе дурныхъ разсчетовъ своего генерала, австрійскій домъ потерялъ западную Галицію, жители которой съ энтузіазмомъ стряхнули иго, тяготѣвшее надъ ними. Не подчинять ихъ снова тому же дому было обязанностію императора. Его величество желаетъ, чтобы подъ мудрымъ правленіемъ саксонскаго короля жители Великаго Герцогства Варшавскаго обрѣли спокойствіе и наслаждались счастіемъ, не дѣлая безпокойства своимъ сосѣдямъ».

Рѣчь эта такова, что каждый могъ принять и объяснить въ свою пользу выраженія французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Поляки могли видѣть въ ней сочувствіе къ нимъ Франціи; Россія, напротивъ, то, что Наполеонъ не думалъ о возстановленіи Польши. Несмотря на то, что Россія была весьма мало вознаграждена за издержки, употребленныя ею на войну съ Австріею, получивъ только Тарнопольскую область, несмотря на то, что императоръ Наполеонъ не исполнилъ своихъ словъ, сказанныхъ Чернышеву въ разговорѣ 15-го сентября 1809 года, что при мирномъ договорѣ съ Австріею, «Lemberg avec encore quelque chose sera

---

ной имперіи Финляндію, Молдавію, Валахію и участокъ Галиціи. — Я не сожалѣю ни о чемъ, могущемъ служить ко благу сей имперіи. Мои чувства въ отношеніи къ знаменитому ея повелителю согласны съ моими политическими видами.

* Moniteur 1809 г. № 348.

Digitized by Google

le lot de la Russie—несмотря на все это, императоръ Александръ не протестовалъ противу расширенія Варшавскаго Герцогства. Онъ желалъ только, чтобы Наполеонъ обязался въ томъ, что Польша никогда не будетъ возстановлена. Поэтому, вскорѣ послѣ полученія письма герцога Кадорскаго, петербургскій кабинетъ сталъ заниматься приготовленіемъ основаній, на которыхъ предполагалось заключить конвенцію, устраняющую собою всѣ возможныя толкованія словъ «поляки» и «Польша». Первыя основанія, такъ сказать канва этой конвенціи были: 1) приглашеніе и обязательство въ томъ, что вопросъ о возстановленіи Польши не будетъ никогда возбужденъ; 2) исключеніе имени Польши и поляковъ изъ всѣхъ актовъ, и 3) признаніе Варшавскаго Герцогства не иначе, какъ провинціею владѣній саксонскаго короля.

Составленная на этихъ главныхъ основаніяхъ конвенція была подписана французскимъ посланникомъ 24 декабря 1809 года, и заключала въ себѣ слѣдующія постановленія. Первыми двумя статьями этого трактата опредѣлялось, что Королевство Польское не будетъ никогда возстановлено (ст. I) и обѣ стороны приглашались пещись о томъ, чтобы наименованіе Польши и поляковъ не присоединялись никогда ни къ какой изъ провинцій, которыя составляли прежде это королевство. Что названіе Польши исчезнетъ изъ всѣхъ офиціальныхъ и международныхъ актовъ, такъ что увеличенное новыми провинціями Герцогство Варшавское не будетъ называться королевствомъ Польскимъ или Польшею (ст. 2). Третьей статьею отмѣнялись старые польскіе ордена, и оба императора обязывались никогда ихъ не возстановлять въ будущемъ. Полякамъ, подданнымъ Россіи, запрещалось вступать въ службу саксонскаго короля и обратно (ст. 4). Пятою статьею Наполеонъ обязанъ былъ не увеличивать Герцогство Варшавское присоединеніемъ новыхъ провинцій или городовъ, принадлежавшихъ старой Польшѣ. Шестою статьею устранялось смѣшанное подданство. Въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ предполагалось объявить, подъ чьею властію поляки должны оставаться. Конвенція эта должна быть ратификована въ теченіе пятнадцати дней (ст. 8) *.

Договоръ этотъ, подписанный Коленкуромъ (герцогомъ Виченскимъ), надлежало ратификовать самому императору, который далъ своему посланнику полномочіе заключить его, но только съ однимъ условіемъ, чтобы онъ былъ написанъ обыкновеннымъ дипломатическимъ языкомъ, дающимъ возможность, какъ дышломъ, поворачивать въ какую угодно сторону, и перетолковы-

* Bignon. Histoire de France, p. 269.

Digitized by Google

вать и вдоль и поперегъ. Коленкуръ не съумѣлъ угодить императору. Онъ подписалъ статьи трактата, какъ видно, написанныя очень коротко, но ясно и опредѣленно на столько, что не было возможности перетолковывать его по произволу. Договоръ этотъ достигъ до Парижа около 20 (8) янв. 1810 года. Наполеонъ не отказывалъ въ ратификаціи этого договора, но требовалъ, чтобы употребленныя въ немъ выраженія были замѣнены другими, и на этомъ основаніи прислалъ въ Петербургъ свою редакцію этого договора. Главныя перемѣны были сдѣланы въ первомъ пунктѣ договора. «Императоръ французовъ обязуется—сказано во французской редакціи—не покровительствовать никакому предпріятію, клонящемуся къ возстановленію Польскаго королевства, и не давать никакой помощи и пособія тѣмъ государствамъ, которыя будутъ имѣть эти виды, никакой опоры, ни ободренія прямаго или косвеннаго, никакой инсурекціи или возстанію въ провинціяхъ, которыя составляли это королевство» [1].

Хотя Биньонъ и находитъ, что эта редакція заключала въ себѣ все то, чего желала Россія, но императоръ Александръ очень хорошо понялъ намѣренія Наполеона и не согласился замѣнить ясныхъ и опредѣленныхъ выраженій темными и неопредѣленными. Наполеонъ, въ свою очередь, отказался ратификовать договоръ, подписанный Коленкуромъ. Онъ отговорился тѣмъ, что невозможно ручаться за будущее.

Императоръ Александръ, все еще надѣясь устроить дѣло о Польшѣ по согласію съ Наполеономъ, приказалъ нашему посланнику въ Парижѣ князю Куракину сообщить французскому министру иностранныхъ дѣлъ контр-проектъ (contre-projet) конвенціи о Польшѣ, «съ объясненіемъ причинъ, на основаніи которыхъ русское правительство предлагало измѣнить конвенцію, составленную въ Парижѣ».

Главныя изъ этихъ измѣненій состояли: въ первомъ пунктѣ, вмѣсто обязательства не способствовать возстановленію Польши, предполагалось написать: «Его величество императоръ французовъ, король италійскій, имѣя въ виду отнять у враговъ общаго спокойствія континентальныхъ державъ всякую надежду къ его нарушенію, обязывается, такъ же какъ и императоръ всероссійскій, въ томъ, что королевство Польское не будетъ возстановлено никогда» [2].

По третьему пункту, вмѣсто словъ: «не давать впередъ преж-

---

[1] Bignon. Histoire de France. Chap. XX стр. 270.

[2] Богдановичъ. Исторія отечественной войны. I, 18.—Bignon XX, 273.

Digitized by Google

нихъ польскихъ орденовъ», постановлялось: отмѣнить прежніе польскіе ордена и всѣ соединенныя съ ними достоинства и отличія.

Но и на это новое предложеніе, какъ и на всѣ предъидущія, Наполеонъ не далъ рѣшительнаго отвѣта. Императоръ Александръ былъ недоволенъ этою уклончивостью и предполагалъ въ Наполеонѣ непріязненное намѣреніе относительно Россіи, думая, что французскій императоръ хочетъ только выиграть время. «Если положеніе дѣлъ измѣнится, сказалъ онъ: — не мы будемъ виноваты. Не я буду нарушителемъ европейскаго мира; не я пойду нападать. Но если пойдутъ на меня, я буду защищаться».

Такъ протянулся весь 1809 годъ, впродолженіе котораго Наполеонъ все-таки не далъ никакого рѣшительнаго отвѣта, несмотря на то, что увѣрялъ Александра въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, расположеніи къ нему и искреннемъ союзѣ. Важность этого постановленія, обезпечивающаго внутреннее спокойствіе Россіи и ея внѣшнюю безопасность, не послужила, однакожь, поводомъ къ прямому нарушенію союзныхъ отношеній. Весь слѣдующій за тѣмъ 1810 годъ проведенъ былъ во взаимныхъ увѣреніяхъ дружбы.

Въ 1810 году Наполеонъ болѣе чѣмъ когда либо нуждался въ союзѣ съ Россіею. Французскіе курьеры поминутно отправлялись въ Петербургъ изъ различныхъ мѣстъ пребыванія императора; многія письма Наполеона и депеши его министра иностранныхъ дѣлъ отправлялись по почтѣ, конечно, съ тою цѣлію, чтобы вся Европа могла узнать ихъ содержаніе, доказывающее о тѣснѣйшемъ союзѣ Россіи съ Франціею.

Вступая во второй бракъ съ австрійскою эрцгерцогинею, Наполеонъ, прежде окончательнаго своего объявленія о томъ австрійскому дому, сообщаетъ объ этомъ русскому посланнику въ Парижѣ, и своею любезностію старается во всемъ предупредить императора Александра. Причиною такого поведенія были запутанныя дѣла Франціи въ Испаніи, гдѣ французы повременамъ терпѣли значительную неудачу, а большей частію не имѣли никакого успѣха. Переговоры съ Англіею также не подвигались впередъ, отчего увеличивалось число недовольныхъ на французскаго императора.

Выдти изъ этого могъ онъ только опираясь на союзъ съ сильнымъ и могущественнымъ государствомъ, какова была въ ту эпоху Россія. Сознавая это, Наполеонъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ, чтобы только расположить къ себѣ императора Александра. Первое вниманіе въ этомъ отношеніи было обращено на поляковъ. Холодность, которою отличались поступки Наполеона съ графомъ Замойскимъ, присланнымъ отъ саксонскаго короля съ поздравленіемъ по случаю бракосочетанія Наполеона, не ускользнула

Digitized by Google

отъ тѣхъ, которые съ жадностію слѣдили за этимъ. Около этого времени появилась въ «Journal de l'Empire» весьма любопытная статья о Польшѣ. Статья эта была составлена, безъ всякаго сомнѣнія, для русскаго правительства. Этою статьею Наполеонъ хотѣлъ еще болѣе увѣрить петербургскій кабинетъ, что онъ оставилъ поляковъ на ихъ собственный произволъ.

«Корреспондентъ изъ Гамбурга—сказано въ «Journal de l'Empire» * и послѣ него многіе журналы увѣряютъ, что его величество король саксонскій давалъ 25 мая въ Варшавѣ аудіенцію князю Адаму Чарторыйскому, что 27 мая онъ явился при дворѣ одѣтымъ во всѣ польскіе ордена, и что его величество король саксонскій возвелъ его въ достоинство вице-короля Варшавскаго Герцогства и проч.

Эти различныя увѣренія журналистики казались странными въ ихъ изложеніи и по истинѣ еще чуднѣе въ ихъ повтореніи. Сначала видѣли здѣсь нѣкоторое стараніе заставить фигурировать почтеннаго старика, котораго лѣта и извѣстныя наклонности удаляютъ равномѣрно отъ всѣхъ дѣлъ. Князь одѣтъ въ австрійскій мундиръ, тогда какъ сынъ его былъ долгое время облеченъ довѣренностію Россіи, управляя главнымъ его министерствомъ? Нельзя было болѣе поразить, какъ сказавъ, что этотъ князь появился ко двору одѣтый во всѣ польскіе ордена. Въ настоящее время извѣстно: что̀ такое Польша? Европа не знаетъ ничего другого, кромѣ Герцогства Варшавскаго, и никто не хочетъ вспомнить, что это ордена государства, которое уже не существуетъ вовсе. Но что̀ всего болѣе показалось нелѣпымъ (absurde)—это то, что князь Адамъ можетъ быть возведенъ въ достоинство вице-короля Великаго Герцогства Варшавскаго «comme si, en supposant que l'acte qui constitue le souverain d'un Etat grand-duc pût y admettre en même temps un vice-roi; le roi de Saxe n'avait pas montré par ses voyages fréquents dans le grand-duché, par la sollicitude particulière et vraiment paternelle qu'il a porté dans l'administration de cet Etat, que Sa Majesté ne s'en reposerait sur personne autre du soin de la gouverner.»

Холодный пріемъ графа Замойскаго, появленіе вышеприведенной нами статьи въ «Journal de l'Empire» были, конечно, сдѣланы съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы показать холодность императора Наполеона къ полякамъ, и отнять черезъ то всякое подозрѣніе у петербургскаго кабинета насчетъ покровительства его этой націи, такъ тщеславившейся этимъ. Наполеонъ полагалъ подобны-

* Отъ 18-го іюня 1810 г.

Digitized by Google

ляковъ. Не будь словъ «Варшавскаго Герцогства» въ Европѣ, и поляки не думали бы о возстановленіи своего отечества и не называли бы, какъ увидимъ ниже, Наполеона своимъ возстановителемъ...

II.

Биньонъ прибылъ въ Варшаву въ самомъ началѣ 1811 года, вскорѣ послѣ присоединенія къ Франціи герцогства Ольденбургскаго и декабрьскаго указа императора Александра о тарифѣ. Посланникъ этотъ и историкъ не сообщаетъ намъ инструкціи, которая была дана ему Наполеономъ. Ни въ его «Исторіи Франціи», ни въ «Воспоминаніяхъ дипломата» кромѣ словъ, сказанныхъ Наполеономъ при отправленіи его въ пріемной тюильрійскаго дворца, и приведенныхъ нами въ началѣ первой главы, мы не могли узнать вѣрной цѣли его поѣздки въ Варшаву. Изъ его разсказовъ о дѣйствіи де-Прада, прибывшаго въ Варшаву послѣ Биньона, котораго Наполеонъ послалъ въ 1812 году въ Вильну, и инструкціи, данной де-Праду, можно только догадываться о томъ, что французскій резидентъ долженъ былъ играть двусмысленную роль: не обѣщая прямо ничего, держать поляковъ въ ожиданіи и надеждахъ на милость французскаго императора. Такое поведеніе относительно поляковъ принято было Наполеономъ еще съ 1807 года. Наполеонъ приказалъ своему министру, по словамъ Бургоэна, * бывшему въ Саксоніи и Польшѣ, быть крайне осмотрительнымъ и осторожнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Тогдашнюю инструкцію можно было формулировать такими словами французскаго императора: «Вы познакомитесь съ дѣлами запутанными, многосложными и щекотливыми. Будьте какъ возможно къ полякамъ услужливы, предупредительны, дружелюбны, и благосклонны. Я желаю, чтобы они видѣли въ васъ представителя отъ человѣка, который ихъ любитъ и желаетъ имъ счастія, но не возбуждайте очень много ихъ воображенія. Я полагаюсь на ихъ приверженность. Я сдѣлаю для нихъ все, что̀ буду въ состояніи, когда настанетъ время; но въ ожиданіи слѣдуетъ ихъ укрощать больше, нежели возбуждать».

Эти двусмысленныя обѣщанія французское правительство поддерживало въ полякахъ до самаго 1812 года, когда, посылая де-Прада въ Варшаву, Наполеонъ далъ ему инструкцію весьма опредѣленную и соблазнительную для поляковъ. Той же самой инструкціи долженъ былъ слѣдовать и Биньонъ въ началѣ сво-

* Souvenirs d'Histoire contemporaine par Paul de Bourgoing p. 99.

Digitized by Google

его пребыванія въ Варшавѣ. Систематически окруживъ себя шпіонами, онъ правильно организировалъ себѣ этихъ агентовъ на деньги, отпускаемыя ему Наполеономъ. Онъ не говоритъ о прямой цѣли отпускаемыхъ имъ суммъ, но въ своихъ «Воспоминаніяхъ дипломата» не скрываетъ однакоже того, что уполномоченъ былъ употреблять до 10,000 франковъ въ мѣсяцъ [1]. Повсюду у него разосланы были шпіоны, обязанные наблюдать за всѣмъ происходившимъ въ Россіи, Турціи и Австріи. Самъ Биньонъ признается, что имъ было отправлено въ Парижъ множество писемъ по этому предмету.

Въ то время, когда война стала неизбѣжною, Биньонъ получилъ приказаніе воодушевлять поляковъ надеждою, что усерднымъ участіемъ въ приближающейся войнѣ они могутъ возстановить свое отечество.

Задача эта была нелегка: онъ обязанъ былъ воодушевить поляковъ на столько, чтобы они могли жертвовать собою и готовы бы были къ величайшимъ усиліямъ и пожертвованіямъ. Всего этого нужно было достигнуть не давая прямаго обѣщанія о возстановленіи отечества. Онъ долженъ былъ волновать поляковъ и поддерживать въ нихъ надежду, въ то время, когда Наполеонъ почти весь 1811 годъ велъ переговоры съ Россіею, требовавшею чтобы Польша не была возстановлена. Искуственными софизмами Биньонъ и тутъ старается оправдать какъ свои дѣйствія, такъ и намѣренія своего императора.

По его словамъ, Наполеонъ въ минуту ссоры съ императоромъ Александромъ, опирался на поляковъ. Безъ всякаго сомнѣнія, говоритъ Биньонъ [2], онъ (Наполеонъ) желалъ сдѣлать многое въ ихъ пользу, но это вовсе не была война *спеціально для нихъ предпринятая* и Польша не была здѣсь *вовсе обманута*. Ярый защитникъ и адвокатъ забылъ вѣроятно эти слова, когда черезъ нѣсколько страницъ цитировалъ прокламацію Наполеона 22 іюня въ Волковишкахъ. «Солдаты! писалъ Наполеонъ [3]: *Вторая польская война началась!* Первая кончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ, гдѣ Россія клялась сохранять вѣчно союзъ съ Франціею и враждовать съ Англіею. Она нарушила свою клятву! Она не хочетъ дать никакаго объясненія въ странныхъ своихъ дѣйствіяхъ до тѣхъ поръ, пока французскіе орлы не отойдутъ за Рейнъ, *предоставя ей въ жертву нашихъ союзниковъ*. Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей. Неужели она

---

[1] Souvenirs d'un diplomate, p. 59.
[2] Bignon. Histoire de France. 2, p. 453.
[3] Ibid p. 487. Богдановичъ: Исторія отечественной войны. Ч. I стр. 90.

Digitized by Google

полагаетъ, что мы измѣнились? Развѣ мы уже не воины аустерлицкіе? Она ставитъ насъ между безчестіемъ и войною: выборъ не подлежитъ сомнѣнію. Итакъ — впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи! *Вторая польская война* будетъ столь же славна для Франціи, сколько и первая; но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и прекратитъ пятидесятилѣтнее кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы».

Французскій историкъ не видитъ въ этомъ обмана поляковъ и ихъ обольщенія. Защищая Наполеона, онъ высказываетъ тѣ идеи, которыя онъ проводилъ въ Варшавѣ. По его словамъ, Наполеонъ не искалъ случая обольщать поляковъ; онъ не давалъ полякамъ тѣхъ обѣщаній, которыхъ не желалъ бы и не имѣлъ въ виду исполнить. Биньонъ даже увѣряетъ въ одномъ мѣстѣ [1], что Наполеонъ не говорилъ имъ вовсе того, что идетъ сражаться за нихъ, но что онъ призывалъ ихъ только сражаться вмѣстѣ съ собою противу врага, общаго какъ для Франціи, такъ и для Польши.

«Поляки не ошиблись въ этомъ, говоритъ онъ:—они прекрасно постигали, что первая и главная цѣль Наполеона, было благосостояніе Франціи, но въ то же время они судили, что въ перестройкѣ сильнаго барьера противу Россіи, заключаются собственные интересы французскаго императора, и они надѣялись, что если императоръ и не можетъ имъ возвратить провинцій, завоеванныхъ Австріею, то найдетъ однако средство превратить Герцогство Варшавское въ королевство, увеличивъ его всѣми польскими провинціями, которыя онъ отниметъ у Россіи».

Съ своей стороны мы скажемъ еще болѣе. Поляки были такъ сильно наэлектризованы въ 1812 году, что они разсчитывали на гораздо большее расширеніе ихъ отечества. Они были убѣждены, что Наполеонъ отдастъ имъ Смоленскую губернію, главный городъ которой они называли своимъ городомъ [2].

Собственно говоря, движеніе умовъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ присоединенной къ Россіи Бѣлостокской Области началось еще въ началѣ 1810 года. Къ этому времени надо отнести начало идеи о возможности возстановленія Польши. Въ началѣ 1810 года замѣ-

---

[1] Bignon, p. 454

[2] «Итакъ—говорили поляки—Смоленскъ, знаменитое нѣкогда предковъ нашихъ владѣніе, увидѣлъ, наконецъ, въ стѣнахъ своихъ древнихъ своихъ соотечественниковъ, вступающихъ вмѣстѣ съ отрядами непобѣдимой французской арміи». См. Litewsky Kuryer 1812 г. № 74.

Мы принуждены жаловаться на непріятеля, что онъ соединивъ свои силы, вмѣсто того, чтобы сражаться въ открытомъ полѣ, вознамѣрился защищать *несчастный нашъ городъ*. Нашъ храбрый соотечественникъ, генералъ Зайончекъ, раненъ при штурмѣ Смоленска. См. Litewsky Kuryer 1812 г. № 71.

Digitized by Google

чалось броженіе между поляками и частое сообщеніе между поляками литовскаго края и Варшавскаго Герцогства. Граница, вновь установленная при присоединеніи Бѣлостокской Области, представляла къ тому полное удобство, такъ что секретная переписка между тѣми и другими могла быть производима безъ большихъ затрудненій. Имѣніе Пешково, принадлежавшее графу Старжинскому, раздѣлялось рѣчкою, составлявшею нашу границу, такъ что домъ графа Старжинскаго принадлежалъ Бѣлостокской Области, а вся деревня и бо̀льшая часть имѣнія отошла въ Герцогство Варшавское. Самъ графъ Старжинскій, бывшій областнымъ маршаломъ, уѣхалъ въ Галицію, и его имѣніе представляло всѣ удобства къ сообщеніямъ [1]. Поляки воспользовались такимъ удобнымъ сообщеніемъ, не сдѣлавъ, конечно, имѣнія Старжинскаго исключительнымъ мѣстомъ для своихъ переговоровъ.

Уже въ началѣ 1810 года стали распространяться въ Герцогствѣ Варшавскомъ слухи о благихъ намѣреніяхъ Наполеона относительно поляковъ и возстановленіи ихъ отечества. Слухи эти были пущены въ народъ и принимали все болѣе и болѣе гражданственности. Умы волновались и поляки мало-по-малу приготовлялись къ всеобщему движенію Но простой народъ понималъ это по своему; онъ полагалъ и ожидалъ Наполеона потому, что надѣялся, будто Наполеонъ уничтожитъ дворянъ и дастъ крестьянамъ полную свободу [2]. Народъ не думалъ кромѣ этого ни о какомъ возстаніи, и Биньонъ сильно ошибся, принимая рѣчи, которыя онъ слышалъ въ аристократическихъ салонахъ и отъ дворянъ, за выраженіе настроенія цѣлой націи. То были слова и рѣчи лицъ, желавшихъ и думавшихъ о возстановленіи прежнихъ своихъ привилегій. Орудіемъ для исполненія своихъ замысловъ они употребляли іезуитовъ и женщинъ. Заботы Наполеона объ укрѣпленіи Замосця и Торна, въ то время когда Россія воздвигала точно такую же линію у себя, безпрерывное движеніе войскъ въ крѣпостяхъ, все это показывало полякамъ о возможности близкаго столкновенія между Россіею и Франціею. Пылкіе поляки привыкли вѣрить, что нѣтъ ничего невозможнаго для Наполеона, и въ предстоящей войнѣ видѣли новый шагъ французскаго императора къ возстановленію Польши. Появились восторженные патріоты, говорили пламенныя рѣчи, ввели почти во всеобщее употребленіе красныя шапки, воздавая тѣмъ честь цвѣту польскихъ королей, носили конфедерат-

---

[1] Рапортъ полковника Шитца къ Барклаю-де-Толли изъ Бѣлостока отъ 4-го мая 1816 года.

[2] Арх. воен. топ.-депо, дѣло за № 50295.

Digitized by Google

ки [1]. Кн. Понятовскій старался возбудить энтузіазмъ въ своихъ солдатахъ. На смотрахъ онъ привѣтствовалъ ихъ громкими фразами, говорилъ имъ, что они—отрасли того самого народа, отъ котораго въ древнія времена дрожалъ весь свѣтъ; хвалилъ ихъ дѣйствія и храбрость въ послѣднюю войну съ австрійцами; давалъ балы и обѣды своимъ офицерамъ, проповѣдывавшимъ то же самое [2]. Словомъ сказать, энтузіазмъ поляковъ былъ возбужденъ на столько, что французскому министру въ Варшавѣ, по его собственному признанію, нужно было умѣрять его порывы и стараться предупреждать только отклоненіе этого патріотизма отъ прямаго пути—патріотизма столь выгоднаго и согласнаго съ интересами Франціи. Биньонъ, окруженный множествомъ агентовъ и снабженный деньгами, успѣлъ достигнуть того, что поляки вѣрили во всемогущество Наполеона. Онъ достигъ того, что поляки думали о какой-то особенной его привязанности и любви къ польской націи, и забывъ его поступки и дѣйствія предъидущихъ годовъ, твердили вмѣстѣ съ поэтомъ:

Francya winna Ci szczęście, kray Włoski znaczenie,
Państwa Rzeszy byt pewny, Polska wybawienie.
Lądu całego odgłos ten się dziś urodził,
Co zuchwałych ukorzył, słabych oswobodził

(Франція тебѣ одолжена счастіемъ, Италія—могуществомъ, Германскій Союзъ—упроченнымъ состояніемъ, Польша — освобожденіемъ. Вся твердь единогласно восклицаетъ: сегодня родился тотъ, который дерзкихъ и надменныхъ унизилъ, а слабыхъ освободилъ).

Ten kometa na niebie w Europie się ziawił,
Za nim przyszedł co Litwę z nicości wybawił.
To iest promień, co lodów stapiaiąc okowy —
Wraca martwym roślinom życie i wzrost zdrowy.
Przezeń Bóg nowe Króli osadza na Tronie,
Sprawiedliwy, wszechmocny Bóg w Napoleonie.

(Эта комета явилась въ Европѣ на небѣ, а за нею пришелъ тотъ, который Литву извлекъ изъ ничтожества. Вотъ божественный лучъ, разрушающій ледяныя оковы и возвращающій растеніямъ жизнь и здоровье. Богъ его десницею новыхъ королей возводитъ на престолы, справедливый всемогущій Богъ! проявляющійся въ Наполеонѣ).

Польскія дамы не отставали отъ общаго населенія и своимъ патріотическимъ настроеніемъ едва-ли не перещеголяли мужское

---

[1] Донесеніе Дибича къ Барклаю-де-Толли изъ Динабурга отъ 9-го мая 1810 г. См. Арх. воен. топ. дело № 50295 кн. 4.

[2] Рапортъ полковника Шитца къ Барклаю-де-Толли отъ 8-го сентября 1810 г.

Digitized by Google

населеніе. Чтобы дать вѣрную идею о настроеніи умовъ, бывшемъ въ Варшавѣ въ кругу аристократическаго населенія, мы приведемъ слова самого Биньона, рисующаго участіе женщинъ въ этомъ дѣлѣ. Въ концѣ 1811 года пріѣхала на нѣсколько мѣсяцевъ въ Варшаву княгиня Чарторыйская, бывшая замужемъ за старикомъ Чарторыйскимъ, претендентомъ на польскій престолъ еще въ 1764 году и соперничавшимъ въ этомъ съ Станиславомъ Потоцкимъ. Биньонъ познакомился съ нею и въ восторгѣ писалъ: «Если есть хотя одна страна—писалъ Биньонъ * — гдѣ мнѣніе женщинъ не должно быть пренебрегаемо, то, конечно, это Польша. Нельзя видѣть безъ особаго удовольствія общаго направленія ихъ чувствъ, а въ особенности тамъ, гдѣ чувства эти касаются собственно любви къ независимой самобытности ихъ отечества. Это по истинѣ вещь благородная, это—родъ удальства, съ которымъ женщины смотрятъ на войну, какъ на единственное средство къ благосостоянію ихъ отечества... Княгиня Чарторыйская много жила, много перенесла испытаній для того, чтобы въ ней можно было подозрѣвать блестящія иллюзіи, которыя тѣшатъ воображеніе болѣе молодыхъ и менѣе опытныхъ.»

Биньонъ не отрицаетъ того, что ему удалось внушить полякамъ мнѣніе, что если они образуютъ народное войско, то оно, доставивъ союзъ Франціи, будетъ также много способствовать дѣлу возстановленія Польши. Тѣми или другими путями, онъ все-таки достигъ того, что могъ написать и похвалиться своими дѣйствіями.

«Тѣ же самыя чувства, но съ гораздо бо̀льшимъ жаромъ—доносилъ онъ—возбуждены во всѣхъ дамахъ высшаго общества. Можетъ быть, они смѣшиваются съ честолюбивыми идеями, можетъ быть—съ желаніемъ видѣть возстановленнымъ Польское Королевство, а можетъ быть, наконецъ, онѣ присоединяютъ къ этому тайную надежду занять мѣсто, близкое къ трону, который будетъ возстановленъ, и видѣть въ Варшавѣ снова дворъ, способный соперничать въ блескѣ съ другими большими европейскими дворами.»

Поляки и польскія дамы забывали всякую осторожность и потому пугали излишествомъ своихъ увлеченій самого Биньона, имѣвшаго приказаніе ничего не обѣщать опредѣленнаго и «ограничиваться общими увѣреніями поляковъ въ томъ, что Наполеонъ будетъ признателенъ къ нимъ.»

---

* Lettre de M. Bignon au ministre de relation exterieures en date du 17 Octobre 1811.

Digitized by Google

Предстоящая война, возбуждая надежду поляковъ, не представляла ничего страшнаго для нихъ: никто не думалъ о ея опасностяхъ. Дамы распредѣляли между собою полки, для которыхъ должны были дѣлать корпію и перевязки для раненыхъ. На вечерахъ въ обществѣ занимались преимущественно дѣланіемъ корпіи. «Впродолженіе четырехъ или пяти мѣсяцовъ, предшествовавшихъ войнѣ, во всѣхъ домахъ можно было видѣть круглый столъ, вокругъ котораго *деликатныя ручки*, отбросивъ всѣ остальныя работы, занимались приготовленіемъ, по розданнымъ моделямъ и образцамъ, различныхъ формъ бандажей и принадлежностей для перевязки ранъ, дѣлаемыхъ или саблею или огнестрѣльнымъ оружіемъ». *

Созваніе варшавскаго сейма 8 декабря 1811 года приняло характеръ весьма важнаго происшествія въ глазахъ поляковъ, хлопотавшихъ о свободѣ и возстановленіи отечества. Поляки говорили и фантазировали въ старинномъ своемъ духѣ. На сеймъ собралось все лучшее населеніе Варшавскаго Герцогства; здѣсь можно было встрѣтить и представителей литовскаго края, наѣхавшихъ въ Варшаву въ довольно значительномъ числѣ. Одни изъ нихъ пріѣхали для того, чтобы пожить въ Варшавѣ, поговорить и поспорить на сеймѣ и подышать, по ихъ собственному выраженію, воздухомъ «свободы»; другіе пріѣзжали для устройства ассоціаціи, имѣвшей цѣлью возбужденіе всѣхъ и каждаго къ возстановленію отечества. Во главѣ послѣднихъ можно назвать изъ представителей литовскаго края Александра Сапѣгу, самаго богатаго собственника въ краѣ, князя Доминика Радзивила, Сангушку, князей Ходкевича, Потоцкаго и другихъ. Было много споровъ и говору на сеймѣ, продолжавшемся пятнадцать дней. Говорили объ устройствѣ войска; желающихъ поступить въ его ряды было много, но чувствовался значительный недостатокъ въ деньгахъ, и не на что было обмундировать и вооружить солдатъ. «Самъ саксонскій король, по выраженію Шлоссера, человѣкъ честный, но педантъ, воспитанный семилѣтнею войною, любившій парики тѣхъ временъ», въ разговорѣ своемъ съ Биньономъ, какъ нельзя лучше охарактеризовалъ дѣятельность и средства поляковъ, сказавъ, что у Польши какъ изъ земли выростаютъ солдаты и даже крѣпости, но жаль, что въ ней не ростутъ такимъ же образомъ деньги (Il croît ici des soldats à vue d'oeil, il y croit jusqu'à des forteresses; c'est dommage que l'argent n'y croisse pas de même).

Дѣйствительно, финансовыя средства Польши были далеко не

* Bignon. Histoire de France. II, 457.

Digitized by Google

въ блестящемъ состоянія. Еще въ апрѣлѣ 1810 года, по свѣдѣніямъ, варшавскій гарнизонъ состоялъ изъ четырнадцати полковъ, изъ которыхъ два тогда выступали къ нашимъ границамъ, къ Тирасполю. Изъ всѣхъ этихъ полковъ ни одинъ не былъ въ полномъ комплектѣ; солдаты, за недостаткомъ денегъ, не получали жалованья за весьма большое время. «Ремесленники (говорится въ одномъ изъ сообщеній Барклаю-де-Толли), занятые въ великомъ множествѣ работою для арміи, не могутъ также выпросить никакой платы у генерала Домбровскаго, который съ великою дѣятельностью и неутомимымъ усердіемъ занимается всѣмъ, что относится до устройства арміи» [1].

«Въ Варшавскомъ Герцогствѣ крайній недостатокъ денегъ — писалъ Доктуровъ [2] — польскія войска не получали заслуженнаго ими жалованья за двѣ трети. По этой причинѣ дѣлаются по дорогамъ формальные грабежи и разбои и почти ежедневно по десяти и двадцати человѣкъ нижнихъ чиновъ бѣгутъ изъ польскихъ войскъ, преимущественно въ Австрію, гдѣ они безпрепятственно имѣютъ для себя убѣжище и пріютъ. Въ Варшавскомъ Герцогствѣ нѣтъ никакихъ иныхъ денегъ, кромѣ россійской серебряной монеты и весьма малаго числа прусскихъ талеровъ. Носится слухъ, что будутъ изданы польскія ассигнаціи и монета, которыя приготовляются къ новому году».

Это финансовое разстройство и недостатокъ денегъ, поляки не имѣли возможности привести въ лучшій порядокъ. Денегъ не давалъ имъ и Наполеонъ, по проискамъ котораго производились всѣ военныя приготовленія и вооруженія. Биньонъ обвиняетъ въ этомъ французскаго императора, невидавшаго того, что поляки и ихъ войско могли быть весьма полезны для него, и въ особенности при предстоящей войнѣ съ Россіею. Наполеонъ поскупился на деньги даже и тогда, когда Биньонъ донесъ ему, что большой смотръ войска отложенъ, и не состоялся потому, что у солдатъ не было сапогъ. Французскій императоръ требовалъ только вооруженія и формированія войска, изъ коихъ прежде всего приказано было сформировать національную гвардію; онъ требовалъ устройства магазиновъ и поставки провіанта, на который поляки истратили семь мильйонокъ, и получили въ возвратъ отъ Наполеона только одинъ мильйонъ на жалованье солдатамъ, при са-

---

[1] Изъ выписки, доставленной государственнымъ канцлеромъ Барклаю-де-Толли 20-го апрѣля 1810 г.

[2] Въ рапортѣ военному министру отъ 2-го декабря 1810 г. Арх. воен.-топ. депо № 50295.

Digitized by Google

момъ открытіи военныхъ дѣйствій. Но и при этомъ Наполеонъ старался показать полякамъ, что подарилъ имъ эту сумму.

Въ Рыбамовѣ, Люблинѣ и Краковѣ устроивались магазины, свозили туда провіантъ и фуражъ, который не дозволялось даже расходовать для собственныхъ мѣстныхъ войскъ, получавшихъ свое довольствіе отъ особыхъ подрядчиковъ. По приказанію Наполеона, генералъ Пелитье осматривалъ польскія крѣпости еще въ 1810 году, и въ началѣ 1811 объѣзжалъ нашу границу. Другой французскій генералъ Бунтакъ, посланный Наполеономъ для завѣдыванія комисаріатскою частію, арсеналами и ружейнымъ заводомъ, бывшимъ въ Кильторахъ, занимался приведеніемъ всего въ порядокъ.

Въ Прагѣ, Модлинѣ и Замосцѣ дѣятельно возводились укрѣпленія, поправлялись старыя, закупались лошади для кавалеріи и преимущественно же въ Россіи, при содѣйствіи лицъ, имѣвшихъ свои имѣнія въ русскихъ владѣніяхъ. Въ началѣ 1811 года, можно было видѣть въ Варшавѣ цѣлые полки кавалеріи на русскихъ лошадяхъ. Удобство сообщенія по границѣ, раздѣлявшей многія имѣнія на двѣ части, дѣлало невозможнымъ остановить эту продажу и передачу лошадей. Та же граница и удобство тайнаго сообщенія были причиною, что передъ началомъ войны появились шпіоны, подъ различнаго рода скромными названіями. Въ Смоленскѣ, Севастополѣ, Могилевѣ, Минскѣ и другихъ городахъ стали ловить шпіоновъ, являвшихся въ Россію подъ видомъ комедіантовъ, фокусниковъ, учителей, художниковъ, лекарей музыкантовъ и странствующихъ монаховъ. Такъ, въ Минской губерніи появилось очень много землемѣровъ или попольски *коморниковъ*, которые занимались сниманіемъ окрестной мѣстности.

«Мнѣ назначили — говоритъ современникъ* — въ городѣ для перемѣны другую квартиру. Со вступленіемъ моимъ за порогъ въ новое жилище, представился мнѣ коморникъ, окруженный математическими инструментами и планами. Я предложилъ ему, чтобы онъ очистилъ квартиру, опредѣленную мнѣ по власти жидовскаго кагала, и въ удостовѣреніе представилъ на лицо десятника-еврея. Коморникъ отвѣчалъ мнѣ попольски, неловкимъ нарѣчіемъ, что онъ квартируетъ тутъ съ позволенія князя Р., и не позволитъ себя согнать съ мѣста никому. Разговоръ у насъ сдѣлался живѣе; устрашенный десятникъ-еврей убѣжалъ, а польскій коморникъ превратился во француза... Догадавшись, каковъ былъ гость, я поспѣшилъ къ своему командиру, но покуда оты-

* Походныя записки артиллериста. Ч. I стр. 19.

Digitized by Google

скали городничаго, коморникъ исчезъ, не оставивъ лоскутка бумаги на мѣстѣ.»

Въ концѣ 1811 года, въ Варшавѣ полагали, и были увѣрены въ томъ, что петербургскій кабинетъ рѣшился на войну, но въ то же время поляки думали, что онъ употребитъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы французы первые открыли свои наступательныя дѣйствія.

Nous sommes à bout portant avec les Russes; nous nous visons du matin au soir, писали польскіе генералы, командовавшіе въ крѣпостяхъ.

Поляки аристократическаго строя съ нетерпѣніемъ ожидали развязки, и надѣялись на улучшеніе своей будущности, но это были надежды одного только высшаго класса, дошедшаго въ этомъ дѣлѣ до полной экзальтаціи и поклоненія Наполеону. Въ каждомъ домѣ, причислявшемъ себя къ числу двигателей вопроса о возстановленіи Польши, можно было встрѣтить портретъ Наполеона. «На походѣ случалось намъ — пишетъ одинъ изъ участниковъ этого времени [1] — останавливаться для квартированія въ фольваркахъ у помѣщиковъ. Почти въ каждомъ домѣ были портреты Наполеона. Въ такомъ случаѣ *панья*, хозяйка, замѣчая наше вниманіе къ портрету, разсказывала, что Наполеонъ *велькій*, самъ себя называлъ *незграбнымъ* (неловкимъ, некрасивымъ) французомъ, *але глова его мосце добродзею*... прибавляла она съ значительнымъ тономъ, качая своею головою, и давая черезъ то уразумѣть остальное.»

Не однѣ впрочемъ дамы были въ восторгѣ отъ французскаго императора: духовенство польское не менѣе ихъ поклонялось Наполеону. Ксендзы и монахи говорили патріотическія проповѣди, въ которыхъ называли Наполеона великимъ, и лучомъ того солнца, которое въ самомъ непродолжительномъ времени взойдетъ надъ всею Польшею. Ксендзы же и монахи занимались нерѣдко и военными экзерциціями.

«Въ самомъ Несвижѣ [2], послѣ отступленія нашихъ войскъ, приняло все какой-то чуждый видъ: люди чѣмъ-то озабочены, являли угрюмыя и пасмурныя лица. Гимназисты и школьники, большими партіями, подъ предводительствомъ доминиканскихъ монаховъ, гуляли по городу съ барабаннымъ боемъ и воинскими криками, неся на шестахъ пестрые платки, въ видѣ знаменъ. Это меня изумило, я подошелъ къ ихъ предводителю и спросилъ, что это значитъ?

---

[1] Походныя записки артиллериста стр. 289 и 290

[2] Письма русскаго офицера стр. 80.

Digitized by Google

«— Муштра (ученье), отвѣчалъ онъ.

«— Для чего?

«— Такъ, для пшиклада (для примѣра), отвѣчалъ доминиканецъ.

Если съ одной стороны образованное населеніе было на столько экзальтировано, что готово было жертвовать всѣмъ на пользу Наполеона, то съ другой стороны остальное населеніе Варшавскаго Герцогства было далеко недовольно различнаго рода поборами, а главное—своеволіемъ войскъ. Это заставляло многихъ заискивать расположеніе простого народа. Помѣщики устраивали для него обѣды, кормили на свой счетъ и вообще всѣми средствами старались льстить народу. Все это происходило тогда, когда Наполеонъ рѣшился сбросить съ себя маску и открыто объявить войну Россіи. Не пренебрегая никакими средствами и нуждаясь въ содѣйствіи поляковъ, онъ рѣшился замѣнить скромнаго своего резидента въ Варшавѣ, которымъ былъ Виньонъ, именемъ чрезвычайнаго посланника, который долженъ былъ жить въ Варшавѣ со всѣмъ блескомъ роскоши, пышности и королевскаго великолѣпія. Выборъ его палъ на де-Прада, архіепископа Мехельнскаго. Де-Прадъ былъ его агентомъ въ испанскихъ дѣлахъ и потомъ въ ссорѣ съ папою Въ апрѣлѣ 1812 года, онъ получилъ приказаніе слѣдовать за императоромъ въ Дрезденъ, а оттуда отправленъ въ Варшаву съ порученіемъ играть въ Варшавѣ роль блестящаго вельможи, и приготовлять поляковъ къ предстоящимъ военнымъ дѣйствіямъ. Предпринимая войну съ Россіею, Наполеонъ сознавалъ, что поляки могутъ быть весьма важною для него опорою. Достигнуть этого онъ могъ только при усиленномъ, ловкомъ и умномъ направленіи своего посланника въ Варшавѣ. Французскій императоръ сознавалъ, что первымъ и самымъ могущественнымъ его помощникомъ въ этомъ дѣлѣ могъ быть де-Прадъ. Исторія этого посольства необходимо связывалась съ предпринимаемою войною, для которой оно должно было приготовить успѣхъ.

Инструкціи, данныя де-Праду словесно и письменно, указывали ему на то, чего Наполеонъ ожидалъ отъ его дѣйствій.

«Если произойдетъ разрывъ съ Россіею—говорилось въ этихъ инструкціяхъ * — поляки должны соединить свое оружіе съ нашимъ; мало того, при этомъ великомъ случаѣ, быть можетъ послѣднемъ, какой будутъ они имѣть, они должны также рѣшиться дѣйствовать самостоятельно. Войну, которую мы хотимъ вести на сѣверѣ, они должны считать только пособіемъ для ихъ собственныхъ силъ, а Францію должны считать только могущественною союзницею. И такъ они должны готовиться съ настоящей

* Шлоссеръ. VIII, 128.

Digitized by Google

минуты, должны напрягать всѣ свои силы, и какъ только дозволятъ обстоятельства, вся Польша должна быть на конѣ».

Такимъ образомъ Наполеонъ приказывалъ своему чрезвычайному послу возбуждать и говорить полякамъ только о военныхъ приготовленіяхъ, не упоминая вовсе о возстановленіи Польскаго королевства. Биньонъ, напротивъ, видитъ въ этомъ желаніе своего императора возстановить Польшу, и затѣмъ прибѣгаетъ тутъ же къ своей обыкновенной защитѣ Наполеона: «но чтобы быть достойною возстановленія—говоритъ онъ [1]— Польша должна была сама побѣдить Россію. Таковы были желанія, намѣренія и инструкціи данныя Наполеономъ новому экстраординарному посланнику де-Праду».

Отправляя де-Прада, французскій императоръ высказалъ ему, чтобы въ движеніи, къ которому призываютъ Польшу интересы Франціи, не бросалась въ глаза рука французскаго посланника, но онъ долженъ *все видѣть*, *все знать*, *все направлять*, *воодушевлять и поощрять*» [2].

Цѣль назначена, средства предписаны. Сеймъ, который долженъ былъ собраться въ Варшавѣ около половины іюня мѣсяца, долженъ былъ, по желанію Наполеона, избрать изъ среды себя комитетъ, составленный преимущественно изъ людей, пользующихся значеніемъ (influents) въ странѣ. Комитету поручалось составить родъ записки о несчастіяхъ Польши и изложить надежду на возстановленіе отечества. Онъ же долженъ былъ побудить сеймъ объявить какъ о своемъ существованіи, такъ и о существованіи Польскаго королевства и поляковъ. Сеймъ долженъ объявить о генеральной конфедераціи; она должна объявить, чтобы поляки, гдѣ только они существуютъ, собирались въ общія публичныя собранія, составляли сеймики и приступали къ генеральной конфедераціи. Впрочемъ, всѣ эти провозглашенія должны были быть направленными исключительно противу одной только Россіи. Конфедерація, разъ организованная, выборомъ маршала и совѣта, должна была тотчасъ приступить къ формированію комитетовъ конфедераціи въ различныхъ мѣстахъ и преимущественно въ литовскомъ краѣ. Комитеты должны также издавать отъ себя прокламаціи, и пользоваться всѣми средствами, должны пользоваться всѣмъ и ничѣмъ не пренебрегать [3].

---

[1] Bignon: «Histoire de France» III, 14.

[2] Tous les mouvements que l'intérêt français appelle en Pologne ne doivent pas laisser apercevoir la main de l'embassadeur; mais celui-ci doit tout voir, tout savoir, tout diriger, tout animer.

[3] «Ces comités feraient comme elle (confederation) des proclamations. Les discours des membres de la diète, les adresses, les manifestes collectifs ou indi-

Digitized by Google

«Комитеты различныхъ провинцій должны послать повсюду агентовъ, для разглашенія актовъ конфедераціи, для публикаціи во всеобщее свѣдѣніе печатныхъ актовъ и распространенія ихъ во всѣхъ мѣстахъ Польши. Русскіе не могутъ занимать всю обширную страну, надобно стараться возбуждать инсуррекцію вездѣ, гдѣ только они не въ состояніи будутъ ей противиться... Надобно, чтобы Польша была вся поднята, чтобы она была въ инсуррекціи».

Таковы были наставленія, данныя Наполеономъ де-Праду. Чтобы дать своему посланнику прямую власть въ администраціи Варшавскаго Герцогства, Наполеонъ выговорилъ у саксонскаго короля право присутствовать де-Праду во всѣхъ засѣданіяхъ совѣта министровъ. Любопытно видѣть у Биньона и вообще интересно прослѣдить за тѣмъ, какъ убѣждали поляковъ въ законности подобнаго присутствія французскаго глаза. Ихъ убѣждали, что присутствіе де-Прада въ совѣтахъ необходимо, что оно не можетъ быть оскорбительно ни для чьего самолюбія. Полякамъ твердили, что французскій посланникъ долженъ воспользоваться этимъ положеніемъ для пользы самаго же Герцогства Варшавскаго, какъ готовящагося принять участіе въ войнѣ, которой послѣдствія принесутъ столько счастія Польшѣ.

Прибывъ въ Варшаву съ такими порученіями Наполеона, 5-го іюня н. с., де-Прадъ тотчасъ же былъ ознакомленъ со всѣми министрами и главными представителями страны. Блескомъ и роскошью онъ долженъ былъ привлекать и очаровывать польскихъ дамъ и вельможъ, искони привязанныхъ къ пышности и тщеславію.

«Прелатъ, неимѣвшій въ себѣ ничего духовнаго — говоритъ Шлоссеръ *—кромѣ титула, за то богатый гасконскими рѣчами и ловкій придворный, казался Наполеону лучшимъ представителемъ Франціи среди преданныхъ католичеству поляковъ и ихъ епископовъ. Онъ получилъ титулъ чрезвычайнаго посла; ему назначено было большое содержаніе, чтобы онъ могъ давать вечера и обѣды. Когда онъ явился въ Варшаву, всѣмъ полякамъ и польскимъ вельможамъ старой олигархіи, которые прежде одни господствовали, блистали, пышничали и продавали отечество тому, кто больше платилъ имъ и ихъ партіи, всѣмъ имъ показалось, что возвратилось доброе старое время. Польскіе вельможи начали поступать и декламировать по старинному, а старикъ король

---

viduels, seraient imprimés et répandus non-seulement dans les departements du duché, mais aussi dans les provinces encore occupées par les Russes. Rien ne devait etre négligé pour frapper fortement l'opinion».

* Шлоссеръ. VIII, 127.

Digitized by Google

саксонскій, завоевѣлый католикъ, восхищался тѣмъ, что владычествуетъ католическій прелатъ; правда, королевская власть становилась пустымъ призракомъ, за то католическая вѣра имѣла опору въ архіепископѣ».

Въ Варшавѣ де-Прадъ думалъ разыгрывать роль вице-короля; но скромное положеніе его предшественника не приготовило умы къ подобному правленію. Какъ поляки ни любили роскошь, какъ ни были они подчинены власти французскаго императора, они не могли переносить подобныхъ поступковъ новаго посланника. По словамъ Биньона *, забавно было видѣть, какъ де-Прадъ помѣшался на своей новой власти и могуществѣ. Первое время онъ смотрѣлъ глазами жалости и презрѣнія на поляковъ и на все окружающее. Мнѣніе де-Прада о польскихъ министрахъ было первое время самое невыгодное. Въ одной изъ первыхъ своихъ депешъ, онъ говоритъ о нихъ съ большимъ пренебреженіемъ, но впослѣдствіи самъ де-Прадъ долженъ былъ бы по справедливости всѣ эти отзывы принять на себя. Поляки, ихъ представители и министры, увидѣли въ немъ человѣка, хотя и многосторонняго, но пустого придворнаго и болтуна, и де-Прадъ незамѣтно для себя сдѣлался орудіемъ многихъ изъ тѣхъ, о комъ такъ презрительно отзывался.

Еще прежде того, варшавское министерство получало весьма значительныя и обширныя полномочія отъ саксонскаго короля. Онъ дозволилъ ему созвать сеймъ, который привелъ Наполеона въ большое затрудненіе своими мечтами о величіи Польши и ошибочными толкованіями его намѣреній.

Собраніе сейма должно было послѣдовать 22 іюня, но собственное литературное тщеславіе де-Прада задержало открытіе его на четыре дня, такъ что онъ могъ быть открытъ только 26 іюня. Увѣренный въ томъ, что онъ одинъ только способенъ говорить при такомъ важномъ происшествіи, де-Прадъ не позволялъ полякамъ редактировать самимъ, ни ихъ манифеста, ни акта конфедераціи, ни прокламацій, которыя должны были быть отправленными въ русскія провинціи и преимущественно въ литовскій край, ни даже рѣчей, которыя должны были быть произнесенными на сеймѣ или отъ имени сейма. Въ первые дни своего пріѣзда въ Варшаву, имъ была редижирована прокламація, по которой созывались депутаты отъ земства. Проектъ прокламаціи былъ произведеніемъ человѣка, имѣвшаго гораздо болѣе таланта, чѣмъ у самаго де-Прада, но онъ не хотѣлъ дозволить публикацію

* Bignon: «Histoire de France». См. также Souvenirs d'un diplomate, p. 224.

Digitized by Google

этой прокламаціи безъ своихъ поправокъ. Той же самой участи подвергся и манифестъ, по которому сеймъ долженъ былъ приступить къ генеральной конфедераціи. «Манифестъ сейма—писалъ де-Прадъ 21 іюня 1812 года герцогу Бассанскому, бывшему тогда французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ—мною найденъ столь дурнымъ, что я долженъ былъ передѣлать его совершенно».

Относительно акта конфедераціи, который онъ также исправилъ, де-Прадъ писалъ тому же герцогу Бассанскому: «Я начертилъ всѣ параграфы (articles), но министръ желалъ длиннаго вступленія, потому что это—форма, усвоенная съ давнихъ поръ въ Польшѣ... Ваше превосходительство поймете, что я работаю одинъ посреди всякаго рода лишеній, усталости и страданій».

Де-Прадъ жаловался на усиленные труды и страданія, тогда какъ его никто не просилъ трудиться. Наполеонъ приказывалъ ему ни во что не вмѣшиваться, вести дѣло такъ, чтобы все происходившее въ Варшавѣ и герцогствѣ казалось дѣломъ самихъ поляковъ, а де-Прадъ вмѣшивался во все, и хотѣлъ управлять неограниченно польскою націею. Наполеонъ хотѣлъ скрыть всѣ интриги и происки свои между поляками, а его посланникъ старался выставить ихъ напоказъ. Де-Прадъ былъ единственный составитель всего того, что̀ должно быть произносимо и дѣйствительно произносилось на сеймѣ и отъ имени сейма. Наполеону не нравилось подобное вмѣшательство. Французскій императоръ скоро увидѣлъ, что поступилъ очень неудачно, выбравъ своимъ представителемъ де-Прада. Онъ долженъ былъ сознаться въ суетности де-Прада, и еще въ суетности мелкой и грубой. Императоръ не хотѣлъ вовсе вмѣшиваться въ дѣла Польши. Онъ желалъ, чтобы поляки шумѣли сами и одни; ему нужна была на всякій случай лазейка, изъ которой онъ могъ бы выйти чистымъ и неприкосновеннымъ къ дѣлу. Проѣхавъ въ армію мимо Варшавы, гдѣ его ждали, Наполеонъ, какъ увидимъ ниже, сказалъ публично депутатамъ этого города, что пусть поляки въ Варшавѣ шумятъ и восторгаются какъ хотятъ, что ему пріятно всякое увеличеніе шума.

Наполеонъ не могъ скрыть своего неудовольствія на де-Прада. Онъ поручилъ своему министру иностранныхъ дѣлъ написать де-Праду, что, по его мнѣнію, рѣчи и адресы, писанные дурнымъ познанскимъ слогомъ, лучше самой краснорѣчивой болтовни де-Прада. «Ваша рѣчь обольстила меня—писалъ герцогъ Бассанскій—но императоръ недоволенъ ею, и я долженъ согласиться, что онъ правъ. Его величество полагаетъ, что лучше былъ бы адресъ, написанный въ Познани дурнымъ слогомъ, но явно поль-

Digitized by Google

скимъ слогомъ. Я пишу вамъ это по его приказанію и почти подъ его диктовку».

Всѣ эти самовластныя распоряженія де-Прада хотя и шокировали поляковъ, но они подчинились ему добровольно, видя въ немъ представителя того, отъ кого они надѣялись получить вознагражденіе за всѣ труды, ими понесенные въ пользу Франціи...

Въ 7 часовъ утра, 26-го іюня (по нов. ст.), всѣ члены варшавскаго сейма, министры и государственный совѣтъ собрались въ замкѣ, откуда отправились въ каѳедральную церковь св. Яна.

Тамъ, по окончаніи обѣдни и проповѣди, епископъ пропѣлъ гимнъ «Veni Creator», и затѣмъ всѣ присутствовавшіе въ церкви отправились въ посольскую залу. Князь Адамъ Чарторыйскій, «генералъ земель Подольскихъ», избранный еще 18-го числа варшавскимъ посломъ—теперь избранъ былъ единогласно маршаломъ сейма. Посольская зала соединилась съ сенаторской, гдѣ были собраны воеводы, и князь Чарторыйскій, принявъ присягу и жезлъ—знаки его власти и должности — объявилъ, что сеймъ собранъ и совершенно готовъ начать свои занятія. «Польша существуетъ — провозгласилъ онъ — королевство и нація польская возстановлены» *. Министръ финансовъ, графъ Матушевичъ, обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой изложивъ состояніе Польши, между прочимъ, говорилъ: «что, несмотря на то, что во время неслыханной засухи, которая угрожала голодомъ и недостаткомъ нашей арміи и всему народонаселенію, огромнѣйшая армія неожиданно вступила на нашу землю, покрывая оную тысячными отрядами людей и лошадей, несмотря на то, что опустошенная казна едва могла принести ничтожную помощь, любовь гражданъ къ отечеству и желаніе оправдать благорасположеніе къ оному героя избавителя все-таки превозмогли и побѣдили всѣ затрудненія. Принесенными пожертвованіями удовлетворены всѣ потребности огромнѣйшей арміи въ странѣ, которая почиталась въ плачевномъ и опустошенномъ состояніи».

Князь Адамъ Чарторыйскій объявилъ сейму, что онъ получилъ прошенія многихъ поляковъ о принятіи рѣшительныхъ мѣръ къ возстановленію отечества. Въ числѣ просьбъ были принадлежащія помѣщикамъ Варшавскаго Герцогства и литовскихъ провинцій. Жаркими защитниками просившихъ явились: епископъ Вигерскій, воеводы—Замойскій, князь Яблоновскій и Выбицкій. Результатомъ жаркихъ споровъ и преній было назначеніе коммисіи, которой поручено представить планъ дѣйствій,

* Souvenirs d'un diplomate, p. 234.

Digitized by Google

сообразный съ тогдашними обстоятельствами. Комисія представила проектъ акта конфедераціи, который былъ немедленно одобренъ и принятъ. Король саксонскій, князь варшавскій, подписалъ актъ приступленія къ главной конфедераціи Польши 12-го іюля [1].

Главное основаніе акта конфедераціи заключалось въ томъ, что всѣ Поляки приглашаются и имѣютъ право приступать къ конфедераціи каждый особо или вмѣстѣ съ другими, открывать сеймики, и доставлять немедленно заявленія свои въ генеральный совѣтъ [2] (стр. 4). Къ приступленію же къ конфедераціи приглашались и всѣ части польскаго края по мѣрѣ удаленія непріятеля и представляющейся къ тому возможности (стр. 5).

«Всѣмъ офицерамъ — сказано въ актѣ [3] — рядовымъ гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ, польскимъ уроженцамъ или проживающимъ въ польскомъ краѣ и несправедливо русскими задержаннымъ, предписывается оставить службу этого государства. Всѣ военные будутъ помѣщены въ польской арміи; чиновники же могутъ быть размѣщены соотвѣтственно занимаемымъ ими должностямъ въ польской администраціи» [4].

Срокомъ для созванія сеймиковъ и собранія общинъ было назначено 20-го іюля — день, въ который сеймики должны были открыться во всемъ королевствѣ Польскомъ. 15-го августа ихъ предполагалось закрыть [5]. Въ тѣхъ же областяхъ, которыя были заняты непріятелемъ, срокъ не назначался вовсе, а онѣ должны были быть открываемы по мѣрѣ освобожденія отъ непріятеля. Въ городахъ, оставленныхъ непріятелемъ, должны быть созываемы городскія собранія. Избранные на нихъ депутаты или делегаты для приступленія къ конфедераціи должны были поступить въ число членовъ конфедераціоннаго сейма [6].

Распорядившись такимъ образомъ, совѣтъ генеральной конфедераціи издалъ воззванія: одно къ временному правительству литовскаго края, а другое—къ полякамъ, находящимся въ русской службѣ.

«Конфедерація — сказано въ одномъ изъ воззваній [7]—вѣрна

---

[1] См. Litewski Kuryer № 50, 61, 63 и Dziennik Konf. Jeneral № 28.

[2] Арх. воен.-топ. депо № 47352.

[3] Въ статьяхъ 6 и 7. См. Dziennik Konfederacyi Jeneralney Krolestwa polskiego 1812 г.

[4] На этомъ основаніи было публиковано воззваніе къ полякамъ, находящимся въ русской службѣ, и приведенное нами ниже. См. Вильно въ 1812 году.

[5] Litewski Kuryer отъ 22-го іюля 1812 г. № 54.

[6] Dziennik Konfederacyi Jeneralney Krolestwa polskiego 1812 roku № 3.

[7] Тамъ же № 5.

Digitized by Google

обѣтамъ національнаго собранія, котораго власть исправляетъ, и святой единственной онаго цѣли — соединенія въ одно цѣлое расторгнутыхъ частей отечества. Получивъ извѣстіе объ учрежденіи въ Вильно, по волѣ его императорскаго и королевскаго величества, временной комисіи, коей поручено временное управленіе литовскаго края, освобожденнаго побѣдоноснымъ его оружіемъ, почитаетъ первѣйшимъ долгомъ своимъ, во исполненіе возложенныхъ на нея народомъ обязанностей, препроводить немедленно въ помянутую правительственную комисію актъ генеральной конфедераціи, составляющій тѣсное и нерасторгаемое звѣно соединенія всѣхъ жителей польскаго края, предписывая ей, на основаніи 4 и 5 статей помянутаго акта, употребить всевозможныя мѣры, внушаемыя гражданскою ревностію и важностію обстоятельствъ, къ подкрѣпленію общаго союза для возстановленія отечества».

Пославъ вмѣстѣ съ актомъ и всѣ свои изданныя постановленія, совѣтъ генеральной конфедераціи предписывалъ временному литовскому правительству опубликовать ихъ во всѣхъ мѣстахъ и поощрять всѣми мѣрами къ приступленію къ конфедераціи.

«Мужи, удостоившіеся довѣрія величайшаго изъ монарховъ и народа!—говорилось въ концѣ воззванія:—общая наша столица видѣла уже освобожденныхъ отъ чужестраннаго ига сыновей, стремящихся на лоно древняго отечества. Уже брестскій, бѣлостокскій и гродненскій повѣты соединились съ нами. Дѣйствуйте ревностно, дабы одинъ духъ, одна цѣль и одинъ нерасторгаемый союзъ соединилъ всѣхъ достойныхъ сыновей нашего отечества.

«Общій врагъ расторгнулъ древнія узы братства. Ласкаемъ себя надеждою, что общій избавитель возвратитъ и укрѣпитъ ихъ. Надо доказать ему, что врагъ властвовалъ только надъ землею, а сердца оставались всегда вѣрны покровительствуемому имъ отечеству.

«Надобно единомысліемъ, довѣріемъ, ревностію и общимъ стремленіемъ къ одной цѣли поддержать святое дѣло возрождающагося отечества. Такихъ доблестей требуетъ отечество, такія уважаетъ великій Наполеонъ, и такъ только дѣйствуя заслужимъ его покровительство, безъ котораго отечество возстать не можетъ.

«Конфедерація считаетъ излишнимъ внушать вамъ таковыя доблести, свойственныя нашему народу, и совершенно надѣется и полагается на нихъ».

Генеральная конфедерація должна была дѣйствовать какъ національный конвентъ. Она могла имѣть эту власть и во время засѣданій сейма. Только при такихъ условіяхъ можно было поддерживать движеніе въ народѣ. Поляки поступали въ этомъ со-

Digitized by Google

ною готовностію всѣ съѣстные припасы, въ какихъ только армія могла нуждаться, не ограничиваясь даже количествомъ оныхъ, «ибо каждый житель хотѣлъ оставить у себя только то, что ему было необходимо для содержанія дома, и жертвовалъ всѣмъ остальнымъ» [1]. Литовцы просили только у императора Александра позволенія составить изъ среды себя комитетъ, который занимался бы распредѣленіемъ продовольствія. Надо прибавить къ этому, что неурожай предъидущаго года, всеобщая бѣдность и недостатки во всемъ крестьянъ представляли со всѣхъ сторонъ препятствія и затрудненія. Несмотря, однакоже, на то, при помощи и готовности къ доставленію провіанта, въ довольно короткое время наполнены значительные магазины.

«Литовцы, которыхъ, какъ подданныхъ, можно было принудить къ доставкѣ всего нужнаго для арміи, тѣмъ болѣе, что въ то время всѣ почти русскія силы наводнили ихъ провинціи, несли добровольно всѣ пожертвованія, ибо были увѣрены, что императоръ Александръ хорошо къ нимъ расположенъ и имѣлъ намѣреніе устроить Литву и возстановить Польшу по окончаніи кампаніи. Они въ то время имѣли неоспоримыя доказательства его намѣреній и совершенно полагались на его великодушіе. Напротивъ того, Наполеонъ ничего не обѣщалъ и прежніе его поступки разрушили очарованіе» [2].

Съ удивленіемъ и смущеніемъ узнали литовцы, что императоръ Александръ нечаянно оставилъ Вильну и что русская армія отступаетъ къ Дриссѣ. Многіе послѣдовали за императоромъ и его арміею. Польскіе магнаты предлагали императору Александру объявить себя владыкою Польши. Наполеонъ видѣлъ это сочувствіе и расположеніе поляковъ въ пользу императора Александра, и опасаясь, чтобы нравственное его могущество не распространилось на Варшавское Герцогство, посылая туда де-Прада, сказалъ ему, между прочимъ: «доведите поляковъ до восторга, но не до безумія.»

Это нравственное могущество русскаго императора и отступленіе русской арміи возбуждали крайнее неудовольствіе Наполеона на поляковъ литовскаго края, и оно высказалось передъ самымъ вступленіемъ его въ Вильну, въ формѣ тѣхъ грубыхъ и наглыхъ вопросовъ, которыми отличался французскій императоръ въ минуты гнѣва и неудовольствія.

«Въ которомъ часу выѣхалъ императоръ Александръ изъ Вильны?» спрашивалъ онъ окружающихъ. «Нѣтъ ли измѣнниковъ

---

[1] Изъ записки, доставленной Іосифомъ Рыпинскимъ. Арх. воен.-топ. депо № 50295.

[2] Изъ записокъ Огинскаго. Т. III.

Digitized by Google

въ Вильнѣ?» Литовцы видѣли теперь, что со вступленіемъ Наполеона въ Вильну, положеніе ихъ значительно ухудшалось; вмѣсто радости и надежды на возстановленіе ихъ отечества, они должны были испытывать всѣ бѣдствія войны и общее разореніе. Они увидѣли, что французы «говорили языкомъ дружбы, а грабили руками разбойниковъ». Въ приказѣ, отданномъ Наполеономъ передъ самымъ переходомъ черезъ Нѣманъ, объявлено было войскамъ, что они вступаютъ въ непріятельскій край. Объявленіе это не обѣщало пощады Литвѣ. Вскорѣ потомъ узнали, что по переходѣ черезъ Нѣманъ многія деревни были сожжены, мызы помѣщиковъ разграблены, фуражъ и съѣстные припасы забирались насильно. Помѣщичьи семейства и многіе чиновники удалялись въ русскія губерніи, оставляя движимое и недвижимое имѣніе свое на произволъ судьбы.

«Нѣкоторые скрывались въ лѣсу, остальные же захвачены были мгновенно прибывшимъ непріятелемъ, котораго огромная армія, проходя Полоцкій уѣздъ, ничего не щадила, а забирала все безъ всякаго уваженія. Поля, засѣянныя рожью и яровымъ хлѣбомъ, а также луга отчасти скошены, остальные же потоптаны — словомъ, непріятель опустошалъ и разрушалъ все, что только ему попадалось; многіе жители ранены и убиты, значительное число домовъ и прочихъ строеній въ городѣ и по деревнямъ и даже цѣлыя деревни, помѣщичьи мызы сожжены. Наконецъ, къ довершенію несчастія, въ Полоцкѣ отряды корпуса маршала Удино отправлены въ уѣздъ для грабежа» *...

Наполеонъ самъ во время своей поѣздки, совершенной черезъ Прусію и владѣнія Варшавскаго Герцогства, видѣлъ слѣды бѣдствій, понесенныхъ жителями страны отъ проходившихъ черезъ нея войскъ. Французы распоряжались самымъ деспотическимъ образомъ и съ населеніемъ. Еще до начала войны Бертье, начальникъ главнаго штаба наполеоновской арміи, не зналъ что дѣлать съ роскошью, пышностію и надменностію королей вестфальскаго и неаполитанскаго. Онъ писалъ военному министру: «У этихъ королей очень требовательные штабы; необходимы власть императора и его личное присутствіе, чтобы изгнать у нихъ безполезную роскошь и держать ихъ на военной ногѣ. Прошу васъ помочь мнѣ. Содѣйствіе ваше необходимо мнѣ, чтобы противиться требованіямъ королей, командующихъ корпусами, въ вещахъ, противныхъ общему порядку, установленному императоромъ.»

Въ Варшаву безпрерывно доходили слухи о злоупотребленіяхъ

* Изъ записки, доставленной помѣщикомъ Рыпинскимъ. Арх. воен.-топ. депо № 50295. То же можно найти и въ запискахъ Огинскаго. Т. III.

Digitized by Google

арміи Іеронима. Приводили тысячу примѣровъ свирѣпости, хищности Вандама, имя котораго долгое время упоминалось въ Польшѣ съ особеннымъ отвращеніемъ [1]. Восторженные патріоты-поляки постоянно опасались драки между войсками и жителями. Требованія войскъ были безмѣрны; жалобы доходили до саксонскаго короля. Въ самой Варшавѣ, напримѣръ, при слѣдованіи черезъ нея вестфальцевъ, происходили страшные безпорядки. Весь городъ былъ въ волненіи: «чиновники отыскивали вещи и лошадей, украденныхъ вестфальцами». Непріятельская армія, чтобы вознаградить недостатокъ фуража, косила хлѣбъ и пускала лошадей на подножный кормъ. Впродолженіе цѣлой кампаніи, въ Варшавѣ было мало дней, въ которые не доходили бы до поляковъ самые неблагопріятные слухи. «Однажды министръ финансовъ донесъ мнѣ—пишетъ де-Прадъ—что двое изъ его родственниковъ въ Литвѣ почти лишились ума отъ безчеловѣчнаго съ ними обхожденія пьяныхъ солдатъ». Всеобщая бѣдность достигла высочайшей степени въ Варшавскомъ Герцогствѣ—край этотъ содержалъ армію, которая превышала его силы. Подати были значительно увеличены, хотя и ихъ недоставало на покрытіе всѣхъ издержекъ; чиновники не получали жалованья. Все это не могло воспламенить ревности въ народѣ. Правда, что поляки, давно служившіе Франціи и принадлежавшіе къ партіи Понятовскаго и другихъ генераловъ, продолжали выказывать особое сочувствіе дѣлу Франціи и интересамъ ея императора; они выказывали большую энергію въ наборѣ солдатъ, но достовѣрно то, что общій энтузіазмъ поляковъ погасъ отъ своеволія и грабежей. «Виртемберцы дошли въ своемъ буйствѣ до того, что Наполеонъ публично бранилъ, какъ школьника, наслѣднаго принца, командовавшаго ими. Такимъ образомъ всѣ кассы опустѣли, повсюду былъ недостатокъ и французскіе мародеры жгли, грабили и рѣзали» [2]. Тѣ изъ поляковъ, которые находились въ рядахъ французскихъ войскъ, между которыми были и литовцы, думали только о побѣдахъ. Они полагали, что слѣдствіемъ побѣдъ будетъ непремѣнное возстановленіе Польши. Всѣ эти безпорядки они называли обыкновеннымъ слѣдствіемъ военныхъ дѣйствій.

Мы были бы небезпристрастны, еслибы прошли молчаніемъ этихъ лицъ, увлекшихся патріотизмомъ, и все еще вѣровавшихъ въ Наполеона и его честныя намѣренія.

---

[1] «Прибывъ—пишетъ де-Прадъ—въ имѣніе Куявскаго епископа, близь мѣстечка Петискова, я нашелъ тамъ секретаря его Куявскаго, получившаго наканунѣ отъ генерала графа Вандама пощочину за отказъ въ доставкѣ требуемаго Вандамомъ токайскаго вина, которое, по словамъ каноника, забрано было королемъ вестфальскимъ».

[2] Шлоссеръ. VIII, 188.

Digitized by Google

Съ самаго начала отступленія нашихъ войскъ, нельзя было не замѣтить нѣкотораго, хотя впрочемъ очень слабаго движенія въ литовскомъ краѣ. Два года простояли наши войска на постоянныхъ квартирахъ, но знакомые помѣщики и многіе городскіе жители оказали полную холодность при ихъ выступленіи. Они разставались съ ними безъ особаго сожалѣнія, а если провожали, то съ особою натянутостію. «Въ Слопимѣ, богатый помѣщикъ маршалъ П., задалъ балъ, на который пригласилъ офицеровъ. Настоящія обстоятельства не позволяли веселиться откровенно: лица всѣхъ были пасмурны, недовѣрчивы, и гости, казалось, собрались не для удовольствія, а въ угоду хозяина. Самъ маршалъ важно расхаживалъ въ блестящихъ отъ освѣщенія комнатахъ, и рѣдко кого удостоивалъ немногими словами» [1].

Этими немногими лицами, Наполеонъ старался воспользоваться для поднятія всей Литвы. Биньонъ изъ Варшавы призванъ императоромъ въ Вильну, и ему поручено было вести агитацію въ Литвѣ и на Волынѣ. Въ Литвѣ рѣшили собрать, какъ и въ Польшѣ, сеймъ. Срокомъ собранія, какъ увидимъ ниже, было назначено 15-е августа. Со вступленіемъ французскихъ войскъ въ Литву, Наполеонъ назначилъ Гогендорпа губернаторомъ города Вильны. Человѣкъ грубый, онъ не могъ понравиться литовцамъ. Его деспотическія распоряженія скорѣе убивали всякій энтузіазмъ, чѣмъ возбуждали его. Самъ Биньонъ сознается даже, что деспотизмъ чиновниковъ Наполеона разрушилъ и въ Литвѣ надежду на «содѣйствіе членовъ бывшей польской республики». Гогендорпъ своею грубостію и высокомѣріемъ оскорблялъ нетолько поляковъ, но и подчиненныхъ ему самихъ французовъ. Въ самой Вильнѣ происходили споры и несогласія между главными представителями французскаго императора — ссоры, заставившія впослѣдствіи отозвать оттуда Биньона и Жомини.

Между тѣмъ, по внушенію Биньона, польская пресса неустанно работала. Издававшаяся въ Вильнѣ газета «Литовскій курьеръ» съ особеннымъ усердіемъ отличалась на этомъ поприщѣ, проповѣдуя полную непріязнь къ Россіи и ея правительству.

Въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ «Литовскаго курьера», вышедшихъ, впрочемъ, во время пребыванія Наполеона въ Вильнѣ, говорилось какъ-бы вскользь о цѣли, предпринятой Наполеономъ, и о причинѣ его войны съ Россіею. Помѣстивъ на своихъ страницахъ прокламацію [2] Барклая-де-Толи къ нѣмцамъ, въ которой русскій главнокомандующій, доказывая имъ, что они не

---

[1] Походныя записки артиллериста стр. 23.
[2] Litewsky Kuryer № 56.

Digitized by Google

имѣютъ никакого повода сражаться противу Россіи, призывалъ ихъ, для освобожденія своего отечества отъ ига Наполеона, вступать въ формирующіеся нѣмецкіе легіоны—«Литовскій курьеръ» старался оппозировать этой прокламаціи, отвѣтомъ подъ именемъ отвѣта французскаго гренадера. «Приближается время — говорилось между прочимъ въ этомъ отвѣтѣ — освобожденія вашихъ братьевъ. Мы уничтожимъ въ Россіи неволю, и возвратимъ вамъ права ваши. Каждый крестьянинъ будетъ гражданиномъ государства, и будетъ распоряжаться своими трудами и временемъ; ни одинъ не будетъ собственностію господина, какъ волъ или лошадь...»

Публикуя это, «Литовскій курьеръ» забывалъ, что нигдѣ такъ не процвѣтало рабство и подчиненіе личности своеволію различныхъ господъ, какъ въ Польшѣ.

Вскорѣ въ Вильнѣ составилась комисія временнаго правительства Литовскаго княжества, которой главною работою было возстановить народонаселеніе противъ русскаго правительства. Появились воззванія, написанныя съ цѣлію выставить русское правительство въ самомъ дурномъ свѣтѣ. Мы передаемъ на судъ читателей одно изъ подобныхъ воззваній.

«Всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ—писало временное правительство *. — Не было случая, въ которомъ гражданинъ могъ почувствовать сильнѣе достоинство свое, какъ на совѣщательныхъ собраніяхъ, во время сеймиковъ, когда избиралъ посла на сеймъ, въ это святилище законовъ, поручая ему пещись о сохраненіи своихъ привилегій, именемъ соотечественниковъ принимать обязательства относительно правительства и издавать законы, обезпечивающіе ихъ спокойствіе и свободу. Такимъ образомъ, соотечественники, собравшіеся съ отдаленнѣйшихъ частей общаго отечества, возобновляли безпрерывно святой союзъ единогласія и любви къ отечеству. Граждане, вы были лишены этой привилегіи вмѣстѣ со многими другими, и хотя вы собирались на сеймики, но оные были такъ ограничены и ничтожны, что могли быть почитаемы насмѣшкою русскаго правительства, *которое не предписывая никогда своему народу законовъ, вамъ не дозволило оныхъ разсматривать и возобновлять*. Прежніе ваши законы отмѣнены указами. Также хотя оставлены вамъ выборы дворянскихъ чиновниковъ, но кажется, только для того, чтобы васъ заставить забыть о потерѣ отечества, раздражить страсти и удовлетворить только потребностямъ правительства. Нынѣ какая разница! какое бли-

* Dziennik Konfed. Jeneralnei 1812 r. № 26.

Digitized by Google

стательное поприще открывается представительнымъ собраніямъ вашимъ! Въ прилагаемыхъ при семъ, опубликованныхъ правилахъ предписаны мѣры только для избѣжанія злоупотребленій; въ выборѣ же представителей вашихъ предоставлена совершенная свобода сердцамъ, дружбѣ и заслуженному довѣрію. Не подслушиваютъ васъ болѣе власти угнетающаго правительства...»

Такими или другими средствами старались воодушевить литовцевъ. Однакожъ народъ оставался неподвиженъ, и если происходили движенія и волненія умовъ въ Литвѣ, то ихъ надо приписать, за малыми исключеніями, одной только Вильнѣ, а потому и послѣдующій затѣмъ разсказъ озаглавленъ нами: «Вильно въ 1812 году».

Н. Дубровинъ.

Digitized by Google

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Географическій терминъ «Средняя Азія» часто встрѣчается въ настоящее время въ русской печати; но для большинства нашей публики — это, весьма естественно, terra incognita, хотя дѣло и идетъ о близкихъ теперь къ намъ сосѣдяхъ, съ которыми Россія издавна ведетъ значительную торговлю.

Населенныя осѣдлыми жителями, хотя и окруженныя кочевниками, ханства Средней Азіи: Хива, Бухара и Коканъ, расположены въ бассейнахъ двухъ большихъ рѣкъ, Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, вытекающихъ изъ нагорной площади Памиръ и впадающихъ въ Аральское Море. Безконечныя степи, прилегающія къ нимъ съ сѣвера и востока, служатъ кочевьями киргизовъ, племени монгольскаго, нѣкогда столь грознаго при Чингис-ханѣ и Тамерланѣ; по западную же сторону Хивы и Бухары, начиная съ прибережьевъ Каспійскаго моря и почти до горъ Гинду-Куша, кочуютъ туркмены, которыхъ главный промыселъ разбои, ловля людей и торговля ими. Въ недавнія еще времена, туркмены, равно какъ и киргизы, хватали русскихъ рыболововъ и мореходовъ, и пограничныхъ жителей оренбургскихъ и западно-сибирскихъ селеній, и продавали въ неволю въ Хиву и Бухару; но съ 1840 г., послѣ хивинскаго похода покойнаго Василія Алексѣевича Перовскаго, и прочнаго водворенія нашего въ киргизской степи, это прекратилось: теперь главный живой товаръ туркменовъ составляютъ персіяне, захватываемые изъ прилегающихъ къ степямъ областей Персіи.

Жители всѣхъ этихъ трехъ ханствъ, равно какъ и кочевники— магометане сунитскаго толка: не признавая магометанами еретиковъ-шіитовъ, персіянъ, они не считаютъ грѣхомъ держать ихъ въ рабствѣ, вопреки велѣніямъ Корана. Одно бухарское ханство, самое производительное, населенное и могущественное изо всѣхъ трехъ, благодаря благоразумному, хотя и звѣрскому деспотизму своихъ эмировъ, покойнаго Нассръ-Уллы и сына его Музаффара, воцарившагося въ концѣ 1861 года, пользуется благоустройствомъ, на сколько оно возможно при исламизмѣ; остальныя же раздираются постоянными кровавыми смутами.

Digitized by Google

Хлопокъ, шелкъ, сушеные плоды (изюмъ, миндаль, урюкъ или абрикосы), рисъ, халаты, бумажныя одѣяла, ковры и грубыя бумажныя ткани — вывозятся изъ этихъ ханствъ караванами въ Россію; отъ насъ они получаютъ кожи (юфть), сукна, ситцы, желѣзныя, мѣдныя и чугунныя издѣлія, сахаръ и разныя незатѣйливыя произведенія нашихъ мануфактуръ.

Хивинское ханство — оазисъ низовьевъ Аму-Дарьи. При жаркомъ и бездождномъ континентальномъ климатѣ, оно превосходно воздѣлано помощью искуственнаго орошенія изъ канавъ, наполняемыхъ рѣкою Аму-Дарьею. Сѣверная часть ханства, Кунградская область, граничащая къ сѣверу съ Аральскимъ моремъ, заключается между рукавами, на которые раздѣляется Аму-Дарья передъ своимъ впаденіемъ въ море; кромѣ нѣсколькихъ маленькихъ крѣпостишекъ, служащихъ опорами хивинскому владычеству, въ ней одинъ городъ Кунградъ, при рукавѣ Тальдыкѣ, главный базаръ для всѣхъ жителей области.

Въ Кунградѣ отъ семи до восьми тысячъ жителей: узбековъ, потомковъ завоевателей тюркскаго племени, пришедшихъ съ Надиръ-Шахомъ въ 1780 г., и составляющихъ родъ аристократіи; сартовъ или таджиковъ, потомковъ древнихъ персовъ, занимающихся торговлею и почти слившихся съ узбеками; наконецъ, каракалпаковъ и киргизовъ. Вся же область имѣетъ отъ 80 до 90,000 жителей, которыхъ большинство составляютъ каракалпаки, мирные и трудолюбивые, преимущественно занимающіеся хлѣбопашествомъ, жившіе прежде на низовьяхъ Сыр-Дарьи, вытѣсненные оттуда киргизами во второй половинѣ прошлаго столѣтія, и расположенные теперь вдоль рукава Улькун-Дарьи; и киргизы, кочующіе около крайнихъ рукавовъ Аму-Дарьи, живущіе скотоводствомъ, а самые бѣдные изъ нихъ — хлѣбопашествомъ. Я уже имѣлъ случай упомянуть (въ описаніи средняго теченія рѣки Сыр-Дарьи, читанномъ мною 2-го декабря 1864 въ «Русскомъ Географическомъ Обществѣ»), что весьма многіе изъ киргизовъ и нѣсколько каракалпаковъ перекочевали на нашу сыр-дарьинскую линію, подъ защиту русскихъ.

Предлагаемый разсказъ можетъ дать понятіе о происшествіяхъ, самыхъ обыкновенныхъ въ ханствахъ Средней Азіи, и о томъ, каково тамъ живется.

До 1814 года, нынѣшняя Кунградская область Хивинскаго ханства, занимающая дельту рѣки Аму-Дарьи, была впродолженіе 18-ти лѣтъ независимымъ владѣніемъ, которымъ управлялъ узбекъ Тюрѝ-Суфѝ, постоянно враждовавшій съ хивинскимъ ханомъ Мухамед-Рахимомъ. Подъ конецъ своей жизни Тюрѝ-Суфѝ ослѣпъ. Мехтѐръ его, Мендыгаскѐ, подкупленный хивинскимъ ханомъ, много разъ напрасно пытавшимся снова покорить себѣ Кунградъ,

Digitized by Google

убилъ старика и послалъ его голову въ Хиву. Съ тѣхъ поръ Кунградъ снова подпалъ подъ власть Хивы и былъ управляемъ сначала Мендыгаской, а потомъ, до осени 1858 года, сыномъ его, Кутлы-Мурадомъ. Во время умерщвленія стараго Тюрй-Суфй, дочь его была беременна Мухамедомъ-Фанà, которому было суждено отмстить за смерть дѣда.

Уцѣлѣвшіе родственники Тюрй-Суфй жили въ Хивинскомъ ханствѣ въ совершенной бѣдности; внукъ его, Мухамедъ-Фана, придя въ возрастъ, нанимался въ работники то къ тому, то къ другому изъ кунградскихъ жителей, чтобъ не умереть съ голоду.

Кутлы-Мурадъ управлялъ кунградскою областью подъ нѣкотораго рода надзоромъ хивинскаго чиновника, есаулъ-баши Мамѐта, родомъ калмыка. Теперешній хивинскій ханъ Сейдъ-Мухамѐдъ — «Отецъ величія», какъ онъ себя титулуетъ — поставилъ себѣ за правило не облекать своею довѣренностью въ отдаленныхъ отъ столицы мѣстахъ чиновниковъ изъ природныхъ хивинцевъ, въ особенности изъ людей значительныхъ: онъ посылаетъ туда людей безродныхъ, выведенныхъ имъ самимъ изъ ничтожества и всѣмъ обязанныхъ ему одному, а потому имѣющихъ прямой интересъ не измѣнять своему благодѣтелю; притомъ, если понадобится казнить такого выскочку, то нѐчего опасаться за него кровной мести или возмущенія его родственниковъ.

Кутлы-Мурадъ и есаулъ-баши-Маметъ были ненавидимы до нельзя кунградскими узбеками, каракалпаками и киргизами, за свою жестокость, жадность и неумолимую строгость при собираніи податей въ пользу хана и свою собственную. Кутлы-Мурадъ былъ въ ссорѣ со многими изъ своихъ родственниковъ; ропотъ въ народѣ противъ него усиливался; многіе изъ узбековъ поджигали эту ненависть; въ особенности старались о томъ Мухамедъ-Фана и Кулманъ-бій, приходившіеся ему также сродни. Наконецъ, лѣтомъ 1858 года, когда посольство флигель-адъютанта Игнатьева было въ Хивѣ, составился заговоръ, человѣкъ изъ сорока, съ цѣлью убить Кутлы-Мурада и есаулъ-башй Мамѐта, отложиться отъ Хивы и сдѣлать кунградскимъ ханомъ Мухамеда-Фана, какъ старшаго изъ потомковъ Тюрй-Суфй. Въ заговорѣ участвовалъ киргизскій бій Азбергѐнь, убѣжавшій въ Хиву изъ русскихъ предѣловъ, послѣ убійства въ 1856 г. султана-правителя западной части Малой Орды, Арслàна.

Мухамедъ-Фана говорилъ бію Азбергѐню, что такъ-какъ кунградцевъ немного и имъ однимъ не устоять противъ Хивы, то онъ намѣренъ вступить въ союзъ съ туркменскимъ ханомъ Атà-Мурадомъ и призвать на помощь туркменъ-ямудовъ, кочующихъ около западной окраины хивинскаго ханства. Азбергѐнь возсталъ

Digitized by Google

противъ этого всѣми силами, утверждая что имъ послѣ не развязаться съ туркменами, буйными, хищными и вѣроломными разбойниками, которымъ ни въ чемъ нельзя вѣрить, которыхъ онъ давно знаетъ и съ которыми не хочетъ имѣть никакого дѣла. Азбергѐнь увѣрялъ, что кунградцы вмѣстѣ съ киргизами всегда могутъ отстояться безъ посторонней помощи. Мухамедъ-Фана согласился съ нимъ послѣ краткаго спора, а самъ воспользовался временемъ, когда Азбергѐнь въ августѣ ѣздилъ по требованію хана въ Хиву, пробрался тайно въ кочевья туркменовъ и уговорился съ ихъ ханомъ, Ата-Мурадомъ.

Есаулъ-баши жилъ въ такъ-называемомъ ханскомъ дворцѣ— обширномъ строеніи подлѣ базара и караванъ-сарая, а Кутлы-Мурадъ за городомъ, въ своемъ саду. Разъ, въ половинѣ августа, заговорщики нарочно подняли на базарѣ шумъ и драку, и потомъ человѣкъ двадцать отправились гурьбою къ есаулъ-баши съ громкими жалобами, съ тѣмъ чтобъ вслѣдъ за ними втѣснились къ нему другіе и чтобъ убить его во время разбирательства. Они однако не посмѣли напасть на него и разошлись. Вскорѣ потомъ есаулъ-баши поѣхалъ въ Хиву.

Въ то время, когда аральская флотилія, привезшая для нашего посольства подарки, предназначенные хивинскому хану и бухарскому эмиру, стояла передъ Кунградомъ, Кутлы-Мурадъ и есаулъ-баши принялись весьма дѣятельно исправлять полуразрушенную городскую стѣну, чтобъ не пропустить русскихъ судовъ вверхъ по Аму-Дарьѣ, еслибъ они пришли туда въ другой разъ. Это было въ началѣ іюля. Главный строитель Кутлы-Мурада и весьма приближенный къ нему узбекъ, былъ имъ какъ-то обиженъ, а потому также присоединился къ заговорщикамъ.

Въ исходѣ сентября, когда суда наши давно уже ушли и всѣ крѣпостныя работы были кончены, строитель поѣхалъ къ Кутлы-Мураду и просилъ его осмотрѣть работы, сказать такъ ли онъ исполнилъ данныя ему приказанія и не нужно ли чего передѣлать. Кутлы-Мурадъ велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь. Персіянинъ-невольникъ, искренно къ нему привязанный, совѣтовалъ ему хорошенько вооружиться и взять съ собою нѣсколько человѣкъ; но тотъ обругалъ его, говоря что ему бояться нѐчего, и поѣхалъ къ городу вдвоемъ со своимъ инженеромъ.

На мосту передъ въѣздомъ въ Кунградъ стояли Мухамед-Фанà и Кулмàн-бій. Оба они подошли къ Кутлы-Мураду и Кулман-бій сказалъ, что имѣетъ жалобу; между тѣмъ, инженеръ спѣшился, а Мухамед-Фанà подошелъ еще ближе.

— Какая у тебя жалоба? спросилъ Кутлы-Мурадъ.

Digitized by Google

— Теперь скоро будутъ собирать подати, отвѣчалъ Кулманбій:—а изъ насъ много бѣдныхъ, которымъ нечѣмъ платить.

— Да мнѣ какое дѣло, нечѣмъ платить?—ну, продавайте вашихъ дѣтей!

— Какъ, намъ продавать своихъ дѣтей! воскликнулъ Кулманбій и ухватился за саблю Кутлы-Мурада; въ то же мгновеніе инженеръ сдернулъ его съ лошади, а Мухамед-Фана̀ перерѣзалъ ему горло и выпилъ его крови, въ знакъ удовлетворенія кровной мести за смерть дѣда, старика Тюрѝ-Суфѝ.

Заговорщики, слѣдившіе за этой сценой, бросились тотчасъ же въ городъ, убили шестерыхъ хивинскихъ таможенныхъ и сборщиковъ податей, и провозгласили Мухамеда-Фана кунградскимъ бекомъ. Узбеки Юсѐп-бій и Палван-бій, родственники Кутлы-Мурада, главные его приверженцы и помощники, ненавидимые народомъ наравнѣ съ нимъ, были въ день убійства въ Хивѣ. Сообщники Мухамеда-Фана̀ умертвили немедленно старшаго сына Юсѐп-бія, а на другой день его младшаго сына и сына Палван-бія. Старшихъ женъ біевъ не тронули, а младшихъ, равно какъ и женъ сыновей біевъ, послали въ подарокъ туркменскимъ старшинамъ. Разсказываютъ, что изъ злобы на біевъ, заговорщики заставили ихъ родственниковъ, угрожая смертью въ случаѣ отказа, быть палачами этихъ несчастныхъ молодыхъ людей.

Послѣ умерщвленія Кутлы-Мурада, Мухамед-Фана̀ послалъ гонца къ туркменскому хану Ата-Мураду съ извѣстіемъ о происшедшемъ и требованіемъ обѣщанной помощи.

Киргизскій бій Азбергѐнь узналъ объ этомъ, и, негодуя на обманъ Мухамеда-Фана, обѣщавшаго ему не призывать туркменовъ, немедленно со всѣми своими киргизами изъ окрестностей Кунграда, гдѣ у него былъ садъ, подаренный хивинскимъ ханомъ, откочевалъ на 30 верстъ ниже по рукаву Аму-Дарьи, Талдыку, гдѣ немедленно выстроилъ себѣ крѣпостцу.

Недѣли черезъ три послѣ умерщвленія Кутлы-Мурада, прибыли въ Кунградъ 25 почетныхъ туркменскихъ старшинъ и батырей, съ небольшою свитой. Первымъ дѣломъ ихъ было провозгласить Мухамеда-Фана ханомъ; всѣ кунградцы признали его въ этомъ званіи. Потомъ, такъ-какъ Азбергень рѣшительно отказался признать Мухамеда-Фана ни бекомъ, ни ханомъ, туркмены вмѣстѣ съ кунградскими узбеками сдѣлали набѣгъ на его аулы, захватили и убили нѣсколько киргизовъ и угнали значительное количество скота. Азбергень, однако, успѣлъ оправиться и собрать своихъ, ударилъ на хищниковъ и, послѣ сильной схватки, въ которой послѣдніе лишились 60 человѣкъ, воротилъ свой скотъ

Digitized by Google

и выручилъ захваченныхъ людей. Возвратясь въ Кунградъ, туркмены забрали всѣхъ бывшихъ тамъ по своимъ дѣламъ киргизовъ, и держали ихъ какъ невольниковъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ этой неудачи, туркмены съ кунградцами, въ числѣ около 500 человѣкъ, снова напали на Азбергеня, но также безуспѣшно.

Черезъ мѣсяцъ послѣ прибытія въ Кунградъ туркменскихъ старшинъ, пріѣхалъ туда ихъ ханъ Ата-Мурадъ, подтвердилъ ханскій титулъ Мухамеда-Фана̀ и возвратился въ свои кочевья, оставя своему союзнику около 500 туркменскихъ наѣздниковъ.

Сначала туркмены вели себя довольно скромно и жили дружно съ кунградцами; но потомъ, утвердившись между ними, стали мало по малу своевольничать, обижая однако преимущественно киргизовъ, подчинившихся Мухамеду-Фана̀.

Въ серединѣ зимы съ 1858 на 1859 годъ, человѣкъ сорокъ родственниковъ и прежнихъ приверженцевъ Юсѐн-бія и Палван-бія, сговорились убить Мухамеда-Фана̀. Одинъ изъ участниковъ заговора измѣнилъ своимъ товарищамъ и предалъ ихъ; Мухамед-Фана̀, при содѣйствіи туркменовъ, перехваталъ всѣхъ заговорщиковъ и повѣсилъ ихъ. Исполнителями казней были большею частью туркмены. Жестокость хана возбудила противъ него всеобщую ненависть: онъ же, со своей стороны, сдѣлался подозрителенъ, всюду видѣлъ измѣну, заговоры, и совершенно предался туркменамъ, предоставя имъ полную волю хозяйничать въ Кунградѣ и его окрестностяхъ, грабить и угнетать жителей, отнимать женъ и дочерей и т. п.

Не имѣя никакой казны, чтобъ платить жалованье своимъ союзникамъ, Мухамед-Фана̀ распредѣлилъ ихъ по домамъ или кибиткамъ жителей, которые были обязаны выдавать по раскладкѣ каждому туркменскому всаднику по двѣ серебряныя теньги (30 коп. сереб.) въ день и по стольку же на лошадь. Какъ ни разорителенъ былъ подобный налогъ, тяжесть его усугублялась злоупотребленіями: придетъ, напримѣръ, въ Кунградъ туркменскій старшина или батырь съ 50-ю или съ 70-ю человѣками, а объявляетъ Мухамеду-Фана̀, что привелъ 150 или 200 всадниковъ и требуетъ на нихъ жалованья. Безсильный и безхарактерный ханъ, не смѣя повѣрять слова своихъ союзниковъ, назначаетъ извѣстное число кибитокъ жителей, которые должны выдавать старшинѣ деньги или припасы по числу объявленныхъ, а не наличныхъ туркменовъ.

Мухамед-Фана перечеканилъ всѣ бывшія въ Кунградѣ хивинскія деньги своимъ штемпелемъ, уменьшивъ ихъ вѣсъ; туркмены отыскали между своими рѣзчика, который поддѣлалъ штемпель

Digitized by Google

кунградскаго хана, и перечеканили его монету въ половинный вѣсъ; этими деньгами, собственной фабрикаціи, они расплачивались на базарѣ, требуя, чтобъ ихъ принимали за настоящія, и бѣда тому, кто осмѣливался отказываться! Туркмены пришли въ Кунградъ безъ женъ; тамъ они отняли женщинъ и дѣвушекъ у узбековъ, киргизовъ и каракалпаковъ, и обзавелись женами. Нѣкоторые, чтобъ придать этому законный видъ, платили за женъ по червонцу или по два калыма, заставляя мужей и отцовъ силою довольствоваться этимъ; но такихъ деликатныхъ было очень немного: большинство распоряжалось безъ подобныхъ церемоній. Когда жители Кунграда были доведены до совершенной нищеты и имъ уже не изъ чего было платить жалованья туркменамъ, тѣ отнимали у нихъ дѣтей и отправляли къ себѣ на продажу. Ничтожный и запуганный Мухамед-Фана не осмѣливался возставать противъ такихъ вопіющихъ поступковъ. Жалобы на туркменовъ не принимались, да и къ кому было обращаться обиженнымъ, гдѣ искать правосудія? Туркмены ставили ни во что нетолько слабаго Мухамеда-Фана, но и своихъ собственныхъ старшинъ и хановъ; они необузданно буйны, своевольны, вѣроломны, жестокосерды и крайне алчны; они говорятъ съ гордостью, что они батыри (наѣздники) и не подчиняются никому на свѣтѣ, а служатъ по доброй волѣ только тому, кто имъ платитъ. Главный ихъ промыселъ: торговля людьми и человѣческими головами — враговъ того, кому они служатъ—не располагаетъ къ мягкосердечію; зарѣзать человѣка—для нихъ бездѣлица.

Лѣтомъ 1859 года Кунградъ и окрестные жители были разорены такимъ хозяйничаньемъ туркменовъ донельзя; торговли не было почти никакой; всякій боялся привезти что-либо на базаръ; въ будущемъ представлялся голодъ, потому что туркмены скормили своимъ лошадямъ бо́льшую часть посѣвовъ, да хивинцы, приходившіе подъ предводительствомъ самого хана покорять Кунградъ, вытоптали значительную часть окрестныхъ пашенъ. Домы кругомъ были разрушены, сады вырублены, жители въ нищетѣ и подъ самымъ дикимъ, необузданнымъ гнетомъ.

За бѣдныхъ и притѣсняемыхъ, въ особенности изъ киргизовъ и каракалпаковъ, вступался одинъ только узбекскій старшина Кулман-бій, главный участникъ въ умерщвленіи Кутлы-Мурада. Онъ убѣждалъ Мухамеда-Фана, что такъ править нельзя; что онъ долженъ останавливать своеволіе туркменовъ и защищать своихъ подданныхъ, иначе ему самому не уцѣлѣть: всѣ его убѣжденія не производили никакихъ послѣдствій. Желая избавиться отъ докучнаго совѣтника, Мухамед-Фана послалъ его съ какимъ-то порученіемъ къ туркменскому хану Ата-Мураду, у котораго онъ

Digitized by Google

и жилъ довольно долго и съ которымъ вмѣстѣ пріѣхалъ въ Кунградъ въ началѣ іюля.

Ата-Мурадъ, убѣдившись, что разоренный Кунградъ не представляетъ уже никакой поживы, уѣхалъ недѣли черезъ двѣ въ свои кочевья; съ нимъ отправилось большинство туркменовъ. Изъ нихъ осталось при Мухамедѣ-Фана человѣкъ 50, изъ числа которыхъ десятеро жили при немъ, въ качествѣ тѣлохранителей и соглядатаевъ, а остальные сорокъ размѣщались по кибиткамъ. Кулман-бій остался въ Кунградѣ.

Онъ послалъ отъ себя письмо къ киргизскому султану Истляу, бывшему заодно съ Азбергѐнемъ, но оставшемуся въ хивинскихъ предѣлахъ, приглашая его соединиться съ кунградцами противъ Мухамеда-Фана и туркменовъ. Истляу отвѣчалъ, что и онъ и всѣ его киргизы охотно присоединятся къ Кулман-бію и готовы признать его своимъ начальникомъ, если онъ только убьетъ Мухамеда-Фана. Около того же времени Кулман-бій получилъ письмо изъ Хивы, въ которомъ ханъ, черезъ одного изъ своихъ приближенныхъ, обѣщалъ ему свои особенныя милости и убѣждалъ доставить ему голову Мухамеда-Фана.

Насилія оставшихся въ Кунградѣ туркменъ превзошли всякую мѣру: они отнимали послѣднее имущество у разоренныхъ жителей, и пуще прежняго хватали попадавшихся имъ на встрѣчу дѣтей и посылали къ себѣ въ аулы на продажу. Ожесточеніе противъ нихъ и рабски-покорнаго имъ Мухамеда-Фана дошло до послѣдней крайности, а потому Кулман-бію стòило небольшого труда подвигнуть на возмущеніе узбековъ, киргизовъ и каракалпаковъ. Главными соучастниками его были узбекскіе старшины Аманъ Кильдыбай, Ильтезаръ Аталы̀къ и Экимъ, кушбегѝ (сокольничій) Мухамеда-Фана, самый близкій изъ его чиновниковъ, спавшій постоянно въ его домѣ.

Рано утромъ 1-го августа было у Мухамеда-Фанà, подозрѣвавшаго замыслы Кулман-бія, тайное совѣщаніе, на которомъ присутствовало человѣкъ десять ближайшихъ его приверженцевъ: рѣшили напасть на Кулман-бія внезапно, только что они отопьютъ чай, которымъ угощалъ ихъ тогда Мухамед-Фанà. Кушбегѝ, втайнѣ измѣнившій своему хану, хотя и присутствовавшій на совѣтѣ, успѣлъ сообщить обо всемъ Кулман-бію, а тотъ рѣшился, не откладывая, предупредить готовившійся ему ударъ.

Кулман-бій мигомъ собралъ толпу и направился къ ханскому дому, отдѣливъ часть своихъ сообщниковъ къ кибиткамъ сорока туркменовъ, которые были тотчасъ же окружены, обезоружены и связаны. Туркменамъ, составлявшимъ почетную стражу Мухамеда-Фанà, было объявлено, чтобъ они не вмѣшивались ни во что, если

Digitized by Google

хотятъ быть живы, и тѣ вышли безъ всякаго возраженія, сѣли на лошадей и ускакали.

Тогда толпа ворвалась въ ханскій домъ. Ее встрѣтилъ двоюродный братъ Мухамеда-Фана, Бій-Тюря, съ нѣсколькими слугами: всѣ они были изрублены, но Бій-Тюря защищался отчаянно и положилъ на мѣстѣ троихъ. Послѣ этого вышелъ самъ Мухамедъ-Фана и сталъ укорять узбековъ, говоря, что они сами сдѣлали его ханомъ, а теперь хотятъ его смерти; ему не дали кончить и тотчасъ же убили безъ всякой пощады.

Киргизъ-очевидецъ этого происшествія разсказывалъ, будто ненависть къ Мухамеду-Фана дошла до такого неистовства, что толпа не хотѣла допустить, чтобы кровь его пролилась на землю; люди бросились одинъ за другимъ къ трупу и съ жадностью пили кровь изъ его ранъ!

Вмѣстѣ съ Мухамедомъ-Фана былъ убитъ киргизскій бій, недавно выдавшій за него свою дочь, и человѣка четыре его слугъ и ближайшихъ чиновниковъ. Женъ и дѣтей его, равно какъ и задержанныхъ туркменовъ, заперли подъ караулъ. Кулман-бій послалъ голову Мухамеда-Фана къ хивинскому хану съ верховымъ, при письмѣ, въ которомъ выражалъ покорность Кунграда и испрашивалъ повелѣнія, какъ поступить съ семействомъ умерщвленнаго самозванца-хана?

Хивинскій ханъ немедленно прислалъ своего чиновника Метмурадбія (родомъ калмыка) со 100 человѣками войска каракалпаковъ, чтобъ снова принять Кунградъ въ свое подданство; вслѣдъ за нимъ прибылъ туда на лодкахъ другой хивинскій чиновникъ съ сарбазами (пѣхотными солдатами) изъ персіянъ, чтобы забрать и доставить въ Хиву семейство Мухамеда-Фана и арестованныхъ туркменовъ; потомъ хивинскій ханъ потребовалъ къ себѣ трехъ главныхъ соучастниковъ Кулман-бія въ убійствѣ Мухамеда-Фана; они не были главными сообщниками его въ умерщвленіи Кутлы-Мурада, а потому имъ очень не хотѣлось отправляться въ Хиву; но дѣлать было нечего, ихъ принудили къ тому силой. Самъ Кулман-бій, зная какъ онъ былъ виновенъ передъ ханомъ и какъ тотъ мстителенъ, сильно побаивался за свою голову; но за него просили киргизскіе и каракалпакскіе старшины, притомъ же онъ былъ покуда нуженъ хану и такъ недавно еще оказалъ ему такую важную услугу—и его не тронули.

Сначала были слухи, что хивинскій ханъ казнилъ всѣхъ вытребованныхъ имъ въ Хиву и истребилъ все семейство Мухамеда-Фана; впослѣдствіи, однако, узнали, что онъ взялъ себѣ женъ его, но сыновей велѣлъ зарѣзать; приведенныхъ туркменовъ принялъ въ свою службу, а всѣхъ остальныхъ помиловалъ. Въ Кунградъ

Digitized by Google

же онъ посадилъ прежняго есаул-баши Мамѐта; воротились туда также Юсѐп-бій и Палвàн-бій. Мало-по-малу все вошло снова въ прежнюю колею.

Такъ кончилъ свое поприще Мухамедъ-Фанà и это—образчикъ событій, самыхъ обыкновенныхъ въ ханствахъ Средней Азіи.

Производя въ 1859 году изслѣдованіе дельты Аму-Дарьи, я имѣлъ случай быть въ Кунградѣ въ концѣ іюня и видѣть Мухамеда-Фана. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, весьма высокаго роста и сильнаго тѣлосложенія, красивой, но незначительной наружности, невыражавшей ни ума, ни энергіи; глядя на него, трудно понять, какимъ образомъ онъ могъ составить себѣ партію, достаточно сильную чтобъ умертвить Кутлы-Мурада и его приверженцевъ.

Мнѣ пришлось также видѣть вблизи туркменовъ, и признаюсь, я въ жизнь свою не встрѣчалъ такого букета самыхъ звѣрскихъ и разбойничьихъ физіономій. Желая показать мнѣ особое уваженіе и, безъ сомнѣнія, разсчитывая получить богатый подарокъ, нѣсколько батырей явилось ко мнѣ на пароходъ чтобъ поднести мнѣ хивинскую голову, будто-бы только что добытую съ боя; они были крайне удивлены, когда я не принялъ этого отвратительнаго подарка и велѣлъ имъ объявить, чтобъ они не смѣли являться ко мнѣ съ подобными приношеніями. Ужаснѣе всего было то, что голова эта была даже не мужская: они бросились на первую несчастную каракалпачку, работавшую на пашнѣ, отрѣзали ей голову и выщипали волосы, чтобъ сдѣлать ее похожею на бритую мужскую! Мои матросы видѣли даже нѣсколько оставшихся клочковъ длинныхъ волосъ.

А. Бутаковъ.

Digitized by Google

ПОПЫТКИ КЪ СОЕДИНЕНІЮ ФИНЛЯНДІИ СЪ РОССІЕЙ.

ГУСТАВЪ III И АНЬЯЛЬСКІЙ ЗАГОВОРЪ.

Kriget i Finland även 1788, 1789 och 1790. Helsingfors. 1860.

Война въ Финляндіи въ 1788—1790 года, професора гельзингфорскаго университета Рейна. Томъ первый.

Статья вторая и послѣдняя.

Что русскіе начальники знали объ этихъ замыслахъ нетолько ранѣе Густава, но даже ранѣе, чѣмъ Эгергорнъ повезъ письмо къ императрицѣ — это видно изъ письма, отъ 6-го августа, выборгскаго губернатора фон-Гюнцеля къ Гастферу, блокировавшему еще въ это время Нейшлотъ. Въ этомъ письмѣ Гюнцель говоритъ, что онъ по человѣколюбію и искренней дружбѣ желаетъ сообщить, что всѣ финскія войска объявили своему королю, что они ни зачто не хотятъ сражаться съ русскими, и подвигаться впередъ, такъ-какъ они собраны только для отраженія нападенія. «*Вслѣдствіе чего король принужденъ*» безъ малѣйшаго замедленія отступить обратно въ свои владѣнія. Кромѣ того Гюнцель прибавляетъ, что будто бы ему поручено передать императрицѣ образъ мыслей финской арміи, что онъ и исполнилъ; и теперь, полагая, что это Гастферу неизвѣстно, онъ увѣдомляетъ его обо всемъ, чтобы онъ немедленно вывелъ свой отрядъ изъ русскихъ владѣній; въ противномъ случаѣ онъ подвергается неизбѣжной опасности, потому что «два сильные отряда, выступившіе уже изъ Кексгольма и Вильманстранда, задержаны главнокомандующимъ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ только по его, Гюнцеля, представленію для избѣжанія кровопролитія». Поэтому онъ уговариваетъ Гастфера «*рѣшиться слѣдовать примѣру своихъ соотечественниковъ и оставить страну, нападеніе на которую въ мирное время не приноситъ особенной чести*». Затѣмъ оканчиваетъ угрозою разорить Саволаксъ и имѣнья Гастфера, если посланный его фон-Пистолькорсъ подвергнется ка-

Digitized by Google

вимъ либо оскорбленіямъ. Письмо это было Гастферомъ послано къ Густаву, который теперь только узналъ, до чего дошли въ хусульской арміи замыслы и до сихъ поръ только предполагаемыя имъ сношенія съ непріятелемъ, и поспѣшилъ потребовать отъ Армфельда объясненій.

Въ Аньялѣ было рѣшено, по полученіи отвѣта отъ императрицы, въ благопріятности котораго не сомнѣвались, увѣдомить короля и требовать заключенія мира и созванія сейма. Теперь пришлось объясниться раньше, чѣмъ думали. Скрывать, что̀ сдѣлано, они не хотѣли, да и не могли, и потому 12-го августа Армфельдъ отвѣчалъ Густаву, что посланною нотою они желали узнать, шли ли переговоры о выгодномъ мирѣ, чтобы заключить изъ этого, какъ имъ считать русскихъ друзьями, или врагами? и что, если друзьями, то они всѣ желаютъ, чтобы король заключилъ миръ; во второмъ же случаѣ они готовы сражаться и умереть за короля и отечество. Для того, чтобы король могъ увидѣть, *«къ чему они стремились въ своемъ союзѣ»*, была приложена копія съ акта, подписаннаго, по словамъ Армфельда, имъ самимъ и большинствомъ офицеровъ арміи.

На этомъ актѣ выставлено то же число, когда пошло письмо къ королю. Актъ этотъ и есть взаимное обязательство вступившихъ въ союзъ въ Аньялѣ, и объясняетъ сущность и цѣль заговора. Въ немъ излагается слѣдующее: «такъ-какъ въ виду опасности, грозящей отечеству, каждый честный гражданинъ долженъ думать о спасеніи его, хотя бы онъ чрезъ это подвергался опасности лишиться жизни, или имущества—то всѣ нижеподписавшіеся, совершенно убѣжденные въ существованіи такой опасности для отечества и движимые любовью къ братьямъ и родинѣ, давшей имъ вмѣстѣ съ жизнію и горячія сердца для защиты ея—единодушно соединились съ цѣлію требовать и сохранять слѣдующіе пункты: 1) миръ съ Россіею; 2) собраніе государственныхъ чиновъ; 3) конституцію съ опредѣленными правами; 4) немедленное перемиріе; 5) отведеніе арміи въ мѣста ея обыкновеннаго расположенія; 6) готовность для «законной» защиты государства жертвовать всѣмъ. Въ послѣднемъ пунктѣ союзники объявляютъ, что они ненамѣрены вмѣшиваться въ другія правительственныя дѣла, не думаютъ затѣвать революцію, которая бы стремилась къ низверженію престола, и которая часто скрываетъ, подъ видомъ общаго блага, достиженіе частной мести и личныхъ выгодъ; но желаютъ только придать законамъ силу, королю—власть, ограниченную законами; а всѣмъ—свободу, честь и уваженіе подъ непремѣннымъ условіемъ строжайшаго повиновенія законамъ». Актъ заключается слѣдующими словами:

Digitized by Google

«да будетъ проклятъ тотъ изъ насъ, кто уклонится отъ настоящаго рѣшенія; да покроется позоромъ имя того, кто измѣнитъ братскому союзу, заключенному нами во имя Тріединой Троицы и запечатлѣнному нашею присягою».

Въ этотъ же день, составленъ и другой документъ—съ цѣлію оправдать въ глазахъ общества мѣры, принятыя союзомъ—подъ названіемъ *Объясненіе* союза. Въ этомъ актѣ объявлялось, что «армія перешла русскую границу, подчиняясь требованіямъ военныхъ законовъ, недозволяющихъ разсуждать, слѣдуетъ ли повиноваться, или нѣтъ, также и 19-му параграфу конституціи, предоставляющему королю право командовать арміею. Но замѣтивъ во время похода со стороны непріятеля только оборонительныя мѣры, мы убѣдились въ вѣроятности того, что первое нападеніе сдѣлано со стороны Швеціи. Обязанные съ одной стороны, какъ граждане, чтить утвержденную присягою конституцію, а съ другой, какъ военные, повиноваться главному начальнику—мы очутились въ затруднительномъ для каждаго честнаго человѣка положеніи, гдѣ надобно выполнять двѣ противорѣчащія другъ другу обязанности. Для соглашенія этого противорѣчія, они дѣлали представленія королю, но безъ успѣха. Послѣ неудачной, вслѣдствіе вялыхъ приготовленій, экспедиціи, они обдумали свое положеніе и нашли, что лестное для каждаго военнаго призваніе—сражаться храбро и умереть—не имѣетъ мѣста въ ихъ положеніи, такъ-какъ отечество отъ этого ничего не выигрываетъ, и притомъ оно находится въ такихъ обстоятельствахъ, что нуждается для своего спасенія въ добросовѣстныхъ и усердныхъ людяхъ. Войска, убѣжденныя въ томъ, что нападеніе сдѣлано Швеціею, недовольныя войною, которой сосѣдъ ихъ всѣми силами старался избѣжать, не видѣли пользы для общества отъ подобной войны, а вмѣстѣ съ этимъ исчезла въ средѣ ихъ и увѣренность въ необходимости ея — увѣреность, творящая непобѣдимыхъ героевъ въ народѣ. Они намѣрены были защищать охраняемую ими границу; но узнавъ, что русскій флотъ съ бо́льшими силами крейсируетъ около Свеаборга, полагали, что шхеры Финляндіи открыты для непріятельскаго вторженія, и съ отчаяніемъ въ душѣ принуждены были сознавать, что не шведскому оружію, а великодушію русскихъ обязана страна тѣмъ, что не подверглась опустошенію огнемъ и мечомъ. Они опасались, что едва-ли Гастферъ въ силахъ будетъ защищать Саволаксъ отъ вторженія непріятеля. Въ виду такихъ грустныхъ, но тѣмъ не менѣе существующихъ обстоятельствъ, они рѣшились обратиться къ русской императрицѣ, вынужденные къ этому нетолько любовью къ отечеству, но и долгомъ присяги.

Digitized by Google

Третій документъ, составленный аньяльскимъ союзомъ и помѣченный тѣмъ же числомъ (12 августа), былъ такъ-называемый *циркуляръ къ арміи*, въ которомъ изложены пункты, измѣняющіе и пополняющіе конституцію 1772 года.

Всѣ эти акты были составлены Кликомъ, оставшимся вмѣстѣ съ Хестеско, по отъѣздѣ Эгергорна, главнымъ руководителемъ союза. Теперь только оставалось найдти поболѣе приверженцевъ союза, побольше охотниковъ подписаться на этихъ актахъ. Прибытіе новаго главнокомандующаго графа Мейерфельда не измѣнило положенія дѣлъ. Мейерфельдъ понялъ, что крутыя мѣры могутъ повести къ открытому возстанію, и потому ограничился тѣмъ, что въ частныхъ разговорахъ предостерегалъ нѣкоторыхъ, извѣстныхъ ему лицъ, отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Заговорщики попрежнему открыто совѣщались о дѣлахъ, и офицеры полковъ собирались у своихъ командировъ для обсужденія этихъ актовъ. Командиры частей взяли на себя обязанность собирать подписи, каждый въ своемъ полку. Дѣло дошло уже до того, что заговорили о томъ, чтобы арестовать короля, и заставить его или созвать сеймъ, или отказаться отъ престола. Но пока разсуждали о томъ, кто долженъ арестовать его, онъ неожиданно уѣхалъ изъ своей главной квартиры въ Кюмени, и разрушилъ такимъ образомъ планъ своихъ противниковъ.

Съ перваго взгляда возможность такихъ явленій кажется странною; но если принять во вниманіе настроеніе тогдашняго общества и характеръ самаго Густава, то это легко объясняется. Неудовольствіе противъ короля и войны были повсемѣстно, нетолько въ Финляндіи, но и въ самой Швеціи. Когда послѣ сраженія у Гогланда въ Стокгольмѣ служили молебенъ, то многіе громко выражали, что они охотнѣе бы приняли извѣстіе о пораженіи. Разсказы о продѣлкахъ финскихъ войскъ возбуждали одобреніе, и было распущено много слуховъ съ цѣлію возбудить въ народѣ страхъ и негодованіе противъ короля. До чего доходила непопулярность Густава и затѣянной имъ войны, можно видѣть изъ того, что агенты правительства, посланные за закупкою провіанта для арміи, совѣтывали продавцамъ не довѣрять облигаціямъ внутренняго займа, сдѣланнаго для покрытія военныхъ издержекъ — облигаціямъ, которыми они производили платежи. Положеніе Густава было весьма плохо, тѣмъ болѣе, что и Данія, обязанная договоромъ помогать Россіи, грозила войною. Но Густавъ, получая безпрерывно одно за другимъ тревожныя извѣстія, не рѣшался принимать рѣшительныхъ мѣръ. Съ одной стороны, вѣроятно, онъ боялся этимъ вызвать всеобщій взрывъ, а съ другой стороны — по характеру своему онъ, вѣроятно, оправдывалъ слова, сказанныя объ немъ Спренг-

Digitized by Google

портеномъ-старшимъ, что *господинъ этотъ болѣе любитъ интриговать, чѣмъ идти напрямикъ*. Какъ бы то ни было, только на совѣтъ Армфельдта-младшаго, предлагавшаго, по полученіи извѣстія объ аньяльскомъ заговорѣ, зазвать главныхъ зачинщиковъ въ Кюмень, и арестовать ихъ, онъ отвѣчалъ: «il faut dissimuler», и послалъ въ Аньялу полковника барона Лантингсгаузена съ увѣщаніемъ и съ обѣщаніемъ прощенія раскаявшимся. Предложеніе это было принято въ Аньялѣ, какъ признакъ трусости, и оставлено безъ всякаго вниманія, и заговорщики продолжали вербовать себѣ сторонниковъ. Немедленно послѣ заключенія союза 12-го августа, они отправили капитана Ладова къ Гастферу съ офиціальнымъ письмомъ, въ которомъ, опровергая вышеупомянутое письмо фон-Гюнцеля, они увѣряли Гастфера въ неизмѣнномъ усердіи аньяльской арміи, и въ готовности ея къ *справедливой войнѣ*. Но вмѣстѣ съ этимъ, ему было отдано и частное письмо отъ Клингспора, въ которомъ ему совѣтовали «быть осторожнымъ въ нынѣшнія трудныя времена» — выраженіе, имѣвшее, очевидно, двоякій смыслъ. 16-го августа, въ лагерь Гастфера прибыли сосѣдніе помѣщики — отставные: майоръ Рамзай, и капитанъ Глансенштіерна — оба, какъ мы видѣли, члены валгальскаго общества — и объявили, что они присланы изъ Аньяла съ тѣмъ, чтобы уговорить начальниковъ саволакскихъ войскъ перейти обратно границу, такъ-какъ уже начались съ Россіею переговоры о перемиріи; въ противномъ же случаѣ, они, какъ виновники могущей произойти гибели государства, могутъ подвергнуться строгой отвѣтственности передъ сеймомъ. Причемъ прибавили, что уже и безъ того головы нѣкоторыхъ офицеровъ и особенно бригаднаго командира Гастфера въ опасности. Говорятъ, что Глансенштіерна говорилъ между прочимъ и о томъ, что въ случаѣ отказа короля созвать сеймъ — это сдѣлаетъ и безъ него губернаторъ въ Хейнолѣ, баронъ де-Гееръ, и другіе финляндскіе начальники губерній, и такимъ образомъ впервые высказалъ мысль о самостоятельности Финляндіи. Объ этой мысли упоминаетъ и Стедингъ въ своемъ письмѣ къ Густаву, которому онъ описываетъ положеніе арміи въ это время. Гастферъ сначала и слышать не хотѣлъ объ отступленіи, но потомъ, видя себя оставленнымъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ, и боясь быть отрѣзаннымъ отъ сообщенія съ шведскою Финляндіею, подходившимъ къ Нейшлоту русскимъ отрядомъ генерал-майора фон-Шульца, онъ поневолѣ принужденъ былъ снять блокаду Нейшлота, и отступить за границу въ Рантасальми. Такимъ образомъ, въ послѣдней половинѣ августа, шведскія войска очистили русскую територію, исключая небольшого клочка земли у устья

Digitized by Google

Кюменя, гдѣ находилась часть войскъ изъ отряда фон-Платена.

Между тѣмъ Эгергорнъ обдѣлывалъ дѣла въ Петербургѣ. Не довольствуясь представленіемъ письма и начатіемъ переговоровъ на условіяхъ, изложенныхъ въ этомъ письмѣ, онъ началъ дѣйствовать и въ пользу плана о самостоятельности. Русское правительство, повидимому, не совсѣмъ довѣряло ему, видя, что на словахъ идетъ рѣчь не совсѣмъ о томъ, о чемъ говорится въ письмѣ, и вытребовало въ Петербургъ Спренгпортена, бывшаго въ это время въ Олонцѣ. Наконецъ, 20-го августа былъ врученъ Эгергорну отвѣтъ, въ которомъ русское правительство изъявило свою готовность быть въ мирѣ съ Швеціею, а тѣмъ болѣе съ Финляндіею, которая еще такъ недавно испытала милость императрицы, когда во время голода въ Финляндіи въ 1785 году, она открыла для ея жителей русскіе магазины. Даже въ настоящее время, когда король началъ противъ нея *самую несправедливую и самую незаконную войну*, императрица съумѣла отдѣлить желаніе короля отъ желаній его подданныхъ. Съ удовольствіемъ она услышала объ образѣ мыслей финской арміи; но она желаетъ, чтобы заявленное финской арміей требованіе возстановленія прежнихъ дружественныхъ отношеній, было высказано бо́льшимъ числомъ гражданъ, и чтобы оно имѣло видъ общаго рѣшенія. Имъ предлагается поторопиться созвать представителей народа, которые бы законнымъ образомъ обсудили интересы страны, и устроили ея дѣла согласно требованіямъ настоящаго и будущаго благосостоянія. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, командующій войсками, получилъ полномочіе помогать имъ и выслушивать финскихъ депутатовъ, которыхъ будетъ посылать къ нему предполагаемое представительное собраніе, и будетъ оказывать имъ необходимую помощь для приведенія этого патріотическаго дѣла къ наилучшему исходу. Но непремѣннымъ условіемъ поставлено очищеніе шведскими войсками русскихъ владѣній; въ противномъ случаѣ императрица не ручается въ томъ, что русскіе, преслѣдуя шведовъ, не вступятъ въ Финляндію. Впрочемъ, прибавлено въ отвѣтѣ, вступленіе русскихъ войскъ въ страну не повлечетъ за собою вреда для нея; напротивъ, судя по высказанному начальниками финскихъ войскъ образу мыслей финляндскаго народа, это можетъ споспѣшествовать къ достиженію гражданской и политической самостоятельности Финляндіи. Итакъ изъ этого видно, что подъ условіемъ выхода шведскихъ войскъ и заявленія финскимъ народомъ чрезъ законныхъ представителей своего образа мыслей, русское правительство изъявило свое согласіе покровительствовать видамъ самостоятельности. Съ этимъ отвѣтомъ Эгергорнъ,

Digitized by Google

въ ночь съ 23-го на 24-е августа, возвратился къ своимъ единомышленникамъ. На замѣчаніе, что письмо безъ подписи и можно ли ему довѣрять, онъ показалъ въ подтвержденіе его достовѣрности бывшій у него брильянтовый перстень, полученный имъ въ Петербургѣ. На другой день въ арміи онъ объявилъ, что былъ все это время въ плѣну, но теперь отпущенъ на честное слово не служить болѣе противъ Россіи.

Между тѣмъ за нѣсколько дней до возвращенія Эгергорна, пріѣхалъ на границу Спренгпортенъ и вступилъ въ переговоры съ наружнымъ главою союза, генераломъ Армфельдтомъ, о замѣнѣ котораго Мейерфельдомъ онъ еще не зналъ. Сперва переговоры велись на бумагѣ, но объ нихъ дошло до насъ немного свѣдѣній. Въ письмѣ изъ Меммеля отъ 22-го августа, Спренгпортенъ увѣдомляетъ Армфельдта, что императрица, *узнавъ о благородномъ и патріотическомъ рѣшеніи ввѣренныхъ ему войскъ—просить короля и націю о созваніи сейма для отклоненія грозящей опасности*, приказала изъявить ему свою признательность; и что она охуждаетъ *подлое вѣроломство и политическую измѣну правителя, напавшаго на Россію*. Потомъ Спренгпортенъ пишетъ, что ему недозволено вступать въ переговоры съ финляндцами, пока не соберется представительное собраніе, могущее законнымъ образомъ дѣйствовать во имя націи, и подтверждаетъ увѣреніе, что Россія не намѣрена вмѣшиваться во *внутреннія дѣла* Финляндіи. Послѣ полученія съ Эгергорномъ отвѣта изъ Петербурга, Армфельдтъ, вѣроятно, писалъ Эгергорну о томъ, что въ полученномъ отвѣтѣ постоянно обращаются только къ финской націи, оставляя въ сторонѣ шведовъ; изъ этого онъ съ огорченіемъ видитъ желаніе отдѣлить Финляндію. Въ письмѣ безъ обозначенія числа Спренгпортенъ успокоиваетъ Армфельдта тѣмъ, что обращались къ финамъ потому только, что они особенно сильно выразили свое неудовольствіе; но что то же готовы сдѣлать и для шведовъ, если они соединятся съ финляндцами *для возстановленія отнятыхъ у нихъ правъ* и, слѣдовательно, объ отдѣленіи и рѣчи нѣтъ; напротивъ, готовы помочь къ ихъ соединенію. На это Армфельдтъ отвѣчалъ нѣсколькими строчками, выражающими, что его опасенія разсѣялись. Затѣмъ Спренгпортенъ просилъ свиданія съ начальникомъ отряда, стоявшимъ въ Уммельіоки, подполковникомъ барономъ Леіонгувудомъ. На этомъ свиданіи Спренгпортенъ говорилъ о милостивомъ пріемѣ Эгергорна въ Петербургѣ; совѣтовалъ, чтобы Армфельдтъ не передавалъ начальства надъ арміею Мейерфельду, а перешелъ бы съ аньяльскою арміею русскую границу и соединился съ 12,000-мъ русскимъ корпусомъ, шедшимъ, по его словамъ, для помощи привести начатое предпріятіе въ испол-

Digitized by Google

неніе. Это бы, по его мнѣнію, дало возможность Армфельдту обезопасить себя и своихъ товарищей. Но узнавъ, что уже Мейерфельдъ принялъ команду, онъ предложилъ возстать противъ него. Поручая Леіонгувуду передать все это въ Аньялѣ, онъ прибавилъ, что теперь не время думать объ отдѣленіи Финляндіи. Причиною этой оговорки были, вѣроятно, прежнія опасенія Армфельдта и опасеніе не найти сочувствія этому плану у Леіонгувуда, природнаго шведа. Вскорѣ затѣмъ Спренгпортенъ имѣлъ свиданіе съ Армфельдтомъ въ присутствіи Хестэско и майора нюландскихъ драгунъ Таубе. Здѣсь уже онъ распространился о планахъ самостоятельности Финляндіи и указывалъ на опасность, которой подвергнутся участники аньяльскаго союза, если останутся подъ властью Швеціи. Но Армфельдтъ, разсчитывая на обширность союза, находилъ, что опасности нѣтъ ни для него, ни для его приверженцевъ, а выставлялъ неудобства отдѣленія въ томъ, что финская армія сама будетъ противъ этого; признавалъ это невозможнымъ, пока шведскія войска будутъ въ странѣ, и требовалъ скорѣйшаго заключенія мира. Такимъ образомъ это свиданіе кончилось ничѣмъ.

Получивъ отвѣтъ изъ Россіи, заговорщики рѣшили увѣдомить о результатахъ короля и требовать отъ него созванія сейма. Армфельдтъ написалъ въ этомъ духѣ письмо къ королю, и Леіонгувудъ 25-го августа повезъ его въ Ловизу, гдѣ была въ это время главная квартира Густава. При этомъ надобно замѣтить, что Леіонгувудъ, игравшій въ двойную игру, сообщилъ предварительно Мейерфельду разговоръ свой съ Спренгпортеномъ, вслѣдствіе чего Мейерфельдъ далъ ему письмо къ королю, и совѣтовалъ сообщить послѣднему предложенія Спренгпортена. О пріемѣ Леіонгувуда Густавомъ существуютъ два разнорѣчивыхъ показанія. По однимъ извѣстіямъ, король съ досадою спросилъ, въ чемъ заключается письмо Армфельдта, и, получивъ въ отвѣтъ, что, вѣроятно, это — прошеніе о созваніи сейма, сказалъ Леіонгувуду, что такъ-какъ онъ явился къ нему съ порученіемъ отъ своего начальства, то онъ даетъ ему также порученіе передать имъ, что онъ очень недоволенъ ими; но что онъ проститъ ихъ, если они обратятся къ нему съ повинною. На это будто бы Леіонгувудъ дерзко возразилъ, что онъ можетъ забыть подобное порученіе и просилъ его написать. Въ отвѣтъ на это король подалъ ему написанную на старомъ конвертѣ черновую прошенія о прощеніи и очень холодно отпустилъ его. Потомъ, выйдя въ пріемную, онъ отдалъ назадъ Леіонгувуду нераспечатанное письмо Армфельдта, говоря, что онъ не намѣренъ вступать переговоры съ бунтовщиками, и прибавивъ потомъ, что Леіонгувудъ долженъ благодарить

Digitized by Google

Бога, что, взявшись за подобное порученіе, онъ возвращается съ головою на плечахъ. Самъ Леіонгувудъ разсказывалъ иначе о своемъ свиданіи съ Густавомъ. Правда, что король его встрѣтилъ упреками въ томъ, что онъ подписалъ союзный актъ; но послѣ объясненія его, далъ ему поцаловать руку въ знакъ прощенія. Послѣ этого Густавъ распечаталъ и прочиталъ письмо Мейерфельда и просилъ Леіонгувуда разсказать о свиданіи съ Спренгпортеномъ. Леіонгувудъ при этомъ увѣрялъ короля, что аньяльская армія вовсе не думаетъ принимать предложеній Спренгпортена и остается вѣрною и покорною королю. На это король возразилъ, что онъ предлагалъ уже разъ имъ амнистію, если только они подадутъ письменное прошеніе о прощеніи. Тогда Леіонгувудъ совѣтовалъ королю попытаться еще разъ сдѣлать такое предложеніе, на что король согласился и продиктовалъ ему черновую повинной, которую и велѣлъ отвезти въ Аньяла вмѣстѣ съ нераспечатаннымъ письмомъ Армфельдта. Надобно думать, что едва-ли Леіонгувудъ могъ дерзко обращаться съ королемъ, но вѣроятнѣе, что онъ умѣлъ выставить себя въ хорошемъ свѣтѣ, потому что виновный на столько же, какъ и другіе, онъ однакоже впослѣдствіи вышелъ ненаказаннымъ изъ этого дѣла.

Возвратясь въ Аньяла, онъ представилъ отвѣтъ короля, но не старался уговаривать принять амнистію, а напротивъ, подтрунивалъ надъ нею. Во всякомъ случаѣ, амнистія не была бы принята, потому что на этотъ разъ самое сильное сопротивленіе было со стороны Армфельдта. Принимая до сихъ поръ главною цѣлью союза желаніе избавить страну отъ критическаго положенія, онъ объявилъ, что согласіемъ на предложеніе короля уничтожается главная цѣль, которую имѣли въ виду—именно удерживать непріязненныя дѣйствія русскихъ, пока не заключенъ будетъ миръ, или пока не изыщутся средства для болѣе успѣшнаго продолженія войны. Къ этому онъ еще прибавилъ, что *было бы вѣтреностію, неприличною человѣку въ его лѣтахъ, подписать документъ, отвергающій его дѣйствія*. Такимъ образомъ, еслибы кто изъ менѣе рѣшительныхъ членовъ и вздумалъ воспользоваться прощеніемъ, то уже рѣшеніе Армфельдта покончило все.

Вскорѣ Густавъ уѣхалъ въ Швецію, сдавъ начальство надъ войскомъ брату своему, герцогу Карлу. Причиною отъѣзда было извѣстіе о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Даніи. Заговорщики стали еще смѣлѣе, потому что разсчитывали, что герцогъ Карлъ втайнѣ непрочь благопріятствовать имъ, въ надеждѣ извлечь изъ ихъ предпріятія выгоду для себя. Очень вѣроятно, что это такъ и было; но только будучи весьма остороженъ, Карлъ избѣгалъ всего, что̀ могло скомпрометировать его въ глазахъ короля. Другой же братъ

Digitized by Google

короля, Фридрихъ-Адольфъ, которому думали отдать корону Финляндіи, явно держалъ сторону недовольныхъ и былъ въ ссорѣ съ Густавомъ.

Въ этотъ періодъ времени дѣятельность заговорщиковъ достигла высшей степени. Были употреблены всевозможныя средства для пріобрѣтенія себѣ единомышленниковъ и для распространенія возстанія въ странѣ. Переписка была въ полномъ разгарѣ; съ русской границы перевозили прокламаціи и воззванія къ народу. Воззванія эти были распространены по всей странѣ. Такъ изъ Карелія была переслана правительству распространяемая тамъ прокламація слѣдующаго содержанія: «Любезные друзья и сосѣди! мы жили и желаемъ жить съ вами въ полномъ согласіи; но король вашъ противъ общаго желанія съ вооруженною силою напалъ на нашу землю. Теперь мы объявляемъ вамъ, что шведскій народъ уже открыто выразилъ королю свое неудовольствіе противъ затѣянной имъ войны, губящей отечество, и что вслѣдствіе этого 3-го августа финскіе полки, расположенные около Фридрихсгама, а именно: абосскій, бьернеборгскій и т. д. единогласно рѣшили не сражаться противъ русскихъ и не идти далѣе въ русскую землю; послѣ этого вся шведская армія отступила немедленно въ свои предѣлы.» Подобная пропаганда не встрѣчала почти никакихъ затрудненій. Мы уже видѣли, какъ свободны и часты были сообщенія аньяльской арміи съ русскими, но этого мало. Спренгпортенъ, напримѣръ, выхлопоталъ одному своему служителю право переѣзжать границу подъ предлогомъ дѣлъ въ находящемся у него въ Финляндіи имѣніи, и потомъ еще жаловался, что капитанъ пограничной стражи Кальмъ, хотя и получилъ отъ него 100 червонцевъ, но тѣмъ не менѣе затрудняетъ пропускъ означеннаго служителя чрезъ границу. Отправивъ королю отвѣтъ русскаго правительства, аньялиты 25-го августа написали такъ-называемый авертиссементъ, то-есть объясненіе своихъ намѣреній и дѣйствій, съ цѣлію, какъ сказано въ немъ, *опровергнуть ложные и безчестные слухи и отнять вѣру въ планы о самостоятельности*. Это былъ съ ихъ стороны отпоръ партіи, хлопотавшей объ отдѣленіи Финляндіи, такъ что съ этого времени заговорщики замѣтно разбиваются на двѣ партіи, не совсѣмъ доброжелательныя другъ къ другу. Аньялиты, недумавшіе объ отдѣленіи Финляндіи, изложивши вкратцѣ въ своемъ авертиссементѣ свои дѣйствія, объясняющія ихъ поступокъ противъ короля, *заклинаютъ всѣхъ патріотовъ святымъ именемъ отечества соединиться для общей просьбы къ королю, чтобы его королевское величество изволилъ немедленно созвать государственныхъ чиновъ, и съ общаго съ ними согласія возстановилъ миръ и спокойствіе въ странѣ*. Эту бумагу назначено бы-

Digitized by Google

ло разослать въ другіе отряды арміи для пріобрѣтенія ихъ согласія. Она была послана отдѣльно къ начальнику шхернаго флота, полковнику Анкарсверду; для доставленія ея въ сухопутныя войска, расположенныя на югѣ, и преимущественно въ шведскіе полки, посланы были изъ Аньяла два офицера, природные шведы, именно майоръ абоскаго полка баронъ Маннергеймъ и капитанъ нюландскихъ драгунъ Канутъ фон-Тролль. Сначала они ѣхали до Ловизы вмѣстѣ, но потомъ раздѣлились. Маннергеймъ поѣхалъ на западъ до Гельсингфорса и Свеаборга, а фон-Тролль на востокъ. Пріемъ посланныхъ почти во всѣхъ полкахъ былъ очень радушенъ; вездѣ имъ давали подписанныя значительнымъ числомъ офицеровъ декларацiи, въ которыхъ подписавшіеся одобряли поступокъ аньяльской арміи. Въ Гельсингфорсѣ Маннергеймъ былъ очень любезно принятъ герцогомъ Фридрихомъ-Адольфомъ, которому, кажется, очень нравилась возможность при такихъ обстоятельствахъ надѣть велико-княжескую корону Финляндіи. Командиръ саволакской бригады, баронъ Гастферъ не представилъ съ своей стороны большаго затрудненія: онъ уже вступилъ, какъ мы ниже увидимъ, въ сношеніе съ Спренгпортеномъ насчетъ отдѣленія Финляндіи, а потому и здѣсь пропаганда аньялитовъ шла довольно успѣшно.

Не довольствуясь пропагандой въ арміи, заговорщики старались подкрѣпить себя связями съ посторонними лицами, какъ въ Финляндіи, такъ и въ Швеціи. Такъ они обратились къ извѣстнымъ членамъ опозиціонной партіи: члену государственнаго совѣта графу Фридриху фон-Ферзену и каммергеру барону Карлу де-Гееръ, и представили имъ отчетъ въ дѣйствіяхъ и относительно цѣли союза, *очерненнаго*, по ихъ словамъ, злобою; причемъ просили фон-Ферзена, какъ человѣка, пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ государствѣ, чтобы онъ «своимъ дѣйствительнымъ ходатайствомъ убѣдилъ его королевское величество созвать своихъ искреннихъ и истинныхъ совѣтниковъ — государственныхъ чиновъ, которые одни только имѣютъ законное право принять мѣры къ искорененію зла, грозящаго гибелью отечеству». Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ на границу изъ Стокгольма какой-то отставной капитанъ Эльмéнъ, имѣлъ тайныя совѣщанія съ нѣкоторыми офицерами, и, переправившись черезъ Кюмень, отправился въ Россію. Говорили, что будто бы онъ посланъ фон-Ферзеномъ и де-Гееромъ разузнать, на какую помощь можно разсчитывать со стороны Россіи, если затѣять созваніе сейма и перемѣну образа правленія. Впослѣдствіи оказалось, что онъ былъ посланъ барономъ Шернэльдомъ—другомъ де-Геера и ревностнымъ членомъ опозиціи, но съ какою цѣлью—положительно неизвѣстно.

Digitized by Google

Въ концѣ октября, Эльмéнъ возвратился въ границѣ, но Мейерфельдъ послалъ ему сказать, что не совѣтуетъ ему переходить ее, и неизвѣстно, послушался ли онъ совѣта, или нѣтъ. Изъ значительныхъ лицъ Финляндіи, принадлежавшихъ къ заговору, упомянемъ объ асесорѣ вазаскаго гофгерихта Георгѣ Лоде, и о бьёрнеборгскомъ бургомистрѣ, комерціи совѣтникѣ Саклѐнѣ, который былъ главнымъ агентомъ аньялитовъ въ странѣ и 13-го сентября прочиталъ въ ратушѣ составленный ими манифестъ.

Теперь главною цѣлью заговорщиковъ сдѣлалось склонить на свою сторону герцога Карла. При отъѣздѣ, Густавъ далъ приказаніе Карлу не обращать вниманія на требованія о созываніи сейма, не заключать съ русскими перемирія, и не выводить войскъ изъ той части русскихъ областей, которая была еще занята шведской арміею. Принявъ 27-го августа начальство надъ арміею, герцогъ Карлъ объявилъ, что онъ намѣренъ строго поддерживать дисциплину, и что «каждый, кто осмѣлится противорѣчить ему, или охуждать его приказанія, будетъ разстрѣлянъ». Полковникъ Анкарсвердъ первый подвергся строгости новаго главнокомандующаго; но, не будучи изъ трусливаго десятка, онъ замѣтилъ Карлу, что, слѣдуя такой системѣ, онъ скоро можетъ слетѣть съ своего мѣста, и что при настоящемъ образѣ мыслей арміи, одинъ неосторожный поступокъ герцога можетъ повлечь за собою это послѣдствіе — и вслѣдъ затѣмъ созвалъ своихъ офицеровъ для обсужденія полученнаго въ это время авертисемента. Хотя офицеры подчиненнаго ему шхернаго флота и охуждали переговоры аньялитовъ съ русскими, но согласились съ ними требовать созванія государственныхъ чиновъ.—Вскорѣ послѣ этого въ лагерѣ абоскаго полка собрались офицеры почти всѣхъ шведскихъ и финскихъ полковъ, расположенныхъ въ Финляндіи, и общимъ совѣтомъ рѣшили подать герцогу Карлу адресъ, въ которомъ просить для арміи «протекцію его королевскаго высочества». Послѣ этого рѣшенія выбрали депутацію, и полковникъ Монгомери, получившій полномочіе говорить отъ лица шведской и финской арміи, долженъ былъ вручить герцогу докладную записку, въ которой просили Карла: 1) принять участіе въ положеніи отечества и стать во главѣ голоса арміи; 2) настаивать на созваніи государственныхъ чиновъ; 3) хлопотать о перемиріи, вслѣдствіе чего флоты могли бы возвратиться въ свои гавани, и 4) перевести войска изъ Гёгфорса обратно за границу. Всѣ эти требованія были, какъ видимъ, діаметрально противоположны инструкціямъ Густава. Депутація явилась къ Карлу въ первыхъ числахъ сентября въ Ловизѣ. Онъ принялъ ее *строгимъ выговоромъ за прошедшее*, но *такъ-какъ этого уже воро-*

Digitized by Google

тить было нельзя, и какъ войнѣ нельзя было помочь иначе, какъ заключивъ миръ, то онъ и обѣщалъ имъ свою помощь и старанія вступить въ переговоры съ Россіею. Въ это время получено было извѣстіе, что въ Фридрихсгамъ пріѣхалъ наслѣдникъ русскаго престола, великій князь Павелъ Петровичъ. Карлъ воспользовался этимъ случаемъ, и отправилъ къ нему Монгомери съ письмомъ, въ которомъ поздравляетъ его съ пріѣздомъ и предлагаетъ заключить перемиріе. Монгомери отправился въ Россію черезъ Аньяла и на границѣ былъ встрѣченъ Спренгпортеномъ. Въ лагерѣ русской арміи онъ былъ принятъ очень любезно; но не то было въ Фридрихсгамѣ. Великій князь очень холодно принялъ поздравленіе герцога, и о вопросѣ о перемиріи сказалъ, что это не его дѣло, и что пусть обратятся съ этимъ къ главнокомандующему, графу Мусину-Пушкину. Спренгпортенъ при этомъ написалъ письмо къ Армфельдту, гдѣ говоритъ, что необходимымъ условіемъ для начатія переговоровъ о перемиріи, императрица ставитъ совершенное очищеніе шведскими войсками русской земли, и совѣтуетъ ему уговорить герцога отозвать войска изъ Гёгфорса. По возвращеніи Монгомери въ Ловизу, тамъ остались очень недовольны отвѣтомъ великаго князя, но дѣлать было нечего. Чрезъ нѣсколько дней рѣшили обратиться, по указанію, къ графу Мусину-Пушкину. Герцогъ Карлъ поручилъ полковнику барону Маврикію Клингспору написать письмо къ русскому главнокомандующему съ предложеніемъ перемирія. 10-го сентября Монгомери съ этимъ письмомъ снова отправился въ русскую армію, и снова отвѣтъ былъ не очень благопріятенъ. Графъ Мусинъ-Пушкинъ положительно объявилъ, что онъ не намѣренъ вступать ни въ какіе переговоры, пока шведскія войска не будутъ выведены изъ русскихъ областей. Причемъ онъ даже счелъ за лишнее отвѣчать Клингспору письмомъ, а передалъ этотъ отвѣтъ словесно Монгомери. Заговорщики, понимавшіе очень хорошо, что заключеніе перемирія составляетъ необходимое условіе для успѣха ихъ плановъ противъ короля и его власти, налегли на Карла, и безъ того уже преступившаго волю короля, потому что уже 4-го сентября онъ послалъ къ Густаву курьера съ депешею, въ которой отъ лица всей арміи требовалъ созванія сейма, угрожая, въ случаѣ отказа, прибѣгнуть къ инымъ мѣрамъ. Въ это же время распространились слухи, что король, при содѣйствіи далекарлійцевъ, намѣренъ напасть на Стокгольмъ, овладѣть банкомъ и объявить себя неограниченнымъ самодержцемъ. Все это заставило поспѣшить рѣшеніемъ. 18-го сентября Карлъ созвалъ въ Ловизѣ военный совѣтъ, рѣшившій почти единогласно отозвать армію въ свои предѣлы; а 25-го это рѣ-

Digitized by Google

шеніе было приведено въ исполненіе, и русскія области были окончательно очищены отъ шведскихъ войскъ. Въ надеждѣ начатія переговоровъ со стороны русскихъ о перемиріи, Карлъ писалъ къ своему пріятелю, барону Реутергольму 27-го сентября: «Дня черезъ 3 или 4 я заключу перемиріе съ ея величествомъ любезной сестрой моей». Но на дѣлѣ вышло не такъ. Русское начальство не торопилось перемиріемъ, да ему въ этомъ и не было надобности: оно и безъ того не опасалось нападенія со стороны Швеціи, а перемиріе влекло за собою необходимость снять блокаду шведскихъ гаваней. Кромѣ того, вѣроятно, разсчитывали, показывая равнодушіе, заставить аньяльскій союзъ принять предложеніе Спренгпортена и Эгергорна объ отдѣленіи Финляндіи. Очень естественно, что Россія находила для себя болѣе выгоды въ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи и отданіи первой подъ ея покровительство, чѣмъ отъ приведенія въ исполненіе плановъ аньяльскаго союза. Это и объяснилось очень скоро. Наскучивъ ожиданіемъ перваго шага со стороны русскихъ къ заключенію перемирія, Карлъ велѣлъ полковнику барону Пфейфу извѣстить русское начальство, что съ его стороны ничего не будетъ сдѣлано болѣе, пока онъ не получитъ отвѣта отъ нихъ на его прежнія предложенія. Пфейфъ написалъ объ этомъ къ Армфельдту, находившемуся въ это время все еще въ Аньялѣ, и поручилъ ему войти въ сношеніе съ русскими генералами. Армфельдтъ обратился, вѣроятно, къ Спренгпортену, потому что этотъ послѣдній написалъ къ нему 30-го сентября письмо, разрушившее всѣ надежды Армфельдта и его партіи: «Изъ находящихся тамъ отговорокъ исполнить то, что мы требуемъ, рождается опасеніе, что льстивыя обѣщанія касательно перемирія, какъ начала переговоровъ о мирѣ, весьма ненадежны»—писалъ Армфельдтъ барону Пфейфу, причемъ онъ приложилъ и письмо къ герцогу Карлу съ отвѣтомъ Спренгпортена, въ которомъ послѣдній категорически объявляетъ, что никакихъ переговоровъ быть не можетъ, пока не отдадутся съ полнымъ довѣріемъ покровительству императрицы, то-есть пока, согласно обѣщаніямъ Эгергорна, не примутъ проекта о самостоятельности Финляндіи. — Армфельдтъ и его приверженцы поняли планы Спренгпортена и его партіи. Между тѣмъ эта партія, предвидя скорую развязку, не переставала дѣйствовать. Въ это время Спренгпортенъ вошелъ въ переговоры съ командиромъ саволакской бригады, полковникомъ фон-Гастферомъ. 18-го сентября они имѣли свиданіе въ Кяйхке (Käyhkä), на русской землѣ. Гастферъ соглашался и на провозглашеніе самостоятельности Финляндіи и на созваніе сейма въ Саволаксѣ, но требовалъ отсрочки, гово-

Digitized by Google

ря, что еще не наступило время привести это въ исполненіе, и предоставлялъ себѣ позаботиться объ этомъ во время. Спренгпортенъ съ своей стороны, для удостовѣренія искренности Гастфера, требовалъ отъ него письменнаго обязательства въ томъ, что онъ будетъ помогать дѣлу отдѣленія Финляндіи. Гастферъ обѣщалъ исполнить требованіе, но не прежде, какъ получитъ неопровержимые документы касательно намѣреній русской императрицы относительно Финляндіи. Впослѣдствіи, во время суда надъ нимъ, онъ на допросахъ увѣрялъ, что все это сдѣлано было имъ съ цѣлію ввести Спренгпортена въ заблужденіе, и заставить его открыть свои планы, чтобы легче воспрепятствовать имъ, и сообщить ихъ королю. Правда, онъ сообщалъ частію Густаву, частію Карлу о своихъ свиданіяхъ и сношеніяхъ съ русскими начальниками, но далеко не такъ подробно, и не такъ справедливо, чтобы можно было повѣрить его невинности. Въ началѣ октября онъ опять видѣлся съ Спренгпортеномъ, послѣ чего послѣдній уѣхалъ въ Петербургъ, въ полной увѣренности, что нашелъ въ Гастферѣ вѣрнаго помощника своимъ планамъ, и что онъ единственный начальникъ на границѣ, на котораго можно положиться. Въ началѣ ноября къ Гастферу явился посланный, нѣкто отставной капитанъ шведской службы фон-Тёрне, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Спренгпортена, просившаго оказать помощь подателю опредѣлиться на службу въ Финляндіи; а на самомъ-то дѣлѣ Спренгпортенъ прислалъ его съ порученіемъ узнать, «далеко ли ушли друзья въ Финляндіи?» и съ подаркомъ для Гастфера. Въ присланномъ на имя генерала фон-Шульца для передачи Гастферу ящикѣ, оказалось — согласно рапорту Гастфера королю — два мѣшка собольихъ шкурокъ и 16,000 червонцевъ. Гастферъ не принялъ подарка и отправилъ Тёрне подъ стражею къ герцогу Карлу въ Борго, гдѣ Тёрне разсказалъ планы Спренгпортена, и своими разсказами сильно скомпрометировалъ Гастфера, продолжавшаго, между тѣмъ, тайные переговоры съ фон-Шульцемъ, командовавшимъ русскими войсками въ Нейшлотѣ. Въ показаніяхъ своихъ на допросѣ, онъ говорилъ, что на свиданіи, которое онъ имѣлъ въ это время съ фон-Шульцемъ, разговоръ все время шелъ о постороннихъ предметахъ, и только разъ во время разговора фон-Шульцъ намекнулъ ему на то, что если король не изъявитъ согласія на сеймъ, то императрица поспѣшитъ заключить миръ съ Турціею, чтобы всѣми силами обратиться на Швецію, и что 30-тысячный корпусъ русскихъ уже подходитъ къ границѣ. Но вскорѣ было перехвачено и распечатано одно его письмо къ фон-Шульцу, подтвердившее подозрѣнія на него, потому что въ этомъ письмѣ онъ проситъ фон-

Digitized by Google

Шульца писать къ нему о такихъ только вещахъ, которыя всѣ могутъ читать, потому что онъ подозрѣваетъ, что будутъ распечатывать письма, адресованныя къ нему. Впослѣдствіи это, между прочимъ, послужило къ его обвиненію.

Партія отдѣленія попрежнему сосредоточивалась вокругъ Эгергорна, и друга его, финляндскаго помѣщика Глансенштіерна, ѣздившаго по Финляндіи для пріобрѣтенія друзей въ самой странѣ. Эгергорнъ же попрежнему оставался въ Аньялѣ, а потомъ въ имѣніи дяди своего. Говорятъ, что онъ въ это время писалъ проектъ *сѣвернаго союза*, то-есть тѣснаго соединенія между Швеціею, Даніею и Россіею, причемъ Финляндія должна была составлять отдѣльную республику подъ покровительствомъ Россіи, которая должна была уступить ей города Фридрихсгамъ, Вильманстрандъ и Нейшлотъ. Въ половинѣ октября наконецъ вздумали удалить его изъ Финляндіи, приславъ приказаніе отправиться на службу въ полки, стоявшіе на норвежской границѣ, такъ-какъ онъ, обязанный честнымъ словомъ, не могъ служить въ войскахъ, воевавшихъ съ русскими. Но, отговариваясь разными причинами, и между прочимъ болѣзнью, онъ продолжалъ работать въ пользу своего плана. Въ Пассо близь Хейнола у помѣщика фон-Эссена происходили правильныя засѣданія этой партіи; причемъ одна дѣвица Кроокъ вела протоколы засѣданій. Но тѣмъ не менѣе усилія не достигали желаемыхъ результатовъ

Герцогъ Карлъ съ своей стороны принялъ мѣры къ прекращенію дальнѣйшаго распространенія плановъ самостоятельности. На границѣ финскіе полки были замѣнены шведскими, въ другихъ мѣстахъ вмѣстѣ съ финскими полками были поставлены и шведскіе, которые, конечно, не могли сочувствовать отдѣленію Финляндіи. Тотчасъ по полученіи отвѣта изъ Россіи, Хестэско получилъ приказаніе вести свой полкъ въ Гельсингфорсъ. Онъ было-началъ отговариваться тѣмъ, что на границѣ мало войскъ; но получилъ вторичное приказаніе или немедленно выступить съ полкомъ, или отправляться въ Свеаборгъ подъ арестъ. Бьёрнеборгскій полкъ тоже былъ отправленъ внутрь страны.

Съ этого времени начинается для заговорщиковъ поворотъ къ худшему. Обнаруженіе плановъ Спренгпортена отдѣлить Финляндію не могло понравиться шведамъ: чувство народнаго самолюбія взяло верхъ надъ неудовольствіемъ противъ Густава. Шведское общество обнаружило негодованіе къ замысламъ Спренгпортена и его сообщниковъ. Правительство умѣло ловко воспользоваться этимъ патріотическимъ взрывомъ, и обрушило всю его тяжесть на своихъ противниковъ, не разбирая, къ какой партіи они принадлежатъ. Оно всѣми мѣрами старалось распространить напе-

Digitized by Google

чатанную въ журналахъ статью подъ заглавіемъ: *Письмо изъ Финляндіи относительно различныхъ злоумышленій отъ 16-го сентября 1788 года*, въ которомъ планъ о самостоятельности и предпріятіе аньяльскаго союза выданы за одно и то же — и поддерживало всѣми силами этотъ взглядъ на своихъ противниковъ. Успѣхъ былъ полный. Негодованіе народа было тѣмъ сильнѣе, что дѣйствительно Швеція находилась въ опасности: Данія открыла военныя дѣйствія на западной границѣ. Спренгпортенъ, разсуждая о неудачахъ заговора *, прямо говоритъ: «народъ, который никогда не умствуетъ и довольствуется только наружностями, принялъ нашествіе датчанъ за ненависть и вѣроломство своихъ старыхъ враговъ, и тѣмъ съ бо́льшимъ довѣріемъ повергся въ руки своего государя, что онъ, подобно имъ, былъ несчастливъ.

Эгергорнъ, жившій все еще въ Финляндіи, получилъ вторичное приказаніе отправиться въ Швецію на службу къ арміи, дѣйствовавшей въ Даніи; вслѣдствіе этого, онъ уѣхалъ въ Россію. Поспѣшность эта была излишняя, потому что уже въ концѣ декабря Мейерфельдтъ получилъ отъ короля секретное предписаніе арестовать участниковъ заговора въ Аньялѣ. Въ первыхъ числахъ января предписаніе было приведено въ исполненіе; арестованные Армфельдтъ, адъютантъ его капитанъ Магнусъ фон-Тёрне, полковники Хестэско, фон-Оттеръ, Монтомери, графъ Лёіонштедъ, Энгельмъ и О. Клинтеборъ, были отправлены подъ стражею въ Або, а оттуда, съ открытіемъ навигаціи 9-го марта, въ Стокгольмъ, гдѣ и посажены были въ казематы Фридрихсгофа. Баронъ Гастферъ вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ Отто фон-Фіантомъ, былъ арестованъ Куртомъ фон-Стедингомъ и также отправленъ въ Стокгольмъ. При этомъ Стедингъ писалъ къ Густаву: «приказаніе вашего величества исполнено; но никогда повиновеніе для меня не было такъ тяжело. Почему ваше величество не слѣдовали внушеніямъ вашего сердца, а вняли совѣтамъ окружающихъ? Удалить Гастфера отъ командованія было бы достаточно для удовлетворенія правосудія вашего величества». Баронъ фон-Котенъ добровольно пріѣхалъ въ Стокгольмъ и явился къ суду. Такимъ образомъ, всѣ главнѣйшіе двигатели заговора были въ рукахъ Густава; но зачинщики его, хлопотавшіе объ отдѣленіи Финляндіи, всѣ увольнули. Клинъ оставался до послѣдней крайности, и только тогда уже, когда ѣхали арестовать его, бѣжалъ и перешелъ подъ чужимъ именемъ границу.

* «Воен. Журналъ» 1811 г. Книжка 19. Статья графа Спренгпортена: «Описаніе войны 1788—90 годовъ.» Часть II, стр. 29.

Digitized by Google

7-го февраля донесено было, что и капитанъ Глансенштіерна съ племанникомъ своимъ фон-Эссеномъ также бѣжали въ Россію.

Для аньялитовъ оставалась еще надежда на то, что созванный, наконецъ, Густавомъ 8-го декабря сеймъ, обвинитъ короля въ незаконномъ начатіи войны и такимъ образомъ оправдаетъ въ нѣкоторой степени ихъ дѣйствія; но вскорѣ и эта надежда исчезла. Густавъ зналъ, что теперь оппозиція уже безсильна передъ нимъ; поэтому только онъ и рѣшился созвать сеймъ, въ которомъ онъ до сихъ поръ упорно отказывалъ, несмотря на общія требованія. На первомъ засѣданіи послѣ открытія сейма 2-го февраля, Густавъ изложилъ причины начатія войны, именно: возрастающее могущество Россіи, злоумышленія Спренгпортена, и удобство времени для нападенія врасплохъ на опаснаго сосѣда. Причины были признаны удовлетворительными. Такой оборотъ дѣлъ объясняется тѣмъ, что Густавъ умѣлъ воспользоваться непріязнію къ дворянству, выраженною другими тремя сословіями, и соединился съ послѣдними, такъ что оппозиція, сосредоточенная главнымъ образомъ въ дворянской палатѣ, несмотря на упорную борьбу, была совершенно задавлена большинствомъ, и Густавъ вышелъ полнѣйшимъ побѣдителемъ на этомъ сеймѣ.

Таковъ разсказъ г. Рейна объ альяньскомъ заговорѣ. Читая внимательно его книгу, нельзя отрицать, что взглядъ его отзывается нѣсколько точкою зрѣнія шведа. Излишнее пристрастіе его къ Густаву III, о чемъ мы уже упоминали выше, и тупая жестокость, съ которою онъ относится къ Спренгпортену и его партіи, заставляютъ насъ критически относиться къ его точкѣ зрѣнія на это дѣло. Было бы несправедливо смотрѣть на Спренгпортена, Эгергорна и ихъ партію, какъ на авантюристовъ, продававшихъ за личныя выгоды свою совѣсть и свою страну чужеземному правительству. Но такъ угодно смотрѣть на нихъ г. Рейну. Между тѣмъ изъ сочиненія самаго же г. Рейна можно видѣть, что Спренгпортенъ былъ человѣкъ убѣжденія, что онъ вовсе не былъ подкупленъ Россіею, потому что мысль отдѣлить Финляндію отъ Швеціи родилась въ его головѣ ранѣе, чѣмъ начались его сношенія съ русскимъ правительствомъ. Разбирая побужденія, заставившія Спренгпортена подняться противъ Густава и затѣять отдѣленіе Финляндіи, мы увидимъ, что съ одной стороны это былъ протестъ члена извѣстнаго сословія, пользовавшагося извѣстными правами, противу короля, нарушившаго конституцію, гарантировавшую права его подданныхъ; а съ другой это былъ протестъ финляндца противъ шведскаго владычества. Въ первомъ отношеніи Спренгпортенъ стоитъ на одной доскѣ съ остальнымъ шведскимъ

Digitized by Google

дворянствомъ, негодовавшимъ на Густава и интриговавшимъ противъ него. Оставляя безъ разбора эту сторону дѣла, какъ некасающуюся занимающаго насъ вопроса, посмотримъ на Спренгпортена, какъ на защитника финской національности отъ притязаній господствовавшихъ въ Финляндіи шведовъ. Становясь на эту точку зрѣнія, мы видимъ, что основный мотивъ его замысла былъ только освободить Финляндію отъ власти шведовъ, а устройство дальнѣйшей судьбы ея оставалось пока на второмъ планѣ. Онъ прибѣгнулъ къ императрицѣ Екатеринѣ потому, что не могъ ничего сдѣлать безъ посторонней помощи, которой никто другой не хотѣлъ оказать. Не предать Финляндію хотѣлъ Спренгпортенъ, а освободить ее, при помощи русскихъ, отъ шведскаго владычества. Мы видимъ, что даже въ послѣдніе дни существованія заговора, Эгергорнъ занимался развитіемъ плана объ образованіи отдѣльной финляндской республики; какъ бы ни былъ непрактиченъ этотъ планъ, однако, до самаго конца, эта партія не теряла изъ виду мысли о благѣ Финляндіи. Но понятная вещь, что такая небольшая и небогатая страна не могла быть вполнѣ независима, и что поневолѣ придется прибѣгнуть къ покровительству другой, болѣе сильной державы. Но выборъ оставалось только сдѣлать между Россіею и Швеціею; а противъ послѣдней многое могли сказать финны. Спренгпортенъ въ своемъ описаніи войны 1788—90 годовъ * говоритъ, что Финляндія была угнетаема шведами; да и теперь еще, спустя болѣе чѣмъ 50 лѣтъ, прошедшихъ со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи, мы можемъ видѣть, какъ сильно была задавлена финская народность шведскою. До послѣдняго еще времени шведскіе законы и шведскій языкъ господствовали въ Финляндіи, какъ будто бы она была шведскою провинціею.

Такимъ образомъ, нетрудно было напасть на мысль, что для поддержанія финской національности отъ конечной гибели необходимо было отдѣлить Финляндію отъ Швеціи, а слѣдовательно и отдаться подъ покровительство Россіи.

Д. Ш—въ.

---

* «Военный Журн.» 1811 года. Книж. 18, стр. 16.

Digitized by Google

ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЯ КЪ ИСКУСТВУ.

Статья первая.

Причина, почему у насъ наука и искуство пошли врозь и въ литературѣ произошло смѣшеніе языковъ?—Сравненіе живого взгляда натуралистовъ на міръ съ умнымъ и мертвеннымъ взглядомъ на него нигилистовъ.—Значеніе и пониманіе природы.—Гумбольдтъ, какъ физіономистъ природы.—Средства, какими природа дѣйствуетъ на нравственное настроеніе человѣка.

Опять искуство, скажетъ съ удивленіемъ, быть можетъ, читатель. Да, опять; никакія невзгоды въ общественной жизни или затрудненія въ экономическомъ мірѣ не даютъ права забыть, что слово есть одно изъ сильнѣйшихъ орудій прогреса. И пусть другіе раздѣляются на лагери и воюютъ, совершаютъ преобразованія или только разламиваютъ все для будущихъ построекъ—искуство должно дѣлать свое дѣло, дѣйствовать на нравственно-эстетическую сторону человѣка, и тѣмъ самымъ способствовать къ развитію умственной и экономической (стороны) жизни. Отрицатели, стараясь убѣдить неопытныхъ людей въ ненужности произведеній искуства, указываютъ обыкновенно на естествовѣдѣніе, какъ на прибѣжище, гдѣ можно избавиться окончательно отъ такъ-называемыхъ эстетическихъ предразсудковъ. Неопытные люди и вѣрятъ имъ на слово, затверживая ихъ фразы и учась по ихъ програмѣ: на самомъ дѣлѣ, оказывается не то. Естественныя науки нетолько не поддерживаютъ, но даже прямо противоположны всей анти-эстетической теоріи; законы природы самымъ неразрывнымъ образомъ связаны съ законами искуства: техника послѣдняго вся цѣликомъ заключается въ области естествознанія. Наука и искуство одинаково другъ друга поддерживаютъ, и логически укладываются въ головѣ каждаго вполнѣ развитого человѣка. Это послѣднее мы и надѣемся доказать въ нашихъ статьяхъ.

Но прежде, чѣмъ мы подойдемъ къ тѣмъ мѣстамъ изъ естествовѣдѣнія, въ которыя, такъ-сказать, упираются корни искуства, и пока-

Digitized by Google

жемъ, до какой степени наука и искуство стоятъ близко другъ къ другу, мы считаемъ нужнымъ объяснить, какимъ образомъ эта близость и обоюдная зависимость порвалась въ нашей литературѣ; какъ множество писателей, а за ними и читателей принялись высказывать свою ученость невѣжествомъ и непониманіемъ искуства, и какъ, наконецъ, наука и искуство у насъ чуть-ли не пошли другъ противъ друга. Главная причина этого разлада заключается во внѣшнихъ обстоятельствахъ: его, вопервыхъ, поддерживало особеннаго рода воспитаніе, которому подвергались наши прогресисты. Нигилизмъ, какъ мы уже объясняли не разъ, вышелъ изъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ больше всего давили. Разладу этому, вовторыхъ, покровительствовало особенное состояніе печати, отъ котораго мы начали избавляться. Мы уже высказывали не разъ, что все, что̀ носитъ на себѣ печать запрещенности, можетъ иногда привлекать вниманіе толпы, и даже при совершенной пустотѣ и ничтожности предмета; и самая эта пустота и ничтожность, вслѣдствіе ложно направленнаго вниманія, можетъ пріобрѣтать мнимую важность и значеніе. Доказательствомъ этой мысли служитъ то рабское послушаніе, которое оказывала значительная масса читателей партіи отходящихъ прогресистовъ. Не было такой нелѣпости или парадокса, которые бы, прикрываясь недосказанностію, не находили себѣ множество поклонниковъ. Достаточно было появиться самой бездарной повѣсти или роману, гдѣ, подъ видомъ *опасныхъ будто бы* тенденцій, высказывалась мораль камелій—и романъ этотъ въ разныхъ видахъ принимались разъигрывать въ жизни. На писателей, одаренныхъ способностію двигаться и двигать другихъ впередъ, эта необходимость стѣсняться въ выраженіяхъ и недосказывать мысли производила уже другое вліяніе; основательность ихъ казалась узкимъ консерватизмомъ, а желаніе связать прошедшее съ будущимъ, старое поколѣніе съ молодымъ—намѣреніемъ покорить послѣднее первому. Теперь, если печать разовьется, дѣло пойдетъ иначе: консерваторы, быть можетъ, станутъ на мѣсто прогресистовъ, а тѣ, которые казались всѣмъ прогресистами, окажутся не болѣе, какъ шалунами. Обстоятельства вѣдь мѣняются. «Если Богъ кого захочетъ обидѣть, то онъ прежде всего отниметъ разумъ», говоритъ пословица; разума-то вотъ теперь и недостаетъ тѣмъ, кто до сихъ поръ вискакивалъ впередъ. Въ обществѣ, щеголяющемъ модными идеями, произошло, по крайней-мѣрѣ, такое столпотвореніе вавилонское и смѣшеніе языковъ, какое едва-ли другая литература и другое время представляли. Мнимые прогресисты нетолько переругались, но и перестали даже понимать другъ друга; а нѣкоторые изъ нихъ принялись даже повторять безсознательно то, что̀ говорили люди, называемые ими консерваторами. Въ этомъ

Digitized by Google

смыслѣ «Современникъ» сдѣлалъ особенно замѣтные успѣхи, быстро отступая съ выходомъ каждаго нумера отъ имъ же созданныхъ принциповъ, и сражаясь съ непокорнымъ ему «Русскимъ Словомъ» тѣмъ самымъ орудіемъ, какое употребляли противъ него «Отечественныя Записки» и другіе журналы.

Быстрота, съ какою «Современникъ» отступилъ отъ имъ же созданныхъ принциповъ, можетъ быть сравниваема развѣ съ знаменитымъ въ древности отступленіемъ 10,000 грековъ. Лицо, завѣдывавшее этимъ отступленіемъ, являлось врагамъ своимъ то въ видѣ г. Антоновича, то въ видѣ Посторонняго Сатирика и уподоблялось хитрому Ксенофонту; тѣмъ болѣе, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ совмѣщались способности военныя съ философскими въ различной, разумѣется, степени: Ксенофонтъ дѣйствительно сражался, г. Антоновичъ же больше ругался. Но ретирада «Современника» замѣчательна еще тѣмъ, что выступая изъ своего лагеря, онъ гналъ позади себя стоявшее дѣтище «Русское Слово». Когда дѣтище это, по своему неблагоразумію, стало бросаться на родителя, лишь бы только пробить дорогу впередъ, то родитель, вопервыхъ, проклялъ своего непокорнаго сына, назвалъ его незаконорожденнымъ, и весь тотъ натискъ, съ какимъ врагъ напиралъ съ тылу, направилъ на «Русское Слово». Бо́льшая часть стрѣлъ отъ ихъ общаго врага летѣли, впрочемъ, черезъ голову «Современника» и попадали въ «Русское Слово», чтобы прочистить дорогу струсившимъ; но нѣкоторыя стрѣлы падали и въ лагерь «Современника»; послѣдній, принимая ихъ за свои собственныя, сталъ кидать въ томъ же направленіи. Когда «Русское Слово» было наконецъ порядкомъ побито, то приближенные стали даже поздравлять «Современникъ» съ побѣдой, явились наконецъ и дезертиры, которые, перебѣжавъ въ «Современникъ», начали тоже вредить «Русскому Слову» и утѣшаться мнимо-выиграннымъ сраженіемъ.

Что ядра и стрѣлы, пускаемыя «Современникомъ», были не его— доказать нетрудно. Г. Писарева, возстававшаго больше другихъ противъ родительской власти, раскусилъ, вопервыхъ, не самъ «Современникъ», а другіе журналы. Прежде мы думали, что честь открытія г. Писарева принадлежитъ намъ; теперь же видимъ, что открытіе это совершилъ г. Incognito; онъ открылъ г. Писарева, онъ пустилъ въ него изъ «Отечественныхъ Записокъ» прошедшей весной первое ядро (см. ст. Начало Конца). О томъ, какъ потомъ я анатомировалъ г. Писарева, мы говорить не буду; скажу только, что во всѣхъ нападеніяхъ на него, важна была не его личность, а то, что онъ былъ лучшимъ выраженіемъ тѣхъ нелѣпостей, до которыхъ дошло направленіе, созданное «Современникомъ». Между

Digitized by Google

тѣмъ, съ перемѣною обстоятельствъ, поведеніе «Современника» дѣлалось все двусмысленнѣе: отступая отъ прежнихъ своихъ крайностей, онъ продолжалъ, все-таки, выставлять себя врагомъ журналовъ, съ которыми внутренно соглашался и бралъ даже заряды противъ «Русскаго Слова». Г. Антоновичъ, напримѣръ, только въ послѣднее время сталъ говорить о недалекости и слабоуміи г. Писарева, г. Incognito же упоминалъ о «неподдѣльной тупости» этого писателя еще въ то время, когда г. Антоновичъ называлъ его и даровитымъ, и талантливымъ, и т. д. Изъ-за чего же, спрашивается, воевалъ «Современникъ» съ «Отеч. Записками»? Мы тоже были въ числѣ авторовъ, обруганныхъ съ перваго же раза «Современникомъ» и потомъ любезно польщенныхъ подражаніемъ и усвоеніемъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ мыслей. Что̀, напримѣръ, новаго приводитъ г. Антоновичъ противъ «Русскаго Слова» въ своей статьѣ «Лже-реалисты»? Онъ, вопервыхъ, говоритъ очень много о томъ вліяніи, какое имѣло на сотрудниковъ «Русскаго Слова» появленіе романа Отцы и Дѣти; это, можно сказать, центръ его статьи. «До появленія тургеневскаго романа—пишетъ г. Антоновичъ—наши два критика, г. Писаревъ и г. Зайцевъ, хотѣли быть реалистами, но не знали, что̀ за птица такая реализмъ, какія фразы долженъ произносить реалистъ, и какую долженъ носить форму взглядовъ и идеаловъ... Тщетно искали наши критики реалистическаго талисмана и, вдругъ является романъ Тургенева, какъ разъ по плечу и по вкусу имъ, и сразу озаряетъ ихъ реалистическимъ свѣтомъ; въ видѣ Базарова они получаютъ желанный ключъ къ скорому, почти механическому рѣшенію всякихъ вопросовъ. И какъ все просто, немудрено у Базарова, каждый вопросъ рѣшенъ въ двухъ строкахъ; такъ, что если заучить всѣ рѣчи Базарова въ романѣ, то сейчасъ же можно сдѣлаться реалистомъ». О вліяніи романа Тургенева на нашихъ прогресистовъ, мы писали еще въ «Эпохѣ»; но точнѣе всего мы высказали эту мысль въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ первой августовской книжкѣ: «Тургеневъ—говорили мы—дойдя до Базарова, поднялся такъ въ своей галереѣ прогресистовъ, что многіе, увидя себя изображенными, страшно разсердились («Современникъ»); другіе же, болѣе наивные («Русское Слово»), пришли въ такой неописанный восторгъ отъ сходства съ собою, что вошли совершенно въ шкуру рожденнаго Тургеневымъ дѣтища и, войдя въ это комическое положеніе, стали дѣйствовать по программѣ проблематическаго героя» (или, какъ «Современникъ» перефразируетъ это выраженіе—наши quasi-реалисты карикатуру приняли за идеалъ, и стали корчить изъ себя Базаровыхъ). «Придя въ восхищеніе отъ Базарова—говорится у насъ далѣе—«Русское Слово» положило въ основу его свирѣпое фразёрство; между статья-

Digitized by Google

ми сотрудниковъ «Русскаго Слова» до Базарова и послѣ Базарова есть, по крайней-мѣрѣ, большая разница: отрицаніе искуства и науки неприкладной, проповѣданной героемъ Тургенева, обратилось для нихъ въ первую заповѣдь... Нигилисты, принявши благословеніе отъ Тургенева, рванулись впередъ и образовали мнимыхъ реалистовъ». Послѣднее слово у г. Антоновича замѣнено лже-реалистами. Далѣе г. Антоновичъ дѣлаетъ предположеніе, что «еслибы Тургеневскій романъ былъ написанъ умнымъ человѣкомъ, и болѣе добросовѣстнымъ, то изъ него бы, быть можетъ, лучше поняли реализмъ». Но мы тоже дѣлали предположеніе: что «Еслибы Тургеневу вздумалось высказаться опредѣленнѣе на счетъ Базарова, то раздвоенія между прогрессистами, быть можетъ, не произошло бы». Вся разница тутъ только въ томъ, что мы считаемъ Тургенева талантливымъ писателемъ, г. Антоновичъ же—чуть-ли не дуракомъ. Далѣе, объясняя «Русскому Слову», что эстетическое чувство есть не вымыселъ, мы указывали на тотъ фактъ, что человѣкъ кромѣ обыкновенной способности слышать, одаренъ еще музыкальнымъ слухомъ или чувствомъ гармоніи, и говорили объ этомъ не разъ. Г. Антоновичъ, взявшись за объясненіе прежде непонятнаго ему эстетическаго чувства, тоже выѣзжаетъ теперь на музыкальномъ слухѣ. Но мало того, трактуетъ даже объ эстетикѣ, какъ объ наукѣ, чего ужь мы рѣшительно не ожидали; поминаетъ не разъ терминъ — вопросъ объ искуствѣ. Словомъ, по мѣрѣ появленія разныхъ статей въ «Отечественныхъ Запискахъ», съ г. Антоновичемъ совершалось и превращеніе изъ нигилиста въ эстетика, а по мѣрѣ умноженія нападеній того же журнала, увеличивалась и ярость г. Антоновича противъ Писарева и Зайцева.

Теперь, напримѣръ, онъ чрезвычайно ядовито разсуждаетъ и о фразёрствѣ этихъ господъ, толковня объ этомъ сдѣлалась даже его любимымъ коньомъ. Въ безсознательномъ увлеченіи онъ и не замѣтилъ что повторяетъ только чужія слова. О несчастной способности г. Писарева говорить только фразы, мы писали еще въ концѣ прошедшаго года въ статьѣ «Безплодная плодовитость». И г. Писаревъ еще тогда отвѣчалъ и говорилъ въ защиту порицаемаго нами фразёрства. «Ходячія фразы—писалъ онъ—имѣютъ значительное вліяніе на человѣческое стадо, и важнѣйшая задача здоровой и честной литературы заключается въ томъ, чтобы пускать въ обращеніе такія фразы... При этомъ надо умѣть мѣнять во время ихъ, чтобы онѣ не затаскивались и не покрывались плесенью. Это производство и передвиганіе общеполезныхъ фразъ составляетъ прямую обязанность бельлетристики и части литературной критики». Это изумительное мѣсто мы предали глас-

Digitized by Google

ности въ статьѣ нашей «Разладъ», съ приличными добавленіями; и послѣ, когда г. Писаревъ не унялся, то мы въ августовской книжкѣ «Отеч. Записокъ» отнеслись къ фразерству еще серьёзнѣе и энергичнѣе (стр. 423 и 426). Кто потрудится прочесть это мѣсто, тотъ конечно увидитъ, что слова г. Антоновича о фразахъ г. Писарева есть не болѣе, какъ повтореніе нашихъ словъ. Тотъ же самый смыслъ имѣютъ его разсужденія о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ, неимущихъ служить доказательствомъ противъ искуства, и многое другое, о чемъ поговоримъ послѣ. Самъ даже г. Писаревъ, повидимому, чувствуетъ, что стрѣлы, пускаемыя въ него г. Антоновичемъ, не собственныя. «Знаете-ли — говоритъ г. Писаревъ, обращаясь къ Антоновичу—какая разница между вами и г. Соловьевымъ? (слѣдуетъ объясненіе разницы). Вы начкаете только дружескія идеи г. Соловьева».

Приводя эти примѣры заимствованія, мы не хотимъ сказать, чтобы г. Антоновичъ поступалъ дурно; напротивъ, онъ поступаетъ очень хорошо, онъ иначе и поступить даже не могъ: логика у всѣхъ людей одна, особенно когда они начинаютъ спокойнѣе разсуждать. Худо только то, что г. Антоновичъ беретъ на себя иниціативу тѣхъ идей, которыя онъ въ порывѣ безсознательнаго творчества усвоилъ себѣ, и прикидывается врагомъ журнала, которому обязанъ кругомъ, и даже—побѣдителемъ: положеніе его, несмотря на ловкость отступленія, все-таки незавидно. Съ одной стороны ему нужно побить «Русское Слово» на эстетикѣ и не отступить отъ своего прежняго мнѣнія объ эстетическомъ произведеніи Тургенева; а съ другой стороны не потерять солидарности съ отцами нигилизма, уже и безъ того обиженными въ «Современникѣ», благодаря коварству Щедрина. Между этими-то огнями, и вращается теперь логика «Современника»: и современнымъ-то журналомъ ему хочется быть, и основательности позаимствоваться, и въ прежнемъ промакѣ противъ Тургенева оправдаться. Вотъ онъ и изощряетъ такимъ образомъ свои военныя и философскія способности, мечтая возвратить себѣ титло моднаго и прогресивнаго журнала. «Петербургскія Вѣдомости», «Искра» и «Будильникъ», почуявъ, что вѣтеръ подулъ уже не въ ту сторону, тоже льнутъ теперь къ нему съ поздравленіями и заискиваніями: около «Современника», журнала отчасти еще нигилистическаго, имъ все какъ-то отраднѣе и веселѣе, чѣмъ около другого какого журнала, рѣшившагося вытравить нигилизмъ.

Но откуда же взялось, чѣмъ условливается еще эта страшная сумятица и смѣшеніе, постигшее нашу литературу? Условливается это тѣмъ, что она остановилась, да еще въ самомъ

Digitized by Google

неловкомъ положеніи — задомъ наперекъ. Ни въ движеніи, ни въ дѣланіи не должно быть остановки, проклятіе лежитъ на всякой неподвижности, сказалъ Гёте. Въ нашей литературѣ проклятіе это выразилось такъ, что она, остановившись, пошла сама противъ себя, и значительная партія писателей стала растрачивать свои литературныя способности въ походахъ противъ искуства; и какъ они называютъ людей, противоположныхъ ихъ убѣжденіямъ, поклонниками искуства для искуства, такъ и ихъ можно наименовать *послѣдователями искуства противъ искуства*. Но общество, какъ доказало время, жить половиною своихъ головъ не можетъ. Людей, одаренныхъ въ избытвѣ воспріимчивостію и фантазіей, нельзя принудить къ бездѣйствію; если же какими-нибудь средствами способности ихъ отвлекутъ или заслонятъ совсѣмъ красоту, то они направятся къ безобразію. Страшный разгулъ страстей, господствующій во всѣхъ слояхъ общества, нельзя объяснить только смущеніемъ и горемъ, которымъ проникнутъ болѣе или менѣе каждый изъ его членовъ: страсти эти не имѣютъ исхода. Вмѣсто эстетическихъ удовольствій эгоизмъ меньшинства наставилъ вездѣ сенсуальныя приманки; на нихъ-то теперь и наталкиваютъ общество тѣ реалисты, которые утверждаютъ, что чѣмъ наслажденіе грубѣе, тѣмъ оно лучше. Реалисти наши поддерживаютъ, такимъ образомъ, самые злые умыслы людей, тормозящихъ и развращающихъ наше общество.

Въ послѣдней нашей статьѣ мы говорили, что лоскуты и обрѣзки, изъ которыхъ портные литературы и щеголи прогреса старались сшить платье для молодаго поколѣнія, добыто изъ поверхностныхъ, экономическихъ свѣдѣній и сочиненій Бѣлинскаго, понятыхъ шиворотъ на выворотъ. Теперь, слѣдя за этою морфологіею нигилизма, намъ представляется новый вопросъ — кто былъ главнымъ учителемъ и закройщикомъ извращенныхъ у насъ основъ науки и искуства? «Русское Слово» думаетъ, что первымъ нигилистомъ былъ Бѣлинскій; мы же, напротивъ, полагаемъ, что первый нигилистъ въ русской литературѣ былъ Сенковскій. Обладая громадною памятью, и лишенный всякаго вкуса, онъ первый показалъ примѣръ шаловливаго обращенія съ наукой. Для Сенковскаго, какъ и для нашихъ нигилистовъ, не существовало ни одного великаго имени: Сократъ, Кювье, Шампольонъ, Шеллингъ, Пушкинъ, Гоголь, Грибоѣдовъ—все у него получало прозвище и унижалось до послѣдней степени *. Въ науку, при всей обширности свѣдѣній, Сен-

* Нѣчто подобное происходитъ еще и теперь, какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Недавно, разговаривая съ однимъ приличнымъ господиномъ, мы какъ-то кстати помянули слово «Гумбольдтъ», и были вдругъ прерваны полувре-

Digitized by Google

ковскій не вѣрилъ; въ искуство и подавно. Нападенія на авторитеты безъ особенной надобности и поощреніе всего анти-эстетическаго, нескладнаго, уродливаго, было любимымъ занятіемъ этого прадѣда нигилистовъ. Тонъ его сатиры и шутокъ тоже во многомъ напоминаетъ пріемы новѣйшихъ сатириковъ и Ювеналовъ. Сатирическіе листки теперь, по-крайней-мѣрѣ, ничѣмъ не отличаются отъ остротъ Сенковскаго, въ его «Выходѣ сатаны» и «Весельчака». Преемственность нашихъ отрицателей отъ Сенковскаго несомнѣнна, какъ въ отношеніи шутливой, такъ и серьёзной дѣятельности; и мы глубоко убѣждены, что отцы теперешнихъ нигилистовъ въ годы дѣтства и юности своей читали не Бѣлинскаго, а прадѣда своего, Сенковскаго.

Всѣмъ извѣстно, что «Отечественныя Записки» были основаны, какъ противодѣйствіе тому поверхностному отношенію къ наукѣ, философіи и искуству, съ какимъ относилась прежняя «Библіотека для чтенія». Гоголь, какъ замѣтилъ когда-то г. Дудышкинъ, страшился очень этого литературнаго безчинства, и говорилъ даже, что литература можетъ погибнуть, если еще протянутся два-три такіе года. Бѣлинскій, примкнувши къ «Отечественнымъ Запискамъ», можно сказать, спасъ у насъ науку и искуство отъ опаснаго для нихъ шутовства и гаерства. Какъ человѣкъ, одаренный вкусомъ, онъ сразу отдѣлилъ хихиканье отъ сатиры, игру словъ отъ таланта, и ловкій наборъ фразъ отъ художественныхъ произведеній. Послѣ, вслѣдствіе препятствій и ухудшеннаго положенія печати, безвкусіе и безобразіе опять возродились, какъ фениксъ изъ своего пепла, подъ другою, разумѣется, улучшенной формой, и въ другомъ даже журналѣ. «Современникъ» сдѣлался средоточіемъ той теоріи безобразія, отъ которой теперь радикально принужденъ отступить. Положеніе же «Отечественныхъ Записокъ» въ этомъ отношеніи нисколько не измѣнилось; какъ прежде имъ приходилось бороться противъ непониманія искуства и шутовства надъ наукой, распространяемаго въ «Библіотекѣ для чтенія», такъ и теперь имъ не остается ничего больше дѣлать, какъ обуздывать въ тѣхъ же

зрительнымъ восклицаніемъ: «Да что Гумбольдтъ»! Точно такое же восклицаніе послѣдовало, когда мы помянули Риттера: «Да что Риттеръ!» Наконецъ, думая подѣйствовать на него Ньютономъ, я рѣшился произнести и это великое имя: «Да что Ньютонъ! Это—математикъ», махнувши рукою, сказалъ господинъ. Пораженный рядомъ такихъ восклицаній, я позволилъ себѣ спросить: «Да что́ же такое вы»?—«Я? сказалъ, немного запнувшись, господинъ: — я — нигилистъ!» Только тутъ уразумѣлъ я вполнѣ смыслъ этого слова; и теперь думаю, что нигилизмъ есть не что другое, какъ ученическое обращеніе взрослыхъ людей съ великими дѣятелями науки и искуства. О нигилистахъ нельзя и думать, что они ни во что не вѣрятъ; они просто ничего не знаютъ.

Digitized by Google

подвигахъ непокорное дѣтище «Современника», «Русское Слово», а повременамъ усовѣщевать и самаго родителя.

Послѣ всего нами сказаннаго становится, кажется, яснымъ историческое развитіе тѣхъ дикихъ парадоксовъ, посредствомъ которыхъ была отодвинута наука отъ искуства; и мы можемъ теперь прямо приступить къ тѣмъ сторонамъ естествовѣдѣнія, на которыхъ строится теорія искуства. Чтобы отдѣльное разсмотрѣніе техники искуствъ имѣло нетолько книжное, но и практическое значеніе, мы обратимъ прежде всего вниманіе читателя на то, какъ смотритъ наука на природу вообще и какой смыслъ имѣетъ въ умѣ естествоиспытателей это слово? Подходитъ ли смыслъ этотъ сколько-нибудь къ тому узкому и мертвенному взгляду, которымъ озаряютъ природу наши мнимые реалисты? Самый главный представитель натуралистовъ, изучившихъ природу во всѣхъ ея проявленіяхъ и во всѣхъ краяхъ, есть Гумбольдтъ; о немъ, конечно, можно сказать, что онъ зналъ природу болѣе, чѣмъ кто-либо изъ людей. И чѣмъ же она ему представлялась? Тѣмъ ли безформенно-аскетическимъ міромъ, на который любоваться можно только въ учебникахъ съ картинками и изъ котораго, какъ изъ домашнихъ животныхъ и растеній, слѣдуетъ только добывать полезные продукты? Нѣтъ; въ воззрѣніяхъ этого Аристотеля новѣйшаго времени на природу есть даже что-то пантеистическое. Можно сказать, что чѣмъ болѣе онъ узнавалъ ее, тѣмъ сильнѣе въ немъ увеличивалась и привязанность къ ней. Онъ связалъ природу не по буквамъ только и словамъ, какъ дѣлаютъ энциклопедисты, а по ея формамъ. Всѣ собранные имъ факты направлены къ тому, чтобы показать природу во всей ея цѣлостности и образности: его «Космосъ» и «Картины природы» есть какъ-бы художественныя изображенія, нарисованныя человѣкомъ, обладавшимъ громадными учеными свѣдѣніями. Онъ не то чтобы хотѣлъ ими проложить новый слѣдъ въ наукѣ; нѣтъ, онъ старался только представить природу такъ, какъ она можетъ представляться образованному человѣку внѣ науки, внѣ системы, внѣ спеціальностей и перегородокъ, которыя человѣкъ принужденъ былъ наставить, благодаря ограниченности своихъ способностей. «Поэтическое движеніе вездѣ одушевляетъ геній наблюдательности. Чувство согрѣваетъ науку, освѣщаетъ и даетъ ей столь великую прелесть, что и самые чуждые ей люди стремятся къ изученію» *. Такъ выразился недавно французскій журналъ «Космосъ»,

* Cosmos. Revue encyclopedique. 13 liv. 1865.

Digitized by Google

столь извѣстный своимъ сціентифическимъ и практическимъ направленіемъ. Но еще справедливѣе оцѣнилъ это твореніе Котта, писавшій о Космосѣ обширное сочиненіе. «Космосъ—говоритъ онъ въ своемъ введеніи—не можетъ считаться ни учебникомъ, ни энциклопедіей; онъ имѣетъ задачею не новое сообщать и не естественнымъ наукамъ научить, а обнять весь міръ однимъ смѣлымъ захватомъ и показать въ немъ гармонію» *.

У насъ Гумбольдтъ еще непонятъ и неоцѣненъ настоящимъ образомъ; иначе и объяснить было бы нельзя тѣхъ карикатурныхъ взглядовъ на природу, которые существуютъ въ нашей литературѣ. Еслибы сочиненія его были поняты вполнѣ, то лоскутье и обрѣзки природы, которыми щеголи прогреса стараются прикрыть свое убожество, не могли бы быть вывѣшиваемы передъ публикой; и самая, наконецъ, теорія безобразія не могла бы существовать, такъ-какъ она вся построена на совершенномъ непониманіи природы. Если природа представлялась величайшему изъ натуралистовъ органически-цѣлымъ, то какимъ же образомъ искуство можетъ обратиться въ нѣчто безформенное, безразличное. Гумбольдтъ, даже при всей массѣ своихъ свѣдѣній, никогда не забывалъ о значеніи творческой фантазіи; а такому памятливому человѣку легче всего было бы отвергнуть догадки и творчество. «Односторонняя разработка физическихъ наукъ—говоритъ Гумбольдтъ въ началѣ своего Космоса—и безконечное скопленіе грубыхъ матеріаловъ могли только произвести предразсудокъ, что ученое познаніе охлаждаетъ чувство, убиваетъ творческую фантазію и такимъ образомъ разстроиваетъ наслажденіе природой.» Далѣе, во второмъ томѣ, Гумбольдтъ разсуждаетъ о такъ-называемомъ натуральномъ чувствѣ (Naturgefühl), которое развиваетъ въ насъ природа прежде всего и которое есть основа ея пониманія. Тутъ же у Гумбольдта высчавляется множество примѣровъ изъ древнихъ и новыхъ писателей, непринадлежащихъ наукѣ, которые онъ считаетъ образцами пониманія природы. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи отрывокъ изъ сочиненія Григорія епископа Нисскаго. «Когда я вижу—говоритъ послѣдній—скалистый утесъ, долъ или равнину, покрытые вновь выросшей травой, и разнообразный нарядъ деревьевъ, а у ногъ своихъ лиліи, украшенныя запахомъ и блескомъ красокъ; когда я вижу вдали море, къ которому тянетъ мои взоры блуждающее облако—тогда душу мою охватываетъ тоска, смѣшивающаяся съ чѣмъ-то пріятнымъ. Когда же осенью исчезнутъ съ деревьевъ плоды, опадутъ листья и сухо торчатъ вѣтви, тогда при этой вѣчно и правильно повторяющейся перемѣнѣ мы погружаемся неволь-

* Kotta. Briefe über Cosmos. Einleitung.

Digitized by Google

но въ себя, приходимъ въ гармонію съ силами природы. Кто проникъ въ нихъ зоркимъ окомъ, тотъ чувствуетъ всю ничтожность человѣка передъ величіемъ вселенной» *. Если Гумбольдтъ это мѣсто приводитъ какъ примѣръ пониманія, то ясно, что знаніе и пониманіе природы для него было не одно и то же.

Между знаніемъ и пониманіемъ природы есть дѣйствительно разница. Посредствомъ знанія природа представляется намъ болѣе въ своей сущности, то-есть въ видѣ фактовъ, феноменовъ, законовъ необходимости, системъ природы; въ пониманіи же она является человѣку въ видѣ формъ, образовъ и картинъ; понимать природу потому нельзя однимъ умомъ и памятью, что она вся полна образовъ, индивидуальна. Знаніе природы, пріобрѣтаемое по учебникамъ или по случайно попавшимъ подъ руку книжкамъ, не давая средствъ узнать природу настоящимъ образомъ, убиваетъ въ то же время и пониманіе ея. Этому лучшимъ доказательствомъ служатъ наши мыслящіе реалисты, которые, поучившись въ университетѣ историко-филологическимъ наукамъ, наткнулись послѣ на естественно-историческія книжки и думали изъ нихъ узнать природу; природа черезъ это показалась имъ чѣмъ-то въ родѣ костей скелета или продуктовъ, идущихъ на фабрику; такое представленіе убило уже въ нихъ всякій слѣдъ естественнаго чувства. Изъ статей ихъ такъ и проглядываетъ, что они имѣютъ о природѣ понятіе, изъ книгъ взятое, вычитанное, а природы самой, о которой трактуютъ, и въ глаза не видѣли. Совсѣмъ не такъ дѣйствуетъ на пониманіе природы изученіе ея не по книгамъ только, а по ея произведеніямъ, то-есть ботаники по растеніямъ, зоологіи по зоологическимъ садамъ, геологіи и географіи въ путешествіяхъ. Послѣднее, конечно, менѣе доступно; но оно собственно и развиваетъ настоящее пониманіе природы, влекущее страстную привязанность къ ней. Примѣръ этому мы видимъ въ недавно переведенномъ путешествіи Дарвина. Пониманіе природы въ ея образности развиваютъ, впрочемъ, не пріемы и анализъ науки, а самое обращеніе съ предметами природы во время нагляднаго изученія ихъ. Роль истолкователя природы со стороны ея формъ, болѣе или менѣе вліяющихъ на настроеніе, беретъ собственно на себя искуство. Природа не для всѣхъ одинаково выразительна; ея краски, линіи и формы говорятъ нашей душѣ, но не всѣмъ равно внятно. Художники по своей воспріимчивости легче другихъ понимаютъ этотъ нѣмой языкъ и, изображая природу, какъ-бы говорятъ за нее для менѣе впечатлительныхъ людей. Многіе дѣйствительно только тогда начинаютъ цѣнить красоту въ окру-

* Косм. Гум. II т. 26 стр.

Digitized by Google

жающемъ, когда увидятъ его хорошо изображеннымъ въ картинѣ или въ поэтическомъ описаніи.

Что языкъ природы дѣйствительно существуетъ и что натура предметовъ имѣетъ свою физіономію, научно созналъ въ первый разъ Гумбольдтъ въ своей неизвѣстной статьѣ *о физіономіи растеній*. Въ ней, въ первый разъ намѣченъ былъ путь, посредствомъ котораго природа дѣйствуетъ на нравственную сторону человѣка. Путь этотъ не законы природы, вліяющіе на умъ, а физіономія ея, дѣйствующая на воображеніе. И точно такъ же какъ человѣкъ вліяетъ на человѣка своею фигурой или выразительностію чертъ и красотою формъ, такъ еще могущественнѣе, хотя и менѣе замѣтно дѣйствуетъ на насъ природа. Гумбольдтъ какъ-бы наглядно, на основаніи точныхъ указаній, объяснилъ то, чему художники повиновались безсознательно. «Какъ каждое отдѣльное органическое существо—говоритъ онъ въ своихъ *Картинахъ природы*—имѣетъ отдѣльную физіономію, такъ и каждому климату принадлежитъ особенная физіономія природы... Швейцарская природа, итальянское небо (у художниковъ) означаютъ не что другое, какъ темное чувство (или пониманіе) мѣстнаго характера природы.» «Греческія стихотворенія и грубыя пѣсни древнихъ жителей сѣвера своимъ отличительнымъ характеромъ обязаны преимущественно фигурѣ животныхъ и растеній, горнымъ долинамъ, окружавшимъ поэта, и атмосферой, которой дышалъ онъ. Кто не знаетъ, что въ мрачной тѣни бука человѣкъ бываетъ иначе настроенъ, чѣмъ на холмахъ, украшенныхъ растущими елями, или на лугу, гдѣ вѣтеръ шелеститъ дрожащими листьями березы. Всѣ эти растенія, свойственныя нашему родному климату, возбуждаютъ въ воображеніи грустныя, грозныя и веселыя картины. Вліяніе физическаго міра на нравственность придаетъ естествовѣдѣнію, при достаточномъ взглядѣ на міръ, особенную, еще мало извѣстную прелесть.»

Изъ предметовъ природы, вліяющихъ на настроеніе человѣка, Гумбольдтъ указываетъ, конечно, прежде всего на растенія, такъ-какъ животныя, вслѣдствіе своей подвижности, недолговѣчности и сравнительно небольшой формы, не производятъ сильнаго впечатлѣнія. Растительное царство—говоритъ онъ—дѣйствуетъ на насъ своимъ постоянствомъ и распространеніемъ на земномъ шарѣ и отчасти живучестью: есть такіе растительные памятники, которые, какъ боабабъ, существуютъ цѣлыя тысячи лѣтъ. Шестнадцатью группами растеній опредѣляется, по мнѣнію Гумбольдта, физіономія природы; каждую группу онъ описываетъ порознь, стараясь при этомъ схватить и общее впечатлѣніе, производимое растительнымъ міромъ. Идеи Гумбольдта о физіономіи природы не остались безплодны. Въ научномъ отношеніи ихъ болѣе или менѣе разви-

Digitized by Google

вали Марціусъ, Мейеръ и наконецъ Шлейденъ. Что же касается до жизненнаго значенія, то этимъ первый воспользовался Фишеръ, котораго эстетика когда-то подвергалась у насъ такому порицанію. Юлій Шаллеръ, составлявшій вмѣстѣ съ Котта помянутыя нами письма о Космосѣ, говоритъ по крайней-мѣрѣ, что Фишеръ первый изъ эстетическихъ писателей сдѣлалъ опытъ физіономики природы вообще.

«Если я—говоритъ Шаллеръ, развивая идеи Гумбольдта—въ физіономіи человѣка отличаю внѣшнее отъ внутренняго, то это значитъ, что внутреннее его есть нравъ, воля, чувства; внѣшнее же—его тѣлесныя и объективныя явленія; что же это такое составляетъ внутреннюю сущность растенія, животнаго или, подвигаясь назадъ по царству природы, внутренняя сущность горы, моря, рѣки? Внутреннее (das Innere) предметовъ есть вообще энергія жизни въ природѣ, которая постепенно какъ-бы стремится возвести мертвую, полную инерціи матерію къ высшимъ и свободнымъ формамъ... Въ дѣйствіи формъ природы на внутреннюю сущность человѣка заключается ихъ душа, ихъ эстетическое значеніе, ихъ положеніе въ царствѣ красоты. Въ этомъ смыслѣ физіономія растеній имѣетъ значеніе чисто-конкретное» *.

Предметы природы производятъ, конечно, не всѣ одинаково сильное впечатлѣніе, что зависитъ, конечно, отъ степени ихъ выразительности. Воздухъ, напримѣръ, не имѣетъ физіономическаго значенія, и потому служитъ только фономъ картины; облака, по своей измѣняющейся формѣ, производятъ уже большее впечатлѣніе. Горы еще сильнѣе дѣйствуютъ; органическій же міръ по своей индивидуальности и разнообразію производитъ самое сильное впечатлѣніе. Человѣкъ въ растеніяхъ видитъ нѣчто ему родственное; это индивидуумъ безъ сознанія, безъ ощущенія, безъ борьбы и страстей. Растенія—это какъ-бы живыя существа во время сна или отдыха; отсюда успокоивающее вліяніе растительнаго міра на душу человѣка. Трудно, конечно, опредѣлить съ точностію, какого рода впечатлѣніе производитъ на насъ растительная природа, но вѣрно только, что настроеніе духа бываетъ не одно и то же, когда мы находимся въ степи, въ лѣсу сосенъ или березъ, или посреди такихъ сплошныхъ зданій, въ промежуткѣ которыхъ мы, напримѣръ, прогуливаемся въ Петербургѣ. Фишеръ замѣчаетъ, что мхи и травы не имѣютъ самостоятельнаго эстетическаго впечатлѣнія; они придаютъ только оживленіе неорганическому міру; чѣмъ растеніе выше, больше подымается отъ земли, тѣмъ оно пріобрѣтаетъ болѣе выразительности. Къ первой изъ трехъ группъ, на которыя

* Briefe über Cosmos. Kotta und Schaller. 251 s. II B.

Digitized by Google

дѣлитъ Фишеръ природу съ своей эстетической точки зрѣнія, онъ причисляетъ великановъ тропическаго міра—пальмы, бананы, папоротники и т. д. Вслѣдствіе своихъ простыхъ размѣровъ, рѣзкихъ очертаній, строго йформы и роскоши запаха и цвѣтовъ, они имѣютъ въ своемъ величіи нѣчто подавляющее, деспотирующее. Мысль эта послѣ повторилась у Бокля. Тропическій растительный міръ до того, значитъ, выразителенъ, что давитъ даже человѣка, неразгадавшаго причину этого величія. Человѣкъ уже не любуется, а боготворитъ и страшится природы; потому и остается нравственно и умственно неразвитымъ. Вторую группу Фишеръ называетъ пластической; сюда онъ относитъ платаны, акаціи, лавры, померанцы и мирты и т. д., отличающіеся болѣе или менѣе округленной, гибкой и раскинутой формой и производящіе веселое, успокоивающее и освѣжающее впечатлѣніе. Третью группу онъ называетъ романтической—ель, тополи, ивы, березы, дубъ, липа и т. д. Въ физіономіи этой группы уже нѣтъ ничего успокоивающаго; она, напротивъ, возбуждаетъ духъ, тревожитъ и настраиваетъ на грустно-мечтательный тонъ. Осеннее паденіе листьевъ, зимняя обнаженность вѣтвей и весеннее разцвѣтаніе придаетъ еще болѣе подвижности формамъ этихъ деревъ. Кромѣ одиночнаго вліянія растительныхъ индивидуумовъ, они производятъ еще впечатлѣніе массами въ видѣ рощей, луговъ, сада и образуютъ, наконецъ, вмѣстѣ съ мѣстностію и небомъ, то, что̀ называется ландшафтомъ. При этомъ замѣчательно, что присутствіе живыхъ существъ придаетъ всегда оживленіе картинамъ природы. Какая нибудь лошадь съ наклоненною надъ травой головою или группа людей—и ландшафтъ уже теряетъ свой пустынный характеръ. Такъ все склонно въ природѣ сливаться в[illegible]но общее гармоническое впечатлѣніе, которое воспринимается невольно, безсознательно. Многообразность и сила вліянія природы черезъ эту несознаваемость, неумолимость ея физіономіи, конечно, не ослабляется: искуства, по объясненію Гельмгольца, тоже такъ дѣйствуютъ на человѣка. «Въ простомъ сближеніи съ природой—говоритъ Гумбольдтъ — въ одномъ уже вольномъ воздухѣ заключается таинственная сила; вліяніе природы и радостно и кротко; оно укрѣпляетъ и освѣжаетъ утомленный духъ, успокоиваетъ сердце, печально потрясенное въ самой глубинѣ своей или взволнованное напоромъ дикихъ страстей. Строгій, торжественный характеръ, сопряженный съ этими душевными движеніями, вытекаетъ изъ почти безсознательнаго чувства высшаго порядка и внутренней законности природы; онъ связанъ съ впечатлѣніемъ вѣчно повторяющихся созданій, отражающихъ въ каждой частности своей организаціи общій планъ: онъ обусловливается, наконецъ, контрастомъ чувственно-безконечнаго, откры

Digitized by Google

ваемаго звѣзднымъ небомъ, необозримой равниной, туманнымъ горизонтомъ океана и собственной ограниченностію, которую мы стремимся побѣдить. На каждой полосѣ земли повсюду, гдѣ являются измѣняющіеся образы животныхъ и растительной жизни, на каждой степени умственнаго развитія доступны человѣку благодѣянія этихъ наслажденій» (Кос. I т. 3 стр.). Значитъ, Гумбольдтъ благодѣтельное вліяніе природы на человѣка ставитъ какъ-бы отдѣльно отъ его умственнаго развитія, которое зависитъ отъ изученія и анализа природы. Итакъ только кабинетные или книжные натуралисты могутъ не видѣть, что природа столь же разумна, какъ и хороша, и что этою послѣднею стороною производитъ въ высшей степени нравственное морализирующее вліяніе.

Auf den Bergen ist Freiheit! Der Hauch der Grüfte
Steigt nicht hinauf in die reinen Lüfte;
Die Welt ist vollkommen überall,
Wo der Mensch nicht hinkommt mit seiner Qual *.

Николай Соловьевъ.

---

* На горахъ свобода! Дыханіе могилъ не возносится въ чистый воздухъ. Міръ вездѣ совершененъ, куда бы человѣкъ ни пришелъ съ своей мукой.

Digitized by Google

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

XIV.

Мистеръ Вегъ приготовляется утереть носъ мистеру Бофину.

Присутствовавъ еще нѣсколько разъ при чтеніи біографій скупыхъ, мистеръ Винесъ сдѣлался мало-по-малу совершенно необходимымъ лицомъ на вечерахъ въ Павильонѣ. Бофинъ, казалось, находилъ еще большее удовольствіе въ чудесныхъ разсказахъ объ открытіи денегъ въ чайникахъ, каминахъ и т. д., когда онъ видѣлъ, что ими интересуется еще одинъ слушатель. Что же касается Сайлеса Вега, то, несмотря на его завистливую натуру, которая при обыкновенныхъ обстоятельствахъ возмутилась бы предпочтеніемъ, оказываемымъ анатому, онъ теперь всѣми силами старался убѣдить Бофина въ пользѣ и пріятности третьяго лица на этихъ вечерахъ. Конечно, онъ это дѣлалъ только потому, что чувствовалъ крайнюю необходимость не спускать глазъ съ Сайлеса, такъ-какъ тотъ на свободѣ могъ сдѣлать что-нибудь нехорошее съ драгоцѣннымъ документомъ. По этой же причинѣ, послѣ каждаго засѣданія, Вегъ оказывалъ Винесу дружескую услугу, и провожалъ его домой, при чемъ всегда пользовался случаемъ посмотрѣть на документъ, хотя и разсыпался въ увѣреніяхъ, что дѣлаетъ это только для проформы, и что одно только удовольствіе, доставляемое ему обществомъ Винеса, привлекало его въ Клерченвель.

— Я знаю, сэръ, говаривалъ онъ всегда: — какой вы деликатный человѣкъ, и какое вамъ доставляетъ утѣшеніе каждая повѣрка ввѣреннаго вамъ сокровища; а я не такой человѣкъ, чтобъ отказаться успокоить друга.

Въ послѣднее время, въ Винесѣ произошла какая-то перемѣна; поржавѣлая машина, несмотря на постоянное подливаніе масла,

Digitized by Google

часто скрипѣла и покрякивала. Даже нѣсколько разъ на литературныхъ вечерахъ онъ заходилъ такъ далеко, что позволялъ себѣ поправлять Вега, когда тотъ не такъ произносилъ слово, или лишалъ всякаго смысла цѣлую фразу. Эти поправки такъ подѣйствовали на мистера Вега, что онъ уже теперь сталъ приготовляться къ чтенію заранѣе, и принималъ всѣ мѣры, чтобъ обойдти тѣ подводные камни, на которые онъ, бывало, налеталъ со всего размаха; такъ, при малѣйшемъ намекѣ на анатомію, онъ пускался въ длинный обходъ, но ни за что не произносилъ слова «кость» или что-нибудь подобное.

По волѣ злой судьбы, однажды вечеромъ, ладья мистера Вега заблудилась между цѣлымъ архипелагомъ трудныхъ, сложныхъ словъ, и онъ предался весь промѣриванію глубины фарватера, чтобъ благополучно высвободиться изъ опасности. Мистеръ Винесъ, воспользовавшись этой минутой, сунулъ въ руку мистера Бофина записку, и таинственно приложилъ палецъ къ губамъ.

Прійдя домой въ тотъ вечеръ, Бофинъ вынулъ изъ кармана записку, и съ изумленіемъ увидѣлъ, что это была визитная карточка Винеса съ надписью: «Очень бы желалъ имѣть честь васъ видѣть у себя, по важному, до васъ касающемуся дѣлу; жду вечеромъ, пораньше; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.»

На слѣдующій же день, только-что смерклось, мистеръ Бофинъ уже стоялъ у оконъ магазина Винеса, который въ свою очередь дожидался его у дверей, и тотчасъ пригласилъ его знакомъ войдти. Мистеръ Бофинъ вошелъ, и получивъ вторичное приглашеніе, усѣлся на ящикъ съ разными человѣческими костями. Долго съ удивленіемъ разглядывалъ онъ субъекты, находившіеся въ комнатѣ, которые въ полумракѣ, при слабомерцающемъ огнѣ въ каминѣ, казалось, подмигивали обоими глазами точно такъ же, какъ и самъ мистеръ Винесъ. Даже французскій джентльменъ не отставалъ отъ другихъ, хотя у него и не было глазъ, и точно такъ же открывалъ и закрывалъ эти несуществующіе глаза, наравнѣ съ глазастыми собаками, птицами и уродливыми дѣтьми съ большими головами.

— Вы видите, мистеръ Винесъ, что я не потерялъ времени, явился тотчасъ по вашему приглашенію, сказалъ мистеръ Бофинъ.

— Да, я имѣю честь васъ видѣть, подтвердилъ Винесъ.

— Я не люблю скрытности, продолжалъ Бофинъ: — то-есть вообще, я не люблю секретничать, но вы вѣрно покажете мнѣ достаточно важную причину, заставляющую васъ дѣйствовать въ тайнѣ.

— Да, я надѣюсь, что покажу, отвѣчалъ Винесъ.

— Хорошо; я увѣренъ, что вы не ожидаете мистера Вега.

Digitized by Google

— Нѣтъ, сэръ, я никого не ожидаю кромѣ присутствующихъ.

— Кромѣ присутствующихъ, повторилъ Бофинъ, бросая взглядъ на французскаго джентльмена, словно и онъ составлялъ часть присутствовавшихъ.

— Сэръ, сказалъ торжественно Винесъ: — прежде, чѣмъ мы приступимъ къ дѣлу, я попрошу васъ дать честное слово хранить въ тайнѣ наше свиданіе.

— Позвольте намъ прежде всего условиться въ значеніи вашихъ словъ, возразилъ Бофинъ: — сколько времени мнѣ хранить въ тайнѣ наше свиданіе — одинъ день или всегда?

— Я понимаю васъ, сэръ; вы думаете, что, можетъ быть, вашъ интересъ потребуетъ, чтобы вы не скрывали того, что̀ я вамъ намѣренъ открыть.

— Да, отвѣчалъ Бофинъ.

— Хорошо, сэръ, замѣтилъ Винесъ, взбивая свои пыльные волосы: — скажемъ иначе. Я открою вамъ это дѣло на томъ условіи, чтобъ вы дали слово, и честное слово, ничего не предпринимать и не говорить о моемъ къ вамъ участіи безъ моего вѣдома.

— Это дѣло другое, сказалъ Бофинъ: — я согласенъ.

— Итакъ, сэръ, вы даете слово, и честное слово?

— Послушайте, добрый мистеръ Винесъ, если я даю слово, то уже, значитъ, честное. Много вещей я сортировалъ на своемъ вѣку, но никогда не зналъ, что *слово* можно отдѣлить отъ *чести*.

Это замѣчаніе, казалось, озадачило немного мистера Винеса, и онъ раза два повторилъ, прежде чѣмъ продолжать свою рѣчь:

— Ваша правда, сэръ, ваша правда.

— Мистеръ Бофинъ, началъ онъ наконецъ: — если я сознаюсь, что поддался одному предложенію, предметомъ котораго были вы, хотя этого вовсе не слѣдовало, то вы позволите мнѣ объяснить, и я надѣюсь, вы возьмете это въ разсужденіе, что я въ то время былъ очень убитъ духомъ.

Золотой мусорщикъ, сложивъ руки на набалдашникѣ своей палки, и опершись на немъ подбородкомъ, кивнулъ головой, и произнесъ:

— Такъ, Винесъ.

— Это предложеніе было коварной измѣной противъ васъ, и потому я долженъ былъ бы тотчасъ, васъ объ этомъ увѣдомить. Но я этого не сдѣлалъ, мистеръ Бофинъ, а поддался, и изъявилъ свое согласіе.

— Такъ, Винесъ, повторилъ Бофинъ, не сморгнувъ глазомъ, и снова кивая головой.

— Не то, чтобъ я чистосердечно или отъ всей души принялся

Digitized by Google

за это дѣло, продолжалъ раскаявавшійся анатомъ: — нѣтъ, я всегда чувствовалъ упреки совѣсти за то, что свернулъ со стези науки на стезю — низости и подлости, хотѣлъ онъ сказать, но остановился вò время, не желая такъ сильно себя наказывать.

Съ тѣмъ же хладнокровнымъ спокойствіемъ, снова Бофинъ произнесъ:

— Такъ, Винесъ.

— Теперь, сэръ, приготовивъ васъ, и передавъ дѣло въ общихъ чертахъ, я перейду къ подробностямъ.

Послѣ этого приступа, онъ изложилъ откровенно всю исторію дружескаго предложенія. Этотъ разсказъ, очень естественно, долженъ былъ возбудить въ мистерѣ Бофинѣ удивленіе и гнѣвъ; но онъ однако не высказалъ ни малѣйшаго смущенія, и съ прежнимъ хладнокровіемъ произнесъ:

— Такъ, Винесъ.

— Я, вѣроятно, васъ очень удивилъ? замѣтилъ Винесъ, останавливаясь.

Мистеръ Бофинъ отвѣчалъ и на это все тѣмъ же:

— Такъ, Винесъ.

Тутъ уже удивляться пришлось Винесу; но это недолго продолжалось, ибо когда они перешли въ своемъ разсказѣ къ открытію Вега, и къ тому, какъ онъ видѣлъ, что мистеръ Бофинъ вырылъ изъ мусорной кучи бутылку — этотъ послѣдній вдругъ поблѣднѣлъ, смутился и пришелъ въ страшное волненіе.

— Ну, сэръ, прибавилъ Винесъ:—вы сами знаете лучше меня, чтò было въ этой бутылкѣ, и зачѣмъ вы откапали ее и унесли. Я ничего о ней не зналъ, кромѣ того, чтò видѣлъ А я знаю вотъ чтò: я горжусь своимъ ремесломъ, хотя оно поразило мое сердце ужаснымъ ударомъ, отразившимся на моемъ скелетѣ — и намѣренъ жить своимъ ремесломъ. Говоря другими словами, я не намѣренъ нажить тѣмъ, чтò я только что вамъ передалъ, ни одного безчестнаго гроша. Напротивъ, чтобъ загладить мое участіе въ этомъ дѣлѣ, я васъ предостерегъ насчетъ того, чтò нашелъ Вегъ. Я полагаю, что Вега нельзя дешево заставить молчать, и я основываюсь на томъ, что онъ началъ дѣлить ваше имущество, какъ только созналъ свою силу. Стоитъ ли вамъ зажать ему ротъ какой бы то ни было цѣною: вы сами—лучшій судья, и дѣйствуйте какъ знаете; что же касается до меня, то я не возьму ни за что денегъ. Если меня когда-нибудь призовутъ сказать истину, я ее скажу, и болѣе ничего не хочу знать объ этомъ дѣлѣ.

— Благодарствуйте, Винесъ, сказалъ Бофинъ, дружески пожимая ему руку:— благодарствуйте, Винесъ, благодарствуйте, Винесъ.

Digitized by Google

Сказавъ это, онъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ въ большомъ волненіи.

— Но, Винесъ, сказалъ онъ, наконецъ, садясь на стулъ: — если мнѣ придется купить Вега, то вѣдь онъ не возьметъ дешевле потому только, что вы отшатнулись отъ него. Вмѣсто того, чтобъ получить половину—вѣдь вы должны были раздѣлить барышъ пополамъ, неправда-ли?

— Да, пополамъ, сэръ, отвѣчалъ Винесъ.

— Вмѣсто этого, онъ теперь получитъ все. Я буду принужденъ заплатить то же, быть можетъ, даже болѣе, такъ-какъ по вашимъ словамъ онъ — безсовѣстная, корыстная собака.

— Это правда.

— Не думаете ли вы, Винесъ, снова началъ очень вкрадчиво Бофинъ:—что было бы лучше и для васъ пріятнѣе продолжать свою роль до тѣхъ поръ, пока Вегъ будетъ купленъ, и тогда для облегченія своей совѣсти вы бы передали мнѣ половину денегъ, которая пришлась бы на вашу долю?

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ очень утвердительно Винесъ.

— Какъ, вы несогласны на это даже, чтобъ загладить свою вину? прибавилъ мистеръ Бофинъ.

— Нѣтъ, сэръ. Мнѣ кажется, что лучшее средство загладить то, что я сошелъ съ прямаго пути — это возвратиться на него.

— Гм! промолвилъ Бофинъ: — подъ прямымъ путемъ вы подразумѣваете...

— Я подразумѣваю правый и справедливый путь, отвѣчалъ Винесъ, коротко и ясно.

— Мнѣ кажется, что право и справедливость на моей сторонѣ, произнесъ Бофинъ, обиженнымъ тономъ.—Я имѣю гораздо болѣе права на деньги старика, чѣмъ казна. Что̀ ему сдѣлала казна? — только брала съ него подати, а мы съ женою были для него все.

Винесъ ничего не отвѣчалъ, но ему невольно стало грустно при видѣ ужасающей скупости Бофина, и какъ всегда бывало въ грустныя минуты, онъ вспомнилъ о своемъ собственномъ горѣ и мысленно повторилъ: — *она* не хотѣла видѣть себя въ этомъ свѣтѣ, и она не хотѣла, чтобъ другіе видѣли ее въ этомъ свѣтѣ.

— И чѣмъ я буду жить, продолжалъ жалобнымъ тономъ Бофинъ:—если мнѣ придется покупать людей изъ того малаго, что̀ я имѣю? И какъ мнѣ за это приняться? Къ какому времени мнѣ надо деньги приготовить? Когда предложить ихъ Вегу? Вы мнѣ не сказали, когда онъ собирается начать наступательныя дѣйствія.

Винесъ объяснилъ, на какомъ основаніи и съ какой цѣлью

Digitized by Google

наступательныя дѣйствія были отложены до того времени, пока всѣ мусорныя кучи будутъ убраны.

Бофинъ выслушалъ его очень внимательно, и потомъ прибавилъ съ тѣнью надежды на лицѣ:

— А нѣтъ никакихъ сомнѣній насчетъ подлинности и времени совершенія этого проклятаго завѣщанія?

— Нѣтъ, ни малѣйшихъ, отвѣчалъ Винесъ.

— А гдѣ оно теперь могло бы находиться? спросилъ онъ вкрадчиво.

— Оно находится у меня, сэръ.

— У васъ! воскликнулъ съ жаромъ Бофинъ: — ну, скажите, Винесъ, не согласились бы вы за приличную сумму денегъ бросить тотчасъ это завѣщаніе въ каминъ?

— Нѣтъ, возразилъ лаконически Винесъ.

— Или передать его мнѣ?

— Нѣтъ, сэръ; это было бы то же самое.

Золотой мусорщикъ, казалось, хотѣлъ продолжать свои разспросы, какъ вдругъ, на улицѣ подлѣ самыхъ дверей раздалось какое-то глухое постукиваніе.

— Тише, это Вегъ, промолвилъ вполголоса Винесъ:—спрячьтесь за алигатора въ углу и судите сами, что̀ за человѣкъ этотъ Вегъ. Я не зажгу свѣчи, пока онъ уйдетъ, и къ тому же онъ слишкомъ знакомъ съ алигаторомъ, чтобъ обратить на него какое-нибудь вниманіе. Примите ноги, мистеръ Бофинъ, а то изъ-за хвоста торчатъ ваши носки. Спрячьте свою голову за пастью звѣря, тамъ вамъ будетъ совершенно покойно. Онъ немного запыленъ, но цвѣтомъ очень сходенъ съ вами. Хорошо вамъ, сэръ?

Бофинъ не успѣлъ еще промолвить утвердительнаго отвѣта, какъ въ комнату вошелъ, ковыляя своей деревянной ногой, Сайлесъ Вегъ.

— Товарищъ, какъ вы поживаете? спросилъ этотъ почтенный джентльменъ очень развязно.

— Ничего, похвастать не могу, отвѣчалъ Винесъ.

— Неужели! Жаль, что вы не лучше поживаете, но душа ваша слишкомъ велика для вашего тѣла — вотъ въ чемъ дѣло. А какъ нашъ капиталецъ, товарищъ? Сохранно лежитъ себѣ, а?

— Вы хотите посмотрѣть на него? спросилъ Винесъ.

— Если позволите, товарищъ, сказалъ Вегъ, потирая руки:— я желаю посмотрѣть на него вмѣстѣ съ вами или, какъ говорится въ пѣснѣ, недавно положенной на музыку:

Ты посмотри глазами твоими,
Самъ я взгляну глазами своими.

Digitized by Google

Повернувшись спиною къ гостю и отперевъ какой-то ящикъ, Винесъ вынулъ документъ, который подалъ Вегу, по обыкновенію, держа его за одинъ уголъ. Вегъ взялъ его за противоположный уголъ, и усѣвшись на стулъ, на которомъ только что сидѣлъ Вофинъ, принялся его пристально разсматривать.

— Все благополучно, сказалъ онъ наконецъ, медленно и неохотно выпуская драгоцѣнное сокровище изъ рукъ: — все благополучно.

Винесъ молча снесъ документъ на его прежнее мѣсто и заперъ, не обращая никакого вниманія на жадные, завистливые взгляды, бросаемые на него его товарищемъ.

— Ничего новаго, я полагаю? сказалъ Винесъ, усаживаясь на прежнее мѣсто за прилавкомъ.

— Да, есть новенькое, сэръ, отвѣчалъ Вегъ: — сегодня утромъ случилось нѣчто новенькое. Этотъ старый, жадный крохоборъ.....

— Мистеръ Вофинъ? спросилъ Винесъ, бросая взглядъ на алигатора и его громадную пасть.

— Чортъ возьми мистера! воскликнулъ Вегъ въ честномъ негодованіи:—просто Вофинъ, мусорный Вофинъ! Эта старая, низкая лиса присылаетъ нынче на нашъ дворъ распоряжаться нашимъ имуществомъ своего подлаго холопа, какого-то мальчишку, по имени Слопи. Когда я спросилъ его: «что вамъ тутъ нужно, молодой человѣкъ? Это частный дворъ» — то онъ вынулъ изъ кармана бумагу, въ которой другой вофинскій мошенникъ, тотъ, ради котораго меня обошли, мнѣ предписываетъ: допустить Слопи надсматривать надъ нагрузкой и вывозкой мусора. Это уже слишкомъ, не правда ли, мистеръ Винесъ?

— Вы не должны забывать, что онъ еще ничего не знаетъ о нашихъ правахъ на его имущество, замѣтилъ Винесъ.

— Такъ ему надо дать это почувствовать, и такъ, чтобъ онъ хорошенько испугался, отвѣчалъ Вегъ: — дай ему палецъ, онъ возьметъ всю руку; спусти ему нынче, и вы посмотрите, что онъ сдѣлаетъ завтра съ нашимъ имуществомъ. Я вамъ говорю, мистеръ Винесъ, дошло до того, что я долженъ или задать острастки Вофину, или я лопну со злости. Я не могу сдерживать себя болѣе, когда его вижу. Каждый разъ, что я вижу какъ онъ кладетъ руку въ свой карманъ, мнѣ кажется, что онъ кладетъ ее въ мой. Всякій разъ, что я слышу какъ онъ побрякиваетъ своими деньгами, мнѣ кажется, что онъ позволяетъ себѣ вольности съ моими. Нѣтъ, я этого выносить болѣе не могу, прибавилъ Вегъ, выходя изъ себя:—деревянная нога не можетъ этого болѣе выносить.

Digitized by Google

— Но, мистеръ Вегъ, замѣтилъ Винесъ: — вѣдь ваша мысль была, чтобъ ничего не говорить до тѣхъ поръ, пока всѣ кучи будутъ свезены?

— Но точно также моя мысль была, мистеръ Винесъ, возразилъ Вегъ:—что если онъ сунетъ свой носъ въ наше имущество и станетъ имъ распоряжаться, то ему небходимо объяснить, что онъ не имѣетъ на это никакого права и угрозами сдѣлать изъ него себѣ раба. Не была ли это моя мысль, мистеръ Винесъ?

— Конечно, мистеръ Вегъ.

— Конечно, повторилъ Вегъ, очень довольный поддакиваніемъ своего товарища.—Хорошо. Я считаю присылку имъ своего холопа въ нашъ дворъ достаточнымъ доказательствомъ, что онъ суетъ носъ въ дѣла, которыя до него не касаются, и потому я рѣшился утереть ему носъ.

— Не ваша вина была, мистеръ Вегъ, что онъ тогда ночью утащилъ бутылку, я съ этимъ долженъ согласиться, замѣтилъ Винесъ.

— Вы совершенно правы, товарищъ, что была не моя вина. Я бы тогда же отнялъ у него эту бутылку. Развѣ можно было вынести, чтобъ онъ, подкравшись ночью какъ воръ, сталъ рыться въ имуществѣ, которое болѣе принадлежало намъ, чѣмъ ему, ибо мы можемъ лишить его всего, что̀ онъ имѣетъ до послѣдняго гроша, если онъ не заплатитъ намъ того, что̀ мы потребуемъ? Развѣ можно было вынести, чтобъ онъ утащилъ сокровища, скрытыя въ этомъ непринадлежащемъ ему имуществѣ? Нѣтъ, этого снести нельзя. И за это тоже я утру ему носъ.

— Какъ вы намѣрены это сдѣлать, мистеръ Вегъ?

— Утереть ему носъ? отвѣчалъ почтенный джентльменъ: — я намѣренъ публично нанести ему оскорбленіе. И если онъ посмѣетъ, взглянувъ мнѣ прямо въ глаза, отвѣчать хоть слово, я ему скажу: — прибавь еще одно слово, мусорная собака—и ты нищій.

— А если онъ ничего не отвѣтитъ, мистеръ Вегъ?

— Тогда, отвѣчалъ Вегъ: — значитъ, мы поняли другъ друга сразу безъ малѣйшаго труда, и я осѣдлаю его и поѣду. Чѣмъ я круче съ нимъ поступлю, тѣмъ онъ дороже заплатитъ; а я намѣренъ взять хорошую цѣну, мистеръ Винесъ; будьте въ этомъ увѣрены.

— Вы говорите, словно вами руководитъ самое жестокое чувство мести, мистеръ Вегъ.

— Чувство мести? Да развѣ я не для него вечеръ за вечеромъ падалъ и разрушался? Развѣ я не для него сиживалъ по цѣлымъ вечерамъ дома, дожидаясь, какую книгу онъ привезетъ? И кто же

Digitized by Google

унижался передъ нимъ?—я, который лучше его въ сотню, въ тысячу разъ.

Винесъ взглянулъ на него сомнительно, вѣроятно желая побудить его къ новой вспышкѣ гнѣва.

— Что? Развѣ я, Сайлесъ Вегъ, человѣкъ, который лучше его въ сотню, въ тысячу разъ, не сиживалъ во всякую погоду, дожидаясь покупателя у того самаго дома, гдѣ, къ его величайшему позору, теперь обитаетъ этотъ баловень счастья и червь минуты? Развѣ у этого самаго дома я не увидѣлъ его впервые—его, богатаго мильонщика, когда я изъ-за куска хлѣба продавалъ романсы? И я теперь долженъ ползать въ грязи и позволить ему топтать меня? Нѣтъ, никогда.

Слова эти, казалось, сдѣлали удивительное впечатлѣніе на всѣ окружающіе предметы. На призрачномъ лицѣ французскаго джентльмена словно заиграла улыбка, указывавшая ясно, что онъ считалъ, сколько тысячъ измѣнниковъ и клеветниковъ возстаютъ, подобно Вегу, на счастливыхъ людей. Дѣтскіе скелеты съ громадными головами точно также, казалось, ломали эти громадныя головы, разсчитывая сколько людей превращаютъ, въ своихъ собственныхъ глазахъ, благодѣтелей во враговъ. Алигаторъ же какъ-бы усиливался сказать: все это давно извѣстно, все это было извѣстно, уже вѣка и вѣка тому назадъ.

— Но, продолжалъ Вегъ, словно предъугадывая впечатлѣніе, произведенное его словами:—ваше говорящее лицо, мистеръ Винесъ, ясно выражаетъ, что я мрачнѣе и кровожаднѣе обыкновеннаго. Быть можетъ, я позволилъ себѣ слишкомъ предаться горестному размышленію. Отойди отъ меня роковая забота! И она отошла, сэръ. Я посмотрѣлъ на васъ, и снова пріобрѣлъ власть надъ собою, ибо пѣсня говоритъ:

Когда на сердцѣ тяжело
И мрачной мглою умъ объятъ,
Лишь стóитъ Винесу явиться
И мгла исчезнетъ въ тотъ же часъ!

— Ну, прощайте, сэръ.

— Мнѣ надо будетъ съ вами на дняхъ поговорить о моемъ участіи въ планѣ, который вы только что развивали, сказалъ Винесъ.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, сэръ, отвѣчалъ Вегъ:—теперь же пока помните, что я буду всячески стараться утереть носъ мусорному Бофиу, который, однажды попавшись въ мои руки, не отдѣлается отъ меня, пока искры не посыпятся градомъ изъ его глазъ.

Digitized by Google

Съ этимъ пріятнымъ обѣщаніемъ Вегъ вышелъ, ковыляя, изъ комнаты, и затворилъ осторожно за собою дверь.

— Погодите, мистеръ Бофинъ, я сейчасъ зажгу свѣчку, сказалъ Винесъ, когда его гость удалился: — вамъ тогда легче будетъ выйдти.

Съ этими словами онъ зажегъ свѣчу и мистеръ Бофинъ выкарабкался благополучно изъ-за алигатора.

— Какой коварный измѣнникъ! воскликнулъ Бофинъ мрачнымъ, отчаяннымъ тономъ: —какой ужасный злодѣй!

— Кто, алигаторъ, сэръ?

— Нѣтъ, Винесъ, нѣтъ, о—змѣя!

— Вы замѣтили, мистеръ Бофинъ, сказалъ Винесъ: — что я ничего не сказалъ ему о моемъ намѣреніи оставить совершенно это дѣло, ибо я не хотѣлъ васъ поставить въ затруднительное положеніе неожиданностью моего поступка. Но что касается лично меня, то я и не могу довольно скоро бросить это дѣло, потому я васъ теперь спрашиваю, мистеръ Бофинъ, когда вамъ будетъ удобно, чтобъ я объявилъ свое рѣшеніе Вегу?

— Благодарствуйте, Винесъ, благодарствуйте, Винесъ, отвѣчалъ Бофинъ:—но я, право, не знаю, что̀ сказать, что̀ дѣлать. Онъ во всякомъ случаѣ прижметъ меня. На это, кажется, онъ твердо рѣшился, не правда ли?

Винесъ отвѣчалъ утвердительно.

— Еслибъ вы остались его товарищемъ въ этомъ дѣлѣ, то могли бы служить мнѣ нѣкоторой протекціей, продолжалъ Бофинъ:— вы бы могли стать всегда между нимъ и мною и отвести ударъ, направленный на меня. Не думаете ли вы, Винесъ, что вы могли бы не бросать этого дѣла явнымъ образомъ, до тѣхъ поръ, что я извернулся бы?

Винесъ въ отвѣтъ на это спросилъ, черезъ сколько времени мистеръ Бофинъ думалъ извернуться?

— Я, право, самъ не знаю, возразилъ Бофинъ съ отчаяніемъ:— тутъ все такъ перепутано. Еслибъ я никогда не вступалъ во владѣніе этимъ имуществомъ, мнѣ потерять его было бы нечувствительно; но владѣя имъ столько времени, вдругъ его лишиться — признаюсь, мнѣ будетъ очень прискорбно, не правда ли, мистеръ Винесъ?

Винесъ отвѣчалъ, что предоставляетъ самому Бофину рѣшить такой деликатный вопросъ.

— Я рѣшительно не знаю, что̀ дѣлать, продолжалъ Бофинъ.— Если я спрошу у кого нибудь совѣта, то вѣдь это значитъ только дать право еще новому человѣку требовать отъ меня денегъ, и такимъ образомъ меня совсѣмъ оберутъ, такъ что мнѣ останется

Digitized by Google

отказаться отъ состоянія и пойти въ богадельню. Еслибъ я посовѣтовался съ моимъ молодымъ человѣкомъ, съ Роксмитомъ, то и его пришлось бы потомъ покупать. А главное, рано или поздно, онъ накинулся бы на меня, такъ же, какъ Вегъ теперь намѣренъ. Ужь вѣрно моя судьба такая злопоучная.

Вегъ молча слушалъ эти сѣтованія, во время которыхъ Бофинъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, придерживая руками карманы, словно онъ въ нихъ ощущалъ какую нибудь боль.

— Къ тому же, прибавилъ Бофинъ:—вы еще не сказали мнѣ, что̀ вы намѣрены сами дѣлать, мистеръ Винесъ. Когда вы намѣрены бросить это дѣло и какимъ образомъ?

Винесъ отвѣчалъ, что такъ-какъ документъ найденъ Вегомъ, и ему только переданъ, то онъ и намѣревается возвратить документъ Вегу, и при этомъ сказать, что онъ, Винесъ, не хочетъ имѣть болѣе никакого съ нимъ дѣла и пускай Вегъ одинъ дѣйствуетъ какъ знаетъ и беретъ на себя всѣ послѣдствія.

— И тогда онъ накинется на меня всей своей тяжестью, воскликнулъ Бофинъ. — Я бы лучше желалъ, чтобъ вы накинулись на меня оба вмѣстѣ, чѣмъ онъ одинъ.

Винесъ тутъ только повторилъ, что твердо рѣшился впредь во всю свою жизнь посвятить себя исключительно наукѣ и не накидываться на ближнихъ иначе, какъ послѣ ихъ смерти, и то лишь для того, чтобъ по мѣрѣ своихъ способностей дѣлать изъ нихъ отличные скелеты.

— Какъ долго вы согласитесь поддерживать внѣшній видъ сообщничества, спросилъ Бофинъ, снова возвращаясь къ своей первой идеѣ?—Можно ли было бы васъ уговорить не бросать дѣла до тѣхъ поръ, пока всѣ кучи уберутъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Винесъ:—это слишкомъ продлило бы мое безпокойство.

— А еслибы я вамъ представилъ хорошую и совершенно достаточную причину для такого поступка съ вашей стороны? спросилъ Бофинъ.

Винесъ отвѣчалъ, что если Бофинъ подразумѣваетъ подъ хорошей и совершенно достаточной причиной честную и благородную, то, быть можетъ, онъ и пожертвовалъ бы ради нея своими личными желаніями и удобствами. Но онъ прибавилъ, что сильно сомнѣвается насчетъ возможности существованія таковой причины.

— Приходите ко мнѣ въ мой домъ, сказалъ мистеръ Бофинъ.

— Причина развѣ скрывается тамъ? съ недовѣрчивой улыбкой произнесъ Винесъ.

— Можетъ быть—да, можетъ быть—и нѣтъ, это зависитъ отъ вашего взгляда, отвѣчалъ Бофинъ: — но пока не бросайте дѣла.

Digitized by Google

Знаете что? Дайте мнѣ слово, что вы ничего не скажете Вегу безъ моего вѣдома, точно также какъ я вамъ далъ слово ничего не предпринимать, не предувѣдомивъ васъ.

— Даю, мистеръ Бофинъ, сказалъ Винесъ послѣ минутнаго размышленія.

— Благодарствуйте, Винесъ, благодарствуйте. Итакъ дѣло рѣшено.

— Когда же мнѣ придти къ вамъ, мистеръ Бофинъ?

— Когда хотите. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Но теперь уже мнѣ пора домой; прощайте, Винесъ.

— Прощайте, сэръ.

— И прощайте вся компанія, сказалъ Бофинъ, окидывая взглядомъ весь магазинъ: — у васъ отличная выставка, Винесъ, и я бы хотѣлъ когда-нибудь поближе съ ней познакомиться. Доброй ночи, Винесъ. Еще разъ благодарствуйте, Винесъ, благодарствуйте.

Съ этими словами онъ вышелъ на улицу и поплелся домой. По дорогѣ онъ спрашивалъ себя, «не хочетъ ли Винесъ перехитрить Вега и, накинувшись на меня, когда я уже куплю Вега, высосать изъ меня все до послѣдняго гроша?» Эта идея совершенно соотвѣтствовала его теоріи скупости и лицо его при этомъ выражало необыкновенную хитрость и подозрительность. Но все же главнымъ образомъ его злоба сосредоточивалась на Сайлесѣ Вегѣ, и онъ нѣсколько разъ съ большимъ удовольствіемъ ударялъ палкой по воздуху, словно передъ нимъ находилось ненавистное, деревянное лицо его врага.

Онъ уже находился недалеко отъ дома, какъ вдругъ какая-то маленькая каретка, повстрѣчавшись съ нимъ, повернула, и проѣхавъ мимо него, снова повернула и перерѣзала ему дорогу. Эта эволюція повторилась нѣсколько разъ и потомъ каретка исчезла, но не совершенно, ибо подойдя къ углу своей улицы, Бофинъ опять ее увидѣлъ. Каретка теперь стояла неподвижно, и когда онъ поровнялся съ нею, то въ окнѣ показалась женская головка и женскій голосъ нѣжно назвалъ его по имени.

— Простите меня, сударыня, но кто вы такія? сказалъ Бофинъ, пораженный этимъ неожиданнымъ происшествіемъ.

— Мистрисъ Ламль, отвѣчалъ голосъ.

Бофинъ тотчасъ подошелъ къ кареткѣ и освѣдомился о здоровьѣ мистрисъ Ламль.

— Не очень-то я здорова, мистеръ Бофинъ, отвѣчала она:— я слишкомъ безпокоилась. Вы знаете, я васъ тутъ уже давно жду. Мнѣ надо съ вами поговорить.

Бофинъ предложилъ мистрисъ Ламль проѣхать еще нѣсколько шаговъ и переговорить съ нимъ въ его собственномъ домѣ.

Digitized by Google

— Мнѣ бы этого не хотѣлось, развѣ ужь вы этого непремѣнно желаете. Я чувствую, что дѣло такое деликатное, что мнѣ было бы затруднительно говорить о немъ въ вашемъ домѣ. Вы вѣрно считаете это очень страннымъ?

Мистеръ Бофинъ отвѣчалъ, что нимало, а подумалъ: «да, конечно».

— Я такъ благодарна всѣмъ моимъ друзьямъ за ихъ хорошее обо мнѣ мнѣніе, что ни за что не хочу дать имъ повода измѣнить, продолжала мистрисъ Ламль: — главное же, я всегда стараюсь исполнять свой долгъ. Вотъ почему я спросила своего милаго Альфреда, повелѣваетъ ли мнѣ мой долгъ такъ поступить въ этомъ случаѣ, какъ я хотѣла, и онъ торжественно сказалъ: да. Какъ жаль, что я его не спросила ранѣе, я бы этимъ избавила себя отъ излишняго безпокойства и волненія.

(Неужели еще что нибудь грозитъ обрушиться на меня! подумалъ съ отчаяніемъ изумленный Бофинъ).

— Альфредъ послалъ меня къ вамъ мистеръ, Бофинъ; Альфредъ сказалъ: «не возвращайся домой, Софронія, прежде, чѣмъ ты увидишь мистера Бофина и скажешь ему все. Какого бы онъ ни былъ объ этомъ дѣлѣ мнѣнія, онъ все же долженъ его знать». Мистеръ Бофинъ, не сѣли ли бы вы ко мнѣ въ карету; я бы тогда вамъ передала все, что̀ считаю своею обязанностью?

— Съ большимъ удовольствіемъ, промолвилъ Бофинъ и поспѣшно усѣлся рядомъ съ мистрисъ Ламль.

— Ступай куда нибудь, крикнула Софронія кучеру: — только потише.

— Да, на меня сейчасъ еще что-то обрушится, мысленно произнесъ несчастный Бофинъ: — но что̀ же это можетъ быть?

XV.

Золотой мусорщикъ въ самомъ дурномъ свѣтѣ.

Завтракъ въ домѣ Бофина былъ самый пріятной частью дня, и за нимъ всегда предсѣдательствовала Белла. Лицо и обращеніе золотого мусорщика въ эти ранніе часы такъ напоминали прежнее счастливое время, что никто не повѣрилъ бы, смотря на него, той страшной перемѣнѣ, которая произошла въ немъ въ послѣднее время. Только съ теченіемъ дня его свѣтлое чело заволакивалось мрачнымъ облакомъ скупости и подозрительности, и радостное, веселое утро смѣнялось грустной, черной ночью.

Но, однажды утромъ — это утро осталось навѣки памятно для всѣхъ—золотой мусурщикъ явился къ завтраку съ мрачнымъ че-

Digitized by Google

ломъ. Никогда перемѣна въ его характерѣ не выражалась такими рѣзкими чертами, и его обращеніе съ секретаремъ было до того надменно и дерзко, что Роксмитъ посреди завтрака всталъ и вышелъ изъ комнаты. Бофинъ проводилъ его насмѣшливо-гнѣвнымъ взглядомъ, и даже когда тотъ затворилъ за собой дверь, погрозилъ ему кулакомъ.

Это несчастное утро было на другой день послѣ разговора мистера Бофина съ мистрисъ Ламль въ ея каретѣ.

Пораженная необыкновеннымъ поведеніемъ мистера Бофина, Белла бросила вопросительный взглядъ на добрую мистрисъ Бофинъ, какъ-бы ища объясненія въ выраженіи ея лица. Но она ничего не могла въ немъ прочесть, кромѣ безпокойства и заботы. Когда онѣ остались однѣ, что̀ было очень нескоро—ибо мистеръ Бофинъ долго покачивался въ своемъ покойномъ креслѣ, и потомъ долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ—Белла, съ испугомъ спросила: «что̀ такое случилось?»—«Мнѣ не велѣно тебѣ говорить объ этомъ, Белла». Вотъ все, что̀ она получила въ отвѣтъ. И сколько разъ она ни обращала свой изумленный взоръ на лицо мистрисъ Бофинъ, она всегда видѣла, что та въ свою очередь смотрѣла на нее съ грустью и безпокойствомъ.

Теряясь въ догадкахъ, зачѣмъ мистрисъ Бофинъ смотрѣла такъ на нее, и боясь какого-то непредвидѣннаго несчастья, Белла провела очень грустно весь этотъ день, который показался ей нескончаемо скучнымъ и длиннымъ. За нѣсколько времени до обѣда, ея уединеніе было прервано вошедшимъ въ ея комнату лакеемъ, который объявилъ, что мистеръ Бофинъ проситъ ее пожаловать къ себѣ.

Войдя въ комнату, Белла увидѣла, что мистрисъ Бофинъ сидѣла на диванѣ, а мистеръ Бофинъ ходилъ взадъ и впередъ передъ ней. Онъ тотчасъ подошелъ къ Беллѣ, и взявъ ее подъ руку, сказалъ довольно нѣжнымъ тономъ:

— Не пугайся, моя милая Белла, я тебя отстою.

— Вы меня отстойте, сэръ? повторила Белла съ удивленіемъ.

— Да, да, отвѣчалъ Бофинъ:—я отстою тебя. Пошлите сюда мистера Роксмита, прибавилъ онъ, обращаясь къ слугѣ.

Белла еще не успѣла отдать себѣ отчета въ странныхъ словахъ, слышанныхъ ею, какъ въ комнату вошелъ мистеръ Роксмитъ.

— Затворите дверь, сэръ, сказалъ мистеръ Бофинъ:—я имѣю вамъ нѣчто сказать, которое вамъ не понравится.

— Къ сожалѣнію, я въ этомъ не сомнѣваюсь, мистеръ Бофинъ, отвѣчалъ секретарь, прямо смотря ему въ глаза.

— Что̀ вы хотите сказать? воскликнулъ Бофинъ.

— Я хочу сказать, что въ послѣднее время мнѣ не въ дико-

Digitized by Google

вину слышать отъ васъ такія вещи, которыхъ бы я не желалъ никогда слышать.

— А! мы это можемъ и измѣнить, отвѣчалъ Бофинъ, грозно мотнувъ головой.

— Надѣюсь, возразилъ секретарь почтительно, но съ такимъ достоинствомъ, что Белла не могла не почувствовать внутренняго удовольствія.

— Ну, сэръ, сказалъ Бофинъ: — посмотрите на эту молодую дѣвушку, которая упирается на мою руку.

Белла невольно подняла глаза, услыхавъ что говорили о ней, и встрѣтила взглядъ мистера Роксмита. Онъ казался очень блѣднымъ и взволнованнымъ. Въ ту же минуту глаза Беллы быстро перебѣжали на мистрисъ Бофинъ; взоръ доброй женщины попрежнему былъ съ безпокойствомъ устремленъ на нее, и молодая дѣвушка какъ-бы вдругъ прозрѣла и мгновенно поняла все.

— Я вамъ говорю, сэръ, повторилъ Бофинъ: — посмотрите на молодую дѣвушку, которая опирается на мою руку.

— Я смотрю, отвѣчалъ секретарь.

И онъ устремилъ на Беллу взглядъ, въ которомъ, ей казалось, ясно выражался упрекъ. Впрочемъ, можетъ быть, ее упрекалъ не его взглядъ, а упрекала ея собственная совѣсть.

— Какъ вы смѣете, сэръ, ухаживать по секрету отъ меня за этой молодой дѣвушкой? сказалъ гнѣвно мистеръ Бофинъ: — какъ вы смѣете, забывъ ваше положеніе въ моемъ домѣ, преслѣдовать эту молодую дѣвушку своими нахальными любезностями?

— Я отказываюсь отвѣчать на вопросы, предложенные мнѣ такимъ образомъ, отвѣчалъ секретарь.

— Вы отказываетесь отвѣчать? воскликнулъ Бофинъ:—вы отказываетесь отвѣчать мнѣ? Хорошо, такъ я самъ отвѣчу за васъ, Роксмитъ. Вотъ видите, въ этомъ дѣлѣ двѣ стороны, и я разсмотрю каждую изъ нихъ особо. Первая изъ нихъ — просто нахальство, вы понимаете?

Секретарь съ горечью улыбнулся, словно говоря: я слышу и понимаю.

— Повторяю, что съ вашей стороны было просто дерзко и нахально подумать даже объ этой молодой дѣвушкѣ. Эта молодая дѣвушка стоитъ неизмѣримо выше васъ. Она вамъ не пара. Она намѣрена, и совершенно справедливо, выдти замужъ за деньги, за большія деньги, а у васъ ихъ вовсе нѣтъ.

При этихъ словахъ Белла опустила голову и какъ-бы отшатнулась отъ мистера Бофина.

— Кто вы такой? я бы желалъ знать, продолжалъ Бофинъ:— что осмѣлились преслѣдовать эту молодую дѣвушку. Она ищетъ

Digitized by Google

на рынкѣ хорошаго покупателя и ее не получить нищему, неимѣющему ни гроша, для того, чтобы купить ее.

— О, мистеръ Бофинъ! промолвила Белла, освобождая свою руку изъ его рукъ и закрывая лицо: — мистрисъ Бофинъ! хоть вы скажите слово за меня, прибавила молодая дѣвушка.

— Молчи, старуха, не вступайся не въ свое дѣло, сказалъ Бофинъ, прежде, чѣмъ жена его успѣла промолвить хоть одно слово: — не тревожься, милая Белла, я тебя отстою.

— Но вы не отстаиваете меня, воскликнула съ жаромъ Белла:— а говорите противъ меня.

— Не тревожься, моя милая, повторилъ Бофинъ: — я справлюсь съ этимъ человѣчкомъ. Ну, Роксмитъ, вы не можете отказаться слушать, какъ вы отказались отвѣчать. Вы слышали, какъ я сказалъ, что вашъ поступокъ имѣетъ двѣ стороны, и одна изъ нихъ — дерзость и нахальство. Отвѣчайте мнѣ только на одинъ вопросъ, если можете: сказала ли вамъ то же самое гораздо прежде эта молодая дѣвушка?

— Говорила ли я это, мистеръ Роксмитъ? воскликнула Белла, закрывъ лицо руками: — говорила ли я это, мистеръ Роксмитъ?

— Не тревожьтесь, мисъ Вильферъ; вѣдь теперь все равно, говорили вы или нѣтъ.

— Ага! вы не можете этого отрицать? сказалъ Бофинъ съ значительной улыбкой.

— Но я просила у него извиненія послѣ того, воскликнула Белла: — и готова снова на колѣняхъ просить у него прощенья, если это только можетъ помочь ему.

При этихъ словахъ мистрисъ Бофинъ залилась слезами.

— Тише, старуха, не мѣшай, сказалъ мистеръ Бофинъ:—не мѣшай. Очень похвально съ твоей стороны, Белла, имѣть такое доброе сердце, но я это дѣло сейчасъ разъясню; я этого человѣчка уже совсѣмъ припёръ въ уголъ. Ну, Роксмитъ, слышите, что одна сторона вашего поступка—дерзость и нахальство, а другая—низкая спекуляція.

— Я съ презрѣніемъ это отрицаю.

— Напрасный трудъ; рѣшительно все равно, отрицаете ли вы, или нѣтъ мои слова—у меня есть голова на плечахъ и слава-богу не ребячья. Что? продолжалъ мистеръ Бофинъ, бросая самые подозрительные взгляды на окружающихъ: — я ли не знаю, какимъ преслѣдованіямъ подвергается человѣкъ съ деньгами? я ли не знаю, что зажмурь я глаза и открой карманъ, то меня бы заживо довели до богадельни? Развѣ не то же было съ Дансеромъ, Гопкинсомъ, Джонсомъ и имъ подобными? Развѣ не всякій стремился ихъ обобрать и пустить по міру? И развѣ вслѣдствіе это-

Digitized by Google

го они не были принуждены прятать свои сокровища? И мнѣ еще станутъ говорить, что они не знали человѣческой натуры?

— Они? несчастные, промолвилъ секретарь.

— Что̀ вы сказали? спросилъ гнѣвно Бофинъ:—впрочемъ, нечего повторять, ваши слова этого нестоятъ, да вѣдь со мной этимъ и не возьмешь. Я сейчасъ раскрою передъ этой молодой дѣвушкой всѣ ваши низкіе планы. Я ей покажу, что̀ вы за человѣкъ въ дѣйствительности, и всѣ ваши слова тутъ ничего не измѣнятъ. Слушай меня хорошенько, милая Белла. Роксмитъ, вы нищій, котораго я подобралъ на улицѣ, такъ или нѣтъ?

— Продолжайте, мистеръ Бофинъ, и не обращайтесь ко мнѣ.

— Не обращаться къ вамъ? воскликнулъ Бофинъ:—нѣтъ, ужь это было бы слишкомъ. Повторяю, вы—нищій, котораго я подобралъ на улицѣ. Вы остановили меня на улицѣ и просили, чтобъ я васъ взялъ къ себѣ въ секретари, и я васъ взялъ. Хорошо.

— Очень худо! промолвилъ секретарь.

— Что̀ вы сказали? грозно спросилъ Бофинъ.

Секретарь ничего не отвѣчалъ, и Бофинъ, бросивъ на него удивленный взглядъ, продолжалъ:

— Этотъ Роксмитъ—нищій, котораго я взялъ съ улицы и сдѣлалъ секретаремъ. Этотъ Роксмитъ, познакомясь близко съ моими дѣлами, узналъ, что я намѣренъ дать приличное приданое этой молодой дѣвушкѣ. — Ого, сказалъ себѣ этотъ Роксмитъ, это — лакомый кусочекъ, я его не упущу — и вотъ этотъ Роксмитъ, голодный, жадный, начинаетъ на четвереньхъ ползать, чтобъ овладѣть деньгами. Эта спекуляція была недурная, ибо будь эта молодая дѣвушка не такъ умна и болѣе романтична, то клянусь святымъ Георгомъ, онъ добился бы своего. Но, по счастью, не по его силамъ было бороться съ нею. И вотъ теперь въ какое глупое положеніе онъ себя поставилъ! Посмотрите на него, прибавилъ Бофинъ, обращаясь съ смѣшною непослѣдовательностью къ самому Роксмиту.

— Ваши несчастныя подозрѣнія, мистеръ Бофинъ... началъ секретарь.

— Очень несчастныя для васъ, могу сказать, отвѣчалъ Бофинъ.

— ... Не заслуживаютъ возраженій; но я скажу два слова для разъясненія истины.

— Очень много вы заботитесь объ истинѣ! замѣтилъ Бофинъ, презрительно щелкая пальцами.

— Ноди, милый Ноди! жалобнымъ тономъ произнесла мистрисъ Бофинъ.

— Молчи, старуха, возразилъ Бофинъ:—я сказалъ этому Рок-

Digitized by Google

смиту, что много онъ безпокоится объ истинѣ, и готовъ это повторить.

— Такъ-какъ всѣ отношенія между нами, мистеръ Бофинъ, окончены, произнесъ секретарь:—то мнѣ рѣшительно все равно, что̀ бы вы ни говорили.

— Ого! вы, я вижу, дальновидный человѣкъ! воскликнулъ Бофинъ:—вишь, какой хитрый, догадался, что всѣ наши отношенія кончены. Но не вамъ предстоитъ починъ въ этомъ дѣлѣ. Вы должны не распоряжаться, а слушаться. Вотъ видите, у меня здѣсь въ рукѣ деньги, которыя вамъ слѣдуютъ за вашу службу. Такъ пожалуйста не представляйтесь, что вы сами отходите отъ меня, а знайте, что я васъ прогоняю.

— Мнѣ бы только отъ васъ уйти, а какъ—все равно, отвѣчалъ секретарь, презрительно махнувъ рукой.

— Неужели! а мнѣ такъ не все равно, замѣтилъ Бофинъ. — Позволить человѣку, котораго накрыли въ преступленіи, отойти по своей волѣ—одно, а прогнать того же человѣка за дерзость и корыстныя намѣренія ограбить своего господина — это совсѣмъ другое. Одинъ да одинъ — два, а не одинъ; а ты, старуха, не вмѣшивайся, прибавилъ онъ, обращаясь къ мистрисъ Бофинъ, которая только что собиралась что-то сказать: — ты молчи, это не твое дѣло.

— Вы сказали все, что̀ желали? спросилъ секретарь.

— Не знаю, отвѣчалъ Бофинъ: — это зависитъ отъ обстоятельствъ.

— Будьте столь добры, подумайте, нѣтъ ли еще какихъ бранныхъ словъ, которыя вы бы желали мнѣ сказать?

— Я подумаю, отвѣчалъ Бофинъ: — только, когда я самъ захочу, а не вы. Я очень хорошо понимаю, что вы хотите имѣть послѣднее слово, но вы его не получите.

— Ноди, милый Ноди! не будь такимъ жестокимъ, воскликнула мистрисъ Бофинъ, которую не могли заставить замолчать всѣ приказанія ея мужа.

— Эхъ! старуха, говорилъ я тебѣ молчать! произнесъ Бофинъ, но очень нѣжно, безъ малѣйшей тѣни упрека или негодованія:— если ты еще будешь вмѣшиваться не въ свое дѣло, то я тебя положу на подушку и вынесу изъ комнаты. Ну-съ, что̀ вы желаете сказать? обратился онъ къ Роксмиту.

— Вамъ, мистеръ Бофинъ—ничего. Но я бы желалъ сказать два слова мисъ Вильферъ и вашей доброй женѣ.

— Такъ говорите скорѣй и покороче; ужь имъ надоѣло съ вами объясняться.

— Я переносилъ свое фальшивое положеніе въ этомъ домѣ,

Digitized by Google

началъ секретарь тихимъ, но твердымъ голосомъ: — только для того, чтобъ быть подъ одной крышей съ мисъ Вильферъ. Быть близко нея и видѣть ее постоянно, вполнѣ вознаграждало меня за незаслуженное, унизительное обращеніе, которому я ежедневно подвергался въ ея же глазахъ. Съ тѣръ-поръ, какъ мисъ Вильферъ отказала мнѣ, я никогда не преслѣдовалъ ее нетолько любезностями, но даже и взглядами; но моя любовь къ ней отъ этого нимало и не измѣнилась, даже, если она мнѣ позволитъ сказать, болѣе укоренилась, ибо съ каждымъ днемъ я находилъ для этого болѣе и болѣе основаній.

— Слышите! воскликнулъ Бофинъ съ хитрою улыбкой: — какъ онъ вмѣсто фунтовъ, шилинговъ и пенсовъ ставитъ мисъ Вильферъ цѣлью своихъ плановъ.

— Мнѣ нечего скрывать моихъ чувствъ къ мисъ Вильферъ, продолжалъ секретарь, не удостоивая ни малѣйшимъ вниманіемъ слова Бофина:—мнѣ нечего ихъ стыдиться; я прямо говорю, что люблю ее всею душой. Съ той минуты, какъ я выйду изъ этого дома, мнѣ опостылитъ жизнь, ибо я оставлю за собою ту, которая составляетъ цѣль моего существованія.

— То-есть вы оставите за собой тѣ фунты, шилинги и пенсы, которые думали пріобрѣсть своимъ коварствомъ? прибавилъ Бофинъ съ той же хитрой улыбкой.

— Что я неспособенъ питать какіе-нибудь планы корыстные въ отношеніи мисъ Вильферъ, продолжалъ секретарь тѣмъ же тономъ, какъ-будто не слыша замѣчанія Бофина:—вовсе не есть съ моей стороны заслуга, ибо никакая ставка, какъ-бы она великолѣпна ни была, не можетъ въ моихъ глазахъ имѣть ни малѣйшей цѣны въ сравненіи съ мисъ Вильферъ. Еслибъ она владѣла несметнымъ богатствомъ или самымъ громкимъ, высокимъ титуломъ на землѣ, то это имѣло бы въ моихъ глазахъ значеніе только преграды, дѣлающей еще безнадежнѣе мою любовь. Скажите мнѣ, прибавилъ секретарь, взглянувъ прямо въ глаза своему недавнему господину: — скажите мнѣ, что она однимъ словомъ можетъ лишить васъ, мистера Бофина, всего вашего состоянія и завладѣть имъ сама, то она бы ничуть не сдѣлалась цѣннѣе въ моихъ глазахъ.

— Какъ ваше мнѣніе объ этомъ молодцѣ? промолвилъ Бофинъ, обращаясь къ своей женѣ:—каковъ! а еще проповѣдуетъ о своихъ стремленіяхъ къ истинѣ и справедливости. Впрочемъ, не трудитесь говорить своего мнѣнія, старуха, я вовсе не желаю, чтобъ вы впутывались не въ свои дѣла, но вы можете думать про себя. Что же касается до того, чтобъ завладѣть моимъ имуще-

Digitized by Google

ствомъ, то онъ поклянется, что еслибъ и могъ, то не сдѣлалъ бы этого.

— Нѣтъ, не сдѣлалъ бы! отвѣчалъ секретарь, продолжая смотрѣть прямо въ глаза Бофина.

— Ха-ха-ха! воскликнулъ Бофинъ: — какъ я люблю хорошую шутку.

— Меня отвлекли на минуту отъ того, что́ я хотѣлъ сказать, произнесъ Роксмитъ, отворачиваясь отъ Бофина и снова принимая свой прежній тонъ: — я заинтересовался мисъ Вильферъ съ самой первой минуты, когда я ее увидѣлъ, даже прежде, чѣмъ ее увидѣлъ, основываясь на словахъ другихъ людей. Это именно было причиной и моего поступленія на службу къ мистеру Бофину. Мисъ Вильферъ до сего времени никогда этого не знала, и я теперь объ этомъ упоминаю только потому, чтобъ освободить себя отъ обвиненія въ низкихъ, корыстныхъ видахъ, хотя я надѣюсь, что и безъ моихъ объясненій никто этому не повѣритъ.

— Экая хитрая собака, произнесъ Бофинъ, придавая своему лицу самое лукавое, подозрительное выраженіе: — я никогда не думалъ, чтобы онъ былъ такимъ дальнозоркимъ интригантомъ. Посмотрите, какъ онъ терпѣливо и методически разставляетъ свои сѣти. Онъ узнаетъ о моемъ существованіи и богатствѣ, потомъ объ исторіи этой молодой дѣвушки, и ея отношеніяхъ къ бѣдному покойному Джону, и вотъ онъ, сообразивъ все это вмѣстѣ, говоритъ самъ себѣ: «я вотрусь въ домъ Бофина, и начну дѣйствовать заодно, и на Бофина, и на молодую дѣвушку, такъ что тутъ или тамъ, а навѣрно одержу побѣду. Я слышу, какъ онъ теперь говоритъ эти самыя слова; я вижу это по его лицу!

При этомъ, Бофинъ указалъ пальцемъ на секретаря, словно пойманнаго имъ на мѣстѣ преступленія.

— Но, по счастью, онъ имѣлъ дѣло не съ такими людьми, какъ ожидалъ, продолжалъ Бофинъ: — по счастью онъ имѣлъ дѣло съ тобой, милая Белла, со мною и съ Даніелемъ, миссъ Дансеръ, Эльвесомъ, Гопкинсомъ, Блюбери Джонсомъ и всѣми другими, намъ подобными людьми. И его побили, да, побили совершенно. Онъ думалъ высосать изъ насъ денегъ, а самъ-себѣ только испортилъ все дѣло, милая Белла.

Белла ничего не отвѣчала, и никакимъ знакомъ не выразила своего одобренія. Она сидѣла неподвижно, закрывъ лицо руками. Наступило минутное молчаніе, во время котораго мистрисъ Бофинъ встала, и направилась-было къ Беллѣ, но повелительный знакъ ея мужа побудилъ ее послушно возвратиться на свое мѣсто.

— Вотъ ваше жалованье, мистеръ Роксмитъ, сказалъ золотой мусорщикъ, бросая на полъ конвертъ, который онъ до сихъ поръ

Digitized by Google

держалъ въ рукахъ: — я думаю, вамъ не будетъ унизительно нагнуться и поднять съ полу послѣ тѣхъ унизительныхъ штукъ, которыя вы позволили себѣ здѣсь продѣлывать.

— Я ничего здѣсь не дѣлалъ унизительнаго до сей минуты, отвѣчалъ Роксмитъ, поднимая съ полу конвертъ: — но и это не унизительно, ибо эти деньги мои, и я ихъ выработалъ самымъ непріятнымъ трудомъ.

— Я надѣюсь, вы скоро соберете свои вещи, произнесъ Бофинъ: — ибо чѣмъ скорѣе мы избавимся отъ вашего присутствія, тѣмъ намъ всѣмъ будетъ пріятнѣе.

— Вы можете быть увѣрены, что я не замѣшкаюсь.

— Прежде чѣмъ мы навсегда разстанемся, продолжалъ Бофинъ:—мнѣ бы хотѣлось задать вамъ еще одинъ вопросъ, чтобъ доказать этой молодой дѣвушкѣ, что несмотря на всѣ ваши хитрости, васъ, интригантовъ, легко поймать на каждомъ шагу, въ самомъ глупомъ противорѣчіи.

— Спросите, о чемъ хотите, но поскорѣе, отвѣчалъ Роксмитъ.

— Вы представляетесь, что обожаете эту молодую дѣвушку? сказалъ Бофинъ, покровительственно потрепавъ по головѣ Беллу.

— Я не представляюсь.

— А! ну, хорошо, если ужь вы придираетесь къ словамъ, такъ вы ее обожаете?

— Да.

— Какъ вы могли ее обожать, когда она—глупая, недумающая ни о чемъ идіотка, бросающая на вѣтеръ свои деньги и прямо направлявшаяся къ богадельнѣ?

— Я не понимаю васъ.

— Неужели? то-есть не хотите меня понять? Чѣмъ же, по вашему, была бы эта молодая дѣвушка, еслибъ она приняла ваше предложеніе?

— Чѣмъ была бы она, еслибъ я имѣлъ счастье заслужить ея любовь?

— Заслужить ея любовь, отвѣчалъ Бофинъ съ невыразимымъ презрѣніемъ:—кошка дѣлаетъ мяу, мяу! Утка—ква, ква! Собака—вау, вау! Заслужить ея любовь—это то же мяу, мяу! Ква, ква! Вау, вау!

Джонъ Роксмитъ съ изумленіемъ взглянулъ на Бофина, и невольно подумалъ, не сошелъ ли тотъ съ ума.

— Этой молодой дѣвушкѣ нужны деньги, и она это очень хорошо знаетъ, продолжалъ Бофинъ.

— Вы клевещете на нее!

— Вы сами клевещете на нее, съ вашими толками о любви и всякихъ другихъ пустякахъ, возразилъ Бофинъ:—вы въ этомъ

Digitized by Google

отношеніи такъ же низко поступаете, какъ во всемъ остальномъ. Я только узналъ о вашихъ продѣлкахъ вчера ночью, а то повѣрьте, я уже давно бы съ вами раздѣлался. Я узналъ это отъ одной, очень умной барыни, которая знаетъ хорошо эту молодую дѣвушку. Я также хорошо знаю эту молодую дѣвушку, и мы всѣ трое очень хорошо знаемъ, что она желаетъ одного—денегъ, денегъ и денегъ, и что вы съ вашей любовью—ложь, ложь и ложь.

— Позвольте, мистрисъ Бофинъ, сказалъ Роксмитъ, преспокойно обращаясь къ ней: — поблагодарить васъ отъ всей души за всю вашу доброту ко мнѣ. Прощайте, мистрисъ Бофинъ! Прощайте, мисъ Вильферъ!

— Ну, теперь ты можешь совсѣмъ успокоиться, милая Белла, произнесъ Бофинъ, снова потрепавъ ее по головѣ:—я надѣюсь, что ты чувствуешь, какъ тебя хорошо отстояли.

Но Белла такъ мало это чувствовала, что вырвавшись изъ его рукъ, вскочила, и съ отчаяніемъ простирая руки, дико воскликнула:

— О, мистеръ Роксмитъ, еслибъ вы только могли сдѣлать меня снова бѣдной!—сдѣлайте, сдѣлайте кто-нибудь меня бѣдной, или сердце мое лопнетъ отъ горя! Папа, милый папа! сдѣлай меня опять нищей, возьми меня домой! Я была гадкой дома, но здѣсь стала еще хуже. Не давайте мнѣ денегъ, мистеръ Бофинъ, не давайте денегъ! Не показывайте мнѣ ихъ и позвольте мнѣ пойти къ милому, нѣжному папѣ, и положивъ голову на его плечо, разсказать ему все свое горе. Никто другой кромѣ него не можетъ меня понять, не можетъ утѣшить, ибо никто другой не знаетъ, какая я недостойная тварь и не любитъ меня, какъ ребёнокъ. Я лучше, когда я съ папой — я сожалѣю тогда о своихъ проступкахъ, и гораздо-гораздо счастливѣе.

Слезы потекли ручьемъ изъ прекрасныхъ глазъ Беллы, и припавъ къ плечу мистрисъ Бофинъ, она долго истерически рыдала.

Джонъ Роксмитъ и Бофинъ, впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, молча смотрѣли на молодую дѣвушку; наконецъ, послѣдній произнесъ нѣжнымъ тономъ:

— Ну, милая моя, успокойся, теперь вѣдь тебя отстояли, и все уладилось. Я не удивляюсь, что сцена съ этимъ молодцомъ тебя разстроила, но вѣдь теперь все кончено благополучно, совершенно уладилось, повторилъ Бофинъ съ особеннымъ удовольствіемъ, и съ торжествомъ останавливаясь на послѣднемъ словѣ.

— Я васъ ненавижу! воскликнула Белла, неожиданно обращаясь къ нему и топая ножкой:—нѣтъ, я не могу васъ ненавидѣть, но я васъ не люблю!

— Ай, ай! воскликнулъ въ совершенномъ изумленіи Бофинъ.

Digitized by Google

— Вы несправедливый, жестокій, бранчивый, гадкій старикашка! продолжала Белла, внѣ себя:—я сержусь на себя, что я, неблагодарная, смѣю васъ бранить, но вы гадкій, вы знаете, что вы гадкій!

Мистеръ Бофинъ распрылъ широко глаза, и смотрѣлъ на нее безсознательно, словно на него нашелъ какой-то столбнякъ.

— Я слушала васъ со стыдомъ! воскликнула Белла съ новой силой: — я стыдилась за себя и за васъ. Вы должны бы быть выше низкихъ сплетенъ подлой женщины; но вы теперь способны на все.

Мистеръ Бофинъ, все болѣе и болѣе убѣждаясь, что на него нашелъ столбнякъ, закатилъ глаза къ небу и распустилъ галстухъ.

— Переѣхавъ къ вамъ, я васъ уважала, потомъ вскорѣ я васъ полюбила, продолжала Белла тѣмъ же голосомъ: — а теперь я не могу на васъ смотрѣть. Можетъ быть, это и нехорошо съ моей стороны; но вы... вы чудовище!

Выговоривъ послѣднее слово, Белла какъ-бы растратила всѣ свои силы, и впала въ истерику, плача и смѣясь въ одно и то же время.

— Самое лучшее, что̀ я могу вамъ пожелать, начала она, снова отдохнувъ на минуту:—это полное, совершенное разореніе, такъ чтобъ вы остались безъ гроша. Еслибъ нашелся истинный другъ, который бы васъ пустилъ по міру, то вы стали бы просто безвреднымъ гусемъ, а теперь вы дьяволъ!

Нанеся этотъ, еще сильнѣйшій ударъ своему бывшему благодѣтелю, а теперь недругу, Белла снова истерически зарыдала и захохотала.

— Мистеръ Роксмитъ, пожалуйста, не уходите, промолвила она сквозь слезы:—дайте мнѣ вамъ сказать слово прежде, чѣмъ мы разстанемся. Я глубоко сожалѣю, что вы подверглись изъ-за меня жестокимъ и вполнѣ несправедливымъ упрекамъ. Отъ чистаго сердца прошу васъ—простите меня.

И она сдѣлала шагъ впередъ; Роксмитъ поспѣшилъ къ ней на встрѣчу, и поцаловавъ протянутую ему руку, промолвилъ: христосъ съ вами!

Теперь въ громкихъ рыданіяхъ Беллы не слышно было уже прежняго дикаго хохота; нѣтъ, слезы ея были чистыя, сердечныя слезы.

— Каждое слово, сказанное вамъ этимъ человѣкомъ, котораго я слушала съ негодованіемъ и презрѣніемъ, начала снова Белла:—поражало меня прямо въ сердце гораздо болѣе, чѣмъ васъ, ибо я заслужила этого, а вы нѣтъ. Мистеръ Роксмитъ,

Digitized by Google

вы мнѣ одолжены этимъ ложнымъ разсказомъ того, что̀ произошло между нами въ тотъ вечеръ. Я разсталась съ этой тайной, хотя сердилась на себя за ея открытіе. Это было очень дурно съ моей стороны, но повѣрьте, я сдѣлала это не съ преднамѣренной дурной цѣлью. Я сдѣлала это въ одну изъ минутъ высокомѣрнаго безумія—увы, не минутъ, а часовъ, дней, лѣтъ. Я такъ жестоко наказана за это, постарайтесь простить меня.

— Отъ всей души прощаю, произнесъ Роксмитъ.

— Благодарствуйте, благодарствуйте. Но погодите, позвольте мнѣ сказать вамъ еще одно слово, позвольте мнѣ при всѣхъ отдать вамъ справедливость. Единственно въ чемъ васъ можно обвинить, это—что въ тотъ памятный вечеръ, когда вы такъ благородно и деликатно объяснили мнѣ свои чувства—вы позволили съ вами обойтись грубо, презрительно свѣтской, безумной дѣвчонкѣ, которая нетолько не была достойна, но и не умѣла оцѣнить того, что̀ вы ей предлагали. Мистеръ Роксмитъ, эта дѣвчонка часто съ тѣхъ поръ смотрѣла на себя съ сожалѣніемъ и презрѣніемъ, но никогда въ такой степени, какъ въ эту минуту, когда она услышала изъ устъ мистера Бофина эхо тѣхъ подлостей и низостей, которыми надменная, корыстная дѣвчонка смѣла васъ оскорбить.

Роксмитъ молча нагнулся, и снова поцаловалъ ея руку.

— Меня поразили слова мистера Бофина, они мнѣ противны! воскликнула Белла, снова топая ножкой: — правда, было время, и, увы, очень еще недавно, когда я вполнѣ заслуживала, чтобъ меня такъ *отстаивали*; но я надѣюсь, мистеръ Роксмитъ, я этого болѣе никогда не заслужу.

Онъ еще разъ прикоснулся губами къ ея рукѣ, и молча вышелъ изъ комнаты. Белла, шатаясь, какъ-бы во снѣ, направилась къ своему стулу, но увидѣвъ подлѣ себя мистрисъ Бофинъ, она вдругъ бросилась къ ней на шею, громко рыдая, и повторяла на сотню различныхъ ладовъ:

— Онъ уѣхалъ, онъ уѣхалъ, онъ уѣхалъ! Съ нимъ постыдно, несправедливо обошлись, его подло, низко выгнали—и я въ этомъ виновата.

Во все это время мистеръ Бофинъ молча поводилъ глазами, какъ-бы не прійдя еще въ себя; но теперь онъ, очевидно, очнулся, и пристально устремивъ глаза въ пространство, тяжело перевелъ духъ, завязалъ галстухъ и съ глубокимъ вздохомъ произнесъ:

— Ну!

Мистрисъ Бофинъ не сказала Беллѣ ни слова участія или порицанія, а только нѣжно ухаживала за бѣдной дѣвушкой, по-

Digitized by Google

сматривая повременамъ на Бофина, какъ-бы ожидая его приказаній. Мистеръ Бофинъ, не выражая ничѣмъ своей воли, усѣлся въ кресло противъ нихъ, и облокотившись на свои колѣни, терпѣливо ждалъ, пока Белла перестанетъ плакать, и подыметъ голову, чего, конечно, онъ, наконецъ, и дождался.

— Я должна идти домой, промолвила Белла, торопливо вставая:—я вамъ очень благодарна за все, что̀ вы для меня сдѣлали, но я не могу болѣе здѣсь оставаться.

— Милое дитя мое! стала увѣщевать ее мистрисъ Бофинъ.

— Нѣтъ, я не могу, я не могу. Фуй! какой вы злой, гадкій, прибавила она, отворачиваясь отъ Бофина.

— Не горячись, дитя мое, успокоивала ее мистрисъ Бофинъ:— подумай, что̀ ты дѣлаешь?

— Да ты бы лучше хорошенько подумала, прибавилъ мистеръ Бофинъ.

— Я никогда больше не стану объ васъ думать! воскликнула Белла, гнѣвно насупивъ брови: — нѣтъ, никогда. Ваше богатство сдѣлало васъ каменнымъ. Вы жестокосердый, скупой, скряга. Вы хуже Дансера, хуже Гопкинса, хуже всѣхъ этихъ негодяевъ. И вы вполнѣ были недостойны человѣка, котораго только что потеряли, прибавила она, снова заливаясь слезами.

— Вы не хотите, однако, сказать, мисъ Белла, что ставите меня на одну доску съ Роксмитомъ? замѣтилъ золотой мусорщикъ.

— Нѣтъ, онъ въ мильонъ разъ лучше васъ, отвѣчала рѣшительно Белла, выпрямляясь во весь ростъ и гордымъ мановеніемъ головы отказываясь навсегда отъ своего покровителя. Въ эту минуту восторженнаго пыла она была поистинѣ великолѣпна.

— Я дорожу больше его уваженіемъ, чѣмъ вашимъ, продолжала Белла:—даже еслибъ онъ изъ-за куска хлѣба мелъ улицы, а вы забрызгивали бы его грязью отъ блестящихъ колесъ вашей золотой колесницы. Вотъ!

— Хорошо! воскликнулъ Бофинъ, вылупивъ глаза отъ изумленія.

— И уже давно, когда вы полагали, что стоите неизмѣримо выше его, я видѣла васъ подъ его ногами, сказала Белла:—вотъ! И всегда я видѣла въ немъ господина, а въ васъ холопа. Вотъ! И когда вы постыдно съ нимъ обходились, я за него заступалась и—любила его. Вотъ! Слышите, я этимъ горжусь.

Послѣ этой откровенной исповѣди, нервы Беллы снова не выдержали, и бросившись въ кресло, она уткнула голову въ стѣну и долго всхлипывала.

— Ну, выслушай меня теперь, Белла, началъ Бофинъ, какъ

Digitized by Google

только молодая дѣвушка немного успокоилась: — я на тебя не сержусь.

— А я сержусь! промолвила Белла.

— Я говорю, что я на тебя не сержусь, повторилъ золотой мусорщикъ:—и намѣренъ не обратить на твою вспышку никакого вниманія. Итакъ ты останешься у насъ, и мы никогда не будемъ припоминать о томъ, что̀ теперь произошло.

— Нѣтъ, я здѣсь не могу оставаться! воскликнула Белла, поспѣшно вставая:—я не могу здѣсь оставаться, я должна возвратиться навсегда домой.

— Не дури, сталъ ее уговаривать Бофинъ: — не дѣлай шага, послѣ котораго нѣтъ возврата, и о которомъ ты сама будешь потомъ горько сожалѣть.

— Я никогда не буду объ этомъ сожалѣть, возразила Белла:— но я всякую минуту сожалѣла бы и презирала себя, еслибъ осталась здѣсь послѣ всего, что̀ теперь случилось.

— По крайней мѣрѣ, Белла, замѣтилъ Бофинъ: — надо посмотрѣть прямо въ глаза тому, что̀ тебя ожидаетъ. Оставайся ты здѣсь, и все будетъ хорошо, все пойдетъ по старому; но уйди ты теперь, ты уже никогда не можешь воротиться.

— Я знаю, что не могу воротиться, но я этого-то именно не хочу.

— Не надѣйся, чтобъ я тебѣ оставилъ послѣ смерти что-нибудь, если ты теперь уйдешь — нѣтъ, Белла, берегись. Не видать тебѣ отъ меня ни гроша.

— Я надѣяться на ваши гроши? произнесла гордо Белла: — да неужели вы думаете, что есть на землѣ сила, которая бы заставила меня взять отъ васъ что-нибудь, еслибъ вы мнѣ и оставили, сэръ?

Но тутъ бѣдная Белла вспомнила, что ей нужно было разстаться еще съ доброй мистрисъ Бофинъ, и куда мгновенно исчезъ ея гордый, надменный видъ; она бросилась на колѣни передъ достойной женщиной, и обвивъ руками ея станъ, начала рыдать и всхлипывать.

— Милая, милая! восклицала Белла сквозь слезы:—вы—лучшая изъ женщинъ. Я никогда довольно не могу васъ возблагодарить и никогда васъ не забуду. Если я доживу до такой старости, что ослѣпну и оглохну, и тогда я узнаю васъ и услышу васъ сердцемъ, душою.

Мистрисъ Бофинъ также плакала и нѣжно, тепло цаловала ее, но она не произнесла ни одного слова, кромѣ: «милое, милое дитя мое!»

Наконецъ Белла оторвалась отъ горячо любимой женщины, и все еще плача, пошла къ дверямъ, но-было еще не дойдя до нихъ,

Digitized by Google

вдругъ съ своимъ прежнимъ добродушіемъ сдѣлала два шага къ мистеру Бофину.

— Я очень рада, промолвила она межъ слезъ: — что я васъ выбранила, ибо вы этого вполнѣ заслуживаете. Но мнѣ очень жаль, что я была принуждена сказать вамъ грубости; вѣдь я помню время, когда вы были совершенно инымъ человѣкомъ. Ну, простимся.

— Прощайте, сухо произнесъ Бофинъ.

— Еслибъ я знала, которая изъ вашихъ рукъ менѣе испорчена, то я попросила бы позволенія дотронуться до нея въ послѣдній разъ. Но это не потому, чтобы я раскаявалась въ томъ, что̀ вамъ сказала. Нѣтъ, я не раскаяваюсь—я сказала правду.

— Попробуйте лѣвую, сказалъ Бофинъ, принужденно протягивая руку:—она менѣе въ употребленіи.

— Вы были удивительно добры ко мнѣ, промолвила Белла:— и за это цалую вашу руку; но вы худо, какъ хуже нельзя обошлись съ Роксмитомъ, и я за это бросаю вашу руку. Благодарю васъ за себя и прощайте.

— Прощайте, повторилъ почти машинально Бофинъ.

Белла схватила его за голову и поцаловала. Черезъ секунду ея уже не было въ комнатѣ.

Она прямо побѣжала наверхъ, и опустившись на полъ въ своей комнатѣ, наплакалась вдоволь. Но день уже клонился къ вечеру и ей нельзя было терять ни минуты. Открывъ всѣ шкапы, она поспѣшно выбрала только тѣ вещи, которыя принесла съ собою изъ дому, и связала ихъ въ узелъ, чтобъ послѣ прислать за нимъ.

— Я не возьму другихъ вещей и оставлю здѣсь всѣ подарки, рѣшила она мысленно, и чтобъ строго привести въ исполненіе эту рѣшимость, даже перемѣнила платье и надѣла то самое, въ которомъ вошла въ домъ Бофиновъ. Даже шляпку отыскала ту самую, въ которой она сѣла въ бофинскій экипажъ въ Галовеѣ.

— Теперь я готова, сказала она вслухъ:—конечно, трудненько разставаться со всѣмъ, ну, да, я уже умыла глаза холодной водой, не надо болѣе плакать. Прощай, милая комната, мнѣ тутъ было хорошо. Прощай, мы съ тобой никогда болѣе не увидимся.

Сдѣлавъ ручкой поцалуй, она вышла изъ комнаты и тихонько стала спускаться по лѣстницѣ, прислушиваясь не идетъ ли кто изъ слугъ. Къ ея счастью, она ни съ кѣмъ не повстрѣчалась и безопасно достигла парадныхъ сѣней. Дверь въ комнату секретаря была открыта настежъ, и Белла, заглянувъ въ нее, поняла по пустотѣ, въ ней царствовавшей, что Роксмитъ уже удалился навсегда изъ этого дому. Тихонько открыла она наружную дверь, тихонько вышла на улицу и, обернувшись, горячо поцаловала де-

Digitized by Google

ревянную, безчувственную дверь. Потомъ бѣгомъ пустилась она по тротуару, и только достигнувъ слѣдующей улицы, пошла потише.

— Я хорошо сдѣлала, что такъ круто повернула! мысленно произнесла она, съ трудомъ переводя духъ:—еслибъ я позволила себѣ еще поплакать, это бы никогда не кончилось. Ну, милый мой, дорогой папа, ты теперь неожиданно увидишь свою красавицу.

XVI.

Пиръ трехъ призраковъ.

Сити въ то время, какъ Белла торопливо шла по его грязнымъ улицамъ, представляла не очень привлекательное зрѣлище. Большинство денежныхъ мельницъ слабо, медленно поводило крыльями или совсѣмъ уже прекратило свою работу. Хозяева-мельники разъѣхались во всѣ стороны, а простые работники собирались сдѣлать то же. Всѣ улицы и дворы, столь оживленные нѣсколько часовъ тому назадъ, теперь безмолвствовали въ какомъ-то припадкѣ утомленія, и самая мостовая, казалось, тяжело переводила духъ послѣ шума и топанія мильона ногъ. Необходима тишина цѣлой, долгой ночи, чтобъ заглушить совершенно послѣднее эхо дневной, безумной суматохи; и потому теперь еще въ воздухѣ какъ-бы раздавался шумъ только что умолкшихъ денежныхъ мельницъ, и царствовавшая тишина болѣе походила на агонію изнеможеннаго гиганта, чѣмъ на отдыхъ живаго существа, собирающаго силы на новую дѣятельность.

Если Белла и подумала, смотря на могущественный банкъ, какъ хорошо было бы покопаться въ его грудахъ денегъ, она все же не находилась въ прежнемъ своемъ корыстномъ настроеніи. Много исправившись въ этомъ отношеніи, она, напротивъ, тѣшила свое воображеніе совершенно новыми блестящими образами, въ которыхъ не было и тѣни золота. Такимъ образомъ она наконецъ достигла Минеж-Лэна, гдѣ контору Чиксей, Винирингъ и Стобльсъ указала ей пожилая женщина, вышедшая изъ сосѣдняго кабачка и объяснившая, несмотря на ея влажныя губы, что она заходила туда только чтобъ узнать, который часъ. Контора находилась въ нижнемъ этажѣ, и Белла остановилась въ раздумьѣ, какъ ей войти и спросить Реджинальда Вильфера, когда вдругъ она увидѣла у окна самого Реджинальда Вильфера, собиравшагося закусить. Подойдя ближе, Белла разглядѣла, что эта закуска состояла изъ кружки молока и небольшого хлѣбика. Въ ту же почти минуту, какъ

Digitized by Google

она узнала отца, и отецъ ее узналъ и воскликнулъ отъ удивленія на всю улицу: — вотъ тебѣ на!

Вслѣдъ за этимъ, онъ какъ былъ безъ шляпы, вылетѣлъ на улицу, и обнявъ Беллу, ввелъ ее въ контору.

— Занятія всѣ кончены и я теперь одинъ, моя милая, объяснилъ онъ:—какъ всегда, распиваю на свободѣ свой вечерній чай.

Белла, окинувъ контору какимъ-то страннымъ взглядомъ, словно она была темницей, а отецъ ея—заключеннымъ, бросилась къ нему на шею и долго прижимала его въ своихъ объятіяхъ.

— Меня никогда въ жизни ничто такъ не удивляло, моя милая; я никакъ не могъ повѣрить своимъ глазамъ; я думалъ, что въ нихъ двоится. Подумать только, что ты прошла пѣшкомъ нашъ переулокъ? Отчего ты не прислала за мной человѣка?

— Я безъ лакея, папа.

— Неужели! но гдѣ же ты оставила свою великолѣпную карету?

— Я не въ каретѣ.

— Не можетъ быть, чтобъ ты пришла пѣшкомъ?

— Да, папа.

Реджинальдъ Вильферъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ изумленіемъ, что Белла не рѣшилась ему прямо сказать, въ чемъ дѣло.

— Я дѣйствительно пришла пѣшкомъ, папа, и немного устала, почему съ удовольствіемъ выпила бы съ тобою чаю.

На окнѣ лежалъ небольшой хлѣбъ и стояла кружка молока; подлѣ же лежалъ перочинный ножъ съ маленькимъ ломтемъ хлѣба на немъ, ибо въ ту минуту, какъ Реджинальдъ увидѣлъ свою дочь, онъ принялся рѣзать хлѣбъ. Белла взяла этотъ кусокъ хлѣба и молча положила его въ ротъ.

— Милое дитя мое! воскликнулъ Вильферъ, продолжая смотрѣть на нее съ удивленіемъ: — какъ странно думать, что ты раздѣляешь мою скромную пищу. По крайней-мѣрѣ, позволь мнѣ принести тебѣ особенный хлѣбикъ и кружку молока. Лавка тутъ напротивъ, и я мигомъ сбѣгаю.

Несмотря на всѣ просьбы Беллы, онъ съ прежней быстротой вылетѣлъ изъ комнаты и черезъ минуту возвратился съ новымъ запасомъ пищи.

— Милое дитя мое, промолвилъ онъ, ставя передъ ней молоко и хлѣбъ: — какъ странно, чтобъ такая великолѣпная... и онъ вдругъ остановился, взглянувъ на свою дочь.

— Что съ тобой, папа?

— Ничего. Скажи, это новое платье на тебѣ? спросилъ онъ, пристально смотря на нее.

— Нѣтъ, старое, папа; развѣ ты его не помнишь?

Digitized by Google

— То-то, мнѣ кажется, что я его помню.

— Какъ же тебѣ не помнить, когда самъ его покупалъ?

— Да, и мнѣ также казалось, что я самъ его покупалъ, замѣтилъ Херувимъ.

— И ты такой сталъ непостоянный, что теперь тебѣ не нравится то, что̀ прежде было по вкусу.

— Нѣтъ, не то, моя милая, отвѣчалъ онъ, съ трудомъ глотая кусокъ хлѣба, который за минуту передъ тѣмъ положилъ себѣ въ ротъ: — но при настоящихъ обстоятельствахъ платье это не довольно великолѣпно.

— Итакъ, папа, сказала Белла, садясь рядомъ съ нимъ: — ты часто здѣсь пьешь чай одинъ одинёхонекъ? я тебѣ не помѣшаю, если обниму тебя, милый, добрый папа?

— Да и нѣтъ. То-есть да, на первый вопросъ, и нѣтъ на второй. Что жь касается до того, что я здѣсь пью чай одинъ одинехонекъ, то это чрезвычайно пріятно, ибо трудно было бы отъ конторскаго шума и съ суеты прямо перейти къ твоей матери, которая иногда ужь черезчуръ надоѣдаетъ.

— Я знаю, папа.

— Поэтому-то, моя милая, я и люблю провести нѣсколько часовъ здѣсь тихо и спокойно между дневными трудами и семейнымъ...

— Счастьемъ, подсказала съ грустной улыбкой Белла.

— Да, семейнымъ счастіемъ, повторилъ ея отецъ, очень довольный, что нашлась такая приличная фраза.

— И въ этой-то мрачной, скучной темницѣ, ты проводишь все время, когда ты не дома, бѣдный папа? сказала Белла, цалуя его.

— Да. Я здѣсь всегда, исключая то время, когда я дома, иду изъ дому, или возвращаюсь домой. Ты видишь конторку въ томъ углѣ?

— Въ самомъ темномъ, дальнемъ углѣ и конторка хуже всѣхъ другихъ.

— Неужели тебѣ такъ кажется? это моя конторка. Ее всѣ зовутъ жердочкой Румти.

— Чьей жердочкой? спросила Белла съ негодованіемъ.

— Румти. Видишь ты, эта конторка выше всѣхъ и при ней двѣ ступеньки, потому ее и прозвали жердочкой, а меня зовутъ Румти.

— Какъ они смѣютъ тебя такъ называть!

— Они такіе шутники, Белла, отвѣчалъ Херувимъ очень добродушно: — они всѣ моложе меня и вѣчно подымаютъ кого нибудь на смѣхъ. Да не все-ли равно, какъ они меня называютъ? вѣдь

Digitized by Google

тутъ нѣтъ ничего обиднаго — Румти, такъ Румти? Отчего же нѣтъ?

Пока онъ говорилъ, Белла раздумывала, какъ передать горестную вѣсть этому нѣжному, доброму существу, котораго она всегда, съ самаго дѣтства, несмотря на всѣ свои капризы, глубоко любила и уважала. Она чувствовала, что это была самая тяжелая задача изъ всѣхъ трудностей, чрезъ которыя она прошла въ этотъ день. «Лучше было бы ему сказать съ самаго начала», думала она: «онъ тогда возъимѣлъ какое-то сомнѣніе, а теперь успокоился и снова совершенно счастливъ. Какъ рѣшусь я его поразить такимъ неожиданнымъ ударомъ!»

Онъ снова принялся за свой хлѣбъ и молоко, а Белла обняла его еще крѣпче, и только что собиралась сказать ему очень нѣжно: «папа, милый папа, не отчаявайся, но я должна тебѣ сказать кое-что непріятное!» — какъ вдругъ Херувимъ воскликнулъ во все горло:

— Вотъ тебѣ на! Удивительно!

— Что, папа? спросила поспѣшно Белла.

— Да вотъ, мистеръ Роксмитъ идетъ!

— Нѣтъ, папа, не можетъ быть! воскликнула Белла, вспыхнувъ.

— Да посмотри сама.

Дѣйствительно, Роксмитъ нетолько прошелъ мимо окна, но влетѣлъ въ контору, и нетолько влетѣлъ въ контору, но видя что онъ одинъ въ комнатѣ съ Беллой и ея отцомъ, бросился къ молодой дѣвушкѣ, схватилъ ее въ свои объятія и пламенно, восторженно повторялъ: «моя милая, дорогая Белла, моя благородная, честная, храбрая, великодушная Белла!» Но этого мало, хотя и было чему подивиться; Белла, застѣнчиво поникнувъ головой на секунду, вдругъ гордо подняла ее и крѣпко прижалась къ мужественной груди Роксмита, словно это было ея любимое, вѣчное убѣжище.

— Я зналъ, что ты пойдешь къ нему, и послѣдовалъ за тобою, продолжалъ Роксмитъ тѣмъ же восторженнымъ тономъ. — Моя любовь! Моя жизнь! Ты моя?

— Да, я твоя, если ты думаешь, что я тебя достойна! отвѣчала Белла.

Онъ вмѣсто всякаго отвѣта еще крѣпче прижалъ ее къ своей груди, и она не сопротивлялась, а только плотнѣе прильнула къ нему, словно совершенно исчезла въ его мощныхъ объятіяхъ.

Херувимъ, котораго волоса едва не стали дыбомъ отъ этого изумительнаго зрѣлища, снова опустился на подоконникъ, съ котораго было-поднялся, увидѣвъ Роксмита, и вылупивъ глаза, безсознательно смотрѣлъ на свою дочь и бывшаго постояльца.

Digitized by Google

— Но мы должны подумать и о миломъ папѣ, воскликнула наконецъ Белла: — я еще ничего не сказала милому папѣ. Поговоримъ съ папой.

Съ этими словами они оба повернулись къ Херувиму, но онъ произнесъ слабымъ голосомъ:

— Вы прежде спрысните меня молокомъ, а то я чувствую, что упаду въ обморокъ.

Дѣйствительно добрый человѣчекъ готовъ былъ лишиться чувствъ, но Белла спрыснула его лицо не молокомъ, а поцалуями, молоко же дала ему выпить и отъ обоюднаго вліянія молока и ласокъ дочери, онъ вскорѣ совершенно оправился.

— Мы тебѣ, папа, все разскажемъ потихоньку, чтобъ тебя сразу не испугать, нѣжно сказала Белла.

— Милая моя, отвѣчалъ Херувимъ, добродушно смотря на нихъ обоихъ: — вы такъ много высказали въ первомъ порывѣ, что я, кажется, теперь въ состояніи все услышать разомъ безъ всякихъ приготовленій.

— Мистеръ Вильферъ, произнесъ Роксмитъ взволнованнымъ и радостнымъ голосомъ:—Белла не отвергаетъ меня, хотя у меня нѣтъ никакого состоянія, и даже въ настоящую минуту никакого занятія. Белла не отвергаетъ меня!

— Да, я самъ сообразилъ бы, милый мистеръ Роксмитъ, отвѣчалъ слабымъ голосомъ Херувимъ:—я бы самъ сообразилъ изъ всего видѣннаго мною, что Белла васъ не отвергаетъ.

— Ты не знаешь, папа! воскликнула Белла: — какъ я нехорошо съ нимъ обошлась.

— Вы не знаете, сэръ, произнесъ Роксмитъ: — какое у ней великолѣпное сердце!

— Ты не знаешь, папа, продолжала Белла:—какимъ я дѣлалась отвратительнымъ существомъ, когда онъ спасъ меня отъ меня самой.

— Вы не знаете, сэръ, замѣтилъ Роксмитъ: — какую жертву она сдѣлала ради меня.

— Милая Белла, сказалъ Херувимъ, все еще въ патетическомъ смущеніи: — и мой милый, Джонъ Роксмитъ, если вы позволите васъ такъ называть...

— Да, папа, называй его такъ! воскликнула Белла: — я позволяю тебѣ, а моя воля—ему законъ, не такъ ли, милый Джонъ Роксмитъ?

Столько прелестной застѣнчивости, любви, довѣрія и гордости звучало въ этихъ словахъ, въ которыхъ она впервые назвала его по имени, что Роксмиту было извинительно сдѣлать то,

Digitized by Google

что́ онъ сдѣлалъ, а именно: снова безумно сжать ее въ своихъ объятіяхъ.

— Я думаю, замѣтилъ Херувимъ: — что еслибъ вы усѣлись спокойно по обѣимъ сторонамъ меня, то мы скорѣе и проще объяснили бы все дѣло. Джонъ Роксмитъ только что замѣтилъ, что онъ не имѣетъ никакого занятія.

— Никакого, подтвердилъ Роксмитъ.

— Да, папа, никакого, прибавила Белла.

— Изъ чего я вывожу, что онъ оставилъ мистера Бофина, продолжалъ Херувимъ.

— Да, папа, и...

— Погоди, моя милая. Я хочу идти постепенно. Итакъ, значитъ, мистеръ Бофинъ обходился съ нимъ нехорошо?

— Онъ обошелся съ нимъ самымъ постыднымъ образомъ! воскликнула Белла, вся вспыхнувъ.

— Чего, продолжалъ Херувимъ, грозя знакомъ, чтобъ его не перебивали:—одна корыстолюбивая, молодая особа, и дальная моя родственница не могла одобрить? Прямо ли я веду къ цѣли?

— Не могла одобрить, милый папа, повторила Белла, смѣясь сквозь слезы и осыпая отца поцалуями.

— Вслѣдствіе чего эта корыстолюбивая молодая особа и дальняя моя родственница, замѣтивъ уже прежде, и передавъ мнѣ, что богатство испортило Бофина, почувствовала, что она не должна продавать своего сознанія, что́ честно, и что́ безчестно, что́ хорошо, и что́ худо, что́ истинно, и что́ ложно—какую бы цѣну ей ни предлагали?

Белла снова поцаловала его сквозь слезы.

— И потому... и потому, торжественно произнесъ Херувимъ:— корыстолюбивая молодая женщина и дальняя моя родственница отказалась отъ предлагаемой ей цѣны, сняла модные, роскошные наряды и надѣла сравнительно бѣдное платье, которое я ей подарилъ, и надѣясь, что я поддержу ее въ правомъ дѣлѣ, пришла прямо ко мнѣ. Привелъ ли я къ цѣли?

Белла молча обняла его, и поцаловала.

— Корыстолюбивая молодая особа и моя дальняя родственница, сказалъ Херувимъ:—сдѣлала хорошо. Корыстолюбивая молодая особа и моя дальняя родственница не напрасно на меня надѣялась! Я болѣе уважаю корыстолюбивую молодую особу и мою дальнюю родственницу въ этомъ платьѣ, чѣмъ еслибъ на ней были китайскія шелковыя ткани, кашмировыя шали и всѣ брильянты Голконды. Я горячо люблю эту молодую особу, и говорю избранному ея сердца отъ всего моего сердца: «да будетъ мое благословеніе на вашъ союзъ, она приноситъ тебѣ завид-

Digitized by Google

ное состояніе, принося свою бѣдность, которую она предпочла ради тебя и честной правды».

Твердый голосъ маленькаго Херувима измѣнилъ ему, когда онъ подалъ руку Джону Роксмиту, и онъ замолчалъ, низко наклонивъ голову надъ плечомъ своей дочери. Но это продолжалось недолго. Онъ вскорѣ поднялъ голову и весело произнесъ:

— Ну, теперь, милое дитя мое, если ты можешь занять Джона Роксмита на минутку, я сбѣгаю въ лавку и принесу ему хлѣбикъ и кружку молока, чтобы мы могли всѣ вмѣстѣ пить чай.

Этотъ чай походилъ, по словамъ Беллы, на тотъ ужинъ, приготовленный для трехъ призраковъ въ лѣсномъ домикѣ, о которомъ говорится въ дѣтскихъ волшебныхъ сказкахъ, только съ тою разницею, что тутъ жалобно не кричали: «Кто-то выпилъ мое молоко». Никогда Белла, Джонъ Роксмитъ и Реджинальдъ Вильферъ не ѣли такъ хорошо; никогда, казалось, не бывало такого великолѣпнаго пира; странная обстановка, мрачная контора, желѣзный сундукъ, который выглядывалъ изъ темнаго угла, словно чудовищный звѣрь и все прочее, какъ-бы увеличивало еще удовольствіе.

— Подумать только, промолвилъ Херувимъ, окидывая радостнымъ взглядомъ всю контору:—чтобъ нѣчто столь нѣжное и радостное случилось здѣсь! Подумать, что я видѣлъ Беллу въ объятіяхъ ея будущаго мужа—здѣсь, въ этихъ мрачныхъ стѣнахъ.

Однако, мало-по-малу, когда весь хлѣбъ и все молоко было съѣдено и выпито и наступили сумерки, Херувимъ сталъ очевидно чего-то безпокоиться, и очень громко сказалъ Беллѣ:

— Гм! А ты подумала о твоей матери, моя милая?

— Да, папа.

— И о твоей сестрѣ Лави?

— Да, папа. Я полагаю, что намъ лучше дома не входить въ подробности всего дѣла, а только сказать, что я имѣла непріятность съ мистеромъ Бофиномъ, и оставила его домъ навсегда.

— Такъ-какъ Джонъ Роксмитъ знаетъ твою маму, моя радость, сказалъ Херувимъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ: — то я не совѣстясь могу сказать при немъ, что ты, вѣроятно, найдешь ее немного утомительной.

— Немного, терпѣливый папа! со смѣхомъ промолвила Белла.

— Ну, мы скажемъ по секрету между нами, что она просто утомительна, безъ эпитетовъ. И характеръ твоей сестры также можетъ утомить всякаго человѣка.

— Мнѣ все равно, папа.

— И ты должна приготовиться, мое сокровище, продолжалъ

Digitized by Google

ея отецъ очень нѣжно: — что у насъ въ домѣ все бѣдно, гадко, неспокойно, особливо въ сравненіи съ домомъ мистера Бофина.

— Мнѣ все равно, папа. Я въ состояніи перенести гораздо труднѣе испытанія — ради Джона.

Какъ тихо и застѣнчиво послѣднія слова ни были произнесены, Джонъ ихъ услыхалъ, и доказалъ это тѣмъ, что помогъ Беллѣ снова исчезнуть на мгновеніе въ его мощныхъ объятіяхъ.

— Ну, сказалъ Херувимъ, весело и ни мало не порицая смѣлыхъ эволюцій своей дочери: — когда ты, моя радость, воротишься на свѣтъ изъ своего счастливаго убѣжища, то пора бы намъ и двинуться въ путь.

Никогда контора Чиксей, Венирингъ и Стобльсъ не закрывалась на ночь такими тремя счастливыми людьми, какъ въ этотъ памятный день. Впрочемъ, прежде чѣмъ выдти на улицу, Белла подбѣжала къ жердочкѣ Румти и вскарабкавшись на нее воскликнула:

— Покажи мнѣ, папа, что̀ ты тутъ дѣлаешь цѣлый день. Неужели все пишешь все такъ?—И она приложивъ свою пухленькую щечку къ лѣвой рукѣ, правой стала водить по бумагѣ вмѣсто пера, хотя спавшіе въ безпорядкѣ на лицо волосы не позволяли ей ничего видѣть. Конечно, она теперь далеко не походила на дѣлового писаря, но и въ этомъ видѣ Роксмитъ отъ души любовался ею.

Такимъ образомъ, уничтоживъ всѣ слѣды своего пира, три призрака вышли на переулокъ и повернули по направленію къ Галовею. Если два изъ этихъ призраковъ желали въ глубинѣ своей души, чтобъ разстояніе до дома было хоть вдвое длиннѣе, то третій скромный призракъ считалъ себя такой помѣхой къ счастью остальныхъ, что онъ даже замѣтилъ:

— Я полагаю, лучше будетъ, мои милые, если я пойду впереди васъ, и по другой сторонѣ улицы, словно я не принадлежу къ вамъ. — Онъ тотчасъ привелъ въ исполненіе свои слова, и, предшествуя счастливымъ влюбленнымъ, усыпалъ ихъ путь если не цвѣтами, то улыбками.

Было уже почти десять часовъ, когда они остановились въ виду вильферскаго замка, и тутъ, основываясь на томъ, что мѣсто было очень уединенное и пустынное, Белла начала цѣлую серію своихъ исчезновеній въ объятіяхъ Роксмита, которыя грозили никогда не кончиться во всю ночь.

— Я думаю, Джонъ, сказалъ наконецъ Херувимъ: — что если вы можете уступить мнѣ эту молодую особу и дальнюю мою родственницу, то пора намъ идти домой.

— Я не могу ее уступить, отвѣчалъ Джонъ:—но долженъ по

Digitized by Google

необходимости отдать вамъ временно на сохраненіе мою голубушку, мою радость!

Слова эти, конечно, произвели тотчасъ какъ-бы мановеніемъ волшебнаго жезла новое исчезновеніе Беллы.

— Ну, милый папа, промолвила она, являясь снова на свѣтъ:— дай руку и побѣжимъ скорѣе домой; вѣдь надо же это кончить. Ну, папа, разъ...

— Милая моя, замѣтилъ Херувимъ какимъ-то тревожнымъ голосомъ:—я только что хотѣлъ сказать, если твоя мать...

— Нечего тутъ говорить и терять понапрасно время, воскликнула Белла, выставляя изъ-подъ платья свою правую ножку: — вы видите это, сэръ? это барьеръ. Пожалуйте вы къ барьеру. Разъ, два, три и бѣжимъ, папа.

И она полетѣла, таща за собою Херувима, которому не позволила остановиться ни разу, пока они не достигли двери.

— Ну, милый папа, сказала она, позвонивъ въ колокольчикъ и крѣпко цалуя его въ обѣ щеки:—мы пришли.

Мисъ Лави открыла калитку въ сопровожденіи любезнаго кавалера и друга семейства, мистера Джорджа Сампсона.

— Не можетъ быть, что это Белла! воскликнула она съ удивленіемъ, отскочивъ назадъ, но черезъ секунду крикнула изо всей силы:—мама, Белла пріѣхала!

Вслѣдствіе этого ихъ встрѣтила на порогѣ дома мистрисъ Вильферъ съ ея обычно мрачно-церемоннымъ видомъ.

— Привѣтствую моего ребёнка, несмотря на неожиданное его посѣщеніе, сказала она, подставляя свою щеку, словно холодную аспидную доску для записыванія посѣтителей:—добро пожаловать и вы, Реджинальдъ Вильферъ, хотя вы очень поздно нынче явились. Слышитъ ли меня лакей мистрисъ Бофинъ?

Этотъ вопросъ былъ обращенъ въ мрачное пространство ночи, откуда долженъ былъ, по разсчету мистрисъ Вильферъ, придти и отвѣтъ.

— Никто меня не дожидается, милая мама, сказала Белла.

— Никто не дожидается? повторила торжественно мистрисъ Вильферъ.

— Нѣтъ, милая мама.

Дрожь, полная достоинства, пробѣжала по плечамъ и перчаткамъ мистрисъ Вильферъ, словно говоря: Вотъ загадка; и потомъ она торжественно повела все семейство въ гостиную, гдѣ замѣтила, обращаясь къ мужу:

— Если вы, Реджинальдъ Вильферъ, не взяли мѣръ по дорогѣ, чтобъ прибавить что нибудь къ нашему скромному ужину, то онъ

Digitized by Google

очень покажется невкуснымъ Беллѣ. Холодная телячья грудинка и латукъ не могутъ сравниться съ роскошью бофинскаго стола.

— Пожалуйста, не говорите такъ, мама, возразила Белла: — бофинскій столъ не имѣетъ ничего со мной общаго.

Тутъ мисъ Лавинія, пристально смотрѣвшая все это время на шляпку Беллы, перебила ее восклицаніемъ:

— Какъ!

— Да, Лави, я знаю.

Но Лавинію нельзя было ничѣмъ угомонить, и наклонившись чтобъ хорошенько разглядѣть платье, бывшее на Беллѣ, повторила тоже:

— Какъ!

— Да, Лави, я знаю, что̀ на мнѣ надѣто. Я только что хотѣла сказать мама, что я оставила Бофиновъ навсегда и воротилась снова домой.

Мистрисъ Вильферъ не сказала ни слова, и молча посмотрѣвъ на свою дочь впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, торжественно опустилась на диванъ, словно мерзлый поросенокъ на русскихъ рынкахъ.

— Короче сказать, милая мама, прибавила Белла, снимая свою шляпку и стряхивая волоса: — я имѣла непріятное столкновеніе съ мистеромъ Бофиномъ по поводу его несправедливаго обращенія съ однимъ изъ живущихъ въ домѣ, и теперь между нами все кончено.

— И я считаю себя обязаннымъ сказать, моя милая, замѣтилъ Реджинальдъ Вильферъ очень покорнымъ тономъ: — что Белла вела себя въ этомъ дѣлѣ поистинѣ мужественно и благородно. И потому я надѣюсь, что это васъ не очень поразитъ.

— Джорджъ, произнесла мисъ Лави мрачнымъ, замогильнымъ голосомъ, перенятымъ у матери: — Джорджъ Сампсонъ, скажите, что̀ я вамъ говорила объ этихъ Бофинахъ.

Мистеръ Сампсонъ, боясь, что вспомнитъ изъ всего слышаннаго именно не то, что̀ нужно, очень осторожно произнесъ:

— Да.

— Да! я сказала Джорджу Сампсону, какъ вы слышите отъ самаго Джорджа Сампсона, что эти проклятые Бофины непремѣнно поссорятся съ Беллой, какъ только минетъ прелесть новинки. Сдѣлали они это или нѣтъ? Была ли я права или нѣтъ? Что̀ ты скажешь намъ теперь, Белла, о своихъ Бофинахъ?

— Лави и мама, сказала Белла: — я скажу о мистерѣ и мистрисъ Бофинъ то, что̀ я всегда говорила о нихъ; но сегодня меня ничто не заставитъ спорить или браниться съ кѣмъ нибудь изъ васъ; я надѣюсь, что вамъ ненепріятно меня видѣть,

Digitized by Google

мама, продолжала она, цалуя мистрисъ Вильферъ: — и ты тоже, я надѣюсь, меня видишь безъ горечи, Лави, прибавила она, также цалуя ее: — но вонъ на столѣ лежитъ латукъ, о которомъ мама говорила я сдѣлаю салатъ.

И Белла шутя принялась за работу; мистрисъ Бофинъ зорко слѣдила за нею и въ ея блестящихъ глазахъ и выразительномъ лицѣ можно было ясно прочесть наставленіе Беллѣ не класть уксусу въ саладъ. Но ни одного слова не произнесли торжественно сомкнутыя уста полной достоинства матроны. Это молчаніе было для ея бѣднаго мужа гораздо страшнѣе самаго гнѣвнаго краснорѣчія.

— Ну, мама, воскликнула вскорѣ Белла: — саладъ готовъ и уже давно пора ужинать!

Мистрисъ Вильферъ встала, но молча.

— Джорджъ! произнесла мисъ Лавинія: — стулъ мамѣ! Мистеръ Сампсонъ бросился со стуломъ къ мистрисъ Вильферъ, и почтительно слѣдуя за нею, подставилъ ей стулъ, когда она подошла къ столу.

Усѣвшись, она такъ пристально посмотрѣла на мистера Сампсона, что тотъ въ смущеніи поспѣшно воротился на свое мѣсто.

Херувимъ, не смѣя прямо обращаться къ своей грозной женѣ, прибѣгалъ къ помощи другихъ людей; такъ онъ во время всего ужина говорилъ: «милая Белла, передай телятину твоей мамѣ» или «Лави, твоя мама вѣрно поѣла бы саладу, еслибъ ты ей положила». Мистрисъ Вильферъ принимала все, что̀ ей подавали, какимъ-то окаменѣлымъ, безчувственнымъ образомъ и точно также ѣла, повременамъ кладя на столъ ножикъ и вилку и пристально устремляя глаза на одного изъ присутствовавшихъ, словно спрашивая: что̀ это я дѣлаю?

Мисъ Лавинія обходилась удивительно любезно съ мистеромъ Сампсономъ, и вскорѣ нашла случай объяснить сестрѣ, почему произошла такая перемѣна.

— Не стоило тебя безпокоить пустяками, Белла, сказала она:— пока ты находилась въ сферѣ, столь отдаленной отъ твоего семейства, что не могла интересоваться ничѣмъ касающимся твоихъ семейныхъ; но теперь я должна тебѣ сказать, что Джорджъ Сампсонъ мой женихъ.

Белла отвѣчала, что очень рада это слышать, а мистеръ Сампсонъ покраснѣлъ, и полагая необходимымъ выказать чѣмъ-нибудь свои права жениха, обнялъ мисъ Лавинію за талію, но по несчастью подъ руку ему попалась огромная булавка, и онъ, вскрикнувъ, отшатнулся назадъ, такъ что мистрисъ Вильферъ обратила на него свой проницательный, блестящій взглядъ.

Digitized by Google

— Дѣла Джорджа идутъ очень хорошо, и вѣроятно наша свадьба будетъ на дняхъ, продолжала Лавинія: — я не хотѣла говорить тебѣ объ этомъ, когда ты была у мистера и мистрисъ Вофинъ; но теперь я, какъ сестра, должна была тебѣ сказать.

— Благодарствуй, милая Лави, и прими мои поздравленія.

— Благодарствуй, Белла. По правдѣ сказать, мы разсуждали съ Джорджемъ, говорить ли тебѣ или нѣтъ, и я сказала, что ты вѣроятно не будешь интересоваться такими пустяками.

— Ты очень ошибалась, Лави, отвѣчала Белла.

— Такъ выходитъ, отвѣчала мисъ Лавинія: — но вѣдь обстоятельства измѣнились. Джорджъ получилъ новое мѣсто и находится теперь въ очень хорошемъ положеніи. Я бы не имѣла довольно смѣлости сказать тебѣ о нашей свадьбѣ вчера, когда его судьба еще не измѣнилась, но сегодня чувствую себя совершенно смѣлой.

— А когда ты чувствовала себя застѣнчивой? спросила Белла съ улыбкой.

— Я не сказала, что когда нибудь чувствовала себя застѣнчивой, отвѣчала Лави:—но я бы могла сказать, еслибъ меня не удерживала деликатность въ отношеніи къ сестрѣ, что я въ послѣднее время чувствовала себя слишкомъ независимой и гордой, чтобъ позволить смотрѣть свысока на моего жениха. (Не дѣлай этого, Джорджъ, ты опять уколишься). Не то, чтобъ я тебя стала упрекать, еслибъ ты смотрѣла на него свысока въ то время, когда разсчитывала на богатую и знатную партію—нѣтъ, но я слишкомъ была независима.

Вслѣдъ за этимъ, оскорбленная ли объявленіемъ Беллы, что она не станетъ ссориться, или взбѣшенная возвращеніемъ сестры, которая могла снова у ней отбить Сампсона, или уже она чувствовала необходимость непремѣнно съ кѣмъ-нибудь сцѣпиться— во всякомъ случаѣ она жестоко набросилась на торжественную, безмолвную фигуру своей матери.

— Мама, пожалуйста, не смотрите на меня такимъ образомъ, вы выведете меня изъ всякаго терпѣнія. Если вы видите у меня на носу черное пятно, то такъ и скажите; а если нѣтъ, то оставьте меня въ покоѣ.

— Ты со мною такъ говоришь? произнесла мистрисъ Вильферъ:—какъ ты смѣешь?

— Не говорите, мама, пожалуйста, о смѣлости. Дѣвушка, которая дожила до тѣхъ лѣтъ, что выходитъ замужъ, конечно, можетъ выразить свое нежеланіе, чтобъ на нее смотрѣли вылупя глаза.

— Дерзкая! промолвила мистрисъ Вильферъ:—твоя бабушка,

Digitized by Google

за такую грубость своей дочери, непремѣнно заперла бы ее въ темную комнату.

— Но, моя бабушка никогда не стала бы глазѣть вылупя глаза на кого бы то ни было, замѣтила очень спокойно Лави, торжественно скрестивъ руки на груди.

— Нѣтъ, стала бы.

— Очень жаль, возразила Лави:—если же она дѣйствительно запирала людей въ темныя комнаты, то ее самое надо было бы запереть въ сумасшедшій домъ! Я удивляюсь, отчего она не посылала людей лучше въ куполъ св. Павла?

— Молчать! торжественно произнесла мистрисъ Вильферъ:— я тебѣ приказываю молчать.

— А я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія замолчать, мама, отвѣчала рѣзко Лавинія:—но, напротивъ. Я не позволю, чтобъ на меня такъ смотрѣли, какъ будто я только что воротилась отъ Бофиновъ. Я не позволю, чтобъ на Джорджа такъ смотрѣли, какъ будто онъ тотчасъ возвратился отъ Бофиновъ. Если папа находитъ удовольствіе въ томъ, что на него смотрятъ словно онъ возвратился отъ Бофиновъ, то это его дѣло. А я не хочу, и не позволю.

Лавинія, такимъ образомъ, первая открыла огонь противъ Беллы, хотя и не прямо открыто: мистрисъ Вильферъ послѣдовала за нею.

— Ахъ ты, непослушный ребёнокъ! бунтовщикъ! Скажи мнѣ, Лавинія, еслибъ ты наперекоръ желаніямъ матери позволила Бофинамъ тебѣ покровительствовать, и потомъ воротилась бы домой изъ этихъ палатъ рабства...

— Какія пустяки, мама, перебила ее Лавинія.

— Что! произнесла мистрисъ Вильферъ серьёзнымъ тономъ.

— Палаты рабства вѣдь пустяки, ничего незначущая фраза, возразила ничѣмъ неукротимая Лави.

— Повторяю, дерзкій ребёнокъ, еслибъ ты пришла меня навѣстить изъ сосѣдства Портландской площади, изнемогая подъ бременемъ покровительства и въ сопровожденіи блестящихъ лакеевъ, то неужели, ты думаешь, мои чувства при этомъ выразились бы во взглядахъ?

— Я ничего не думаю, кромѣ того, что вамъ бы лучше обращаться къ лицу, которое причастно дѣлу, а не ко мнѣ.

— И еслибъ, не обращая вниманія на мои предостереженія въ томъ, что лицо мистрисъ Бофинъ дышетъ неимовѣрной злобой, ты привязалась бы къ мистрисъ Бофинъ, вмѣсто матери, и послѣ всего этого, ты воротилась бы домой, когда мистрисъ

Digitized by Google

Бофинъ тебя протнала бы и втоптала въ грязь—то неужели, ты думаешь, мои чувства могли бы быть выражены взглядами?

Лавинія только что хотѣла сказать, что она предпочла бы въ такомъ случаѣ обойтись безъ ея взглядовъ, какъ Белла, вставъ, сказала:

— Мама, я очень устала и пойду спать.

Вслѣдъ за этимъ и все пріятное общество разошлось. Мистеръ Джорджъ Сампсонъ вскорѣ простился и вышелъ въ сопровожденіи Лави; мистрисъ Вильферъ также удалилась спать, умывъ руки въ Бофинахъ на подобіе леди Макбетъ, а Реджинальдъ Вильферъ остался одинъ въ столовой посреди остатковъ ужина.

Онъ, бѣдный, погрузился въ очень грустныя размышленія, какъ вдругъ раздались шаги и въ комнату влетѣла Белла съ распущенными волосами и босая. Она не утерпѣла, чтобъ не проститься съ отцомъ и явилась въ такомъ видѣ съ щеткой въ рукахъ, которой она только что начала причесываться.

— Голубушка, ты безъ сомнѣнія красавица, сказалъ Херувимъ, гладя ея прелестные волоса.

— Знаете что̀, отвѣтила Белла:—когда твоя красавица выйдетъ замужъ, то она отрѣжетъ немного своихъ волосъ и сдѣлаетъ тебѣ снуровъ для часовъ. Пріятно ли было бы тебѣ имѣть такой сувениръ отъ красавицы?

— О, да, радость моя.

— Ну, такъ ты и получишь, если будешь себя хорошо вести. Я очень, очень сожалѣю, папа, что сдѣлалась причиною столькихъ непріятностей.

— Голубушка моя, отвѣчалъ простодушно ея отецъ:—не тревожься; объ этомъ, право, и не стоитъ говорить, ибо здѣсь всегда одно и то же, какія бы ни были обстоятельства. Если не за одно, то за другое, а твоя мать и сестра всегда находятъ случай браниться. Повѣрь мнѣ, мы никогда не нуждаемся въ предметѣ ссоры. Но я боюсь, Белла, что ты найдешь свою старую комнату съ Лави страшно неудобной?

— Нѣтъ, папа, мнѣ, право, все равно. А отчего мнѣ все равно, какъ ты думаешь?

— Ты, дитя мое, жаловалась на нее прежде, чѣмъ ты узнала лучшее, и потому, если тебѣ теперь все равно жить въ ней, то значитъ, ты очень исправилась.

— Нѣтъ, папа, просто потому, что я очень счастлива и благодарна.

Тутъ она обняла его и прижалась такъ близко къ его лицу своими волосами, что онъ чихнулъ; она, конечно, разсмѣялась,

Digitized by Google

онъ ей сталъ вторить и она была принуждена его снова задушить въ своихъ объятіяхъ, чтобъ ихъ никто не услыхалъ.

— Выслушайте меня теперь, сэръ, сказала она наконецъ: — вашей красавицѣ предсказали ея судьбу сегодня по дорогѣ домой. Судьба эта не будетъ очень богатая, ибо если милый красавицы получитъ мѣсто, на которое онъ надѣется, то она выйдетъ замужъ за полтораста фунтовъ ежегоднаго дохода. Но вѣдь это только для начала; впрочемъ, если и впослѣдствіи не прибавится, то красавица устроитъ такъ, что будетъ совсѣмъ довольно. Но это не все. Красавицѣ предсказали, что есть какой-то маленькій блондинъ, который вѣчно будетъ находиться близь красавицы, и она устроитъ для него въ своемъ маленькомъ домѣ такой покойный уголокъ, какого еще не бывало на свѣтѣ. Скажите мнѣ, сэръ, какъ зовутъ этого блондина?

— Онъ въ картахъ валетъ? спросилъ съ улыбкой Херувимъ.

— Да! воскликнула съ восторгомъ Белла, снова прижимая отца въ своихъ объятіяхъ: — милый папа, красавица намѣрена вполнѣ воспользоваться предсказанной ей судьбой и сдѣлаться лучшей женщиной, чѣмъ она была доселѣ. Отъ маленькаго блондина требуется теперь только, чтобъ онъ надѣялся на предсказанную судьбу красавицы, и въ трудныя минуты, когда уже станетъ очень тяжело, повторялъ бы себѣ: «я вижу наконецъ берегъ!»

— Я вижу наконецъ берегъ! повторилъ Херувимъ.

— Вотъ милый блондинъ, милый валетъ, воскликнула Белла, и выставляя впередъ свою голую ножку, прибавила: —это барьеръ. Подойдите къ барьеру, сэръ. Поставьте рядомъ свою ногу и смотрите, чтобъ во всю жизненную скачку намъ не разставаться. Ну, сэръ, вы можете теперь поцаловать вашу красавицу и она убѣжитъ счастливая, благодарная. Да, милый, маленькій блондинъ, она такъ счастлива, такъ благодарна!

Digitized by Google

О РУССКОМЪ ЛЮДѢ И РУССКОМЪ БЫТѢ.

ПУТЕВЫЯ МЕЧТЫ.

I.

Что можетъ сносить русская спина.

Хорошо иногда пронестись на перекладной тележкѣ по ровной, сухой дорогѣ, съ одного края Россіи на другой; сидишь свѣчкою день и ночь на своемъ чемоданчикѣ, готовый на перенесенье дождей и вѣтровъ, тележныхъ толчковъ и пыльнаго вихря. Голова такъ свѣжо и покойно работаетъ. Какъ-то особенно объективно оглядываешься на себя и свое недавно прошедшее, плодотворною мыслью быстро репетируешь свою жизнь и такъ легко вяжешь прошлое съ настоящимъ, настоящее съ будущимъ въ одно понятное и стройное цѣлое. Точь-въ-точь какъ художникъ, заработавшись надъ увлекшими его деталями картины, временами чувствуетъ нужду оторваться отъ нихъ, отойдти на нѣсколько шаговъ и обозрѣть свое созданье все вдругъ, заразъ, во всѣхъ его частностяхъ.

Чудная русской душѣ картина! Безбрежная, безшумная, бѣдная, ровная, грустно-безконечная... Стелется и щемитъ душу, какъ пѣсня, въ ней родившаяся. «Сторона моя, сторонушка!...» «У, Русь», крикнулъ ей Гоголь, съ своей тройки. «У, Русь», и не «о», не «а», а именно «у, Русь» хочется крикнуть всякому вслѣдъ за нимъ, когда созерцаешь ее на свободѣ, въ одиночку съ своею думою, и одна губернія за другою, одинъ городъ за другимъ, села за селами, версты за верстами—несутся тебѣ на встрѣчу. Въ этомъ грустномъ крикѣ какой-то обиженной ночной птицы выражается и столько чего-то, далеко убѣгающаго изъ глазъ, и столько чѣмъ-то испуганнаго! Колоритъ всего такой мягкій, полутуманный, меланхолическій; оттого онъ такъ гармониченъ.

Блѣдно-зеленыя поля, блѣдно-голубые и блѣдно-сѣрые дома, блѣдно-бѣлыя утреннія облака на блѣдно-голубомъ небѣ; избы, гумна, заборы, дороги, мужики и телеги—все одного общаго цвѣта, скуднаго и скромнаго, какого-то грязно-навознаго, словно изъ

Digitized by Google

робости сливающаго всѣ отдѣльные предметы въ одно. Безсильныхъ насѣкомыхъ и червяковъ благодѣтельная природа часто одаряетъ цвѣтомъ той среды, въ которой они живутъ. Кузнечикъ зеленъ какъ травяной листъ, и сколько есть гусеницъ, которыхъ не отличишь отъ сучка. За то же какъ ласкаетъ глазъ этотъ нехитрый тонъ, напоминающій собой неподражаемый колоритъ картинъ старинныхъ мастеровъ. Ничего рѣзкаго: ни дорогъ, геометрически правильныхъ, осаженныхъ деревьями, ни изгородей въ поляхъ, никакой яркости ни на землѣ, ни на небѣ. Все распалзывается, стушевывается, таетъ одно въ другомъ. Оттого, можетъ быть, и воспиталось въ русскомъ человѣкѣ чувство крайней невзыскательности къ красотамъ своей природы и къ своимъ развлеченьямъ. Намъ, неизбалованнымъ альпійскими водопадами и гротами Фингала, кажется раемъ райскимъ всякая березовая роща съ ея сухимъ зеленымъ ковромъ, съ ея плакучею листвою и живописными букетами бѣлыхъ стволовъ. Посмотрите, съ какимъ беззавѣтнымъ наслажденіемъ растянулись подъ этими прохладными зелеными шатрами, утомленные многодневнымъ пѣшеходствомъ, терпкіе русскіе солдатики, бредущіе на побывки. Компанія деревенскихъ старухъ и бабъ, возвращающихся, кто изъ Кіева, кто изъ коренской пустыни, разснастивъ свои удрученныя плеча, предается дешевой нѣгѣ скуднаго своего завтрака въ этой же самой душистой сѣни. Вотъ наши оазисы среди жаркихъ полей и пыльныхъ дорогъ. Но мало и ихъ у насъ, въ нашей безлѣсной хлѣбной полосѣ. Хорошо еще, если между скатами двухъ холмистыхъ полей, гдѣ нибудь въ глубокой щели, засядетъ кудрявая поросль орѣшинка, дубняка, осины. Ужь и это для насъ роскошь и красота. Крутыя дорожки змѣйками сползаютъ въ эти густо-заросшіе овражки, и сколько здѣсь готово радостей для дѣвокъ и дѣтей, которыя гурьбою ходятъ сюда черезъ узкія хлѣбныя межи—искать грибовъ и ягодъ. Вонъ уже свѣтятся между зеленью ихъ наивныя бѣлыя плахты, и видиѣются кузовки за спиною. Моя слѣпая нянька, доживая свое столѣтіе въ степной нашей деревушкѣ, съ такимъ еще живымъ чувствомъ сожалѣнья вспомнила о лѣсахъ своей тульской родины, объ этихъ походахъ за костиникою и опёнками. Барская усадьба, самая незатѣйливая, даже лишенная обыкновеннѣйшихъ удобствъ жизни, кажется нашему мужику уже богъ-знаетъ чѣмъ по одному тому, что крыша ея хоромъ деревянная, а не соломенная, и окрашена красною красною. И въ самомъ дѣлѣ, это диковина въ нашей черноземной равнинѣ, гдѣ все только солома «да лыко», да ракита. Тутъ и тесовая крыша съиграетъ роль гранитнаго замка.

Digitized by Google

Россія наша нетолько громаднѣе Европы вообще, но каждый отдѣльный шагъ ея кажется какъ-то громаднѣе всякаго другого шага. Нигдѣ я не видалъ такихъ откровенно распахнутыхъ, безмѣрныхъ горизонтовъ, какъ наши русскіе. Села вблизи и вдали, бѣлыя церкви, квадраты полей, сначала зеленые, потомъ синеватые, потомъ сѣроватые, скользящіе по скатамъ, карабкающіеся изъ овраговъ, стелящіяся скатертью «дороги», вьющіяся и ныряющія — такая широкая панорама. Пейзажей чисто-русской природы мало встрѣчается среди произведеній живописи. Можетъ быть, потому, что съ нея невозможно снять пейзажъ въ обыкновенныхъ границахъ живописной техники. Нужно безконечное полотно, чтобы изобразить эти безбрежныя перспективы во всей ихъ цѣлости. А дробить ихъ, воспроизводить отрывки такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо изобразить океанъ на четвертушкѣ бумаги или построить готическій соборъ въ аршинъ высоты. Во всѣхъ трехъ случаяхъ приходится упустить главную идею оригинала— *идею громадности.*

Эта идея громадности вселяетъ въ меня инстинктивное чувство непобѣдимости Россіи. Нѣтъ спора, что ее можно побѣдить много разъ, что ее даже побѣждали не разъ, но все-таки въ результатѣ она остается непобѣдимою. Она засосетъ въ себя, затеряетъ въ себѣ всякаго врага, какъ бы онъ ни былъ могучъ. Разъ нырнувъ въ ея глубь, почти невозможно вынырнуть. Орлы едва вырвались изъ ея хлябей, опозоренные и измученные. Ея омутъ страшенъ своею неисповѣдимостью. Впрочемъ—не знаю— кому она нужна или желательна? Она нужна и люба только себѣ одной; только ей одной здѣсь живется и можется.

Разныя силы бываютъ на свѣтѣ. Сила силѣ рознь. Сильна волна, разбивающая гранитъ, силенъ и гранитъ, выдерживающій волну. Наша русская сила не та активная, острая, энергическая сила, которая приводитъ въ движеніе другія силы, которая вліяетъ и измѣняетъ. Сила наша болѣе пассивная и инертивная, сила вѣчнаго пребыванья, своего рода косности. Не знаю—многіе ли изъ насъ уяснили себѣ эту неисчерпаемую стихійную силу нашу, которую обыденный языкъ выражаетъ словомъ «сносливость». По моему убѣжденію, сила эта составляетъ основу нашего народнаго характера, нашихъ успѣховъ и слабостей, стало быть, нашей исторіи. Не обративъ вниманія на эту коренную нашу силу, мы не въ состояніи будемъ объяснить себѣ весьма многихъ историческихъ и общественныхъ явленій.

Digitized by Google

Нельзя, напримѣръ, не сознаться, что въ настоящемъ своемъ состояніи русскій народъ почти во всѣхъ отношеніяхъ слабосильнѣе европейца, напримѣръ, француза. Рыцарское воодушевленіе француза въ бою, соединенное со всѣми техническими преимуществами военнаго устройства, съ лучшею пищею, лучшимъ оружіемъ — дѣлаютъ изъ французскаго солдата лучшаго воина Европы. Вообще говоря, его можно пока считать непобѣдимымъ. И, однако, мы, русскіе, не разъ побѣждали прекраснѣйшія французскія арміи, предводительствуемыя искуснѣйшими генералами, притомъ въ такія эпохи, когда одушевленіе національною славою удесятеряло силы француза. Чѣмъ это объяснить? Иногда, конечно, случайностями войны, ошибками вождей, количественнымъ перевѣсомъ, неудобствами мѣстности и т. п. Но отъ этихъ причинъ могъ зависѣть успѣхъ или неуспѣхъ только частныхъ дѣлъ, а не исходъ цѣлыхъ кампаній. Мнѣ кажется, что всему этому есть болѣе глубокая и общая причина, именно та безпримѣрная сносливость, которою отличается нашъ народъ. Ею онъ всегда возьметъ супротивъ иностранца. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ вы подѣлаете съ солдатомъ, который съ добродушнымъ спокойствіемъ можетъ лежать по нѣскольку мѣсяцевъ въ грязи траншей, погрызывая затхлый сухарь, прикрываясь отъ ядеръ и отъ дождей тою же самою своею родимою сѣрою шинелькой. Чуть не съ голымъ кулакомъ или, что̀ почти то же, съ своимъ тульскимъ ружьемъ, бросается онъ на штуцерныя пули, твердо вѣруя въ себя и свою землю, падаетъ, даже не увидѣвъ того врага, который бьетъ его съ безпощадною меткостью, а все-таки побѣдоносно машетъ своею шапкою и кричитъ свою неизмѣнную «уру». Тысячи храбрецовъ, безплодно падшихъ, остаются на мѣстѣ боя, позиція потеряна, а нашъ солдатикъ, отдыхая отъ битвы въ своей грязной ямкѣ, все еще норовитъ весь свѣтъ закидать шапками. «Прикажетъ царь — сейчасъ *у его* Севастополь отберемъ», съ лихою увѣренностью говорилъ мнѣ щедушный матросикъ съ оторванною рукою, возвращавшійся изъ Крыма послѣ сдачи южной стороны. Что̀ вынесъ русскій солдатъ въ своихъ севастопольскихъ блиндажахъ—весь міръ знаетъ. Днемъ бьется, ночью копаетъ рвы и набрасываетъ брустверы, все тою же терпкою мужицкою рукою.

Мужикъ нашъ на всякомъ шагу дѣлаетъ то же самое, что̀ съ бо̀льшимъ эфектомъ дѣлаетъ солдатъ въ нѣкоторыя роковыя минуты. Туда же за европейцемъ пробуетъ, не унываетъ, не перестаетъ вѣрить въ себя. Вонъ поглядите—копошится себѣ, какъ можетъ, даже надъ желѣзною дорогою; волочитъ какую-то неуклюжую, разсыпавшуюся тачку и думаетъ ею настлать полотно

Digitized by Google

подъ дорогу; издали глядѣть смѣхъ: десять-двадцать мужичонковъ, кое-какъ прикрытыхъ, кое-чѣмъ сытыхъ, съ кое-какими дрянными лопатишками, невыспавшіеся, истощенные, снуютъ и хлопочутъ на макушкѣ огромной горы, которую нужно срыть. И вѣдь все-таки что-нибудь сдѣлаютъ. У другихъ машины насыпаютъ землю, порохъ взрываетъ горы, заводы льютъ мосты черезъ пропасти, во всемъ облегченье и научное указанье, и всѣ средства подъ рукою. А у насъ все на одномъ несломимомъ мужицкомъ горбу, на одной мозолистой мужицкой рукѣ. Благо, и рукъ, и горбовъ довольно. Тачку по тачкѣ — скапываетъ гору, тачку по тачкѣ — засыпаетъ оврагъ. Плоха, да за то и дешева его работишка. Онъ не жалѣетъ своихъ мозолей; тыкаетъ себѣ лопатой куда сказано: въ камень — въ камень, въ грязь — въ грязь; когда нибудь уже одолѣетъ, не его вина, что онъ себѣ не придумалъ ничего удобнѣе. Вонъ, сидитъ онъ на шоссейной кучѣ, прямо на толченомъ булыжникѣ, не совсѣмъ мягкое креслецо — сидитъ, палимый прямо въ темя іюньскимъ жаромъ, наглотавшійся и набравшій во всѣ поры ѣдкой шоссейной пыли; сидитъ и постукиваетъ терпѣливо своею жалкою, коротенькою колотушкою по желѣзистымъ камнямъ, отъ которыхъ трещитъ даже его небалованная рука. Четвертакъ выработаетъ, поработавъ до зари — домой снесетъ; дома квасу съ лукомъ вдоволь нахлебается; вамъ, вѣрно, знакомъ этотъ квасъ, знаменитый русскій *суровецъ*, до такой степени похожій на грязную воду, что только евангельское простосердечіе русскаго бѣдняка могло наградить его особымъ именемъ. Англичанинъ бы постыдился налить такого квасу въ корыто своимъ свиньямъ.

Да, читатель, не балованъ тотъ народъ, который лакомится сырыми капустными кочерыжками, маковыми жмыхами, свербигою и брюквой, всѣмъ тѣмъ, что составляетъ обыденную пищу скота въ Западной Европѣ—который везетъ дѣтямъ въ гостинецъ съ ярмарки двухкопеечный ситникъ—который считаетъ праздничнымъ пиромъ, когда у него на столѣ стоитъ вареная баранина и штофъ водки. Пиры нашихъ сказочныхъ богатырей и вообще пиры древней Руси, о которыхъ иногда говоритъ исторія или пѣснь народная, надо понимать соображаясь съ настоящимъ понятіемъ русскаго мужика о пирѣ. «Во пиру я была, во похмѣльюшкѣ», съ увлеченіемъ поетъ наша молодайка или дѣвка. «Честнымъ пиркомъ, да за свадебку», говоритъ, благословляя чету, старый дѣдъ. Помню, какое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ «честный пирокъ», когда разъ ребёнкомъ пришелъ я съ братьями полюбоваться на свадебное торжество одного изъ нашихъ крестьянъ. Какъ ни хорошо сознавалъ я разницу между мужицкимъ и на-

Digitized by Google

шимъ собственно бытомъ, но все-таки ожидалъ, что для такой исключительной минуты мужикъ въ состояніи приготовить что-нибудь дѣйствительно праздничное. Я приблизился къ избѣ, около которой стояло штукъ пять грязныхъ телегъ, и въ окна которой смотрѣли полураздѣтые деревенскіе ребятишки; мужики входили въ хату спѣшно и серьёзно, какъ на весьма важное дѣло; дѣти подбѣгали и прорывались сквозь толпу съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ, указывали и разсказывали что-то. Тихонько прокрался я въ сѣни, къ раскрытымъ дверямъ хаты и заглянулъ туда. Въ тѣсной комнатѣ съ землянымъ поломъ и огромною печью, пропитанной запахомъ жженой соломы, водки и бараньихъ тулуповъ, стояла толпа пьяныхъ мужиковъ и бабъ. Мужики орали и обнимались, бабы въ бѣлыхъ платкахъ на головѣ и новыхъ армякахъ, красныя какъ свекла, сидѣли у стола по лавкамъ и пили водку изъ сквернаго зеленаго стаканчика; другія, помоложе, такія же красныя и потныя, въ желтыхъ и красныхъ сарафанахъ, визжали свадебныя пѣсни, то-есть *славили князя и княгиню*, а двѣ изъ нихъ, неуклюжія, толкались среди мужиковъ, топчась на одномъ мѣстѣ, выгибая руки и шеи; это были танцовщицы. Никто никого не слушалъ, и всѣ говорили разомъ. На столѣ въ деревянныхъ чашкахъ стоялъ творогъ со сметаною, баранина, какая-то мутная похлебка, лапша, щи и яичница. Старый хозяинъ, сіяющій самодовольствомъ, стоялъ надъ столомъ и просилъ гостей. У меня вдругъ сердце защемило такимъ инстинктивнымъ стыдомъ и жалостью, что я также тихонько выбрался изъ сѣней и побѣжалъ домой, въ тѣ хоромы, гдѣ каждый день подавался завтракъ, стоющій двухъ такихъ свадебныхъ пировъ, и гдѣ, конечно, никто не думалъ о томъ, что циплята каждаго нашего жарваго и масла всѣхъ нашихъ пирожныхъ, были отняты отъ свадебныхъ пирушекъ мужика. «Славно свадьбу справилъ Андрусовъ», разсказывали мнѣ вечеромъ горничныя дѣвушки: «три горячихъ подавалъ, всю деревню созвалъ; десять рублей ему стало». Неудивительно, что, пріученный мачихой-судьбою и мачихой-исторіей ко всякой скудости, русскій человѣкъ нетребователенъ въ своихъ вкусахъ и нечасто встрѣчаетъ обстоятельства, могущія его затруднить. Меньшаго *minimum*'а, чѣмъ онъ привыкъ получать, право, трудно найти. Нужно ему проѣхать пятьсотъ верстъ — онъ присядетъ на вашъ облучокъ, въ чемъ есть, тулупъ — въ тулупѣ, сюртукъ — въ одномъ сюртукѣ — и проспдитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, до мѣста своего назначенья, равнодушно подскакивая на толчкахъ, легонько пошевеливая плечами подъ дождемъ, да поклюкивая носомъ, когда одолѣетъ дремота. Онъ и не посмотритъ даже, на что сѣлъ, на дере-

Digitized by Google

винную ли грядку, на острый ли уголъ сундука, на мѣшокъ ли съ овсомъ. «Не жизть тутъ прожить, до Курска небось доѣду», хладнокровно говорилъ мнѣ одинъ такой молодецъ, котораго я *по своей милости* присадилъ къ себѣ на облучокъ отъ Тулы до Курска. Дѣло было зимою. Я поминутно кутался въ свою шубу, и ноги у меня заходились, несмотря на теплыя валенцы. А онъ, русскій человѣкъ, какъ сѣлъ, перекрестившись, на санную грядку, такъ и сидѣлъ, не моргая ни однимъ глазомъ, какъ деревянная колода, спустивъ внизъ ноги въ смазныхъ сапогахъ, и не пошевеливъ ими ни разу, словно онѣ были не его, или словно вмѣсто филиповокъ, на дворѣ стояли петровки. Даже досадно дѣлалось: глядитъ себѣ прямо противъ мятели, да только носомъ потягиваетъ. Прошу тутъ какому угодно американцу или французу сладить съ такимъ народомъ!

«Позвольте покричать, ваше благородіе», просится солдатикъ, которому докторъ рѣжетъ руку на перевязочномъ пунктѣ. Эти анекдоты не входятъ въ исторію, но, кажется, они удобно могли бы замѣнить разсказы о подвигахъ Сцеволъ и Коклесовъ. «Дѣдушка вашъ покойникъ, изволилъ тогда шибко осерчать», разсказывалъ мнѣ нашъ старый кучеръ: «изволилъ схватить съ крыльца мѣдную пушечку—у нихъ на именины завсегда, бывало, изъ пушечекъ паливали—да батюшку моего пушечкой этой и стали колотить; такъ батюшка даже къ забору прислонился, да только себѣ съ бока на бокъ покачивается».—«За что жь онъ его билъ?» спросилъ я.—«А не въ тверезомъ видѣ его нашелъ; шестерикъ надо было закладывать—ѣхать въ гости, а батюшка мой съ товарищами свечера еще ушелъ букрѣевскій кабакъ разорять; за углы вчетверомъ подняли кабакъ, да и завалили, всю ночь пьянствовали; послѣ ихъ всѣхъ дѣдушка вашъ приказалъ въ желѣзà заковать».—Хороша ручка, употребляющая вмѣсто хворостины мѣдную пушечку; хороши и бока, только что покачивающіеся отъ такой хворостинки; хороши и шутки, за которыя такъ хворостятъ! Одно другаго стоитъ. Немудрено, что такіе бока терпѣли по нѣскольку разъ встряски застѣнковъ, и такіе шутники не винились на колахъ. Въ этой сносливости, можетъ быть, кроется и историческая живучесть нашего народа. Какіе народы ни давили его въ свое время—и почти ни съ однимъ не могъ совладать онъ своею активною силою; обирали его печенеги и половцы, и потомъ татары; всякая азіятская сволочь приходила и грабила его. Съ Волги—казанскіе татары, изъ степей—крымскіе сколько лѣтъ мучили его; потомъ поляки, шведы, наконецъ французы. Всѣмъ уступалъ нашъ русскій: отъ кого откупался, отъ кого бѣжалъ, кому совсѣмъ поддался, но только съ

Digitized by Google

перваго разу всѣ поражали его. Полякамъ отдалъ царя и Москву, шведа пропустилъ отъ Финскаго залива чуть не до Чернаго моря, отъ французовъ попятился-было въ самую Сибирь, покинувъ даже бѣлокаменный Кремль. Словно, кромѣ ногъ и спины не находилось у русскаго человѣка никакого орудія обороны. Мавры были пострашнѣе татарской орды, и франки—не богъ-знаетъ какіе избранники въ средѣ европейскихъ племенъ, однако они съумѣли двинуть ихъ назадъ, откуда пришли; и это случилось далеко не въ XIII и не въ XVII вѣкѣ, а всего только въ VIII-мъ. Для человѣка, знакомаго съ отечественною исторіею нашею, кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, до какой степени слабы были тѣ силы, которыя находились въ историческомъ обращеніи у русскаго народа. И однако—чудная вещь—на глазахъ же историка происходитъ въ этой исторіи что-то необыкновенное, словно противорѣчащее само себѣ. Народъ, откупающійся отъ всякаго кочевника «данями многими», постоянно позоримый побѣдою надъ нимъ всѣхъ своихъ враговъ, народъ, ежеминутно «бредущій врознь» и покидающій свою землю, такъ часто видѣвшій пожаръ своей столицы, сердце земли своей, и врага, царящаго среди этихъ пожаровъ — этотъ народъ въ концѣ концовъ все-таки живъ и здоровъ, и столица его красуется, и земли бывшихъ господъ его давно стали его владѣньемъ, а сами бывшіе господа—его рабами. Его давили—онъ терпѣлъ и росъ; его разрывали — каждая оторванная часть выживала и крѣпла. Исторія вымучила изъ него терпимаго мученика, котораго, какъ говорится, не беретъ ни топоръ, ни веревка, который въ огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ. Какъ его ни швыряй — онъ все на ноги становится. Другіе, казалось, посильнѣе его, давно уходили себя, разорили и доконали другъ друга, а онъ себѣ все живетъ помаленьку.

Живетъ и ждетъ, должно быть, своей очереди; что̀ попалось ему въ лапы подъ добрую минуту, то̀ онъ умѣетъ держать и не скоро дастъ вывернуть у себя. Онъ крѣпокъ именно отсиживаньемъ. Это замѣчали даже старые враги его, нелюбившіе поэтому осаждать русскихъ крѣпостей.

Хотя многоуважаемый историкъ нашъ и наслѣдилъ въ древнерусской жизни присутствіе сильно развитого элемента удали, той силушки, которая по жилочкамъ живчикомъ переливается, отъ которой молодцу было «грузно, какъ отъ тяжелаго беремени»— однако трудно повѣрить, чтобъ это явленье дѣйствительно достигало у насъ когда нибудь подобныхъ размѣровъ. Чуется, что это не нашъ, нерусскій элементъ. Отъ Мстиславовъ-Удалыхъ все еще нѣсколько пахнетъ норманскимъ витаземъ, или крестонос-

Digitized by Google

нымъ рыцаремъ. Наши родные князья — Боголюбскіе, Калиты, Иваны третьи, терпѣливые, выносливые, улучающіе время. У насъ, пожалуй, и Бову королевича, и царя Гвидона, и Францылъ-Венеціана записали въ русскіе. Бо́льшая часть нашихъ богатырей настолько же русскіе, насколько былъ русскимъ Святославъ Игоревичъ, ходившій въ Болгары. Удаль во всякомъ случаѣ держалась только по окраинамъ Руси, гдѣ сильнѣе дѣйствовали иноземные элементы, а не въ гнѣздѣ Московіи. Скудный и скромный народъ нашъ еще на зарѣ своихъ дней мирно отступалъ отъ всего, противъ чего требовалась борьба, и недаромъ нарочно искалъ себѣ въ данники лапотниковъ. Оттого же онъ охотнѣе якшался съ безсильными кочевниками и разными азіятскими ханствами, чѣмъ съ сосѣдними Цесарями. Его раннія завоеванія направляются къ бѣломорскимъ тундрамъ, къ пустынному Уралу, къ Барабинской степи. Онъ засѣдлывалъ черемиса и вогула, но робко отодвигался отъ желѣзныхъ ливонскихъ рыцарей.

II.

По поводу почтарей.

Перекладная можетъ имѣть немалое значеніе въ самовоспитаніи человѣка. Чтобы потрястись на ней нѣсколько дней и ночей сряду, право, нужно имѣть много душевныхъ и физическихъ доблестей. Невольно разовьется духъ самодѣятельности и сильное индивидуальное чувство въ одиновой борьбѣ съ различными враждебными вліяніями, не за принципъ, не за человѣчество, а за свои собственныя печенки. Это не мальпостъ, не вагонъ желѣзной дороги, гдѣ вы вручаете себя и свои пожитки какой-то дѣятельной, вамъ невѣдомой, махинаціи, и дремлете въ бездѣйствіи дни за днями, ночь за ночью, безсильный остановить, измѣнить, замедлить роковое движеніе, продавъ свою волю и тяготясь своею энергіею. Вы знаете навѣрное, что все исполнится безъ вашего вмѣшательства въ строго-опредѣленный срокъ, съ строго-опредѣленною точностью, такъ, какъ будто бы вы сами были простая пачка товару, пересылаемая изъ одного города въ другой. Нѣтъ, на перекладной вы ведете постоянную борьбу; эта борьба безпрестанно измѣняетъ свой характеръ и размѣры; она проходитъ всѣ ступени отъ коварно-нѣжныхъ увѣщаній до лаконическаго тычка сапогомъ въ спину. Кромѣ знанія человѣческаго сердца и наблюдательности, для перекладной необходимъ грозный голосъ и ремень для стягиванья тальи; послѣднее для того «чтобы нутро не болталось», какъ объяснилъ мнѣ староста.

Digitized by Google

Пустая, повидимому, разница въ вашемъ голосѣ, жестѣ, даже въ дорожной одеждѣ вашей значительно вліяетъ на ваше положеніе. Если вы болѣе наклонны къ мѣрамъ кротости и имѣете любящій нравъ, то вы, естественно, начнете усовѣщевать ямщика: сошлетесь на офицера, обогнавшаго васъ, но выѣхавшаго послѣ васъ; напомните о двѣнадцати обязательныхъ верстахъ въ часъ, о платѣ на водку. Я предупреждаю васъ, что вы совершите очень грустную ошибку. Какъ только ямщикъ замѣчаетъ, что вы *доказываете а не приказываете*, такъ онъ начинаетъ презирать васъ, ни во что не ставитъ ваши резоны, не спрашивая вашего позволенія, закуриваетъ трубочку, пуская вамъ въ глаза дымъ махорки, и, пожалуй еще, прехладнокровно попроситъ у васъ сѣрничка или папироски. «Не военный и не по казенной надобности!» скажетъ онъ себѣ въ умѣ. Тонкость ямщичьяго такта доходитъ до того, что онъ дѣлаетъ разницу даже между такими сродными восклицаньями, какъ просто: *пошелъ!* и «пошелъ, братъ!» — «Пошелъ, братъ, пошелъ!» скажете вы, желая смягчить вставкою «братъ» рѣшительность вашего приказанья. «Но-о! потрогивай!» отвѣтитъ на это ямщикъ, приглашая своихъ лошадей уступить вамъ только слегка, и какъ-бы изъ приличія. Выгоднѣе всего совершенно неожиданно и сурово, и какъ можно громче крикнуть просто: *пошелъ!* Почтарь непремѣнно вздрогнетъ и погонитъ лошадей, ибо онъ такъ давно привыкъ инстинктомъ сочетать съ этимъ рѣзкимъ возгласомъ скверный толчокъ въ спину офицерскаго сапога, что сразу не сообразитъ: грозитъ-ли ему это сочетанье въ настоящихъ обстоятельствахъ. Послѣ уже, проскакавъ нѣсколько верстъ, онъ позволитъ себѣ оглянуться на васъ съ боязливымъ любопытствомъ, увидитъ вмѣсто свирѣпаго воина вашу гражданскую физіономію, и съ чувствомъ отраднаго облегченья, спокойно и сонливо вытянетъ свое унылое: *но-но-о!* какъ покрикиваютъ долгіе извощики, тащась шажкомъ наизволо̀къ.

Практически заинтересованный въ близкомъ знакомствѣ съ почтарями, я дѣлалъ надъ ними физіологическіе этюды впродолженіе всего пути. Я замѣтилъ четыре господствующихъ типа почтарей: вопервыхъ, почтарей-стариковъ, терпкихъ, безмолвныхъ, хорошо правящихъ лошадьми, хорошо знающихъ дорогу, воспитанныхъ въ спартанской школѣ фельдьегерства и ремонтерства, и доступныхъ въ значительной мѣрѣ угрозамъ. Вовторыхъ, почтарей-кутилъ, лихихъ, краснорожихъ мужиковъ въ ухарскихъ шапкахъ, въ изодранныхъ тулупахъ, ѣдущихъ безъ всякаго вниманія къ дорогѣ, лошадямъ и сѣдоку, криво и косо, по рвамъ и колчужкамъ, свистящихъ, поющихъ, болтающихъ. Третій типъ — самый противный; это большею частью парни молодые, но кисляки,

Digitized by Google

безъ всякой душевной и физической дисциплины, потерявшіе духъ, преданіе и сноровку почтарства, носящіе вмѣсто гречишниковъ съ павлиными перьями, ваточные лакейскіе картузы, вмѣсто армяковъ—какіе-то дьячковскіе халаты, зябкіе, трусливые, сонливые, сгорбленные. Они вѣчно останавливаютъ тройку для какихъ-нибудь поправокъ, и почти не издаютъ звука всю дорогу. Ночью и въ дурную погоду они жалуются, охаютъ и сбиваются съ пути. Лошади у нихъ всегда скверныя, и на нихъ самихъ не подѣйствуете ни самолюбіемъ, ни деньгами, ни угрозами. Эта дрянь на столько современна, чтобъ не бояться вашихъ угрозъ, но слишкомъ вяла, чтобы прельститься лихостью ѣзды, и слишкомъ труслива, чтобы рискнуть заработать деньгу, подстегнувъ лошадей немного шибче обыкновеннаго. Больше всего мнѣ по душѣ четвертый видъ почтарской расы: почтари-ребятишки. Одушевленные дѣтскимъ чувствомъ отваги, они сами собою, безъ всякаго возбужденія съ вашей стороны, единственно изъ желанія показать вамъ — какіе они молодцы, даромъ, что маленькіе — всячески услаждаютъ вамъ путь. Въ глухую дождливую ночь, когда самые истые ямщики мрачно кутаются въ армяки, и безмолвно стегаютъ лошадей, мальчишка-почтарь веселъ и оживленъ, какъ птица. Онъ свиститъ на всѣ свисты, хвастаясь передъ вами, выкрикиваетъ всѣ подмѣченныя имъ присказки, ухарски заламываетъ на ухо свою живописную шапочку, скачетъ на перегонки съ нагоняемыми шестериками, тройками и парами, затрогиваетъ и остритъ надъ всякимъ проѣзжимъ мужикомъ. Лошади его такъ же веселы, какъ и онъ самъ, какъ счастливый сѣдокъ, которому онъ попался.

Странная бываетъ у насъ двойственность отношеній! На то именно болѣе всего негодуешь, что́ тебѣ особенно дорого. Въ сущности, тутъ и страннаго ничего нѣтъ: скорбь и досада естественны только въ интересахъ, дѣйствительно близкихъ сердцу. Чужое нетрудно расхвалить и преувеличить для какой-нибудь своей цѣли, потому что дорожишь не чужимъ, а именно этою цѣлью. Свое бранишь оттого, что хочешь видѣть его свободнымъ отъ недостатковъ, что страдаешь его проказами, и надѣешься на ихъ излеченіе. Безъ любви и надежды не стали бы мы браниться. Безъ желанія добра своему — не стали бы превозносить чужаго. Богъ съ нимъ со всѣмъ, если оно вполнѣ безполезно для насъ, какъ бы оно ни было прекрасно.

Жалокъ мнѣ русскій мужикъ, и много горькихъ словъ хочется мнѣ сказать ему. Но я люблю отъ всей души его, близокъ мнѣ родной образъ. Какая-то особенная красота и своего рода грація въ этой широкоплечей извощичьей фигурѣ съ загорѣлою

Digitized by Google

шеею, которая заслоняетъ отъ меня всю тройку лошадей. Словно самою природою выдумана для нея эта спеціально-ямщицкая рубашка, изъ лиловой александринки съ синими ластовицами, эта низенькая шляпка съ павлинымъ перомъ, живописнѣе всѣхъ вашихъ гарибальдіекъ и тиролекъ. Въ дѣтствѣ мы любимъ въ своихъ родныхъ каждую черту ихъ лица, какъ бы оно ни было некрасиво и неправильно; оно намъ кажется красивѣе всякой красоты, и мы бы, пожалуй, не захотѣли признать роднымъ лицо, съ котораго бы вдругъ исчезли эти, вѣкъ намъ знакомые недостатки. Можетъ быть, то же неразборчивое чувство братства говоритъ въ насъ при взглядѣ на все русское, и заставляетъ признавать его попреимуществу красивымъ для насъ.

Я невольно вспомнилъ свое путешествіе по Германіи, и то инстинктивное неудовлетвореніе, которое овладѣвало моими чувствами при созерцаніи всего чужого. Эти сгорбленные, скучные извощики въ мундирахъ, похожіе на обветшавшихъ писарей, эта блуза рабочихъ, извѣстная нѣмецкая *Kutte*, подпоясанная пояскомъ, съ пуговками, съ сборными рукавчиками, съ дамскою пелериночкою и дамскимъ воротничкомъ — все это такъ не по душѣ русскому. Что-то подобное этой безсознательной и, повидимому, безпричинной антипатіи должно крыться въ той естественной антипатіи, которая возбуждается обыкновенно въ животномъ одной породы, при видѣ животнаго другой породы. Еще въ дѣтствѣ мнѣ казалось крайне смѣшно сравнивать нѣмца съ нашимъ русскимъ; и смѣшно оттого именно, что внѣшность нѣмца всегда представлялась мнѣ какою-то женоподобною, напоминающею послушнаго ребёночка; между тѣмъ, какъ нашъ русскій кучеръ или плотникъ, съ ихъ величественными бородами, въ ихъ свободной и простой одеждѣ казались олицетвореніемъ силы и молодецкой красоты. Это ужь, можетъ быть, чисто-животное, и нисколько не разумное, но тѣмъ не менѣе весьма сильное, внутреннее побужденіе, на которомъ въ значительной степени коренится всякій патріотизмъ. Изъ него же видна, между прочимъ, и вся относительность эстетическихъ понятій человѣка. Нѣтъ спора, что національная эстетика существуетъ точно такъ же, какъ существуетъ индивидуальная эстетика, или эстетика извѣстнаго вѣка.

Если мы признаемъ, что костюмъ и вся внѣшность народа съ одной стороны сильно вяжутся съ патріотическимъ чувствомъ его, а съ другой стороны — съ эстетическими понятіями вѣка и націи, то мы поймемъ, отчего, напримѣръ, народъ во время Петра-Великаго не могъ легко разстаться съ живописными бородами своими, и уподобиться вдругъ нѣмцамъ, *псамъ*, *котамъ и тиви-*

Digitized by Google

ламъ. Внѣшность слишкомъ тѣсно слита съ внутреннею жизнью народа; ея содержаніе метко выражается въ ея формѣ. Поэтому революціи, стремящіяся къ пересозданью жизни общества, никогда не забываютъ пересоздать его внѣшность и съ нея даже почти всегда начинаютъ. Внѣшность есть такая существенная и типическая часть племени или отдѣльнаго лица, что его трудно признать за него самого при измѣнившейся внѣшности. И мнѣ кажется, что лишать человѣка, безъ особенной нужды, такой характерной стороны его—есть вредное и беззаконное нарушеніе правъ какъ его художественнаго, такъ и гражданскаго чувства. Разъ на ярмаркѣ я любовался вмѣстѣ съ публикою монументальнымъ осетинцемъ въ мохнатой исполинской шапкѣ, изъ которой бы вышелъ тулупъ, съ головы до ногъ обвѣшаннымъ ножами, кинжалами, патронами, ятаганами и звенящими цѣпочками. Я былъ до оскорбленія удивленъ, когда вдругъ этотъ азіатскій красавецъ снялъ свою грозную шапку, и вмѣсто прекраснаго воинственнаго лица у него на плечахъ вдругъ очутилась жалкая и маленькая, какъ карандашъ заостренная, голова съ хищнымъ птичьимъ взглядомъ и носомъ, длиннымъ какъ клювъ. Но скажите, пожалуйста, какой былъ бы прокъ, еслибы мы вдругъ посняли папахи со всѣхъ безлобыхъ осетинцевъ, и вмѣсто ихъ величественныхъ фигуръ пріобрѣли бы для своего созерцанія колекцію глупыхъ птичьихъ физіономій? Или еще, правъ ли былъ бы художникъ, вздумавшій приложить методъ естественно-историческихъ изслѣдованій къ созданіямъ искуства, и представившій вдругъ намъ какого нибудь Лудовика XIV не въ пышномъ парикѣ и бархатномъ камзолѣ, какимъ онъ обыкновенно являлся, а такимъ, какимъ онъ выходилъ изъ своей ванны?

Можетъ быть, русскій мужикъ, если обрить его бороду и нарядить въ блузу съ пуговками, покажется намъ еще оплеваннѣе нѣмца: но мы не хотимъ и права не имѣемъ разсматривать его иначе, какъ въ его полномъ, художественномъ видѣ, то-есть въ гречишникѣ, въ рубашкѣ съ косымъ воротомъ и въ бородѣ лопатою. Видали вы когда-нибудь въ селѣ, въ большой праздникъ, какъ толпа степенныхъ мужиковъ въ свѣжихъ суконныхъ армякахъ и въ такихъ же черныхъ поярковыхъ шапкахъ, взявшись въ пояски или помахивая кнутиками, важно стоитъ и сидитъ около церковной ограды, дожидаясь трезвона. Сколько сановитости видно тогда въ ихъ благочинныхъ позахъ, въ ихъ неспѣшной рѣчи, въ ихъ разсудительныхъ взглядахъ. Какъ будто бы это было собраніе чиновъ какой-нибудь земледѣльческой республики, тѣхъ Гостомысловъ и Твердиславовъ, которыхъ разумомъ управлялись когда-то славянскія общины.

Digitized by Google

Художественное пристрастіе мое къ своему родному типу доходило до того, что я, бывало, съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ смотрѣлъ даже на нѣмецкихъ дѣтей. Что-то такое бюргерское и прозаическое, вѣрнѣе сказать, неправящееся мнѣ, сказывалось мнѣ постоянно въ ихъ безцвѣтныхъ фигурахъ и безхарактерныхъ нарядахъ. Они мнѣ казались микроскопическими старичками, въ сравненіи съ нашими бойкими мальчуганами; а ихъ шалости — пошлыми, лишенными всякаго удальства. Точно такъ же претилъ мнѣ, до крайности чуждый моему уху, тонъ голоса коренныхъ нѣмокъ, напримѣръ, саксонокъ.

Мѣсяца два я не могъ привыкнуть къ этому писклнвому, словно поющему или плачущему, дискантному говору дрезденскихъ улицъ, отъ котораго разстроивались мои нервы. И немудрено, если вспомнить, къ какимъ звукамъ пріучилъ насъ дамскій голосъ какой-нибудь Василисы, въ ту минуту, напримѣръ, когда она сажаетъ хлѣбы въ ту самую печь, куда Матрена вдвигаетъ ухватомъ свой чугунъ съ щелокомъ.

Вотъ что̀ значатъ органическія условія человѣка. Въ этихъ, повидимому пустыхъ, вещахъ краеугольный камень нашего патріотизма. Никому изъ насъ ненужно безличнаго, космополитическаго *хорошо*; но всякій алчетъ своего собственнаго, *русскаго хорошо;* то-есть, чтобы это *хорошо* не было непремѣнно бритымъ блузникомъ и пищащею нѣмкою, чтобы для него не было необходимости скинуть кафтанъ, срѣзать бороду и заговорить не своимъ языкомъ. Вѣдь, кажется, все равно, гдѣ быть счастливымъ: въ Лозаннѣ, въ Неаполѣ, въ Эдинбургѣ. Тамъ даже, повидимому, столько очевидныхъ преимуществъ; а между тѣмъ хочется быть счастливымъ не тамъ, не среди лимонныхъ рощъ, не въ альпійскихъ долинахъ, а именно въ какомъ-нибудь Фатежѣ, Наровчатѣ или Ардатовѣ.

Вотъ для примѣра хоть мужицкая русская лошадь, которая бѣжитъ теперь передо мною, переваливаясь своимъ соломеннымъ брюхомъ, чубастая, головастая, взъерошенная, съ куцой рѣпицей. Говоря логически, что̀ можетъ быть хуже и жалче ея самой, ея веревочнаго надвязаннаго хомута, ея грязныхъ суконокъ на шеѣ, ея полутора-пудовой безобразной дуги и глупо-болтающихъ гремушекъ, закрученныхъ въ ея вихры? А между тѣмъ я люблю ее и понимаю ее именно въ этомъ видѣ и только въ одномъ этомъ видѣ. Мнѣ ясенъ такъ весь ея честный нравъ, ея безобидное простодушіе и труженическое терпѣніе. Она мила и дорога мнѣ именно въ этой своей наивной привязанности къ вѣчно бьющему ее хозяину, къ вѣчно-холодному и голодному своему стойлу. Она съ такою безкорыстною добросовѣстностію надры-

Digitized by Google

вается и лѣзетъ изъ кожи, спасая изъ зажоры возъ своего хозяина, который тутъ же лупитъ ее по мордѣ запасною оглоблею. Съ нимъ вмѣстѣ она переноситъ мужицкое горе, и, какъ онъ, она терпка и нетребовательна: вали на нее сколько хочешь, будетъ себѣ вытягивать, спотыкаясь и перхая, да поглядывать своими большими глазами, пока не околѣетъ. Корми, чѣмъ хочешь: то тычкомъ въ морду, то соломкою — будетъ себѣ терпѣливо пожовывать, да подтягиваться помаленьку въ животахъ, будто гончая собака. Хороша она для васъ или дурна—мнѣ все-равно; мнѣ она *родня*, поэтому я люблю ее. Сытую же нѣмецкую лошадь въ кожаныхъ очкахъ, въ пузатыхъ оглобляхъ, надъ которой сидитъ, вмѣсто лихача-ямщика, какой-то факельщикъ съ дурацкимъ бичомъ—эту лошадь я не понимаю и не умѣю ничего къ ней чувствовать.

Телега моя вдругъ страшно скосилась на бокъ, и я почти легъ на грядку, чтобы не упасть. «Куда это ты залѣзъ? Развѣ можно проѣхать такимъ косогоромъ?» Я съ ужасомъ глядѣлъ, какъ тройка жалась и осторожно переступала вдоль крутого ската шоссе, объѣзжая баррикаду мостовщиковъ, чтобы попасть, вопреки распоряженію дорожнаго начальства, на закатанную, еще не вполнѣ вымощенную, часть шоссе.

«— Небось, проѣдемъ! увѣренно отвѣчалъ ямщикъ, чуть не упираясь съ своего облучка въ землю. Онъ точно проѣхалъ и погналъ тройку по запрещенной дорогѣ, къ досадѣ жида-солдата, который въ безполезной злобѣ показывалъ ему издали — кулакъ.

Это тоже родная, русская черта безъ всякой лигатуры. Въ русскомъ человѣкѣ поразительно это пренебреженіе, съ которымъ онъ относится ко всякому дѣлу. Какое важное дѣло ему ни дай, онъ никогда не сосредоточитъ на немъ всего своего вниманія и усилій. Онъ все дѣлаетъ кое-какъ, да коё-какъ, словно шутя или балуясь; свиститъ въ пол-свиста, какъ Соловей-разбойникъ. Нѣмецъ-то мой около каждой бездѣлицы кряхтитъ и хлопочетъ, пробуетъ и обдумываетъ, на всякую мелочь глядитъ съ такою забавною искренностію, съ такимъ серьёзнымъ уваженіемъ, какъ будто важнѣе его дѣла ничего и на свѣтѣ нѣтъ. А нашъ русскій едва взглянетъ, ткнётъ туда-сюда — и готовъ, и возиться больше не хочетъ. Словно все это еще не его настоящее дѣло, не по плечу ему; а вотъ, дескать, дай срокъ, придетъ его пора, понатужится и съ неба мѣсяцъ сниметъ.

Подите вы съ нимъ! ничего вѣдь толкомъ не умѣетъ, ничего не нажилъ, не надумалъ въ свои тысячу лѣтъ, а смотритъ на все спустя рукава, съ презрѣніемъ генія, ненаходящаго себѣ

Digitized by Google

нигдѣ достаточно благородной и достаточно трудной работы. Можетъ и вретъ, подлецъ, надуваетъ насъ; а можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ Илья Муромецъ?

III.

Иванъ Мелентьевъ.

Нужно быть осторожнымъ и терпѣливымъ, когда переносишься мыслью къ несовершенствамъ нашего общественнаго быта. Нужно нѣсколько затягивать удила своего негодованія, иначе оно ринется съ сокрушающею безпощадностью на окружающее его безобразіе всякаго рода. Вполнѣ оправдывать это безобразіе историческими причинами и недобросовѣстно, и вредно. Но для успокоенія возмущенныхъ чувствъ, для болѣе правосуднаго направленія сужденій нашихъ, полезно имѣть чаще передъ глазами то недавнее прошедшее, въ которомъ жилъ нашъ народъ, и вообще то убогое воспитаніе, которое давала ему исторія.

Вотъ въ моемъ воображеніи встаетъ, съ дѣтства мнѣ знакомая, сутуловатая фигура нашего крѣпостного мужика Ивана Мелентьева, по прозванію Губана. Эта широкая, костистая спина въ пропотѣвшей насквозь *замашней* рубахѣ; курчавая пакля волосъ съ соломою, глубокоразсѣченная, но давно уже зажившая, губа, сыромятная кожа его лица съ отвердѣвшими морщинами; наконецъ, красивыя, черствыя руки, потрескавшіяся, какъ змѣиная чешуя, руки — почти незнающія боли, неумѣющія сгибать пальцевъ болѣе того, сколько нужно для обхвата топора или вилы— вотъ это все, какъ живое, передо мною. Здравствуй, Иванъ Мелентьевъ! Онъ не сѣдъ, но старше многихъ сѣдыхъ. Природа его словно не одолѣетъ: помять помяла, а свалить не могла. Такой же точно сутуловатый и взъерошенный, съ тѣмъ же равнодушно-угрюмымъ взглядомъ, стоялъ онъ лѣтъ двадцать тому назадъ у прикащицкаго флигеля, со связанными назади руками, бокъ о бокъ съ бѣлобрысымъ Сенькою, съ которымъ вмѣстѣ поймали ихъ, на Бугѣ. Исправникъ Фортунатъ Михайловичъ закусывалъ въ залѣ жареными на сковородѣ цыплятами, травникомъ и свѣжепросольными огурцами, а разсыльный солдатъ Маренковъ вырѣзывалъ гибкіе ивовые побѣги въ старыхъ ракитахъ околицы. Мы, дѣти, долго помнили дикіе мужицкіе стоны, и долго ненавидѣли имя Фортуната Михайловича и его разсыльнаго Маренкова. Но Губанъ забылъ скорѣе насъ, и черезъ годъ былъ опять пойманъ на Моздокѣ. Тогда уже не было Фортуната Михайловича.

Давно живетъ Иванъ Мелентьевъ. Онъ помнитъ еще тотъ

Digitized by Google

бытъ, который назывался *старымъ бытомъ* въ дѣтствѣ отцовъ нашихъ. Онъ былъ, по его словамъ, *махонькимъ робенкомъ*, когда матушка-царица закрѣпила хохловъ, когда, по этому случаю, и его дѣдъ остался за нашимъ прадѣдомъ. Воевода-прадѣдъ заранѣе пронюхалъ объ указѣ и заранѣе приманулъ къ себѣ хохловъ всѣми льготами. «Насъ, семью, тогда же барышнѣ покойницѣ въ приданое отдали», добавлялъ свой разсказъ Мелентьевъ. Какой же это барышнѣ, старикъ? — «А это, сударь, вашего папеньки маменька были», спокойно объяснялъ мнѣ Мелентьевъ. Прогремѣла надъ Иваномъ Мелентьевымъ и грозовая туча 12-го года; помнитъ онъ, какъ народъ изъ Москвы бѣжалъ, какъ на небѣ по нѣскольку недѣль красивыя зарева пылали. Протекло и 30-тилѣтнее царствованіе Николая Павловича, посѣтила его далекій уголокъ черная гостья—холера; внуки его снарядились на его глазахъ во 2-е ополченіе; потомъ *пришла воля* и *царь водку ослобонилъ*. А Иванъ Мелентьевъ съ своею разсѣченною губою, и во время матушки-царицы, и во время 12-го года, и всѣ 30 лѣтъ, какъ *Микола царемъ былъ*, и какъ *воля съ водкой пришли*, все себѣ пахалъ, да косилъ, да молотилъ, да топоромъ стучалъ, не разгибая горба. «Сколько тебѣ лѣтъ, Иванъ Ивановъ?» «А много, позабылъ; хлѣбъ-то жуешь, жуешь съ кой поры! ажъ надоѣло», съ мрачной ироніей говоритъ Иванъ Ивановъ. «Не нато живемъ, чтобы ѣсть» вспоминается при этомъ нравоученіе латинской граматики.

Иванъ Мелентьевъ засѣлъ въ своемъ теперешнемъ гнѣздѣ еще тогда, когда и наше сельцо, и много другихъ, теперь уже модныхъ, шумныхъ, деревень не рожалось на свѣтъ божій. Его послалъ прадѣдъ съ двумя другими семьями въ глухую Аладьинскую степь. Тогда на мѣстѣ этого стараго сада съ тѣнистыми кленовыми бесѣдками и сажелками—поднималась новь подъ *ржи* и овсы; грязный ручеекъ бѣжалъ по топямъ и кочкамъ болотъ тамъ, гдѣ теперь сверкаетъ широкое, полноводное озеро; а на мѣстѣ господской усадьбы косили дѣвственный ковыль. Безъ дорогъ, безъ околицъ, въ пустомъ полѣ на юру, поближе къ тощему олешничку, долго сиротливо торчали два бѣдныхъ дворика колонистовъ. Только черезъ десятки лѣтъ, когда обѣднѣніе пригнало въ Аладьинскую степь одного изъ наслѣдниковъ раздробившихся владѣній, въ старинномъ погостовомъ селѣ Крутомъ, растянувшемся по гребню холмистой цѣпи, высоко надъ рѣчкою, сказали старики, что *супротивъ Крутова баринъ сѣлъ*.

Спроси ты, читатель, Ивана Мелентьева — легко ли тянуть семьдесятъ лѣтъ сряду скорбное тягло одинокой мужицкой жизни, въ безлѣсной степи подъ сугробами русской зимы? Бѣдность

Digitized by Google

хочетъ выжить Ивана Мелентьева со свѣту божьяго, а Иванъ Мелентьевъ хочетъ пожить на свѣтѣ божьемъ. Засѣлъ съ своими ребятишками, бабами, курами и телятами въ своей дымной норѣ, какъ канадскій боберъ, и не сдается. Отсиживается, отгрызается, какъ звѣрь, его сосѣдъ, отъ злыхъ ударовъ и злыхъ насмѣшекъ мачихи-судьбы. Занесетъ его длинною, безразсвѣтною ночью снѣжными сугробами — онъ возьметъ въ руки топоръ да лопатку и терпѣливо начнетъ прорубать отдушины въ свое жилье. На завтра опять его завалитъ — послѣ-завтра онъ опять отбопается. Сколько лѣтъ упорно вымораживалъ его *благословенный* русскій морозъ, отъ котораго трескаются камни, а ничего не подѣлалъ Ивану Мелентьеву. Помахивалъ себѣ съ зари до зори цѣпомъ на своемъ едва протоптанномъ току и тащилъ на собственной спинѣ одинъ ворохъ соломы за другимъ въ смрадную печь. Никто никогда не спрашивалъ Ивана Мелентьева—умѣетъ ли онъ класть печи, крыть крыши, дѣлать телеги, ковырять лапти, вязать хомутъ. Никто никогда не пробовалъ учить этому Ивана Мелентьева. Иванъ Мелентьевъ твердо зналъ только одно: коли самъ не сдѣлаетъ печи, то на зиму останется безъ печи; коли самъ себѣ не сплететъ лаптей, то останется безъ лаптей—коротко и ясно. Тотъ добрый учитель, который скачетъ, пляшетъ и пѣсенки поетъ, тотъ самый учитъ русскаго мужика печи класть и шить сапоги изъ лыка. Это—первый энциклопедистъ и первый трудолюбецъ изо всѣхъ педагоговъ.

Много поту и много жизни съ этимъ пóтомъ пришлось пролить Ивану Мелентьеву, чтобы осилить наконецъ всѣ тягости своей многострадальной доли. Но онъ осилилъ ихъ. Онъ овладѣлъ всѣми тонкостями, всѣми завѣтными рецептами своего трудового быта. Какъ опытная матерая лиса, онъ сталъ царить въ своемъ степномъ углу. Онъ расщенился и расплодился. Онъ завистливымъ окомъ сталъ охранять отъ чужихъ захватовъ тотъ лугъ, на которомъ привыкъ пасти свой табунишко, ту рѣчку, въ которой по сумеркамъ ловилъ себѣ окуньковъ на ужинъ, тотъ убогій олешникъ, гдѣ онъ втихомолку вырѣзалъ себѣ оглобли. Все это было не его, съ точки зрѣнья Свода Законовъ; но все это было его кровное достояніе, съ той естественной точки зрѣнія, съ которой смотритъ на міръ горилла, медвѣдь или лисица. Иванъ Мелентьевъ позналъ всѣ ямки и тропинки своей степи, изучилъ съ професорскою обстоятельностію свойства и отношенія облегавшей его округи. Онъ зналъ, чѣмъ можно разжиться въ Мандровѣ, и чѣмъ въ Смирнахъ, и когда нужно поѣхать въ Мандрово и въ Смирны, какою дорогою ближе взять на Кромы, и почемъ хлѣбъ въ Ливнахъ. И вездѣ у него были особые *человѣчки*, которые его знали и принимали, съ которыми онъ велъ, ему одному вѣдомыя, дѣла. Куда ни поѣдетъ—всякая межа извѣстна. За сто верстъ знаетъ—налѣво или направо свернуть; зажмурясь доѣдетъ. Небось, узнаешь, куда Макаръ телятъ гоняетъ, когда за каждой слегой, за каждымъ бревнушкомъ, за каждымъ камушкомъ

Digitized by Google

надо десятки верстъ ѣздить, просить да искать. И не такой знаменитый торговецъ Иванъ Мелентьевъ, чтобы купцы сами пріѣзжали на степь покупать у него какой-нибудь десятокъ возовъ его трудового хлѣбушка. Поневолѣ пришлось потаскаться въ Ливны да въ Кромы, и въ разныя такія мѣста.

Не знаю, кто защищалъ отъ напастей всякаго рода Ивана Мелентьева. Почему въ одну прекрасную ночь не задавили его гдѣ-нибудь въ овинѣ и не расхитили его скудный пожитокъ, его животину? Почему во время его долгихъ зимнихъ отъѣздовъ никто не пришелъ попробовать, каковъ хлѣбушко у него въ аабмрѣ? Какой-то заботливый угодникъ покрываетъ бѣдняка. «Бѣдненькій охъ, а за бѣдненькаго Богъ», увѣряетъ Иванъ Мелентьевъ. Разъ, въ его отсутствіе, точно пришли во дворъ два недобрыхъ человѣка и стали сбивать замокъ у сарая. Но Агаѳья, остававшаяся одна съ дѣтьми караулить степь, почуяла бѣду и выбѣжала на дворъ, ругательски ругая разбойниковъ. Должно быть, въ голосѣ ея звучало сильное чувство собственнаго права и сильная увѣренность, будто въ своемъ домѣ углы помогаютъ; потому что воры бросились бѣжать безъ оглядки. Другой разъ забрелъ въ степь какой-то бѣглый солдатъ-поджигатель и повѣсилъ въ уединенной пасѣкѣ, гдѣ мы такъ часто пили потомъ чай Im Grüne, старика-пасѣчника. Солдата не словили, но Мелентьеву въ голову не приходило, что подобную продѣлку столь же нетрудно, и столь же безслѣдно, повторить и съ нимъ. Напротивъ, онъ отчего-то былъ глубоко убѣжденъ, что въ его степи каждый долженъ *его* бояться, что онъ имѣетъ нетолько юридическое право, но и практическую возможность скрутить и доставить въ станъ всѣхъ бродягъ, которые ему попадутся. Когда иногда темною вѣтренною ночью желтая сука, дразнимая осеннимъ ненастьемъ, начнетъ выть и лаять, принимая шелестъ соломенной крыши и голыхъ ракитовыхъ вѣтокъ за шаги чужого человѣка—Иванъ Мелентьевъ накидывалъ обыкновенно тулупъ на одно плечо и на босу ногу, безъ шапки, безъ палки, торопливо шелъ обѣжать и оглядѣть кругомъ свою одинокую усадебку. И столько тогда было у него въ сердцѣ энергической готовности схватить за шею всякого, кто бы ни попался ему, и притащить его въ свою избу, подъ караулъ своей Агаѳьи.

И, странное дѣло, нетолько Иванъ Мелентьевъ съ Агаѳьею смотрѣли на себя такимъ почтительнымъ взглядомъ, но его отъ души раздѣляли даже тѣ, противъ которыхъ онъ именно направлялся. Когда волкъ, въ одно жаркое послѣ-обѣда, подкравшись къ стаду, накинулся на одну годовалую овечку, а Иванъ Мелентьевъ, спавшій въ холодочкѣ, не нашелъ возлѣ себя ничего, кромѣ недоконченнаго лаптя, то все-таки волкъ удралъ во всѣ лопатки при взмахѣ пущеннаго въ него лаптя, хотя бы, кажется, онъ такъ удобно могъ расправиться съ безоружнымъ старикомъ. Иванъ Мелентьевъ долго гнался за нимъ, съ какою-то ольховою хворостинкою въ рукѣ, въ наивной искренности своей атукая и

Digitized by Google

стращая его, какъ ребёнка, ни на одну секунду не усумнившись въ своемъ хозяйскомъ правѣ и въ своемъ первенствующемъ положеніи относительно волка. Блаженны вѣрующіе...

За то когда обселилась мало-по-малу нѣкогда безмолвная степь, когда дворъ стараго колониста расщенился на четыре отдѣльныхъ двора, и сыновья его стали сами сѣдыми стариками, когда наѣхалъ помѣщикъ съ дворней и прикащиками, и много новыхъ мужицкихъ дворовъ пригнали изъ иныхъ деревень—тогда Иванъ Мелентьевъ сталъ неизбѣжнымъ патрономъ всѣхъ этихъ еще необросшихъ и неоперившихся хозяйствъ. Онъ явился Улиссомъ и старожиломъ степи. У него брали взаймы денегъ на корову, постнаго масла на лампадку, новую ось, хлѣбца до новины. Иванъ Мелентьевъ оказался колдунъ. Онъ умѣлъ заговаривать моръ, запирать воду къ кустѣ, лошадей портить. Несомнѣнно, по-крайней-мѣрѣ, что онъ отлично умѣлъ красть лошадей. Его съ этой стороны знали во всей окрестности. Когда надо было рыть канаву, устроивать вѣтрянку или отыскивать пропавшую лошадь — шли прямо къ Ивану Мелентьеву. Его боялись даже лазовскіе однодворцы, прославленные конокрады и разбойники. Онъ у нихъ увелъ въ одну зиму шесть лошадей, обувая ихъ въ лапти, задомъ напередъ, чтобы скрыть слѣдъ. Его три раза ловили съ поличнымъ и убивали до полусмерти, разъ даже зарыли полумертваго въ снѣгъ. Но онъ всякій разъ оживалъ, дотаскивался на четверенькахъ до своей избы и продолжалъ всѣ свои обычные промыслы—пахать, молотить, красть лошадей и дѣлать телеги.

Не отъ однихъ впрочемъ лазовскихъ мужиковъ приходилось терпѣть горе хитроумному Ивану Иванову. Черезъ нѣсколько лѣтъ по пріѣздѣ помѣщика, ему пришлось познакомиться съ разсыльнымъ Фортуната Михайлыча. Тогда былъ голодный годъ; въ одну прохладную октябрьскую ночь Иванъ Ивановъ рѣшился пробраться подъ столбы господскаго хлѣбнаго амбара, пробуравилъ щели въ бревенчатомъ полу закрома и сталъ насыпать зерномъ свои мѣшки. На бѣду его накрыли. На другое утро Ивана Мелентьева не нашли уже въ его избѣ, а черезъ полутора года привели съ Буга — съ закрученными назадъ руками и бритой головой.

Евгеній Марковъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ОБОЙДЕННЫЕ.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть третья

МЕЖДУ МОЛОТКОМЪ И НАКОВАЛЬНЯ.

Герой извѣстенъ и не новъ предметъ,
Тѣмъ лучше: устарѣло все, что̀ ново!

Лермонтовъ.

I.

Живая душа выгараетъ и кутся.

Ничего не было ни хорошаго, ни радостнаго, ни утѣшительнаго въ одинокой жизни Анны Михайловны. Срублена она была теперь подъ самый корень и въ утѣшеніе ей не оставалось даже того гадкаго утѣшенія, которое люди умѣютъ находить въ ненависти и злости. Анна Михайловна была не такой человѣкъ и Дора не безъ основанія часто называла ее «невозможною».

Въ тотъ самый день, ницскими событіями котораго заключена вторая часть нашего романа, именно наканунѣ св. Сусанны, что̀ въ Петербургѣ приходилось, если не ошибаюсь, около конца пыльнаго и непріятнаго мѣсяца іюля, Аннѣ Михайловнѣ было ужь какъ-то особенно, какъ передъ пропастью, тяжело и скучно. Цѣлый день у нея валилась изъ рукъ работа и едва-едва она дождалась вечера и ушла посидѣть въ свою полутемную комнату. На дворѣ было около десяти часовъ.

Въ это время къ квартирѣ Анны Михайловны шибко подкатилъ на лихачѣ молодой бѣлокурый баринъ, съ туго завитыми

Digitized by Google

кудрями и самой испитой, ничего невыражающей физіономіей. Онъ быстро снялся съ линейки, велѣлъ извощику ждать себя, обдернулъ полы шикарнаго пальто-пальмерстона и, вставивъ въ правый глазъ стеклышко, скрылся за рѣзными дверями параднаго подъѣзда.

Черезъ минуту этотъ господинъ позвонилъ у магазина и спросилъ Долинскаго. Дѣвушка отвѣчала, что Долинскаго нѣтъ, ни дома, ни въ Петербургѣ. Гость сталъ добиваться его адреса, «а лучше всего, просилъ онъ:—попросите мнѣ повидаться съ хозяйкой».

— Что̀ ему нужно такое? раздумывала Анна Михайловна, вставая и оправляясь.

Гость между тѣмъ топоталъ по магазину, въ которомъ отъ него разносился запахъ гостинодворскаго эс-букета.

— Мое почтеніе! развязно хватилъ онъ при появленіи въ дверяхъ хозяйки и тряхнулъ себя цимермановской шляпой по ляжкѣ.

Анна Михайловна не просила его садиться и сама не сѣла, а остановилась у шкапа.

Анна Михайловна знала почти всѣхъ знакомыхъ Долинскаго, а этого господина припомнить никакъ не могла.

— Вамъ угодно адресъ Нестора Игнатьича? спросила она незнакомаго гостя.

— Да-съ, мнѣ нужно ему бы отослать письмецо.

— Адресъ его просто въ Ниццу, poste restante.

— Позвольте просить васъ записать.

— Да я говорю, просто: Nicce, poste restante.

— Вы къ нему пишете?

Анна Михайловна взглянула на безцеремоннаго гостя и спокойно отвѣчала:

— Да, пишу.

— Нельзя ли вамъ переслать ему письмецо?

— Да вы отошлите просто въ Ниццу.

— Нѣтъ, что жь тамъ еще разсылаться! Сдѣлайте ужь милость, передайте.

— Извольте.

— А то мнѣ некогда возжаться. — Гость подалъ конвертъ, надписанный на имя Долинскаго, очень дурнымъ женскимъ почеркомъ и сказалъ:—это отъ сестры моей.

— Позвольте же узнать, кого я имѣю честь у себя видѣть?

— Митрофанъ Азовцевъ, отвѣчалъ гость.

Digitized by Google

— Азовцевъ, Азовцевъ, повторила въ раздумьѣ Анна Михайловна:—я какъ будто слыхала вашу фамилію.

— Нестóръ Игнатьичъ женатъ на моей сестрѣ, отвѣчалъ гость, радостно осклаблялсь и показывая рядъ нестерпимо глупыхъ бѣлыхъ зубовъ.

Теперь и почеркъ, которымъ былъ надписанъ конвертъ, показался знакомымъ Аннѣ Михайловнѣ, и что-то кольнуло ее въ сердце. А гость продолжалъ ухмыляться и съ радостью разсказывалъ, что онъ давно живетъ здѣсь въ Петербургѣ, служитъ *на конторѣ*, и очень давно слыхалъ про Анну Михайловну очень много хорошаго.

— Моя сестра, разумѣется, какъ баба, сама виновата, произнесъ онъ, зареготавъ жеребчикомъ:—ядовита она у насъ очень. Но я Нестора Игнатьича всегда уважалъ и буду уважать, потому что онъ добрый, очень добрый былъ для всѣхъ насъ. Маменька съ сестрою тамъ какъ имъ угодно: это ихъ дѣло. Онѣ у насъ два башмака — пара. На обухѣ рожь молотятъ и зерна не уронятъ. Азовцевъ зареготалъ снова.

Анна Михайловна созерцала этотъ экземпляръ молча, какъ воды въ ротъ набравши.

Экземпляръ поговорилъ-поговорилъ, и почувствовалъ, что пора и честь знать.

— До свиданья-съ, сказалъ онъ, наконецъ видя, что ему ничего не отвѣчаютъ.

— Прощайте, отвѣчала Анна Михайловна и позвонила дѣвушкѣ.

— Очень радъ, что съ вами познакомился.

Анна Михайловна поклонилась молча.

— Къ намъ на контору, когда мимо случится, милости просимъ.

Хозяйка еще разъ поклонилась.

— Нѣтъ, что жь такое! разговаривалъ гость, поправляя палецъ перчатки. — Къ намъ часто даже довольно дамы заходятъ, чаю выкушать, или такъ отдохнуть. — Пожалуйста, будьте столько добры!

— Хорошо-съ, отвѣчала Анна Михайловна.— Когда-нибудь.

— Сдѣлайте ваше такое одолженіе!

— Зайду-съ, зайду, отвѣчала, чтобъ отвязаться, Анна Михайловна.

Проводя гостя, она нѣсколько разъ прошлась по комнатѣ, взя-

Digitized by Google

ла письмо, еще прочла его адресъ и опять положила конвертъ на столъ. «Письмо отъ его жены!» думала Анна Михайловна. «Распечатать его, или нѣтъ?—Лучше отослать ему. А если тутъ что-нибудь непріятное? Если опять какой-нибудь глупый фарсъ? Зачѣмъ же его огорчать? зачѣмъ попусту тревожить?» — Анна Михайловна взялась за конвертъ и положила палецъ на сургучъ, но опять задумалась. «Становиться между мужемъ и женой! — Нѣтъ, это негодится», сказала она себѣ и положила опять письмо на столъ. Вечеръ прошелъ, подали закуску. Анна Михайловна ѣла очень мало и въ раздумьѣ глядѣла на m-lle Alexandrine, глотавшую все съ апетитомъ, въ которомъ голодный волкъ, хотя немножко, но все-таки однако уступаетъ французской двадцати-пятилѣтней гризеткѣ. Послѣ ужина опять письмо завертѣлось въ рукахъ Анны Михайловны. Ей, какъ Шпекину, въ одно ухо что-то шептало: «не распечатывай», а въ другое — «распечатай, распечатай!» Она вспомнила, какъ Даша говорила: «нѣтъ, мои ангельчики! Еслибъ я когда полюбила женатаго человѣка, такъ ужь—слуга покорная — чьи бы то ни были, хоть бы самыя законныя старыя права на него, всѣ бы у меня покончились».— «Въ самомъ дѣлѣ!» подумала Анна Михайловна: «что жь такое, если въ письмѣ нѣтъ для него ничего непріятнаго, я его отошлю ему; а если тамъ однѣ мерзости, то... подумаю, какъ ихъ сгладить и тоже отошлю». Она зажгла свѣчу въ комнатѣ Долинскаго и распечатала конвертъ.

На скверной, измятой почтовой бумажкѣ, рыжими чернилами было написано слѣдующее:

«Вы честнымъ словомъ обязались высылать мнѣ ежегодно пятьсотъ рублей и пожертвовали мнѣ какой-то глупый вексель на вашу сестру, которой уступили свою часть вашего кіевскаго дворца. Я по неопытности приняла этотъ вексель, а теперь, когда мнѣ понадобились деньги, я вмѣсто денегъ имѣю только одни хлопоты. Вы, конечно, очень хорошо знали, что это такъ будетъ, вы знали, что мнѣ придется выдирать каждый грошъ, когда уступили мнѣ право на вашу часть. Я понимаю всѣ ваши подлости».

Анна Михайловна пожала плечами и продолжала читать далѣе.

«Возьмите себѣ назадъ эту уступку; а я хочу имѣть чистыя деньги. Потрудитесь мнѣ тотчасъ ихъ выслать по почтѣ. Вы заработываете болѣе двухсотъ рублей въ мѣсяцъ и половину можете отдать женѣ, которая всегда могла бы быть счастлива съ

Digitized by Google

лучшимъ человѣкомъ, который бы цѣнилъ ее, ежелибы вы не завязали ея вѣкъ. Если вы не захотите этого сдѣлать — я вамъ покажу, что васъ заставятъ сдѣлать. Вы можете тамъ жить хоть не съ одною модисткой, а съ двадцатью разомъ — вы развратникъ были всегда и мнѣ до васъ дѣла нѣтъ. Но вы должны помнить, что вы воспользовались моей неопытностью и довели меня до гибельнаго шага; что вы теперь обязаны меня обезпечить, и что я имѣю право этого требовать. У меня есть люди, которые за меня заступятся, и если вы не хотите поступать честно, такъ васъ хорошенько проучатъ, какъ негодяя. Я не прежняя беззащитная дѣвочка, которою вы могли вертѣть, какъ хотѣли».

Анна Михайловна разсмѣялась.

«Я выведу на чистую воду, продолжала въ своемъ письмѣ m-me Долинская:—и покажу вамъ, какая разница между мною и обирающей васъ метреской».

На щекахъ у Анны Михайловны выступили пятна негодованія. Она вздохнула и продолжала читать далѣе.

«Я осрамлю и васъ, и ее на цѣлый свѣтъ. Вы жалуетесь, что я васъ выгнала изъ дома, такъ ужь все равно — жалуйтесь, а я васъ выгоню еще и изъ Петербурга вмѣстѣ съ вашей шлюхой».

Письмо этимъ оканчивалось. Анна Михайловна сложила его и внутренно радовалась, что она его прочитала.

— Какая гадкая женщина! сказала она сама съ собою, кладя письмо въ столикъ и доставая оттуда почтовую бумагу. Лицо Анны Михайловны приняло свое спокойное выраженіе и она, выбравъ себѣ перо по рукѣ, писала слѣдующее:

«Милостивая государыня!

«Прилагаемые при этомъ письмѣ триста рублей прошу васъ получить въ число пятисотъ, требуемыхъ вами отъ вашего мужа. Остальные двѣсти вы аккуратно получите ровно черезъ мѣсяцъ. Бумагу, открывающую вамъ счетъ съ сестрою господина Долинскаго, потрудитесь удержать у себя. Неполученіе вашихъ денегъ отъ его сестры вѣроятно не выражаетъ ничего, кромѣ временнаго разстройства ея дѣлъ, которое, конечно, минется и вы снова будете получать, что вамъ слѣдуетъ. Мужа вашего здѣсь нѣтъ, и его совсѣмъ нѣтъ въ Россіи. Письма вашего онъ не получитъ. Вамъ отвѣчаетъ вмѣсто вашего мужа женщина, которую вы называете его метреской. Она считаетъ себя въ правѣ и въ сред-

Digitized by Google

ствахъ успокоить васъ на счетъ денегъ, о которыхъ вы заботитесь, и позволяетъ себѣ просить васъ не прибѣгать ни къ какимъ угрожающимъ мѣрамъ, потому что онѣ вовсе не нужны и совершенно безполезны».

Написавши это письмо, Анна Михайловна вложила его въ конвертъ, вмѣстѣ съ тремя радужными бумажками и спокойно легла въ постель, сказавъ себѣ: «слава-богу, что только всего горя». Черезъ день у ней былъ Журавка съ своей итальянкой и, если читатель помнитъ ихъ разговоръ у шкапика, гдѣ художникъ пилъ водченку, то онъ припомнитъ себѣ также и то, что Анна Михайловна была тогда довольно спокойна и даже шутила, а потомъ только плакала; но не это письмо было причиной ея горя.

Послѣ новаго года, предъ наступленіемъ котораго Анна Михайловна уже нимало не сомнѣвалась, что въ Ниццѣ дѣло пошло анекдотомъ, до чего даже домыслился и Илья Макаровичъ, сидя за своимъ мольбертомъ въ своей одиннадцатой лиціи, пришло опять письмо изъ губерніи. На этотъ разъ письмо было адресовано прямо на имя Анны Михайловны.

Юлочка настрочила въ этомъ письмѣ Аннѣ Михайловнѣ кучу дерзкихъ намековъ и въ заключеніе сказала, что теперь ей извѣстно, какъ люди могутъ быть безстыдно наглы и мерзки, но что она никогда не позволитъ человѣку, загубившему всю ея жизнь, ставить ее на одну доску со всякой встрѣчной; сама пріѣдетъ въ Петербургъ, сама пойдетъ всюду безъ всякихъ протекцій и докажетъ всѣмъ милымъ друзьямъ, что она можетъ сдѣлать.—Анна Михайловна, прочитавъ письмо, произнесла про себя «дура!», потомъ положила его въ корзинку и ничего на него не отвѣчала. Ей очень жаль было Долинскаго; но она знала, что здѣсь нечего дѣлать и давно рѣшила, что въ этомъ случаѣ всего нужно выжидать отъ времени. Анна Михайловна хорошо знала жизнь и не кидалась ни въ какія безполезныя схватки съ нею. Она ей не уступала безъ боя того, что считала своимъ достояніемъ по человѣческому праву, и не боялась боевыхъ мукъ и страданій; но дорожа своими силами, разумно терпѣла тамъ, гдѣ оставалось одно изъ двухъ: терпѣть и надѣяться, или быть отброшенной и злобствовать, или жить только по великодушной милости побѣдителей.

Она не видала ничего опаснаго въ своей системѣ и была увѣрена, что она ничего не потеряла изъ всего того, что могла

Digitized by Google

взять, а что уже потеряно, того, значитъ, взять было невозможно по самымъ естественнымъ и, слѣдовательно, самымъ сильнымъ причинамъ. Она сама ничего легкомысленно не бросала, но и ничего не вырывала насильно; жила по душѣ и всѣмъ предоставляла жить по совѣсти. Этой простой логики она держалась во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ обстоятельствахъ своей жизни и не измѣнила ей въ отношеніи къ Долинскому и Дорушкѣ, разорвавшимъ ея скромное счастье.

«Пусть будетъ, что будетъ», говорила сама себѣ Анна Михайловна: «тутъ ужъ ничего не сдѣлаешь», и продолжала писать имъ письма, полныя участья, но свободныя отъ всякихъ нѣжностей, которыя могли бы ихъ безпокоить, шевеля въ ихъ памяти прошедшее, готовое всегда встать тяжелымъ укоромъ настоящему.

А что дѣлали, между тѣмъ, въ Ниццѣ?

II.

Ницца.

Крылатый божокъ, кажется, совсѣмъ поселился въ трехъ комнаткахъ m-me Вюжаръ, и другимъ темнымъ и свѣтлымъ божествамъ не было входа къ обитателямъ скромной квартирки съ итальянскимъ окномъ и густыми зелеными занавѣсками. О поѣздкѣ въ Россію, разумѣется, здѣсь ужъ и рѣчи не было, да и о многомъ, о чемъ слѣдовало бы вспомнить, здѣсь не вспоминали и рѣчей не заводили. Страстная любовь Доры совершенно овладѣла Долинскимъ и не давала ему еще пока ни призадуматься, ни посмотрѣть въ будущее.

— Боже мой, какъ мы любимъ другъ другъ! восклицала Даша, сжимая голову Долинскаго въ своихъ розовыхъ, свѣженькихъ ручкахъ.

Несторъ Игнатьичъ обыкновенно застѣнчиво молчалъ при этихъ страстныхъ порывахъ Доры, но она и въ этомъ молчаніи ясно читала всю необъятность чувства, зажженнаго ею въ душѣ своего любовника.

— Ты меня ужасно любишь? Ты никого такъ не любилъ, какъ меня? спрашивала она снова, стараясь добиться отъ него желаемаго слова.

— Я всею душою люблю тебя, Дора.

Даша весело вскрикивала и еще безумнѣе, еще жарче ласкала Долинскаго.

Digitized by Google

Разговоровъ ихъ никто бы не записалъ, да они всѣмъ бы и наскучили. Всѣ ихъ разговоры были въ этомъ родѣ, а разговоры въ этомъ родѣ могутъ быть вполнѣ понятны только для того существа, которое, прочитавъ эти строчки, можетъ наклонить къ себѣ любимую головку и почувствовать то, что̀ чувствовала Даша и Долинскій. Анна Михайловна говорила правду, что они ни о чемъ не думали и только «любились». А время шло. Со дня святой Сусанны, минуло болѣе пяти мѣсяцевъ. Въ Ниццу опять пріѣхало изъ Россіи давно жившее тамъ семейство Онучиныхъ. Семейство это состояло изъ матери, происходящей отъ древняго русскаго княжескаго рода, сына—молодого человѣка, очень умнаго и непомѣрно строгаго, да дочери, которая подъ новый годъ была въ магазинѣ «*M-me Annette*» и вызвалась передать ей поклонъ Дашѣ и Долинскому. Мать звали Серафимой Григорьевной, сына — Кириломъ Сергѣевичемъ, а дочь — Вѣрой Сергѣевной. Семейство это было немного знакомо съ Долинскимъ.

Возвратясь въ Ниццу, Вѣра Сергѣевна со скуки вспомнила объ этомъ знакомствѣ и какъ-то послала просить Долинскаго побывать у нихъ когда-нибудь за просто. Несторъ Игнатьевичъ на другой же день пошелъ къ Онучинымъ. Въ пять мѣсяцевъ это былъ его первый выходъ въ чужой домъ. Въ эти пять мѣсяцевъ онъ одинъ никуда не выходилъ, кромѣ кофейни, въ которой изрѣдка читалъ газеты, и то Дорушка обыкновенно ждала его гдѣ нибудь, или на бульварѣ, или тутъ же въ кафе.

Вѣра Сергѣевна встрѣтила Долинскаго на террасѣ, окружавшей домикъ, въ которомъ они жили. Она сидѣла и разрѣзывала только полученную французскую илюстрированную книжку.

— Здравствуйте, m-r Долинскій! сказала она, радушно протягивая ему свою длинную, бѣлую руку.—Берите стулъ и садитесь. Maman еще не вышла, а брата нѣтъ дома — поскучайте со мною.

Долинскій привесъ стулъ къ столу и сѣлъ.

— Какъ поживаете? спросила его Вѣра Сергѣевна.

— Благодарю васъ: день за день, все по старому.

— Рвёшься изъ Россіи въ эти чужіе края, резонировала дѣвушка:—а пріѣдешь сюда—и здѣсь опять такая же скука.

— Да тутъ въ Ниццѣ, кажется, не очень веселятся.

— А вы никуда не выѣзжали?

— Нѣтъ, я не выѣзжалъ.

— Что жь, вы... много работаете?

Digitized by Google

— Такъ... какъ нѣмцы говорятъ «etwas».

— Sehr wenig, значитъ.

— Очень мало.

— Но, конечно, будете такъ любезны, что прочтете намъ то, что̀ написали.

— Полноте, Вѣра Сергѣевна! Что̀ вамъ за охота слушать мое кропанье, когда есть столько хорошихъ вещей, которыя вы можете прочесть и съ удовольствіемъ и съ пользою.

— Униженіе паче гордости, шутливо замѣтила Вѣра Сергѣевна, и оставивъ этотъ разговоръ, тотчасъ же спросила:—а что̀ дѣлается съ вашей очаровательной больной?

— Ей лучше, отвѣчалъ Долинскій.

— Я видѣла ея сестру.

— А-а! гдѣ же это?

Вѣра Сергѣевна разсказала свое свиданіе съ Анной Михайловной, какъ будто совсѣмъ не смотря на Долинскаго, но впрочемъ на лицѣ его и не видно было никакой особенно замѣчательной перемѣны.

— И больше ничего она не говорила?

— Нѣтъ. Она сказала, что вы часто переписываетесь.

Тутъ Несторъ Игнатьевичъ слегка покраснѣлъ и отвѣчалъ:

— Да, это правда.

— Что вы не курите, monsieur Долинскій, хотите папироску?

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не курю.

— Вы, кажется, курили.

— Да, курилъ, но теперь не курю.

— Что же это за воздержаніе?

— Такъ, что-то надоѣло. Хочу воспитывать въ себѣ волю, Вѣра Сергѣевна, шутилъ Долинскій.

— А! это очень полезно.

— Только боюсь, не поздненько ли это нѣсколько?

— Ну, mieux tard...

— Que jamais —замѣчаніе во всѣхъ другихъ случаяхъ совершенно справедливое, подсказалъ Долинскій.

— Не собираетесь въ Россію? спросила Вѣра Сергѣевна послѣ короткой паузы.

— Нѣтъ еще.

— А тамъ новостей, новостей!

— Будьте милостивы, разскажите.

M-lle Онучина разсказала нѣсколько русскихъ новостей, кото-

Digitized by Google

рыя только для нея и были новостями, и которыя Долинскій давно зналъ изъ иностранныхъ газетъ. Старая Онучина все не выходила. Долинскій посидѣлъ около часу, простился, обѣщалъ заходить и ушелъ съ полной рѣшимостью не исполнять своего обѣщанія.

— Что ты тамъ сидѣлъ такъ долго? спросила его Даша, встрѣчая на крыльцѣ, съ лицомъ въ одно и то же время и веселымъ, и нѣсколько тревожнымъ.

— Всего часъ одинъ только, Дора, отвѣчалъ покорно Долинскій.

— Часъ! какъ это странно... нетерпѣливо сорвала Дора и остановилась, чувствуя, что говорить не дѣло.

— Нельзя же было, Дора.

— Ну, да.... очень можетъ быть. Ну, что жь тебѣ разсказали?

— Ничего. Просто поклонъ привезли.

— Отъ Анны?

— Да.

Оба долго молчали. Даша сидѣла сложа руки, Долинскій съ особеннымъ тщаніемъ выбивалъ щелчками пыль, насѣвшую на его бѣлой фуражкѣ.

— Что жь еще разсказывали тебѣ? спросила поправляясь на диванѣ Даша.

— Ничего, Дора.

— Какъ это глупо!

— Что не разсказывали-то?

— Нѣтъ, что ты скрытничаешь.

— О новостяхъ говорила m-elle Vera.

— О какихъ?

— Ну, все старое. Я тебѣ все давно говорилъ.

— Чего жь ты такимъ сентябремъ смотришь?

— Что тебѣ кажется! Тебѣ просто посердиться хочется.

— Первый туманъ, сказала Даша, спокойно давая ему свою руку.

— Какой туманъ?

— На лбу у тебя.

— Ну, что ты сочиняешь вздоры, Даша!

— Не будь, сдѣлай милость, ничтожнымъ человѣкомъ. Нашъ мостъ разоренъ! Наши корабли сожжены! Назадъ идти нель-

Digitized by Google

зя. Будь же человѣкомъ, ужь если не съ волею, такъ хоть съ разумомъ.

— Да чего ты хочешь, Даша?

Даша вмѣсто отвѣта посмотрѣла на него искоса очень пристально, и съ легкой презрительной гримаской.

— Я жь люблю тебя! успокоивалъ ее Долинскій.

— И боишься.

— Чего?

— Прошлаго.

— Богъ-знаетъ, что̀ тебѣ сегодня кажется.

— То, что̀ есть на самомъ дѣлѣ, мой милый.

— Напрасно; я только думаю, что честнѣе было бы съ нашей стороны обо всемъ написать...

Даша задумалась, и потомъ, вздохнувъ, сказала:

— Я сама знаю, что̀ нужно дѣлать.

Вечеромъ, по обыкновенію, они сидѣли на холмикѣ, и въ первый разъ порознь думали.

— Ты ничего не работаешь? спросила Даша.

— Ничего, Дора.

— Я тоже ничего.

— Что жь тебѣ работать!

— А деньги у насъ есть еще?

— Не безпокойся, есть.

— Работай что-нибудь, а то мнѣ стыдно, что я мѣшаю тебѣ работать.

— Чѣмъ же ты-то мѣшаешь?

— Да вотъ тѣмъ, что все ты возлѣ меня вертишься.

— Гдѣ же мнѣ еще быть, Дора?

— И это, конечно, правда, сказала съ задумчивой улыбкой Даша, и, не спѣша пригнувъ къ себѣ голову Долинскаго, поцаловала его, и вздохнула.

Тихо они встали и пошли домой.

— Какой ты покорный! говорила Даша, усѣвшись отдохнуть на диванѣ и пристально глядя на Долинскаго. — Смѣшно даже смотрѣть на тебя.

— Даже и смѣшно?

— Да какъ же!—Не курить, не ходить никуда, въ глаза мнѣ смотритъ, какъ падишаху какому-нибудь.

— Это все тебѣ такъ кажется.

— Зачѣмъ ты пересталъ курить?

Digitized by Google

— Наскучило.

— Врешь!

— Право, наскучило.

— Право, врешь. — Ну, говори правду. Чтобы дыму не было — да?

Долинскій улыбнулся и качнулъ въ знакъ согласія головой.

— Чѣмъ ты меня любишь?

— Какъ, чѣмъ?

— Вѣдь у тебя сердце все размѣненное, а любить можно разъ въ жизни, сказала смѣясь Даша.

— Ну, почему жь я это знаю.

— А что̀, еслибъ я умерла?

Долинскій даже поблѣднѣлъ.

— Полно, полно, не пугайся, отвѣчала Даша, протягивая ему свою ручку.—Не сердись—я вѣдь пошутила.

— Какія же шутки у тебя!

— Вотъ странный человѣкъ! Я думаю, я и сама не имѣю особеннаго влеченія умирать. Я боюсь тебя оставить.—Ты съ ума сойдешь, еслибъ я умерла?

— Боже спаси.

— Буду жить, буду жить, не бойся.

Утромъ Несторъ Игнатьевичъ покойно спалъ въ ногахъ на дорушкиной постели, а она рано проснулась, сѣла, долго внимательно смотрѣла на него, потомъ поднала волосы съ его лица, тихо поцаловала его въ лобъ, и снова опустившись на подушки, проговорила:

— Боже мой! Боже мой! что̀ съ нимъ будетъ? Что̀ мнѣ съ нимъ сдѣлать?

Опять все за грудь стала Даша частенько потрогиваться, какъ только оставалась одна. Но при Долинскомъ она попрежнему была веселою и покойною, только, кажется, становилась еще нѣжнѣе и добрѣе.

— Напишу я, Даша, Аннѣ, говорилъ ей Долинскій.

— Что̀ жь ты ей напишешь?

— Что я тебя больше всего на свѣтѣ люблю.

— Она это и такъ знаетъ! улыбаясь отвѣтила Даша.

— Почему ты думаешь?

— Я это знаю.

— Все же надо написать что-нибудь.

— Нечего писать что-нибудь.

Digitized by Google

— Нѣтъ, по моему, все-таки лучше писать *ничего*, чѣмъ ничего не писать.

— Подожди. Я напишу сама, отвѣчала послѣ минутной паузы Дора.

А все не писала.

III.

Цвѣтутъ въ полѣ цвѣтики да померкнутъ.

Мартъ прошелъ. Дашѣ ужь не въ моготу стало скрывать своего нездоровья, и съ лица она стала измѣняться.

— Весна вѣрно у насъ начинается, сказала она одинъ разъ Долинскому.

Долинскій понялъ дашино вступленіе и мгновенно поблѣднѣлъ.

— Слабость у меня какая-то во всемъ тѣлѣ, пояснила Дора.

— Что̀ съ тобою?

— Ничего, а такъ слабость.

— Господи! Дорушка! счастье мое, да что̀ жь это съ тобою?

— Ничего, ничего. Слабость маленькую все чувствую, и больше ничего.

А доктора звать ни за что не хотѣла.

Кашель сталъ появляться и жаръ по ночамъ обнаруживался.

— Какой ты забавный! говорила Даша, откашливаясь и смотря на Долинскаго. — Я кашляю, а его точно давитъ что-нибудь! откашливается по обязанности. Ну, чего ты морщишься? весело спросила она, и засмѣялась.

— Не смѣйся такъ, Дора.

— Чего жь плакать, мой другъ?

— Боюсь я за тебя.

— Чего?—Что я умру?

Долинскій смотрѣлъ на нее молча и мѣнялся въ лицѣ.

— Ты умри со мной.

— Полно шутить.

— Ага! любишь, любишь, а умирать вмѣстѣ не хочешь, говорила Дора, играя его волосами.

У Долинскаго навернулись слезы, и онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, хочу.

— А лжешь!

— Да полно жь тебѣ меня мучить, Дора.

— Не мучить! Ну, хорошо, ну, слушай.

Digitized by Google

Дорушка повернулась къ нему лицомъ и сказала:

— Вотъ, мой другъ, что̀ сей сонъ обозначаетъ...

Дорушка снова остановилась.

— Да что̀ же ты хочешь сказать? нетерпѣливо спросилъ Долинскій, отирая выступавшій у него на лбу холодный потъ.

— А то, мой милый, что... не обращай ты вниманія, если тебѣ когда-нибудь кажется, что я будто стала холодна, что я скучаю... Мнѣ все стало очень тяжело; не могу я быть и для тебя всегда такою, какою была. И для любви тоже силы нужны.

— Да что̀ же съ тобой такое?

— Дурно.

— Господи! что̀ же такое? что̀?

— Давно дурно.

— Чего жь ты молчала?

— Это все равно.

— Какъ, все равно?

— Ничто мнѣ не поможетъ.

— Ты себѣ сочиняешь, сказалъ вскочивъ Долинскій.

Даша молчала.

— Иди, ложись спать и дай мнѣ уснуть, сказала она черезъ минуту.

Долинскій въ раздумьѣ сѣлъ у ея ногъ.

— Ложись тутъ и спи, сказала опять Даша, указывая на мѣсто у своихъ ногъ.

По дрожащимъ и жаркимъ губамъ Долинскаго, которыми онъ прикоснулся къ рукѣ Даши, она догадалась, что онъ разстроенъ до слезъ и сказала:

— Пожалуйста, пусть будетъ очень тихо, мнѣ хочется крѣпко уснуть.

IV.

Приговоръ.

Утромъ Долинскій осторожно вышелъ изъ комнаты и отправился къ доктору.

Въ двѣнадцать часовъ явился докторъ, и долгонько посидѣвъ у Даши, вошелъ въ комнату Нестора Игнатьевича, написалъ рецептъ и уѣхалъ, а Даша повеселѣла, какъ будто.

— Ну, чего ты такъ расвисъ! говорила она Долинскому.—Все хорошо, я сама напрасно перепугалась. Поживемъ еще, поцарствуемъ.

Digitized by Google

Долинскій только руки ея целовалъ. Онъ хотѣлъ надѣяться и не смѣлъ вѣрить.

— Ну, ну, полно же.—А ты вотъ что сдѣлай для меня. Принеси мнѣ нашу казну.

— Денегъ еще много.

— Посмотримъ.

Денегъ точно было около двухъ тысячъ франковъ.

— Мало. Ты долженъ для меня заработать много. У меня есть къ тебѣ просьба.

— Приказывай, Даша.

— Заработай мнѣ денегъ. Мнѣ деньги нужны.

— Выдумываешь что-нибудь.

— Право, нужны; наряжаться хочу.

— Ну, хорошо, я буду работать, а ты скажи, на что тебѣ деньги нужны?

— Видишь, пора намъ и за дѣло браться. Ты работай свою работу, а я на первыя же деньги открываю русскій, этакой знаешь, вока маленькій ресторанчикъ.

Долинскій разсмѣялся.

— Ничего нѣтъ смѣшнаго! Я не меньше тебя заработаю. Англичане же всѣ ходятъ ѣсть ростбифъ въ своемъ трактирѣ.

— Ну?

— А у меня будетъ солянка, окрошка, пироги, квасъ, палотки; не бойся, пожалуйста, я вѣрно разсчитала. Ты не бойся, я на твоей шеѣ жить не стану.—Я бы очень хотѣла... дѣтей учить, дѣвочекъ; да, вѣдь не дадутъ. Скажутъ, сама безнравственная. А трактирщицей ничего себѣ, могу быть—даже прилично.

Долинскій еще искреннѣе разсмѣялся.

— Нечего, нечего, говорила съ гримаской Дора.—Вѣдь я всегда трудилась и, разумѣется, опять буду трудиться.—Ничего новаго! Это вы только разсуждаете, какъ бы женщинѣ потрудиться, а когда же наша простая женщина не трудилась? Я же вѣдь не барышня; неужто же ты думаешь, что я шла ко всему не думая, какъ жить, или думая побарски сѣсть на твою шею?

— Да я ничего.

— Ну, такъ нечего, значитъ, и смѣяться. Работай же. Помни, что вотъ я выздоровѣю, фондъ нуженъ, напоминала она, вскорѣ послѣ этого разговора Долинскому.

— Что же работать?

Digitized by Google

— Господи! Вотъ Фигаро нетлѣнный: все ткни его носомъ, да покажи. Ну, разумѣется, пишите повѣсть.

— Дорушка! Вы же понимаете, что повѣсти по заказу не пишутся. У меня въ головѣ нѣтъ никакой повѣсти.

— Ну, я тебѣ задамъ.

— Задай, задай, весело отвѣчалъ Долинскій.

— Ну вотъ ты, да я—вотъ тебѣ и повѣсть.

— Нѣтъ, это ужь пусть другіе пишутъ.

— Отчего жь?

— Къ сердцу очень близко.

— Напрасная сентиментальность.—Ну, Онучина, которой любить хочется, да маменька не велитъ.

— Я ее совсѣмъ не знаю, Дора.

— Побесѣдуй.

— Да откуда ты-то знаешь, что ей любить хочется?

— Такъ; приснилось мнѣ, что-ли — не помню.

— Да ты жь съ ней не говорила.

— Тутъ нечего и говорить.

— А впрочемъ, нѣтъ... постой, постой! вскрикнула подумавъ Даша.—Вотъ что бери: бери этакую, знаешь, барыню, которая все испытываетъ: любятъ-ли ее вѣрно, да на цѣлый ли вѣкъ? Ну, и тутъ словъ! словъ! словъ! — Съ словами цѣлая свора разныхъ, разныхъ прихвостней. Все она собирается любить «жарче дня и огня», а годы все идутъ, и сберется она полюбить, когда ее любить никто не станетъ, или полюбитъ того, кто менѣе всего стоитъ любви. Выйдетъ ничего-себѣ повѣсть, если хорошенько розыграть.

— Начнемъ-ка, подбавила Дора: — я буду вязать себѣ платокъ, а ты пиши.

Шутя началась работа. Повѣсть писалась и платокъ вязался.

— Что̀, ваша кузина... не замужемъ? спросилъ одинъ разъ докторъ, садясь за столикъ въ комнатѣ Долинскаго, чтобы записать рецептъ Дашѣ.

— Нѣтъ, не замужемъ, нѣсколько смутясь отвѣтилъ Долинскій.

Докторъ нагнулся къ столу, и написавъ не спѣша двѣ строчки, снова сказалъ: «Я хотѣлъ васъ спросить: дѣвушка она, или нѣтъ?— очень странные симптомы! — Онъ быстро поднялъ глаза отъ

Digitized by Google

бумаги на лицо Долинскаго. Тотъ былъ красенъ до ушей. Докторъ снова нагнулся, отбросилъ начатый рецептъ въ сторону, и написавъ новый, уѣхалъ.

— Что же, развѣ ей очень дурно? спросилъ Долинскій, провожая доктора за дверь.

— Теперь ничего особеннаго, хотя и хорошаго нѣтъ, но послѣ болѣзнь можетъ идти crescendo, отвѣчалъ врачъ сухо и даже нѣсколько строго.

— Что тебѣ говорилъ докторъ?

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ смущаясь Долинскій.

— Онъ все съ намеками какими-то.

— Да.

— И все вретъ.

— А если правда!

— Лжетъ, лжетъ, я знаю. Я просто простудилась. Послушай-ка меня! Устрой-ка ты мнѣ на ночь ножную ванну — это мнѣ всегда помогало.

— Это прежде было, Дора.

— Ахъ, не спорь о томъ, чего не понимаешь!

— А если хуже будетъ?

— Ахъ, Боже мой, что же это за наказаніе съ этими безтолковыми людьми! Ну, не будетъ хуже, русскимъ вамъ языкомъ говорю, не будетъ, не будетъ, настаивала Дора.

Вечеромъ, Даша при содѣйствіи m-me Бюжаръ брала ножную ванну, и встала на другое утро довольно бодрою, но къ полудню у ней все кружилась голова, а передъ обѣдомъ она легла въ постель.

Пять дней она уже лежала, и все ей худо было. Докторъ началъ покачивать головой, и разъ сказалъ Долинскому:

— Просто не пойму, что это такое?

— Ванну она брала.

— Зачѣмъ?

— Хотѣла.

Докторъ пожалъ плечами и уѣхалъ.

Больная все разнемогалась. Кашель сильный начался, и по ночамъ изнурительный потъ.

— Что съ нею, докторъ? спрашивалъ встревоженный Долинскій.

— Ничего не могу вамъ сказать хорошаго.

— Неужто это все ванна надѣлала?

— Не думаю, но болѣзнь идетъ ужасно быстро.

— Боже мой! что жь дѣлать?

Digitized by Google

— Будемъ дѣлать, что̀ можно.

— Собрать консиліумъ?

— Соберите.

Пять докторовъ были, и деньги взяли, а Дашѣ день ото дня становилось хуже. Не мучилась она, а все слабѣла, и тяжело дышать стала. Долинскій не отходилъ отъ нея ни на шагъ, и самъ разнемогся.

— Сходи къ Онучинымъ, говорила Долинскому Даша, стараясь услать его утромъ изъ дома.

— Зачѣмъ?

— Принеси мнѣ русскую Иллюстрацію.

Несторъ Игнатьевичъ взялъ фуражку.

— А ко мнѣ пошли m-me Бюжаръ, сказала ему вслѣдъ Даша.

Онъ мимоходомъ позвалъ къ ней старуху.

Когда онъ возвратился, въ комнатѣ Даши стоялъ диванъ, перенесенный изъ его кабинетика.

— Зачѣмъ ты это велѣла перенести, Даша?

— Такъ; ты прилечь здѣсь можешь, когда устанешь.

Часто, и все чаще и чаще она стала посылать его къ Онучинымъ, то за газетами, которыя потомъ заставляла себѣ читать, и слушала, какъ будто со вниманіемъ; то за узоромъ, то за русскимъ чаемъ, котораго у нихъ не хватило. А между тѣмъ, въ его отсутствіи она вынимала изъ-подъ подушки бумагу, и скоро и очень скоро что-то писала. Схватится за грудь руками, подержитъ себя сколько можетъ крѣпче, вздохнетъ болѣзненно и опять пишетъ, пока на дворѣ подъ окнами раздадутся знакомые шаги.

— Прибѣжалъ! невытерпѣлъ! скажетъ улыбаясь Дора. — Бѣдный ты мой! Зачѣмъ ты меня такъ любишь?

У Долинскаго стало все замѣтнѣе и замѣтнѣе недоставать словъ. Въ такія особенно минуты, онъ обыкновенно или потерянно молчалъ, или столь же потерянно бралъ больную за руку и не сводилъ съ нея глазъ. Очень тяжело, невыносимо тяжело видѣть, какъ близкое и дорогое намъ существо таетъ, какъ тонкая восковая свѣчка, и спокойно переступаетъ послѣднія ступени къ могилѣ.

Даша проболѣла мѣсяцъ, и извелась совсѣмъ: сдѣлалась сухая, какъ перезимовавшая въ полѣ былинка, и прозрачная, какъ вытаявшая восковая фигура, освѣщенная съ боку. Въ послѣднее время, она почти ничего не кушала, и перестала посылать изъ дома Долинскаго.

Digitized by Google

— Будь теперь возлѣ меня, говорила она ему. — Теперь ужь недолго.

— Да что ты, Дора, въ самомъ дѣлѣ, умирать, что-ли, собираешься?

— А ты какъ думаешь? тихо спросила Дора.

Долинскій стоялъ передъ нею сущимъ истуканомъ.

— Охъ, какой ты смѣшной! говорила черезъ силу улыбаясь Дорушка. — Ну, чего ты моргаешь? Чего тебѣ жаль? Жаль меня? Ну, люби меня, послѣ смерти!... да что объ этомъ. Плачь, если плачется, а я счастлива. Дорушка кашлянула, задумалась, и произнесла еще спокойнѣе:—смерть! Что жь такое смерть? Неизбѣжное!... Ну, и пусть жизнь оборвется на живомъ звукѣ, сразу, безъ стоновъ, безъ жалобъ нищенскихъ. Дорушка опять кашлянула, и показавъ Долинскому бѣлый платокъ, съ свѣжимъ алымъ пятнышкомъ, улыбнулась.

Больной становилось все хуже. Докторъ сказалъ, что ужь нѣтъ никакой надежды.

Даша допыталась сама о состояніи своего здоровья, и сказала: «теперь напиши Аннѣ, что я безнадежна.»

Долинскій написалъ письмо; Даша прочла его, написала внизу: «прощай, сестра», и отдала m-me Бюжаръ, чтобы отправить на почту. На другой день, когда старуха перемѣняла на ней бѣлье, она отдала ей другой толстый пакетъ, и велѣла его бросить завтра въ ящикъ. Два дня потомъ, она была совсѣмъ едва жива, а на третій ей вдругъ полегчало. Цѣлый день Долинскій никакъ не могъ ее упросить, чтобы она молчала. Все, какъ птичка, она щебетала, и все возлѣ себя держала его. Ночью спала она очень покойно, и слѣдующій день начала хорошо, но раза три все порывалась вскрикнуть, какъ будто разрывалось что-то у нея въ груди. Слѣдующая ночь была ей гораздо труднѣе: она бродила, вскрикивала, и безпрестанно звала Долинскаго.

— Я здѣсь, Дора, отвѣчалъ Несторъ Игнатьевичъ.

— Гдѣ? Гдѣ ты?

Плачетъ, и сама руками ищетъ въ воздухѣ.

— Да вотъ я, вотъ, возлѣ тебя, отвѣчалъ Долинскій, сжимая ея руку.

— Господи! а я ужь думала, мнѣ показалось, что я... что тебя ужь нѣтъ со мною.

— Полно, успокойся, Дора.

— Да гдѣ же ты опять?

Digitized by Google

— Да я же вотъ держу тебя за руки.

— То-то... Голосъ твой вдругъ какъ-то странно... далеко мнѣ послышался. Ты не отходилъ отъ меня? спрашиваетъ она въ жару, тревожно водя блуждающими глазами.

— Нѣтъ, Дора.

— То-то, ты не отходи.

— Куда же я пойду?

— Ну, Богъ тебя знаетъ.

Даша на минутку забывалась, и опять вскорѣ звала.

— Что́ же? что́, моя Дора? перепуганнымъ голосомъ спрашивалъ забывавшійся минутнымъ сномъ Долинскій.

— Все мнѣ кажется, какъ будто мы другъ отъ друга уходимъ.

— Ты бредишь, Даша.

— Да, вѣрно брежу. — Ты меня держишь за руку?

— Ну, да, Дора. Богъ съ тобой, развѣ ты не видишь?

— Нѣтъ, вижу. Только ты все далеко какъ-то. Ты лучше обними меня. Сядь такъ, ближе, возьми меня къ себѣ.

И она уснула почти на рукахъ Долинскаго. Когда солнышко взглянуло сквозь занавѣску, Даша спала спокойна и прекрасна, и предательскія алыя пятна весело играли на ея нѣжныхъ щечкахъ.

V.

Finita la comedia.

Съ утра Дашѣ было и такъ и сякъ, только землистый цвѣтъ, проступавшій по тонкой кожѣ около устъ и носа, придавалъ лицу Даши какое-то особенное непріятное, и даже страшное выраженіе. Это была та непостижимая печать, которою смерть заживо отмѣчаетъ обреченныя ей жертвы. Даша была очень серьёзна, смотрѣла въ одну точку, и блѣдными пальцами все обирала что-то съ своего, перстью земною покрывавшагося лица. Къ ночи ей стало хуже, только она однако уснула.

Долинскій приподнялся, дошелъ на цыпочкахъ до дивана и прилегъ. Онъ былъ очень изнуренъ многими безсонными ночами, и уснулъ какъ умеръ. Однако, несмотря на крѣпкій сонъ, часу во второмъ ночи, его какъ будто кто-то самымъ безцеремоннымъ образомъ толкнулъ подъ бокъ. Онъ вскочилъ, оглянулся и вздрогнулъ. Даша, опершись на свою подушку локоткомъ, манила До-

Digitized by Google

линскаго къ себѣ пальчикомъ, и тихонько, шопотомъ называла его имя.

— Что ты? спросилъ онъ, подойдя къ ея постели.

— Тссс! произнесла Даша, и сердито погрозила пальцемъ.

Долинскій остановился и оглянулся.

— Тссс! повторила Даша, и спросила шопотомъ: — когда она пріѣхала?

— Кто пріѣхала!

— Анна.

— Какая Анна?

— Ну, Анна, Анна сестра.

— Богъ съ тобой, это тебѣ приснилось.

Даша разсердилась.

— Не приснилось, а она приходила сюда, вотъ тутъ, вотъ возлѣ меня стояла въ бѣломъ капотѣ.

— Что ты говоришь, Дора, вздоръ какой! Зачѣмъ здѣсь будетъ Анна?

— Я тебѣ говорю, она сейчасъ была тутъ, вотъ тутъ. Она смотрѣла на меня и на тебя. Вотъ въ лобъ меня поцаловала, я еще и теперь чувствую, и сама слышала, какъ дверь за ней скрипнула. Ну, выйди, посмотри лучше, чѣмъ спорить.

Долинскій зажегъ у ночной лампочки свѣчу, и вышелъ въ другую комнату. Никого не было; все оставалось такъ, какъ было. Проходя мимо зеркала, онъ только испугался своего собственнаго лица.

— Ничего нѣтъ, сказалъ онъ, входя къ Дашѣ, возможно спокойнымъ и твердымъ голосомъ.

— Чего жь ты такъ обрадовался? чего ты кричишь-то! Ну, нѣтъ и нѣтъ.

— Я обыкновеннымъ голосомъ говорю.

— Не надо обыкновеннымъ голосомъ говорить — говори другимъ.

Лицо Доры было необыкновенно сурово, даже страшно своею грозною серьёзностью.

При свѣчѣ, на немъ теперь очень ясно обозначились серьёзныя черты Иппократа.

— Зачѣмъ же это другимъ голосомъ? Что ты все пугаешь меня, Даша? сказалъ ей, дѣйствительно дрожа отъ непонятнаго страха Долинскій.

— Это смерть моя приходила, отвѣчала съ досадой больная.

Digitized by Google

Долинскій понималъ, что больная бредитъ на яву, а мурашки все-таки по немъ пробѣжали.

— Какой вздоръ, Даша!

— Нѣтъ, не вздоръ, нѣтъ не вздоръ — и Даша заплакала.

— Чего жь ты плачешь?

— Того, что ты со мной споришь. Я больна, а онъ споритъ.

— Ну, успокойся же, я точно виноватъ.

— Виноватъ!

Даша отерла платкомъ слезы, и сказала:

— И опять глупо: совсѣмъ невиноватъ. Сядь возлѣ меня; я все пугалась чего-то.

Долинскій сѣлъ у изголовья.

— Капризная я стала? спросила едва слышно больная.

— Нѣтъ, Дора, какіе жь у тебя капризы.

— Ну, я тебѣ скажу какіе, только пожалуйста, со мной не спорь, и не возражай.

— Хорошо, Дора.

— Я хочу, чтобы ты меня на свои трудовыя деньги мертвую привезъ въ Россію. Хорошо?

Долинскій молчалъ.

— Исполнишь? спрашивала ласково Дора.

— Исполню.

— До тѣхъ поръ не выѣзжай отсюда. Сдѣлаешь?

— Сдѣлаю.

Она приложила къ его губамъ свою ручку, а онъ поцаловалъ ее, и больная уснула.

Черезъ два дня послѣ этого, съ самаго утра, ей стало очень худо. День она провела безъ памяти, и глядя во всѣ глаза на Долинскаго, все спрашивала: «Гдѣ ты? Не отходи же ты отъ меня!» Передъ вечеромъ зашелъ докторъ, и выходя, только губами подернулъ, да махнулъ около носа пальцемъ. Дѣло шло къ развязкѣ. Долинскій совсѣмъ растерялся. Онъ стоялъ надъ постелью безъ словъ, безъ чувствъ, безъ движенія, и не слыхалъ, что́ возлѣ него дѣлала старуха Бюжаръ. Только милый голосъ, звавшій его время отъ времени, выводилъ его на мгновеніе изъ страшнаго оцѣпенѣнія. Но и этотъ низко-упавшій голосъ очень мало напоминалъ прежній звонкій голосъ Доры. Въ комнатѣ была мертвая тишина. М-me Бюжаръ начинала позѣвывать и кланяться сѣдою головою. Пришла полночь, стало еще тише. Вдругъ, среди этой тишины, Даша стала тихо приподниматься на постели, и

Digitized by Google

протянула руки. Долинскій поддержалъ ее. «Пусти, пусти», прошептала она, отводя его руки. Онъ уложилъ ее опять на подушки, и она легла безпрекословно.

Зорька стала заниматься и въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ сегодня не были опущены занавѣски, начало сѣрѣть. Даша вдругъ опять начала тихо и медленно приподниматься; возрилась въ одну точку въ ногахъ постели, и прошептала: «звонятъ! Гдѣ это звонятъ?» и съ этими словами внезапно вздрогнула, схватилась за грудь, упала навзничъ, и закричала: «ой, что жь это! больно мнѣ! больно! — Окъ, какъ больно! Помогите хоть чѣмъ нибудь. А-а! В-о-т-ъ о-н-а смерть! — Жить!... Ахъ!... ахъ! жить, еще! жить хочу!» крикнула громкимъ, рѣзкимъ голосомъ Дора, и какъ-то неестественно закинула назадъ голову.

Долинскій нагнулся и взялъ ее подъ плечи; Дора вздрогнула, тихо потянулась, и ея не стало.

У изголовья кровати стояла m-me Бюжаръ и плакала въ платокъ, а Долинскій такъ и остался, какъ его покинула отлетѣвшая жизнь Доры.

Прошло десять или пятьнадцать минутъ; m-me Бюжаръ рѣшилась позвать Долинскаго, но онъ не откликнулся.

Онъ ничего не слыхалъ.

Madame Бюжаръ пошла домой, плакала, пила со сливками свой кофе, опять просто плакала и опять пришла — все оставалось попрежнему. Только свѣтло совсѣмъ въ комнатѣ стало.

Француженка еще разъ покликала Долинскаго, онъ тупо взглянулъ на нее и его лѣвая щека скривилась въ какую-то особенную кислую улыбку. Старуха испугалась и выбѣжала.

VI.

Сирота.

Madame Бюжаръ побѣжала къ Онучинымъ. Она знала, что кромѣ этого дома у ея жильцовъ не было никого знакомаго. Благородное семейство еще почивало. Француженка усѣлась на террасѣ и терпѣливо ожидала. Здѣсь ее засталъ Кирилъ Сергѣевичъ и обѣщался тотчасъ идти къ Долинскому. Черезъ часъ онъ пришелъ въ квартиру покойницы вмѣстѣ съ своею сестрою. Долинскій попрежнему сидѣлъ надъ постелью и неподвижно смотрѣлъ на мертвую голову Доры. Глаза ей никто не завелъ, и

Digitized by Google

Съ побѣлѣвшими глазами
Ликъ прежде нѣжный, былъ страшнѣй
Всего, что страшно для людей.

Мухи ползали по глазамъ Дорушки.

Кирилъ Сергѣевичъ съ сестрою вошли тихо. M-me Бюжаръ встрѣтила ихъ въ залѣ и показала въ отворенную дверь на сидѣвшаго попрежнему Долинскаго. Братъ съ сестрой вошли въ комнату умершей. Долинскій не трогался.

— Несторъ Игнатьичъ! позвалъ его Онучинъ.

Отвѣта не было. Онучинъ повторилъ свой окликъ—то же самое, Долинскій не трогался.

Вѣра Сергѣевна постояла нѣсколько минутъ, и не снимая своей правой руки съ локтя брата, лѣвую сильно положила на плечо Долинскаго, и нагнувшись къ его головѣ, сказала ласково: «Несторъ Игнатьичъ!»

Долинскій какъ будто проснулся, провелъ рукою по лбу и взглянулъ на гостей.

— Здравствуйте! сказала ему опять m-lle Онучина.

— Здравствуйте, отвѣчалъ онъ, и его лѣвая щека опять кривилась въ ту же странную улыбку.

Вѣра Сергѣевна взяла его за руку и опять съ усиліемъ крѣпко ее пожала. Долинскій всталъ и его опять подернуло улыбнуться очень недоброй улыбкой. M-me Бюжаръ пугливо жалась въ углу, а ботаникъ видимо растерялся.

Вѣра Сергѣевна положила обѣ свои руки на плечи Долинскаго и сказала:

— Одни вы теперь остались!

— Одинъ, чуть слышно отвѣтилъ Долинскій и, оглянувшись на мертвую Дору, снова улыбнулся.

— Ваша потеря ужасна, продолжала не сводя съ него своихъ глазъ Вѣра Сергѣевна.

— Ужасна, равнодушно отвѣчалъ Долинскій.

Онучинъ дернулъ сестру за рукавъ и сдѣлалъ строгую гримасу. Вѣра Сергѣевна оглянулась на брата, и отвѣтивъ ему нетерпѣливымъ движеніемъ бровей, опять обратилась къ Долинскому, стоявшему передъ ней въ окаменѣломъ спокойствіи.

— Она очень мучилась?

— Да, очень.

— Итакъ еще молода!

Digitized by Google

Долинскій молчалъ и тщательно обтиралъ правою рукою кисть своей лѣвой руки.

— Такъ прекрасна!

Долинскій оглянулся на Дору и уронилъ шопотомъ:

— Да, прекрасна.

— Какъ она васъ любила!... Боже! какая это потеря.

Долинскій какъ будто пошатнулся на ногахъ.

— И за что такое несчастье!

— За что? за... за что! простонавъ Долинскій, и упавъ въ колѣна Вѣры Сергѣевны, зарыдалъ какъ ребёнокъ, котораго безъ вины наказали въ примѣръ прочимъ.

— Полно, Несторъ Игнатьичъ, началъ-было Князь Сергѣевичъ, но сестра снова остановила его сердобольный порывъ и дала волю плачу Долинскому, обливавшему въ отчаяніи ея колѣни.

Мало-по-малу онъ успокоился, и обопрись на стулъ, вглядѣлся еще разъ на покойницу и грустно сказалъ: «все кончено».

— Мы къ вамъ вернемся, m-r Долинскій, вмѣстѣ ехать?

— Извинитесь. Что мы, теперь все равно.

— А не съ братомъ вы ли отправьте мертвую въ Петербургъ сестрёнку.

— Хорошо, послушно отвѣчалъ Несторъ Игнатьевичъ.

Опечаленные уѣхали Долинскіе, а Вѣра Сергѣевна осталась одна-одинешенька съ своей покойницей, и въ мудреномъ кресле сидя передъ покойницей, на которой лежала шкура Дора.

Дѣвушка сидела при бѣломъ гробѣ Вѣры Сергѣевны: все ей казалось, что шкура Дора сгнила и смерть поспѣла послать вырытыя гнилы.

Отдыхъ прекрасной въ бѣлое платье, и разбросанныя волосы ея по стройной такъ, а вокругъ красиво были расставлены на цвѣтахъ и тамъ вывешены на стулъ.

Комнаты лишнюю мебелью, но ничего въ ней не трогали: все оставалось на тѣхъ же мѣстахъ. Долинскій подошелъ къ новой стѣнѣ, прочитавъ эпитафію. Онъ вынулъ въ Книгѣ, вырвалъ листокъ, подписанный ей рукой, вывалилъ ее въ дождь, читая читалъ дуги и закрылъ окна.

— Пойдемте-ка къ нимъ, Несторъ Игнатьичъ, сказала Сестрица.

— Нѣтъ, прости, не могу. Я не выдержу: мнѣ слишкомъ больно.

— Не сомнѣвайтесь, вы еще вѣсть нашъ, отвѣчала Вѣра Сергѣевна.

Онъ на благодарность поцѣлуй ей руки.

Digitized by Google

— Знаете, что я забыла спросить васъ, m-r Долинскій! сказала Вѣра Сергѣевна, зайдя къ нему послѣ обѣда.—Вы Дору здѣсь оставите?

— Какъ здѣсь?

— То-есть въ Италіи?

— Ахъ, Боже мой! я и забылъ. Нѣтъ, ее перевезутъ домой, въ Россію. Нужно металическій гробъ. Вы вѣдь это хотѣли сказать?

— Да.

— Да, металическій.

— Вы не хлопочите, maman все это уладитъ: она знаетъ, что нужно дѣлать. Она извиняется, что не можетъ къ вамъ придти, она нездорова.

Старуха Онучина боялась мертвыхъ.

— Позвольте же, деньги нужно дать, безпокоился Долинскій.

— Послѣ, послѣ отдадите, сколько издержатъ.

— Благодарю васъ, Вѣра Сергѣвна. Я бы самъ ничего не дѣлалъ.

M-lle Онучина промолчала.

— Какъ вы хорошо одѣли ее! заговорилъ Долинскій.

— Вамъ нравится?

— Да. Это всего лучше шло къ ней всегда.

— Очень рада. Я хочу посидѣть у васъ, пока братъ за мною придетъ.

— Что жь! Это большое одолженіе, Вѣра Сергѣвна.

— У васъ есть чай?

— Чай? Вѣрно есть.

— Дайте, если есть.

Долинскій нашелъ чай и позвалъ старуху. Принесли горячей воды и Вѣра Сергѣевна сѣла дѣлать чай. Пришла и горничная съ большимъ узломъ въ салфеткѣ. Вѣра Сергѣевна стала разбирать узелъ: тамъ была розовая подушечка въ ажурномъ чехлѣ, кисея, собранная буфами, для того, чтобы ею обтянуть столъ; множество гирляндъ, великолѣпный букетъ и вѣнокъ изъ живыхъ бѣлыхъ розъ на голову.

Разложивъ все это въ порядкѣ, Вѣра Сергѣевна съ своею горничной начала убирать покойницу. Долинскій тихо и спокойно помогалъ имъ. Онъ вынулъ изъ своей дорожной шкатулки кіевскій перламутровый крестъ своей матери и, по украинскому обычаю, вложилъ его въ исхудалыя ручки Доры.

Digitized by Google

Передъ тѣмъ, когда хотѣли закрывать гробъ покойницы, Вѣра Сергѣевна вынула изъ кармана ножницы, отрѣзала у Дорушки цѣлую горсть волосъ, потомъ отрѣзала длинный конецъ отъ ея голубого пояса, перевязала эти волоса обрѣзкомъ ленты и подала ихъ Долинскому. Онъ взялъ молча этотъ послѣдній остатокъ земной Доры и даже не поблагодарилъ за него m-lle Онучину.

VII.

Письмо изъ-за могилы.

Анна Михайловна получила письмо объ отчаянной болѣзни Доры за два часа до полученія телеграммы о ея смерти.

Анна Михайловна плакала и тосковала въ Петербургѣ, и ее никто не заботился утѣшать. Одинъ Илья Макаровичъ чаще забѣгалъ подъ различными предлогами, но мало отъ него было ей утѣшенія: художникъ самъ не могъ опомниться отъ печальной вѣсти и все сводилъ разговоръ на то, что «сгорѣло созданьице милое! подсѣкла его судьбенка.» Анна Михайловна, впрочемъ, и не искала стороннихъ утѣшеній.

— Не безпокойтесь обо мнѣ, Илья Макарычъ, ничего со мною не сдѣлается, отвѣчала она волновавшемуся художнику.—Отъ горя люди, къ несчастію, не умираютъ.

Только Аннѣ Анисимовнѣ она часто съ тревогою сообщала свои сновидѣнія, въ которыхъ являлась Дора. «Видѣла ее, мою крошку, будто она одна, босая, моя голубочка, сидитъ на полу въ пустой церкви...» разсказывала тоскуя Анна Михайловна.

— Душенька ея... сочувственно начинала бѣдная дѣвушка.

— И эти ручки, эти свои маленькія ручонки ко мнѣ протягиваетъ... Ахъ ты Боже мой! Боже мой! перебивала въ отчаяніи Анна Михайловна, и обѣ начинали плакать вмѣстѣ.

Черезъ три дня послѣ полученія печальныхъ извѣстій изъ Ниццы, Аннѣ Михайловнѣ подали большое письмо Даши, отданное покойницей m-me Бюжаръ за два дня до своей смерти. Анну Михайловну нѣсколько изумило это письмо умершаго автора; она поспѣшно разорвала конвертъ и вынула изъ него пять мелко исписанныхъ листовъ почтовой бумаги.

«Сестра! Пишу къ тебѣ съ того свѣта, начинала Даша.—Живя на землѣ, я давно не въ силахъ была говорить съ тобою попрежнему, то-есть я не могла говорить съ тобой откровенно. Въ

Digitized by Google

первый разъ въ жизни я измѣнила себѣ, отмалчивалась, робѣла. Теперь исповѣдуюсь тебѣ, моя душка, во всемъ. Пусть будетъ надо мной твоя воля и твой судъ милосердный. Мой міръ прошелъ предо мною полнымъ и я схожу въ готовую могилу безъ всякаго ропота. Совѣсть я уношу чистую. По моимъ нравственнымъ понятіямъ, то-есть понятіямъ, которыя у меня были, я ничѣмъ не оскорбила ни людей, ни человѣчество, и ни въ чемъ не прошу у нихъ прощенія. Но есть, голубчикъ сестра, условія, которыя плохо повинуются разсудку и заставляютъ насъ страдать крѣпко, долго страдать, наперекоръ своей увѣренности въ собственной правотѣ. Одно такое условіе давно стало между мною и тобою; оно поднималось, падало, опять поднималось, рослорослo, наконецъ выросло во всю свою естественную, или, если хочешь, во всю свою уродливую величину, и теперь съ моею смертью оно, слава-богу, исчезаетъ. Я говорю, Аня, о нашей любви къ Долинскому... Пора это выговорить... Зачѣмъ мы его полюбили обѣ? я не разрѣшу себѣ точно такъ же, какъ не могла себѣ разрѣшить никогда, что̀ такое мы въ немъ полюбили? что̀ такое въ немъ было?... Увлеклись своими опекунскими ролями, или это—сила добра и честности?

«Да Богъ съ ними, съ этими вопросами! поздно ужь рѣшать ихъ.

«Я себѣ свою начальную любовь къ этому Долинскому, къ этой живой слабости, объясняю, вопервыхъ, моей мизерикордіей, а вовторыхъ... тѣмъ, что-ли ужь, что нынѣшніе *сильные* люди не вызываютъ любви, не могутъ ее вызвать. Я не знаю, что̀ бы со мной было, еслибы я рядомъ съ Долинскимъ встрѣтила человѣка сильнаго какъ-то иначе, сильнаго *любовью*, но люди сильные одною ненавистью, однимъ самолюбіемъ, сильные умѣньемъ не любить никого, кромѣ себя и своихъ фразъ, мнѣ были ненавистны; другихъ людей не было, и Долинскій, со всѣми его слабостями, сталъ мнѣ милъ, какъ говорятъ, понравился.

«Ты знаешь, что я его люблю едва-ли не раньше тебя, едва-ли не съ первой встрѣчи въ Луврѣ передъ моей любимой картиной. Но онъ тебя, а не меня полюбилъ. Вы это искусно скрывали, но недолго. Сердце сказало мнѣ все; я все понимала, и понимала, что онъ считаетъ меня ребёнкомъ. Это меня злило... Да не будь этого, можетъ быть, и ничего бы не было остальнаго. Сначала я заставляла молчать мое странное, какъ будто съ за-

Digitized by Google

висти разгоравшееся чувство; я сама увѣряла себя, что я не могла бы успокоить упадшій духъ этого человѣка, что ты вѣрнѣе достигнешь этого, и таки-наконецъ одолѣла себя, отошла отъ васъ въ сторону. Вы не видали меня за своею любовью и я вамъ не мѣшала, но я наблюдала васъ, и тутъ-то мнѣ показалось, что я поняла Долинскаго гораздо вѣрнѣе, чѣмъ понимала его ты. Тебѣ было жаль его, тебѣ хотѣлось его успокоить, дать ему вздохнуть, оправиться, а потомъ... жить тихо и скромно. Такъ я это понимала.

«Я была очень молода, совсѣмъ неопытна, совсѣмъ дѣвочка, но я чувствовала, что въ немъ еще много жизни, много силы, много охоты жить смѣлѣе, тверже. Я видѣла, что силѣ этой такъ не должно замереть, но что у него воля давно пришибена, а ты только о его покоѣ думаешь. Я почувствовала, что еслибъ онъ любилъ меня, то я бы могла дать ему то, чего у него не было, или что̀ онъ утратилъ: волю и смѣлость. Это льстило моей дѣтской гордости, этимъ я хотѣла *отмѣтить мою жизнь на свѣтѣ*. Но вы любили другъ друга, и я опять отошла въ сторону и опять наблюдала васъ, любя васъ обоихъ. А тутъ я заболѣла, собиралась умирать. Занося ногу въ могилу, я еще сильнѣе почувствовала мою любовь — въ страсть она переходила во мнѣ. Это было для меня чувство совершенно новое и я, право, въ немъ невиновата. Это какъ-то сдѣлалось совсѣмъ мимо меня! Мнѣ не хотѣлось умирать не любя: мнѣ хотѣлось любить крѣпко, сильно. Это было ужасное чувство, мучительное, страшно мучительное! Тутъ поѣхали мы въ Италію; все вдвоемъ, да вдвоемъ. Силъ моихъ не было съ собою бороться — хоть день, хоть часъ одинъ я хотѣла быть любимою во что бы то ни стало. Ахъ, сестра, ты простила бы мнѣ все, еслибы знала, какое это было мучительное желаніе любви... обожанія, чьего-то рабства передъ собою! Это — что-то дьявольское!... Это гадко, но это было *непреодолимо*.

«Я хотѣла уѣхать и не могла. Сатана, духъ нечистый одинъ знаетъ, что̀ это было за ненавистное состояніе! Порочная душа моя въ немъ сказалась что-ли, или это было роковое наказаніе за мою самонадѣянность! Мало того, что я хотѣла быть любимой, я хотѣла чтобы меня любилъ, боготворилъ, уничтожался передо мною человѣкъ, который не долженъ меня любить, который долженъ любить другую, а не меня... И чтобъ онъ ее бросилъ; и чтобъ онъ ее разлюбилъ; чтобъ онъ совсѣмъ забылъ ее

Digitized by Google

для меня — вотъ чего мнѣ хотѣлось! Дико!... Гнусно!... Твоя кроткая душа не можетъ понять этого злого желанія. Правда, я давно любила Долинскаго, я любила въ немъ мягкаго и честнаго человѣка, ну, пожалуй, даже любила его, такъ-таки по всѣмъ правиламъ, со всѣми онѣрами, но... все-таки изъ этого, можетъ быть, ничего бы не было; все-таки жаль же мнѣ было тебя! Любила же я тебя, Аничка! знала же я, сколько тебѣ обязана! Все противъ меня было! Но какая-то лукавая сила все шептала: «передъ тобой и это все загремитъ и разсыпется прахомъ». Ты знаешь, Аня, что я никогда не была кокеткой; это совершенная правда, я не кокетка; но я однако кокетничала съ Долинскимъ, и безсовѣстно, зло кокетничала съ нимъ. Не совсѣмъ это безсовѣстно было только потому, что я не хотѣла его влюбить въ себя и бросить, заставить мучиться, я хотѣла... или лучше сказать тебѣ, въ то время, при самомъ началѣ этой исторіи, я ничего не объяснила себѣ, зачѣмъ я все это дѣлаю. Но все-таки я знала, я чувствовала, что это... нехорошо. Иногда я останавливалась, вела себя ровно, но это было на минуту, да, все это бывало на одну минуту... Я опять начинала вертѣть его, сбивать, влюблять въ себя до безумія, и, разумѣется, влюбила. Клянусь тебѣ всѣмъ, что это открытіе не обрадовало меня; оно меня испугало! Я въ ту минуту не хотѣла, чтобы онъ разлюбилъ тебя. Голубчикъ мой! повѣрь мнѣ, что этого я не хотѣла... но... потомъ вдругъ я совсѣмъ обо всемъ этомъ забыла, совсѣмъ о тебѣ забыла, и моя злоба взяла верхъ надъ твоею кроткою, незлобивою любовью, моя дорогая Аня: человѣкъ, котораго ты любила, уже не любилъ тебя. Онъ не смѣлъ сказать мнѣ, что онъ любитъ меня, не смѣлъ даже самъ себѣ сознаться въ этомъ, но онъ былъ *мой рабъ*, а я хотѣла любить, и онъ мнѣ нравился. Тутъ ужь не было мѣста прежней мизерикордіи, я только *любила*. Ахъ, Аня! не обвиняй его хоть ты ни въ чемъ: все это *я* одна, я все это надѣлала! Я ужь не думала ни о комъ, ни о тебѣ, ни о немъ, ни о себѣ: быть любимой, *быть любимой*—вотъ все, о чемъ я думала. Я знаю, что еслибъ я жила, онъ бы со мною не погибъ; но я знала, что я недолго буду жить и что это его можетъ совсѣмъ сбить съ толку и мнѣ его не было даже жалко. Пусть полюбитъ меня, а потомъ пусть гибнетъ. Развѣ я этого не стоила? Губятъ же люди себя опіумомъ, гашишемъ, неужто же любовь женщины хуже какого нибудь глупаго опьяненія? Ужасайся, Аня, до чего доходила твоя Дора!

Digitized by Google

«Я непремѣнно хочу разсказать тебѣ все, что̀ должно служить къ его оправданію въ этой каторжной исторіи.»

Тутъ Даша довольно подробно изложила все, что̀ было со дня ихъ пріѣзда въ Ниццу до послѣднихъ дней своей жизни, и заканчивая свое длинное письмо, писала: «Теперь я умираю, ничего собственно не сдѣлавъ для него хорошаго. Но я, сестра, въ могилу все-таки уношу убѣжденіе, что этотъ человѣкъ еще многое можетъ сдѣлать, если благородно пользоваться его преданною, привязчивою натурою; иначе кто нибудь станетъ ею пользоваться неблагородно. Онъ одинъ жить не можетъ. Это ужь такой человѣкъ. Встрѣтитесь вы, что-ли... но я тутъ ровно ничего не понимаю. Я и хочу, и не хочу этого. Все это, понимаешь, такъ странно и такъ неловко, что... Господи, что̀ это я только напутала!» (Тутъ въ письмѣ было нѣсколько тщательно зачеркнутыхъ строчекъ и потомъ снова начиналось):

«Я бы доказала, что я могу сдѣлать этого человѣка счастливымъ и могу заставить его отряхнуться. Да, это дѣло возможное; повѣрь, возможное. Отъ того, что я умираю, оно не дѣлается невозможнымъ. Вдумайся хорошенько, и ты увидишь, что я не говорю ничего несообразнаго.»

«Не зови его изъ Италіи. Пусть поскучаетъ обо мнѣ въ волю. Это для него необходимо. Я вижу, что я для него буду очень серьёзною потерею, и надо, чтобы онъ съумѣлъ съ собою справиться, а не растерялся, не бросился богъ-вѣсть куда. Я велѣла ему перевезти мое тѣло въ Россію. Для насъ, небогатыхъ людей — это, разумѣется, затѣя совершенно лишняя и непростительная (хотя, каюсь тебѣ, и мнѣ какъ-то пріятнѣе лежать въ родной землѣ, ближе къ людямъ, которыхъ я любила). Я сдѣлала это, однако, не для себя. Онъ будетъ очень тосковать обо мнѣ, а все-таки лучше ему оставаться здѣсь. Куда ему ѣхать въ Россію?... Все такъ свѣжо будетъ... такъ больно... Зачѣмъ встрѣча безъ радости? Я ему сказала, чтобы онъ перевезъ меня на трудовыя деньги. Это его заставитъ работать и будетъ очень хорошо, если никто не станетъ въ него вступаться, звать его. Все должно быть оставлено времени и моей памяти. Я еще изъ-за гроба что нибудь сдѣлаю... А ты, Аня, не увлекайся своими фантазіями и поступай такъ, какъ тебѣ укажутъ твое чувство и благоразуміе. Что̀ мой другъ дѣлать, бываетъ всякое на свѣтѣ!»

Тутъ опять было нѣсколько тщательно зачеркнутыхъ строчекъ и потомъ стояло: «Только опять нѣтъ! Все мнѣ что-то кажется,

Digitized by Google

я какъ-то предчувствую, что все это будетъ какъ-то не такъ, что будетъ какая-то иная развязка и вообрази... *я буду рада, если она будетъ иная*... Кажется, любила и сгубила... Что жь дѣлать? дамъ отвѣтъ, если спросится... А впрочемъ, не слушай лучше ты, Аня, меня — я, должно быть, совсѣмъ сошла съ ума передъ смертью. Старайся, чтобъ было такъ, *какъ мнѣ не хочется*. Лучшаго я ничего не придумаю. Все это мнѣ представляется теперь, какъ объявляютъ на афишахъ, какимъ-то великолѣпнымъ, брильянтовымъ фейерверкомъ, и вотъ этотъ фейерверкъ весь сгорѣлъ до тла и около меня сгущается мракъ, сѣрый, непроглядный мракъ, могила... А нельзя было не сжечь его! Онъ такъ хорошо, такъ дивно хорошо горѣлъ!... Говорю тебѣ одно, что еслибы ты умерла прежде меня, я бы... нѣтъ, я ничего не знаю.

«*Я ничего не знаю*, и это выходитъ *все*, что я съумѣла сказать тебѣ въ этой послѣдней попыткѣ, моя мать, сестра и лучшій земной другъ мой! Я умираю однако въ полномъ убѣжденіи, что ты поняла мою исповѣдь и простила меня. Прощай, мой добрый ангелъ! Прощай издалека. Какъ бы я хотѣла тебя видѣть въ мои послѣднія минуты!... Какъ я хочу вѣрить, что я увижу тебя! Да, я тебя увижу: я вызову тебя. Я вѣрю въ души, въ силу душъ и я тебя вызову! Разстояній нѣтъ. Ихъ нѣтъ, потому что ты теперь со мною! Я вижу, какъ ты меня прощаешь. Ты благословляешь твою безнравственную сестру... спасибо. Совсѣмъ мнѣ плохо; едва дописываю эти строчки. Пора въ походъ, безвѣстный... Вотъ она, когда близится роковая загадка-то! Иду смѣло, смѣло иду! Интересно знать, что тамъ такое? Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ буду ждать васъ; но хочу, чтобы ждала какъ можно дольше и боюсь только, что «въ мірѣ иномъ другъ друга ужь мы не узнаемъ.»

«Любите же и помните вашу мертвую Дору.»

«Ницца.»

«P. S. Еслибы слѣпою волею рока это письмо мое когда нибудь стало извѣстно высоконравственному міру, Боже, какъ бы перевернули высоконравственные люди въ могилѣ мои бѣдныя кости! Съ какими бы процентами заплатили мнѣ всѣ эти опять-таки высоконравственныя дамы за все презрѣніе, которое я всегда чувствовала къ ихъ фарисейской нравственности! Развѣ одна ты, милосердная, вдохновительная, всесильная любовь вложишь въ чьи нибудь грѣшныя и многолюбящія или многолюбившія уста

Digitized by Google

слово въ мое оправданіе! Сорвалась съ петлей! Не умѣла любить въ половину сердца, а всѣмъ полюбишь — на полдорогѣ не остановишься. Прощай и еще разъ прости меня мертвеца, бѣднаго и болѣе никому уже невредящаго.

«Совсѣмъ забыла про Журавку! онъ обидится. Поцалуй его за меня: онъ любилъ меня, нашъ добрый, маленькій человѣчекъ съ большимъ сердцемъ. Аннѣ Анисимовнѣ, всему нашему маленькому, тихому мірку, всѣмъ дѣвушкамъ, всѣмъ кланяюсь и у всѣхъ прошу себѣ всякаго прощенья.»

Анна Михайловна поплакала, еще разъ перечитала письмо и легла въ постель. Много горячихъ и добрыхъ слезъ ея упало этою безконечною для нея ночью.

— Что̀ теперь впереди? Кому на что нужна моя жизнь и зачѣмъ она самой мнѣ, эта жизнь, въ которой все милое пропало, все вымерло? спрашивала себя она, обтирая заплаканное лицо.

Совершенно разбитая, Анна Михайловна рано утромъ встала и написала Долинскому: «Печальное извѣстіе о смерти Дорушки меня поразило, потому что ни одинъ изъ васъ даже не извѣщалъ меня, что ей сдѣлалось хуже. Однако, я давно была къ этому готова и желаю, чтобы ты какъ можешь спокойнѣе перенесъ нашу потерю. Я прошу тебя остаться въ Ниццѣ, пока я выхлопочу позволеніе перевезти въ Петербургъ тѣло Доры. Это не будетъ очень долго и ты вѣрно не откажешь въ новомъ одолженіи мнѣ и покойницѣ. Я очень скучаю теперь и вдвое буду рада каждой твоей строчкѣ. Извини, что пишу такъ мало: самъ вѣрно понимаешь, что мнѣ не до словъ.»

VIII.

Сладкія начала злого недуга.

Долинскій все грустилъ о Дорѣ и никуда не выходилъ. Аристократъ-ботаникъ два раза заходилъ къ нему, но замѣтивъ, что его посѣщенія въ тягость одичавшему хозяину, пересталъ его навѣщать. Старуха нѣсколько разъ посылала приглашать Долинскаго къ себѣ обѣдать — онъ всякій разъ упорно отказывался и даже сердился, что его трогаютъ. Дома онъ все ходилъ въ раздумьѣ по дашиной комнатѣ и ровно ничѣмъ не занимался. Ночами спалъ мало и то все Дору безпрерывно видѣлъ во снѣ.

Digitized by Google

Это его радовало. Онъ очень полюбилъ свои сновидѣнія; онъ жилъ въ нихъ и незамѣтно сталъ отъискивать въ нихъ какой-то таинственный смыслъ и значеніе. Долинскій незамѣтно началъ строить такія положенія, что Даша не вся умерла для него; что она живетъ гдѣ-то и вовсе не потеряла возможности съ нимъ видѣться. Ему начало сниться, что она откуда-то приходитъ ночами, сидитъ у его изголовья и говоритъ ему живыя, ласковыя рѣчи, и онъ сердился, когда разумъ говорилъ ему, что это только сонъ, только такъ кажется. Онъ всегда слово отъ слова помнилъ все, что̀ ему говорила ночью Дора, и всегда находилъ въ ея рѣчахъ тотъ же умъ и тотъ же характеръ, которыми дышали ея прежніе разговоры. Странно и неестественно было теперешнее состояніе Долинскаго, и въ такомъ состояніи онъ получилъ знакомое намъ письмо Анны Михайловны, а ночью ему опять снилась Дора. Она вошла въ комнату; тихо сѣла возлѣ Долинскаго на краю кровати и положила ему на лобъ свою исхудалую ручку. Лицо Доры было такъ же прекрасно, но сдѣлалось совсѣмъ прозрачнымъ. Она была въ томъ же бѣломъ платьицѣ, въ которомъ ее схоронили, у ея голубого кушака былъ высоко отрѣзанъ одинъ конецъ, а съ лѣвой стороны надъ вискомъ выбивались изъ-подъ бѣлыхъ розъ неровно остриженные рукою Вѣры Сергѣевны волосы.

Долинскому казалось, что все существо Доры блеститъ какимъ-то фосфоричнымъ свѣтомъ, и онъ закрытыми глазами видѣлъ, какъ она ему улыбнулась, слышалъ, какъ она сказала: «здравствуй, мой милый!» и чувствовалъ, что она положила ему на голову свою ручку. «Я на тебя сердита теперь!» говорила Дора. «Я тебя просила работать для меня, а ты все скучаешь, все ничего не дѣлаешь. Нехорошо! Скучать нечего, я всегда съ тобой. Мнѣ хорошо, я васъ вижу всѣхъ теперь. Встань, мой другъ, пиши, я хочу, чтобъ ты писалъ, чтобъ ты отвезъ меня въ Россію. Здѣсь у насъ все чужіе въ могилахъ. Встань же! встань! работай», звала она, потрихивая его за плечо. Долинскій вскакивалъ, открывалъ глаза — въ комнатѣ ничего не было. Онъ вздыхалъ и засыпалъ снова, и Даша немедленно слетала къ нему снова и успокоивала его, говорила, что ей хорошо, что она всѣхъ любитъ. «А глазами, говорила она, на меня смотрѣть нельзя; никогда не смотри на меня глазами! Возьми же, возьми меня съ собой!» вскрикивалъ во снѣ Долинскій. «Нельзя, мой другъ, нельзя», тихо отвѣчала Даша. «Я не пущу тебя», опять

Digitized by Google

вскрикивалъ Долинскій въ своемъ тревожно-сладкомъ снѣ, протягивалъ руки къ своему видѣнію и обнималъ воздухъ, а разгоряченному его воображенію представлялась уносившаяся вдалекѣ по синему ночному небу Дора. Сновидѣнія эти не прекращались. Наконецъ, разъ какъ-то Даша явилась Долинскому съ сморщеннымъ лбомъ, сказала: «работай, или я въ наказаніе тебѣ не буду навѣщать тебя и мнѣ будетъ скучно».

Прошло три ночи, и Даша сдержала свое слово: ни на одно мгновеніе не привидѣлась она Долинскому.

Несторъ Игнатьевичъ очень серьёзно встревожился. Онъ на четвертый день вскочилъ съ разсвѣтотъ и сѣлъ за работу. Повѣсть сначала не вязалась, но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и работа пошла удачно. Онъ писалъ не вставая весь день и далеко за полночь, а передъ утромъ заснулъ въ креслѣ и Дора тотчасъ же выдѣлилась изъ сѣраго предразсвѣтнаго полумрака, прошла своей неслышной поступью и, поцаловавъ Долинскаго въ лобъ, сказаала: «умникъ, умникъ—работай».

М. Стевницкій.

Digitized by Google

У СЕБЯ И НА ЧУЖБИНѢ.

(Посвящается Е. Н. Назарьевой).

Часть первая.

У СЕБЯ.

I.

Огромная лампа точно солнце свѣтитъ среди большой, комфортабельно убранной комнаты; обитая темнымъ бархатомъ мёбель, въ обдуманномъ безпорядкѣ разставлена по мягкому, дорогому ковру—издали можно принять коверъ этотъ за кучу разбросанныхъ по полу живыхъ цвѣтовъ; тяжелыя занавѣсы, обои, вазы, громадные часы—все это въ высшей степени гармонируетъ одно съ другимъ.

Много нужно употребить времени, чтобы обдумать и собрать вмѣстѣ всѣ эти вещи, казалось свыше назначенныя къ тому, чтобы нераздѣльно украшать жилище дѣйствительнаго статскаго совѣтника Калмыкова.

И точно — немало времени употребилъ дѣйствительный статскій, обдумывая, какъ и гдѣ что̀ поставить, и чѣмъ украсить свою квартиру. Знакомые и подчиненные въ нѣмомъ уваженіи взирали на глубокомысленное чело администратора, нисколько не подозрѣвая, что голова администратора занята въ эту минуту стульями съ инкрустаціей.

Въ этотъ вечеръ, которымъ начинается разсказъ нашъ, администраторъ, пріютившись около камина, втихомолку зѣвалъ, и даже не думалъ о стульяхъ съ инкрустаціей...

На диванѣ красовалось лучшее украшеніе комфортабельной квартиры, лучшая ея мёбель — жена администратора: красивая, добрая, умная, симпатичная, а главное—въ высшей степени современная женщина.

Digitized by Google

Противъ нея сидѣлъ молодой человѣкъ съ длинными, бѣловатыми волосами, блѣднымъ лицомъ, выразительными карими глазами и какимъ-то вдохновеннымъ видомъ.

Какъ роскошно и уютно было въ комнатѣ, такъ грязно и черно было на улицѣ: проливной дождь гналъ пѣшеходовъ, экипажи неслись такъ быстро и съ такимъ громомъ, что окна дрожали въ комнатѣ.

— Вполнѣ, вполнѣ вамъ сочувствую, Михаилъ Алексѣичъ! съ жаромъ говорила современная женщина:—мѣсто дѣятеля, въ настоящую минуту, не здѣсь, а въ глуши... тамъ!... среди нашихъ меньшихъ братій, среди темнаго люда... Тамъ совершается великое, безпримѣрное дѣло: пробужденіе мильоновъ, обновленіе, новая жизнь. Спѣшите же, спѣшите вложить свою лепту, спѣшите, потому что теперь каждая минута, каждая секунда дорога.

Молодой человѣкъ, къ которому относились слова эти, сдѣлалъ такое движеніе на своемъ креслѣ, какъ-будто хотѣлъ сейчасъ же подняться на немъ, и къ довершенію эфекта, унестись изъ виду хорошенькой женщины — прямо въ глушь, въ свою Загудаевку, и тамъ, не откладывая въ долгій ящикъ, сейчасъ же приняться за великое дѣло.

— Ваше высокое самоотверженіе... снова начала-было современная женщина.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ, какъ порохъ.

— Зачѣмъ говорить о самоотверженіи!... зачѣмъ! перебилъ онъ.—У насъ въ Россіи не можетъ быть и рѣчи о самоотверженіи; при нашемъ безлюдьѣ, на насъ на всѣхъ, кто только что-нибудь можетъ дѣлать, лежитъ обязанность — кровная обязанность... И онъ сталъ говорить о своихъ будущихъ планахъ, мечтахъ и надеждахъ. Онъ уже рѣшилъ, что немедленно по пріѣздѣ въ деревню, возьметъ должность мирового посредника—закипитъ неутомимая дѣятельность; старое поколѣніе несетъ повинныя головы... жертвы тьмы вызваны къ новой жизни... крестьянскіе мальчики весело бѣгутъ въ школы, сословныя перегородки падаютъ, мужикъ и баринъ рука объ руку выступаютъ на широкое поле новыхъ отношеній, вольный трудъ кипитъ...

Откинувшись на спинку кресла, слушала, и, казалось, очень внимательно слушала современная женщина.

Но въ эту минуту дѣйствительный статскій не уберегся, и страшно разинувши ротъ, зѣвнулъ безобразнѣйшимъ образомъ.

Молодой человѣкъ остановилъ потокъ вдохновенныхъ рѣчей, къ которымъ и самъ прислушивался уже съ нѣкоторымъ изумленіемъ, и поспѣшилъ раскланяться.

Восторженныя похвалы снова посыпались на его голову.

Digitized by Google

— Я бы непремѣнно уѣхала съ вами, еслибы была мужчиной, сказала жена.

— Я бы тоже не отсталъ отъ васъ, еслибы не мои дружескія отношенія съ министромъ, сказалъ мужъ, и даже не безъ досады прибавилъ:—охъ, ужь эти мнѣ дружескія отношенія, связываютъ только по рукамъ и по ногамъ...

Михаилъ Алексѣевичъ весело сбѣжалъ съ парадной лѣстницы своего бывшаго начальника; ему было какъ-то особенно легко и пріятно. Одушевленіе его нисколько не улеглось, когда въ лицо ему пахнуло холодомъ и мглой петербургской осенней ночи; онъ плотно застегнулся въ пальто и, скользя по мокрой мостовой, запѣлъ арію изъ *Троватора*...

Быстро, безъ минуты сна промелькнула для Михаила Алексѣевича длинная осенняя ночь, но это не была та мучительная безсонница, послѣ которой человѣкъ долго чувствуетъ себя разбитымъ и больнымъ; Михаилъ Алексѣевичъ былъ убѣжденъ, что дѣлаетъ хорошее дѣло, бросивши службу, уже улыбавшуюся ему, единственно для того, чтобы летѣть въ родную глушь и положить тамъ весь запасъ своихъ силъ и способностей; онъ былъ полонъ надеждъ и счастья, и вотъ почему сонъ бѣжалъ отъ глазъ его; онъ представлялъ себѣ свое высокое жертвоприношеніе, свою кипучую дѣятельность въ должности мирового посредника, мечталъ даже о будущей популярности въ цѣломъ уѣздѣ, а можетъ быть, и въ цѣлой губерніи. Картина за картиной, одна увлекательнѣе другой, быстро проходили передъ глазами его.

Здѣсь нужно сказать, что вообще Михаилъ Алексѣевичъ былъ склоненъ къ розовому цвѣту, и реальнаго въ немъ было мало, хотя онъ и имѣлъ достаточно ума на то, чтобы служить такъ, какъ и всѣ служатъ; но все-таки болѣе было въ немъ горячихъ порывовъ, болѣе склонности сдѣлаться дилетантомъ въ какомъ нибудь родѣ, не бойкимъ, не честнымъ чиновникомъ или офицеромъ, или благородно-мыслящимъ, но совершенно безполезнымъ, какъ себѣ, такъ и другимъ, помѣщикомъ. Самая жизнь его сложилась такимъ образомъ, что изъ него ни въ какомъ случаѣ не могъ выйдти полезный чернорабочій, или скромный труженикъ; его воспитывали такъ, какъ обыкновенно воспитываютъ у насъ «барчатъ», и не дали даже поверхностнаго понятія о жизни дѣйствительной.

Изъ всего поколѣнія Кожиныхъ, изъ цѣлаго ряда на диво сформированныхъ двоюродныхъ и троюродныхъ братцевъ, одинъ только Миша кончилъ курсъ въ университетѣ, и не расплывшись до чудовищныхъ размѣровъ, вмѣсто того, чтобы прилѣпиться къ орліямъ и гусарскимъ шнурочкамъ—всею душою прилѣпился къ кни-

Digitized by Google

гѣ. Дядюшки и тётушки, съ завистью взирая на скромнаго, неразлучнаго съ книгой юношу, прославили его во всей окружности и называли «утѣшеніемъ старости и живымъ примѣромъ молодости»; между тѣмъ какъ преждевременно расплывшіеся и даже нѣсколько лоснившіеся отъ избытка здоровья, двоюродные и троюродные братцы, насмѣшливо оглядывали худощавую фигуру Миши, называя его поджарымъ и философомъ.. Вслѣдствіе чего Миша въ потѣ лица долбилъ лекціи, стараясь лучше на всю жизнь остаться «философомъ», нежели примкнуть къ двоюроднымъ и троюроднымъ. Онъ страшно боялся растолстѣть; ему казалось, что тогда сейчасъ же одолѣетъ лѣнь, тѣсно обступятъ двоюродные и троюродные, назовутъ своимъ, и будетъ онъ обреченъ на то, чтобы всю жизнь изображать собою туго набитый чемоданъ.

Прослуживши сколько слѣдовало въ провинціи, и постоянно исправляя въ обществѣ роль «рѣдкаго молодого человѣка», Миша перешелъ въ Петербургъ на службу. Добрые родственники и знакомые, провожая Мишу, предсказывали ему блестящую карьеру и заранѣе заискивали расположеніе. Старикъ-отецъ изловчился, и какимъ-то образомъ гдѣ-то досталъ рекомендательное письмо къ дѣйствительному статскому совѣтнику Калмыкову, и таинственно, какъ нѣкій талисманъ, вручилъ его сыну.

Принятый подъ крыло Калмыкова, и потому не слишкомъ утружденный службой, Миша съ новымъ рвеніемъ принялся за чтеніе, стараясь во что бы то ни стало и сколько возможно болѣе облагородить свой образъ мыслей и вообще развить свои способности... Петербургская жизнь Михаила Алексѣевича проходила слѣдующимъ, болѣе или менѣе, битымъ путемъ: утро на службѣ, остальное время до ночи на диванѣ съ послѣднимъ нумеромъ журнала въ рукахъ. Начитавшись до головокруженія, поздно шелъ онъ къ ближайшему изъ своихъ пріятелей, гдѣ сейчасъ же начинался слѣдующій разговоръ: «а читали вы «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами»?—Читалъ и восхищался! отвѣчаетъ пріятель, тоже большой любитель чтенія... Удивительная вещь! удивительная! восклицаетъ Михаилъ Алексѣевичъ.—Нѣтъ, вы скажите мнѣ, какое впечатлѣніе произвела на васъ статья «Народность и политика»? въ свою очередь начинаетъ интересоваться пріятель.—Славная вещь! славная вещь! снова восклицаетъ Михаилъ Алексѣевичъ и нѣсколько минутъ разглагольствуетъ по поводу статьи «Народность и политика.»

Отъ одного пріятеля Михаилъ Алексѣевичъ переходитъ къ другому пріятелю, тоже великому охотнику слѣдить за литера-

Digitized by Google

турой, не слѣзая съ мягкаго дивана... и восторгаться возвышенностью современныхъ идей ничѣмъ не жертвуя имъ.

— Читалъ «Асмодея нашего времени»? спрашиваетъ пріятель вошедшаго Михаила Алексѣевича, и весь взъерошенный стоитъ на диванѣ, ожидая отвѣта.

Михаилъ Алексѣевичъ молчитъ; онъ уже по глазамъ видитъ, въ какую сторону гнетъ пріятель.

— Вѣдь нельзя же не сказать, что это сила... сила выступила... кричитъ между тѣмъ пріятель, продолжая стоять на диванѣ.

— Я тебѣ одинъ разъ навсегда сказалъ, что я такъ высоко ставлю талантъ Тургенева—такъ...

— Нѣтъ, ужь видно, тургеневская пѣсенка спѣта; видно: прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою...

Между пріятелями въ сотый разъ, и все по одному и тому же поводу поднимается ожесточеннѣйшій споръ. Кромѣ неутомимаго чтенія, Кожинъ слегка занимался службой, страстно предавался эстетическимъ наслажденіямъ, регулярно посѣщалъ оперу, эрмитажъ, и изрѣдка заходилъ къ Калмыковымъ. Хозяйка дома, какъ быть должно современной женщинѣ, слѣдила за текущей литературой и на литературныхъ чтеніяхъ металась какъ угорѣлая, страшно надоѣдая сосѣдямъ своимъ разспросами о томъ, который тутъ Панаевъ, который Аполлонъ Майковъ? и пр. Обязанностью Михаила Алексѣевича было снабженіе любознательной женщины новѣйшими журналами, и сообщеніе ей послѣднихъ литературныхъ новостей и закулисныхъ литературныхъ исторій.

Въ такихъ-то, отчасти возвышенныхъ занятіяхъ проходила петербургская жизнь Михаила Алексѣевича. Онъ достигъ того, что пріятели и знакомые иначе не относились къ нему, какъ такимъ образомъ: «Съ вашимъ образомъ мыслей, съ вашими понятіями о вещахъ», или «Вы, какъ человѣкъ развитой, вы поймете это» и пр. и пр... Нерѣдко и самому Михаилу Алексѣевичу приходилось говорить столь же лестныя вещи его пріятелямъ.

Тутъ въ одно февральское утро просвѣщенная публика, разомъ съ темнымъ народомъ, почувствовала сильный толчокъ; все встрепенулось, каждый внимательнѣе и серьёзнѣе взглянулъ на себя и вокругъ. Михаилъ Алексѣевичъ нѣсколько дней ходилъ озабоченный, съ тяжелой думой на челѣ, и наконецъ рѣшилъ, что *въ настоящее время, когда,* какъ говорилось въ то время въ одномъ архи-либеральномъ журналѣ, мѣсто его не здѣсь, а тамъ, гдѣ совершается великое обновленіе русской жизни...

— Мы всѣ до настоящей минуты отличались только одними прекрасными стремленіями и ни въ чему неведущей болтовней. Мы-то именно и есть тѣ доблестные, благородные, но ни къ

Digitized by Google

чему негодные юноши, надъ которыми такъ язвительно насмѣхался Добролюбовъ—горячо и, надобно сказать, совершенно искренно заговорилъ Кожинъ, въ кругу своихъ пріятелей.

Пріятели, и даже противники Михаила Алексѣевича на поприщѣ литературныхъ мечтаній, въ мертвомъ молчаніи слушали умную рѣчь его и казнились...

Восторженное состояніе молодого человѣка кончилось тѣмъ, что онъ, среди общихъ восхваленій и дружныхъ рукоплесканій пріятелей, подалъ въ отставку: значитъ, пожертвовалъ вещественными выгодами, невещественнымъ цѣлямъ жертву принесъ.

Между тѣмъ комната, въ которой все еще продолжалъ нѣжиться Михаилъ Алексѣевичъ, давно уже озарилась кровавымъ свѣтомъ утра, а пылкія мечты и фантазіи смѣнились дорогими воспоминаніями о ней...

Это была давнишняя исторія и, вѣроятно, Михаилъ Алексѣевичъ затруднился бы нѐ на шутку, еслибы ему вздумалось припомнить, когда именно началась его, тщательно скрываемая, но тѣмъ не менѣе страстная любовь къ ней... Такъ же, какъ онъ выдѣлялся изъ группы удивительно сформированныхъ и цвѣтущихъ здравіемъ уѣздныхъ юношей, и она, его Софья, несмотря на нѣкоторые пробѣлы въ ея воспитаніи, далеко выступала изъ пестраго цвѣтника уѣздныхъ барышенъ, смиренно готовившихъ себя единственно къ тому, чтобы какъ можно скорѣе и выгоднѣе пристроиться, если и интересовавшихся литературой, то только со стороны марьяжей: выйдетъ ли бѣдная Мери за Владиміра, или марьяжъ разстроится—вотъ что̀ болѣе всего привлекало вниманіе барышенъ.

Напротивъ того, Софья, казалось, ни мало не помышляла о замужествѣ, даже къ общему изумленію отказала не одному выгодному жениху, и нетолько разрѣзывала, но и читала въ журналахъ критическія и ученыя статьи.

Двоюродные и троюродные братцы язвили Софью Петровну, называя ее «разборчивой невѣстой» и «синимъ чулкомъ»; сосѣднія кумушки насчитывали ей болѣе двадцати-восьми лѣтъ; уѣздный Донъ-Жуанъ иначе не звалъ ее, какъ «мраморной красавицей»—но все это нисколько не мѣшало Михаилу Алексѣевичу говорить о Софьѣ Петровнѣ и вспоминать о ней съ тѣмъ же неподдѣльнымъ восторгомъ и увлеченіемъ, съ которымъ онъ когда-то говорилъ и вспоминалъ о ней, бывши студентомъ. Молодые люди нѣсколько лѣтъ уже какъ переписывались другъ съ другомъ; отцы ихъ, ближайшіе сосѣди и камрады по полку, нетолько не препятствовали этому, но даже съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣли на ихъ сближеніе. Неисчислимое количество

Digitized by Google

счастливѣйшихъ часовъ провелъ Михаилъ Алексѣевичъ подлѣ Софьи Петровны; вмѣстѣ прочли они все, что было лучшаго въ нашей литературѣ; вмѣстѣ возмущались безобразными явленіями уѣздной жизни; разомъ бились сердца ихъ въ томительномъ ожиданіи чего-то новаго, болѣе отраднаго...

— Они созданы другъ для друга! шептались сосѣднія помѣщицы, и дѣлали при этомъ какую-то странную гримасу, долженствовавшую выражать душевное умиленіе.

Разставаясь въ послѣдній разъ съ Кожинымъ, Софья Петровна, полушутя, полусерьёзно сказала ему, что безъ него она испытываетъ смертельную скуку, что она такъ любитъ его...

Сцена прощанья живо воскресла передъ глазами Михаила Алексѣевича; онъ припоминалъ ее во всѣхъ подробностяхъ, теряя голову и не зная, какъ объяснить значеніе послѣднихъ словъ. Онъ боялся надѣяться, боялся вѣрить, и только всѣми силами души стремился вонъ изъ Петербурга, въ широкія объятія родной глуши...

II.

Алексѣй Ивановичъ Кожинъ, помѣщикъ средней руки, старый вдовецъ и подагрикъ, не вдругъ понялъ своего сына, когда тотъ, пріѣхавши изъ Петербурга и еще окоченѣвшій, измученный долгой и варварской дорогой, немедленно выстрѣлилъ въ него залпомъ краснорѣчивыхъ словъ, горячо выражавшихъ его неудержимое стремленіе служить обществу, быть однимъ изъ дѣятелей обновленія общественнаго.

— А! служить хочешь, нехудое дѣло; доходы теперь плохіе... сообразилъ наконецъ старикъ: — нехудое дѣло! уже съ видимымъ удовольствіемъ продолжалъ онъ: — что же, покажись въ городѣ, познакомься... можетъ быть, и выберутъ въ посредники, или тамъ куда нибудь.

Первымъ движеніемъ сына было возмутиться подобнымъ заискиваніемъ у «сильныхъ губернскаго міра», но тутъ весьма кстати пришло ему въ голову правило, допускаемое не одними іезуитами: цѣль оправдываетъ средства — и онъ рѣшился...

— Позвольте вамъ рекомендоваться, Михаилъ Кожинъ: служилъ въ Петербургѣ, теперь пріѣхалъ въ провинцію, съ тѣмъ чтобы предложить обществу весь запасъ своихъ силъ и способностей. Такъ или почти такъ, говорилъ молодой человѣкъ каждому изъ «сильныхъ губернскаго міра».

— Гм!... издавалъ на это «сильный», недовѣрчиво посматривая на молодого человѣка.

Digitized by Google

— Я убѣжденъ, что никогда какъ въ эту, можно сказать, великую минуту, провинція не нуждалась такъ въ честныхъ и энергическихъ дѣятеляхъ, внушительно продолжалъ молодой человѣкъ, не зная какъ объяснить себѣ молчаніе «сильнаго» и изумленіе, выразившееся на лицѣ его.

— Да-съ... это, такъ-сказать, такое высокое стремленіе, что... А вы вѣрно къ намъ въ кандидаты мирового посредника? неожиданно заключилъ «сильный».

— Я былъ бы вполнѣ счастливъ, еслибы... нерѣшительно шепчетъ молодой человѣкъ.

— Должность, требующая особой ловкости и, такъ-сказать, соединяющая въ себѣ лисій хвостъ и волчьи зубы, сказалъ одинъ изъ «сильныхъ».

— Должность возвышенная... съ умиленіемъ произнесъ другой, и даже возвелъ очи къ небу.

— Да-съ... обязанность посредника... это не того... это... да... это обоюдо-острый мечъ... послѣ долгаго наморщиванія и потиранія лба, родилъ наконецъ третій и самый премудрый изъ «сильныхъ».

Одушевленный сладкими надеждами, молодой человѣкъ продолжалъ свои визиты, ни мало не подозрѣвая, что первый изъ «сильныхъ» давно уже сидѣлъ у второго.

— Былъ у васъ этотъ чудакъ Кожинъ? спрашиваетъ гость.

— Былъ, какъ же, былъ.

— И у васъ былъ? продолжаетъ гость, обращаясь къ только что входившему третьему изъ «сильныхъ».

— Былъ и у меня, отвѣчаетъ третій.

— Хи, хи, хи, хи... раздается въ комнатѣ.

— Что это вамъ такъ весело, messieurs? интересуется миловидная хозяйка, полурастворяя дверь кабинета.

— Нѣтъ, ты поди сюда, что мы тебѣ разскажемъ. Хи, хи, хи... ты послушай... хи, хи, хи... надрывается хозяинъ.

— Хи, хи, хи... ничего еще не слыша, заливается миловидная хозяйка.

А Михаилъ Алексѣевичъ, ѣдетъ себѣ да ѣдетъ впередъ и, ничего не подозрѣвая, радостный, упоенный надеждами, входитъ въ пріемную начальника губерніи и объявляетъ ему, что вотъ онъ только что пріѣхалъ изъ Петербурга, съ тѣмъ, чтобы положить свою лепту и проч. и проч.

Начальникъ губерніи, своимъ круглымъ подбородкомъ, приличной полнотой и необычайной опрятностью много напоминавшій Чичикова, выслушавъ Михаила Алексѣевича съ большимъ вниманіемъ, сказалъ ему слѣдующее:

Digitized by Google

— Я хорошо понимаю васъ, молодой человѣкъ, и раздѣляю тѣ чувства, которыми исполнены вы въ эту минуту... Мы, люди меньшинства, мы, которые неусыпно печемся о томъ, чтобы устранить тучу грубыхъ препятствій высшимъ предначертаніямъ и обезпечить вѣрный успѣхъ въ будущемъ — мы дорожимъ такими людьми, какъ вы, и... тутъ краснорѣчіе измѣнило сановнику: онъ на минуту замялся и чтобы какъ нибудь выйдти изъ непріятнаго положенія, прибавилъ:

— И всегда готовы рука объ руку идти съ такими людьми.

— Я убѣжденъ, что никогда, какъ въ эту минуту, началъ было молодой человѣкъ, не желая ни въ какомъ случаѣ отстать отъ сановника въ возвышенности мыслей, и вѣроятно успѣлъ бы въ этомъ, еслибы тотъ въ самомъ началѣ не перебилъ его рѣчь жалобами на дворянство, ставившее безпрерывныя преграды его благимъ намѣреніямъ.

Сановникъ совралъ постыднѣйшимъ образомъ: никакихъ преградъ со стороны дворянства не было, да и съ его стороны не существовало никакихъ благихъ намѣреній.

— Ну, что? спросилъ старикъ только что возвратившагося изъ города сына.

— Пока ничего; объѣхалъ всѣхъ: кажется, недальніе, но добрые люди; а губернаторомъ своимъ вы можете по справедливости гордиться, отвѣчалъ молодой человѣкъ, отъ природы склонный къ розовому цвѣту.

На другой же день у сына съ отцомъ поднялись страшные, нескончаемые споры: сынъ нападаетъ на старую идіотскую жизнь помѣщиковъ, или на фальшивость и непомѣрную склонность отживающаго поколѣнія къ фразѣ и возвышенной болтовнѣ. Подали обѣдъ, и унесли его почти нетронутый; старикъ поглубже забился въ свое старое, просторное кресло, точно засѣлъ въ укрѣпленное мѣсто и упорно защищается оттуда. Сынъ быстро шагаетъ изъ одного угла комнаты въ другой, и то остановится, то яростно кинется къ отцу, точно хочетъ взять его приступомъ.

Помутился весь сверкающій искрами, непорочно чистый зимній день, солнце спряталось за острыми верхушками хлѣбныхъ копенъ. Наступили сумерки, вошелъ человѣкъ съ двумя свѣчами въ рукахъ; но ни отецъ ни сынъ не хотятъ и слышать о свѣчахъ, имъ кажется удобнѣе состязаться во тьмѣ, не видя воспламененныхъ лицъ своихъ.

— Вотъ гдѣ сельская жизнь, такая какъ должна быть, раздается во тьмѣ звучный голосъ сына: — въ Англіи. Тамъ сельская жизнь имѣетъ высокое значеніе, высокій смыслъ.

Digitized by Google

— А ты тамъ былъ? послышался въ отвѣтъ насмѣшливый голосъ отца.

— Вовсе не нужно быть въ Англіи, чтобы судить; возьмите вы «Русскій Вѣстникъ» за нынѣшній годъ и прочтите тамъ статью «Сельская жизнь въ Англіи»—и довольно, снова звучитъ голосъ сына.

Пусть читатель не удивляется, что одинъ и тотъ же человѣкъ могъ цитировать статьи то «Русскаго Вѣстника», то «Современника». Это одна изъ характерныхъ чертъ того времени, и такого рода чтенія, которому мы обязаны полнѣйшею путаницею взглядовъ; тогда нужно было быть либераломъ, а въ чемъ и какъ — объ этомъ никто не думалъ.

— Чай, побасенки какія нибудь, снова трунитъ отецъ.

— У васъ все побасенки, все побасенки! и что за недовѣріе къ печатанному слову. Скажите мнѣ, когда же наконецъ кончится это недовѣріе? Когда же наконецъ мы будемъ людьми? и съ этимъ словомъ воспламенившійся сынъ кидается къ креслу и окончательно беретъ его штурмомъ.

Наконецъ потребованы свѣчи, старикъ пріумолкъ въ своемъ глубокомъ креслѣ; тишина, царствовавшая въ комнатѣ, нарушается только мѣрными шагами сына, втайнѣ помышлявшаго о перевоспитаніи отца.

Прискакали родные. Въ провинціи вообще никто не ѣздитъ, а всѣ скачутъ: «Любовь Петровна поскакала въ Самару, къ дѣтямъ»; «Иванъ Васильевичъ поскакалъ на именины къ Петру Петровичу», скажутъ вамъ въ провинціи вмѣсто того, чтобы сказать «Любовь Петровна поѣхала въ Самару къ дѣтямъ» и проч.

Итакъ, прискакали родные. Первымъ дѣломъ ихъ было въ прахъ расцаловать столичнаго гостя, потомъ наговорить ему въ глаза столько лестнаго и пріятнаго, что болѣе нечего было уже сказать... медоточивый источникъ родственныхъ чувствъ былъ исчерпанъ до навознаго дна его.

Старикъ слушалъ ихъ, и совершенно спрятавшись въ своемъ глубокомъ креслѣ, саркастически улыбался.

Уничтоживши часть хозяйственныхъ запасовъ, а именно столько, сколько позволяло приличіе, ни больше ни меньше, родственники поднялись и стали готовиться къ новой скачкѣ. Каждый изъ нихъ наперерывъ хотѣлъ захватить съ собой Мишу и ускакать съ нимъ, въ какую нибудь Завалишевку. Много было споровъ, пока наконецъ рѣшили, у кого и сколько именно пробудетъ столичный гость.

Внимая преніямъ родственниковъ и зная по опыту, что разъ

Digitized by Google

попавши въ ихъ объятія нелегко изъ нихъ вырваться, Михаилъ Алексѣевичъ напрасно ломалъ голову надъ тѣмъ, какъ бы ему уклониться отъ нѣжности родственниковъ и вмѣсто Завалишевки очутиться въ Безводовкѣ, обиталищѣ Софьи Петровны, ни на одну минуту невыходившей изъ головы его и изъ сердца...

Но хитрости не удались, и жертву родственной нѣжности противъ воли уложили въ повозку и долго возили изъ дома въ домъ, кормили на убой, поили домашними наливками, слушали въ нѣмомъ восторгѣ, и какъ нѣкое чудо показывали всему уѣзду.

Не желая терять драгоцѣнное время, Михаилъ Алексѣевичъ принялся развивать своихъ, болѣе или менѣе, дубоватыхъ родственниковъ; каждый повидимому незначительный предметъ вызывалъ съ его стороны цѣлую проповѣдь: стоило кому-нибудь изъ добрыхъ родственниковъ пожаловаться на нерадивость и грубость наемной прислуги, какъ уже Михаилъ Алексѣевичъ поднялся съ мѣста и безпокойно заходилъ по комнатѣ.

— Миша, что съ тобой, что съ тобой, милый, что волновался? немедленно обезпокоились тётушки, неспускавшія ни на минуту глазъ съ любимаго племянника.

Но Миша продолжаетъ ходить по залѣ, и потомъ вдругъ останавливается противъ родственника, пожаловавшагося на наемную прислугу.

— Не прислуга виновата, а вы виноваты, вы, вы! и никто кромѣ васъ, накидывается Миша на бѣднаго родственника, осмѣлившагося негодовать. Пора вамъ наконецъ понять, что крѣпостное право, это чудовище, исчезло безвозвратно. Пора вамъ стать въ болѣе тѣсныя, болѣе интимныя отношенія съ прислугой; пора сообразить, что слуга вашъ долженъ прежде любить васъ, уважать, а потомъ уже быть вѣрнымъ слугой... Отчего же въ Англіи (Михаилъ Алексѣевичъ постоянно ссылался на Англію), гдѣ не существуетъ даже признаковъ крѣпостнаго состоянія, а между тѣмъ существуютъ истинно вѣрные и преданные слуги... Я васъ спрашиваю, отчего это, скажите мнѣ?

Смущенный родственникъ молчитъ и вообще имѣетъ видъ школьника, казнимаго учителемъ за невыученный урокъ.

Михаилъ Алексѣевичъ съ минуту смотритъ на родственника, какъ будто наслаждается его смущеніемъ, и потомъ снова продолжаетъ, обращаясь уже ко всему обществу:

— Какъ ни мило должно быть для васъ раздолье минувшихъ дней, но, увы, оно невозвратимо... Да, оно невозвратимо и въ высшей степени нелѣпа будетъ всякая попытка ваша остановить жизнь; это все равно, что идти противъ теченія.

Родственники сидятъ словно окаменѣлые и глазомъ не моргнутъ.

Digitized by Google

— Порфирій Яковличъ, принесите мнѣ пожалуйста стаканъ воды, черезчуръ мягко относится Михаилъ Алексѣевичъ къ проходившему мимо слугѣ, котораго, не взирая на великое обновленіе любезнаго отечества, все еще продолжаютъ звать «Порфишкой».

Родственники переглядываются и мотаютъ себѣ на усъ.

Еще горше приходилось бѣднымъ родственникамъ, когда Миша хандрилъ и вообще былъ не въ духѣ; тутъ онъ не щадилъ ни пола, ни возраста и рисовалъ имъ картины, отъ которыхъ волосы на головахъ мужей поднимались дыбомъ, чепцы падали на полъ съ опрокинутыхъ въ ужасѣ женскихъ головъ, а дѣти съ плачемъ забирались подъ столы и диваны.

«Экъ ихъ передернуло», внутренно улыбаясь, думаетъ Михаилъ Алексѣевичъ. «Ну, такъ я же ихъ доканаю въ конецъ», рѣшаетъ онъ, и даетъ полную свободу своему воображенію и языку.

— Да вы знаете ли, что̀ такое народное волненіе? Понимаете ли вы, что̀ это такое?.. допрашиваетъ Михаилъ Алексѣевичъ, съ такимъ видомъ, какъ будто ему не одинъ разъ въ жизни пришлось быть свидѣтелемъ народнаго волненія... и кровавыми красками рисуетъ сцены изъ первой французской революціи.

Родственники окончательно поражены, и только двоюродный братецъ Боринька нисколько, повидимому, не раздѣляетъ общей паники. Давно уже, какъ можно покойнѣе, устроился онъ на мягкомъ диванѣ, поближе къ камину, и стоило Михаилу Алексѣевичу на мунуту остановить бурный потокъ рѣчей своихъ, какъ уже въ комнатѣ, слабо освѣщенной двумя сальными свѣчами, раздавалось сильное, здоровое храпѣніе.

— Боринька! Борисъ! Борисъ Васильичъ! какъ тебѣ не стыдно! что̀ ты дѣлаешь? общимъ хоромъ накидываются добрые родственники.

— Что̀ такое? что̀ случилось? я все слышу, все до словечка слышу, говоритъ Боринька, протирая съ просонья глаза и какъ ни въ чемъ не бывало поднимаясь съ дивана.

— Да! дурно проведемъ мы время, если станемъ тормозить быстрое движеніе современной жизни и если не найдемъ въ себѣ столько гражданскаго мужества, чтобы принести жертвы, необходимыя для блага отечества... снова ораторствуетъ прерванный на минуту Михаилъ Алексѣевичъ, а двоюродный братецъ уже спитъ, свернувшись клубочкомъ, до новыхъ толчковъ и укоровъ...

Наконецъ, Михаилу Алексѣевичу наскучило ораторствовать среди общаго безмолвія, вымуштровывать, гуманизировать родственниковъ и каждый вечеръ слушать храпѣніе братца Бориньки; онъ замолкъ. Окончательно сраженные родственники еще болѣе при-

Digitized by Google

смирѣли, и если говорили между собой, то не иначе какъ шопотомъ. Доселѣ полныя и ясныя какъ мѣсяцъ лица ихъ, мгновенно осунулись и потускѣли: то въ гостиной, то въ диванной раздавались тяжелые, душу выворачивающіе вздохи.

Вставши пораньше и притаивъ дыханіе, пробравшись среди спящихъ двоюродныхъ и троюродныхъ богатырей, Михаилъ Алексѣевичъ очутился, наконецъ, на свободѣ, и весело кинувшись въ сани, вихремъ помчался въ Безводовку.

III.

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ бѣглецъ къ Безводовкѣ, тѣмъ все болѣе и болѣе прояснялось лицо его; уныніе, наведенное дубоватостью и вздохами родственниковъ, совершенно исчезло, въ особенности, когда тамъ гдѣ-то, на самомъ концѣ снѣжнаго моря, показалась едва замѣтная черная точка. Онъ сейчасъ же угадалъ въ ней безводовскую вѣтреную мельницу. Ближе... еще ближе... Вотъ уже можно ясно различить мельничныя крылья, они весело и быстро махали въ холодномъ воздухѣ, какъ-будто звали и торопили Михаила Алексѣевича, какъ-будто хотѣли сказать ему: «Скорѣе, скорѣе, счастливецъ, тебя ждутъ, давно, нетерпѣливо...»

Все напускное, начитанное и ходульное пошло прочь; въ саняхъ, замирая отъ нетерпѣнья, не сидѣлъ уже, а стоялъ молодой человѣкъ. Быстро мелькнули ряды черныхъ избъ, за ними темный, какъ ночь, состоящій изъ однихъ сосенъ, барскій садъ, далѣе несоразмѣрно длинный, низенькій, и вообще ни къ какой архитектурѣ неподходящій, старый домъ, съ множествомъ трубъ и замысловатымъ крылечкомъ, украшеннымъ тоненькими вычурными колоннами, весь взъерошенный и обезумѣвшій съ просонья слуга въ прихожей, бѣлый какъ лунь старецъ хозяинъ дома, не то въ халатѣ, не то въ капотѣ, еще издали широко раскрывшій свои объятья, чтобы заключить въ нихъ Михаила Алексѣевича, и наконецъ-то—она...

— И еще нашего полку прибыло! послѣ первыхъ, неуловимо радостныхъ словъ и привѣтствій, восклицаетъ старикъ, тутъ же причисляя Михаила Алексѣевича къ полку уѣздныхъ либераловъ, къ которому и самъ принадлежалъ съ незапамятныхъ временъ, на томъ основаніи, что велъ постоянную борьбу съ властями, жестоко критиковалъ всѣ распоряженія начальства, не выключая повѣстокъ становаго пристава, на которыхъ позволялъ даже себѣ дѣлать замѣчанія и подчеркивать грамматическія ошибки, и наконецъ, что лишившись жены не завелъ крѣпостного гарема и сроду не безобразничалъ надъ крѣпостными.

Digitized by Google

ласъ ожидала, я знала, что вы не такой человѣкъ, что-
въ настоящее время въ Петербургѣ, я васъ уже дав-
раскраснѣвшись отъ волненія, говоритъ Софья
чнувши прочь всѣ церемоніи, крѣпко жметъ ру-
ѣевичу.

спѣшитъ въ нѣсколькихъ словахъ выразить
ои надежды... но старый либералъ пере-
же словахъ скучнѣйшими разспросами

ъ, отвѣчаетъ Михаилъ Алексѣевичъ,
говорилъ.

дебатовъ, такой же чудакъ? снова при-
ераль», видимо не совладавши съ языкомъ сво-
имъ моціона.

ло, выйдетъ тамъ у насъ съ нимъ какое-нибудь несо-
въ мнѣніяхъ, продолжаетъ онъ, становясь передъ Михаи-
ломъ Алексѣевичемъ, и такимъ образомъ совершенно заслоняя отъ него Софью Петровну:—я горячусь, налетаю на него, убѣждаю, а мой Алексѣй Иванычъ смотритъ мнѣ въ глаза да саркастически улыбается... Хоть ты колъ на головѣ теши ему; что разъ сказалъ, на томъ и стоитъ.

Въ эту минуту въ прихожей послышалось необычайное движеніе и суета, и вслѣдъ затѣмъ въ комнатѣ появились еще три новыхъ лица. Впереди всѣхъ тихо, неслышной поступью вошелъ учитель сосѣдняго помѣщика, только что кончившій курсъ студентъ—высокій, худощавый, съ необычайнымъ румянцемъ на блѣдномъ лицѣ, въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ до невозможности. Вслѣдъ за нимъ, точно для контрасту, появилась яркая и чрезвычайно размашистая фигура юнаго мирового посредника съ залихватской физіономіей въ русскомъ нарядѣ и въ сопровожденіи своего письмоводителя-семинариста, извѣстнаго въ окрестности подъ именемъ «Фисынькинаго сынка» (Фисынькой звали вдову давно уже скончавшагося священника), курчаваго, толстогубаго молодого человѣка, не совсѣмъ опрятно одѣтаго тоже въ русскій простонародный костюмъ, въ красную рубашку на выпускъ и въ черную поддёвку.

— Ну, слава-богу, нашего полку еще прибыло! спѣшитъ воскликнуть «старый либералъ», давая такимъ образомъ чувствовать Михаилу Алексѣевичу, что вновь появившіеся гости не что-нибудь такое дюжинное, а тоже принадлежащіе къ семьѣ уѣздныхъ либераловъ.

— Тьма новостей! тьма исторій! еще издали кричитъ юный посредникъ, весь красный и съ заиндѣвившими отъ мороза кудрями.

Digitized by Google

— Разсказывайте! скорѣе разсказывайте! торопятъ его, сгарая отъ нетерпѣнія «старый либералъ» и Софья Петровна.

— Въ послѣдніе три дня, отмахалъ верстъ двѣсти, съ широчайшими жестами продолжаетъ юноша: — перегрызся съ половиной уѣзда, даже одного попа тутъ же прихватилъ и уничтожилъ въ прахъ, за то, что лѣнится ходить въ школу. Его превосходительство, нашего-то статскаго генерала, оштрафовалъ на десять рублей.

— Браво! браво! браво! восклицаютъ слушатели.

— Въ Хапковѣ отпустилъ на волю десятка два дворовыхъ, еще болѣе одушевившись продолжаетъ юноша: — все это въ рубищахъ, голодное... Все перевернулось во мнѣ, глядя на нихъ, а тутъ этотъ, нѣмчура-управляющій, лѣзетъ туда же съ жалобой на нихъ, на нищихъ-то; я эту жалобу въ куски, куски эти въ рожу нѣмцу, нищимъ этимъ сунулъ, на первый разъ, что̀ было въ бумажникѣ, и по всѣмъ по тремъ коренну не тронь...

— Браво, браво, брависимо! восхищаются слушатели.

— Скачу въ Каменку: дошло до меня, что тамъ исправникъ съ предводителемъ какой-то бунтъ сочинили, даже команду вызываютъ—лечу стрѣлой... Вдругъ на дорогѣ перехватываетъ меня какая-то барыня, въ первый разъ вижу эту барыню... жалуется на горничную Лукашку, а сама рѣкой льется.

Сюда Лукашку!

Начинается безконечная исторія.

— А ты гдѣ пропадала третьяго-дня вечеромъ, а? уличаетъ барыня.

Лукашка съ своей стороны доказываетъ, что была у попадьи, по приказанію самой барыни.

— Нѣтъ, врешь!

— Нѣтъ-съ, не вру!

— А на прошлой недѣли въ четвергъ ты меня какъ обозвала?

Лукашка клянется и божится, что никакъ не обзывала.

— Нѣтъ, врешь, обозвала, обозвала; коли я говорю, что обозвала, такъ значитъ обозвала... взбеленилась барыня, да какъ вдругъ, при мнѣ-то вцѣпится въ волосы бѣдной Лукашки, у меня даже руки опустились. Черезъ пять минутъ было готово увольненіе. Барыня взвыла. «Вседержитель, говоритъ, до чего дожила я! свой братъ дворянинъ мѣняетъ меня на холопку», и пошла, и пошла фантазировать на эту тэму—а увольненіе все-таки подписала. Даю увольненіе въ руки Лукашки... самъ въ сани... пошелъ! ходу!

— Брависимо, брависимо! снова раздалось въ комнатѣ. Болѣе всѣхъ шумѣлъ Михаилъ Алексѣевичъ, давно уже сгаравшій

Digitized by Google

желаніемъ крѣпко обнять и еще крѣпче облобызать юнаго посредника.

— Вотъ онъ русскій богатырь просыпается... въ умиленіи шепчетъ «старый либералъ», когда «богатырь», среди общихъ восторговъ и восклицаній, кончилъ исторію своихъ похожденій.

Богатыря смѣнилъ учитель, и весело потирая руки объявилъ, что успѣлъ завербовать еще десятокъ крестьянскихъ мальчиковъ въ свою школу, и что мальчики поражаютъ его своими способностями и сметливостью.

Всѣ раздѣлили радость учителя и поздравляли его съ такимъ непритворнымъ увлеченіемъ, какъ-будто мильоны свалились ему съ неба, или получилъ онъ такое мѣсто, что ничего не дѣлавши могъ пользоваться громадными и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно невинными доходами.

— А мы еще кое-что объ васъ знаемъ... говоритъ Софья Петровна, и съ доброй улыбкой смотритъ на учителя.

— Что же вы такое знаете? спрашиваетъ смущенный учитель.

— Знаемъ, какъ вы сослѣпу застрѣлили крестьянскую утку вмѣсто дикой, и какъ за это были атакованы бабами и преслѣдуемы ихъ крупными ругательствами отъ самаго пруда вплоть до барскаго двора, и какъ разбѣшенный помѣщикъ потребовалъ, чтобы вы немедленно выпроводили изъ вашей школы дѣтей тѣхъ бабъ, которыя такъ смѣло гнались за вами.

— Полноте, полноте, Софья Петровна, молитъ учитель, и совершенно приростаетъ лицомъ къ замерзшему стеклу.

— Великолѣпная личность, говоритъ въ эту минуту «старый либералъ», наклонившись къ уху Михаила Алексѣевича, и указывая глазами на учителя.

— И какъ потомъ, настойчиво продолжаетъ Софья Петровна:— вы, къ изумленію помѣщика и супруги его, сказали, что скорѣе готовы немедленно разстаться съ ними, нежели съ крестьянскими дѣтьми.

— А! такъ вотъ вы какъ! вотъ вы какъ! раздается со всѣхъ сторонъ, между тѣмъ какъ «старый либералъ» уже душитъ учителя въ объятіяхъ своихъ и немилосердно колетъ его свѣжую, румяную щоку своей небритой бородой.

— А что нашъ Ювеналъ? обращается Софья Петровна къ письмоводителю, угрюмо ходившему взадъ и впередъ по комнатѣ и безпокойно ерошившему свои и безъ того торчмя стоявшіе волосы.

— Ювеналъ вашъ, на дняхъ, такую настрочилъ штуку, и даже отправилъ куда слѣдуетъ, быстро заговорилъ «Фисынькинъ сынокъ», продолжая ходить по комнатѣ и ерошить волосы:—что

Digitized by Google

губернскіе аристократы неминуемо должны, по прочтеніи ея, изобразить львовъ, рыкающихъ въ степахъ африканскихъ, а дамы всѣ до единой хлопнуться въ обморокъ.

— Ха, ха, ха!... такъ ихъ и слѣдуетъ! катай ихъ — грянуло все общество.

— Удивительный юмористъ! Такое перо, ядовитѣе котораго нѣтъ въ нашей литературѣ! среди общаго, невыразимо веселаго смѣха, раздается голосъ «стараго либерала».

Но «Ювеналъ», казалось, не принималъ ни малѣйшаго участія въ общемъ увлеченіи; невзрачное лицо его сдѣлалось даже суровѣе обыкновеннаго, и только большія уши горѣли отъ подавленнаго восторга, и измѣняли философу.

Невиданное удовольствіе распространилось въ комнатѣ, необычайной энергіей горѣли глаза присутствовавшихъ; кажется, еще одна минута, еще одно горячее слово—и всѣ они разомъ протянутъ другъ другу руки, тѣснѣе сдвинутся и пойдутъ по бѣлому свѣту казнить порокъ и награждать добродѣтель.

«Вотъ они, новые люди, вотъ гдѣ наши надежды... Вотъ они гдѣ... О! съ такими людьми мы далеко уйдемъ, мы всѣхъ обгонемъ», думалъ въ эту минуту Михаилъ Алексѣевичъ, радостный и потрясенный до дна души.

Поздно разошлись либералы по своимъ комнатамъ; но когда Михаилъ Алексѣевичъ утромъ поднялся съ постели, гостей уже не было.

Внутренно терзаясь своимъ бездѣйствіемъ и неутомимой дѣятельностью новыхъ друзей, вошелъ Михаилъ Алексѣевичъ въ гостиную. Тамъ онъ засталъ Софью Петровну, окруженную крестьянскими мальчиками, и объяснявшую имъ явленія природы.

Мальчики сидѣли кучей, вокругъ стола; одни изъ нихъ влѣзли съ ногами на кресла, и безцеремонно укрѣпившись локтями на столѣ, съ величайшимъ любопытствомъ вытянули впередъ свои маленькія взбудараженныя головки; напротивъ того, другіе не обращали никакого вниманія на то, что̀ говорила Софья Петровна, и прилежно разсматривали какую-то книгу съ картинками. Сейчасъ же было замѣтно, что принужденіе и дисциплина не входили въ правила наставницы.

— Поздненько, поздненько изволите вставать, столичный гость, сказала Софья Петровна, протягивая руку Кожину.

— Да это глупая городская жизнь... въ видѣ извиненія пробормоталъ тотъ, и въ качествѣ зрителя усѣлся нѣсколько въ сторонѣ.

— Ну, Филиппъ, объясни намъ, что̀ такое называется природой? обратилась Софья Петровна къ одному изъ мальчиковъ.

Digitized by Google

— Все насъ окружаетъ! заговорилъ-было мальчикъ, и вдругъ умолкъ и потупился.

— Я тебя спрашиваю, что̀ называется природой? еще разъ, но совершенно спокойнымъ голосомъ повторила Софья Петровна.

— Все насъ окружаетъ! шепчетъ Филиппъ.

— Что̀ называется природой? Кто знаетъ? обратилась наставница къ кучѣ мальчиковъ.

— Все насъ окружающее: земля съ животными, птицами и растеніями; воды рѣкъ и морей, съ рыбами; воздухъ, окружающій землю, разомъ раздаются нѣсколько звонкихъ голосовъ.

Филиппъ, видя себя рѣшительно опозореннымъ, да еще при постороннемъ человѣкѣ, стыдится поднять глаза.

— А какой видъ имѣетъ земля? снова обращается Софья Петровна къ Филиппу.

— Шара! шепчетъ тотъ.

— Хорошо. А изъ чего состоитъ средина земли?

— Изъ земли... уже нѣсколько самоувѣреннѣе говоритъ Филиппъ.

— Ха, ха, ха, покатились мальчики, и дружнымъ хоромъ грянули:—средина земного шара, то-есть его ядро, состоитъ изъ расплавленныхъ веществъ, металовъ и камней, отъ сильнаго и неизмѣримаго жара внутри земли.

Филиппъ не выдержалъ этотъ новый ударъ, и въ глазахъ всего общества нырнулъ подъ столъ, и никакія просьбы Софьи Петровны не въ силахъ извлечь его оттуда. Чтобы скорѣе кончить самовольное заключеніе мальчика, Софья Петровна ранѣе обыкновеннаго кончаетъ классъ.

— Честь вамъ и слава, Софья Петровна! въ избыткѣ удовольствія вскричалъ Михаилъ Алексѣевичъ, когда отпущенные дѣти, не торопясь, и какъ будто даже нехотя, стали собираться домой.

— Славы и чести немного, за то удовольствія очень-очень много, вся озаренная счастьемъ, отвѣчаетъ Софья Петровна.—Вы себѣ представить не можете, какъ мнѣ пріятно видѣть перерожденіе моихъ учениковъ. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, ихъ притащили насильно, плачу сколько было, а теперь имъ не хочется уходить, и кажется, еслибы только позволить, они никогда бы не вышли отсюда. Однимъ словомъ, я теперь для нихъ не чужая, не барышня—а своя.

— Какъ бы я желалъ назвать тебя своей, шевелится на языкѣ молодого человѣка, но вмѣсто того, онъ начинаетъ говорить о своемъ желаніи завести школу, и сомнѣвается только въ своихъ педагогическихъ способностяхъ.

Digitized by Google

— Никакихъ тутъ особенныхъ способностей не нужно, перебиваетъ его Софья Петровна.

— Вотъ, еслибы почаще васъ видѣть, съ вами совѣтываться.

— Я всегда рада видѣть тѣхъ, кого люблю.

— А развѣ вы меня любите? послышалось въ комнатѣ.

Михаилъ Алексѣевичъ ясно разслышалъ слова эти, и все еще сомнѣвался, чтобъ его уста осмѣлились произнести ихъ—эти роковыя слова.

— Да, я васъ очень, очень люблю! смѣло отвѣчала дѣвушка.— Вы, Михаилъ Алексѣичъ, прекрасный человѣкъ, добавила она потомъ, и съ одушевленіемъ посмотрѣла на Кожина.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось объясненіе, еслибы въ дверяхъ не появился въ эту минуту «старый либералъ». Все лицо его какъ-то вдохновенно улыбалось.

— А что, если мы, по случаю рождества, уберемъ ёлку для ребятъ... А? что̀ вы скажете? весь распустившись въ той же вдохновенной улыбкѣ спросилъ старецъ.

Предложеніе было принято съ восторгомъ, и весь слѣдующій день прошелъ, какъ мигъ, въ совѣщаніяхъ и пріятныхъ хлопотахъ о ёлкѣ.

Утромъ запрягли сани, въ нихъ усѣлся Михаилъ Алексѣевичъ рядомъ съ Софьей Петровной, и поѣхали сзывать гостей.

Мужики и бабы стали втупикъ, и такъ-таки и не поняли, что̀ хотѣла отъ нихъ барышня. Но дѣтей обѣщали «выгнать на барскій дворъ поголовно—коли вздумалось господамъ пошутить».

Вслѣдъ за ослѣпительно-свѣтлымъ зимнимъ днемъ наступила тихая, морозная ночь; звѣзды разукрасили ясное небо, выплылъ полный мѣсяцъ, весело глянулъ на толпу крестьянскихъ мальчиковъ, быстро подвигавшуюся къ барскому двору. За шумной, смѣющейся толпой, едва поспѣвая, плелись старухи и бабы, между тѣмъ какъ мужики, люди вообще нелюбопытные и отчасти философы, предпочли теплую печь барскимъ затѣямъ.

— Пришли! весело улыбаясь, докладываетъ слуга.

— Такъ проси ихъ всѣхъ сюда, еще веселѣе отвѣчаетъ Софья Петровна.

Вдали послышались десятки мелкихъ торопливыхъ шаговъ. Двери гостиной распахнулись настежъ, шумно хлынула въ нихъ толпа дѣтей, съ густо примазанными волосами и раскраснѣвшимися отъ мороза лицами. Но переступивши порогъ, толпа остановилась, даже подалась назадъ, пораженная невиданнымъ зрѣлищемъ.

Посреди залитой свѣтомъ комнаты стояла громадная ёлка, снизу доверху разукрашенная и увѣшенная множествомъ соблаз-

Digitized by Google

питательныхъ вещей и лакомствъ. Ея широко раскинувшіяся вѣтви гнулись подъ тяжестью красныхъ платковъ, позолоченныхъ орѣховъ и яблоковъ... и сколько свѣчей и разноцвѣтныхъ фонарей, даже глазамъ больно.

— На приступъ! скомандовалъ «старый либералъ», указывая на ёлку.

Дѣти кучей ринулись впередъ, градомъ посыпались на полъ вызолоченные орѣхи, съ трескомъ ломились сучья. Какой-то смѣльчакъ, съ круглымъ, разрумяненнымъ лицомъ и русыми кудрями, обхватилъ ёлку своими маленькими, но уже сильными ручонками, и смѣло полѣзъ наверхъ, сгарая желаніемъ достать кусокъ красной матеріи, повѣшенной на самой вершинѣ ея. Онъ лѣзъ до тѣхъ поръ, пока не полетѣлъ внизъ вмѣстѣ съ деревомъ; произошло всеобщее замѣшательство; робкая и тихая толпа крестьянскихъ бабъ и старухъ единодушно ахнула... Слышался визгъ, смѣхъ и побѣдоносные крики дѣтей.

Развернули длинный столъ, началось угощеніе. Софья Петровна суетится и хлопочетъ до изнеможенія; Михаилъ Алексѣевичъ помогаетъ ей съ величайшимъ усердіемъ и, засматриваясь на счастливое, милое лицо дѣвушки, разбиваетъ десятую тарелку. Что-то умиротворяющее, что-то праздничное распространяется въ комнатѣ; ни однаго, не то чтобы грустнаго, но даже тупо спокойнаго лица, ни одной тѣни на всей свѣтлой, какъ солнышко картинѣ.

— О! да какъ же весело жить на свѣтѣ! просилось съ языка каждаго, при видѣ полныхъ, румяныхъ, пытливыхъ дѣтскихъ лицъ, плачущихъ отъ неудержимаго смѣха, и никогда, даже во снѣ несмѣвшейся радости матерей ихъ, при звукахъ неумолкаемаго говора и непритворнаго звонкаго хохота, при этомъ невиданномъ, неслыханномъ до сихъ поръ соединеніи барской семьи съ крестьянской въ одну радостную счастливую семью.

— До скораго свиданья! сказала Софья Петровна, провожая на другой день Миканка Алексѣевича.

— Да! до скораго! до скораго! иначе и быть не можетъ, и не должно, подхватилъ молодой человѣкъ, быстро повернувшись и уже полурастворивши тяжелую сѣнную дверь.

Зимній день былъ ослѣпительно свѣтелъ; онъ горѣлъ и сіялъ безчисленнымъ множествомъ звѣздъ; миріады свѣжинокъ, какъ искры, сверкали въ холодномъ воздухѣ.

Тройка сѣрыхъ разомъ рванулась впередъ, запѣлъ колокольчикъ, еще минута—и голосъ его уже глухо раздается въ тѣсной улицѣ. А вотъ и поле бѣлое, какъ чистая скатерть, и безграничное, какъ море, прямой полосой желтѣетъ дорога, и конца

Digitized by Google

ей не видно... и ни единаго на ней ямбы или пригорка — хоть шаромъ покати.

— Вотъ, когда покажу я себя, только что не говорилъ коренникъ, лукаво прижавъ уши, и искоса посматривая на пристяжныхъ, высоко взбросившихъ свои косматыя гривы.

Духъ, захватывающій полетъ тройки—птицы-тройки, утонувшей въ необъятномъ раздольѣ снѣжной равнины; только-что промелькнувшее село, съ черными крестьянскими избами, смотрѣвшими такими добрыми и ласковыми изъ-подъ бѣлыхъ крышъ, съ новенькимъ волостнымъ правленіемъ, съ молодцовато-стоявшимъ на крыльцѣ его волостнымъ старшиной, и красивой толпой крестьянъ вокругъ, съ тихо ползущими взадъ и впередъ санями, набитыми краснолицыми бабами, въ красныхъ платкахъ, оглушительно-сильными голосами распѣвавшихъ свою однообразную, но много говорящую русскому сердцу пѣсню, съ толпой бѣгущихъ за санями мальчишекъ, ежеминутно путавшихся въ отцовскихъ полушубкахъ, и все-таки неотстававшихъ отъ саней, съ сѣдымъ столѣтнимъ дѣдомъ, бодро тащившимъ цѣлое бревно на плечѣ своемъ, съ сплошнымъ рядомъ хлѣбныхъ копенъ на гумнахъ, съ яснымъ отпечаткомъ силы и мощи на всѣхъ и на всемъ; только-что оставленный кружокъ новыхъ друзей — невиданныхъ дѣятелей; Софья Петровна — товарищъ будущей дѣятельности и трудовъ, а можетъ быть, и всей жизни. Солнечный лучъ, видимо проникнувшій въ темное царство, и мильйоны русскихъ людей, разомъ поднимавшіеся послѣ долгаго, тяжелаго сна.

Все это вмѣстѣ переполнило душу Михаила Алексѣевича невѣдомымъ счастьемъ, и никогда, какъ въ эту минуту, не чувствовалъ онъ такъ сильно свою кровную, неразрывную связь съ мужикомъ, никогда съ такой гордостью и робостью не любовался имъ, и никогда въ жизни съ такой ненасытной жадной не стремился къ дѣлу и труду. Служба, школа, новое хозяйство, неутомимая война противъ старыхъ, обветшалыхъ предразсудковъ — все это вертѣлось въ головѣ его. Но всего этого казалось ему мало: все хотѣлось сдѣлать что-нибудь необычайное, невозможное, и это невозможное скромно отнести и положить на алтарь отечества, среди общихъ похвалъ, благодарности и уваженія.

Не одинъ Михаилъ Алексѣевичъ богъ-знаетъ куда уносился въ эту славную, можно сказать, первую свѣтлую минуту русской жизни. Если не всѣ, то большинство такъ же много ожидало, такъ же много надѣялось, такъ же чувствовало въ себѣ неутомимую жажду и рвеніе къ доброму и хорошему дѣлу. Дряхлые старики, болѣе похожіе на надгробные памятники, нежели на людей, и тѣ встре-

Digitized by Google

пенулись и заговорили такія вещи, которымъ не могли внимать безъ страха, бывши юношами.

— Остерегись, душа моя, нынче не прежнее время, какъ разъ влопаешься, подружески совѣтовалъ одинъ пѣхотный капитанъ другому, тоже пѣхотному капитану-дантисту, и сѣкуну по призванію.

— Нѣтъ-съ, не извольте безпокоиться, это наша обязанность, нашъ долгъ, заговорилъ становой Воскресенскій, отстраняя протянутую къ нему благодарную руку.

— Завтра же объ этомъ будетъ знать вся Россія! восклицалъ фотографъ ростомъ съ зонтикъ, котораго одинъ храбрый офицеръ обѣщаетъ превратить въ блинъ за невѣжество передъ дамой; и недѣлю спустя, Россія уже знала объ этомъ, и самые отсталые люди соглашаются: «что рукамъ воли давать, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ.»

— Да вы прежде скажите, что онъ изъ молодыхъ, или изъ старыхъ? спрашивалъ каждый, при какомъ бы то ни было назначеніи, и впадалъ въ величайшее уныніе, когда въ ушахъ его раздавалось: изъ старыхъ...

— Зачѣмъ дворянство, къ чему дворянство, ненужно дворянства, провозглашали сами же дворяне.

— Милая Адель, если ты полюбишь другого, скажи мнѣ, и ты свободна... до тошноты надоѣдали мужья своимъ женамъ, впадая въ какую-то совершенно неидущую къ нимъ сантиментальность.

— Дѣти умнѣе отцовъ, имъ и книги въ руки! почти въ одинъ голосъ рѣшили отцы, и уже собирались отдать книги въ руки дѣтей.

Такъ вотъ въ какое время мчался Михаилъ Алексѣевичъ Кожинъ на лихой тройкѣ, радуясь небывалой радостью, ожидая чего-то чудеснаго, и тихо-тихо повторяя про себя:

«Русь, куда жь несешься ты, дай отвѣтъ? Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и косясь, посторанивается и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.»

IV.

Прошло около двухъ лѣтъ не болѣе, а между тѣмъ, все приняло другой видъ, другой характеръ: сѣренькій цвѣтъ, родной цвѣтъ нашей глуши, замѣнилъ розовый; деревянныя физіономіи замѣнили восторженные, благоразумные совѣты — замѣнили пылкія рѣчи, и преждевременныя морщины избороздили юное лицо

Digitized by Google

Кожина. Онъ былъ неузнаваемъ: глаза потухли, впали побѣлѣвшія щеки, и далеко невоинственная физіогномія его, ни съ того ни съ другого, украсилась усами, которые онъ то яростно крутилъ, то грызъ въ припадкѣ хандры. О недавнихъ еще надеждахъ и вѣрованіяхъ, о стремленіи положить всѣ силы свои на служеніе обществу, на служеніе обновленной Россіи — обо всемъ этомъ не было и рѣчи. Все это, смятое, разбитое, скрылось на днѣ души, и только мучило и бѣсило Михаила Алексѣевича своимъ безполезнымъ, безплоднымъ существованіемъ: точно блестящій фейерверкъ, съ безчисленнымъ множествомъ звѣздъ и разноцвѣтныхъ огней, все выше и выше поднимался изъ очей его, сіявшихъ удовольствіемъ, и вдругъ съ трескомъ разсыпавшись въ вышинѣ, ничего не оставилъ послѣ себя, кромѣ страшнаго чада, такъ что восторженному зрителю остается только зажать носъ свой, и сейчасъ же бѣжать прочь.

Уже давненько залегъ Кожинъ на свой новойнѣйшій, такъ-называемый, турецкій диванъ, съ видомъ человѣка, которому ничего болѣе не остается дѣлать на бѣломъ свѣтѣ, какъ только лежать на диванѣ, и къ довершенію благъ, казниться своимъ безполезнымъ существованіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ все перепробовалъ, и въ настоящую минуту заняться ему рѣшительно было нечѣмъ. Возня съ крестьянскими мальчиками, въ самомъ непродолжительномъ времени, страшно наскучила: это не дѣятельность, не занятіе для развитого человѣка — это просто физическій трудъ, физическая работа, рѣшилъ Кожинъ, и въ скоромъ времени бывшихъ питомцевъ его перевели въ сельское училище, гдѣ толстая попадья, за частыми отсутствіями своего супруга, проводившаго бо́льшую часть жизни на торжищахъ, для порядку, до́красна надирала имъ уши, и откуда ихъ почти ежедневно извлекали замертво отъ угара. Съ мужиками толковать было не о чемъ, да и умѣнья не хватило, и къ тому же все было сдѣлано какъ слѣдуетъ, какъ только возможно лучше для нихъ, и какъ возможно хуже для себя, чего же больше? Къ тому же, съ той самой минуты, какъ Кожинъ покончилъ съ крестьянами, они, съ горяча поклявшіеся ему въ вѣчной благодарности, нетолько за себя, но даже за дѣтей своихъ, какъ будто въ воду канули... однѣ бабы пригорюнившись сидѣли на завалинахъ, и на вопросы Кожина о мужьяхъ, или ничего не отвѣчали, или ругали ихъ самымъ позорнѣйшимъ образомъ. Служить, «положить весь запасъ своихъ силъ и способностей на алтарь отечества». Но нетолько класть на алтарь, что бы то ни было, даже подумать объ этомъ не могъ Кожинъ безъ того, чтобы вся желчь, накопившаяся въ послѣднее время на душѣ,

Digitized by Google

не поднялась разомъ, грозя тутъ же задушить его. А между тѣмъ, давно ли, кажется, съ такой искренней радостью благодарилъ онъ либерала-губернатора, доставившаго ему мѣсто мирового посредника, и выступая на служебное поприще, походилъ болѣе на величаваго рыцаря — защитника угнетенныхъ, и неумолимаго гонителя угнетателей, нежели на человѣка, облеченнаго въ скромное званіе посредника, да ко всему этому обязаннаго имѣть нѣкоторое понятіе о хозяйствѣ, о такихъ прозаическихъ вещахъ, какъ молотьба, бороньба и проч. и проч., и наконецъ, знать законъ, и даже соглашать каждый шагъ свой съ закономъ. Увы! въ самомъ непродолжительномъ времени, рыцарь хватилъ черезъ край: въ одномъ имѣніи подарилъ крестьянамъ господскіе амбары, въ другомъ—распустилъ суконную фабрику, въ третьемъ—незаконно уменьшилъ повинности и т. д. Помѣщики разгнѣвались, жалобы самыхъ клеузныхъ свойствъ посыпались на рыцаря; нужно было отвѣчать, защищаться, а умѣнья не было, опытности тоже. Дѣлать нечего; чтобы не попасть въ бѣду, пришлось взять ловкаго письмоводителя, и съ этой минуты рядомъ съ величавой фигурой рыцаря — защитника невинности, вездѣ и всюду стала появляться ничтожнѣйшая и неприличнѣйшая фигура ловкаго письмоводителя. Безъ его помощи и совѣта, Кожинъ не могъ написать десяти строкъ, и впадалъ въ грубѣйшія ошибки, когда дѣло доходило до вычисленій касательно слѣдовавшихъ съ обществъ рабочихъ дней, оброка, или выкупныхъ платежей. Съ этого времени никто уже не обращался съ дѣлами къ мировому посреднику — къ рыцарю, а каждый шелъ къ его письмоводителю: помѣщикъ несъ ему крупную асигнацію, мужикъ—послѣдній грошъ; рыцарь скоро замѣтилъ свое уединеніе, и оставаясь попрежнему совершенно слѣпымъ относительно своей совершенной неспособности къ дѣлу, принялся наблюдать, или, какъ онъ выражался, «изучать окружающую его среду», и въ самомъ непродолжительномъ времени, и помѣщики и крестьяне, въ одинаковой степени оттолкнули его; а тѣ и другіе въ глазахъ его сливались въ одно цѣлое, дополняющее другъ друга, и только вмѣстѣ составляющее полный типъ русскаго человѣка: та же ширина натуры, та же узкость понятій.

— Вы поступили безчестно, подло! вскричалъ однажды Кожинъ, выведенный изъ себя сиротскимъ видомъ крестьянъ, подъ которымъ явно проглядывало сильное желаніе оплести ближняго, и обращаясь ко всему сходу. Онъ тотчасъ же остановился, и даже испугался словъ своихъ. Но мужики продолжали сохранять сиротскій видъ свой, какъ будто не случилось ничего особеннаго, ничего обиднаго для нихъ.

Digitized by Google

Кожинъ готовъ былъ разразиться еще бо́льшими ругательствами и оскорбленіями, но голосъ его неожиданно оборвался: ему пришла въ голову крестьянская жизнь, безъ отдыха, жизнь лошади, работающей до той минуты, пока не свалится — и онъ умолкъ, путаясь въ отвлеченностяхъ, и смутно понимая свою неспособность къ трезвому взгляду на дѣло.

Наравнѣ съ помѣщиками и крестьянами, оттолкнулъ Кожина и либеральный губернаторъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ повздоривши съ дворянствомъ, либералъ въ потѣ лица вытанцовывалъ-себѣ, въ купеческомъ клубѣ, безтолково написанный адресъ отъ городскихъ обывателей.

Тутъ, къ довершенію унынія, явился къ Кожину двоюродный братецъ Боринька, и по родству сообщилъ ему, что объ немъ идутъ въ уѣздѣ недобрые слухи.

— Какіе слухи? вскричалъ Кожинъ, и замеръ въ ожиданіи отвѣта.

— Да ты не горячись; дѣло въ томъ, что писарь твой деретъ съ живого и мертваго, и деньгами и натурой, а твое имя страдаетъ. Можешь себѣ вообразить, тебя считаютъ взяточникомъ, хватилъ безцеремонный братецъ.

Какъ громомъ пораженный, Кожинъ на другой же день подалъ отставку.

Покончивши такимъ неожиданнымъ образомъ съ службой, съ своими неудавшимися мечтами и надеждами, Кожинъ въ то же время остался совершенно одинъ: отецъ его съ годъ уже какъ слегъ въ могилу, сохраняя даже на мертвомъ лицѣ все ту же саркастическую улыбку, съ которой, утонувши въ своемъ высокомъ креслѣ, выдерживалъ яростныя нападки сына; впрочемъ, мѣсто старика тотчасъ же было занято шестидесятилѣтней тѣткой, торжественно, но безъ всякаго приглашенія со стороны Кожина, поклявшейся замѣнить для него мать, и принять на себя трудную обязанность хозяйки.

Куда же еще могла устремиться дѣятельность скучавшаго и уже озлобленнаго Кожина?... Развѣ къ вольному труду... Попробовалъ Кожинъ и вольнаго труда, и уже заранѣе разсчитывая на громадные барыши и урожаи, заранѣе воображая свою кипучую дѣятельность среди добродѣтельныхъ и трудолюбивыхъ работниковъ, онъ, увлеченный восторженной лирой нашихъ экономистовъ, ничего несмыслившій въ хозяйствѣ, неумѣвшій хорошенько отличить рожь отъ овса, недолго думавши, истратилъ весь капиталъ, оставшійся послѣ родителя на постройку фермы, въ видѣ шале, на покупку машинъ и проч. Само собою разумѣется, что наслѣдованный капиталъ исчезъ какъ дымъ, вмѣстѣ

Digitized by Google

съ мечтами о добродѣтельныхъ работникахъ и барышахъ, а на душѣ осталось одно твердое убѣжденіе, что въ такой дикой странѣ какъ Россія, вольный трудъ немыслимъ, а время, употребленное на хозяйство—потерянное время.

Такимъ образомъ, Кожинъ оставался въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, не зная самъ куда дѣваться, къ чему бы приложить свои стремленія и безполезно кипѣвшія силы. Консерваторъ, благонамѣренный, красный... слышалось на каждомъ шагу, и такимъ образомъ опредѣлялись отношенія людей, въ сущности безполезныхъ и неспособныхъ ни къ какому серьёзному дѣлу, къ людямъ такъ же точно безполезнымъ и ни къ чему порядочному неспособнымъ. Кожинъ не приставалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, что̀, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему быть если не болѣе, то нисколько не менѣе безполезнымъ и неспособнымъ.

Единственной свѣтлой точкой, среди наводящей уныніе дѣйствительности, попрежнему оставалась для Кожина Софья Петровна, но, увы, съ нѣкоторыхъ поръ поѣздки его въ Безводовку становились все рѣже и рѣже; его смущала неожиданная и мгновенная перемѣна, быстро совершавшаяся съ предметомъ его восторговъ и мечтаній: онъ еще недоумѣвалъ, не зная чему приписать и какъ растолковать себѣ эту перемѣну, но уже ясно видѣлъ, что предметъ, вмѣстѣ съ кружкомъ своимъ, все болѣе и болѣе забиралъ куда-то въ сторону, въ какую-то туманную, неопредѣленную даль... Софью Петровну не удовлетворяла болѣе ни къ чему неведущая, по словамъ ея, возня съ крестьянскими мальчиками, не удовлетворяла дружба Кожина, отцовская любовь, общество сосѣдей, текущая литература—однимъ словомъ, она охладѣла ко всему, что̀ прежде радовало, и все чего-то ждала, все стремилась къ чему-то новому—сама не зная, въ то же время, къ чему такъ горячо стремилась, чего ждала съ такимъ нетерпѣніемъ. Кожинъ волновался, добивался объясненія, добивался того, чтобы Софья Петровна договорилась съ нимъ до чего нибудь опредѣленнаго, но ему отвѣчали насмѣшками и, ни съ того ни съ другаго, причислили къ благонамѣреннымъ.

Сверхъ чаянія попавши въ благонамѣренные и, какъ человѣкъ, имѣющій претензію на передового, въ тайнѣ уязвленный такимъ отчисленіемъ, Кожинъ обозлился еще болѣе и весь сосредоточился въ какомъ-то безплодномъ, но неутомимомъ наблюденіи и безпощадномъ осужденіи того, что̀ совершалось вокругъ; другой дѣятельности не нашлось, да и въ будущемъ не предвидѣлось... Съ этой минуты неутомимое и безпощадное наблюденіе сдѣлалось такъ-сказать спеціальностью и исключительнымъ занятіемъ Кожина... Мечты исчезли, а черный цвѣтъ замѣнилъ розовый.

Digitized by Google

Поприще для новой дѣятельности Кожина было какъ нельзя болѣе обширное. Всюду царствовалъ страшный хаосъ и неурядица; дѣти, точно школьники, выпущенные на волю, стремглавъ бросились впередъ, сами не зная куда и зачѣмъ бѣгутъ; между тѣмъ какъ отцы, смущенные и испуганные, шибко заковыляли назадъ въ свои норы, а на сценѣ осталась одна бездарность, да старые знакомые наши, Маниловы и Ноздревы новѣйшихъ временъ, взявшіе на себя роли передовыхъ людей; и среди всего этого, вверхъ колесами, лежала торжественная колесница обновленной Россіи, величественно двинувшаяся впередъ при общемъ, единодушномъ восторгѣ старцевъ и юношей, а теперь опрокинутая, брошенная и всѣми забытая. Отцы и дѣти, передовые и отсталые, мужики и помѣщики, служба и вольный трудъ, Петербургъ и деревня—все это въ одинаковой степени отталкивало и возмущало Кожина.

— Земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ! по сту разъ въ день восклицалъ Кожинъ, и озлобляясь все болѣе и болѣе, еще пристальнѣе всматривался въ то, что совершалось вокругъ.

А вокругъ дѣйствительно совершалось нѣчто въ высшей степени дикое и безобразное. Столичныя треволненія въ такомъ безобразномъ видѣ отразились въ провинціи, что невольно опускались руки и человѣкомъ овладѣвало уныніе: гимназисты, вмѣсто того, чтобы учиться, рѣшали судьбы отечества и размежевывали его по своему усмотрѣнію; три барышни, сосѣдки Кожина, еще недавно напоминавшія кроткихъ голубицъ, ни съ того ни съ другаго обрѣзали себѣ волосы и, взбивши ихъ кверху, требовали равноправности; сынъ приходскаго священника, дюжій богословъ, на первомъ крестномъ ходѣ взялъ подъ мышку образъ и такимъ образомъ слѣдовалъ въ церемоніи, не взирая на слезныя мольбы родителей; въ душной атмосферѣ точно саранча закружились тьмы обличителей и доморощенныхъ публицистовъ, опередившихъ извощиковъ въ крѣпкихъ выраженіяхъ и старыхъ кумушекъ въ распространеніи всякихъ сплетенъ; изъ столицы приплылъ, весь нагруженный запрещенными брошюрами, Саша Бурцевъ, сынъ небогатаго помѣщика, недоучившійся—краснобай, и ловкій малый... Въ самомъ непродолжительномъ времени Саша Бурцевъ занялъ роль провинціальнаго агитатора; ему внимали чуть ли не съ благоговѣніемъ, ему давали деньги въ займы, на него возлагали всѣ распоряженія и хлопоты по устройству такъ-называемыхъ благородныхъ театровъ и литературныхъ чтеній въ пользу бѣдныхъ студенговъ; но тутъ оказались страшные недочеты, и разомъ рухнула репутація агитатора въ глазахъ изум-

Digitized by Google

ленныхъ поклонниковъ его. За то возвеселились отцы и все, что примыкало къ нимъ, а имя агитатора долго исправляло въ цѣлой губерніи роль палки, которой безъ всякой пощады нагрѣвали бока каждаго защитника молодаго поколѣнія.

V.

На дворѣ октябрь. Неподвижныя сѣрыя тучи висятъ надъ бѣдной деревушкой. Вотъ, кажется, сейчасъ зачаститъ осенній дождь... но дождя нѣтъ уже болѣе недѣли... Въ воздухѣ царствуетъ необычайная тишина: ни одинъ прутикъ не шевелится, все погружено въ мертвый, непробудный сонъ... Вотъ на одну секунду, гдѣ-то выглянуло солнышко, зажелтѣлась солома на виднѣющихся крестьянскихъ избахъ, а вдали ярко обрисовались двѣ бабьи фигуры, храбро перелѣзавшія ветхій барскій заборъ, съ яснымъ намѣреніемъ проложить себѣ прямой путь.

— А кругомъ нельзя обойдти! нельзя! лучше чужіе заборы ломать!... точно въ рупоръ кричитъ Кожинъ, совершавшій въ эту минуту свою обычную, утреннюю прогулку.

Бабы оказываются нетрусливаго десятка и благополучно оканчиваютъ переправу...

Кожинъ раскрылъ уже ротъ, чтобы послать имъ вслѣдъ страшныя проклятія, но въ ту же минуту на глаза его попадается толпа мальчишекъ, подъ самымъ носомъ его совершавшихъ такую же переправу, черезъ его садовую рѣшетку. Рѣшетка трещитъ и падаетъ, мальчишки живо разбираютъ красивые колья и весело бѣгутъ играть на улицу.

Взбѣшенный Кожинъ рѣшительно направляется къ волостному правленію—съ жалобой. Дорогой онъ съ замираніемъ сердца видитъ, что длинный заборъ вокругъ дома существуетъ только въ его воображеніи, но въ дѣйствительности отъ забора осталось нѣсколько столбиковъ.

— Будьте благонадежны... все взыщется... все будетъ исправлено... утѣшаетъ старшина.

— Штрафовъ я не хочу, а прошу васъ только собрать мужиковъ и внушить имъ, что это безбожно... портить чужую собственность, что это то же воровство...

— Внушу, безпремѣнно внушу, утѣшаетъ старшина съ видомъ ловкаго чиновника, все обѣщающаго и ничего недѣлающаго.

Все еще не придя въ себя отъ досады, идетъ Кожинъ въ комнату старушки тётки, по обыкновенію погруженной въ чтеніе твореній Асоченскаго.

Digitized by Google

— Мы опять безъ загородки... Самъ поймалъ бабъ и мальчишекъ! восклицаетъ Кожинъ.

— Это все революціонная партія дѣйствуетъ, ни съ того ни съ сего говоритъ добрѣйшая старушка, совершенно сбитая съ толку ея любимымъ авторомъ.

— Какая тутъ революціонная партія, просто бабы и мальчишки дурятъ... желчно возражаетъ Кожинъ.

— Все тотъ же самый огонь, долго тлѣвшій подъ пепломъ... вооружается въ свою очередь старушка.

— Никакого тутъ пепла нѣтъ, а что вотъ ты изъ ума выжила—это я вижу, про себя говоритъ Кожинъ и съ величайшимъ озлобленіемъ глядитъ на добрую старушку, снова погрузившуюся въ Аскоченскаго.

Терпѣніе лопнуло—Кожинъ чувствовалъ, что не въ состояніи долѣе переносить свое затворничество, чувствовалъ неодолимую потребность общества, необходимость какой бы то ни было перемѣны.

— Что это, какъ я себя скверно чувствую, съ горечью проговорилъ онъ: — спина, голова—все болитъ...

— Это къ ненастью, должно быть, либо снѣгъ, либо дождь будетъ, отвѣчала добрѣйшая старушка.

— Боже мой! неужели же я уже превращаюсь въ ходячій термометръ! Гдѣ же моя молодость, мои силы, мои надежды — куда дѣвалось все это? еще болѣе возмутился Кожинъ.

Къ счастью Кожина, въ эту отчаянную минуту розовый цвѣтъ снова явился на выручку, сердце снова забилось надеждой, недуговъ какъ не бывало, и черезъ часъ Кожинъ уже сидѣлъ въ тарантасѣ и мчался въ Безводовку, еще недавно очаровательную, дивную Безводовку.

По дорогѣ Кожину вздумалось завернуть къ братцу Боринькѣ, и случилось такъ, что братецъ, какъ разъ въ этотъ день праздновалъ рожденіе своей жены. Въ домѣ царствовало широкое, полное веселье: нечеловѣческій хохотъ и громкіе разговоры не умолкали ни на минуту; въ движеніяхъ и манерахъ гостей царствовала совершенная безцеремонность; одинъ изъ помѣщиковъ вынулъ стулъ изъ подъ-пріятеля въ тотъ самый моментъ, когда тотъ собирался сѣсть, и потомъ, при общемъ смѣхѣ, осыпая поцалуями, поставилъ пріятеля на ноги. Увлеченный примѣромъ, какой-то юноша тутъ же стащилъ сапогъ съ станового пристава и помѣстилъ его подъ стеклянный колпакъ на каминъ, что́ тоже вызвало единодушное удовольствіе всего общества.

Общее и немножко дикое оживленіе степняковъ подѣйствовало какъ нельзя болѣе непріятно на Кожина: его раздражало и бѣ-

Digitized by Google

сило то обстоятельство, что хоть онъ, человѣкъ, стоящій неизмѣримо выше своихъ плотныхъ двоюродныхъ и троюродныхъ и даже выше всего уровня уѣзднаго общества, никакъ и ни къ чему не можетъ пристать, а только носится съ своей скукой, и несмотря на возвышенность и благородство помысловъ, не можетъ пристать къ общему веселью, не въ состояніи хотя на одну минуту забыться въ немъ. Его мучила зависть...

Послѣ плотнаго завтрака, гости усѣлись въ кружокъ. Пошли разговоры—тѣ, которые обыкновенно ведутся между помѣщиками средней руки: объ озимяхъ, о будущихъ цѣнахъ на хлѣбъ, о трудностяхъ новаго хозяйства, потомъ, такъ-какъ и слѣдовало ожидать, добрались и до нигилистовъ. Поднялся какой-то монументальный господинъ, исправлявшій въ цѣломъ уѣздѣ роль нетолько образованнаго, но даже ученаго человѣка.

— На дняхъ я на славу оборвалъ одного настоящаго нигилиста, ораторствуетъ монументальный господинъ: — «послушайте, говорю, вы отвергаете присутствіе души въ человѣкѣ—хорошо-съ», и пошелъ его рѣзать. Тутъ монументальный господинъ занесъ такую ахинею, что хоть святыхъ вонъ неси. Ни самъ ораторъ, ни его слушатели не понимали ни одного слова, но всѣ остались какъ нельзя болѣе довольны пораженіемъ «настоящаго нигилиста».

Вскорѣ дошло дѣло и до Софьи Петровны; къ грубымъ голосамъ мужей, присоединились нѣжные голоса женъ; анекдотамъ и сплетнямъ не было конца: двоюродный братецъ увѣрялъ, что на дняхъ встрѣтилъ Софью Петровну съ обстриженными волосами и въ кучерской поддёвкѣ.

— Совсѣмъ заблудилась, добавила какая-то пожилая дама и поспѣшила разсказать, какъ Софья Петровна осмѣяла ее за то, что та перекрестилась, садясь за столъ.

— Да чего же тутъ ожидать путнаго, когда она намѣрена поступить въ какое-то общество работниковъ, задуманное масаловскимъ учителемъ. Хотятъ на общія деньги купить двѣсти десятинъ земли, жить обществомъ, работать и развивать окрестныхъ мужиковъ, добавила съ своей стороны другая, не менѣе почтенная дама.

Кожинъ молча внималъ всему, что̀ говорилось, испытывая при этомъ муки Тантала. Онъ смутно понималъ, что въ болтовнѣ помѣщиковъ была своя доля правды, что съ нѣкоторыхъ поръ Софья Петровна была неузнаваема, что безпрерывно толкуя о независимости и полной свободѣ женщинъ, она въ то же время не совсѣмъ ясно понимала, зачѣмъ нужна свобода и какое употребленіе сдѣлать изъ нея, что все было до крайности преуве-

Digitized by Google

личено въ глазахъ ея, такъ что всѣ мужья, безъ всякаго исключенія, являлись въ образѣ тирановъ, всѣ помѣщики въ видѣ чудовищъ, всѣ мужики въ видѣ ангеловъ и проч. и проч. Онъ сознавалъ комическую сторону всего этого, но все-таки волновался и ежеминутно готовъ былъ обрушиться на головы мирныхъ собесѣдниковъ.

— Посмотрите! посмотрите! а его такъ и ломаетъ! вскричалъ въ эту минуту безцеремонный братецъ, тыкая пальцемъ въ Михаила Алексѣевича.

— Вовсе не ломаетъ... нисколько, блѣдный какъ полотно, защищался Кожинъ.

— А усы-то, усы-то — несчастные усы, чѣмъ виноваты... за что грызешь... снова присталъ братецъ.

Кожинъ не вытерпѣлъ, и какъ лавина обрушился на головы невинныхъ собесѣдниковъ.

Всѣмъ досталось поровну—и поченнымъ дамамъ, и монументальному господину, побѣдившему «настоящаго нигилиста», и двоюродному братцу, и всѣмъ бывшимъ на семейномъ праздникѣ отцамъ и дѣтямъ.

Вышелъ полный скандалъ. Общее удовольствіе и веселье было отравлено, и виновникъ всего этого, два часа спустя, уже входилъ въ маленькую гостиную стараго либерала.

Весь интимный кружокъ былъ въ сборѣ.

Учитель, облокотившись обѣими руками на столъ, громко читалъ сочиненіе Дарвина «О происхожденіи видовъ»; ему съ большимъ усердіемъ внимали Софья Петровна, посредникъ въ кучерскомъ нарядѣ, и Фисынькинъ сынокъ; между тѣмъ какъ «старый либералъ» уединился въ темный уголокъ, и сложивши на крестъ руки и вперивъ очи въ потолокъ, дѣлалъ видъ, что боится проронить слово.

— А вотъ и благонамѣренный! вскричала Софья Петровна, завидѣвши Кожина.

Всѣ улыбнулись; даже учитель, и тотъ на минуту оторвался отъ книги и вскинулъ своими умными карими глазами на вошедшаго.

Лицо Кожина мгновенно помрачилось; онъ сдѣлалъ еще шагъ къ столу и вдругъ остолбенѣлъ, а протянутая рука его невольно опустилась.

— Зачѣмъ это? точно не своимъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Что̀ васъ такъ удивляетъ? въ свою очередь спрашивала Софья Петровна.

— Зачѣмъ вы обстригли ваши чудные, ваши великолѣпные... съ необычайной горячностью началъ-было Кожинъ, но замѣтив-

Digitized by Google

ши злую улыбку, блуждавшую на лицѣ Софьи Петровны, поспѣшилъ остыть и прибавить: — ваши волосы.

— Очень просто: не желаю болѣе нравиться, и безъ меня много охотницъ. Женщинѣ нашего времени должны быть отвратительны всѣ эти прикрасы и бирюльки, да и времени, признаться, лишняго не находится, чтобы заниматься подобнымъ вздоромъ, точно отлично затверженный урокъ отрѣзала Софья Петровна.

Кожинъ оробѣлъ и тихо присѣлъ на ближайшее кресло.

— Откудова, любезный другъ? обратился къ Кожину «старый либералъ».

— Съ поля сраженія, отвѣчалъ тотъ, и тутъ же принялся описывать семейный праздникъ. Каждое лицо выступало у него такъ рельефно и комично, что взрывъ единодушнаго хохота то и дѣло прерывалъ разсказъ. Посредникъ въ кучерскомъ нарядѣ поминутно вставлялъ крѣпкія словца, которыхъ въ былое время неслышно было даже въ барскихъ лакейскихъ, а теперь имъ аплодировали, какъ образчикамъ необыкновеннаго остроумія русскаго человѣка... Фисынькинъ сынокъ, съ какими-то странными гримасами, вѣроятно выражавшими сильное удовольствіе, потиралъ руки, и только скромная и все также застегнутая до невозможности фигура учителя выражала полнѣйшее равнодушіе.

Наконецъ всѣ утомились, и разскащикъ и слушатели; Софья Петровна слегка зѣвнула и отъ нечего дѣлать просила учителя продолжать.

«Немногіе естествоиспытатели, и многіе неизучавшіе спеціально естественныхъ наукъ полагаютъ, что нынѣ существующія формы произошли путемъ зарожденія отъ формъ, прежде существовавшихъ», среди общаго, гробоваго молчанія раздался голосъ учителя.

Несмотря на все напряженіе, съ которымъ Кожинъ слѣдилъ за чтеніемъ, онъ вскорѣ почувствовалъ приближеніе неодолимой скуки. Оглянувшись вокругъ, молодой человѣкъ нѣсколько утѣшился тѣмъ, что два ближайшихъ его сосѣда, посредникъ и «старый либералъ», какъ будто углубившись въ Дарвина, все ниже и ниже опускали головы, глаза наконецъ закрылись, и они предались сладкой дремотѣ.

А между тѣмъ учитель продолжалъ читать все съ тѣмъ же рвеніемъ, и все тѣмъ же ровнымъ и внятнымъ голосомъ.

— Изъ рукъ вонъ что̀ такое! Ни одна душа, кромѣ учителя, слова не понимаетъ, и все-таки сидятъ и дѣлаютъ видъ, что понимаютъ. Точно эпитемью на себя наложили... въ величайшемъ негодованіи размышлялъ Кожинъ, а тутъ какъ будто нарочно, въ

Digitized by Google

воображеніи его воскресло то блаженное, еще недавнее время, когда въ домѣ «стараго либерала» не составлялось интимнаго кружка, когда его ожидали съ нетерпѣніемъ и встрѣчали съ неподдѣльной радостью. — Ну, что привезли вы новенькаго? говорите скорѣе... торопитъ Софья Петровна.

— «Наканунѣ».—Ахъ, давайте сюда, или лучше садитесь и читайте—и счастливый Кожинъ садится и читаетъ. «Старый либералъ» то и дѣло прерываетъ чтеніе, его замѣчанія вызываютъ горячіе споры. Кожинъ и Софья Петровна соединяются и общими силами нападаютъ на старика, а того хоть хлѣбомъ не корми, только поспорь съ нимъ. Но эти споры были тихіе, безмятежные споры, или скорѣе пріятный моціонъ, или легкое упражненіе въ краснорѣчіи.

Наконецъ чтеніе Дарвина кончилось.

— Удивительно трезвый и разумный взглядъ, сказалъ Фисынькинъ сынокъ.

— Чрезвычайная вещь! съ просонья вскричалъ «старый либералъ» разомъ съ посредникомъ.

— А вы что же ничего не скажете? съ нѣсколько лукавой улыбкой обратилась хозяйка къ Кожину.

— Оттого ли, что я вовсе не былъ расположенъ слушать, но признаюсь вамъ — я мало что тутъ понялъ.

— Ха, ха, ха, ха, залилась Софья Петровна.

— Ха, ха, ха, подхватило все общество, исключая учителя.

Тутъ только спохватился Кожинъ, но уже было поздно; и напрасно хлопоталъ онъ о томъ, чтобы поправить ошибку, напрасно объяснялъ свое равнодушіе тѣмъ, что онъ неспеціалистъ, что съ дороги усталъ, не вслушался — собесѣдники, исключая учителя, безпощадно глумились надъ нимъ и осыпали его сарказмами.

— Какъ же вы отстали, какъ же вы отстали, съ сожалѣніемъ, смотря на Кожина, не разъ повторила Софья Петровна.

— Это все еще Тургеневъ сидитъ въ нашихъ барахъ, вотъ въ чемъ суть... взъѣлся Фисынькинъ сынокъ. — Привыкли изъ книги устроивать себѣ мягкое ложе, и растянувшись на немъ помечтать и повитать. Оно, пожалуй, и недурно для пищеваренія, и сну способствуетъ, и мозги не шевелитъ.

— Отгадали! отгадали!... богъ-знаетъ, съ чего возрадовалась хозяйка: — Михаилъ Алексѣичъ страстный поклонникъ Тургенева, еще недавно во всѣхъ карманахъ носилъ по тому.

— Такъ, такъ и быть должно! возликовалъ Фисынькинъ сынокъ, и при этомъ скорчилъ странную гримасу, выражавшую у него избытокъ удовольствія.

Digitized by Google

— Пожалуйста, вы о Тургеневѣ не говорите, вамъ о немъ не слѣдуетъ говорить! мгновенно вспыхнулъ Кожинъ. Ему, наконецъ, надоѣла роль мишени, въ которую только лѣнивый не стрѣлялъ.

— Это почему? спросилъ Фисынькинъ сынокъ, въ одно время съ Софьей Петровной.

— А потому, что вы неполный человѣкъ; а чтобы сочувствовать Тургеневу, нужно жить полной жизнью, дышать полной грудью. Нужно любить природу, любить людей.

— Понимаемъ-съ, понимаемъ-съ, вы хотите сказать: нужно жить барской жизнью! свирѣпо перебилъ Фисынькинъ сынокъ, и потомъ съ неистовствомъ продолжалъ:—нужно сидѣть въ какомъ-нибудь комфортабельномъ кабинетѣ, сложа руки, нужно питаться трудами своего ближняго, нужно быть глухимъ и слѣпымъ ко всему, что̀ совершается вокругъ, а только витать и мечтать. Я не жилъ такой жизнью, меня на девятомъ году пѣшкомъ привелъ отецъ въ духовное училище, и бросилъ тамъ, сунувши пятакъ въ руку; а потомъ, когда я вздумалъ оставить духовное званіе, дошло до того, что вашъ покорнѣйшій слуга едва съ голоду не подохъ, замазкой питался—вотъ до чего доходило. Такъ послѣ этого дѣйствительно вы правы, гдѣ же мнѣ сочувствовать Тургеневу.

Софья Петровна ахнула отъ изумленія и испуга, остальные собесѣдники посмотрѣли тоже на страдальца, питавшагося замазкой, съ большимъ сочувствіемъ, только Кожинъ нисколько не умилился; напротивъ, произнесенная тирада еще болѣе взбѣсила его, тѣмъ болѣе, что ему, въ послѣднее время, не разъ приходилось слышать жалобы попадьи, извѣстной въ околодкѣ подъ именемъ Фисыньки, на неукротимое пьянство сына.

— Это все еще не такъ удивительно питаться замазкой, нѣтъ, вотъ съѣсть десятокъ яицъ съ скорлупой, какъ это сдѣлалъ на дняхъ нашъ становой, въ пьяномъ видѣ — эта штука мудренѣе, хватилъ Кожинъ, не совладавши съ сильнымъ желаніемъ кольнуть страдальца.

— И дернуло же меня сказать такую глупость, пять минутъ спустя терзался Кожинъ, подъ перекрестнымъ огнемъ болѣе или менѣе язвительныхъ возраженій; даже молчаливый, и до крайности скромный учитель, и тотъ пришелъ въ ужасъ и недоумѣніе.

— Непостижимая безчеловѣчность! вскричала все болѣе и болѣе воспламеняясь Софья Петровна, и каждая черта лица ея, каждая складка платья выражала негодованіе.

Въ этомъ восклицаніи Кожинъ смутно угадалъ неминуемый окончательный разрывъ, и печальный конецъ своей первой любви.

Digitized by Google

Сердце болѣзненно сжалось. Онъ вообразилъ, что разстается съ лучшими надеждами, теряетъ женщину, которую такъ давно и постоянно любилъ—однимъ словомъ, вообразилъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы выпутаться изъ тягостнаго положенія, и обратившись къ Софьѣ Петровнѣ съ самой искренней и теплой рѣчью, старался доказать ей, сколько поспѣшности и несправедливости было въ ея послѣднихъ словахъ, старался примириться съ ней, объясняя ея охлажденіе къ нему вліяніемъ окружавшихъ ее мечтателей и фразёровъ.

— Кто же эти мечтатели? заносчиво спросила Софья Петровна.

— Я не знаю, кто тамъ у васъ придумалъ какое-то общество рабочихъ; не знаю даже, правда-ли это или нѣтъ; знаю только, что весь свѣтъ толкуетъ объ этомъ обществѣ, всѣ въ недоумѣніи, всѣ смѣются.

— Это еще ничего не доказываетъ; мало ли надъ чѣмъ смѣются? весь зардѣвшись вымолвилъ учитель.

— Прежде всего я долженъ сказать, что вы въ глазахъ моихъ составляете исключеніе изъ цѣлаго полчища всякой недоученой братьи, взявшейся за роль нашихъ наставниковъ. Вы — человѣкъ съ убѣжденіемъ, вы не шарлатанъ какой-нибудь, но все это не мѣшаетъ вамъ быть утопистомъ, мечтателемъ и попустому тратить дорогое время въ ту минуту, когда намъ болѣе всего нужны дѣятели — и Кожинъ принялся развивать свою любимую мысль: о долгѣ честнаго гражданина, объ алтарѣ и проч.

— Вы ошибаетесь, вы жестоко ошибаетесь, считая меня мечтателемъ; мысль о пріобрѣтеніи двухсотъ десятинъ на общія деньги и о заведеніи рабочей артели изъ людей однихъ убѣжденій и желаній — эта мысль какъ нельзя болѣе практична и исполнима, горячо возражалъ учитель.

— Да гдѣ же у васъ необходимыя свѣдѣнія, гдѣ опытность?

— Лѣтомъ будемъ учиться жать и косить, а теперь пока изучаемъ теорію, изучаемъ Либиха.

— Фантазіи! Фантазіи!

— Такъ, по вашему, и ученіе Юстуса Либиха тоже фантазія? вскричалъ учитель, и поднявшись съ мѣста, съ вызывающимъ видомъ, выпрямилъ сутуловатый станъ свой.

Интимный кружокъ оглушилъ Кожина презрительнымъ смѣхомъ.

— Да вы, кажется, воображаете, что двѣсти десятинъ земли — египетскія пажити, или тѣ сады, изъ которыхъ Адама выгнали? уклоняясь отъ преній о Либихѣ, началъ въ свою очередь Кожинъ, задѣтый за живое язвительнымъ смѣхомъ собесѣдниковъ.

— Мы ничего не воображаемъ; мы только хотимъ имѣть не-

Digitized by Google

обходимый комфортъ: хорошій кусокъ говядины, сухое помѣщеніе, общую лампу, около которой собирались бы читать по вечерамъ.

— А два съ полтиной доходу не хотите?

— Съ двухсотъ десятинъ?

— Съ двухсотъ... А двухъ съ полтиной вамъ только что на англійскій пластырь достанетъ.

— Зачѣмъ же намъ пластырь?

— Какъ за серпъ, да за косу возьметесь, такъ и понадобится.

Учитель на минуту запнулся, но друзья его уже спѣшили къ нему на помощь.

Бой возгорѣлся отчаянный.

— Изработаетесь вы зря, а все-таки меньше сдѣлаете, чѣмъ два хорошіе мужика, возвысился голосъ Кожина, и тутъ же былъ заглушенъ натискомъ противниковъ.

— А если, поработавши день, да соберетесь читать при лампѣ, то сейчасъ же всѣ мертвымъ сномъ заснете и лампы некому будетъ потушить, снова послышался голосъ Кожина, вызвавши цѣлый потокъ возраженій.

— Ну, а какъ же насчетъ утучненій полей? оно на картинкѣ еще недурно, а на дѣлѣ не совсѣмъ это пріятная вещь; какъ же вы тутъ распорядитесь? пять минутъ спустя язвилъ Кожинъ своихъ противниковъ.

— Да еще прежде всего васъ становой Воскресенскій разгонитъ, грозилъ онъ потомъ, задыхаясь отъ излишняго волненія.

— Стойте! стойте! наконецъ вскричалъ онъ, собирая остатки силъ. — Ну, а какъ же вы насчетъ женщинъ обойдетесь?

Противники стали втупикъ: видно, не ожидали такого вопроса или скрытничали.

— Объ этомъ нужно будетъ подумать, списаться съ товарищами, красный какъ маковъ цвѣтъ бормоталъ учитель.

— Прощайте, Софья Петровна, слабымъ отъ утомленія голосомъ проговорилъ Кожинъ, воспользовавшись молчаніемъ, воцарившимся въ комнатѣ, и затруднительнымъ положеніемъ противниковъ.

— Никогда я не думалъ такъ неожиданно и такъ глупо разстаться съ вами, продолжалъ онъ, подавленный невыразимой тоской.

— Прощайте, Михаилъ Алексѣичъ, безстрастно проговорила Софья Петровна, и даже не спросила, куда онъ хочетъ ѣхать въ такую темную, осеннюю ночь.

Вернувшись домой, Кожинъ окончательно вошелъ въ роль неутомимаго наблюдателя и безпощаднаго порицателя всего окружающаго. Онъ не давалъ себѣ труда замѣчать хотя и рѣдкія,

Digitized by Google

но все-таки существующія въ глуши отрадныя явленія. Онъ такъ настроилъ себя, что ничего не видалъ, кромѣ зла и невѣжества, и приходилъ въ величайшую ярость и озлобленіе при малѣйшемъ прикосновеніи къ нему грубой дѣйствительности, а между тѣмъ, бездѣйствіе все болѣе и болѣе тяготило молодого человѣка; а взяться же за какое-нибудь дѣло онъ не могъ, даже не зналъ, какъ приступить къ нему, и рѣшительно оказался неспособнымъ къ какой бы то ни было самостоятельной дѣятельности.

Вмѣсто прежнихъ фразъ: о долгѣ честнаго гражданина, объ алтарѣ, онъ каждому встрѣчному толковалъ о томъ, что всѣ высокія стремленія — не что иное, какъ ребячество и дѣтскія игрушки.

— Мы себѣ только жизнь губимъ тѣмъ, что все налагаемъ на себя какія-то обязанности. Нигдѣ не найдется столько охотниковъ отдавать себя въ полное распоряженіе казны и добровольно нести эпитемью, называемую службой, какъ у насъ на святой Руси, между тѣмъ, какъ мѣсто каждаго мало-мальски неглупаго человѣка вовсе не на службѣ, а у своего собственнаго дѣла, горячо заговорилъ Кожинъ.

— А какое, напримѣръ, у тебя «свое собственное дѣло», любопытно знать? язвилъ оратора безцеремонный братецъ.

— Какъ, какое дѣло? да это развѣ не дѣло, что я сижу сложа руки и ничего не дѣлаю? развѣ это не самое утомительное и полезное дѣло, какое только можетъ существовать у насъ на Руси? Да я только потому и дышу, и перебиваюсь кой-какъ, что ничѣмъ не занимаюсь, а пустись я во что нибудь, предприми что нибудь, тутъ бы мнѣ и конецъ, тутъ же бы и разорился, у насъ иначе не можетъ быть, возражалъ Кожинъ, сдѣлавшій большіе успѣхи въ діалектикѣ.

Кожинъ по цѣлымъ недѣлямъ не сходилъ съ дивана, а если и выѣзжалъ изъ дому — блѣдный, съ жидкой, некрасивой бородой и преждевременными морщинами, то только затѣмъ, чтобы немедленно разразиться громомъ и молніей. Онъ безъ всякаго разбору громилъ все, что ни попадалось подъ руку: громилъ безполезность старцевъ, юродство дѣтей, воровство чиновниковъ, дикость помѣщиковъ, тупое невѣжество и плутоватость крестьянъ, алчность духовенства, ширыну русской натуры, русскую семью, и все общество и весь существующій порядокъ вещей...

Разговоры тотчасъ же умолкаютъ; сосѣди и родственники, казалось, съ большимъ вниманіемъ слушали оратора, а между тѣмъ на лицахъ ихъ можно было ясно прочесть: вотъ, молъ, театръ у насъ сгорѣлъ, такъ, по крайней-мѣрѣ, какое нибудь развлеченіе имѣемъ.

Digitized by Google

Кожинъ кончилъ тѣмъ, что окончательно превратился въ ходячій термометръ всевозможныхъ явленій грубой дѣйствительности. Двоюродный братецъ, даже издали взглянувши на Михаила Алексѣевича, навѣрно могъ опредѣлить — случился, или нѣтъ какой нибудь скандалъ въ высшихъ или низшихъ сферахъ губернской жизни; уворовалъ ли помѣщикъ Лиховъ жену сосѣдняго управляющаго; заперся ли помѣщикъ Шушемеревъ въ полученіи денегъ отъ помѣщика Шмакова для передачи помѣщику Колпакову; выпилъ ли отставной штабс-родмистръ Буньковъ, одну за другой, сорокъ-восемь рюмокъ водки въ дворянскомъ клубѣ; запалили ли пейзане для собственной потѣхи помѣщичью ригу; вытанцовывалъ ли начальникъ губерніи адресъ отъ городскихъ купцовъ и мѣщанъ въ пику дворянству; получалась ли отъ мирового посредника бумага, безграмотности которой подивился бы гимназистъ 3-го класа—однимъ словомъ, всѣ безобразія, совершавшіяся въ высшихъ и низшихъ губернскихъ сферахъ, все это немедленно отражалось на желтомъ, исхудаломъ лицѣ Кожина.

Какъ-то разъ, неожиданно увидавши себя въ зеркалѣ, Кожинъ не шутя испугался, и тутъ же рѣшился бѣжать—бѣжать немедленно, бѣжать изъ чувства самосохраненія, бѣжать навсегда...

— Но куда же бѣжать? гдѣ искать успокоенія? — Въ Швейцарію, въ благословенную, счастливую Швейцарію! недолго думавши, вскричалъ Кожинъ, и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ принялся устроивать свои дѣла, то-есть за что попало сдавать въ годы свои земли и угодья...

Вѣсть о намѣреніи Кожина навсегда покинуть немилое отечество, живо облетала окрестность.

— За все брался, а видно, другаго дѣла не сыскалъ, какъ цѣну на землю ронять, да русскія деньги за границу переводить... ворчали закоренѣлые степняки.

— Кожинъ правъ; порядочному человѣку невозможно жить въ нашей глуши, его здѣсь не поймутъ, не оцѣнятъ, ему необходимо бѣжать... мы всѣ должны бѣжать, сочувственно заговорили губернскіе аристократы, и въ особенности аристократки, обрѣтавшіяся въ постоянномъ бездѣйствіи, и вслѣдствіе того испытывавшія вѣчную скуку.

— Кожинъ, или доморощенный Чайльд-Гарольдъ, воспользовавшись случаемъ, сострилъ губернскій бонмотистъ.

VI.

Всѣ двери барскаго дома настежъ, на полу множество разбросанныхъ бумажекъ, веревочекъ и всякой дряни, всюду слѣды

Digitized by Google

огромныхъ грязныхъ сапоговъ и совершенное отсутствіе щетки; забытыя собаки жалобно лаютъ, оставленныя безъ пищи кошки— грустно мяучутъ, два старыхъ чемодана трещатъ и рвутся отъ излишней и безпрестанно прибывающей поклажи; въ столовой свирѣпо кипитъ самоваръ, но чайный приборъ стоитъ нетронутый, общая суета и суетливое движеніе человѣческихъ ногъ и языковъ, тарантасъ съ поднятыми кверху оглоблями у крыльца.

— Барыня приказали спросить, сколько уложить ночныхъ сорочекъ, сколько денныхъ? летѣло въ одно ухо Кожина.

— Поваръ спрашиваетъ: въ которомъ часу будете завтракать? летѣло въ другое.

— Барыня приказали спросить: сколько паръ носочковъ прикажете уложить? приступаетъ къ нему же старая тётушкина фрейлина.

— Барыня приказала вамъ сказать, пищитъ босоногая дѣвчонка:—что они отпустили вамъ дюжину голандскихъ.

— Какіе сапоги прикажете уложить и какіе изволите надѣть въ дорогу? густымъ басомъ перебиваетъ ее угрюмаго вида лакей.

— Мельничный хозяинъ пришелъ, раздается изъ сосѣдней комнаты голосъ тётушки.

Сердце Кожина болѣзненно сжалось; онъ уже впередъ предчувствовалъ патетическую сцену и предугадывалъ трогательныя мольбы мельничнаго хозяина (великаго плута), объ уменьшеніи оброка.

— Что, принесли? спрашиваетъ Кожинъ.

— Принесъ, только не всѣ, отвѣчаетъ мельничный хозяинъ, и вслѣдъ затѣмъ прихожая оглашается шумными негодованіями Кожина и трогательными мольбами мельничнаго хозяина.

— Прибѣгаю къ стопамъ ногъ вашихъ... семейство... дѣти малъ-мала меньше... пить-ѣсть просятъ... и что же, наконецъ, ожидаетъ ихъ: бѣдность, разореніе, нищета... вопіетъ мельничный хозяинъ, ярко-красный носъ котораго явно доноситъ о нѣсколькихъ стаканахъ водки, проглоченныхъ имъ на скорую руку.

— Какой же чортъ тянулъ васъ снимать мельницу, когда у васъ гроша за душой нѣтъ! Мнѣ вѣдь тоже необходимо ѣхать за границу, все уложено — готовъ... я не могу! я рѣшительно не могу! Я ѣду за границу, мнѣ деньги нужны, раздаются громы землевладѣльца.

— Михаилъ Алексѣичъ! Михаилъ Алексѣичъ — надобно тоже подумать о душѣ, плачущимъ голосомъ вопіетъ мельничный хозяинъ:—оно, конечно, я у васъ въ когтяхъ, я эфто долженъ

Digitized by Google

понимать; но, Михаилъ Алексѣичъ, вспомните, что всѣ мы смертны, вдругъ богаты и вдругъ бѣдны.

Громы землевладѣльца мгновенно стихаютъ; какъ человѣкъ въ высшей степени нервный, онъ не въ состояніи выносить трогательныхъ сценъ, и потому спѣшитъ взять, не считая то, что̀ принесъ мельничный хозяинъ, и удалиться въ свой кабинетъ.

— Съемщики земли пришли, деньги принесли, полурастворяя кабинетную дверь баситъ слуга.

Предчувствіе чего-то непріятнаго снова кольнуло и безъ того сильно бившееся сердце землевладѣльца.

Въ прихожей стояли три мужика, въ глубочайшемъ унынiи; они низко опустили головы и глубоко вздыхали.

— Здорово, братцы; что, вы казну привезли? спрашиваетъ землевладѣлецъ, стараясь казаться какъ можно веселѣе.

— Деньги-то деньги, заговорилъ одинъ изъ мужиковъ:—да не всѣ деньги-то.

— Ну, ужь это ваше дѣло, а мнѣ давай сколько слѣдуетъ по контракту, снова гремитъ землевладѣлецъ.

— Батюшка! отецъ! обрати гнѣвъ на милость, и мужики, переглянувшись, разомъ грянулись на полъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! и слышать не хочу. Я сейчасъ ѣду за границу! все уложено... Мнѣ изъ-за васъ не умереть же здѣсь съ тоски.

— Не мы просимъ, бѣдность наша проситъ, года неурожайные.

Тутъ послѣдовалъ страшный гвалтъ: кричали съемщики, кричалъ землевладѣлецъ, кричала его тётка, тотчасъ же явившаяся на помощь племяннику.

Четверть часа спустя, землевладѣлецъ вышелъ изъ прихожей, мокрый отъ излишняго напряженія, и денегъ вынесъ далеко менѣе, чѣмъ предполагалъ.

— Собственность... собственникъ—пропріетеръ, да еще вдобавокъ русскій пропріетеръ, что̀ за глупѣйшее положеніе, что̀ можетъ быть отвратительнѣе этого слова, терзался Кожинъ, взволнованный патетическими сценами съ мельничнымъ хозяиномъ и съемщиками земли.

— Ефремъ пришелъ, снова баситъ угрюмый слуга:—Хомяка назадъ привелъ, кузнецъ что-ли загулялъ. По-то Ефремъ-то и пришелъ: доложи, говоритъ, барину, какъ прикажутъ?

— Убирайтесь вы прочь, точно тѣнь гамлетова отца, преслѣдуетъ, баситъ и покою не даетъ.

Тѣнь исчезаетъ.

Кожинъ запираетъ кабинетную дверь и собирается наконецъ

Digitized by Google

отдохнуть отъ всѣхъ только что испытанныхъ треволненій, но въ эту минуту на дворѣ раздается колокольчикъ.

— Становой пріѣхалъ! становой пріѣхалъ! снова баситъ неотвязчивая тѣнь и немилосердно стучитъ въ дверь.

Пять минутъ спустя, Кожинъ вошелъ въ гостиную, гдѣ его тётушка успѣла уже состязаться съ становымъ по поводу недоимокъ.

Становой требовалъ немедленной уплаты, но вмѣсто уплаты ему представляли десятки его же квитанцій, гласившихъ, что уплачивать болѣе нечего, потому что все уплачено. Становой соглашался, что все это совершенно справедливо, но, тѣмъ не менѣе, продолжалъ шумѣть и требовать недоимку, на томъ основаніи, что ему предписано взыскать.

Тётушка и племянникъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ смотрѣли на станового.

— А не заплатите, такъ я продамъ вашу лошадь, вашу корову, вашъ хлѣбъ, что̀ вздумается то̀ и продамъ, одушевляется становой и мало-по-малу приходя въ какой-то дикій восторгъ, продолжаетъ:

— Слава-богу, нынче не то, что прежде, нынче и нашъ братъ становой что-нибудь да значитъ, нынче вездѣ законъ водворяется и всѣ равны передъ закономъ.

Кожинъ кусалъ правый усъ, тётушка глубоко вздыхаетъ.

— На прошлой недѣлѣ, въ какомъ-то упоеніи продолжаетъ становой:—Чуфарова барышня зартачилась, тоже какъ вы не хотѣла платить недоимки; мы съ трапчимъ, бацъ ея любимую лошадь съ торговъ; слезъ-то, слезъ-то что̀ было, а ничего не взяла—потому—законъ. Да-съ, нынче не прежнее время, нынче у насъ руки развязаны, и какъ-будто въ доказательство того, что руки его дѣйствительно развязаны, становой приставъ ужасно размахивалъ ими.

Станового накормили, напоили и недоимку заплатили, несмотря на полное убѣжденіе, что она взыскана неправильно.

— Бываетъ, бываетъ и такъ, что казенная палата ошибется, да вотъ не дальше какъ на прошлой недѣли я получилъ формальное предписаніе взыскать сорокъ-восемъ рублей и шестьдесятъ коп. недоимки съ неизвѣстной волости—и взыщу!

— Боже мой, великій Боже, что̀ дѣлается на святой Руси! по удаленіи станового пристава, восклицаетъ возмущенный Кожинъ, и со всего розмаху падаетъ на диванъ.

— Нѣтъ, скорѣе, скорѣе вонъ отсюда, вонъ изъ прелестнаго отечества! рѣшаетъ молодой человѣкъ, и поднявшись съ дивана, бѣжитъ къ стоявшему возлѣ крыльца тарантасу, приказывая немедленно укладываться, немедленно ковать Хомяка.

Digitized by Google

Выходитъ общая суматоха; люди въ величайшихъ попыхахъ бѣгаютъ отъ тарантаса къ дому, отъ дома къ конюшнѣ, но дѣло нисколько не подвигается впередъ.

Въ воротахъ появляется толпа мужиковъ безъ шапокъ.

— Вѣрно, идутъ проводить, добрые хотя и глупые, даже не глупые, просто невѣжественные, и если мнѣ жаль съ кѣмъ-нибудь разставаться, такъ это съ ними, и если я желалъ бы кому-нибудь всего хорошаго, такъ это имъ... размышляетъ Кожинъ, выступая на встрѣчу черной толпѣ мужиковъ.

— Что скажете, братцы? нѣсколько взволнованнымъ голосомъ обращается онъ къ толпѣ.

— Да все хлопочемъ на счетъ усадьбы, зеленецкіе мужики лѣзутъ—то-есть въ нашу усадьбу—да и полно; что ты станешь дѣлать? Намедни мы дѣлимъ выгонъ, чтобы вспахать подъ конопляники, а они тутъ съ дубьемъ. Стой! кому жизнь мила! Нистожимъ васъ всѣхъ до единаго, а мужики-то все крупные, атаманы, начинаетъ одинъ изъ мужиковъ, болѣе другихъ претендовавшій на краснорѣчіе.

— Охота вамъ слушать всякій вздоръ. Вамъ усадьба дана по плану—чего же еще? нетерпѣливо перебиваетъ Кожинъ.

— Какъ бы послѣ чего не вышло? какъ бы намъ не отвѣтствовать? тоскливо проговорилъ какой-то дряхлый старецъ, и качая бѣлой головой, посмотрѣлъ на другихъ мужиковъ; тѣ тоже покачали головами и окончательно усумнились.

Чтобы покончить сомнѣніе, Кожинъ предлагаетъ мужикамъ немедленно обойти усадьбу по казенному плану: онъ надѣялся разъяснить такимъ образомъ недоумѣніе и все-таки въ тотъ же вечеръ распрощаться съ деревней.

— Идемте! вскричалъ Кожинъ, и съ планомъ въ рукѣ энергически пошелъ впереди толпы.

На выгонѣ точно изъ земли выросли передъ нимъ три почтенныхъ старца и загородили ему дорогу.

— Батюшка, Михаилъ Алексѣичъ, вы неистово идете, важно проговорилъ одинъ изъ старцевъ.

— Какъ неистово иду?

— Неистово! этотъ выгонъ былъ искони вѣковъ нашъ—Зеленецкій, наши отцы и дѣды имъ владѣли.

— Что мнѣ за дѣло до вашихъ отцовъ и дѣдовъ, когда у меня есть казенный планъ.

— Воля ваша, мы будемъ просить.

— Просите!

— Братцы, честные мужички, вы неистово идете, не по зако-

Digitized by Google

ну поступаете, обратились старцы къ толпѣ, потерявши надежду убѣдить Кожина.

Толпа остановилась и потупилась.

— Помните, братцы, еще при покойницѣ, царство небесное Ѳеклѣ Осиповнѣ, убѣждалъ одинъ изъ старцевъ:—тутъ даже нашъ плетень проходилъ, еще покойница не разъ говорила намъ: «Вотъ это, мужички, наше неотъемлемое, и никто у насъ этого ни взять ни занять не можетъ.»

— И не можетъ! разомъ подтвердили два старца.

— Все это было до полюбовнаго межеванія, все это вздоръ! вздоръ! вскричалъ выведенный изъ терпѣнія Кожинъ, и торопливо пошелъ впередъ. Сопровождавшая его толпа мужиковъ нерѣшительно тронулась за нимъ.

— А кто намъ будетъ отвѣтствовать за то, что вы неистово завладѣли чужимъ выгономъ? яростно кричитъ одинъ изъ старцевъ.

— Извѣстно кто, мужики, съ нихъ взыщется, они отвѣтятъ, съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ рѣшилъ его товарищъ.

Толпа, слѣдовавшая за Кожинымъ, остановилась, какъ-будто пораженная громомъ; молодой человѣкъ тоже остановился, а между тѣмъ подулъ холодный вѣтеръ, густыя тучи неслись надъ головой его, одна окатила дождемъ, другая брызнула градомъ, третья несла снѣгъ. Весь горизонтъ потемнѣлъ и конца не было видно такой благодати небесной.

Насквозь пробитый дождемъ, уже чувствуя признаки простуды, стоялъ Кожинъ среди толпы крестьянъ, стараясь, во что бы то ни стало, перекричать зеленецкихъ старцевъ. Повинуясь его голосу, крестьяне дѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, но неугомонные старцы снова начинали грозить и толпа снова останавливалась подъ проливнымъ дождемъ и насквозь пронизывавшимъ вѣтромъ.

Терпѣніе Кожина лопнуло; его голосъ совершенно неожиданно для него самаго возвысился до громадныхъ размѣровъ и уподобился грому небесному, а уста, произносившія до настоящей минуты однѣ возвышенныя и благородныя фразы, осыпали крестьянъ страшными ругательствами. Они тотчасъ же присмирѣли, и снявши шапки, приняли самый покорный видъ. Но Кожинъ уже успѣлъ опомниться, и устыдившись своей дикой выходки, не оглядываясь на толпу, пустился домой. Тамъ, чтобы предупредить простуду, не безъ отвращенія выпилъ онъ нѣсколько чашекъ какого-то горькаго питья и по совѣту тётушки улегся подъ десятки шубъ и салоповъ.

Вечеромъ пріѣхалъ братецъ Боринька съ благимъ намѣре-

Digitized by Google

ніемъ проводить братца Мишу; тётушка, завидѣвши его, вся встрепенулась отъ удовольствія, и немедленно усадивши подлѣ себя, принялась разспрашивать о новостяхъ.

Между тѣмъ какъ Кожинъ, мрачный и озлобленный по обыкновенію и вдобавокъ съ шерстянымъ шарфомъ вокругъ шеи, быстро шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Только что изъ города, съ невозмутимо-веселымъ видомъ разсказывалъ Боринька:—разгулъ тамъ идетъ такой, что ну; въ клубѣ пыль столбомъ; не успѣлъ я носа показать, какъ уже меня сейчасъ же получили Петръ Вилкинъ, Дубровкинъ, гусаръ, Владиміръ Васильевичъ, обступили съ шампанскимъ. Пей! Спрашиваю, что̀ за торжество, и узнаю, что Вилкинъ и гусаръ только что получили выкупныя—такъ это на радости понесли. Смотрю, игра пошла адская. Гусаръ въ одинъ часъ спустилъ всѣ выкупныя, Дубровкинъ тоже распроигрался. Просто, они тамъ съ ума посходили и думать забыли, что нынче не старое время.

— Боже мой, Боже мой, уже стонетъ Кожинъ.

— Въ концѣ вечера узнаемъ, что Чарыковъ померъ, городовой докторъ. Семьища осталась огромная, штукъ десять, кажется, и ни гроша за душой. Пошли толки о томъ, что помочь бы слѣдовало, складчину что ли сдѣлать. Встаетъ гусаръ. Денегъ, говоритъ, у меня ни копейки, а вотъ свою тройку сѣрыхъ могу разыграть въ лотерею и деньги пожертвовать. Сейчасъ же написали листъ, билеты расхватили въ одну минуту, и дѣло въ шляпѣ.

— Какой же добрый человѣкъ этотъ Юрковъ (фамилія гусара), какой славный, умилилась тетушка.

— Ничего, только кутитъ не въ мѣру.

— Изъ города завернулъ къ Ивану Васильичу Звягину и не утерпѣлъ—въ ножки поклонился.

— За что̀ это? спросила старуха.

— Помилуйте, человѣкъ чудеса совершаетъ: цѣлый день на ногахъ, вскакиваетъ прежде всѣхъ въ цѣломъ селеніи, самъ работниковъ будитъ, успѣлъ по пятидесяти десятинъ въ полѣ удобрить, зерносушилку поставилъ своего изобрѣтенія, соху какую-то новую придумалъ, десять человѣкъ работниковъ постоянныхъ держитъ и при всемъ этомъ ни копейки долгу. Чудеса, да и только!..

Кожинъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на разскащика и отошелъ къ окну; онъ былъ въ такомъ настроеніи духа, что хотѣлъ найдти во всемъ какъ можно болѣе худаго.

— Отъ Ивана Васильевича заѣхалъ по дѣлу къ помѣщику Клочкову, продолжаетъ разскащикъ.—Вхожу, домъ пустой, всюду пыль на вершо̀къ, оборванныя драпри и обои. Гдѣ баринъ?

Digitized by Google

Оказывается, что въ полѣ, вмѣстѣ съ чадами своими и домочадцами, скотину крестьянскую ловитъ. Наконецъ является. Спрашиваю, какъ поживаете?—Слава-богу, говоритъ, только одной свиньи до трехсотъ рублей не достаетъ.—Какъ одной свиньи?—То-есть трехъ рублей—вѣдь за свинью полагается три рубли штрафу.

— А тебѣ бы и сказать, что баринъ-то самъ и есть недостающая свинья. Я бы непремѣнно такъ поступилъ, какъ порохъ вспыхнулъ Кожинъ.

— Нѣтъ, я поступилъ иначе; я повелъ дѣло такъ, что самъ же Ключиковъ вызвался пожертвовать всѣ штрафныя деньги на училище, отвѣчалъ Боринька, и съ той же невозмутимой веселостью продолжалъ разсказывать о своемъ пребыванія на мировомъ съѣздѣ.

Здѣсь нужно сказать, что братецъ Боринька, къ величайшему недоумѣнію Кожина, вѣчно мечтавшаго объ идеалахъ, попалъ въ мировые посредники. Неожиданно сдѣлавшія такой шагъ, Боринька отнесся къ своей обязанности какъ нельзя болѣе просто, безъ малѣйшаго педантизма, или предвзятыхъ ходульныхъ идей, и дѣло пошло какъ нельзя лучше. Въ самомъ непродолжительномъ времени о немъ заговорили какъ о лучшемъ и полезнѣйшемъ посредникѣ въ цѣломъ уѣздѣ. Тутъ недоумѣніе Кожина перешло въ негодованіе. Онъ никакъ не могъ простить Боринькѣ его успѣха, никакъ не могъ примириться съ мыслью, что человѣкъ неразвитой, ничего нечитающій и даже отсталой осмѣлился быть полезнымъ дѣятелемъ, подвизаться на томъ поприщѣ, съ котораго онъ долженъ былъ сойдти, да еще съ нѣкоторымъ скандаломъ.

— У насъ всегда такъ: чѣмъ глупѣе, тѣмъ полезнѣе, утѣшался Кожинъ, но скрытая зависть шевелилась въ немъ и все-таки давала себя чувствовать.

— Предводитель обѣдъ задалъ на славу, продолжаетъ Боринька, ни мало не подозрѣвая непріязненнаго чувства, таившагося противъ него въ душѣ Кожина: — отъ предводителя всей компаніей поѣхали къ Петру Васильичу на именины, оттудова цѣлымъ обществомъ махнули на свадьбу къ Ступину, со свадьбы къ молодымъ, такъ и кружились недѣли двѣ.

— Хороша служба, нечего сказать: берутъ жалованье, а сами по гостямъ носятся, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, язвилъ Кожинъ.

— Ничего, дѣло съ бездѣльемъ мѣшать слѣдуетъ, не горячась возражаетъ братецъ и продолжаетъ сообщать уѣздныя новости. Сообщаетъ, что весь интимный кружокъ Софьи Петровны разстроился: что Фисынькинъ сынокъ вызванъ въ Петербургъ, со-

Digitized by Google

трудникомъ какого-то юмористическаго изданія; учитель готовится къ экзамену на магистра; посредникъ въ кучерскомъ платьѣ полетѣлъ въ Москву, видно—разогнать тоску; а Софья Петровна собирается поступить въ какое-то спеціальное заведеніе, чуть ли не въ акушерское, чтобы имѣть возможность собственнымъ трудомъ добывать себѣ хлѣбъ. Говоря это, Боринька лукаво взглянулъ на «Гарольда», но тотъ сдѣлалъ крутой поворотъ и совершенно неожиданно исчезъ изъ комнаты.

— Какъ только дошло дѣло до Софьи Петровны, такъ и бѣжалъ, продолжаетъ Боринька: — удивительный, даже непонятный для меня человѣкъ; недаромъ весь городъ зоветъ его Чайльд-Гарольдомъ, а Вилкинъ присочинилъ еще «доморощенный». Ну, что̀, говоритъ нашъ доморощенный Чайльд-Гарольдъ, скоро ли покинетъ отечество?

— И что̀ за названіе, безпрестанно слышу, а объяснить не умѣю? съ любопытствомъ спросила тётушка.

— Жилъ когда-то такой господинъ въ Англіи, озлобленный, ничѣмъ недовольный... Друзья, общество, отечество, все это до того опротивѣло ему, что онъ всѣ связи прервалъ, и навсегда уѣхалъ заграницу.

— Ни дать ни взять нашъ Михаилъ Алексѣичъ, всплеснувъ руками вскричала тётушка: — и какая съ нимъ перемѣна сдѣлалась: такой былъ благонравный, кроткій, почтительный молодой человѣкъ; бывало, сверсники его бѣгаютъ, гуляютъ, игры заведутъ, а онъ прижмется съ книжкой гдѣ-нибудь въ углу, и не слыхать его; и вдругъ такой сталъ раздражительный, нервный, слова нельзя сказать, такъ и накинется.

— Да, ругаться здоровъ, все не понемъ, всѣ у него дураки, всѣ безъ разбору—и помѣщики и мужики, и высшіе, и низшіе.

— И все бы онъ переломалъ, да сейчасъ же бы перековеркалъ посвоему, перебила тётушка, весьма обрадованная случаемъ отвести наконецъ душу, и высказать свои тщательно скрываемыя чувства.

Разговоръ въ такомъ родѣ тянулся до полночи; впродолженіе его, тётушка не одинъ разъ помянула революцію и искру, тлѣвшую до сихъ поръ подъ пепломъ: безъ этой несчастной искры старушка не могла сказать десяти словъ.

«Гарольдъ» заперся въ своей комнатѣ, и никого на глаза не пускалъ, но за то на слѣдующее утро онъ вскочилъ прежде всѣхъ, будилъ людей, помогалъ укладываться, и вообще лѣзъ изъ кожи, чтобы скорѣе выѣхать.

Явился священникъ, въ сопровожденіи двухъ чрезвычайно ро-

Digitized by Google

слыхъ причетниковъ и чахоточнаго дьякона, болѣе похожаго на ходячій скелетъ, нежели на дьякона.

— Это зачѣмъ? только-что не спросилъ «Гарольдъ», вопросительно смотря на духовенство; но священникъ, ни мало не смущаясь вопросительнымъ взглядомъ, наскоро облачился, и еще расчесывая гребнемъ свои рыжеватыя, волнистыя кудри, приступилъ къ напутственному молебну.

Тётушка, какъ подняла къ небу свои полные слезами глаза, такъ и осталась на цѣлые полчаса; Боринька усердно крестился, и подтягивалъ причетникамъ; «Гарольдъ», прислонившись къ стѣнѣ, то разсѣянно смотрѣлъ въ окно, то на слезы тётушки, напрасно стараясь объяснить себѣ искуство проливать ихъ, когда вздумается.

Послѣ молебна послѣдовала закуска.

Первый подошелъ весь высохшій дьяконъ, и страшно дрожавшею рукой налилъ себѣ рюмку водки.

— Не согрѣшай, отче Тимофіе, сострилъ надъ нимъ священникъ.

— Это уже вамъ молодымъ, сказалъ дьяконъ, и пролилъ на себя половину рюмки.

— А ты, отецъ дьяконъ, все худѣешь, все худѣешь, съ притворнымъ участіемъ замѣтила тётушка.

— Все вотъ лечиться собираюсь — въ больницу; тамъ, я думаю, духомъ излечатъ, страшно кашляя отвѣчалъ дьяконъ.

— А потомъ жениться хочетъ, добавилъ священникъ, и покатился громкимъ, но невеселымъ смѣхомъ.

Все общество, исключая «Гарольда», сочло долгомъ послѣдовать примѣру священника.

— Вотъ бы вамъ, отецъ дьяконъ, невѣста, вдова ерыклинскаго дьячка: и ростомъ и тѣлесами взяла, и пчелъ однѣхъ пеньковъ сорокъ будетъ, нерѣшительно, но съ явнымъ желаніемъ посмѣшить компанію, сказалъ одинъ изъ рослыхъ причетниковъ.

Остроуміе причетника было въ свою очередь вознаграждено новымъ взрывомъ, все того же натянутаго и невеселаго смѣха.

Полумертвый дьяконъ нетолько не оскорблялся, но казался очень доволенъ тѣмъ, что на него обращено вниманіе публики; даже, какъ будто усиливался придать изнеможенному лицу своему самое глупое и шутовское выраженіе — такъ укоренилась въ немъ привычка къ тому, чтобы его вышучивали

«Гарольдъ» сидѣлъ какъ на иголкахъ; онъ живо припомнилъ, какъ отецъ его первый поднялъ на смѣхъ жалкую фигуру стараго вдовца-дьякона, все собиравшагося жениться, и какъ потомъ, глядя на барина, принялась вышучивать отца-дьякона его дворня, потомъ мужики, потомъ уже всякій встрѣчный — всякій, кому вздумалось посмѣяться.

Digitized by Google

— Вотъ и нашъ Михаилъ Алексѣичъ заграницу собрался, русскимъ денежкамъ глазки протереть, началъ въ эту минуту священникъ.

— Напротивъ, заграницей даже дешевле жить, чѣмъ здѣсь, сухо проговорилъ «Гарольдъ».

— Такъ вы для экономіи изволите ѣхать?

— Нѣтъ, я ѣду потому, что у насъ въ глуши — въ этой лужищѣ, невозможно жить тому, кто не желаетъ погрязнуть въ ней, или сойдти съума.

— Эхъ, Михаилъ Алексѣичъ, Михаилъ Алексѣичъ, видно хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ; сказавши это, священникъ посмотрѣлъ на всѣхъ съ видомъ торжества, какъ будто сказалъ неслыханную истину.

— А на долго-ли Богъ несетъ? продолжалъ допрашивать священникъ.

— Вѣрнѣе всего, что навсегда, рѣшительно произнесъ «Гарольдъ».

— Что вы! какъ это возможно! что̀ вздумалъ! Боже мой, что̀ человѣкъ вздумалъ! возмутились собесѣдники; тётка приложила платокъ къ глазамъ.

«Гарольдъ» чутко прислушивался къ этимъ восклицаніямъ, но вмѣсто сожалѣнія, ему слышалось въ нихъ какое-то отвратительное удовольствіе.

Наскоро распростившись со всѣми, такъ что тётушка не успѣла даже изобразить, какъ слѣдуетъ, убитую горемъ женщину, «Гарольдъ» вскочилъ въ тарантасъ, и ни разу не оглянувшись, озлобленный, негодующій, покинулъ свой край родной.

— О, еслибы, еслибы навсегда! восторженно повторялъ онъ, когда тарантасъ его плылъ по грязной улицѣ, когда онъ съ громомъ и стукомъ вскочилъ на узенькій, дрожавшій какъ листъ мостикъ, когда, наконецъ, выбравшись на дорогу, и качаясь на всѣ стороны, покатилъ съ необычайной скоростью.

— Эхъ вы, сердечные, разсыпьтесь, ухарски покрикивалъ кучеръ, выдѣлывая своимъ кнутомъ въ воздухѣ такіе вензеля, отъ которыхъ едва успѣвалъ увертываться нетолько лакей, сидѣвшій на козлахъ, но даже и баринъ, сидѣвшій въ тарантасѣ.

Толчки становились все болѣе и болѣе ощутительны; тутъ только «Гарольдъ» замѣтилъ, что кучеръ пьянъ.

— Александръ Ѳедорычъ, возьмите возжи, возьмите сейчасъ же возжи, приказалъ онъ лакею.

Лакей охотно протянулъ руки къ возжамъ, но кучеръ не давалъ ихъ; вслѣдствіе чего на козлахъ устроивается родъ турнира.

Digitized by Google

— Я такой же слуга своему хозяину, жалкимъ голосомъ восклицаетъ обиженный кучеръ.

— Хорошъ слуга, баситъ лакей.

— Нѣтъ, ты такъ вотъ только языкомъ служишь.

— Оставьте, раздается изъ тарантаса: — а вы, Александръ Ѳедорычъ, бросьте ему возжи.

— Невозможно, онъ васъ сейчасъ накроетъ, отвѣчаетъ слуга, и наконецъ вырываетъ возжи.

Огорченный кучеръ отворачивается въ сторону.

— Да ты, милый, не сердись, не сердись; что больше сердиться, то хуже, трунитъ лакей, и скачетъ сломя голову.

— Эге, да и вы тоже? въ отчаяніи говоритъ «Гарольдъ»; какъ человѣкъ гуманный, онъ говоритъ «вы» своему лакею.

— Нетолько что-нибудь другое, куска не было во рту съ самаго утра; я когда нынче всталъ, вы это сперва узнайте, а потомъ уже обижайте человѣка; я когда нынче всталъ? и говоря это, Александръ Ѳедорычъ всѣмъ корпусомъ поворачивается къ барину.

Тарантасъ дѣлаетъ странный скачокъ, и летитъ на бокъ, «Гарольдъ» руками и ногами попадаетъ въ грязь.

— Вотъ тебѣ и проѣхалъ, смѣется повидимому весьма довольный кучеръ.

— И проѣду, до самой Поповки доѣду не свалю, утверждалъ лакей.

— Врешь, сейчасъ свалишь.

— Ну, давай объ споръ, на годовое жалованье.

— Идетъ! Михаилъ Алексѣичъ, разнимайте руки; но гуманный Михаилъ Алексѣевичъ, противъ обыкновенія, такъ прикрикнулъ на свою прислугу, что прислуга перетрусила, и мигомъ поднявши тарантасъ, мигомъ заняла мѣста свои.

Тарантасъ не торопясь тронулся впередъ; Кожинъ ругался до истощенія силъ и способностей, и еще въ сотый разъ поклялся никогда болѣе не возвращаться на родину.

VII.

Гдѣ-то на колокольнѣ пробило два часа.

Въ непроницаемомъ мракѣ торопливо зазвонилъ пароходный колоколъ, туча искръ разомъ хлынула изъ невидимой во мракѣ трубы; палуба съ спящимъ въ повалку народомъ; балконъ, съ суетливо-бѣгавшимъ взадъ и впередъ нѣмцемъ-капитаномъ и двумя бородачами, взявшимися уже за колесо, и «Гарольдомъ», закутаннымъ въ широкій плащъ и вперившимъ мрачный и не-

Digitized by Google

подвижный взоръ въ мрачную и неподвижную массу воды. Все это выступило изъ тьмы, и тотчасъ же утонуло въ ней. Раздался пронзительный свистъ, пароходъ слегка пошевелился, и какъ будто нехотя тронулся въ путь.

— Прости, прости, моя обильная всякими злаками родина! прощайте ухабы, мятели, тучи таракановъ, саженныя натуры, вѣчное глумленіе, неумолкаемый, но невеселый смѣхъ, эпидемическое пьянство, безконечные разговоры на мірскихъ сходбахъ, безконечные разговоры въ кабинетахъ, ни капли дѣла, ложь отцовъ, юродство дѣтей. Прощай все родное, думалъ про себя «Гарольдъ», рисуясь на балконѣ, но пароходъ уже былъ на серединѣ рѣки, неподвижная масса воды мгновенно проснулась, черныя волны сердито хлынули на встрѣчу, неизвѣстно откудова взявшійся порывистый вѣтеръ насквозь прохватилъ печальнаго «Гарольда», и противъ воли заставилъ его, прервавши нить горькихъ мыслей, искать убѣжища въ каютѣ.

Тамъ, при свѣтѣ мѣрно качавшагося взадъ и впередъ ночника, увидѣлъ онъ ряды спящихъ фигуръ, закутанныхъ въ пестрыя одѣяла и татарскіе халаты. Почти каждый изъ пасажировъ игралъ на своемъ инструментѣ, и потому неслыханное храпѣніе, невообразимое сочетаніе звуковъ раздавалось въ обширной каютѣ. Послѣ продолжительныхъ поисковъ, «Гарольдъ» отыскалъ, наконецъ, свободное мѣсто, и послѣ нѣкотораго колебанія протянулся во весь ростъ.

— Здравія желаю, ваше благородіе, шепчетъ ему въ ту же минуту чей-то знакомый голосъ.

«Гарольдъ» вскакиваетъ, точно змѣя его ужалила, и пристально всматриваясь, узнаетъ Звягина, отставного капитана, своего сосѣда, о которомъ съ такимъ восторгомъ отзывался братецъ Боря.

— Куда это васъ несетъ? нехотя спрашиваетъ «Гарольдъ».

— А сказать вамъ откровенно, шепчетъ отставной капитанъ, точно великую тайну открываетъ: — заказана мною одному человѣчку въ Казани молотильная машина, такъ я ѣду за ней, за этой самой машиной.

— Гм! проговорилъ «Гарольдъ», чувствовавшій приближеніе тоски, какъ только дѣло доходило до улучшенныхъ орудій.

— Разсчетъ, разсчетъ-съ прямой, половину народу требуется, а народъ нынче дорогой; такъ этотъ народъ зазнался, что приступу нѣтъ.

— Ага, нехотя откликается «Гарольдъ».

— Самъ я, честь имѣю рекомендовать себя, и машинистъ, и староста, и садовникъ, и скотину уберу когда некому... вотъ

Digitized by Google

какія времена пришли, продолжаетъ шептать отставной капитанъ.

— Такъ значитъ трудновато? не безъ удовольствія спрашиваетъ «Гарольдъ».

— Извѣстно, вскочишь съ пѣтухами, сейчасъ маршъ къ лошадямъ, потомъ поднимешь работниковъ. Пока они прибираются, сбѣгаешь на мельницу, сейчасъ пересчиталъ мѣшки... таинственно шепчетъ отставной капитанъ.

— Ну, такъ значитъ очень плохо? нетерпѣливо перебиваетъ его «Гарольдъ».

— Съ русскими работниками измаялся. Стой, думаю, найму чувашъ, съ необычайнымъ одушевленіемъ шепчетъ отставной капитанъ:—сейчасъ впрегъ лошадь, положилъ пудовку овса, да никому не сказавшись и шаркнулъ въ Новые-Алгаши—ну, и нанялъ за полцѣны чувашъ.

— И что же?

— Теперь-таки на дѣлахъ... какъ завелъ порядокъ, такъ и пошло, и посади меня теперь на барщину—не сяду, ни за сто раковъ не сяду, потому что на барщинѣ, бывало, выѣдутъ эти мужики, пашутъ не пашутъ, боронятъ не боронятъ, а такъ больше время ведутъ. Ну, я эти сохи всѣ похерилъ, плужки завелъ—да какъ громыхнулъ прошлымъ лѣтомъ сто десятинъ плужками—оно и вышло сюперфлю—первый сортъ... едва переводя духъ и съ явнымъ наслажденіемъ шепталъ, задѣтый за нѣжнѣйшую струну сердца, отставной капитанъ.

«Гарольдъ» недовѣрчиво смотрѣлъ на своего собесѣдника; въ его голову, противъ всякаго желанія, уже лѣзли тяжелыя воспоминанія о неудачнѣйшихъ попыткахъ на поприщѣ вольнаго труда, а тутъ какой-то жалкій отставной капитанъ туды же — да еще блестящихъ результатовъ достигъ.

— Только съ этимъ наемнымъ народомъ нуженъ глазъ да глазъ, продолжаетъ отставной капитанъ, видимо попавшій въ свою сферу:—вотъ меня теперь сюда на пристань привезъ человѣкъ—пьяница горькій... ужь я знаю, что онъ теперь пьянъ какъ сапожникъ, а лошадей все-таки доведетъ, ужь это будьте спокойны—и напоитъ, и накормитъ, и доведетъ.

Но въ эту минуту «Гарольдъ» быстро перевернулся на другой бокъ, съ явнымъ намѣреніемъ отдѣлаться отъ занимательныхъ разсказовъ отставного капитана.

— Этотъ самый человѣкъ отъ меня три раза уходилъ; какъ напьется, такъ и понесетъ: подавай ему разсчетъ—взялъ цѣлковый какой два ли и закружилъ—а лошадей все-таки не забудетъ напоить-накормить, какъ слѣдуетъ, и сдастъ въ исправности...

Digitized by Google

все еще шепчетъ отставной капитанъ, не замѣчая, что сосѣдъ его давно уже отвернулся въ сторону и даже прикинулся спящимъ.

Утро. Пассажиры, несмотря на шубы и теплыя одѣяла, дрожатъ отъ холода. Первые поднялись купцы.

— Вставайте, благодѣтели! пора чаи наводить! какъ встрепанный, вскакивая на ноги, кричитъ одинъ изъ купцовъ и такимъ образомъ будитъ только что заснувшаго «Гарольда».

Вскорѣ вокругъ чайнаго прибора образовался кружокъ бородатыхъ крупныхъ фигуръ.

— Озябъ, стуча зубами, точно въ сильнѣйшей лихорадкѣ, сказалъ купецъ, разбудившій «Гарольда».

— Я бѣжалъ прошлой осенью на Суворовѣ, мы шлялись на немъ пять верстъ въ часъ, кто носъ отморозилъ, кто лихорадку схватилъ, началъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Въ Симбирскѣ есть такой человѣкъ, что можетъ отъ лихорадки излечить, только спроситъ это: какой волосъ, какъ зовутъ человѣка, и вѣруетъ ли въ угодника Акакія, больше ничего и спрашивать не станетъ, перебилъ сосѣдъ, утверждая на широкой ладонѣ блюдечко съ дымившимся чаемъ.

— Такая, доложу вамъ, была буря, такая буря, отцы и дѣды не видывали—вотъ какая буря была у насъ въ Саратовѣ... одинъ хозяинъ только успѣлъ выскочить въ халатѣ въ одномъ, да какъ вдарится прямо къ кабаку и прибѣжалъ... сейчасъ халатъ снимаетъ, давай пропивать. Мы стоимъ, смѣемся, а онъ сердечный за сапоги; сапоги пропивать хочетъ. А мужики эты сидятъ на берегу да сѣмечки грызутъ — ни единая душа помощи не даетъ, раздается съ другого конца стола, гдѣ уже успѣлъ собраться новый купеческій кружокъ.

Просыпается молодой человѣкъ съ римскимъ профилемъ и до крайности подвижними чертами лица, одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ можно только встрѣтить гдѣ нибудь на пароходѣ, или въ вагонѣ. Молодой человѣкъ проворно накидываетъ халатъ, состоящій изъ однѣхъ кистей, раскладываетъ дорожный несессеръ и начинаетъ свой туалетъ. Занятіе это продолжается довольно долго; купцы, подливая себѣ чай, ухмыляясь и перемигиваясь, посматриваютъ на продѣлки молодого человѣка съ его ногтями, бакенбардами, языкомъ и пр.

Наконецъ туалетъ конченъ, молодой человѣкъ облекся въ короткій сѣрый пиджакъ, навѣшалъ на себя кучу кожаныхъ саковъ, пристегнулъ толстую стальную цѣпь съ десяткомъ стальныхъ бомбъ, якорей и даже перекинулъ черезъ плечо тоненькій ремень съ болтавшимся на немъ охотничьимъ свисткомъ.

Digitized by Google

— Господинъ чиновникъ! Василій Иванычъ! Василій Иванычъ! началъ молодой человѣкъ со свисткомъ, подходя и безцеремонно толкая человѣка съ продолговатымъ багровымъ лицомъ и форменными черными бакенами, плотно завернувшагося въ свѣтло-сѣрую шинель съ форменными пуговицами.

Купцы закусили губы, какъ обыкновенно дѣлаетъ человѣкъ, готовый фыркнуть.

— Гдѣ мы? гдѣ мы? вскричалъ Василій Ивановичъ, и съ испуганнымъ лицомъ поднялся съ постели.

— На рѣкѣ Волгѣ, отвѣчалъ господинъ со свисткомъ.

Купцы покатились со смѣху.

— А что ваша экономка, ваша прелестная Киріада? продолжалъ допрашивать поощренный господинъ со свисткомъ.

— Вы все думаете, что она моя подруга, а она просто пришла: ѣду, говоритъ, съ вами.

— Поѣзжай коли охота—только на свой счетъ, только и было, оправдывается Василій Ивановичъ.

— А какъ она ему сапоги вычистила ноньче! остритъ господинъ со свисткомъ, показывая почтенной публикѣ блестящій сапогъ Василія Ивановича.

— Ему ладно, ему попривольнѣе нашего, едва успѣваетъ проговорить одинъ изъ купцовъ и валится со смѣху.

— Какъ ваша фамилія? снова пристаетъ къ Василію Ивановичу господинъ со свисткомъ.

— Зеленецкій, отвѣчаетъ тотъ.

— Послушайте, Зеленецкій, я вижу, вы врѣзались не шутку, ну, скажите по совѣсти.

— Въ кого?

— Въ Киріаду... Признаюсь, я не желалъ бы быть на вашемъ мѣстѣ: прескверное дѣло, увлекъ несчастную астраханку, соблазнилъ, увезъ.

— Ха-ха-ха, ревутъ купцы.

— Я бы желалъ, чтобы вы посмотрѣли на нее, когда она разсердится — настоящая сумасшедшая. На пароходѣ-то боится, не буянитъ, а на квартирѣ, бывало, всякій день, всякій день, всякій день, то посуду всю перебьетъ, то меня запретъ на замокъ, то...

— Извергъ, извергъ! перебиваетъ Зеленецкаго господинъ со свисткомъ и на удачу продолжаетъ: — а сколько разъ она спасала вашу жизнь?

— Отъ чего спасала? разъ только меня скорчило. Киріада за священникомъ, пришелъ попъ, сидитъ-ждетъ пока нуженъ будетъ, Киріада меня растираетъ... Вотъ въ это время я все при-

Digitized by Google

чалъ: Киріадѣ пятьдесятъ цѣлковыхъ... Только вдругъ лучше-лучше, перекрестился и говорю: батюшка, я здоровъ.

— А какъ она васъ спасла, прошлаго года, въ іюнѣ или іюлѣ?

— Вретъ! вретъ! только и было, что шелъ я отъ одного пріятеля съ именинъ, и какимъ случаемъ не знаю очутился я въ оврагѣ.

— Киріада пришла—проситъ кушать, докладываетъ въ эту минуту слуга.

— Дать ей порцію щей и рюмку водки! приказываетъ Зеленецкій.

— Три! кричитъ господинъ со свисткомъ.

— Три! три! три! повторяетъ за нимъ хоръ купцовъ.

— Какъ вамъ это нравится? обращается къ «Гарольду» сосѣдъ его, молодой человѣкъ съ благороднымъ лицомъ.

«Гарольдъ» только пожалъ плечами, изобразивши такимъ образомъ сильнѣйшее негодованіе.

— И нужно вамъ сказать, продолжаетъ молодой человѣкъ:— что эта потѣха тянется отъ самой Астрахани, и никому не надоѣстъ слушать, какъ этотъ свистокъ вышучиваетъ жалчайшее созданіе, бѣдняка чиновника, выгнаннаго изъ службы, и ѣдущаго на послѣдній грошъ къ брату въ Нижній на прокормленіе.

— Кто же эта Киріада?

— Какая-то пожилая женщина, вѣроятно его бывшая кухарка. Тамъ на палубѣ мерзнетъ.

— Что же прикажете дѣлать, когда нашъ братъ русскій человѣкъ жить не можетъ безъ глумленія: пить, ѣсть не давай, а только посмѣши.

— Ваше замѣчаніе совершенно вѣрно.

Молодые люди слегка вздохнули и придвинулись другъ къ другу поближе, какъ-бы чувствуя, что между ними есть что-то общее, выдѣляющее ихъ изъ толпы.

— Какъ бы намъ воду не пересушить, на мель не стать. Шабашъ!

— Можно жить теперь?

— Можно!—За угощенье.

— Не стоитъ благодарности, раздалось изъ купеческаго кружка, покончившаго съ чаемъ, и весело обступившаго чиновника.

— Писалъ мнѣ братецъ, чтобы я ни подъ какимъ видомъ не бралъ Киріады въ Нижній, разсказываетъ чиновникъ, нисколько не подозрѣвая насмѣшки:—но вѣдь это легко писать. Она бѣдняга, такая же сирота, какъ и я, она мнѣ 25 лѣтъ служила, она мнѣ ничего не стоитъ. Ей-богу ничего не стоитъ. А впро-

Digitized by Google

чемъ, все обойдется, все обойдется, и вѣроятно для храбрости, чиновникъ залпомъ выпиваетъ стаканъ хересу.

— Ну, все-таки, какъ хотите, а вашему брату будетъ очень-очень непріятно, подзадориваетъ господинъ со свисткомъ, и своими, свѣтящимися отъ удовольствія, глазами смотритъ на невыразимо-печальное лицо подпившаго чиновника.

— Не какъ собаку же мнѣ ее выгнать, не ногой въ зубы бить, горячится чиновникъ:—на то пойдетъ, такъ я не посмотрю и на брата—двадцать-пять цѣлковыхъ есть, взялъ да и махнулъ въ Бѣлокаменную.

— Ну, съ четвертной недолго наживешь въ Бѣлокаменной, замѣтилъ одинъ изъ купцовъ.

— Эхъ, милый человѣкъ, въ Россіи, говорятъ, никто еще съ голоду не умиралъ, чего робѣть.

— Я вамъ совѣтую вотъ что̀ сдѣлать, предлагаетъ господинъ со свисткомъ:—чтобы братъ не догадался: одѣньте вы свою Киріаду въ пальто и брюки.

Одинъ изъ купцовъ валится на столъ отъ смѣха, другіе хохочутъ до слезъ.

— Нѣтъ ужь это, наконецъ, становится гадко, говоритъ «Гарольдъ», и въ сопровожденіи своего новаго пріятеля выходитъ на палубу.

Холодъ нестерпимый. Завернувшись во что попало, замерли десятки бѣдняковъ; прогуливавшимся по палубѣ пріятелямъ нужно постоянно остерегаться, чтобы не наступить кому нибудь на ногу, или даже на голову. Капитанъ парохода въ тяжелыхъ медвѣдяхъ, стоитъ неподвижно, точно примерзъ къ своему мѣсту. Окрестныя горы и необъятные лѣса праваго берега бѣлѣютъ, покрытые снѣгомъ, и въ снѣжныхъ рамахъ темно-синія холодныя волны кажутся еще темнѣе и холоднѣе. Невеселую пѣсню поетъ вѣтеръ, и быстро несетъ одну за другой тяжелыя, снѣговыя тучи. Впереди снова повалилъ снѣгъ, точно вдругъ опустилось и заколыхалось громадное бѣлое покрывало, скрылось зачернѣвшееся вдали селеніе, съ кучей опрокинутыхъ и починяемыхъ барокъ, и суетившимся около нихъ народомъ, издали похожимъ на стаю мухъ; скрылся полуразвалившійся монастырь, съ ветхими, покрытыми мохомъ стѣнами, и старыми кривыми березами, уныло глядѣвшій на село съ противоположнаго берега; скрылся только что показавшійся вдали пароходный дымокъ; скрылись двѣ близко плывшія, безобразныя барки, живо напоминавшія китайскія жонки. Громадное покрывало приближалось все ближе и ближе, и уже на полъаршина покрытые снѣгомъ лежатъ бѣдняки на палубѣ, а быстро заходившій капитанъ изъ нѣмцевъ несетъ цѣлую гору

Digitized by Google

гнѣва на медвѣдяхъ своихъ, на мѣховой шапкѣ, и навѣрно посылаетъ къ чорту пріютившую его Россію.

— Эхъ вы, родныя картины, родныя картины, мало въ васъ отраднаго, больно мало, уныло повторялъ «Гарольдъ», уныло глядя вокругъ.

— Да, не майскія картины, вовсе не майскія, грустно подтвердилъ молодой человѣкъ съ благороднымъ лицомъ.

Но холодъ усиливается, и молодымъ людямъ противъ воли пришлось воротиться въ каюту.

Купцы, истребивши свои дорожные запасы и всюду распространивши запахъ рыбы и кислой капусты, разбрелись по постелямъ, нѣкоторые даже успѣли снова заснуть; господинъ со свисткомъ куда-то скрылся. Не разлучаясь, молодые люди забрались въ дальній уголъ каюты, и наперерывъ старались сообщить другъ другу, болѣе или менѣе благородныя, даже возвышенныя мысли: казнили воровство и деспотизмъ, въ разныхъ видахъ проявляющіеся въ нашемъ обществѣ, ругнули старое поколѣніе, возмутились неразвитостью нашего общества, кстати растерзали Аскоченскаго, и отдали должную дань удивленія преждевременно сошедшему въ могилу Добролюбову. Однимъ словомъ, вели одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые обыкновенно ведутся людьми порядочными, и остались совершенно довольны другъ другомъ.

— А читали вы «Стрижей»? совершенно неожиданно спросилъ Гарольда молодой человѣкъ съ благороднымъ лицомъ.

— Не читалъ.

— Такъ вы, значитъ, не читаете «Современника», съ величайшимъ недоумѣніемъ на лицѣ спросилъ молодой человѣкъ съ благороднымъ лицомъ.

— Нѣтъ, въ этомъ году не читалъ. А что?

— Ничего.

Послѣдовало продолжительное молчаніе, во время котораго молодой человѣкъ съ благороднымъ лицомъ подозрительно всматривается въ своего новаго знакомаго.

— И скоро ли мы дождемся земства! Вся надежда на земство! восклицаетъ «Гарольдъ», желая навести разговоръ на прежній путь, и такимъ образомъ подѣлиться съ новымъ пріятелемъ еще нѣсколькими, болѣе или менѣе современными мыслями.

— Все вздоръ, если въ земствѣ не будетъ преобладать народъ, рѣзко замѣтилъ собесѣдникъ.

— Какой народъ?

— Я подъ народомъ разумѣю только простой народъ, все же остальное для меня публика, и отъ нея Россіи ждать нечего.

— Ну, это еще вопросъ.

Digitized by Google

— Это истина. Вы сомнѣваетесь только потому, что не знаете нашъ народъ.

— А вы хорошо его знаете?

— Я происхожу изъ народа.

— И вы постоянно жили въ деревнѣ?

— Нѣтъ-съ, я служилъ въ Петербургѣ.

— А теперь?

— Теперь служу въ провинціи по акцизному вѣдомству.

«Вонъ оно куда пошло», подумалъ «Гарольдъ», и немножко отодвинулся.

Послѣдовало новое и еще болѣе продолжительное молчаніе.

— А вы вѣрно помѣщикъ? задираетъ акцизный чиновникъ.

— Да, коротко отвѣчаетъ «Гарольдъ».

— И вѣрно «Русскій Вѣстникъ» выписываете?

— Выписываю.

— И вамъ нравится его направленіе?

— А какое его направленіе? спрашиваетъ въ свою очередь «Гарольдъ», сгарая желаніемъ вызвать противника на литературное преніе.

— Странный вопросъ, нѣсколько обиженнымъ тономъ отвѣчаетъ акцизный чиновникъ.—Развѣ вы не знаете, что каждый журналъ имѣетъ свое направленіе: «Русскій Вѣстникъ» свое, «Библіотека для чтенія» свое, «Отечественныя Записки» свое.

— Ну, такъ скажите мнѣ, какое направленіе имѣетъ «Русскій Вѣстникъ»? наступаетъ «Гарольдъ», подозрѣвая слабость непріятеля.

— Какъ какое, извѣстно какое, нѣсколько замявшись отвѣчаетъ акцизный чиновникъ: — каждый журналъ имѣетъ свое направленіе. Вотъ, напримѣръ, въ «Современникѣ» отражается современная мысль, раздувается, такъ-сказать, благороднѣйшая искра.

— Какая искра? желчно перебиваетъ «Гарольдъ».

— Какъ, какая искра! еще злѣе накинулся акцизный чиновникъ; и потомъ, вызвавши дьявольскую иронію на благородное лицо свое, прибавилъ:—а впрочемъ, я вовсе не охотникъ до литературныхъ каруселей.

— То-есть не желаете договориться до конца... Ничего-съ, я къ этому привыкъ: не вы первый, не вы послѣдній. И сказавъ это, «Гарольдъ» отошелъ къ окну, какъ-будто для того, чтобъ взглянуть на только-что промелькнувшій въ немъ пароходъ.

— Акцизный нигилистъ... совершенно безсознательно, богъ-знаетъ почему, просилось съ языка его.

«Помѣщикъ и консерваторъ...» въ то же время и такъ же безсознательно шепталъ акцизный чиновникъ.

Digitized by Google

Такъ неожиданно и такъ безтолково возникшая вражда уже превратилась въ какое-то свирѣпое ожесточеніе. Видѣть не могли другъ друга еще недавніе пріятели, такъ долго толковавшіе о возвышенныхъ предметахъ.

Глянуло солнышко — тучъ и снѣгу какъ не бывало. Красноватая глина холмовъ ярко выступила изъ-за покрывавшаго ихъ чахлаго кустарника и кривыхъ сосенъ. Конца неимѣющіе вятскіе лѣса стушевались въ одну черную, неопредѣленную массу. Поверхность рѣки какъ-будто просвѣтлѣла, заодно съ лицами пассажировъ. Третій классъ рѣшился наконецъ вылѣзти на свѣтъ божій и погрѣться на солнышкѣ; каюты опустѣли; на палубѣ появился саратовскій нѣмецъ подъ руку съ хорошенькой женой своей въ соломенной шляпкѣ съ розовыми лентами. Супруги усѣлись на лавкѣ съ яснымъ намѣреніемъ любоваться окружными видами. Нѣмецъ взялъ руку своей подруги, крѣпко прижалъ ее къ сердцу и сидѣлъ въ такомъ живописномъ положеніи, не обращая ни малѣйшаго вниманія на насмѣшливые взгляды то и дѣло шныряющихъ мимо молодыхъ людей. Господинъ со свисткомъ бѣгалъ тутъ же и въ величайшихъ попыхахъ объяснялъ каждому встрѣчному и поперечному, что саратовскій нѣмецъ всего съ недѣлю какъ женатъ и путешествуетъ по Волгѣ для удовольствія своей подруги...

— Куда вы? Куда вы бѣжите? спрашиваютъ пасажиры перваго класа господина со свисткомъ, съ озабоченнымъ видомъ бѣгущаго мимо.

Господинъ со свисткомъ успѣлъ уже сойтись съ пасажирами перваго класа и даже сдѣлаться для многихъ изъ нихъ необходимымъ человѣкомъ.

— А къ тому чиновнику, что я вамъ разсказывалъ. Нужно его свести съ Киріадой... Пойдемте, господа.

— Пойдемте! идемте! идемте! соглашаются пасажиры перваго класа и торопливо слѣдуютъ за господиномъ со свисткомъ.

Чиновника и Киріаду застаютъ вмѣстѣ; ихъ обступаетъ тѣсная толпа.

Господинъ со свисткомъ начинаетъ уговаривать чиновника жениться на Киріадѣ; пасажиры перваго класа вызываются быть свидѣтелями.

— Я посаженый отецъ, предлагаетъ какой-то важный баринъ, украшенный владиміромъ и сѣдинами.

— Благодарю васъ, горячится чиновникъ:—мои предки служили императорамъ и императрицамъ. За что же я уроню родъ свой.

Киріада плачетъ.

— Послушайте, милостивый государь, уговариваетъ какой-то солиднѣйшій господинъ въ бобрахъ: — я очень хорошо понимаю

Digitized by Google

ваше положеніе; оно въ высочайшей степени щекотливое. Борьба долга и чести... но бывали такіе случаи въ жизни, когда... А васъ какъ зовутъ?

— Васильемъ Иванычемъ.

— Теперь вообразите себѣ картину: вы бѣжите отъ этой несчастной женщины... Она зоветъ васъ, кричитъ: «Василій Иванычъ! Василій Иванычъ! не покидай меня, не покидай!»

Киріада окончательно разчувствовалась: она громко рыдаетъ.

Чиновникъ окончательно теряетъ голову.

— Вы это про кого говорите? обращается онъ къ господину въ бобрахъ.

Лица окружающей толпы выражаютъ полнѣйшее удовольствіе: смѣются старики, женщины, дѣти; смѣется саратовскій нѣмецъ и подруга его; смѣются купцы, смѣются мужики, казанскіе татары, солдаты—однимъ словомъ, смѣется все, что ни ѣхало на пароходѣ, исключая мрачнаго «Чайльд-Гарольда».

— Экъ его ломаетъ... экъ его! вскричалъ бы непремѣнно братецъ Боря, еслибы взглянулъ въ эту минуту на братца Мишу.

Но «господинъ со свисткомъ» снова засуетился, намѣреваясь куда-то бѣжать

— Куда вы? куда? обезпокоились пасажиры перваго класса.

— Тамъ внизу, въ особой каютѣ сидитъ сумасшедшій генералъ, надо взглянуть... говоритъ господинъ со свисткомъ и немедленно скрывается.

Толпа слѣдуетъ за нимъ и увлекаетъ съ собой «Гарольда.»

Генералъ, помѣшанный на томъ, что кто-то изъ сверстниковъ обошелъ его чиномъ, сидѣлъ у стола, заваленнаго грудой бумагъ, и неутомимо строчилъ перомъ. Онъ давно уже дописался до мозолей на блѣдныхъ, худыхъ рукахъ; но геройски перенося физическую боль, онъ бойко продолжалъ писать: писалъ день и ночь недѣли, цѣлые мѣсяцы, напролетъ.

Слуга, приставленный къ сумасшедшему генералу и разыгрывавшій роль курьера, каждые два часа приносилъ ему десть бумаги и выходилъ отъ него съ кучей запачатанныхъ конвертовъ съ громкими надписями: графу такому-то... его сіятельству такому-то, исправляющему должность министра, барону такому-то и пр., и пр...

Воображаемый курьеръ разносилъ конверты и отъ нечего дѣлать раздавалъ ихъ пасажирамъ, пасажиры охотно разбирали конверты и весело смѣялись.

Генерала везли въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ посадить тамъ въ домъ умалишенныхъ, но несчастный былъ убѣж-

Digitized by Google

денъ, что ѣдетъ въ столицу жаловаться на несправедливость и просить повышенія.

Когда господинъ со свисткомъ и сопровождавшая его толпа вошли въ генеральскую каюту, несчастный величественно поднялся съ мѣста и, принявъ вошедшихъ за просителей, разспрашивалъ каждаго о его нуждахъ. Потомъ извинился тѣмъ, что ему необходимо кончить срочныя бумаги, и снова принялся писать.

Вечеромъ въ каютѣ втораго класса устроилось нѣчто похожее на даровой спектакль... Пришли пасажиры перваго класса и заняли первыя мѣста; за плечами ихъ виднѣлись купеческія бороды... Для господина со свисткомъ и его жертвы очищено было такое мѣсто, чтобы каждому зрителю хорошо было видно и слышно. Бѣдный чиновникъ съ развязностью подпившаго горемыки, разсказывалъ почтеннѣйшей публикѣ свою на смѣхъ и горькія слезы вызывающую жизнь; показывалъ совершенно гладкое мѣсто на головѣ своей, гдѣ когда-то росли густые, курчавые волосы, но благодаря излишнему усердію ревнителей просвѣщенія въ синихъ мундирахъ, волосы исчезли и образовалась крупная плѣшь; признавался въ томъ, какъ трудно ему было въ первый разъ взять взятку, какіе-то полфунта икры, и какъ потомъ, благодаря совѣтамъ родителя, заваленнаго подъячаго, родившагося въ свою очередь отъ подъячаго—дѣло пошло какъ по маслу—успѣвай только брать; вспоминалъ о томъ, какъ въ десятый разъ дѣлалъ предложеніе какой-то благородной дивицѣ, богатой и тѣломъ и деньгами, и какъ, уходя, нашелъ цѣлый арбузъ въ своей круглой шляпѣ и какъ, по этому случаю, запилъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Неистовые аплодисменты то-и-дѣло заглушали слова разсказчика; кто-то, въ порывѣ дикаго восторга, потребовалъ бутылку шампанскаго...

— Экъ его ломаетъ, экъ его перекосило... экъ его! навѣрняка сказалъ бы братецъ Боринька, еслибы взглянулъ въ эту минуту на Михаила Алексѣевича.

Наконецъ показалась правильно срѣзанная и еще правильнѣе устланная дерномъ гора, съ бѣлыми церквями и домами гражданской архитектуры наверху. Праздная толпа, зѣвая, глядитъ съ берега на взъерошенныхъ пасажировъ, высыпавшихъ на палубу, и какъ-будто хочетъ спросить: зачѣмъ пріѣхали? Пасажиры, въ свою очередь, безсмысленно глядятъ на толпу и тоже зѣваютъ; чиновникъ въ свѣтло-сѣрой шинели, и за нимъ Киріада въ лохмотьяхъ первые кидаются на берегъ, какъ будто богъ-знаетъ что̀ за радости ожидаютъ ихъ тамъ. За ними, среди общаго хохота, устремляется свистокъ съ явнымъ намѣреніемъ еще поглумиться надъ своей жертвой и посмѣшить честную компанію.

Digitized by Google

Послѣднимъ сошелъ съ парохода Кожинъ, еще болѣе печальный, болые грустный, нежели садился на него, и еще съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ стремившійся вонъ изъ отечества въ обѣтованную землю, въ благословенную Швейцарію.

— Что это васъ нигдѣ не видно? обратился Кожинъ къ акцизному чиновнику, столкнувшись съ нимъ на одной изъ станцій желѣзной дороги.

— Да вѣдь нашего брата плебея тянетъ все болѣе въ третій класъ, поближе къ своимъ, свысока отвѣчалъ тотъ.

— Честь и слава нашимъ плебеямъ—въ три рубля серебромъ сотернъ пьютъ, съ натянутой веселостью вскричалъ Кожинъ, указывая на бутылку вина, стоявшую передъ акцизнымъ чиновникомъ.

Валеріанъ Назарьевъ.

Digitized by Google

ОБЪ ОТНОШЕНІИ ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЯ КЪ ИСКУСТВУ.

Статья вторая.

Математическія, физическія и физіологическія основы искуства. — Пиѳагоръ, Эйлеръ, Фурье, д'Аламбертъ, Гельмгольцъ, Гёте, Гогартъ, Кетле, Цейзингъ и другіе изслѣдователи гармоніи звуковъ, красокъ и формъ природы.

Физіономія природы, научно-доказанная естествовѣдѣніемъ, съ древнѣйшихъ временъ истолковываемая искуствомъ, и составляетъ тотъ языкъ природы, который никогда не перестаетъ говорить нашей душѣ. Чтобы яснѣе представить себѣ значеніе этого языка или физіономіи природы, мы постараемся разобрать тѣ слова и буквы, изъ которыхъ онъ образуется; слова эти есть краски, формы и звуки. Каждый изъ этихъ феноменовъ, смѣшиваясь съ другими и видоизмѣняясь самъ по себѣ, обнаруживаетъ передъ нами всѣ предметы; такъ что разумъ при помощи чувствъ можетъ ихъ различать и сортировать, видѣть въ нихъ и законосообразность и цѣлесообразность. Но кромѣ этого чисто-разумнаго вліянія природы, каждый цвѣтъ, форма или звукъ производятъ на насъ еще другого рода впечатлѣнія; впечатлѣнія эти, повидимому, незначительны, неуловимы, но ими, однако, условливается наше нравственное настроеніе; отъ нихъ зависитъ расположеніе нашего духа и даже направленіе мыслей, чувствъ и поступковъ. Итакъ феномены природы нетолько будятъ въ насъ мысль, но и настраиваютъ еще насъ на извѣстный ладъ.

Нѣсколько времени тому назадъ мы выразились, что каждый органъ нашихъ чувствъ, кромѣ впечатлѣній опыта, несомнѣнно одаренъ еще способностію воспринимать гармонію посредствомъ уха; напримѣръ, кромѣ обыкновенной способности слышать быстрыя колебанія воздуха, мы одарены еще свойствомъ узнавать звуки съ опредѣленнымъ числомъ колебаній. Въ живописи такимъ же чувствомъ одаренъ глазъ, въ скульптурѣ—осяза-

Digitized by Google

ніе въ связи съ зрѣніемъ, въ поэзіи—всѣ способности каждаго чувства ощущать гармонію цвѣтовъ, звуковъ и формъ сливаются въ одно общее чувство эстетическое.—Эту мысль, высказанную нами абстрактно, мы теперь постараемся доказать фактами и объяснить вмѣстѣ съ тѣмъ, что гармонія есть именно то, чѣмъ связываются звуки, краски и формы въ слова и языкъ природы, и чѣмъ, наконецъ, опредѣляется физіономія природы. Для того, чтобы изложеніе нашей мысли было болѣе понятно, мы начнемъ съ гармоніи звуковъ, такъ-какъ звуки происходятъ отъ движеній матеріи, легче измѣримыхъ и болѣе медленныхъ, чѣмъ свѣтъ. Держаться въ фактическомъ отношеніи мы будемъ натуралистовъ, не исключая изъ ихъ числа и Гёте, котораго такъ высоко цѣнилъ Сент-Илеръ.

Основной законъ гармоніи открытъ былъ еще Пиѳагоромъ. Онъ первый замѣтилъ, что явленія природы, производящія на насъ пріятное впечатлѣніе или гармонирующія съ нашими чувствами, зависятъ отъ постоянныхъ величинъ; онъ наблюдалъ, что двѣ струны одинаковаго качества и одинаковаго напряженія образуютъ гармоническія созвучія октавы, квинты и кварты, если по длинѣ своей онѣ будутъ относиться другъ къ другу какъ 1:2, 2:3, 3:4. Или раздѣляя струну на двѣ части, такъ чтобы одна часть была вдвое длиннѣе другой, онъ замѣтилъ, что струны образуютъ октаву. Пиѳагоръ былъ такъ пораженъ этимъ открытіемъ, что приписалъ гармоніи связь всего міра, тогда какъ въ ней заключалось только одно изъ явленій природы. То-есть это значитъ, что въ мірѣ нетолько все вытекаетъ одно изъ другаго, но еще и гармонируетъ одно съ другимъ; міръ нетолько послѣдователенъ, разуменъ, но еще и хорошъ. Источникомъ гармоніи, которую, какъ думалъ Пиѳагоръ, издавали всѣ извѣстныя ему планеты, служило центральное тѣло: свѣтъ такимъ образомъ являлся у Пиѳагора причиной гармоніи, что̀, какъ увидимъ ниже, чрезвычайно важно. Въ этомъ смыслѣ Пиѳагоръ написалъ свое полумистическое сочиненіе о гармоніи сферъ, толкованія о которой не прекращались всѣ средніе вѣка. Самъ даже Кеплеръ, по замѣчанію Гельмгольца, не былъ чуждъ этихъ мечтаній; а знаменитый петербургскій математикъ Эйлеръ старался даже объяснить теорію гармоніи научно. Эйлеръ начинаетъ съ того положенія, что «намъ нравится все то, въ чемъ мы открываемъ совершенство». Значитъ, стремленіе къ прекрасному есть не что другое, какъ стремленіе къ совершенству. «Гдѣ, говоритъ онъ, есть совершенство, тамъ долженъ быть и порядокъ; порядокъ же заключается въ томъ, что всѣ части предмета распредѣлены по правилу, изъ котораго можетъ быть узнано, почему каждая часть на своемъ мѣстѣ кажется пріятнѣе и умѣстнѣе, чѣмъ если ее поставить на другое. Въ предметѣ, имѣющемъ совер-

Digitized by Google

шенство, правило это опредѣляется окончательнымъ результатомъ, проникающимъ всѣ части предмета (черезъ что, конечно, ни одна часть не бываетъ лишнею). Поэтому порядокъ намъ нравится болѣе, чѣмъ безпорядокъ. Но порядокъ мы можемъ видѣть двоякимъ образомъ: или сначала мы узнаемъ законъ распредѣленія частей предмета и сравниваемъ выводы изъ этого закона съ даннымъ распредѣленіемъ частей; или, вовторыхъ, совсѣмъ не зная закона, мы чувствуемъ, заключаемъ о немъ непосредственно по существующему распредѣленію частей предмета. Послѣдній случай есть тотъ, который бываетъ въ музыкѣ.» Эйлеръ съ своей математической точки зрѣнія хочетъ сказать, что черезъ искуство мы видимъ законы природы непосредственно, неотвлеченно, не отдѣляя отъ явленій міра; въ наукѣ же мы ихъ абстрагируемъ, слагаемъ въ теоріи, системы, потому-то непосредственное созерцаніе порядка или гармоніи звуковъ и составляетъ источникъ удовлетворенія, производимаго музыкой. «Чѣмъ легче—говоритъ Эйлеръ—ощущаемъ мы порядокъ въ извѣстномъ предметѣ, тѣмъ проще и совершеннѣе онъ намъ кажется и тѣмъ легче и радостнѣе мы его признаемъ. Порядокъ, для распознанія котораго необходимо напряженіе, тоже намъ нравится, но съ нѣкоторою примѣсью невеселья и утомленья» *.

Всѣмъ этимъ, впрочемъ, сущность впечатлѣнія, производимаго созвучіями, еще не объясняется вполнѣ. Причина гармоническаго ощущенія чисто-физическая, а не психологическая, какъ прежде думали, и искать ее нужно въ самой теоріи звука. Звукомъ Гельмгольцъ называетъ каждое слуховое ощущеніе, произведенное правильными колебаніями воздуха. Если же колебанія эти происходятъ какъ въ маятникѣ, то образуется тонъ; если же они совсѣмъ неправильны, непеpіодичны, то происходитъ шумъ. Звукъ, подобно свѣту, разложимъ на тоны, которые называются составными тонами музыкальнаго звука. Физикамъ и музыкантамъ извѣстенъ фактъ, что если съ большимъ вниманіемъ вслушиваться въ звукъ какого нибудь инструмента, то мы прежде всего слышимъ главный или основной тонъ, которымъ опредѣляется высота звука, а потомъ еще рядъ менѣе слышныхъ, гармонирующихъ съ нимъ верхнихъ тоновъ, отъ которыхъ зависитъ собственно оттѣнокъ звука—тембръ. Эти дополнительные тоны у разныхъ инструментовъ неодинаковы: въ этомъ и причина, почему, напримѣръ, музыкальные звуки скрипки или флейты различны при одинаковости строя. Звукъ органа почти не имѣетъ этихъ дополнительныхъ тоновъ; звуки вообще гармонируютъ или сливаются между собою нетолько основ-

* Die Lehre von den Tonempfindungen als phisiologische Grundlage für die Theorie der Musik von H. Helmholtz. 1865 J: 147 S.

Digitized by Google

ными, но и этими дополнительными и менѣе слышными тонами. Кромѣ этого, для уясненія сущности гармоніи не нужно забывать, что каждый простой тонъ звука зависитъ нетолько отъ длины струны, какъ опредѣлялъ Пиѳагоръ, но еще и отъ частоты колебаній; чѣмъ быстрѣе колеблятся струны, тѣмъ мельче волны воздуха и тѣмъ выше тонъ. Самый низкій тонъ происходитъ отъ 40 колебаній, самый высокій—отъ 4,000 колебаній приблизительно. Въ границы этихъ чиселъ входятъ цѣлыя семь октавъ; ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить великое открытіе математика Фурье, который доказалъ, что тоны, входящіе въ составъ звука, по числу колебаній относятся, какъ 1: 2: 3 и т. д. Происхожденіе тоновъ изъ звука даже чисто-механическое, какъ объяснилъ Гельмгольцъ. Струна, звуча, колеблется волною; каждая волна струны дробится на меньшія волночки; волночки эти издаютъ тоны, волна—звукъ. Понятно, что дробленіе волны на волночки происходитъ черезъ дѣленіе ея на 2, на 3, на 4 и тому подобныя цѣлыя части, и что каждая волночка имѣетъ свой тонъ и свое число колебаній. Въ этомъ вся причина простоты чиселъ, выражающихъ гармонію звуковъ.

Отъ чего же теперь зависитъ пріятное впечатлѣніе созвучій? При возвышеніи всякаго тона на цѣлую октаву, число колебаній удвоивается, то-есть это значитъ, что двѣ, напримѣръ, крайнія клавиши октавы на фортепіано производятъ двѣ звуковыя волны, изъ которыхъ одна имѣетъ какъ разъ вдвое болѣе возвышеній и углубленій, чѣмъ другая. Если такимъ образомъ двѣ одноименныя клавиши ударить вмѣстѣ, то волны сливаются возвышеніями и углубленіями, такъ-какъ эти части обѣихъ волнъ находятся между собой въ кратныхъ отношеніяхъ. Движеніе волны происходитъ равномѣрно и является гармоническое созвучіе. Совсѣмъ другое выйдетъ, если мы ударимъ двѣ такія ноты, отъ которыхъ произойдутъ волны съ числами колебаній, неимѣющими такихъ простыхъ отношеній, то-есть, напримѣръ, если мы возьмемъ первую ноту гаммы, которая дѣлаетъ 33 колебанія въ секунду, и седьмую ноту, которая имѣетъ 61 колебаніе; понятно, что при такихъ числовыхъ отношеніяхъ части волнъ не сольются, а будутъ сталкиваться возвышеніями и углубленіями; движеніе произойдетъ неравномѣрное, прерывистое; отсюда диссонансъ. Диссонансъ, говорятъ, деретъ ухо: это оттого, что всякое рѣзкое, неровное движеніе слишкомъ сильно раздражаетъ нервы и производитъ состояніе, подобное боли. И такъ причина созвучія, причина гармоническаго сліянія тоновъ заключается въ возбужденіи, которое своею равномѣрностію настроиваетъ организмъ на ощущеніе удовольствія. Возбужденіе это такъ же разнообразно, какъ

Digitized by Google

разнообразны тоны и ихъ сочетанія. Октава считается самымъ простѣйшимъ созвучіемъ: въ ней высшій тонъ производитъ такое же почти впечатлѣніе, какъ и нисшій—происходитъ только повтореніе или удвоиваніе впечатлѣній. Квинта, кварта и терція образуютъ съ основнымъ тономъ болѣе гармоническія, болѣе разнообразныя впечатлѣнія, и это зависитъ оттого, что рядъ менѣе слышныхъ дополнительныхъ тоновъ, оттѣняющихъ звукъ, тоже сливается между собою; и хотя при этомъ происходятъ прерывистые толчки, но они не на столько сильны, чтобы производить совершенную дисгармонію; они, напротивъ, оттѣняютъ созвучія. Слабая дисгармонія дополнительныхъ тоновъ, не разрушая гармоніи основныхъ тоновъ, разнообразитъ только гармонію. Между гармоніей и дисгармоніей нѣтъ такимъ образомъ опредѣленныхъ границъ, хотя онѣ и образуютъ абсолютную разность. Этою-то неопредѣленностію границъ, замѣченною Гельмгольцемъ, и опредѣляется свобода творчества. Еще болѣе гармоническія и разнообразныя созвучія происходятъ, когда берутъ три или четыре тона вмѣстѣ. При этомъ необходимо только условіе, чтобы изъ всей массы музыкальныхъ звуковъ, два каждые порознь гармонировали, и тогда все цѣлое обращается въ одинъ общій, гармоническій аккордъ. Аккорды тоже подчинены опредѣленнымъ числовымъ отношеніямъ. Математическую сущность музыкальныхъ аккордовъ и физическую основу ихъ раздѣленія на твердые и мягкіе аккорды объяснилъ д'Аламбертъ.

Звуки, впрочемъ, могутъ гармонировать между собой не тогда только, когда они являются разомъ, въ одинъ моментъ въ формѣ созвучія или аккорда; они сохраняютъ связь между собою и въ послѣдовательномъ движеніи одного звука за другимъ; эта гармоническая связь предъидущихъ нотъ съ послѣдующими называется мелодіей. Она подчинена тѣмъ же законамъ, какъ и гармонія: какъ въ гармоніи простая октава считается несовершеннымъ созвучіемъ, такъ и въ мелодіи движеніе тоновъ и нотъ черезъ цѣлую октаву не считается нормой. Внутри октавы раждаются такимъ образомъ какъ гармоническія, такъ и мелодическія сліянія. И гармонія и мелодія требуютъ одинаково періодичности, равномѣрности или плавности тоновъ, съ тою только разницею, что въ гармоніи равномѣрность эта начинается разомъ: звуки аккорда являются въ одинъ моментъ. Между тѣмъ какъ въ мелодіи они идутъ одинъ за другимъ, но на столько еще быстро, что не успѣетъ исчезнуть одинъ звукъ, какъ уже является другой: волны звуковъ сливаются такимъ образомъ концами своими. Несправедливо поэтому общепринятое мнѣніе, что звуки въ мелодіи сливаются только въ воспоминаніи, субъективно; нѣтъ, въ мелодіи это происходитъ и объективно:

Digitized by Google

волны звуковъ въ мелодіи сходятся дѣйствительно своими возвышеніями и углубленіями, хоть и не во всѣхъ частяхъ. Отсюда пѣвучесть мелодіи: слушателю кажется, что тянется какъ будто одна и та же мать нота. Поэтому-то и можно сказать, что законы гармоніи и мелодіи одни и тѣ же; послѣдніе только имѣютъ болѣе свободы, подвижности, зависимости отъ нашего чувства. Человѣческій голосъ мелодиченъ: только изъ сліянія голосовъ образуется гармонія.

Теперь спрашивается, какимъ образомъ вся эта сложная масса гармоническихъ и мелодическихъ звуковъ, слышимыхъ, напримѣръ, въ оркестрѣ, ложится въ нашемъ сознаніи и гармонически сливается съ нашими чувствами? Причина этого по истинѣ удивительнаго явленія зависитъ отъ того, что каждый отдѣльный тонъ и полутонъ музыкальной гаммы имѣетъ въ ухѣ свои особые органы; этимъ-то и условливается способность человѣческаго уха разлагать самыя сложныя сочетанія звуковыхъ волнъ, различать каждую порознь и съ чувствомъ наслажденія воспринимать всѣ вмѣстѣ. Сложная масса звуковъ, достигая уха, падаетъ на барабанную перепонку; эта послѣдняя, посредствомъ ряда слуховыхъ, подвижныхъ косточекъ, сообщаетъ сотрясенія овальному отверстію, закрытому тоже перепонкой. Черезъ эту перепонку овальнаго отверстія волны передаются далѣе жидкости, которая наполняетъ самую внутреннюю часть уха—лабиринтъ; часть эта очень сложна и безъ рисунка понять ее довольно трудно. Самый главный отдѣлъ лабиринта имѣетъ видъ улитки, внутренность или каналъ которой, съуживаясь, идетъ спиралью и оканчивается куполомъ. Улитка внутри раздѣлена перегородкой, идущей въ видѣ лѣстницы снизу доверху; въ улиткѣ такимъ образомъ два хода: верхній и нижній. По нимъ распространяются звуковыя волны, поднимаясь сперва по верхнему ходу до купола улитки, и потомъ опускаясь оттуда по нижнему ходу. Между тѣмъ въ перегородкѣ идетъ нервъ улиточный: волокна этого нерва расходятся въ ней въ видѣ отростковъ завитаго вѣера, такъ что каждое волоконце можетъ легко подвергаться сотрясеніямъ, происходящимъ въ жидкости улитки. Сотрясеніе это еще тѣмъ облегчается, что окончанія огромнаго количества волоконъ соединены съ маленькими эластическими прибавками, чрезвычайно наклонными приходить въ колебаніе: это такъ-называемые кортіевы органы, имѣющіе видъ очень правильно расположенныхъ зубчиковъ. Физіологи называютъ ихъ клавишами, основываясь на всѣми принятой и даже доказанной фактами ипотезѣ, что каждый тонъ всей музыкальной гаммы приводитъ въ колебаніе не всѣ, а только нѣкоторыя клавиши или зубчики. Послѣдніе, конечно, предполагаютъ не одинаково настроенными. И какъ нота, взятая на скрипкѣ, заставляетъ звучать только соотвѣтственной высоты стру-

Digitized by Google

ну въ фортепіано или въ другомъ какомъ инструментѣ, такъ и скрипка производитъ на ухо то же дѣйствіе, съ тою только разницею, что эти внутреннія созвучія или колебанія кортіевыхъ органовъ слышитъ одинъ субъектъ. Вся сущность изобрѣтенія инструментовъ и усовершенствованія музыкальнаго строя заключается поэтому въ подлаживаніи струнъ подъ строй или напряженіе кортіевыхъ органовъ. Чѣмъ условливается этотъ послѣдній строй— мы разберемъ далѣе.

Изъ всего здѣсь сказаннаго ясно, что сущность слуховаго ощущенія сводится у физіологовъ на механическое сотрясеніе отдѣльныхъ нервныхъ волоконъ. Насчитываютъ даже, что на каждую музыкальную октаву приходится до четырехсотъ клавишей, что очень естественно, такъ-какъ музыканты могутъ отличать два тона, различающіеся другъ отъ друга на $^1/_{64}$ долю полутона.—И такъ ухо слушателя подобно чрезвычайно чувствительному инструменту, который на каждый тонъ созвучія или аккордъ издаетъ соотвѣтственныя вибраціи, доходящія до сознанія нашего посредствомъ нервныхъ волоконъ. Музыкальные тоны какъ-бы хватаются за отдѣльныя нервныя волокна. Человѣкъ, значитъ, по самой природѣ своей созданъ музыкантомъ и въ большей или меньшей степени способенъ чувствовать гармонію. Чего же послѣ того горячатся противъ музыки наши глухіе и полуглухіе нигилисты? Не похожи ли они на тѣхъ птицъ и чешуйчатыхъ амфибій, у которыхъ, по замѣчанію Сѣченова, вмѣсто слуховыхъ косточекъ только одна палочка. И нѣтъ ли у нихъ дѣйствительно какого-нибудь затвердѣнія въ барабанной перепонкѣ или другой какой болѣзни слухового органа? Любопытно было бы очень изслѣдовать хоть одно нигилистическое ухо. Быть можетъ, разспросы и изслѣдованія посредствомъ ушнаго зеркала открыли бы какое нибудь поврежденіе и причину потери чувства гармоніи отъ нескладнаго рева какого-нибудь дьячка или вселенской смази и сугубыхъ заушеній. Но шутки въ сторону. Мы убѣждены серьёзно, что господа невыносящіе и непонимающіе музыки, дѣйствительно страдаютъ особеннаго рода нервной глухотой. Траве въ своемъ трактатѣ объ ушныхъ болѣзняхъ (стр. 94) упоминаетъ объ одномъ наблюденіи Соважа надъ музыкантомъ, который вдругъ началъ слышать вмѣсто одного тона два, и потому долженъ былъ бросить волторну, на которой игралъ. Быть можетъ, и нигилистамъ вмѣсто одного слышатся два или три тона, а можетъ быть также, одного какого нибудь тона они и совсѣмъ не слышатъ. Вообразите себѣ, что, слушая оперу, вы изъ всей массы звуковъ, не слышите ни одного re или fa. Какая чепуха тогда выйдетъ! А это предположеніе вѣроятно: есть же вѣдь люди, которые лишены способности видѣть красный или голубой цвѣтъ.

Digitized by Google

Итакъ для насъ теперь важны два положенія: съ одной стороны, цѣлая система періодическихъ движеній воздуха, которыя Лесажъ наблюдалъ даже глазомъ, графически, а съ другой стороны — органъ слуха съ его сложнымъ аппаратомъ кортіевыхъ клавишей. Акустика и ученіе объ ухѣ ложатся, такимъ образомъ, въ основу музыкальной теоріи. Въ самомъ ухѣ заключены, по выраженію Гельмгольца, строительные камни (то-есть кортіевы органы), которыми пользовалась художническая потребность людей для построенія музыкальныхъ системъ. «Но—говоритъ онъ— какъ люди различнаго вкуса изъ однихъ и тѣхъ же камней могутъ построить разныя зданія, такъ то же мы видимъ и въ исторіи музыки: одинаковыя особенности уха произвели разныя музыкальныя системы. Поэтому я утверждаю, что нетолько композиція совершеннѣйшихъ произведеній искуства, но и самая постройка основныхъ тоновъ, гаммъ и аккордовъ и все, что̀ заключается въ ученіи о генерал-басѣ — все это есть дѣло художническаго изобрѣтенія и подчинено законамъ красоты, законамъ искуства» (552 с.). Далѣе, ставя музыку несравненно въ меньшую зависимость отъ законовъ необходимости, чѣмъ другія искуства (383 с.), Гельмгольцъ говоритъ, и не одинъ разъ, о значеніи несознаваемости акта творчества и о томъ неуловимомъ дѣйствіи, которое имѣютъ законообразно сложившіеся музыкальные звуки на подготовленное природой ухо. Но что̀ производитъ эту подготовку, чѣмъ условливается внутренній строй кортіевыхъ органовъ, отъ чего собственно зависитъ музыкальный слухъ — Гельмгольцъ не объясняетъ. Ставя въ слишкомъ большую зависимость изобрѣтенія музыки отъ дѣятельности фантазіи, онъ, впрочемъ, не говоритъ, что̀ побуждало фантазію къ этой дѣятельности, что̀ настроивало такъ кортіевы органы, что человѣкъ, на основаніи немногихъ звуковъ природы, могъ изобрѣсти и мелодію и гармонію. Настройщикъ этотъ былъ красота природы. Прежде гармоніи музыкальной, въ природѣ, уже существовала готовая, такъ-сказать, гармонія — гармонія цвѣтовъ. Эта-то естественная гармонія свѣта и была побудительнымъ стимуломъ къ созданію музыкальной гармоніи. Гармонія музыки не могла бы быть изобрѣтена человѣкомъ, еслибы въ природѣ не было этой готовой гармоніи, еслибы природа сначала не подѣйствовала на него гармонически своими красками и формами: звуками природа бѣдна. Гармонія музыки была какъ-бы рефлексомъ гармоніи свѣта и цвѣтовъ. Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что музыка есть самое позднѣйшее искуство; настоящее развитіе музыки, самъ Гельмгольцъ считаетъ дѣломъ послѣднихъ двухъ столѣтій и называетъ даже музыку продуктомъ новѣйшаго времени и новѣйшихъ народовъ. Всѣ изобрѣ-

Digitized by Google

тенія музыки дѣйствительно совершались необыкновенно туго. У грековъ музыка не была самостоятельнымъ искуствомъ, а служила только дополненіемъ къ поэзіи. Стихотворенія и трагедіи произносились въ сопровожденіи лиры и нараспѣвъ, речитативомъ, похожимъ на чтеніе католической литургіи. Только марши и танцы считались музыкальными пьесами. Пѣніе было одноголосное; голоса соединялись не иначе, какъ на разстояніи цѣлой октавы. Только въ средніе вѣка, въ X столѣтіи, начали пѣть на разстояніи квинты, кварты и дуодецимы. За этимъ изобрѣтенъ былъ дискантусъ или одновременное пѣніе двухъ различныхъ напѣвовъ, которые, однако, образовали слабую степень гармоніи. Лѣтъ черезъ 200 придумали каноническое подражаніе; музыкальная фраза, пропѣтая однимъ, повторялась другимъ, и это считалось важнымъ изобрѣтеніемъ. Наконецъ въ началѣ XVI столѣтія, нѣкоему Якову Пери удалось напасть на мысль настоящихъ аккордовъ. За этимъ уже въ музыкѣ все быстро двинулось впередъ. При этой трудности и запоздалости музыкальнаго изобрѣтенія замѣчателенъ особенно фактъ, что древнія мелодіи сѣверныхъ народовъ германскаго, кельтическаго и славянскаго происхожденія имѣютъ строй несравненно болѣе склонный къ гармоническимъ сочетаніямъ, чѣмъ строй пѣсенъ грековъ и затверженные гимны западной и восточной церкви. Народы умѣреннаго климата поэтому склонны болѣе къ музыкѣ. Природа, окружающая грековъ, видно, слишкомъ рельефна, объективна, чтобы возбуждать музыкальное творчество, которое по сущности своей субъективно. Романтическій, тревожащій душу характеръ растеній умѣреннаго климата вѣроятно болѣе побуждаетъ человѣка къ субъективной, музыкальной дѣятельности; въ этомъ смыслѣ замѣчаніе Фишера о физіономическомъ значеніи растеній умѣреннаго климата имѣетъ большое значеніе: они собственно настраивали наше ухо на музыкальный строй.

Изобрѣтенія живописи уже не совершались съ такимъ трудомъ. Живопись достигла высшаго совершенства, когда музыка еще стала только развиваться; это именно потому, что въ природѣ уже была готовая гармонія цвѣтовъ. Свѣтовую гамму, можно сказать, открылъ Ньютонъ, который первый доказалъ, что свѣтъ можетъ обнаруживаться въ семи характеристическихъ цвѣтахъ. Паралель, хотя ее и не замѣтили, вышла черезъ это очевидною между явленіями свѣта и звука; разница была только та, что цвѣтовъ свѣта принято только семь, тоновъ же звука семью-семь или, считая въ каждой октавѣ полутоны семью, двѣнадцать. Ухо такимъ образомъ вышло значительно богаче разнообразными ощущеніями, чѣмъ глазъ, и этотъ повидимому странный выводъ физіологи принимаютъ еще и теперь. Гётевская теорія цвѣ-

Digitized by Google

товъ, теперь уже никѣмъ непорицаемая, прямо противоположна такому понятію объ однообразіи свѣтовыхъ ощущеній, такъ-какъ теорія эта не отвергаетъ собственно ньютоновскаго положенія о семи цвѣтахъ призмы, а только не придаетъ самостоятельнаго значенія каждой группѣ цвѣтовъ. «Для происхожденія цвѣтовъ — говоритъ Гёте — необходимъ свѣтъ и мракъ, ясность и темнота, или, выражаясь формулой, свѣтъ и не свѣтъ (Licht und nicht Licht). Ближе всего подходящее къ свѣту есть то, что̀ мы называемъ желтымъ цвѣтомъ; то же, что̀ ближе всего къ мраку, есть синій цвѣтъ или синева. Оба эти крайнія состоянія въ чистѣйшемъ смѣшеніи и равновѣсіи образуютъ зеленый цвѣтъ. Два первые цвѣта, то-есть желтый и голубой, уплотняясь или утемняясь, образуютъ новые цвѣта» *. Изъ этого слѣдуетъ, что Гёте, подобно Аристотелю, принималъ только два главныя состоянія свѣта: бѣлый цвѣтъ и черный цвѣтъ. Если примѣнить эту мысль къ теоріи свѣтового эфира, то можно сказать, что самое высшее или быстрѣйшее колебаніе его соотвѣтствуетъ обыкновенному яркому бѣлому цвѣту, а самое слабѣйшее изъ этихъ колебаній образуетъ темноту. Отъ болѣе или менѣе быстраго колебанія эфира и преломленія различной силы и свѣта въ призмѣ, зависитъ происхожденіе всѣхъ цвѣтовъ. Красному цвѣту или лучу, менѣе всего преломляющемуся въ призмѣ, приписываютъ 4 билліона колебаній въ секунду, фіолетовому, далѣе всего отклоненному отъ свѣтлаго луча—8 билліоновъ колебаній въ секунду. Слѣдовательно, какъ въ звукѣ высота тоновъ зависитъ отъ числа колебаній матеріи, такъ тоже и въ свѣтѣ. Тишина, такимъ образомъ, однородна съ темнотой; разница только въ томъ, что послѣдняя есть покой матеріи, движущейся неизмѣримо быстрѣе, чѣмъ воздухъ. Новѣйшая теорія свѣта, отвергающая необходимость существованія особеннаго вещества эфира, тоже не противорѣчитъ нашему положенію: между свѣтомъ и звукомъ въ такомъ случаѣ нѣтъ даже существенной разницы. — И то и другое—движеніе матеріи, только совершенно различной быстроты.

Цвѣтовъ въ природѣ собственно не семь, а безчисленное множество или семь съ огромнымъ числомъ оттѣнковъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ самостоятеленъ. Въ природѣ какъ самые яркіе тоны цвѣтовъ, такъ и самые слабые одинаково распространены и одинаково воспринимаются глазомъ. Въ призмѣ оттѣнки сливаются вслѣдствіе искуственнаго сопоставленія, отъ котораго и образуется семицвѣтная гамма. Въ музыкальной гаммѣ мы видимъ впрочемъ то же самое почти. Семь главныхъ музыкальныхъ тоновъ

* Farbenlehre von Goethe. 52 B. 8 S.

Digitized by Google

тоже повторяются (чрезъ удвоеніе числа колебаній); и смотря, напримѣръ, на клавіатуру фортепіано, мы видимъ повторяющимися ut нѣсколько разъ, re нѣсколько разъ, mi нѣсколько разъ и т. д. всѣ семь звуковъ. Что всѣ ut между собою однородны, ясно уже изъ того, что ухо, напримѣръ, съ бо̀льшимъ трудомъ отличаетъ ut отъ ut, чѣмъ ut отъ re или mi. Одноимянныя ноты, вслѣдствіе сродства, труднѣе различаются, чѣмъ разноимянныя. Поэтому нельзя сказать, которые изъ семи музыкальныхъ звуковъ можно назвать главными и неглавными; то же можно сказать и въ отношеніи цвѣтовъ: оттѣнки семи цвѣтовъ радуги вѣроятно есть также видоизмѣненія семи характерныхъ тоновъ свѣта, зависящіе, быть можетъ, отъ большей высоты или быстрѣйшаго колебанія эфира. Между оттѣнками этими, нѣтъ только такихъ разграниченій, какъ между тонами звуковъ. Но неизвѣстно еще, какую роль въ этомъ случаѣ играютъ Фрауенгоферовы линіи, которыя въ видѣ темныхъ полосокъ проходятъ паралельно тѣнямъ спектра. Ихъ насчитываютъ до 4,000. Изслѣдованія Кирхгофа показываютъ впрочемъ, что причина этихъ темныхъ линій заключается въ парообразной атмосферѣ веществъ, горящихъ вокругъ расплавленнаго солнечнаго ядра.

Основываясь на томъ, что живописцы изъ трехъ главныхъ красокъ (красной, зеленой и фіолетовой) образуютъ черезъ смѣшеніе всевозможные оттѣнки, а физики посредствомъ вращающагося трехцвѣтнаго круга, получаютъ бѣлый цвѣтъ, Вундтъ и другіе утверждаютъ, что концевые аппараты глазного нерва тоже однообразно устроены; и тогда какъ въ ухѣ на каждый музыкальный тонъ насчитываютъ нѣсколько слуховыхъ клавишей (всѣхъ до 3,000)—глазу приписываютъ только три органа, три волоконца—одинъ для краснаго, другой для зеленаго, третій для фіолетоваго цвѣтовъ. Если всѣ три органа раздражаются одинаково, то является ощущеніе бѣлаго цвѣта. Если же одинъ изъ этихъ органовъ раздражается свѣтомъ болѣе, а другой менѣе или наоборотъ, то происходятъ другіе цвѣта, смотря по степени сочетанія различно раздражаемыхъ органовъ. Но этихъ органовъ, вопервыхъ, никто не видѣлъ, и микрографія едва-ли въ состояніи опредѣлить такіе тонкіе элементы, какими должны быть органы, воспринимающіе движенія эфира. Вовторыхъ, бѣлый цвѣтъ происходитъ, какъ извѣстно, отъ смѣшенія и другихъ цвѣтовъ, напримѣръ, краснаго, желтаго и голубого. Бѣлый цвѣтъ образуется, наконецъ, отъ смѣшенія двухъ дополнительныхъ цвѣтовъ, которыхъ Гельмгольцъ насчитываетъ до пяти паръ. Бѣлый цвѣтъ есть не что другое, какъ разряженный свѣтлый, и въ глазѣ есть особенная наклонность къ сліянію цвѣтовъ въ свѣтъ, какъ сливаются тоны въ звукъ. Про-

Digitized by Google

тивъ того, что цвѣта воспринимаются не тремя только волоконцами или органами, говоритъ еще то, что глазъ способенъ воспринимать различные оттѣнки въ одинъ моментъ. Цвѣта радуги мы разсматриваемъ не двигая глазомъ.

Итакъ несомнѣнно, что глазъ нетолько не бѣднѣе уха, но еще богаче ощущеніями, и что самостоятельныхъ цвѣтовъ въ природѣ несравненно болѣе, чѣмъ музыкальныхъ звуковъ. Гармонія цвѣтовъ поэтому разнообразна до безконечности, ее только трудно анализировать. Гёте, въ этомъ отношеніи, сдѣлалъ первый шагъ. Въ своемъ ученіи о цвѣтахъ, онъ старался опредѣлить впечатлѣніе каждаго цвѣта особо и потомъ значеніе ихъ гармоническаго смѣшенія. Читая Гёте, невольно приходитъ въ голову, какъ много превосходныхъ мыслей и фактовъ тонетъ въ пыли библіотекъ, благодаря многописанію и болтовнѣ, заслоняющей и заглушающей великихъ людей. Темноты, говоритъ Гёте, глазъ нашъ потому боится, что сѣтчатая оболочка его лишается раздраженія, связывающаго насъ съ внѣшнимъ міромъ. Въ желтомъ цвѣтѣ, когда онъ ясенъ и чистъ, Гёте видитъ нѣчто возбуждающее и придающее теплоту предметамъ и картинамъ. Если желтый цвѣтъ нечистъ или смѣшанъ съ зеленымъ, то производитъ непріятное впечатлѣніе (сѣра и разныя нечистоты); желтымъ цвѣтомъ позорили въ средніе вѣка евреевъ. Желто-красный или оранжевый цвѣтъ имѣетъ самое возбуждающее дѣйствіе: его любятъ дикіе и имъ бѣсятъ буйволовъ. Синій же и голубой цвѣта (blau) производятъ наоборотъ какъ будто чувство холода, напоминаютъ о тѣни, по выраженію Гёте. Голубая комната кажется намъ несоразмѣрно просторной, но въ то же время пустой и холодной; синее стекло представляетъ предметы въ печальномъ видѣ. Красно-бурый цвѣтъ производитъ самъ по себѣ чувство безпокойства; такъ же почти дѣйствуютъ фіолетовый и лиловый. Послѣдній производитъ впечатлѣніе пріятное, но въ то же время и тревожное. Красный цвѣтъ обыкновенно служитъ выраженіемъ достоинства и силы, и чѣмъ онъ ярче, тѣмъ сильнѣе его дѣйствіе. Отсюда, по замѣчанію Гёте, происходило прежде стремленіе властолюбивыхъ къ пурпуровому цвѣту; стекло пурпуроваго цвѣта представляетъ предметы въ ужасномъ видѣ. Такъ же, конечно, дѣйствуетъ и небо, окрашенное заревомъ пожара. Въ зеленомъ цвѣтѣ Гёте видитъ нѣчто успокоивающее; отсюда вѣроятно то особенное чувство, которое производитъ зелень луговъ или зелень окружающаго насъ лѣса. Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, въ лѣсу или въ саду человѣкъ чувствуетъ себя еще ровнѣе настроеннымъ, чѣмъ на лугу, гдѣ зеленый цвѣтъ травы мѣшается съ голубымъ цвѣтомъ небосклона. Зеленые очки поэтому полезнѣе, чѣмъ синіе. Черный цвѣтъ называетъ Гёте цвѣ-

Digitized by Google

томъ равенства, и потому конечно люди, одѣвающіеся въ черный цвѣтъ, менѣе, такъ-сказать, выдаются; это даже и оптически вѣрно: извѣстно, что черныя пятна на бѣломъ полѣ кажутся меньше. Отъ этого, какъ чрезвычайно тонко замѣтилъ Гёте, черный цвѣтъ уменьшаетъ фигуру людей. Люди въ черной одеждѣ обнаруживаютъ какъ-бы менѣе заносчивости своимъ видомъ. Поэтому, быть можетъ, черный цвѣтъ и принятъ былъ древнимъ монашествомъ, какъ выраженіе смиренія. Женщины потому одѣваются пестро, что въ нихъ еще сильно развито желаніе бросаться въ глаза. Соединеніе чернаго съ бѣлымъ употребляютъ обыкновенно какъ выраженіе траура, и, кажется, не безъ причины: небольшія полоски бѣлаго цвѣта въ траурныхъ одеждахъ, не удовлетворяя потребности глаза къ освѣщенію, дѣлаютъ еще болѣе рѣзкимъ, болѣе чувствительнымъ безжизненность и лишеніе свѣта въ темной одеждѣ. Это, можно сказать, самая выразительная дисгармонія, производимая цвѣтами. О дѣйствіи нѣсколькихъ цвѣтовъ вмѣстѣ и происходящемъ отсюда новомъ впечатлѣніи, мы тоже находимъ у Гёте вѣрныя указанія. И нетрудно, конечно, понять, до какой степени простыя и неуловимыя впечатлѣнія цвѣтовъ могутъ разнообразиться и дѣлаться еще неуловимѣе вслѣдствіе оттѣнковъ и сліянія, болѣе или менѣе гармонирующаго или настроивающаго нашъ духъ. Цвѣта въ этомъ отношеніи подчиняются повидимому тѣмъ же законамъ, отъ которыхъ зависитъ и гармоническое сліяніе звуковъ и формъ въ природѣ. Какъ въ музыкальной гаммѣ двѣ рядомъ стоящія ноты (напримѣръ ut и re) не гармонируютъ, такъ и въ свѣтовомъ спектрѣ два рядомъ взятые цвѣта одной яркости не идутъ другъ къ другу: зеленый, напримѣръ, не идетъ къ голубому, желтый къ зеленому. Дополнительные же цвѣта, какъ замѣтилъ еще Гёте, гармонируютъ между собою: желтый, напримѣръ, идетъ къ синему, красный къ зелено-голубому, голубой къ оранжевому, золотисто-желтый къ свѣтло-синему, желто-зеленый къ фіолетовому. Кромѣ этого мы полагаемъ, что гармоническое или пріятное для глаза сочетаніе двухъ или трехъ цвѣтовъ увеличивается, если принять въ разсчетъ и степень густоты цвѣтовъ, подобно тому, какъ въ музыкѣ для образованія аккорда берутъ тоны не изъ разныхъ, а изъ одной октавы. Женщины, одѣвающіяся со вкусомъ, болѣе или менѣе слѣдуютъ этому. Живописцы одарены въ высшей степени способностію различать тончайшіе оттѣнки или тоны цвѣтовъ и производить изъ нихъ гармоническія сочетанія. Въ картинахъ природы мы тоже видимъ такія гармоническія сліянія красокъ; но въ нихъ же бываютъ наоборотъ и негармоническія, такъ-какъ красота природы зависитъ отъ случая. Задача живописца, воспитывающагося на картинахъ природы, заключается въ томъ, чтобы отличить гармониче-

Digitized by Google

ское отъ негармоническаго въ природѣ, аккорды цвѣтовъ отъ диссонансовъ ихъ. И весь этотъ сложный процесъ пониманія и искуства владѣть красками происходитъ на томъ только основаніи, что въ тончайшемъ микроскопическомъ устройствѣ глаза и другихъ частей существуютъ особые механизмы, посредствомъ которыхъ человѣкъ схватываетъ безсознательно законообразность или гармонію цвѣтовъ; и нѣтъ сомнѣнія, что какъ аккорды и диссонансы музыки происходятъ отъ равномѣрнаго или прерывистаго движенія воздуха, такъ тоже гармоническое и негармоническое сочетаніе красокъ условливается равномѣрнымъ или прерывистымъ сліяніемъ болѣе быстро движущейся матеріи эфира. И очень вѣроятно, что законы гармоніи свѣта зависятъ также отъ числовыхъ отношеній, какъ и законы гармоніи звука. Не явилось еще только Пиѳагора, который бы доказалъ эту зависимость!

Но красками и звуками еще не исчерпывается физіономическое значеніе природы и тѣ средства, которыми она дѣйствуетъ на настроеніе нашего духа. Природа дѣйствуетъ на насъ также и своими формами, очертаніями и фигурою предметовъ. Въ отношеніи анализа этого рода явленій, мы будемъ руководствоваться преимущественно сочиненіемъ Цейзинга. Хотя авторъ этотъ былъ собственно не натуралистъ, но такъ-какъ ученіе его принимаютъ и физіологи, Вундтъ, напримѣръ, чуть-ли не слово въ слово повторяетъ его положенія, то мы имѣемъ право, не выходя изъ границъ естествовѣдѣнія, держаться Цейзинга*. Всякому, прочитавшему его книгу, нельзя не убѣдиться, что дѣйствіе формъ природы на эстетическое чувство подчинено такимъ же законамъ, какъ и дѣйствіе звука и свѣта, съ тою только разницею, что въ звукахъ главную роль играетъ время, въ формахъ же—пространство. Періодичность и ритмъ звука замѣняетъ въ формахъ повторяемость линій и угловъ. Отъ этого, напримѣръ, намъ нравятся болѣе правильные и равнобедренные многоугольники, чѣмъ неправильные и криво построенные: по чертежамъ особенно легко въ этомъ убѣдиться. Въ правильныхъ многоугольникахъ, линіи и углы, повторяясь въ глазу, производятъ какъ-бы ощущеніе, подобное періодичности звуковыхъ впечатлѣній. На этой же періодичности и повторяемости впечатлѣнія основанъ и законъ симетріи, по которому правильно распо-

---

* *Zeising* Adolph: Neue Lehre von den Proportionen des menschlichen Körpers. Wundt: Vorlesungen über Menschen und Thierseele. Второй томъ, еще непереведенный на русскій.

Digitized by Google

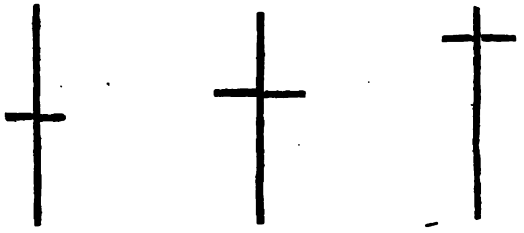
ложенныя половины производятъ болѣе пріятное, чѣмъ неправильныя: пирамида, напримѣръ, лучше для глаза, чѣмъ кривой треугольникъ. Симетричный фасадъ зданія пріятнѣе, чѣмъ неправильно расположенный. Замѣчательно, что симетрія нравится намъ только въ горизонтальномъ положеніи, а не въ вертикальномъ. Причина этого заключается, какъ кажется, въ горизонтальномъ расположеніи двухъ глазъ. Впечатлѣніе, падая на оба нерва глаза отъ симетрической фигуры, производитъ болѣе равномѣрное ощущеніе на каждый глазъ: при взглядѣ на горизонтально симетрическія фигуры, достается какъ-бы по одному впечатлѣнію. Вслѣдствіе анатомическаго же устройства, кривыя линіи тоже производятъ болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ ломанныя: глазъ, имѣя сферическую форму, имѣетъ также и концевые апараты нервовъ, концентрически расположенные въ сѣтчатой оболочкѣ. Впечатлѣніе отъ круглаго тѣла ровнѣе ложится на глазъ, чѣмъ отъ угловатаго. Изъ одного уже этого видно, отчасти, что пріятное впечатлѣніе, производимое формами, зависитъ отъ законообразности и соотвѣтственности этихъ формъ съ тончайшимъ устройствомъ органовъ чувствъ. Отъ этого все порядочное намъ нравится больше, чѣмъ безпорядочное: гармонія есть выраженіе высшаго порядка. Еще Платону и Аристотелю извѣстно было, что красота формъ заключается въ простотѣ и соразмѣрности частей предмета. Одинъ только Эпикуръ изъ древнихъ философовъ не имѣлъ повидимому настоящихъ понятій о сущности изящнаго; отъ него-то, видно, и перешли къ утилитаристамъ превратные взгляды на красоту.

Если мы станемъ разсматривать формы предметовъ не въ горизонтальномъ, а въ вертикальномъ положеніи, то мы замѣчаемъ сейчасъ, что симетрія тутъ уже не удовлетворяетъ чувства; совсѣмъ другое было бы, еслибы два глаза наши были расположены вертикально: тогда бы симетріи мы требовали наоборотъ — въ положеніи вертикальномъ. Какимъ же собственно отношеніемъ частей довольствуется зрѣніе наше, когда на него производятъ пріятное впечатлѣніе вертикально-расположенныя части предмета? Отвѣтъ на этотъ вопросъ сдѣланъ былъ въ первый разъ Цейзингомъ. Онъ доказалъ положительно, что части предмета въ вертикальномъ направленіи должны быть не въ симетріи, не равны между собою, а въ извѣстной пропорціи. Хотя о пропорціональности человѣческаго тѣла и архитектурныхъ произведеній говорили еще философы отъ Платона до Винкельмана, но какая собственно должна быть пропорція между частями предмета въ вертикальномъ направленіи — въ первый разъ опредѣлилъ точно Цейзингъ.

Если мы возьмемъ нѣсколько вертикальныхъ линій, и раздѣлимъ каждую изъ нихъ поперечными чертами на разной высотѣ; одна,

Digitized by Google

напримѣръ черта пересѣчетъ посрединѣ, другая — у самаго верхняго конца, третья — въ другомъ какомъ мѣстѣ — то мы замѣтимъ, что на глазъ производитъ самое пріятное впечатлѣніе только одно изъ пересѣченій длинной линіи поперечной чертой.



Изъ трехъ здѣсь нарисованныхъ крестовъ, средній производитъ болѣе пріятное впечатлѣніе. Цейзингъ нашелъ, что верхняя, меньшая часть относится къ нижней въ извѣстной, опредѣленной пропорціи; верхняя относится къ нижней такъ, какъ нижняя относится къ цѣлой длинѣ линіи. Разрѣзъ, произведенный въ такомъ отношеніи частей вертикальной линіи или предмета, называется *золотымъ разрѣзомъ*. Пропорція крайнихъ и среднихъ отношеній или золотой разрѣзъ легче всего добывается путемъ геометрическимъ. Но онъ однакоже лежитъ въ основѣ всѣхъ красивыхъ предметовъ природы; и ему слѣдовали безсознательно всѣ архитекторы и скульпторы, неимѣвшіе ни малѣйшаго понятія объ этомъ разрѣзѣ. Это, можно сказать, замѣчательнѣйшее открытіе нашего времени, которое только теперь стали оцѣнивать. Какъ въ горизонтальномъ направленіи зрѣніе наше требуетъ симетріи, такъ и въ вертикальномъ — пропорціональности частей, опредѣляемыхъ золотымъ разрѣзомъ. Законъ этой пропорціи примѣняется иногда, впрочемъ, и къ горизонтальному положенію частей, и на этомъ основаніи мы можемъ до нѣкоторой степени отступить отъ симетріи, не нарушая гармоническаго впечатлѣнія. Но главнѣйшимъ образомъ онъ примѣняется только къ вертикальному положенію предметовъ. Цейзингъ пробовалъ испытать законъ этотъ на главнѣйшихъ произведеніяхъ древней и новой архитектуры, и вездѣ онъ оказался примѣнимъ; даже между мельчайшими подробностями архитектурныхъ украшеній оказалась вездѣ одна и та же пропорція, требуемая вѣроятно устройствомъ самаго глаза: части, разрѣзанныя посредствомъ золотого разрѣза, опять въ свою очередь дѣлились на подраздѣленія въ крайнемъ и среднемъ отношеніи частей; иногда при этомъ, длиннѣйшая часть за разрѣзомъ оказывалась вверху, а короткая — внизу; и впечатлѣніе пропорціональности все-таки не нарушалось.

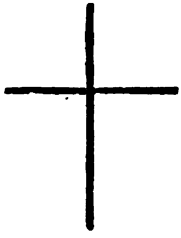
Digitized by Google

Повѣряя этотъ разрѣзъ на формахъ человѣческаго тѣла, Цейзингъ бралъ совершеннѣйшія статуи древней скульптуры Аполлона Бельведерскаго и другія, и нашелъ, вопервыхъ, что главная линія золотого разрѣза, раздѣляющая человѣческое тѣло на двѣ неравныя, пропорціональныя другъ другу части, проходитъ черезъ пупокъ; и выходитъ такимъ образомъ слѣдующая пропорція: верхняя часть тѣла отъ темени до пупка относится къ нижней части, отъ пупка до подошвы такъ, какъ нижняя часть къ длинѣ всего тѣла. Но лучше еще опредѣляется положеніе золотого разрѣза тѣмъ пространствомъ мягкихъ частей тѣла, которое находится между нижнимъ ребромъ и верхушками подвздошныхъ частей таза; эта самая узкая часть туловища, называется таліею. Какъ талія не у всѣхъ людей оканчивается на одномъ мѣстѣ, такъ и золотой разрѣзъ то подымается, то возвышается, смотря по индивидууму. Въ этомъ отношеніи поясъ, употребляемый разными народами, имѣетъ свое значеніе: имъ болѣе обрисовывается пропорціональность человѣческаго тѣла, или раздѣленіе его на двѣ пропорціональныя части тѣла—верхнюю, короткую, и нижнюю—длинную. У женщинъ положеніе пропорціональнаго перехвата особенно рельефно, такъ-какъ у нихъ тазъ шире, а талія уже. Далѣе, обращая вниманіе на верхнюю часть тѣла (отъ таліи до темени), Цейзингъ находитъ, что золотой разрѣзъ проходитъ около адамова яблока. Головная часть (отъ адамова яблока до темени) дѣлится въ свою очередь на пропорціональныя части линіею, проходящей черезъ нижній край лба или брови. Нижняя же, длинная часть тѣла (отъ перехвата таліи до подошвы) дѣлится пропорціонально линіею, проходящею нѣсколько ниже колѣна, тамъ, гдѣ замѣчается самый узкій перехватъ, или попросту, гдѣ женщины носятъ подвязку. Такая же точно пропорціональность существуетъ въ отношеніи частей рукъ и ногъ отдѣльно; разрѣзы обыкновенно проходятъ или на самыхъ широкихъ, или на самыхъ узкихъ перехватахъ. Повѣрка всего здѣсь сказаннаго на рисункахъ, еще болѣе докажетъ читателю значенія золотого разрѣза, и пропорціональности въ человѣческомъ тѣлѣ.

Но кромѣ симетріи, опредѣляющей гармонію формъ въ горизонтальномъ отношеніи и пропорціи золотого разрѣза, условливающей гармонію частей предмета въ вертикальномъ направленіи — должно существовать еще опредѣленное отношеніе длины къ ширинѣ, или высоты къ объему предмета. Эти отношенія тоже зависятъ, какъ показалъ Цейзингъ, отъ соизмѣримыхъ величинъ. Высчитывать всѣхъ пропорцій длины къ ширинѣ предметовъ, гармонирующихъ болѣе всего съ нашими чувствами, мы не будемъ; замѣтимъ только, что въ отношеніи широкихъ, массив-

Digitized by Google

ныхъ предметовъ, пріятное впечатлѣніе производитъ, когда ширина предмета вдвое болѣе длины, а въ отношеніи узкихъ, когда ширина равняется верхней части длины предмета, раздѣленнаго золотымъ разрѣзомъ.



Поэтому, изображенный здѣсь крестъ пріятнѣе всего для глаза: въ немъ каждая половина поперечной линіи равна верхней меньшей части, а самый поперечникъ, образуетъ золотой разрѣзъ. Если такой крестъ обвести кривыми линіями, то выйдетъ яйцеобразная форма, очень распространенная въ органическихъ формахъ, и производящая на глазъ еще болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ шаръ. Овалы въ человѣческомъ тѣлѣ тоже довольно распространены: голова и туловище имѣютъ, напримѣръ, яйцеобразную форму; руки и ноги въ своихъ мясистыхъ частяхъ имѣютъ видъ вытянутыхъ оваловъ. Потому Цейзингъ былъ правъ, называя крестъ вышеупомянутой формы — внутреннимъ скелетомъ человѣческаго тѣла; онъ дѣйствительно служитъ какъ-бы прототипомъ нашего тѣла: такая крестообразная форма существуетъ, напримѣръ, между вершиною головы, выпуклостями обоихъ плечъ, и концомъ туловища. Многихъ такіе выводы поведутъ, быть можетъ, къ мистическимъ соображеніямъ, что будетъ совершенно напрасно; потому что и мистицизмъ со всѣми его фантазіями, основывается болѣе или менѣе на темномъ пониманіи природы. Кресты, стоящіе надъ зарытыми въ могилы разрушенными организаціями, имѣютъ поэтому значеніе нетолько религіозное, но и глубоко-эстетическое, такъ-какъ крестъ есть прототипъ строенія человѣческаго организма.

Поперечные разрѣзы человѣческаго тѣла, проведенные на одной и той же высотѣ и въ разныхъ направленіяхъ, также находятся между собою въ пропорціональномъ отношеніи. Разумѣется, симетрическое расположеніе частей человѣческаго тѣла въ ширину и пропорціональныя ихъ отношенія въ длину и толщину нѣсколько видоизмѣняются у разныхъ индивидуумовъ; но что для объема величины и отношеній частей тѣла есть постоянная норма, доказалъ

Digitized by Google

еще Кетле *. Кетле взялъ 30 человѣкъ двадцати лѣтъ, раздѣлилъ ихъ на 3 группы и подвергъ ихъ точнѣйшему и подробнѣйшему измѣренію. И что же оказалось? Что средняя величина трехъ группъ нетолько въ отношеніи длины тѣла, но и всѣхъ отдѣльныхъ частей въ высшей степени одинакова. Тѣ же результаты получилъ Іомардъ на измѣреніи статуй. Итакъ мы видимъ, что природа, болѣе или менѣе видоизмѣняя норму симетріи и пропорціи человѣческаго тѣла, умѣла дать формамъ и разнообразіе и законообразность.

Но симетріею, правильностію и пропорціональностію еще не исчерпывается сущность гармоніи формъ въ природѣ. Очертанія посредствомъ кривыхъ линій тоже входятъ въ составъ впечатлѣнія, производимаго органическими формами. О значеніи кривой линіи писалъ первый Гогартъ въ своемъ сочиненіи объ анализѣ красоты (Analyse of beauty). Трактатъ геніальнаго карикатуриста могъ бы, конечно, очень пристыдить нашихъ отрицателей, еслибы онъ былъ имъ извѣстенъ: въ своихъ отрицаніяхъ и безобразіяхъ они вѣдь тоже опирались на Гогарта; и что же вдругъ оказывается? Гогартъ, рисуя карикатуры, трудился и надъ эстетическою теоріею. Кривая линія у него даже поставлена въ видѣ эпиграфа къ его сочиненіямъ. Сущность его идей заключается въ томъ, что онъ въ кривой линіи видитъ выраженіе болѣе свободнаго движенія формъ; трехугольники, четырехугольники и многоугольники, будучи окружены прямыми линіями, не выражаютъ такой подвижности, гибкости, жизненности своей фигурой, какъ если эти же самыя геометрическія нормы будутъ обведены кривыми линіями. Кривыя линіи придаютъ свободу и разнообразіе правильнымъ фигурамъ. Какія кривыя линіи дѣйствуютъ гармоничнѣе на глазъ—Гогартъ впрочемъ не опредѣляетъ: онъ говоритъ только, что болѣе всего гармонируютъ съ нашими чувствами линіи не съ слишкомъ большими и не съ слишкомъ малыми загибами. Итакъ кривая линія есть лучшее выраженіе движенія въ пространствѣ; когда она замкнута сама въ себѣ, какъ напримѣръ, въ шарѣ или овальной формѣ, то глазъ, не видя ни начала, ни конца линіи, получаетъ еще сильнѣйшее ощущеніе движенія; поэтому кругъ и шаръ и называютъ выраженіемъ безконечнаго. Замѣчательно, что движеніе звука и свѣта происходитъ тоже по кривымъ, волнообразнымъ линіямъ; и какъ въ музыкальныхъ тонахъ волна идетъ за волной, дѣйствуя на чувства своимъ равномѣрнымъ движеніемъ, такъ и формы гармони-

* Uber die Verhältnisse des menschlichen Körpers. Krorip's Noticen aus dem Gebiete der Natur und Heilkunde. № 9. VIII B. И въ бюлетенѣ бельгійской академіи, гдѣ ясно видно, что онъ производилъ это изслѣдованіе и въ интересахъ искуства.

Digitized by Google

чески дѣйствуютъ на чувства постояннымъ присутствіемъ передъ глазомъ. Поэтому, чтобы какая-нибудь форма или рисунокъ понравились, недостаточно бросить на нихъ бѣглый взглядъ, нужно въ нихъ всмотрѣться: нигилисты потому не понимаютъ красоты, что бросаютъ на все поверхностный взглядъ. Живописцы въ особенности одарены способностію схватывать изгибы кривыхъ линій и переносить ихъ въ точности на бумагу и полотно: на этой особенной воспріимчивости глаза основано искуство копированія формъ. Способность эта относится также и къ смѣшенію красокъ и зависитъ вѣроятно отъ такой же возвышенной чувствительности нервовъ, какою условливается музыкальный слухъ.

Но формы сверхъ того дѣйствуютъ еще на насъ и повторяемостію; поэтому, напримѣръ, одинъ листъ на деревѣ не производитъ особеннаго впечатлѣнія на чувства, а множество листьевъ, покрывающихъ дерево, дѣйствуютъ гармонически: одинаковость очертанія листьевъ ивы или березы дѣйствуютъ подобно періодически движущимся волнамъ звука. Паралель между впечатлѣніями музыкальныхъ звуковъ и изящныхъ формъ поэтому очевидна. Кромѣ всего этого, повторяемость формъ и линій выражается еще симетріей. Листъ, плодъ, дерево, животное, человѣкъ—все подчинено законамъ симетріи, все большей частію состоитъ изъ двухъ симетрическихъ половинъ. Кривыя линіи, извиваясь по тѣлу, вездѣ удвоиваются: брови, половины губъ, носа, плечъ, ногъ, рукъ—во всемъ природа стремится къ тому, чтобы повторяемостію одной и той же формы или очертанія усилить впечатлѣніе. Формы болѣе круглыя и въ то же время симетричныя дѣйствуютъ пріятнѣе всего. Нѣтъ сомнѣнія, что и самый наконецъ характеръ кривой линіи, очерчивающей какую нибудь форму, имѣетъ свое самостоятельное дѣйствіе. У женщины, напримѣръ, всѣ линіи тѣла имѣютъ болѣе плавные изгибы, чѣмъ у мужчины; и какъ Гёте сравнивалъ картины сильной экспресіи съ твердыми аккордами музыки, а картины нѣжной обрисовки и колорита съ мягкими аккордами, такъ можно сравнить и характеръ линій и формъ мужчины и женщины съ двумя родами музыкальной гармоніи. Да они по смыслу природы и должны производить одинъ общій аккордъ, хотя въ дѣйствительности диссонансы.

Итакъ кривая линія, пропорціональность частей и симетрія ихъ входятъ въ основу всякаго явленія природы, гармонически дѣйствующаго на наши чувства. Не вездѣ только эти естественные элементы красоты имѣютъ одинаковое значеніе. Такъ въ архитектурѣ готической и архитектурѣ древнихъ грековъ законъ пропорціональности или законъ золотого разрѣза примѣнимъ съ величайшею точностію; въ романской же архитектурѣ пропор-

Digitized by Google

ціональностей частей зданія уже не обнаруживается съ математической точностію; въ устройствѣ человѣческаго тѣла и въ произведеніяхъ скульптуры подвергается еще бо́льшимъ видоизмѣненіямъ, какъ того и требуетъ разнообразіе органическихъ формъ. Причина этой видоизмѣняемости заключается въ томъ, что въ куполы романской архитектуры и скульптурныя произведенія входитъ кривая линія, какъ новый эстетическій элементъ. Вундтъ поэтому неправъ, когда говоритъ, что романская архитектура менѣе совершенна готической и классической на томъ основаніи, что законъ пропорціи обнаруживается въ романской не съ такою точностію. Гдѣ входитъ кривая линія, тамъ уже невозможно математическое однообразіе. Кривая линія, какъ выраженіе свободнаго движенія, есть именно тотъ моментъ или путь, которымъ природа, не отступая отъ правильныхъ нормъ, придаетъ жизненность мертвой матеріи: клѣточка, зародышевый пузырекъ, яйцо, листъ дерева, формы тѣла—все заключено въ сферѣ кривыхъ линій, вращающихся около прямолинейныхъ геометрическихъ фигуръ—трехугольниковъ, четырехугольниковъ, пирамидъ и т. д. Гогартъ поэтому правъ былъ, придавая такое важное значеніе кривой линіи въ актѣ эстетическаго впечатлѣнія.

Послѣ всего нами здѣсь сказаннаго можно, какъ кажется, опредѣлительно сказать, что сущность гармоническихъ сочетаній звуковъ, красокъ и формъ условливается тремя причинами. Вопервыхъ, періодичностію и повторяемостію—въ архитектурѣ и скульптурѣ это выражается симетріею; въ музыкѣ—маятнико-образными колебаніями волнъ воздуха; въ живописи—такими же движеніями эфира. Вовторыхъ, гармоническія сочетанія условливаются, какъ доказалъ Цейзингъ, пропорціональностію частей: въ скульптурѣ и архитектурѣ это выражается золотымъ разрѣзомъ, въ музыкѣ—простотою числовыхъ отношеній длины струнъ и скорости колебаній, вслѣдствіе чего волны воздуха или сталкиваются, или производятъ равномѣрное гармоническое движеніе. Втретьихъ, наконецъ, эстетическое впечатлѣніе условливается свободою и разнообразіемъ движенія, неотступающаго отъ нормы, какъ доказалъ Кетле: этого природа достигаетъ посредствомъ кривыхъ линій; и звукъ, и свѣтъ, и матерія формъ все движется по кривымъ линіямъ. Основы музыки, живописи и скульптуры поэтому въ сущности одиѣ и тѣ же. Объективная причина ихъ несходства заключается въ томъ, что у человѣка не одно, а нѣсколько чувствъ, и что каждымъ изъ чувствъ онъ особо воспринимаетъ гармонію природы. Въ музыкѣ онъ эту гармонію слышитъ, въ живописи видитъ, въ скульптурѣ какъ-бы осязаетъ. Въ природѣ, нѣтъ сомнѣнія, существуютъ гармоническія и негармоническія сочетанія звуковъ, цвѣтовъ и формъ; человѣкъ

Digitized by Google

по врожденной способности усвоиваетъ болѣе гармоническія—и въ этомъ основа искуствъ. Если основа эта такъ неразрывно связана съ натурою вещей и устройствомъ человѣческаго организма, то можно-ли послѣ того предполагать, чтобы искуства не имѣли великаго прогресивнаго значенія?... Какого рода это значеніе—мы надѣемся объяснить въ слѣдующей статьѣ, гдѣ будетъ тоже по возможности показана и связь человѣческой рѣчи съ физическими явленіями міра и физіологическими основами голоса. Значеніе искуства, отношеніе его къ жизни, и будущая его роль тогда сами собою опредѣлятся.

Николай Соловьевъ.

Digitized by Google

ДѢТОПРОМЫШЛЕННИКИ.

(Изъ частнаго письма).

Въ послѣднихъ числахъ іюня мѣсяца, я, въ числѣ общихъ знакомыхъ, былъ приглашенъ лугскимъ помѣщикомъ А—вымъ на охоту. Доѣхавъ безъ всякихъ приключеній по варшавской желѣзной дорогѣ до станціи Серебрянской, мы пересѣли въ ожидавшіе насъ здѣсь экипажи, и черезъ три часа пріѣхали въ усадьбу А—ва. На другой день, чуть свѣтъ, мы всѣ уже были на ногахъ: кто осматривалъ и заряжалъ свое ружье, кто кормилъ собаку, а кто самъ подкрѣплялся завтракомъ на предстоящіе подвиги, и наконецъ, часовъ въ шесть, мы всѣ довольно многолюдною и шумною компаніей отправились къ ближнему лѣсу, въ которомъ и разбрелись въ разныя стороны. Правду говорятъ, что охота пуще неволи! Несмотря на то, что съ непривычки рано вставать глаза мои слипались и я на каждомъ шагу спотыкался о пни и сухія вѣтви деревьевъ, и что при малѣйшей неосторожности, каждое дерево обдавало меня съ ногъ до головы холодною утреннею росою, какъ частымъ дождемъ—я пробирался все далѣе и далѣе въ лѣсъ, и часа черезъ четыре зашелъ въ такую трущобу, что не зналъ, какъ изъ нея и выдти. Напрасно я трубилъ въ рогъ, напрасно кричалъ, что̀ было силы—ни одинъ изъ охотниковъ мнѣ не откликался, и вотъ съ сокрушеннымъ сердцемъ, философствуя о прелестяхъ охоты вообще, и о пристрастіи къ ней нашихъ помѣщиковъ въ особенности, я съ двухстволкою на плечѣ, снова пустился въ путь, и только уже къ полудню, усталый, измученный выбрался изъ лѣса, на какую-то низкую, во многихъ мѣстахъ затопленную водою поляну; направо передо мною синѣлось большое озеро, на низкомъ берегу котораго видны были семь или восемь крестьянскихъ избъ, а налѣво непрерывною черною лентою тянулся глухой боръ. Дѣлать было нечего; по колѣна въ водѣ, сильно припекаемый знойнымъ іюльскимъ солнцемъ, сталъ я пробираться къ деревушкѣ. Въ воротахъ деревни, меня встрѣтили три большія, мохнатыя, тощія собаки и залились сиплымъ лаемъ;

Digitized by Google

на лай собакъ прибѣжали два пяти или шестилѣтніе мальчика, въ короткихъ грязныхъ рубашкахъ, безъ шапокъ, сапогъ и невыразимыхъ. Взглянувъ на меня, мальчики съ громкимъ крикомъ: «Солдатъ! Солдатъ!», опрометью бросились бѣжать назадъ и, несмотря на мои призывы, скрылись за угломъ ближней избы. Пройдя половину деревни, я еще встрѣтилъ такого же мальчика; онъ на веревочкѣ таскалъ за собой старый лапоть, въ которомъ лежала пакля, тряпки и нѣсколько горячихъ углей: «Пахъ! пахъ! пахъ! Чугунка съ дымомъ идетъ!» кричалъ маленкій шалунъ и бѣгалъ въ припрыжку взадъ и впередъ около низенькой избушки, обложенной для тепла костригой и паклей.

— Зачѣмъ ты шалишь съ огнемъ? Пожаръ сдѣлаешь! сказалъ я, подходя къ нему.

— Да я ничего... въ чугунку балую, отвѣчалъ онъ, потупившись, и какъ-бы въ оправданіе свое добавилъ: — Катька и Матрешка спятъ!

Понявъ изъ этого отвѣта, что на него была возложена обязанность няньчить ребятишекъ, я спросилъ его, гдѣ же Катька и Матрешка.

— Да вона... въ избѣ... на порогѣ соснули... рѣпой баловали, отвѣчалъ онъ, указавъ пальцемъ на двери избушки, и въ припрыжку таща за собой тлѣвшій лапоть, вбѣжалъ на крыльцо избушки.

Я вошелъ вслѣдъ за нимъ, затопталъ ногой огонь въ лаптѣ, и отворивъ дверь въ избу, увидѣлъ спавшихъ на полу, двухъ, трехъ или четырехлѣтнихъ дѣвочекъ; подлѣ одной изъ нихъ сидѣлъ большой черный котъ, и навостривъ уши, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ ея громкому сопѣнію. Отогнавъ кота, я спросилъ мальчика, что это—твои сестры?

— Ни, какія сестры? Катька да Матренка! отвѣчалъ онъ, попрежнему смотря въ землю.

— Чьи же это дѣти?

— Да воспитанки.

— Изъ воспитательнаго дома? спросилъ я.

— Изъ Питера мамка привезла... Матренка горазъ серчаетъ, какъ скажутъ ей: штыкова родня!... А Катька не даетъ и косу себѣ стричь, продолжалъ разговорившійся мальчикъ.

— Зачѣмъ же ей косу стригутъ?

— Да такъ приказано... Воспитанкамъ всѣмъ косы рѣжутъ, такъ стрижками и ходятъ. Всѣ ихъ и зовутъ стрижками, да штыковой родней... Катька, какъ обрѣжутъ ей косу, дня четыре благимъ матомъ оретъ, и на улицу не идетъ...

— Много у васъ воспитанокъ въ деревнѣ?

Digitized by Google

— Да у всѣхъ взято по двѣ, да по три; вѣдь за нихъ деньги платятъ! Тётка Апроська, на той недѣли привезла себѣ изъ Питера другого воспитанка—вотъ такого махонькаго—мальчикъ отмѣрилъ отъ земли рукою четверть аршина:—у него еще зубовъ во рту нѣтъ, а глаза такіе чорные какъ у зайца... да мамка баитъ, что онъ не выживетъ, умретъ!

— Отчего же не выживетъ?

— Да у тётки Апроськи коровушки нѣту, то кормить его нечѣмъ; вечоръ она просила у Андрюшки молока, да онъ ей не далъ, баитъ у меня у самаго три воспитанка, самому на нихъ молока не набраться!

— Развѣ Апроська своего воспитанника не грудью кормитъ?

— Ни, сама не кормитъ ни Ваську, ни махонькаго.

— А Васька кто?

— Да другой ея воспитанка.

— Большой?

— Ни, тоже махонькій, еще ползаетъ, позавчера залѣзъ подъ крыльцо, да его тамъ чуть свиньи не съѣли, всю рубаху на немъ изорвали, и руку въ двухъ мѣстахъ поцарапали...

— Отчего же Апроська своихъ воспитанниковъ сама не кормитъ?

— Да у нея свой Пахомка есть, тоже махонькій, такъ она его кормитъ.

— А воспитанниковъ чѣмъ?

— Да самаго-то махонькаго калиной все поитъ, а Васькѣ хлѣбушко жуетъ да даетъ.

— Зачѣмъ же она набрала воспитанниковъ, когда ей нечѣмъ кормить? сказалъ я какъ-то невольно.

— Да, мамушка баитъ: что за нихъ деньги платятъ! отвѣчалъ мальчикъ.

Ненужно было и спрашивать: извѣстное дѣло, что всѣ въ мірѣ пакости дѣлаются изъ-за денегъ!...

Простившись съ мальчикомъ, и посовѣтовавъ ему не шалить огнемъ, а няньчить своихъ воспитанницъ, я вышелъ на улицу; но пройдя три или четыре избы, я услышалъ въ одной изъ нихъ дѣтскіе голоса, и заглянулъ въ окно. На грязномъ полу избы, вокругъ большой деревянной чашки, до половины наполненной кислымъ молокомъ, сидѣли четверо маленькихъ дѣтей; одинъ изъ нихъ былъ вооруженъ деревянною ложкою, которою онъ собирался зачерпнуть изъ чашки молока, но прочія дѣти всѣ тянулись къ нему, и старались вырвать у него ложку. Обладатель ложки храбро защищался отъ нападающихъ, и безпрестанно колотилъ ихъ ложкою то по рукамъ, то по лбамъ. Черезъ минуту сцена

Digitized by Google

перемѣнилась: чашка съ молокомъ была опрокинута на полъ, и дѣти, вцѣпившись другъ другу въ волоса, катались въ молокѣ и грязи съ неистовыми криками; самый маленькій изъ нихъ, покраснѣвшій какъ ракъ, кричалъ громче всѣхъ. Я котѣлъ войти въ избу и примирить маленькихъ враговъ, но дверь избы оказалась запертою снаружи большимъ замкомъ, и потому примиреніе не состоялось, и я пошелъ далѣе.

Въ концѣ улицы, у низенькаго полуразвалившагося колодца, я снова увидѣлъ цѣлую группу маленькихъ дѣтей. Всѣ они были едва прикрыты короткими, неимовѣрно грязными рубашками; прочихъ принадлежностей костюма ни на комъ не было! Нѣкоторыя изъ этихъ крошекъ копались въ землѣ, втыкая въ нее прутья и палки; другія о чемъ-то между собою ссорились, и бросали другъ другу въ лицо пескомъ, а два мальчика, перевѣсившись на срубъ колодца, бросали въ него камешки. Присматриваясь издали къ дѣтямъ, я между ними, по обрѣзаннымъ коротко волосамъ, сейчасъ же отличилъ пять или шесть воспитанницъ. Тяжело было смотрѣть на этихъ крошекъ, невольно думалось: бѣдныя дѣти, вы заброшены въ глушь, живете безъ присмотру какъ дикіе волчаты, благодаря вашимъ жаднымъ кормилицамъ, терпите холодъ, голодъ и всевозможныя оскорбленія, а между тѣмъ у многихъ изъ васъ есть отцы и матери, разъѣзжающіе по Петербургу въ дорогихъ экипажахъ, проживающіе десятки тысячъ въ годъ! А вы несчастные, плоды ихъ разврата, или искренней страстной любви, съ самаго дня рожденія, вплоть до самой могилы, обречены ими на всеобщее униженіе и потовый тяжкій трудъ!... Грустныя размышленія мои были прерваны появленіемъ низенькой, сгорбившейся старушки, которая маленькими торопливыми шагами спѣшила куда-то.

— Здравствуй, бабушка! сказалъ я ей, когда она поровнялась со мною.

— Натучиваетъ, батюшка, натучиваетъ! отвѣчала она, не разслышавъ вѣроятно моихъ словъ.

— Зачѣмъ вы дѣтямъ позволяете у колодца играть? продолжалъ я, указывая на колодезь.

— Тонутъ, батюшка, тонутъ! Прошлый годъ Ястенъ парнишка упалъ въ колодецъ, такъ и не вытащили!... Тонутъ! желанный, тонутъ! и старушка поплелась далѣе.

Я горько улыбнулся ея наивнымъ отвѣтамъ, забросилъ свою двустволку за плечи, и пошелъ вонъ изъ деревни.

Пройдя версты полторы, на полосѣ, засѣянной рожью, я увидѣлъ двухъ жницъ: одна изъ нихъ была пожилая женщина съ рябымъ, некрасивымъ лицомъ, а другая молодая, лѣтъ восем-

Digitized by Google

надцати или девятнадцати, и очень недурная собою, съ правильнымъ, но чуть-чуть вздернутымъ кверху носикомъ, и большими, совершенно голубыми глазами. Обѣ женщины были въ бѣлыхъ, довольно тонкихъ и чистыхъ рубашкахъ, расшитыхъ по рукавамъ и подоламъ краснымъ кумачомъ.

— Богъ помощь! сказалъ я, подходя къ нимъ.

— Надо божей помощи! отвѣчали онѣ въ одинъ голосъ, и переставъ жать, оглядѣли меня съ ногъ до головы.

— Видно, въ лѣсу на охотѣ былъ? спросила меня старшая.

— Да, былъ на охотѣ, а потомъ заходилъ въ вашу деревню; хотѣлъ молока напиться, да никого не нашелъ въ деревнѣ кромѣ дѣтей.

— Теперь, баринушко, не такое время, чтобъ сидѣть въ избѣ; дома у насъ одни только малые ребята, отозвалась молодая женщина.

— Да и какъ ихъ много въ вашей деревнѣ! сказалъ я.

— Есть-таки, отвѣчала она, слегка усмѣхнувшись: — вѣдь у насъ все больше набраны воспитанки изъ воспитательнаго дома.

— А по скольку вамъ платятъ за воспитаніе каждаго ребёнка?

— Да за каждаго махонькаго, грудного, по три рубля серебромъ въ мѣсяцъ, а за годового по два рубля.

— Плата хорошая, замѣтилъ я.

— Вѣстимо хороша, да за то, баринушко, сколько ихъ у насъ и набрано: почитай, въ каждой семьѣ по два, да по три младенца.

— Развѣ у васъ въ каждой семьѣ есть кормилицы?

— Ни, баринушко; въ нонѣшнемъ-то году, у насъ только три родильницы было во всей деревнѣ.

— Такъ какъ же вамъ надавали столько грудныхъ дѣтей?

— А у насъ, баринушко, между собою уговоръ положенъ: что какая баба ни родитъ, такъ сейчасъ же и должна брать воспитанковъ для себя и для сосѣдей; въ нонѣшнемъ году беретъ одна, а въ будущемъ другая, такъ они у насъ и не переводятся!

— Но вѣдь въ воспитательномъ домѣ каждой родильницѣ больше одного воспитанника не даютъ?

— Оно точно, что одной по ея пашпорту больше одного не даютъ! Да за то, баринушко, у насъ кто изъ бабъ ѣдетъ за воспитанкомъ, такъ беретъ отъ сусѣдокъ три-четыре пашпорта, на каждый пашпортъ и беретъ по ребёнку.

— Какъ же это такъ?

— Да, значитъ, баринушко, одинъ день придетъ въ воспитательную контору со своимъ пашпортомъ, ну, дохторъ тамъ али кто другой, посмотритъ грудь, молоко есть и выдастъ ей воспитанка; вотъ она на другой день придетъ съ другимъ паш-

Digitized by Google

портомъ, опять ее осмотрятъ и дадутъ другого воспитанка, а на третій пашпортъ, третьяго, такъ и везетъ въ деревню вмѣсто одного трехъ и раздаетъ сусѣдямъ.

— А развѣ ее не узнаютъ въ воспитательномъ домѣ, какъ она, та же самая придетъ за вторымъ или третьимъ воспитанникомъ?

— Ну, гдѣ дохтору узнать—мало ль насъ перебываетъ; фельшеръ-то, пожалуй, иной разъ и узнаетъ; ну, такъ ему на каждаго воспитанка такъ и везутъ два цѣлковыхъ, а дохторамъ гдѣ узнать: иной весь старый такой, что почитай и самъ-то себя не узнаетъ въ зеркалѣ! Баба разсмѣялась.

— Да, поди толкуй, старый! отозвалась другая жница постарше:—вотъ Алёнка баила: что когда она ѣздила за своей воспитанкой-то, такъ старый-то узналъ ее—прошлаго года вишь была—да и баитъ ей: «приходи, голубушка, ко мнѣ вечеромъ, я тебѣ денегъ дамъ на дорогу!»

— Что жь, Алёнка и ходила къ нему? спросила, усмѣхаясь, молодая жница.

— Баитъ, что не ходила, а свинью они купили, какъ только воротилась съ Питера! отвѣчала ѣдко разскащица.

— Бѣда и пригожей-то на свѣтѣ народиться! сказала, смѣясь, вторая жница.

— Скажите же, пожалуйста, чѣмъ же выкармливаютъ грудныхъ дѣтей семьи, въ которыхъ нѣтъ родильницъ? спросилъ я.

— А чѣмъ, баринушко? у кого есть коровушки, тѣ, извѣстно дѣло, молокомъ, а у кого нѣтъ ихъ, то выпаиваютъ калиной али звѣробоемъ.

— Да вѣдь отъ этихъ травъ ребёнокъ не будетъ сытъ?

— Извѣстно, не будетъ, многіе и умираютъ, а иные такъ выпаиваются и калиной, кому Богъ какой вѣкъ дастъ!

— Ну, а розданныхъ по деревнямъ дѣтей развѣ послѣ ужь никто не осматриваетъ?

— Какъ, баринушко, не осматриваютъ? Осматриваютъ! кажиный мѣсяцъ изъ Питера, въ волосную контору дохторъ ѣздитъ и мы со всѣхъ деревень носимъ ему воспитанковъ показывать.

— Ну, какъ же тѣ семьи дѣлаютъ, въ которыхъ нѣтъ родильницъ?

— Да дохтора-то, баринушко, почитай кажиный мѣсяцъ ѣздятъ все разные, такъ ихъ-то обманывать нетрудно; кто ни принеси къ нимъ ребёнка, имъ все равно.

Поговоривъ еще нѣсколько минутъ съ «дѣтопромышленницами» и разспросивъ ихъ о дорогѣ къ усадьбѣ А—ва, я снова отправился въ путь и во все время думалъ, неужто онѣ правду говорили?

Н. Ф. Са—чъ.

Digitized by Google

НАШЪ ВЗАИМНЫЙ ДРУГЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

XVII.

Общественный хоръ.

Изумленіе, самое полное изумленіе выразилось на лицахъ всѣхъ знакомыхъ мистера и мистрисъ Ламль, когда громадное объявленіе о продажѣ съ публичнаго торга ихъ мебели и вещей было прибито на домѣ въ Саквиль-Стритѣ. Но никто такъ не изумленъ какъ Гамильтонъ Венирингъ, эсквайръ, членъ парламента, который тотчасъ начинаетъ сознавать, что Ламли — единственные люди, вошедшіе въ его сердечный списокъ, не *бывъ* его самыми старыми и закадычными друзьями. Мистрисъ Венирингъ, жена члена парламента, какъ вѣрная жена, вполнѣ раздѣляетъ какъ изумленіе, такъ и новое сознаніе ея мужа. Быть можетъ, Венирингъ оттого такъ предались изумленію, что считаютъ это необходимымъ для поддержанія своей собственной репутаціи, ибо говорятъ, что однажды какія-то важныя особы въ Сити покачали головою, когда при нихъ упомянули о большихъ дѣлахъ и громадномъ богатствѣ Венирингa. Во всякомъ случаѣ, мистеръ и мистрисъ Венирингъ не могутъ найдти словъ для выраженія своего изумленія, и очевидно, видятъ себя въ необходимости дать по этому случаю обѣдъ своимъ истинно-старымъ и закадычнымъ друзьямъ.

Мало по малу утвердилось всеобщее убѣжденіе, что Венирингъ обязаны давать обѣдъ ради всякаго важнаго или неважнаго событія. Лэди Типинсъ постоянно находится въ хроническомъ состояніи сборовъ на обѣдъ Вениринговъ и потомъ въ хроническомъ состояніи воспаленія, происходящемъ отъ этихъ обѣдовъ. Бутсъ и Брюэръ разъѣзжаютъ взадъ и впередъ въ кэбахъ, безъ всякой другой видимой причины, кромѣ вербованія какъ можно болѣе на-

Digitized by Google

рода на обѣды Вениринговъ. Самъ Вениринг разставляетъ западни своимъ собратьямъ-депутатамъ въ парламентѣ и ловитъ ихъ на свои обѣды. Мистрисъ Вениринг вчера угощала за своимъ столомъ около двадцати-пяти новыхъ, незнакомыхъ ей людей; сегодня она ѣдетъ къ нимъ ко всѣмъ съ визитомъ; завтра посылаетъ приглашеніе на обѣдъ черезъ двѣ недѣли, а прежде чѣмъ этотъ обѣдъ еще успѣлъ сварится въ желудкѣ, она дѣлаетъ визиты братьямъ и сестрамъ, сыновьямъ и дочерямъ, племянникамъ и племянницамъ, дядямъ и тѣткамъ, двоюроднымъ братьямъ и двоюроднымъ сестрамъ всѣхъ этихъ двадцати-пяти человѣкъ и приглашаетъ ихъ на новый обѣдъ. И все же, однако, какъ было прежде, такъ и теперь, несмотря на расширеніе обѣдами круга знакомства, всѣ гости Вениринговъ ѣздятъ къ нимъ съ тѣмъ, чтобъ пообѣдать другъ съ другомъ, а никакъ не съ хозяиномъ или хозяйкой, чего никому не входитъ въ голову.

Быть можетъ, Вениринг понялъ на практикѣ, что эти обѣды, хотя и очень дорого обходятся, но приносятъ доходъ тѣмъ, что увеличиваютъ количество его сторонниковъ. Такъ не одинъ же въ свѣтѣ мистеръ Подзнапъ, представительный человѣкъ, стоитъ горою за своихъ друзей не изъ любви къ нимъ, но ради собственнаго достоинства, дабы унижая его знакомыхъ не унизить и его самого. Золотые и серебряные верблюды и вазы для шампанскаго, и всѣ остальныя украшенія стола представляютъ блестящую выставку, и «когда я, Подзнапъ, думаетъ онъ, говорю гдѣ нибудь, что я въ прошлый понедѣльникъ обѣдалъ въ обществѣ великолѣпныхъ верблюдовъ, то нахожу для себя лично оскорбительнымъ, если кто нибудь замѣтитъ, что у этихъ верблюдовъ изломанныя ноги или вообще что въ нихъ что нибудь неладно и подозрительно. Я самъ не дѣлаю выставокъ верблюдовъ, я выше подобныхъ штукъ, я человѣкъ положительный, но эти верблюды наслись подъ моими глазами, и какъ вы смѣете, милостивый государь, подозрѣвать, чтобъ свѣтъ моихъ глазъ могъ падать не на совершенныхъ, настоящихъ верблюдовъ».

Верблюды полируются теперь въ буфетѣ аналитическаго химика для предстоящаго обѣда, по случаю неожиданнаго разоренія Ламлей, между тѣмъ, какъ мистеръ Твемло, сидя на диванѣ въ своей квартирѣ въ Сент-Джемсѣ, чувствуетъ себя какъ-то неловко, принявъ около полудня двѣ пилюли, которыя, если вѣрить объявленію на коробкѣ и во всѣхъ газетахъ, «чрезвычайно полезны, какъ предостереженіе отъ дурныхъ послѣдствій, часто сопровождающихъ удовольствіе роскошнаго стола». Пока онъ чувствовалъ непріятное сознаніе чего-то клейкаго, медленно опускающагося въ

Digitized by Google

его желудкѣ, неожиданно вошелъ въ комнату лакей и доложилъ, что какая-то дама желаетъ его видѣть.

— Дама! воскликнулъ Твемло, приглаживая свои волосы: — спроси, какъ ее зовутъ?

Имя этой дамы было мистрисъ Ламль. Она говорила, что не задержитъ мистера Твемло болѣе чѣмъ на нѣсколько минутъ, и была увѣрена, что мистеръ Твемло ее приметъ, если узнаетъ, кто она; потому что дама очень просила лакея не перепутать ея имя. Она послала бы свою карточку, но у ней не было ея съ собою.

— Просите эту даму, сказалъ Твемло, и черезъ нѣсколько минутъ дама вошла въ комнату.

Маленькая квартира Твемло очень скромно мёблирована въ старинномъ вкусѣ, на подобіе комнаты экономки въ Снигсвортскомъ замкѣ, и лишена всякаго рода украшеній, кромѣ большой гравюры, изображающей во весь ростъ великаго Снигсворта, опирающагося на мраморный цоколь и со свиткомъ въ рукахъ, что̀ придаетъ ему видъ спасителя отечества.

— Пожалуйста, присядьте, мистрисъ Ламль, говоритъ Твемло. Мистрисъ Ламль садится и такъ начинаетъ разговоръ:

— Вы, конечно, мистеръ Твемло, уже слышали о несчастной перемѣнѣ, происшедшей въ нашемъ положеніи, ибо ничто такъ быстро не распространяется особенно между друзьями, какъ непріятныя вѣсти.

Твемло вполнѣ соглашается съ мистрисъ Ламль, особенно вспомнивъ предстоящій обѣдъ Венирингов̀ъ.

— Это вѣроятно васъ не такъ удивило, какъ нѣкоторыхъ другихъ, продолжала мистрисъ Ламль: — послѣ того, что̀ произошло между нами въ домѣ, гдѣ теперь не осталось ни ложки, ни плошки. Я осмѣлилась васъ безпокоить своимъ посѣщеніемъ, мистеръ Твемло, чтобы прибавить еще кое-что въ родѣ постскрипта къ тому, что̀ было говорено мною въ тотъ вечеръ.

Блѣдныя, исхудалыя щоки мистера Твемло еще болѣе исхудали и вытянулись при мысли о новомъ усложненіи и безъ того уже затруднительнаго положенія.

— Увѣряю васъ, мистрисъ Ламль, произнесъ безпокойнымъ тономъ маленькій джентльменъ: — я васъ увѣряю, что почелъ бы за одолженіе съ вашей стороны, еслибъ вы не пускались со мною на новыя откровенности. Одна изъ цѣлей моей жизни, хотя, увы, ихъ немного и было, всегда заключалась въ томъ, чтобъ держать себя въ сторонѣ отъ всякихъ интригъ и не вмѣшиваться въ чужія дѣла.

— Мой постскриптъ, чтобъ держаться моего выраженія, отвѣчала мистрисъ Ламль, устремивъ глаза на Твемло: — именно соотвѣт-

Digitized by Google

ствуетъ вашимъ словамъ. Я ни мало не намѣрена безпокоить васъ какой нибудь новой откровенностью, но хочу только напомнить вамъ, въ чемъ состояла старая. Я не хочу просить вашего вмѣшательства въ чужія дѣла, но желаю лишь, чтобъ вы сохранили строгій нейтралитетъ.

— Я конечно не могу отказать, отвѣчалъ Твемло: — выслушать то, что̀ вы хотите мнѣ сказать о прошломъ. Но позвольте мнѣ еще разъ попросить васъ не пускаться ни въ какія новыя откровенности.

— Я передала вамъ, сказала мистрисъ Ламль, снова устремляя на него глаза: — нѣчто, которое вы должны были передать въ свою о̀чередь извѣстному лицу.

— Что̀ я и сдѣлалъ, сказалъ Твемло.

— За что я вамъ и благодарна, хотя, право, не знаю, зачѣмъ я это дѣлала, ибо эта дѣвчонка оказалась ужасной дурой. Развѣ только потому, что я сама когда-то была глупой дѣвчонкой. Тутъ она очень равнодушно разсмѣялась, и видя съ удовольствіемъ, что ея холодный и рѣзкій образъ выраженія сильно дѣйствуетъ на Твемло, продолжала въ томъ же тонѣ: — мистеръ Твемло, если вамъ когда нибудь случится увидѣть, что я или мужъ мой или мы оба пользуемся милостью и довѣріемъ кого нибудь — то вы не имѣете права употребить противъ насъ то знаніе, которое вы пріобрѣли, только для извѣстной цѣли, уже вполнѣ достигнутой. Вотъ, что̀ я хотѣла вамъ сказать. Это не требованіе съ моей стороны, а простое напоминаніе.

Твемло, ничего не отвѣчая, молча проводитъ рукой по лбу.

— Это такъ просто, что я болѣе не скажу ни слова, продолжаетъ мистрисъ Ламль: — тѣмъ болѣе, что съ самаго начала довѣряла вашей честности.

Сказавъ это, она устремляетъ пристальный взглядъ на Твемло и не спускаетъ съ него глазъ до тѣхъ поръ, что онъ, пожавъ плечами, молча кланяется, словно говоря: да, я полагаю, вы имѣете право довѣриться моей честности.

— Я надѣюсь, что я сдержала слово, данное мною черезъ слугу, что я недолго васъ задержу. Прощайте, мнѣ нечего васъ болѣе безпокоить.

— Погодите! произнесъ Твемло, вставая: — я не искалъ васъ, сударыня, а вы меня отыскали; но уже если вы здѣсь, позвольте мнѣ сказать вамъ два слова. Было ли достойно, говоря по строгой честности, послѣ нашихъ дѣйствій противъ мистера Фледжеби, называть его милымъ, закадычнымъ другомъ и просить у него огромной услуги? Я не утверждаю, что вы это сдѣлали, но мнѣ такъ говорили.

Digitized by Google

— Это онъ вамъ сказалъ? отвѣчаетъ мистрисъ Ламль, смотря ему прямо въ глаза.

— Да.

— Странно, что онъ вамъ сказалъ правду, замѣтила мистрисъ Ламль, задумываясь:—но гдѣ случилось такое удивительное событіе?

Твемло колеблется; онъ гораздо ниже ростомъ и слабѣе характеромъ этой рѣшительной, рѣзко выражающейся женщины, и потому, видя этотъ контрастъ, сожалѣетъ въ душѣ, что онъ не принадлежитъ къ слабому полу, а мистрисъ Ламль къ сильному.

— Смѣю спросить, гдѣ это случилось, мистеръ Твемло? Конечно, я никому этого не скажу.

— Я долженъ сознаться, отвѣчаетъ очень медленно маленькій джентльменъ: — что мнѣ стало какъ-то неловко, когда мистеръ Фледжеби сказалъ мнѣ объ этомъ, и уже не зналъ куда дѣться, когда онъ очень любезно оказалъ мнѣ ту же услугу, которой вы у него просили.

Дорого стоило бѣдному Твемло произнесть послѣднія слова, но честный маленькій джентльменъ думалъ, что было бы подло принимать на себя видъ, будто онъ не находится въ такомъ же затруднительномъ положеніи, какъ она.

— Было ли заступничество мистера Фледжеби такъ же успѣшно въ вашемъ дѣлѣ, какъ въ нашемъ? спросила мистрисъ Ламль.

— Такъ же неуспѣшно.

— Можете вы рѣшиться и сказать мнѣ, гдѣ вы видѣли мистера Фледжеби?

— Извините пожалуйста; я нимало не намѣревался этого скрывать, но какъ-то до сихъ поръ не могъ выговорить. Я видѣлъ его въ одномъ мѣстѣ, то-есть я хочу сказать у мистера Ріа, подлѣ церкви св. Маріи.

— Вы имѣете несчастье быть въ рукахъ мистера Ріа?

— Да, сударыня, отвѣчаетъ Твемло: — единственный вексель, который я сдѣлалъ въ жизни (но, пожалуйста, не думайте, чтобъ я спорилъ о его законности, нѣтъ—онъ совершенно правильный и законный), находится въ рукахъ мистера Ріа.

— Мистеръ Твемло, произноситъ мистрисъ Ламль, встрѣчаясь глазами съ маленькимъ джентльменомъ, который бы и радъ отвернуться да не смѣетъ:—онъ въ рукахъ мистера Фледжеби. Мистеръ Ріа здѣсь только маска. Я вамъ говорю, что вашъ вексель въ рукахъ самого Фледжеби. Это предостереженіе можетъ вамъ послужить въ пользу, хотя бы для того, чтобъ не судить другой разъ о чужихъ людяхъ по своей собственной честности.

— Невозможно! воскликнулъ Твемло, въ изумленіи:—почему вы это знаете?

Digitized by Google

— Я право не понимаю, какъ я дошла до этого заключенія, но въ моей головѣ вдругъ блеснула эта мысль

— О! такъ у васъ нѣтъ никакихъ доказательствъ?

— Странно, воскликнула мистрисъ Ламль, очень рѣзко и презрительно: — какъ похожи всѣ мужчины другъ на друга въ иныхъ вещахъ. Трудно найдти такихъ рѣзкихъ контрастовъ по характеру, какъ вы и мой мужъ, однако мой мужъ сказалъ то же самое: — а! такъ у васъ нѣтъ никакихъ доказательствъ?

— Но почему мы оба сказали одно и то же? старался объяснить Твемло: — потому что фактъ одинъ и тотъ же — потому что дѣйствительно у васъ нѣтъ никакихъ доказательствъ.

— Мужчины умны на свой ладъ, произноситъ торжественно мистрисъ Ламль, гордо смотря на портретъ Снигсворта: — но имъ не мѣшаетъ у насъ кое чему поучиться. Мой мужъ, который нельзя сказать, чтобъ былъ очень довѣрчивымъ или неопытнымъ человѣкомъ, не видитъ того, что̀ ясно какъ день — только потому, что нѣтъ доказательствъ. Вы, мистеръ Твемло, дѣлаете то же, а изъ шести женщинъ, конечно, пять тотчасъ бы взглянули на дѣло моими глазами. Впрочемъ, я намѣрена (хотя бы въ воспоминаніе того, что мистеръ Фледжеби поцаловалъ мою руку) употребить всевозможныя средства, чтобъ убѣдить моего мужа въ превосходствѣ моего взгляда. А вы бы хорошо сдѣлали, еслибъ тотчасъ мнѣ повѣрили, хотя у меня и нѣтъ доказательствъ; я убѣждена, что это вамъ было бы очень полезно.

Съ этими словами она приближается къ дверямъ и мистеръ Твемло, провожая ее, выражаетъ надежду, что дѣла мистера Ламля еще поправятся.

— Я не знаю, это зависитъ отъ обстоятельствъ, говоритъ мистрисъ Ламль, обводя своимъ зонтикомъ узоры обоевъ на стѣнѣ:— можетъ быть, ему откроется здѣсь мѣсто, а можетъ быть, и нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы совсѣмъ банкроты и придется ѣхать за границу.

Мистеръ Твемло очень добродушно замѣчаетъ, что за границей очень весело и пріятно жить.

— Да, отвѣчаетъ мистрисъ Ламль, продолжая чертить зонтикомъ по стѣнѣ:—но я сомнѣваюсь, чтобъ было весело жить, наживая хлѣбъ картежной или биліардной игрою.

Слова эти очень непріятно поражаютъ Твемло, но онъ все же съ удивительной любезностью замѣчаетъ, что для мистера Ламля огромное счастье имѣть вѣчно при себѣ жену, которая такъ привязана къ нему и можетъ удержать его отъ разорительныхъ или недостойныхъ привычекъ.

— Удержать? воскликнула мистрисъ Ламль: — да вѣдь, мистеръ

Digitized by Google

Твемло, мы должны ѣсть и пить. Такъ привязана къ нему? Насчетъ этого нечѣмъ хвастаться. Мы женясь обманули другъ друга, и теперь должны нести послѣдствія нашего обмана—то-есть должны вмѣстѣ интриговать ради сегодняшняго обѣда и завтрашняго чая—до тѣхъ поръ, пока смерть не разлучитъ насъ.

Съ этими словами она вышла изъ комнаты, а мистеръ Твемло, возвратясь на свой диванъ, опускается на скользкій, кожаный валикъ и предается горькому размышленію, что непріятный разговоръ вѣроятно не подѣйствуетъ хорошо на пилюли, которыя столь полезны для людей, злоупотребляющихъ удовольствіями роскошнаго стола.

Однако къ шести часамъ почтенный джентльменъ чувствуетъ себя гораздо лучше, и надѣвъ свои шелковые чулки и бальные башмачки, отправляется пѣшкомъ на обѣдъ Венирингов.

Типинсъ, божественная Типинсъ, къ этому времени дообѣдалась до того, что судя по ея окаменѣлому мозгу, всякій благомыслящій человѣкъ пожелалъ бы ей для спасительной перемѣны болѣе не обѣдать, а поужинавъ лечь спать. Такъ думаетъ мистеръ Юджинъ Вребурнъ, который при входѣ Твемло въ гостиную Венирингов мрачно и безмолвно смотритъ на Типинсъ, пока та очень весело подсмѣивается надъ нимъ, увѣряя, что шерстяной мѣшокъ лорда-канцлера давно его дожидается. Это вѣчно веселое созданіе шутитъ также и съ Мортимеромъ Лайтвудомъ и граціозно ударяетъ его своимъ вѣеромъ за то, что онъ былъ шаферомъ на свадьбѣ этихъ, какъ ихъ тамъ зовутъ, которые теперь лопнули съ такимъ трескомъ. Впрочемъ, вѣеру и кромѣ этого много работы: онъ постукиваетъ по рукамъ и плечамъ почти всѣхъ мужчинъ, постукиваетъ съ такимъ страннымъ трескомъ, словно это постукиваютъ косточки самой лэди Типинсъ.

Новое поколѣніе закадычныхъ друзей Венирингов возникло съ тѣхъ поръ, что мистеръ Венирингъ для общественнаго блага согласился быть членомъ парламента. За этими друзьями очень ухаживаетъ мистрисъ Венирингъ, но объ нихъ говорятъ только, какъ объ астрономическихъ разстояніяхъ, въ общихъ, круглыхъ цифрахъ. Такъ Бутсъ говоритъ, что одинъ изъ нихъ подрядчикъ, который (по вѣрнымъ исчисленіямъ) даетъ занятіе прямымъ и косвеннымъ путемъ 500,000 людямъ. Брюэръ говоритъ, что другой изъ нихъ директоръ столькихъ компаній, разбросанныхъ во всѣхъ городахъ Англіи, что онъ никогда не дѣлаетъ въ недѣлю менѣе 3,000 миль. Буферъ говоритъ, что третій изъ нихъ не имѣлъ гроша годъ назадъ, а теперь, благодаря своему генію, подъ наитіемъ котораго онъ скупилъ безъ денегъ акціи, когда онѣ упали, и продалъ за деньги, когда онѣ поднялись—онъ имѣетъ теперь 375,000

Digitized by Google

капитала. Буферъ особливо напиралъ на цифру 75, и не хотѣлъ спустить ни гроша. Граціозная Типинсъ постоянно шутитъ съ Буферомъ, Бутсомъ и Брюэромъ, на счетъ этихъ отцовъ комерческой церкви, спрашивая ихъ, сдѣлаютъ ли ее отцы счастливой, если она влюбится въ нихъ и т. д. въ этомъ родѣ. Венирингъ также очень занятъ отцами, но конечно, въ другомъ родѣ: онъ набожно удаляется съ ними въ зимній садъ и оттуда только доносятся слова: комитетъ, опозиція и т. д.

Мистеръ и мистрисъ Подзнапъ, конечно, тутъ также на лицо, и отцы находятъ, что мистрисъ Подзнапъ—великолѣпная женщина. Она поэтому поручена попеченіямъ одного изъ отцовъ, именно Бутсову отцу, тому, который даетъ занятіе 500,000 людямъ. Отецъ этотъ за столомъ сидитъ рядомъ съ божественной Типинсъ, и та съ граціозной улыбкой спрашиваетъ его:

— Правда ли, что голубчики моряки ѣдятъ сырую говядину и пьютъ портеръ бочками?

Впрочемъ, эти любезности не ступневываютъ главной цѣли обѣда и всѣ мало по малу приходятъ къ тому убѣжденію, что необходимо затронуть и вопросъ, по случаю котораго они обѣдаютъ. Брюэръ наконецъ берется выразить общее мнѣніе.

— Я взялъ нынче кэбъ, говоритъ онъ громогласно:—и отправился на этотъ аукціонъ.

— И я также, повторяетъ Бутсъ, съѣдаемый завистью.

— И я также, подхватываетъ Буферъ, но на него уже никто не обращаетъ вниманія.

— Ну, что же? спрашиваетъ Венирингъ.

— Увѣряю васъ, отвѣчаетъ Брюэръ, оглядывая все общество, какъ-бы избирая достойное лицо, къ какому обратиться и останавливаясь наконецъ на Лайтвудѣ:—увѣряю васъ, вещи продавались за безцѣнокъ. Красивыя вещи; но никто ничего за нихъ не давалъ.

— Да, мнѣ говорили то же самое, произноситъ Лайтвудъ.

Брюэръ теперь проситъ позволенія обезпокоить такого знающаго человѣка, какъ Лайтвудъ вопросомъ: «какъ могли эти люди дойти до такого разоренія?»

Лайтвудъ отвѣчаетъ, что у него спрашивали совѣта, но онъ, конечно, не могъ посовѣтовать ничего такого, что́ могло бы уничтожить векселя, представленные ко взысканію; поэтому онъ не нарушаетъ никакой тайны, предполагая во всеуслышаніе, что они разорились отъ того, что жили выше своего состоянія.

— Но какъ это люди могутъ жить выше своего состоянія? спрашиваетъ Венирингъ.

Всѣ мгновенно чувствуютъ, что Венирингъ затронулъ самую чувствительную струну. Дѣйствительно, какъ люди могутъ жить

Digitized by Google

выше своего состоянія? Аналитическій химикъ, ходившій вокругъ стола съ шампанскимъ, такъ странно смотритъ на всѣхъ присутствующихъ, словно онъ могъ бы сказать, какъ люди живутъ выше своего состоянія, еслибы только захотѣлъ.

— Я не могу понять, произнесла мистрисъ Венирингъ, обращаясь къ тому изъ отцовъ, который дѣлалъ 3,000 миль въ недѣлю: — какъ можетъ мать спокойно смотрѣть на своего ребёнка, зная, что она живетъ выше состоянія ея мужа.

Юджинъ тутъ замѣчаетъ, что такъ-какъ у мистрисъ Ламль не было дѣтей, то ей не на кого и смотрѣть.

— Правда, отвѣчаетъ мистрисъ Венирингъ: — но вѣдь принципъ все тотъ же.

Бутсъ того мнѣнія, что дѣйствительно принципъ тотъ же; Буферъ также соглашается съ этимъ, но такая ужь вѣрно несчастная судьба Буфера, что онъ своимъ содѣйствіемъ губитъ всякое дѣло. Все остальное общество безмолвно приняло мнѣніе, что принципъ все тотъ же, пока Буферъ не подтвердилъ этого, но не успѣлъ онъ открыть ротъ, какъ поднялся общій говоръ, что принципъ не тотъ.

— Но я не понимаю, говоритъ отецъ, имѣющій 375,000 капитала:—вѣдь эти люди были приняты въ обществѣ?

Венирингъ объясняетъ, что они обѣдали у него, и онъ даже устроивалъ ихъ свадьбу.

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю, продолжаетъ вышеупомянутый отецъ:—какъ даже живя выше своего состоянія, они могли вдругъ лопнуть, ибо люди порядочные, принятые въ обществѣ, всегда въ состояніи пойти на сдѣлку съ кредиторами.

Юджинъ, находясь въ очень мрачномъ настроеніи, замѣчаетъ:

— Ну, положимъ, что вы не имѣете никакихъ средствъ и живете выше своего состоянія, на какую бы сдѣлку вы пошли съ кредиторами?

Это предположеніе слишкомъ унизительно, чтобъ упомянутый отецъ примѣнилъ его къ себѣ, и вообще всѣ присутствующіе съ презрѣніемъ отвергаютъ подобное невозможное предположеніе. Но обстоятельство, что люди, на видъ приличные, вдругъ совершенно лопнули, до того изумительно, что всякій считаетъ долгомъ объяснить это по своему. Одинъ изъ отцовъ говоритъ: карты; другой отецъ замѣчаетъ: пускался на спекуляціи, не понимая, что спекуляція наука; Бутсъ кричитъ: лошади; леди Типинсъ шепчетъ: содержалъ двухъ женщинъ. Мистеръ Подзнапъ одинъ только не говоритъ ничего, и потому всѣ пристаютъ къ нему, чтобы онъ выразилъ свое мнѣніе, что онъ и дѣлаетъ наконецъ очень сердитымъ, гнѣвнымъ тономъ:

Digitized by Google

— Не спрашивайте меня, говоритъ онъ:—я не хочу принимать никакого участія въ обсужденіи дѣлъ этихъ людей. Я отворачиваюсь съ презрѣніемъ отъ нихъ. Мнѣ непріятно объ нихъ думать, и я . . . . . И своимъ любимымъ жестомъ правой руки, мистеръ Подзнапъ уничтожаетъ навсегда непонятныхъ, низкихъ людей, которые жили выше своего состоянія и вдругъ лопнули на изумленіе всему міру.

Юджинъ, прислонившись къ спинкѣ своего стула, глубокомысленно смотритъ на мистера Подзнапа, и только что собирается выразить новое предположеніе, какъ неожиданно аналитическій химикъ, въ виду всей компаніи, вступаетъ въ борьбу съ кучеромъ, который порывается войдти въ комнату, съ серебрянымъ блюдомъ въ рукахъ, словно для сбора на жену и дѣтей. Но аналитическій химикъ мужественно заграждаетъ ему дорогу, и наконецъ кучеръ, который потерялъ все свое значеніе и силу сойдя съ козелъ, долженъ, наконецъ, преклониться передъ величественнымъ достоинствомъ аналитическаго химика; скрѣпя сердце, онъ отдаетъ подносъ своему побѣдителю и удаляется пристыженнымъ.

Тогда аналитическій химикъ, прочитавъ записку, лежавшую на подносѣ, съ серьёзнымъ видомъ цензора, поправляетъ ее, и выбравъ удобную минуту, подаетъ мистеру Юджину Вребурну. Шутливая Типинсъ при этомъ громко восклицаетъ:

— Лордъ-канцлеръ подалъ въ отставку!

Съ убійственнымъ хладнокровіемъ и медленностію, Юджинъ достаетъ лорнетку, обтираетъ стекла, надѣваетъ на носъ и съ большимъ трудомъ прочитываетъ записку. Все это онъ дѣлаетъ, чтобъ взбѣсить очаровательную Типинсъ, которая сгараетъ отъ любопытства, собственно же для себя онъ прочелъ записку въ одну секунду. Въ ней было всего только два слова: *молодой Блайтъ*, написанныя еще не совсѣмъ высохшими чернилами.

— Ждетъ? спрашиваетъ Юджинъ по секрету у аналитика.

— Ждетъ, такъ же отвѣчаетъ аналитикъ.

Юджинъ бросаетъ взглядъ на мистрисъ Венирингъ, ясно выражающій: позвольте встать, и выходитъ изъ залы. Въ сѣняхъ онъ находитъ молодого Блайта, писаря Мортимера.

— Вы сказали, чтобъ я привелъ его къ вамъ, гдѣ бы вы ни были, если онъ зайдетъ, когда васъ не будетъ дома, шопотомъ произнесъ юноша:—вотъ я его и привелъ.

— Молодецъ! гдѣ онъ?

— Онъ въ кэбѣ, у дверей, сэръ. Я полагалъ, что лучше его никому не показывать, ибо онъ весь дрожитъ какъ осенній листъ, замѣчаетъ Блайтъ.

— Молодецъ. Я пойду къ нему.

Digitized by Google

Съ этими словами Юджинъ выходитъ на улицу и облокачивается на открытое окно кэба, въ которомъ возсѣдаетъ мистеръ Куклинъ, весь объятый своей родной атмосферой рома.

— Ну, Куклинъ, проснитесь, говоритъ Юджинъ.

— Мистеръ Вребурнъ! Адресъ! Пятьнадцать шиллинговъ!

Внимательно прочитавъ нѣсколько разъ поданную Куклинымъ записку, и спрятавъ ее въ карманъ, Юджинъ начинаетъ отсчитывать деньги въ руку Куклина, но тотъ первую же монету швыряетъ въ окно, такъ что Юджинъ продолжаетъ уже класть деньги на сидѣніе подлѣ Куклина.

— Отвези его назадъ до Черинг-Кросса, молодецъ, и тамъ брось, говоритъ онъ Блайту, и возвращается въ столовую, но прежде чѣмъ войдти, останавливается у двери и слышитъ, какъ Тикинсъ восклицаетъ:—я умираю отъ любопытства узнать, зачѣмъ его вызвали.

— Неужели? произноситъ почти вслухъ Юджинъ: — такъ ты, значитъ, умрешь, если не узнаешь этой тайны? Въ такомъ случаѣ я буду благодѣтелемъ человѣчества и уйду. А мнѣ не мѣшаетъ пройтись по чистому воздуху и обдумать все хорошенько.

При этомъ лицо его принимаетъ серьёзное, задумчивое выраженіе и онъ, найдя свое пальто и шляпу, тихонько удаляется, незамѣченный никѣмъ.

Книга четвертая.

I.

Ловушка.

Былъ теплый, лѣтній вечеръ и Плашвотерскіе шлюзы представляли красивую, мирную картину. Легкій вѣтерокъ слегка колыхалъ зеленую листву деревъ и, какъ едва-замѣтная тѣнь, перебѣгалъ по высокой травѣ и гладкой поверхности рѣки. Гулъ падающей воды, подобно голосу моря и вѣтра, говорилъ много наблюдательному уму, но ничего не говорилъ онъ мистеру Ридергуду, который дремалъ, сидя на деревянномъ рычагѣ шлюзныхъ воротъ. Чтобъ разливать вино изъ бочки, надо прежде его туда влить, а такъ-какъ въ мистера Ридергуда никто и никогда не вдохнулъ сознательныхъ чувствъ, то, слѣдовательно, зрѣлища природы не могли вызвать въ немъ проявленіе этихъ чувствъ.

Сидя и дремля такимъ образомъ, Ридергудъ отъ времени до времени неожиданно терялъ равновѣсіе и, просыпаясь, сердито

Digitized by Google

огрызался, словно за неимѣніемъ на кого ворчать, онъ умѣлъ ворчать и на себя самого. Въ одну изъ такихъ минутъ на рѣкѣ раздался крикъ: «шлюзы! шлюзы!» и помѣшалъ ему снова задремать. Нѣчего было дѣлать; онъ потянулся, всталъ, и зарычавъ какъ дикій звѣрь, обернулся въ ту сторону, откуда несся крикъ.

Оказалось, что это кричалъ любитель-гребецъ, плывшій въ маленькой, легкой лодочкѣ; подойдя къ самымъ шлюзамъ, гребецъ всталъ и схватился руками за деревянную притолку шлюзныхъ воротъ. Между тѣмъ Ридергудъ сталъ дѣйствовать воротомъ и рычагомъ, чтобъ открыть ворота, и всмотрѣвшись ближе въ любителя-гребца, онъ легко узналъ въ немъ «другого господина», мистера Юджина Вребурна, который однако не узналъ его или потому, что былъ занятъ другими мыслями, или не обратилъ никакого вниманія на шлюзника.

Тяжелыя шлюзныя ворота со скрипомъ отворились и легкая лодочка проскользнула въ нихъ; потомъ онѣ съ тѣмъ же скрипомъ закрылись и лодочка поплыла внизъ по доку ко вторымъ воротамъ, поджидая, чтобъ вода поднялась и ее выпустила въ открытую рѣку. Побѣжавъ къ своему второму вороту и приводя его въ дѣйствіе, Ридергудъ замѣтилъ, что невдалекѣ отъ шлюзъ лежалъ, подъ тѣнью деревъ, окаймляющихъ бичевникъ, какой-то лодочникъ.

Вода между тѣмъ все прибывала и такъ подняла высоко легкую лодочку, что гребецъ, находившійся въ ней, казался, если смотрѣть со стороны лодочника, какимъ-то привидѣніемъ, застилающимъ солнце! Ридергудъ при этомъ замѣтилъ, что лодочникъ привсталъ, устремляя пристально свои глаза на фигуру гребца.

Но Ридергуду нечего было зѣвать: ему предстояло получить плату отъ гребца, ибо ворота уже широко открылись и лодочка готовилась выплыть на просторъ. «Другой господинъ», вынувъ изъ кармана какую-то монету, завернутую въ бумагу, бросилъ ее на берегъ и тутъ, взглянувъ на шлюзника, узналъ его.

— А, а! произнесъ онъ, принимаясь снова за весла.—Вы ли это, мой честный другъ? Такъ вамъ досталось это важное мѣсто?

— Я досталъ это мѣсто и обязанъ имъ не вамъ и не стряпчему Лайтвуду, сердито отвѣчалъ Ридергудъ.

— Мы сохранимъ свою рекомендацію на другой разъ для новаго кандидата, когда васъ повѣсятъ или сошлютъ. Но, сдѣлайте одолженіе, поторопитесь.

Онъ съ такимъ серьёзнымъ видомъ принялся снова грести, что Ридергудъ вытаращилъ глаза и не нашелъ ничего ему отвѣтить, пока онъ не скрылся за деревьями. Тогда уже было поздно отвѣчать, и потому честный человѣкъ былъ принужденъ удоволь-

Digitized by Google

ствоваться бранью сквозь зубы. Закрывъ ворота, онъ взглянулъ снова тайкомъ на лодочника и лѣниво растянулся на травѣ. Шумъ веселъ Юджина Вребурна не успѣлъ еще замереть въ его ушахъ, какъ лодочникъ быстро прошелъ мимо него, все держась въ тѣни живой изгороди. Тогда Ридергудъ присѣлъ и, устремивъ пристальный взглядъ на лодочника, принялся кричать:

— Эй! эй! Шлюзы! Плашвотерскіе шлюзы!

Лодочникъ остановился и вопросительно взглянулъ на него.

— Эй! господинъ! Это плашвотерскіе шлюзы, продолжалъ кричать Ридергудъ.

Лодочникъ повернулъ назадъ, и чѣмъ онъ ближе подходилъ, тѣмъ яснѣе становилось, что это былъ Брадлей Гедстонъ въ грубомъ платьѣ простого лодочника.

— Пускай я умру на мѣстѣ, вскрикнулъ Ридергудъ, хохоча изо всего горла:—если вы не копировали меня. Однако я никогда не думалъ прежде, чтобъ я былъ столь виднымъ человѣкомъ.

Дѣйствительно, Брадлей Гедстонъ, должно быть, очень внимательно разсмотрѣлъ одежду честнаго человѣка въ ихъ памятную, ночную прогулку, и хорошо затвердилъ всякую мелочную подробность, ибо теперь самъ былъ одѣтъ точь-въ-точь какъ Ридергудъ. По странной игрѣ случая, когда онъ былъ въ своемъ платьѣ, то всегда казалось, не схватилъ ли онъ чужое, а теперь въ чужомъ платьѣ онъ казался точно въ своемъ.

— Что ваши шлюзы? сказалъ Брадлей съ чистосердечнымъ удивленіемъ:—мнѣ сказали, что это будутъ третьи, а я миновалъ только однѣ.

— Значитъ, вы однѣ шлюзы пропустили, господинъ, отвѣчалъ Ридергудъ, качая головой: — вы, вѣрно, думали не о шлюзахъ. Нѣтъ, нѣтъ!

Съ этими словами онъ молча указалъ пальцемъ въ ту сторону, гдѣ исчезла лодка, и на лицѣ Брадлея выразилось самое жгучее нетерпѣніе.

— Вы не считали шлюзы, продолжалъ Ридергудъ.—Нѣтъ, нѣтъ.

— Какими же я разсчетами по вашему занимался? спросилъ учитель: — занимался я, что ли, математикой?

— Я никогда не слыхалъ такого слова. Очень ужь оно длинное; впрочемъ, быть можетъ, вы это такъ и называете.

— Это, что́ это?

— Если хотите, я скажу вмѣсто *это* — *ихъ*, продолжалъ Ридергудъ очень хладнокровно: — оно и безопаснѣе.

— Что́ вы понимаете подъ словомъ *ихъ*?

— Оскорбленія, обиды, смертельныя обиды и т. д., отвѣчалъ Ридергудъ.

Digitized by Google

Какъ ни старался Брадлей себя переломить, но лицо его снова выразило самое искреннее нетерпѣніе и онъ устремилъ жадный взглядъ за исчезнувшимъ пловцомъ по рѣкѣ.

— Ха, ха, ха! Не бойтесь, господинъ, сказалъ Брадлей: — «другой господинъ» гребетъ противъ теченія, и такъ себѣ спустя рукава. Вы всегда его нагоните. Но зачѣмъ мнѣ это говорить? Вы очень хорошо сами знаете, что могли бы давно его перегнать.

— Вы думаете, что я слѣдовалъ за нимъ?

— Я не думаю, а знаю.

— Ну, да, я слѣдовалъ за нимъ, согласился Ридергудъ: — но, прибавилъ онъ снова, бросая нетерпѣливый взглядъ на рѣку: — онъ можетъ выйдти на берегъ.

— Успокойтесь. Онъ не пропадетъ для васъ, даже если выйдетъ на берегъ; вѣдь онъ долженъ оставить гдѣ нибудь лодку, не потащитъ же онъ ее съ собою подъ мышкой.

— Онъ только что говорилъ съ вами, сказалъ Брадлей, опускаясь на одно колѣно на траву подлѣ Ридергуда: — что̀ же онъ вамъ сказалъ?

— Издѣвался! пробормоталъ Ридергудъ съ сердцемъ: — развѣ онъ умѣетъ сказать что нибудь другое? Меня вотъ такъ и подмывало броситься на него и потопить вмѣстѣ съ лодкой.

Брадлей на минуту отвернулъ свое блѣдное, исхудалое лицо и потомъ промолвилъ:

— Будь онъ проклятъ.

— Ура! воскликнулъ Ридергудъ:—это дѣлаетъ вамъ честь. Ура!

— Но какой оборотъ приняла нынче его обычная дерзость? спросилъ Брадлей.

— Надежды, что меня скоро повѣсятъ, отвѣчалъ съ неукротимой злобой Ридергудъ.

— Пускай ждетъ, воскликнулъ Брадлей: — пускай ждетъ! Нехорошо ему будетъ, когда люди, которыхъ онъ оскорбилъ, станутъ думать о висѣлицѣ. Пускай онъ тогда самъ приготовится перенесть свою судьбу. Его слова имѣли болѣе значенія, чѣмъ онъ полагалъ, иначе бы онъ ихъ никогда не произнесъ. Пускай ждетъ, пускай! Когда люди, которыхъ онъ оскорбилъ, станутъ думать о висѣлицѣ, тогда загудитъ похоронный звонъ. Но не для нихъ.

Ридергудъ во все время, пока Брадлей говорилъ съ пѣной у рта, пристально смотрѣлъ на него; теперь же онъ всталъ, и опустившись также на одно колѣно на траву, сталъ еще внимательнѣе смотрѣть на учителя.

Digitized by Google

— А! произнесъ онъ наконецъ: — значитъ, *онъ* отправляется къ ней?

— Онъ оставилъ Лондонъ вчера, отвѣчалъ Брадлей: — и на этотъ разъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія, что онъ ѣдетъ къ ней.

— Такъ вы все же не увѣрены?

— Я такъ же увѣренъ здѣсь, сказалъ Брадлей, ударяя себя по груди: — какъ еслибъ оно было написано тамъ (при этомъ онъ поднялъ руку къ небу).

— А! Но, судя по вашему лицу, кажется, что вы не разъ были въ этомъ увѣрены и не разъ тяжело разочаровывались. Это ясно видно.

— Слушайте, сказалъ Брадлей вполголоса, нагибаясь и кладя руку на плечо Ридергуда: — я взялъ нѣсколько дней праздниковъ.

— Какъ! это ваши праздники? промолвилъ Ридергудъ, устремивъ глаза на страшное лицо Брадлея: — такъ что же у васъ за будни?

— Я не оставлялъ его ни на минуту въ эти дни, продолжалъ Брадлей, какъ-бы не замѣчая словъ Ридергуда: — и не намѣренъ его оставить, пока не увижу его съ ней.

— А когда вы увидите его съ нею?

— Тогда я ворочусь къ вамъ.

Тутъ Ридергудъ всталъ и мрачно посмотрѣлъ на своего новаго друга. Черезъ нѣсколько минутъ они уже шли, словно по безмолвному уговору, по тому направленію, по которому плыла лодка Вребурна. Брадлей все прибавлялъ шагу, а Ридергудъ отставалъ; вдругъ Брадлей остановился и досталъ изъ кармана хорошенькій кошелекъ, поднесенный ему всей школой по подпискѣ.

— У меня есть фунтъ для васъ, сказалъ Брадлей.

— У васъ два, отвѣчалъ Ридергудъ.

Брадлей снова опустилъ пальцы въ кошелекъ и два соверена заблестѣли въ рукѣ Ридергуда, который поспѣшно спряталъ ихъ.

— Теперь мнѣ надо слѣдовать за нимъ, сказалъ Брадлей: — онъ, дуракъ, выбралъ рѣчной путь, чтобъ избѣгнуть всякаго преслѣдованія, или просто чтобъ сбить меня съ толку. Но онъ долженъ сдѣлаться невидимкой, чтобъ избавиться отъ меня.

— Если вы не разочаруетесь снова, то на обратномъ пути вы, можетъ быть, зайдете въ шлюзную сторожку? спросилъ останавливаясь Ридергудъ.

— Я зайду.

Ридергудъ махнулъ головой и лодочникъ быстро пошелъ по краю бичевника, вдоль котораго тянулась живая изгородь. По-

Digitized by Google

стороннему зрителю этой сцены непремѣнно бы показалось, что на извѣстномъ пространствѣ изгороди стояла и поджидала лодочника какая-то высокая фигура. И ему самому это казалось сначала, пока онъ не привыкъ къ верстовымъ столбамъ съ гербомъ Лондона, въ которомъ красовался кинжалъ, поразившій Уата Тайлера.

Въ глазахъ Ридергуда всѣ кинжалы были равны, а Брадлей Гедстонъ, который могъ наизусть разсказать все, что̀ долженъ знать каждый вѣрноподданный о Уатѣ Тайлерѣ, лордѣ-мерѣ, Вольвортѣ и королѣ, былъ увѣренъ, что все оружіе на свѣтѣ сдѣлано противъ одного человѣка. Такимъ образомъ Брадлей Гедстонъ, безсознательно хватавшій рукой каждый кинжалъ на гербѣ столбовъ, и Ридергудъ, пристально слѣдившій за нимъ, была достойная пара.

Лодка любителя-гребца плыла все далѣе и далѣе подъ тѣнью деревьевъ и надъ ихъ мирнымъ отраженіемъ въ водѣ. Лодочникъ продолжалъ слѣдовать за нею по противоположному берегу. Блестящія полосы на водѣ указывали ясно Ридергуду, гдѣ опускались весла гребца, пока наконецъ солнце не-сѣло и весь пейзажъ не окрасился пурпурнымъ цвѣтомъ. Вскорѣ этотъ пурпуръ сталъ блѣднѣть и словно подыматься на небо, какъ невинно пролитая кровь, по народнымъ повѣрьямъ.

Повернувъ назадъ къ шлюзамъ, отъ которыхъ онъ недалеко ушелъ, Ридергудъ погрузился въ глубокую думу, то-есть насколько онъ былъ на это способенъ: зачѣмъ онъ надѣлъ точно такое платье, какъ у меня? онъ могъ увидѣть то, что̀ желаетъ, и безъ этого страннаго подражанія мнѣ. Вотъ что̀ составляло главный предметъ его думы; повременамъ онъ только задавалъ себѣ вопросъ: не была ли это просто одна случайность? Чтобы привести въ ясность это дѣло, хитрый мошенникъ придумалъ ловушку, поймавъ въ которую Брадлея Гедстона, онъ могъ убѣдиться во очію, съ умысломъ или безъ умысла подражалъ ему несчастный учитель.

Войдя въ свою сторожку, Ридергудъ тотчасъ же вынесъ изъ нея на свѣтъ ящикъ со своимъ платьемъ. Поставивъ его на траву, онъ началъ перебирать одну вещь за другой, пока не дошелъ до красной потертой косынки, которую живо расправилъ и надѣлъ вмѣсто грязной тряпки, висѣвшей на его горлѣ. «Ну, теперь» подумалъ Ридергудъ: «если онъ, увидѣвъ на мнѣ эту красную косынку съ развѣвающимися по вѣтру концами, надѣнетъ и самъ такую, то будетъ ясно, что онъ не случайно такъ одѣтъ, какъ я». Очень успокоенный своей хитрой выдумкой, онъ отнесъ на мѣсто ящикъ и сѣлъ преспокойно ужинать.

Digitized by Google

«Шлюзы! эй! Шлюзы!» раздалось черезъ нѣсколько часовъ, посреди свѣтлой, тихой ночи. Ридергудъ очнулся отъ долгаго забытья и пропустилъ какую-то барку. Покончивъ съ нею, онъ стоялъ еще у послѣднихъ воротъ шлюзъ, какъ на противоположной ихъ сторонѣ вдругъ появился Брадлей Гедстонъ.

— Эй! вскрикнулъ Ридергудъ: — ужь вы воротились?

— Онъ остановился на ночь въ трактирѣ *Удильщикъ*, отвѣчалъ Брадлей глухимъ, хриплымъ голосомъ: — онъ отправляется вверхъ по рѣкѣ въ шесть часовъ утра, и я пришелъ, чтобъ отдохнуть хоть нѣсколько часовъ.

— Вамъ отдыхъ очень нуженъ, замѣтилъ Ридергудъ, переходя къ Брадлею по доскѣ, служившей ему мостомъ.

— Мнѣ онъ вовсе ненуженъ, отвѣчалъ сердито Брадлей:—и по мнѣ бы гораздо лучше слѣдовать за нимъ всю ночь, чѣмъ спать. Но дѣлать нечего; если онъ не продолжаетъ пути, то я не могу слѣдовать за нимъ. Я до тѣхъ поръ оставался тамъ около трактира, пока навѣрно не узналъ, когда онъ пускается въ путь завтра утромъ; еслибъ мнѣ не удалось этого узнать, то я остался бы тамъ всю ночь. А вѣдь, продолжалъ онъ, смотря на воду въ каналѣ между шлюзъ: — если человѣка бросить сюда связаннаго, ему несдобровать. Стѣнки канала такъ скользки, что невозможно за нихъ захватиться, а ворота-то, я думаю, втянули бы его въ водоворотъ.

— Ужь конечно никому не выкорабкаться отсюда, даже несвязанному, отвѣчалъ Ридергудъ: — я дамъ ведро пива тому, кто бросившись самъ въ этотъ каналъ, когда обои ворота заперты, выйдетъ изъ него живымъ.

Брадлей посмотрѣлъ внизъ съ какимъ-то дикимъ удовольствіемъ.

— А вы бѣгаете по краямъ этой бездны и переходите черезъ нее по гнилой дощечкѣ, замѣтилъ онъ: — я право удивляюсь, какъ вы не боитесь потонуть.

— Это не можетъ никогда случиться, отвѣчалъ Ридергудъ.

— Какъ, вы не можете потонуть?

— Нѣтъ, не могу, это всѣмъ извѣстно, произнесъ Ридергудъ тономъ полнаго убѣжденія: — я разъ потонулъ, да воскресъ, значитъ, не утонуть мнѣ никогда, это подтвердятъ вамъ всѣ прибрежные жители.

Брадлей лукаво улыбнулся невѣжеству, за которое онъ страшно бы наказалъ своего ученика, и продолжалъ смотрѣть на воду, словно она имѣла для него какую-то роковую прелесть.

— Вамъ, кажется, нравятся эти шлюзы, сказалъ Ридергудъ.

Брадлей не обратилъ на эти слова никакого вниманія, словно не слыхалъ ихъ, и продолжалъ попрежнему смотрѣть на воду.

Digitized by Google

Лицо его дышало какимъ-то мрачнымъ выраженіемъ, котораго Ридергудъ никакъ не могъ себѣ растолковать. Въ этомъ выраженіи ясно проглядывала жестокость и твердая рѣшимость, но эта рѣшимость могла быть направлена точно такъ же противъ себя самого, какъ и противъ другого. Еслибъ онъ теперь вдругъ разбѣжался и прыгнулъ въ воду, то этотъ конецъ не былъ бы нисколько удивителенъ. Быть можетъ, даже его смущенная душа, жаждавшая насилія, и колебалась на минуту, не сдѣлать ли жертвой себя самого.

— Вы, кажется, сказали, что пришли сюда чтобъ отдохнуть? сказалъ Ридергудъ послѣ продолжительнаго молчанія. Но и на это Брадлей отвѣчалъ не прежде, какъ Ридергудъ потрясъ его за плечо изо всей силы.

— Э, да! отвѣчалъ безсознательно учитель.

— Такъ вы бы лучше пошли и отдохнули.

— Благодарствуйте.

И онъ послѣдовалъ за Ридергудомъ съ видомъ человѣка, только что очнувшагося отъ забытья. Прійдя въ сторожку, хозяинъ досталъ изъ шкапа кусокъ солонины, полхлѣба и бутылку водки, и сбѣгавъ на рѣку, принесъ кружку свѣжей холодной воды.

— Вотъ, сказалъ онъ, разставляя все на столѣ:—вы бы прежде чѣмъ спать, закусили бы и выпили чего нибудь.

Пока онъ говорилъ, длинные концы его красной косынки обратили на себя вниманіе учителя, и Ридергудъ замѣтилъ, какъ тотъ устремилъ свои глаза на нее.

— Ого! подумалъ онъ:—ты, братъ, замѣтилъ! Ну, пожалуй-ка въ ловушку, попался голубчикъ, смотри же, хорошенько! И нарочно усѣвшись противъ Брадлея, онъ растегнулъ свой жилетъ и сталъ перевязывать косынку.

Брадлей принялся за ужинъ и во все продолженіе его, время отъ времени посматривалъ на косынку Ридергуда, словно затверживая въ своей памяти ея цвѣтъ и рисунокъ.

— Когда вы кончите, сказалъ честный Ридергудъ: — то расположитесь на моей кровати, вонъ тамъ въ углу. Свѣтаетъ въ три часа, я васъ разбужу во время.

— Я и самъ проснусь, отвѣчалъ Брадлей. Черезъ нѣсколько минутъ онъ всталъ изъ-за стола, снялъ сюртукъ и башмаки, и улегся на кровать.

Ридергудъ усѣлся въ свое деревянное кресло, и скрестивъ руки на груди, смотрѣлъ до того на Брадлея, спавшаго съ стиснутыми кулаками, что и самъ забылся. Когда онъ проснулся, то уже было совершенно свѣтло и его гость отправился на рѣку, чтобы освѣжить себѣ голову. «Будь я проклятъ», подумалъ Ридер-

Digitized by Google

удъ: «если во всей Темзѣ достанетъ воды, чтобъ освѣжить эта башку». Черезъ пять минутъ Брадлей вернулся и тотчасъ отправился въ путь. Ридергудъ долго слѣдилъ за его удаляющейся фигурой, пока она не исчезла совершенно изъ вида, какъ наканунѣ.

«Шлюзы, эй, шлюзы!» раздавалось отъ времени до времени впродолженіе дня, и тотъ же крикъ: «шлюзы, эй, шлюзы!» разбудилъ Ридергуда, три раза ночью, но Брадлей все не возвращался. Слѣдующій день былъ очень жаркій и душный; къ вечеру разразилась гроза, и не успѣлъ полить дождь, какъ въ сторожку влетѣлъ Брадлей Гедстонъ, мрачный, свирѣпый, какъ самая гроза.

— Вы его видѣли съ нею! вскрикнулъ Ридергудъ, вскакивая съ мѣста.

— Видѣлъ.

— Гдѣ?

— Тамъ, гдѣ онъ кончилъ свое путешествіе. Онъ велѣлъ втащить лодку на берегъ на три дня. Я самъ слышалъ, какъ онъ отдавалъ приказанія. Потомъ я видѣлъ, какъ онъ ждалъ ее, и какъ она вышла къ нему на встрѣчу. Я видѣлъ... и онъ остановился на минуту, какъ-бы задыхаясь отъ волненія, но потомъ, переведя духъ, продолжалъ: — я видѣлъ, какъ они гуляли рука объ руку вчера ночью.

— Что жь вы сдѣлали?

— Ничего.

— Что вы намѣрены дѣлать?

Онъ бросился въ кресло и дико захохоталъ. Въ ту же почти минуту изъ носа его брызнула кровь.

— Это что такое? спросилъ Ридергудъ.

— Не знаю. Я не могу удержаться. Это случилось со мною два, три, четыре раза, право не знаю, сколько разъ со вчерашней ночи. Я вдругъ почувствую кровь вездѣ—въ носу, въ глазахъ, во рту, и наконецъ она хлынетъ ручьемъ, какъ вы видѣли.

Съ этими словами онъ отправился къ рѣкѣ съ непокрытой головой, несмотря на то, что дождь лилъ какъ изъ ведра, и зачерпнувъ руками воду, смылъ всѣ слѣды крови на лицѣ. Покончивъ это, онъ воротился совершенно мокрый съ головы до ногъ, съ рукавовъ же его сюртука, которыми онъ лазилъ въ воду, струились цѣлые ручьи.

— Вы такіе страшные, точно призракъ, сказалъ Ридергудъ.

— А вы видѣли призракъ? спросилъ сухо Брадлей.

— Я хочу сказать, что вы совершенно изнемогли отъ усталости.

Digitized by Google

— Это очень возможно. Я ни минуты не отдохнулъ, съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ отсюда. Я, кажется, даже ни разу не садился съ тѣхъ поръ.

— Такъ прилягте теперь, предложилъ Ридергудъ.

— Я такъ и намѣренъ, но дайте мнѣ прежде утолить свою жажду.

На столѣ немедленно появились прежняя бутылка водки и кружка воды. Брадлей смѣшалъ обоихъ питей и выпилъ залпомъ два стакана.

— Вы что-то у меня спрашивали, сказалъ онъ наконецъ, обращаясь къ Ридергуду.

— Нѣтъ, ничего.

— Я вамъ напомню, повторилъ Брадлей съ дикимъ отчаяніемъ:—вы что̀ спрашивали меня, прежде чѣмъ я пошелъ на рѣку умыть лицо?

— О, тогда? отвѣчалъ Ридергудъ, невольно пятясь назадъ:— я васъ спрашивалъ, что̀ вы намѣрены дѣлать?

— Какъ можетъ знать это человѣкъ въ моемъ положеніи? воскликнулъ Брадлей, простирая руки, но съ такимъ гнѣвнымъ усиліемъ, что вода снова потекла изъ его мокрыхъ обшлаговъ:— какъ могу я составить планъ дѣйствія, когда я двѣ ночи не спалъ?

— Я вѣдь это же и говорилъ, отвѣчалъ Ридергудъ:—развѣ я вамъ не предложилъ лечь?

— Ну, можетъ быть, вы и предложили.

— Во всякомъ случаѣ, я теперь снова повторяю, лягте и усните на той же кровати, гдѣ отдыхали въ первый разъ. Чѣмъ дольше и крѣпче вы будете спать, тѣмъ лучше будете въ состояніи послѣ все обдумать и рѣшить.

При этомъ, онъ указалъ на кровать въ углу, и это, казалось, возбудило въ головѣ Брадлея какое-то смутное воспоминаніе о покойномъ ложѣ. Онъ молча снялъ свои башмаки и какъ былъ въ мокромъ платьѣ, бросился на кровать.

Ридергудъ усѣлся въ свое деревянное кресло и смотрѣлъ въ окно на молнію и слушалъ громъ; но мысли его далеко не были поглощены молніей и громомъ, ибо онъ часто посматривалъ съ любопытствомъ на спавшаго человѣка, который, стараясь защититься отъ непогоды, поднялъ воротникъ сюртука, а потомъ, совершенно забывъ объ этомъ, такъ завалился спать, хотя, конечно, ему было не очень-то покойно.

Громъ грозно раскатывался и молнія, казалось, разрывала на части мрачную занавѣсь, скрывавшую весь міръ, землю и небо

Digitized by Google

отъ глазъ сидѣвшаго у окна Ридергуда. Онъ видѣлъ спящаго гостя то при красномъ свѣтѣ, то при синемъ, то при лучезарномъ бѣломъ блескѣ, совершенно ослѣплявшемъ глаза, но рѣдко видѣлъ онъ его въ полумракѣ—такъ быстро слѣдовали удары молніи одинъ за другимъ. Время отъ времени пробѣгалъ шивалъ волны, съ дикимъ ревомъ подымаясь на встрѣчу потокамъ дождя, и страшный вихрь съ трескомъ проносился мимо, ломая дверь и развѣвая волоса и платье несчастнаго Брадлея; въ эти минуты, казалось, какія-то невидимыя силы окружали кровать, стремясь похитить несчастнаго, изнемогшаго учителя. Отъ всѣхъ фазъ грозной бури Ридергудъ поспѣшно отвертывался, какъ-бы недовольный, что онѣ отвлекали его вниманіе отъ спавшаго передъ нимъ человѣка.

«Онъ крѣпко спитъ», думалъ онъ: «но онъ очень чуткій; если я встану и подойду къ нему, то онъ можетъ проснуться, хотя громъ его не будитъ. Ужь я не говорю о томъ, чтобъ дотронуться до него».

Подумавъ немного, онъ осторожно всталъ, и произнесъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ:

— Хорошо ли вы лежите, господинъ? Что-то холодно. Не покрыть ли васъ?

Отвѣта не было никакого.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что уже покрыто, пробормоталъ Ридергудъ, совершенно инымъ тономъ.

Въ эту минуту спящій повелъ рукой, и Ридергудъ, снова усѣвшись въ кресло, сталъ смотрѣть на грозу. Зрѣлище, представляемое разсвирѣпѣвшими стихіями, было поистинѣ величественное, но все же Ридергудъ каждую минуту искоса поглядывалъ на спящаго.

Въ особенности же, или лучше сказать, исключительно горло спящаго, прикрытое воротникомъ, приковывало къ себѣ все вниманіе Ридергуда. Наконецъ, когда сонъ Брадлея, казалось, превратился въ полулетаргическое состояніе, онъ снова всталъ и осторожно подошелъ къ постели.

— Бѣдный человѣкъ, пробормоталъ онъ, пристально наблюдая, чтобъ не пропустить ни малѣйшаго движенія Брадлея: — бѣдный, этотъ сюртукъ ему долженъ очень мѣшать. Не растегнуть ли мнѣ его? Да, я облегчу васъ, бѣднаго.

Онъ протянулъ руку къ первой пуговкѣ, и сдѣлалъ шагъ назадъ для предосторожности, на случай, еслибы Брадлей проснулся, но тотъ находился въ какомъ-то оцѣпѣненіи. Ридергудъ съ боль-

Digitized by Google

шей увѣренностью, и потому съ большей ловкостью отстегнулъ слѣдующія пуговицы и распахнулъ сюртукъ. Тотчасъ же изъ-подъ воротника выбились длинные концы красной косынки, которую очевидно вымочили въ какомъ-то составѣ, чтобъ придать ей старый, затасканный видъ. Долго и съ изумленіемъ смотрѣлъ Ридергудъ то на косынку, то на спящаго; потомъ, воротившись къ своему креслу, онъ погрузился въ глубокую думу, не спуская, однако, глазъ ни со спящаго, ни съ косынки.

Digitized by Google

ЧЕТЫРЕ ПОВѢСТИ И ОДИНЪ ПОНОМАРЬ.

Мани, фекелъ, фарѣсъ.

Библія.

I.

Произведенія, о которыхъ здѣсь будетъ идти рѣчь, принадлежатъ къ разряду тѣхъ, гдѣ дѣйствуютъ такъ-называемые «новые люди». Слѣдственно, это не какія-нибудь исключительныя произведенія, а напротивъ такія, которыя, выступивъ сначала изъ обыкновенной колеи, сдѣлались наконецъ столь обыкновенными, что это кажется необыкновеннымъ. Но откуда взялся пономарь? «Новые люди», гдѣ бы они ни выступали, всегда, кажется, выступали въ высшихъ іерархическихъ должностяхъ: именно — эмансипировали женщинъ, разработывали артельное начало, распространяли дешовыя «евангелія гражданства», строили новые Іерусалимы изъ смарагда и алюминія, и вообще совершали требы высшаго священнодѣйствія и апостольской миссіи. Это правда. Но теперь все болѣе и болѣе обнаруживается, что всѣ эти требы, хотя и чисто-апостольскія, они совершали въ пономарскомъ чинѣ. Потому мы говоримъ прямо, что разносителемъ дешовыхъ евангелій, проповѣдникомъ гражданства и, значитъ, героическимъ лицомъ въ выбранныхъ нами произведеніяхъ — будетъ простой пономарь. Можетъ быть, говоря это, мы поступаемъ не довольно разсчетливо; можетъ быть, сказать это было бы лучше въ концѣ, въ видѣ необходимаго вывода, чѣмъ въ началѣ, въ формѣ смѣло поставленнаго тезиса. Но, вопервыхъ, изъ четырехъ произведеній, отмѣченныхъ нами для настоящаго труда нашего, три принадлежатъ «Русскому Слову»; по плану этой статьи, они даже займутъ въ ней первое мѣсто и, слѣдственно, никакая заранѣе разсчитанная стратагема съ нашей стороны все равно не могла имѣть удачи, такъ-какъ «Русское Слово» ко всѣмъ его неожиданностямъ присоединило еще одну: вѣрное своему призванію—договаривать «Современникъ» до послѣдняго слова и вооб-

Digitized by Google

ще выводить его на чистую воду, оно, въ своихъ произведеніяхъ, даже и не думало скрывать своего пономаря. А, вовторыхъ, намъ вообще кажется, что лучше поступить неразсчетливо, чѣмъ дать подумать, что мы приступили къ этому труду съ предвзятою мыслію, съ тѣмъ, чтобы коварно овладѣвъ вниманіемъ читателя, незамѣтно привести его къ заключенію, котораго онъ никогда не согласился бы принять, еслибы былъ предувѣдомленъ, что ему слѣдуетъ быть на стражѣ. Но да будетъ извѣстно читателю, что намъ не можетъ быть опасна никакая осторожность и даже предубѣжденіе съ его стороны. Правда, что остальное изъ отмѣченныхъ нами произведеній принадлежитъ «Современнику»; правда, что изъ двухъ органовъ пономарскаго служенія, «Современникъ» по справедливости почитается мудрѣйшимъ, такъ-какъ во всякое время можетъ отказаться отъ всего, что̀ въ немъ когда либо было написано; наконецъ, правда, что въ его произведеніи, съ помощію искусной мимики, недоговоренной рѣчи и довольно ловкаго переодѣванія, пономарю придано все, что̀ способно обморочить легковѣрныхъ насчетъ истиннаго его званія или заставить видѣть на его пономарскомъ лбу какъ-будто печать помазанія. Но, благодаря свѣту, бросаемому на эту самозванную личность изъ «Русскаго Слова», нѣтъ ничего легче, какъ обнаружить и доказать, что это все-таки простой пономарь, что подъ его епанчею апостола скрывается наивный подрясникъ причетника, что его мимика означаетъ привычку къ гримасѣ, а его юродивая рѣчь равносильна таковымъ же причитаньямъ у церковной паперти. Пусть же читатель остается на стражѣ, сколько ему угодно, пусть онъ знаетъ, къ чему хотятъ вести его, пусть принимаетъ свои мѣры—это нисколько не поможетъ ему, и переодѣтый причетникъ будетъ все-таки разоблаченъ. Откровенныя творенія «Русскаго Слова» повѣдаютъ намъ все, что̀ до сихъ поръ казалось загадочнымъ на днѣ пономарской души его, они сорвутъ съ него маску, разобьютъ броню его неприступности, хотя, конечно, это не послужитъ къ славѣ и самого «Русскаго Слова». Откровенныя творенія эти, которыми мы и ограничимся собственно въ этой книжкѣ, называются:

Степанъ Рудевъ. *Черты изъ жизни хорошихъ людей.* («Русское Слово», ноябрь и декабрь 1864).

Чужіе между своими. *Повѣсть.* («Русское Слово», январь и февраль 1865).

Житейская школа. *Повѣсть.* («Русское Слово», іюнь и іюль 1865).

Считаемъ долгомъ оговориться. Ограничиться въ обозрѣніи этихъ твореній единственною задачею разоблаченія пономаря, мы не можемъ. Когда въ будущей книжкѣ мы перейдемъ къ про-

Digitized by Google

изведенію, о которомъ замѣтили выше, это будетъ для насъ вполнѣ возможно. Но еще не было примѣровъ, чтобы сюжеты, взятые изъ «Русскаго Слова», позволили какому-нибудь писателю воздержаться отъ самыхъ разностороннихъ уклоненій, и тѣмъ болѣе, остаться сосредоточеннымъ на одномъ пунктѣ. Были, напротивъ, примѣры, что «главный предметъ» въ подобныхъ случаяхъ совсѣмъ уходилъ изъ виду. Мы боимся, чтобы съ нами не случилось того же самаго. Мы даже чувствуемъ, что это должно случиться... Вообразите... а впрочемъ—нѣтъ, у «Русскаго Слова» бываютъ также неожиданности и невообразимыя. Но... будь, что́ будетъ.

Степанъ Рулевъ — скажемъ прямо, произведеніе смѣлое до послѣдней безразсудности, и едва-ли не совсѣмъ безразсудное. Мы очень сожалѣемъ, что не можемъ передать его въ чертахъ сколько-нибудь близкихъ къ его подлинному характеру. Затрудненіе въ томъ, что какими бы словами мы ни передавали его, въ словахъ этихъ долженъ оказаться смыслъ, тогда какъ задача именно въ томъ, чтобы смысла не было никакого. Можетъ быть, никто не ожидалъ, чтобы и задача автора состояла въ томъ же. Однако, это вѣрно. Подражая публицистамъ «Русскаго Слова», такъ часто называющимъ свои статьи «безалаберными» и даже «неудавшеюся чепухою», онъ откровенно признается въ своемъ неумѣньи писать повѣсти. Вы, можетъ быть, подумаете, что онъ по крайней-мѣрѣ старается? Нѣтъ; тогда онъ не былъ бы достойнымъ сотрудникомъ «Русскаго Слова». Онъ просто внушаетъ читателю, чтобы въ его произведеніи не было обращаемо никакого вниманія ни на достоинство разсказа, ни на положенія въ немъ изображаемыя, ни на связность и грамотность рѣчи, ни на разныя лица, встрѣчаемыя героемъ, ни даже на самого героя, а только, какъ выражается авторъ, на его «предпріятіе», которое называется въ повѣсти еще «дѣломъ», иногда просто безъ всякаго эпитета, иногда «предполагаемымъ». Очевидно, что въ произведеніи съ такимъ «главнымъ сюжетомъ» долженъ быть интересъ; но не менѣе ясно, что по самой необычайности подобнаго сюжета, интересъ этотъ не можетъ быть совмѣстенъ съ какимъ бы ни было смысломъ. И вотъ наша задача въ томъ, чтобы сохранить интересъ, не преувеличивъ его смысла Трудность весьма серьёзная. Но, по крайней-мѣрѣ, съ этой оговоркой мы можемъ рискнуть передать содержаніе произведенія.

Степану Рулеву (выражаясь почти точными словами автора), какъ рожденному отъ *довольно умной* матери, можно сказать, было на роду написано, чтобы изъ него вышелъ «здоровый, нормальный организмъ», который имѣлъ бы «здравый, реальный взглядъ» на жизнь и проводилъ бы его, по возможности, во всѣ «человѣче-

Digitized by Google

скія отношенія». Мать Рулева любила до своего замужества одного бѣднаго и больного учителя. Она была *недовольно умна*, чтобы понимать «умъ и роль этого учителя, относительно будущаго поколѣнія.» Потому учитель не любилъ ее, а любилъ другую. Тѣмъ не менѣе, онъ передалъ ей свои реальныя воззрѣнія на жизнь, а когда сталъ умирать, и она была уже замужемъ, оставилъ ей въ наслѣдство много книгъ, и одну драгоцѣнную рукопись. Въ этой-то рукописи и была прописана, главнымъ образомъ, вся будущая судьба Степана Рулева, какъ предопредѣленнаго пономаря. Мудрость этого сочиненія онъ впиталъ въ себя вмѣстѣ съ молокомъ своей матери, потому что бѣдная женщина и сама находила въ этомъ источникѣ немалую для себя отраду.

«Разсказывая сказки своему маленькому сыну (разсказываетъ разскащикъ «Русскаго Слова»), она часто съ глубокой тоской выводила въ нихъ учителя и его жизнь (это въ «Русскомъ Словѣ» называется сказки?), и даже читала ему рукопись покойнаго подъ заглавіемъ: «о человѣческихъ отношеніяхъ» (о!...). Эти-то мысли (т. е. которыя?), во многомъ несходныя съ мыслями мѣстнаго общества, и будили умственную дѣятельность ребёнка. При другихъ условіяхъ (остроумно замѣчаетъ разскащикъ) изъ него вышелъ бы отвлеченный мыслитель (непремѣнно!), но съ самаго же начала, его *здоровая натура* повела его по другой дорогѣ.» (Декабрь 1864, стр. 303).

Идя этой дорогою, Рулевъ, будучи еще мальчикомъ въ рубашечкѣ, понималъ уже всю кабалистику «человѣческихъ отношеній» не хуже любого изъ сотрудниковъ «Русскаго Слова», и между прочимъ умѣлъ «давать по мордѣ». Такъ однажды, одинъ изъ его сверстниковъ посмѣялся надъ нимъ за то, что онъ играетъ съ нищенскими ребятишками, и юный соціалистъ, «поблѣднѣвъ и тяжело дыша», какъ выразился разказчикъ, отвѣтилъ слѣдующей тирадой изъ одной статьи «Русскаго Слова» по части соціологіи:

«Ты нищій... Ты живешь подаяньемъ, а они сами себѣ достаютъ хлѣбъ. Ты что̀ умѣешь дѣлать? А они съ голода не умрутъ. А въ другой разъ я тебѣ за это въ кровь разобью морду...» (стр. 304).

Замѣчательно, что это битье по мордѣ въ «Русскомъ Словѣ» получаетъ значеніе, которое прежде едва можно было подозрѣвать: оно понимается, какъ противоположность отвлеченному мышленію. Фактъ — достойный вниманія. Битье и побоища намъ постоянно бросались въ глаза съ самыхъ первыхъ «разсказовъ о новыхъ людяхъ»; даже въ самомъ первомъ разсказѣ эти люди уже были изображены какими-то чудовищными кентаврами, ко-

Digitized by Google

торыхъ поколоть [illegible]до подъ силу развѣ какому-нибудь Тезею: такъ они могли спать на гвоздяхъ, или вовсе не спать по пяти ночей сряду, играть десятипудовыми гирями, или выгружать барки, таская по десяти кулей на спинѣ. Но можно было думать, что эта чудовищная силища, давая возможность проявиться героизму кентавровъ, не имѣла никакого серьёзнаго отношенія къ силѣ и направленію ихъ умовъ; даже можно было думать, что «Современникъ», создавшій перваго кентавра, имѣлъ въ виду возвеличить мѣру его человѣческихъ способностей, руководясь при этомъ, быть можетъ, пословицею древнихъ: mens sana in corpore sano. Но мысль «Современника» договорена теперь всѣми буквами въ «Русскомъ Словѣ». Оказывается, что она совершенно новая и не требуетъ для себя никакой древней основы. «Русское Слово» совершенно остроумно догадалось, что страшенная силища придается кентаврамъ съ спеціальною цѣлію для битья по мордѣ; битье же по мордѣ, по его мнѣнію, есть родъ энергическаго направленія, противоположнаго отвлеченному философскому мышленію. Безъ всякой натяжки, «Русское Слово» не шутя понимаетъ кентавровъ «Современника» именно такимъ образомъ.

Объ одинадцатилѣтнемъ Рулевѣ уже говорится, что онъ «читалъ много, жадно, быстро, читалъ все, начиная отъ французскихъ романовъ до книгъ духовнаго содержанія и дѣльныхъ историческихъ сочиненій.» На этой фазѣ своего развитія, Рулевъ поступилъ въ школу. И такъ-какъ однажды навсегда принято, чтобы въ школахъ, изъ которыхъ выходятъ люди пономарскаго служенія, наука была мертвая, ѣда — голодная, одежда — холодная, то, разумѣется, и школа, куда поступилъ Рулевъ, была одна изъ самыхъ гадкихъ, такъ что казенный предлогъ—ничему неучиться для него существовалъ не хуже, чѣмъ для всякаго изъ самыхъ прославленныхъ пономарей. Но взамѣнъ того, благодаря быстротѣ, съ которой Рулевъ умѣлъ читать по печатному, онъ, какъ само собой разумѣется, «въ семнадцать лѣтъ, обладалъ громаднымъ запасомъ свѣдѣній, вынесенныхъ изъ чтенія.» И въ ту пору стали одолѣвать его разные вопросы. Напримѣръ: о значеніи мускуловъ въ дѣлѣ человѣческаго счастія, о несообразности «человѣческихъ отношеній» вообще и, разумѣется, о порабощеніи женщины — въ особенности.

«Для вѣрнаго поставленія и рѣшенія этихъ задачъ — замѣчаетъ быстро-начитанный авторъ — самъ собою представился вопросъ: что такое человѣкъ, какія условія его жизни, его силы и потребности? Рулевъ взялся за анатомію (*разъ!*), физіологію (*два!*) и вспомогательныя науки (*весь туалетъ!*), доставалъ, какія только воз-

Digitized by Google

можно было, медицинскія книги (*ну?!*). [illegible] абсолютно Рулевъ узналъ (*Боже!*). Для рѣшенія вопроса о вліяніяхъ на человѣка всей остальной природы (*Русское Слово! пожалѣйте себя*), онъ взялся за исторію и всѣ относящіяся сюда знанія. Въ двадцать лѣтъ онъ уже совершенно сформировался физически и выработалъ самостоятельный, строго реальный взглядъ на жизнь» (стр. 306).

Стало быть, пономарь хоть-куда, не хуже самого Рахметова, и осталось выбрать только приходъ. Но пока, до полученія прихода, Рулеву понадобились деньги. Онъ принялся работать, написалъ цѣлую груду какихъ-то дисертацій (sic), переписалъ несметное количество какихъ-то огромнѣйшихъ тетрадей (sic), переведъ множество всякихъ книгъ (sic)—и заработалъ нужныя ему деньги. Затѣмъ—повѣствуетъ разсказщикъ:

«онъ простился со школой, надѣлъ, вмѣсто *куртки*, старенькій сюртучокъ, подвязалъ за плечи котомку, и раннимъ утромъ, еще до восхода солнца, отправился въ дорогу» (стр. 307).

Можно бы спросить, что это за школа такая, гдѣ ходятъ въ курточкахъ, а выходятъ кентаврами. Ее нельзя принять ни за гимназію, ни за университетъ, ни за кадетскій корпусъ, ни даже за семинарію. Но наряду съ этимъ, намъ представляется тысяча другихъ вопросовъ, потому мы всѣ ихъ оставляемъ на совѣсти «Русскаго Слова». Пусть его путается до безконечности, вплоть до главнаго сюжета, къ которому мы и приближаемся; потому что надобно замѣтить, что «предполагаемое дѣло» Рулевъ замыслилъ еще въ тотъ самый моментъ, какъ только «абсолютно постигнулъ человѣка», потому теперь онъ прямо же изъ своей куртки и отправился на «предпріятіе».

Шелъ онъ не одинъ день, и кажется, не одну недѣлю, и все по направленію куда глаза глядятъ. Наконецъ, пришелъ онъ въ одинъ городъ, гдѣ была большая судоходная рѣка и очень много бурлаковъ. Понравился Рулеву этотъ приходъ. «Предполагаемое имъ дѣло» ничего лучшаго не требовало. Онъ походилъ по базару, потолковалъ съ бурлаками, зашелъ, по выраженію автора, «въ базарную таверну» (стр. 308), выпилъ, закусилъ, покурилъ и окончательно утвердился въ мысли, что лучшаго прихода и искать нечего. Но какъ служеніе его требовало, чтобы онъ, по возможности, свой настоящій чинъ скрывалъ отъ людской проницательности, то онъ и поступилъ, въ тотъ же день, и въ тотъ же часъ, прикащикомъ въ мѣстную библіотеку. Отведя такимъ образомъ глаза мѣстному городничему, Рулевъ началъ уже свою настоящую службу. Это значитъ, что сталъ онъ ходить, какъ Кузьма Остолопъ, по базару.

Digitized by Google

«Тамъ онъ (говоритъ авторъ) бывалъ часто, толковалъ съ бурлаками, барывался съ ними, за тѣмъ ночевалъ съ ними въ разныхъ харчевняхъ и пріобрѣлъ много пріятелей, тѣмъ легче, что большинство бурлачества были его земляки» (стр. 309).

Тутъ вскорѣ онъ познакомился съ однимъ очень страннымъ человѣкомъ, купцомъ Скрыпниковымъ, который тщился изобрѣсти «такую деревянную рыбу, чтобы она противъ теченья шла, и перьями управляла и жабрами водила?» Владѣя отмѣнно быстрымъ соображеніемъ, Рулевъ тотчасъ смекнулъ, что изъ этого человѣка выйдетъ, пожалуй, прокъ, если его обратить въ «правильному занятію механикой и математикой». Разумѣется, Рулевъ въ ту же минуту и исполнилъ это, то-есть далъ купцу Скрыпникову надлежащее направленіе. Но обработавъ это дѣльце, Рулевъ почувствовалъ, что въ этомъ приходѣ онъ уже узналъ и подстроилъ все, какъ слѣдуетъ, а между тѣмъ «мысль о дѣлѣ уже совершенно овладѣла имъ». Потому, онъ порѣшилъ, что пора перемѣнить приходъ, и переѣхалъ на другой конецъ того же самаго края. Тутъ онъ познакомился съ одной «дѣльной и красивой женщиной», женою лекаря, которая тотчасъ же рѣшилась было устроить своему мужу скандалъ, убѣжавъ отъ него съ Рулевымъ, но—какъ выражается авторъ — «за ненормальной дѣятельностію организма должно было послѣдовать его разстройство», и она на той же самой страничкѣ (314), на которой встрѣтилась съ убійственнымъ пономаремъ, умерла. Тутъ же онъ познакомился для своего «дѣла» съ какимъ-то мужикомъ, о которомъ говорится, что это былъ «мужикъ умный и начитанный». Да, милостивые государи, «Русскому Слову» показалось мало купца-математика, и оно предлагаетъ вамъ «начитаннаго мужика»; и есть надежда, что содѣйствуя видамъ правительства, сдѣлавшаго мужиковъ равноправными, «Русское Слово», въ одно прекрасное утро, объявитъ ихъ всѣхъ равно—начитанными. Пономарь поселился на какомъ-то заводѣ, куда тянули его рабочія силы, необходимыя для его «дѣла». Зачѣмъ его приняли на этотъ заводъ, и въ какомъ именно качествѣ—про то, конечно, ничего съ точностію сказать невозможно, ибо, какъ гласитъ самое заглавіе разбираемаго произведенія, мы читаемъ «Черты», и притомъ гвоздеобразныя, и читатель не можетъ себѣ представить, чего это стоитъ намъ. Ближайшее къ заводу населеніе были все раскольники. Это самое лучшее, чего только могъ пожелать апостольствующій пономарь, ибо таково было его дѣло, что «раскольничій элементъ» пригожался для него, какъ масло для огня. Одно къ одному, неподалеку отъ завода была какая-то фабрика, гдѣ управлялъ какой-то Вальтеръ, откуда-то убѣжавшій, и жившій подъ чужимъ именемъ.

Digitized by Google

Вскорѣ оказалось, разумѣется—оказалось только въ безсвязныхъ и полуграмотныхъ словахъ, что этотъ Вальтеръ служитъ тому же самому дѣлу, ради котораго пономарствуетъ и Рулевъ. И тутъ же по близости жила еще какая-то учительница Тихова, съ которою Вальтеръ познакомилъ Рулева, какъ съ своею невѣстою. Заводъ, кромѣ того, какъ разъ былъ въ уѣздѣ того самаго города, который былъ родиной Рулева, потому, тутъ жилъ еще, въ собственномъ домѣ, и отецъ Рулева съ другимъ своимъ сыномъ; и жили еще въ томъ домѣ двѣ швейки, повидимому, постоялки. Кажется, какая бы должна произойти теперь запутанность отъ близкаго сожительства столькихъ лицъ? Однако, не произошло ничего, кромѣ того развѣ, что отецъ Рулева умеръ ударомъ, вслѣдствіе скандала, сдѣланнаго ему сыномъ изъ уваженія къ семейному началу, да еще того, что вышеисчисленныя лица при разныхъ безполезныхъ встрѣчахъ между собою говорили кое-какія, совершенно, впрочемъ, безтолковыя слова. Болѣе же рѣшительно ничего. Главное, что ни съ кѣмъ изъ нихъ ничего не случилось, и никто изъ нихъ ни отъ кого другого взаимно ничего не хотѣлъ, не добивался, никто ни съ кѣмъ не дѣйствовалъ ни врознь ни заодно, а такъ себѣ жили по разнымъ мѣстамъ—и только. Это странно, это невѣроятно, однако, вотъ бываетъ же. Потому-то остроумный разскащикъ и настаиваетъ, чтобы въ его произведеніи не обращали вниманія ни на что, кромѣ *предпріятія*, на которое, какъ онъ думаетъ, въ произведеніи этомъ *намекается* (хорошъ намекъ!).

Повѣсть кончается тѣмъ, что Рулеву понадобилось куда-то поѣхать. Онъ поѣхалъ. И разскащикъ прибавляетъ; «дальнѣйшей его судьбы я пока не знаю».

Но если въ повѣсти, названной «Чертами», нѣтъ ни одной черты, стоющей человѣческаго вниманія, посвятимъ нѣсколько строчекъ, по крайней-мѣрѣ, этой «дальнѣйшей судьбѣ» предпринимателя, къ которой «Русское Слово», вѣроятно не безъ причины, остается такъ безучастно. Мы угадываемъ эту судьбу. Предприниматель, конечно, попался. И попался благодаря болтовнѣ «Рус. Слова». И самое худшее здѣсь, безъ сомнѣнія, то, что онъ попался именно по милости этой болтовни, повидимому, для него сочувственной, такъ какъ разскащикъ «Рус. Слова», личныя свои отношенія къ своему герою называетъ пріятельскими. Ну, скажите на милость, можно ли разбалтывать подобныя вещи о пріятеляхъ? Допустимъ, что «Рус. Слову» могла быть неизвѣстна въ подлинникѣ тетрадка о «человѣческихъ отношеніяхъ», которую унаслѣдовалъ герой его разсказа отъ учителя. Но на столько-то, чтобы не предавать своихъ пріятелей, «человѣческія отношенія» должны быть извѣстны и изъ болѣе

Digitized by Google

общихъ источниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, если по настоянію «Рус. Слова», уже необходимо обратить вниманіе на *предпріятіе*, изображенное въ его разсказѣ, то какое человѣчески-возможное смягченіе можно привести въ пользу такой совершенно нечеловѣческой нескромности «Рускаго Слова»? Не скрываемъ, что вопросъ этотъ насъ волнуетъ, но постараемся быть хладнокровны.

Вопервыхъ, предположимъ, что «Русское Слово» будетъ извинять себя желаніемъ оградить свою собственную безопасность. Герой опубликованнаго имъ «предпріятія» былъ пріятельски знакомъ съ однимъ изъ его сотрудниковъ, именнно съ разскащикомъ, и слѣдственно, находился какъ-бы въ соприкосновеніи и со всѣмъ «Русскимъ Словомъ». Допустимъ безусловно, что «Руское Слово», съ одной стороны, сознавало всю безразсудность самаго «предпріятія», а съ другой, нисколько не разсчитывало, чтобы «здоровая и нормальная натура» предпринимателя не подчинилась, въ случаѣ его изловленія, естественной человѣческой слабости, при первомъ же допросѣ насчетъ связей и соучастниковъ. Но что же изъ этого? Даже и эти уступки объясняютъ единственно только то, что опасенія «Русскаго Слова» были болѣе или менѣе естественны, а отнюдь не то, чтобы его публикація не была возмутительна. Для того, чтобы разорвать опасную связь, чтобы предохранить себя отъ напрасныхъ оговоровъ, которымъ уже бывали примѣры, оно могло бы обратиться къ другому, менѣе возмутительному способу, потому что тотъ, къ которому оно обратилось, не единственный. Напримѣръ: вмѣсто того, чтобы разоблаченіе «предпріятія» дѣлать на своихъ либеральныхъ страницахъ, оно могло отправить своего разскащика къ подлежащимъ властямъ. Для вящшей предосторожности могло даже посовѣтовать ему въ догонку — позабыть, какъ отворяются двери у «Русскаго Слова»? Въ видахъ самосохраненія, этого было бы совершенно достаточно. И, слѣдственно, изъ видовъ самосохраненія публикація «Русскаго Слова» никакимъ образомъ оправдана быть не можетъ. Нравственное чувство не мирится съ ней на этой сдѣлкѣ.

Вовторыхъ, «Русское Слово» можетъ опереться на свое чувство законности. Оно можетъ сказать, что есть статья, по которой знающіе о существованіи «предпріятія», но неоткрывающіе о томъ, отвѣтствуютъ передъ закономъ какъ-бы соучастники «предпріятія». Правда, такая статья есть. Но, съ одной стороны, въ противоположность этой статьѣ, есть другая, въ которой доказчику обѣщается первый кнутъ; слѣдственно, «Русское Слово», при его несомнѣнныхъ діалектическихъ способностяхъ, всегда имѣло возможность уклониться отъ отвѣтственности по первой статьѣ, опираясь на вторую. А съ другой стороны, законъ, ко-

Digitized by Google

торый могъ казаться угрожающимъ «Русскому Слову», безъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду только «предпріятія» совершенно серьёзныя. Но ужели «Русское Слово» думаетъ, что опубликованное имъ предпріятіе имѣетъ какое нибудь серьёзное значеніе? Одно изъ двухъ: или оно думаетъ это, или не думаетъ. Но если оно этого не думаетъ, тогда оно напрасно и компрометируетъ себя своимъ безполезнымъ опубликованіемъ; а если думаетъ, то именно поэтому-то самому означенное «предпріятіе» уже и не должно считаться серьёзнымъ, такъ-какъ «Русское Слово» ни о чемъ серьёзномъ, или серьёзно, думать не можетъ. Съ этою мыслью «Русскому Слову» ужь, кажется, пора бы сродниться.

Втретьихъ, предположимъ, что «Русское Слово» рѣшится на самое фантастическое оправданіе. Оно скажетъ, что на составленіе «предпріятій» оно смотритъ просто, какъ на одинъ изъ родовъ общественной дѣятельности, допускаемый на основаніи принципа «самодѣятельнаго развитія всѣхъ силъ». Потому, публикуя объ извѣстномъ ему «предпріятіи», оно думало сдѣлать такую же обыкновенную вещь, какъ еслибы заявило, что сапожникъ шьетъ сапоги, или — Шандоръ дѣлаетъ лампы. Къ этому оно можетъ прибавить, что этотъ родъ дѣятельности у насъ такой еще новый, а труженики по этой части такъ мало имѣютъ видимыхъ, и даже невидимыхъ, успѣховъ, что безъ помощи сочувственнаго опубликованія, о нихъ, пожалуй, никто никогда и знать не будтъ. А между тѣмъ, какъ бы эта дѣятельность ни была скромна, со стороны общества все же какъ будто неблагодарно совершенно ее игнорировать.—Этотъ резонъ, повидимому, имѣетъ болѣе основанія, чѣмъ два предъидущіе; однако, примѣняя его къ частному случаю опубликованнаго «Русскимъ Словомъ» труженика, можно предположить, что это—или честолюбивый человѣкъ, стремящійся къ отличіямъ и почестямъ, или, напротивъ, скромный какъ всѣ труженики. Но если онъ человѣкъ честолюбивый, то вмѣшательство «Русскаго Слова», по самой меньшей мѣрѣ, можно назвать напраснымъ и преждевременнымъ, такъ-какъ труженикъ, еслибы онъ только захотѣлъ, могъ во всякое время, собственной иниціативой, добиться огласки своего «предпріятія» отъ перваго попавшагося станового, признавшись ему во всей подробности. Того же самаго и съ тою же легкостію онъ могъ добиться и отъ раскольниковъ, потому что кто же не слыхалъ про тѣ случаи, гдѣ достаточно было простого заявленія передъ этими людьми о «предпріятіи», чтобы получить полную извѣстность. Но если же это былъ человѣкъ скромный, нисколько нескучавшій своею неизвѣстностію, чѣмъ тогда оправдать вмѣшательство «Русскаго Слова»? Оно запутается и скажетъ:

Digitized by Google

ненарушимостію общественнаго порядка. Безспорно, это можно бы было принять въ уваженіе. Но вѣдь порядокъ и безъ того не былъ бы нарушенъ. Мы уже разъ сказали, и принуждены повторить, что ничто соприкосновенное съ «Русскимъ Словомъ» никакого порядка нарушить не можетъ, развѣ исключая порядка мыслей самого «Русскаго Слова», что́ однако ни для кого не важно. Это можно признать за аксіому. И слѣдственно, разсматривая публикацію «Русскаго Слова» даже и въ этомъ новомъ свѣтѣ, мы все-таки должны видѣть въ ней, въ умственномъ отношеніи—плеоназмъ, въ нравственномъ—опрометчивость.

Но не будемъ строго судить «Русское Слово». Будемъ лучше думать, что его не то-что невозможно оправдать, а только невозможно понять. Въ послѣднее время оно все чаще и чаще своими твореніями вызываетъ воспоминаніе о той удивительной рыбѣ, которая подплыла къ какому-то городу и сказала какія-то три слова, до того непонятныя, что ученые и до сихъ поръ все еще тщетно стараются объяснить ихъ. Оставляемое нами произведеніе будетъ одно изъ этихъ словъ, а два остальныя, въ которыхъ намъ предстоитъ дать отчетъ, будутъ остальными словами, сказанными рыбою.

Чужіе между своими, какъ уже видно по самому заглавію этого произведенія, тоже «черты изъ жизни хорошихъ людей». Передать содержаніе этого произведенія, можетъ быть, еще болѣе невозможно, и мы даже жалѣемъ, что отмѣтили его. Но насъ, при этомъ, утѣшаетъ то свойство произведеній «Русскаго Слова», что они равно существенны во всѣхъ частяхъ, и даже малѣйшихъ чертахъ своихъ; потому относительно предлежащаго произведенія, мы просто разсчитываемъ заимствоваться подлинными его чертами, не дѣлая между ними особенно строгаго выбора, хотя, по возможности, не нарушая ихъ гармоніи. Правда, при этомъ мы можемъ встрѣтиться съ чертами — нетолько нехорошими, но иногда, можно сказать, положительно непристойными; но если это существенный характеръ произведенія, то, конечно, мы не обязаны, и едва-ли въ правѣ, искажать его. А съ другой стороны, намъ немалое облегченіе представляетъ и то, что въ этомъ произведеніи мы встрѣчаемъ такую полную солидарность съ предъидущимъ, что непремѣнно назвали бы этотъ случай удивительнымъ и невѣроятнымъ, еслибы встрѣтились съ нимъ гдѣ-нибудь, кромѣ «Русскаго Слова».

Конечно, вы всего менѣе могли бы надѣяться, чтобы «главнымъ сюжетомъ» было еще разъ «предпріятіе». Но это именно оно. Вы даже встрѣчаете то же самое приглашеніе—не обращать вниманія ни на что, и только помнить, что авторъ (это подлинныя

Digitized by Google

слова его) «пишетъ повѣсть, въ которой хотѣлъ бы, по возможности, меньше вдаваться въ описанія *какихъ бы то ни было* случайностей».

Дѣйствительно, случайностей почти вовсе нѣтъ никакихъ: все затопляется предпріятіемъ! Самыхъ даже людей нѣтъ: дѣйствуютъ, или нѣтъ... потому что дѣйствія тоже нѣтъ; правильнѣе сказать — пономарствуютъ какіе-то *организмы*, которые раздѣляются на женскіе и мужскіе.

Главные женскіе организмы въ повѣсти называются Александра Борисовна, или Саша, и Варвара Борисовна — родныя сестры. Онѣ живутъ на хуторѣ, съ старикомъ отцомъ. На хуторъ ходятъ два мужскіе организма: Черноперовъ и Братановъ. Первый дружитъ съ Варварой Борисовной, второй состоитъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ Сашей, но дружитъ въ другомъ мѣстѣ, съ одною швейкою, Вѣрочкой. Выпишемъ по нѣскольку строчекъ, относящихся къ каждому изъ этихъ организмовъ. О Сашѣ разсказывается:

«Александра Борисовна родилась на хуторѣ. *Организмъ* ея скоро и легко привыкъ къ жизни, потому что въ томъ краѣ нѣтъ рѣзкихъ переходовъ отъ тепла къ холоду... Затѣмъ она стала развиваться. Мать ея была женщина здоровая и сама кормила дѣтей, значитъ—и въ отношеніи пищи не послѣдовало рѣзкаго перехода. Саша быстро росла и крѣпла» (Январь 1865 года, стр. 115).

Умственное развитіе Саши, какъ само-собою разумѣется, совершалось самодѣятельнымъ образомъ. И конечно, дѣло шло недурно, потому что «*организмъ* этого ребёнка не былъ изувѣченъ». Вообще на этотъ счетъ авторъ замѣчаетъ:

«Хорошо живется неиспорченному *организму* въ неиспорченной обстановкѣ. И дѣлалъ здоровый *организмъ* Саши все, что онъ можетъ самъ по себѣ сдѣлать. А могъ онъ сдѣлать много: могъ усвоить все, кромѣ тѣхъ знаній, для которыхъ нужны вспомогательныя средства науки — микроскопы, телескопы, реторты» (стр. 117).

Такимъ-то образомъ Саша и выросла, хотя не получивъ свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ при помощи исчисленныхъ сейчасъ инструментовъ, но за то обладая вполнѣ всѣми остальными.

Варвара Александровна, старшая сестра Саши, развивалась еще несравненно самостоятельнѣй. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго атестата, даваемаго ей авторомъ:

«Въ восемнадцать лѣтъ—говоритъ онъ—она полюбила какого-то господина, но, къ счастію, замужъ за него не вышла, и поэтому, когда она увидѣла *вскорѣ* всю гадость натуришки своего

Digitized by Google

любимца, то ничто не помѣшало ей отъ всего сердца плюнуть на него» (стр. 125).

Курсъ своего развитія Варвара Александровна закончила тѣмъ, что сбѣжала изъ дома, въ родѣ того, какъ изъ университетовъ посылаютъ за границу. И только ужь окончательно усовершившись, она опять вернулась на хуторъ. Теперь, какъ сказано, она дружитъ съ Черноперовымъ.

А Черноперовъ такой организмъ, что встрѣченный даже въ «Русскомъ Словѣ», все-таки кажется черезчуръ радикальнымъ. По лѣтамъ онъ уже—съ сѣдою бородою, по професіи — содержатель библіотеки для чтенія по дешевой цѣнѣ, по нравамъ и обычаямъ—пьяница горчайшій и циникъ самаго отвратительнаго свойства, хотя, по намѣренію автора, эти-то двѣ «черты»—цинизмъ и пьянство—должны казаться особенно «хорошими» въ его «хорошемъ человѣкѣ». Какой у Черноперова поганый языкъ, такъ трудно даже вообразить или вспомнить что-нибудь поганѣе этого. Такъ, напримѣръ, спрошенный однажды расположеннымъ къ нему отцомъ саморазвитыхъ барышенъ-хуторянокъ, отчего онъ всегда такъ сердитъ и озлобленъ и чего ему недостаетъ еще, онъ отвѣчалъ:

«А вотъ у лакея твоего вши башку съѣли. Жретъ онъ сегодня чортъ знаетъ чтó, а завтра Богу душу отдастъ. Весело смотрѣть!» (стр. 124).

Въ другой разъ на замѣчаніе Братанова, что его — Черноперова — сильно недолюбливаетъ мѣстное барство, онъ отрѣзалъ, что нетолько барство, а «все, чтò жирно жретъ и сладко спитъ».

Остается Братановъ. Это—главнѣйшій организмъ въ повѣсти, потому—наукамъ, которыя онъ знаетъ, просто нѣтъ счета, и тупости его нѣтъ никакого предѣла. Для вящаго изученія состоянія умовъ въ народѣ онъ занимается какой-то прибыльной торговлей, и какъ кажется, нашими законами — недозволенной; по крайней-мѣрѣ, по нѣкоторымъ темнымъ намекамъ на его товаръ, можно съ вѣроятіемъ заключить, что онъ торгуетъ... мертвечинными кожами. О его наружности и первоначальномъ развитіи говорится:

«Борода у него была уже густая, *организмъ* сильный и здоровый... Въ выраженіяхъ Братановъ былъ грубъ, потому отчасти, что былъ поповскій сынъ, обучался въ семинаріи, а выйдя оттуда, скоро убѣдился, что въ отношеніяхъ съ людьми не стоитъ особенно церемониться, и для всякой мысли прибирать смягчающія, а иногда совсѣмъ коверкающія смыслъ слова. Мозги у него развивались самостоятельно.»

Digitized by Google

Ну, вотъ почти и всѣ прикосновенные къ дѣлу организмы. Остается знать, какъ они ведутъ свое предпріятіе. И кажется, еслибы мы разсчитывали узнать теперь что-нибудь до чрезвычайности интересное, то наши разсчеты не былибы излишнимъ притязаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бельлетристъ «Русскаго Слова» не остановился предъ необычайною щекотливостью своего сюжета, то для того, чтобы быть увлекательнымъ, ему слѣдовало только быть подробнымъ и обстоятельнымъ. Его успѣхъ могъ быть обезпеченъ однимъ простымъ и толковымъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ «предпріятія». И нельзя сказать, чтобы онъ хотѣлъ утаить что-нибудь, или навести только на слѣдъ, полагаясь во всемъ остальномъ на опытность и проницательность болѣе искусныхъ изслѣдователей. Но онъ, повидимому, такъ много разсчитывалъ на обаяніе своего сюжета, что совершенно отрѣшился отъ всѣхъ условій, которыя дѣлаютъ нашу человѣческую рѣчь вразумительной. Не должны ли мы нѣкоторую долю подобной отрѣшенности приписать тому, что разбираемое произведеніе появилось еще при цензурномъ порядкѣ? Намъ приходило это на умъ. Но мы хорошо знаемъ, что между законоположеніями цензурнаго устава, и даже вообще между всѣми законоположеніями нашей страны, нѣтъ ни одного, которымъ бы запрещалось плести плетень или городить городьбу: этимъ-то, между прочимъ, и объясняется, что «Русское Слово» всегда выходило, можно сказать, безъ цензуры. Что же касается собственно настоящаго случая, то экспансивность «Русскаго Слова», въ цензурномъ отношеніи—скорѣе заслуживала поощренія, чѣмъ могла встрѣтить преграды; по крайней-мѣрѣ въ томъ предположеніи, если цензоръ почтеннаго журнала не держалъ руку предпринимателей. Для насъ, впрочемъ, все равно, чѣмъ бы ни объяснялось у бельлетриста почтеннаго журнала его крайнее равнодушіе къ искуству человѣческой рѣчи. Но намъ, какъ уже сказано, предстоитъ познакомить читателя съ тѣмъ, какъ въ произведеніи почтеннаго журнала ведутъ «предпріятіе», и мы считали должнымъ еще разъ оговориться, что можемъ сдѣлать это не иначе, какъ подлинными словами самаго произведенія: всякій другой способъ былъ бы рѣшительно произвольнымъ. Самыя слова, относящіяся къ этому предмету, будемъ брать на удачу, гдѣ откроется. Напримѣръ:

«— Сильно здѣсь пахнетъ водкой? спросилъ Черноперовъ (у завернувшаго въ его квартиру Братанова).

«— Сильно, отвѣчалъ Братановъ. Какой вы вкусъ находите въ водкѣ?

Digitized by Google

«— Что̀ за вкусъ? никакого не нахожу... Дѣло въ томъ, что я устаю страшно, не руки, не ноги устаютъ, а устаетъ мозгъ.

«— Отчего? спросилъ Братановъ.

«— Отчего? повторилъ Черноперовъ. А оттого, мнѣ кажется, что мозгъ мой устроенъ не по настоящей жизни, а жить приходится въ ней. Жизнь всегда давала мнѣ вовсе не то, что̀ нужно было моему *организму*.

«— Не думаю, сказалъ Братановъ.

«— А я знаю (отвѣчалъ Черноперовъ); но дѣло въ томъ, что теперь *организмъ* мой безпрестанно проситъ иной жизни, а память безпрестанно приводитъ факты, доказывающіе неисполнимость это желанія.

«— Позвольте, заговорилъ Братановъ. На мой взглядъ это не ладно. *Организмъ*, что ли, не по жизни у васъ сложился, вы говорите?

«— Скорѣе мозгъ... (январь, стр. 146).

И такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока пьяный кентавръ заболтался до бѣшенства и началъ орать во всю безобразную пасть свою: «гдѣ эти бойцы?» которые (то-есть) помогли бы исполнимости его мертвецки пьяныхъ желаній. И орать это въ «Русскомъ-то Словѣ», гдѣ нѣтъ ничего сокровеннаго? — Другой примѣръ:

«— Необходимо нужно знать — (заговорилъ Братановъ) — что̀ требуется *организму*. А иначе, тяжело, жизнь обижаетъ... тѣснитъ жизнь человѣка то съ той, то съ другой стороны, тяжело ему живется, онъ и кончитъ тѣмъ, что... перерѣжетъ себѣ горло, или въ келью запрется; то-есть выходитъ то, что стараясь избѣжать боли въ одномъ органѣ, онъ превращаетъ весь *организмъ* въ гніющій трупъ.

«— Что̀ же нужно *организму?* спросила Александра Борисовна.

«— Не богъ-знаетъ ѳиміамы какіе. Необходимо-то вотъ что̀: — чистый воздухъ, здоровая пища и работа...

«— Скажите, гдѣ жь ее взять?

«— Мало-ли работы... Есть, Александра Борисовна, нѣкоторое удовольствіе въ чувствѣ, что я не отступилъ передъ трудностями грандіозной работы, узналъ, какія нужны для нея средства, пріобрѣлъ ихъ... знаній нѣтъ — пріобрѣлъ знанія; денегъ нѣтъ — пріобрѣлъ деньги; людей нѣтъ — нашолъ и людей? Этакая работа, какъ видите, не всякому подъ силу (янв., стр. 129).

Если подъ именемъ «грандіозной работы» здѣсь разумѣется не торговля мертвечинными кожами, то, конечно, «предпріятіе». Но странно, какъ это въ «Русскомъ Словѣ» рѣшаются напечатать все, рѣшительно все, что̀ только можетъ быть самаго несообразнаго во всемъ свѣтѣ! Работа перваго рода, какъ мы замѣтили, положительно запрещена нашимъ закономъ, и слѣдственно, какъ она можетъ быть присовѣтована какому бы ни

Digitized by Google

было организму, нерасположенному знаться съ становыми, и уже особенно организму женскому? Что же касается до второй, то-есть до того, что̀ въ «Русскомъ Словѣ» называется «предпріятіемъ», то хотя это и терпимый родъ занятія, но наконецъ нужно же спросить: въ какой мѣрѣ эта работа можетъ считаться производительною? Сколько можно наблюдать въ повѣстяхъ «Русскаго Слова», она состоитъ въ томъ, чтобы зайдти въ «базарную таверну», походить по базару, потолкаться около хлѣбныхъ барокъ, и, если останется лишнее время, потолковать съ какимъ-нибудь «умнымъ, начитаннымъ мужикомъ» о «нуждахъ и условіяхъ организма», или съ купцомъ Скрыпинковымъ о деревянной рыбѣ. Но вѣдь за все за это денегъ, какъ надо полагать, ни откуда не выдаютъ. А между тѣмъ, организмъ, и особенно «здоровый и нормальный», какъ въ «базарной тавернѣ» такъ и на базарѣ, долженъ встрѣчаться со всякими соблазнами. Что̀ же за положеніе этого организма? Въ повѣстахъ «Русскаго Слова» обыкновенно ни за что не считается предложить организму и закусить, и выпить, и даже покурить. Но очевидно, что это чисто-романтическая вольность. Съ другой стороны, допустимъ невѣроятное: предположимъ, что организмъ деньги откуда-нибудь получаетъ — отъ правительственнаго или частнаго учрежденія — все равно. Но не будетъ ли онъ, въ этомъ случаѣ, тѣмъ самымъ паразитомъ, презрѣннѣйшимъ изъ тунеядцевъ, котораго онъ самъ же постоянно стремится изобличить? Потому что нельзя же согласиться, чтобы практикуемыя имъ занятія были работою, за которую стоило бы его упитывать и вообще поддерживать въ нормальномъ состояніи.

Раскрываемъ еще. Попался монологъ самого автора. Но все равно, онъ ничѣмъ не разнится отъ діалоговъ его повѣсти, потому выпишемъ и его:

«Я сказалъ, что люди обезсилили дѣятельность мысли Александры Борисовны, а теперь говорю, что *организмъ* ея былъ здоровъ, и по моему здѣсь нѣтъ противорѣчія, потому что поставить *организмъ* въ бездѣйствіе, значитъ...» (Февраль, стр. 75).

Впрочемъ, разсужденіе, это хоть оно и склоняется подъ конецъ предпріятію, оказывается неудобнымъ для выписки, потому что въ какихъ-нибудь двухъ стахъ словахъ, изъ которыхъ состоитъ оно, *организмъ* упоминается ровно сорокъ разъ. Потому переворачиваемъ на слѣдующую (36) страничку и читаемъ:

«Ростъ *организма* продолжался, съ ростомъ пришла потребность любви, и Александра Борисовна полюбила Братанова...»

Digitized by Google

Опять бросаемъ и перекидываемся еще на слѣдующую страницу (38):

«Скажу въ немногихъ словахъ, что хорошо было это пробужденіе молодаго *организма*».

О! еслибы это было сказано лишь въ немногихъ словахъ, или, еслибы мы встрѣтили хоть немного словъ, гдѣ бы не было сказано то же самое. Но прочитавъ повѣсть «Русскаго Слова», можно отвыкнуть отъ пищи; можно дойдти до того, что вашъ супъ, ваши макароны будутъ казаться вамъ организмами, перемѣшанными съ «предпріятіемъ». И какіе это все гадкіе и противные организмы: пьющіе по кабакамъ, воняющіе мертвечинными кожами, говорящіе на арго арестантовъ и бурсы, циничные, невѣжественные, глупые, и даже глупые-то какимъ-то особенно отвратительнымъ образомъ. Но попытаемся еще раскрыть, авось очутимся въ лучшей компаніи. Читаемъ:

«Безпощадно и злобно ругая чуть не весь міръ человѣческій, Черноперовъ вошелъ или, лучше, влѣзъ въ самый гадкій кабакъ. Въ кабакѣ былъ сапожникъ Григорьевъ и другой подмастерье...» (Февраль, стр. 44).

Но эту цитату, которая могла бы быть такъ же длинна, какъ и нестерпима по своему цинизму, мы лучше докончимъ сами двумя словами. Черноперовъ, какъ человѣкъ «хорошій» самъ по себѣ и очутившись кромѣ того въ хорошей компаніи, захотѣлъ залить свое горе виномъ; однако не залилъ; неотступная мысль, что сколько тутъ ни пей, а бойцовъ все-таки нѣтъ и нѣтъ, одолѣла его, и онъ... удавился. Да, онъ удавился. Онъ удавился, и только. Значитъ, одинъ изъ узловъ хитросплетенной повѣсти развязанъ. Спился и удавился—каково искуство вести или распутывать интригу. По поводу этой неожиданной развязки намъ представляется случай познакомиться съ тѣмъ, какъ «Рус. Слово» понимаетъ «новыхъ женщинъ» и какъ, по его мнѣнію, эти женщины должны оплакивать любимыхъ ими людей, въ случаѣ, если они удавятся. Припомнимъ, что Черноперовъ дружилъ съ Варварой Борисовной. Этотъ нѣжный организмъ узналъ о горестномъ для него событіи въ то время, когда изволилъ кушать свой вечерній чай; онъ, конечно, и откушалъ его, и только уже послѣ чаю отправился въ темную комнату и легъ на кровать вверхъ лицомъ. Затѣмъ будетъ говорить авторъ:

«У Варвары Борисовны *расширился взглядъ* на жизнь при мысли о смерти Черноперова. Да и самый образъ его сдѣлался свѣтлѣе и ярче. Не мудрено—сильно любила его Варвара Борисовна.

Digitized by Google

Долго она раздумывала. Наконецъ пришла со свѣчею Александра Борисовна.

«Варвара Борисовна встала, *закурила папироску и опять легла.*

«— Нехорошо поступилъ Черноперовъ, сказала Саша.

«— Отчего? спросила Варвара Борисовна.

«— Жилъ бы да жилъ. Можетъ быть, и вышло бы что-нибудь хорошее (то есть авось бы нашлись «бойцы.»).

«— Нѣтъ, Саша, что ужь жить, когда никакихъ радостей въ жизни нѣтъ».

Подобной широты во взглядѣ, казалось бы, совершенно достаточно нетолько для новаго, но даже для самоновѣйшаго женскаго организма. Никакая земная тварь, еслибы только ей дать языкъ, не была бы безсмысленнѣй. Но «Рус. Слово» недаромъ выдумало свой «базаровскій элементъ въ искуствѣ». Вѣроятно, оно очень требовательно. Потому взглядъ Варвары Борисовны все расширялся-расширялся, образъ Черноперова, удавившагося лишь нѣсколько часовъ назадъ, съ каждой минутой становился въ ея глазахъ все свѣтлѣе и ярче, и она наконецъ заговорила съ своею сестрою такъ, какъ не говорятъ, вѣроятно, нетолько въ магдалининскихъ пріютахъ, но даже и тамъ, гдѣ живутъ Магдалины прежде, чѣмъ раскаятся. Приведемъ изъ ея рѣчей наиболѣе приличныя:

«— А знаешь ли, на кого я попала съ моей первой любовью?— спросила Варвара Борисовна.

«— На кого?

«— Трудно назвать тебѣ это съ положительною вѣрностью: на мерзавца или на животное? *Это съ первой-то горячею любовью*, когда, кажется, всѣ гадости въ мірѣ простить можно за то только, что самой пришлось полюбить и пожить счастливо!—Вотъ какъ вышло, Саша. Право же, хуже такихъ людей, какъ мой *первый предметъ*, нѣтъ на свѣтѣ, и проч. (стр. 53).

Галантерейность чувствъ и выраженій въ этомъ монологѣ, прерванномъ нами на самомъ интересномъ мѣстѣ, конечно, можетъ идти въ параллель только съ суровою рѣчью мужскихъ организмовъ, пономарствующихъ въ повѣстяхъ почтеннаго журнала. «Русское Слово» знаетъ, гдѣ какого тона надо держаться: и голубицей воркуетъ, и рычитъ по звѣриному. Но что всего замѣчательнѣе, самый же этотъ элегантный организмъ, окруженный атмосферой соединенныхъ ароматовъ кухни и черной лѣстницы, въ этомъ же самомъ монологѣ, своими милыми устами громитъ какую-то пошлость человѣческихъ чувствъ, рѣчей и помышленій. Ея «первый предметъ», ради котораго она произошла свою академію, былъ, какъ оказывается, изъ такъ-называемыхъ comme il faut. Этого «Русскому Слову» было довольно: comme il faut, какъ мы всѣ

Digitized by Google

знаемъ, опаснѣйшій изъ враговъ «Русскаго Слова», можетъ быть даже, единственно-опасный врагъ его; comme il faut — это укоризна его совѣсти, это злѣйшая Эриннія, какая только можетъ терзать его внутренности, это его монстръ (monstre), передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ его кентавры; побѣди «Русское Слово» comme il faut, тогда оно непобѣдимо; самъ «Современникъ» сталъ одерживать надъ «Русскимъ Словомъ» нѣкоторую поверхность только съ той поры, какъ тоже, по возможности, сталъ прикидываться comme il faut, тогда, какъ «Русское Слово» въ своей враждѣ съ этимъ чудовищемъ, дошло наконецъ (фактъ!) до какого-то «шельмецкаго пасквилянта». И вотъ на этого-то comme il faut, а ради него и на все наше общество, «Русское Слово», придравшись къ случаю, напустило одну изъ самыхъ презрѣнныхъ мегеръ своихъ, заставляя ее громить человѣческую пошлость. Несообразность явная, и однако въ «Русскомъ Словѣ» повторяющаяся безпрестанно. Такъ, напримѣръ, его публицистамъ покажется, будто великій мыслитель Милль не довольно почтительно отзывается о заслугахъ другихъ великихъ мыслителей, которые ему предшествовали, и они называютъ за это великаго мыслителя Милля глупцомъ, идіотомъ и наглецомъ. Какъ будто это есть урокъ той самой почтительности, которую отъ нихъ слѣдовало бы перенять великому мыслителю Миллю. Или имъ представится, будто гордость нашей земли—Пушкинъ былъ только невѣжественный, легкомысленный и малограмотный вѣтреникъ, и они удѣляютъ въ своемъ почтенномъ журналѣ цѣлую массу трапичекъ, примѣрно листовъ десять, единственно на то, чтобы замарать ихъ этими непристойными эпитетами. Какъ будто въ этомъ есть хоть крупица вѣжливости, глубокомыслія, или даже грамотности. И вотъ такъ точно, съ удивительною вѣрностью этому трудно объяснимому явленію, ведутъ себя и всѣ, пономарствующіе въ повѣстяхъ и романахъ «Русскаго Слова» организмы. Они высказываютъ сужденія совершенно безпримѣрной тупости, они высказываютъ ихъ на языкѣ, который не всякій слухъ и вмѣстить-то можетъ. Они творятъ мерзости явныя и безапелляціонныя, они такіе циники, что даже лицъ своихъ не умываютъ, даже особую атмосферу вокругъ себя распространяютъ, и въ то же время—вообразите! все волнуются противъ какой-то грязи и пошлости. О, еслибы эти очаровательные организмы, какимъ нибудь чудомъ понять могли, что даже самая грязная грязь, противъ какой только могутъ вопіять они, все-таки менѣе чѣмъ слабая тѣнь грязи, ихъ самихъ утопляющей, тогда первое, что̀ имъ пришло бы въ голову сдѣлать, это — устремиться на взморье! Невскихъ водъ имъ показалось бы мало.

Digitized by Google

Намъ остается показать, какъ развязаны въ повѣсти остальные узлы. То-есть, говоря строго, узловъ тутъ никакихъ не было, и не могло быть, если не принимать это слово въ буквальномъ смыслѣ. Человѣческія отношенія между «новыми людьми», какъ мы давно уже знаемъ, такъ просты и естественны, какими они могли, вѣроятно, быть развѣ въ періодъ, предшествовавшій свайнымъ постройкамъ, когда люди дѣйствительно были еще «новыми». Узлы возможны только между существами, взаимно другъ друга, а равно и самихъ себя, уважающими; они возможны тамъ, гдѣ дѣйствуютъ лица, настолько нравственно-развитыя и общественно-прирученныя, что для разрѣшенія всякихъ столкновеній между ними, по необходимости требуются орудія тонкія и деликатныя, а не заѣзжаніе по мордѣ и не «здоровенная палка», безъ которой, между прочимъ, въ эпопеяхъ «Русскаго Слова» ни одинъ нормальный организмъ не дѣлаетъ шагу. Но если мы употребили уже слово «узлы», то надо же прибѣгать къ какимъ-нибудь терминамъ. Развязаться слѣдовало отношеніямъ Братанова, съ одной стороны — къ Сашѣ, съ другой — къ швейкѣ Вѣрочкѣ. Относительно Саши узелъ былъ завязанъ и разрѣшенъ такимъ образомъ. Мы уже видѣли, изъ двухъ или трехъ вышеприведенныхъ цитатъ, какъ этотъ молодой организмъ пробуждался. Наконецъ, онъ совсѣмъ пробудился и почувствовалъ, что пора его настала и предопредѣленный часъ пробилъ. Часъ этотъ былъ ночной и, слѣдственно, подвигающій на рѣшительныя мѣры. Саша рѣшилась—и отправилась къ Братанову.

«Я была на вечерѣ (объяснилась она) и теперь вздумала заѣхать къ вамъ. Мнѣ хотѣлооь бы переговорить съ вами... *Она закурила папироску*» (Февраль, стр. 69).

Но оказалось, что Братанову, по его пономарскому «дѣлу», на другой же день требовалось отправиться въ другой край, и слѣдственно, и дружить было не изъ чего. Съ своей стороны Саша искать полезной дѣятельности своимъ пробудившимся спламъ отправилась, какъ это часто случается, въ Петербургъ. Но въ Петербургѣ, разумѣется, всѣ мѣста оказались занятыми. Ея организму, послѣ добровольно оставленной, и неизвѣстно зачѣмъ оставленной, привольной жизни вскорѣ пришлось совсѣмъ плохо; наконецъ, онъ разстроился и умеръ въ больницѣ. Такъ именно и напечатано:

«Разстроенному *организму* (говоритъ авторъ) мало могло помочь отчаянье нетолько въ возможности своего счастья, но даже въ возможности жить. *Организмъ* постепенно ослабѣвалъ и, черезъ мѣсяцъ, послѣ вступленія въ больницу, она умерла» (стр. 80).

Digitized by Google

— Ну—думаете вы—это уже, по-крайней-мѣрѣ, геркулесовы столбы. И вы горько ошибаетесь. Узелъ Братанова съ Вѣрочкой былъ, повидимому, закрѣпленъ немного прочнѣе, и это обстоятельство даетъ «Русскому Слову» проявить свое презрѣніе къ человѣческому смыслу уже въ самомъ рѣшительномъ свѣтѣ. Говоримъ—«Русскому Слову», потому что то, на что̀ мы сейчасъ укажемъ, есть нелѣпость не случайная, а вполнѣ солидарная со всѣми его міровоззрѣніями. Вѣрочка была простая, грѣшная Магдалина, и пока она оставалась такою, Братановъ уважалъ ее и даже помышлялъ о томъ, какъ бы сдѣлаться осѣдлымъ семьяниномъ, устроившись съ ней. Но въ Магдалинѣ вдругъ начинаетъ пробуждаться сознаніе своего паденія; она начинаетъ даже оплакивать свое прошедшее. Это Братанову очень не нравится. Къ тому времени, какъ ему нужно было отправиться по своему «предпріятію», привязанность Вѣрочки къ нему сдѣлалась такой исключительной, что ей тяжело было разстаться съ нимъ, даже на время. Это заставляетъ Братанова уже прозрѣть окончательно, что женщина эта совсѣмъ совратилась съ пути, и онъ въ ту же секунду къ ней охладѣваетъ и, разумѣется, бросаетъ ее. При этомъ очень умно онъ разсуждаетъ:

«Ну—говоритъ — промахнулся, значитъ, съ Вѣрочкой. По ея мнѣнію, самая сладкая жизнь тогда только, когда въ ней самоотверженіе царствуетъ, жертвы всякія совершаются. А по моему, ты *о себѣ* думай, а я *о себѣ* стану думать; ты *для себя* живи, а я стану жить *для себя*. И хорошо, кажется, и удобно, а нѣтъ, ломаютъ себя и свою собственную натуру, и другихъ къ тому обязываютъ.

«— Ты меня не любилъ, сказала Вѣрочка.—«Любилъ».—Такъ не любишь теперь.—«Не люблю».—За что̀ же?—«За то, что ты хочешь связать меня... Это я ненавижу» (стр. 76).

И между тѣмъ, это человѣческое бревно, эта тупица, въ то же время пономарствуетъ и хлопочетъ насчетъ «предпріятія». Какъ будто «предпріятіе» это такого свойства, что его можно предпринимать для *самого себя*. Наукою эгоизма отрицается ученіе о «предпріятіяхъ»; сопоставленныя вмѣстѣ, эти двѣ доктрины всегда будутъ враждебны, какъ скорпіонъ и фаланга. Дѣло ясное до послѣдней очевидности, и мы видимъ, какъ на своей ладони, что въ прозрачной глубинѣ «Русскаго Слова» не можетъ зародиться никакое «предпріятіе»: скорѣе горы сдвинутся съ своихъ основаній и возопіютъ камни, чѣмъ «Русское Слово» предприметъ что-нибудь такое, что̀ могло бы хоть на волосъ скомпрометировать голубиную непорочность его либеральныхъ предначертаній. Но зачѣмъ же такъ безпощадно навирать-то на себя?

Digitized by Google

Мы знаемъ, что «Русское Слово» было бы радо, о! оно безконечно было бы радо, еслибы мы смотрѣли на его «предпріятіе», какъ на нѣчто важное, оно возликовало бы тогда всѣми фибрами всѣхъ своихъ организмовъ. Но мы не можемъ доставить ему этого утѣшенія, какъ органу, неимѣющему права ни на одну изъ земныхъ радостей, какъ органу, проводящему въ русскую широкую жизнь узкую доктрину своекорыстія. И еслибы оно, почувствовавъ, наконецъ, всю дисгармонію своихъ убѣжденій, отказалось совсѣмъ отъ своей теоріи «предпріятій», и захотѣло бы, чтобы мы, по крайней-мѣрѣ, признали за нимъ ученіе объ эгоизмѣ, мы и тогда спросили бы его: зачѣмъ оно не соблюло этого ученія во всей его чистотѣ? Зачѣмъ оно такъ долго и такъ безкорыстно служило веселымъ цѣлямъ своихъ ближнихъ, изображало собою, такъ-сказать, титово милосердіе, и вообще составляло какъ-бы нѣкую утѣху?

Да, мы не можемъ признать за «Русскимъ Словомъ» ничего, кромѣ непорочной глупости, самой непорочной! Пусть оно выкидываетъ какіе ему угодно артикулы, чтобы представиться бѣшенымъ, отравленнымъ, или негодующимъ—мы всегда будемъ считать его только капризнымъ. Пусть оно громоздитъ безобразіе на безобразіе, завязываетъ узлы на узлахъ, пачкаетъ себя грязью по грязи, чтобы показаться страшнымъ—мы будемъ находить его только неумытымъ. Наконецъ, пусть оно превосходитъ (какъ и превзошло уже) самую «ракалію» своего учителя «Современника», пусть сочинитъ что-нибудь худшее самаго «шельмецкаго пасквилянта», съ цѣлію показаться рѣчистымъ — мы все-таки никогда — никогда! — не перестанемъ считать его гугнивымъ.

Житейская школа, въ которой мы переходимъ, не надолго задержитъ наше вниманіе; мы даже вовсе могли бы не останавливаться на этомъ произведеніи, еслибы не имѣли въ виду установить невѣроятный фактъ, что въ «Русскомъ Словѣ» можно набрать цѣлый рядъ повѣстей, которыя повторяютъ одна другую нетолько въ содержаніи, или въ «главномъ сюжетѣ», но рѣшительно во всѣхъ словахъ своихъ: только имена лицъ, изъ какого-то ложнаго приличія, измѣняются. Мы приняли бы за великое, даже за оригинальное отличіе этихъ произведеній другъ отъ друга, еслибы въ нихъ, напримѣръ, хоть «организмъ» попадался неодинаковое число разъ, или была бы допущена хоть сколько нибудь чувствительная разница во внѣшнемъ построеніи. Но намъ не сдѣлано и этой уступки. Они совершенно одинаково состоятъ изъ предметовъ—главнаго и второстепеннаго: главный—это «предпріятіе», или лучше, безсвязныя слова о немъ, второстепенный — это обыкновенно ничтожный по объему (примѣрно странички въ

Digitized by Google

полторы), но великій по своему безобразію, эпизодъ, выражающій неприличные взгляды почтеннаго журнала на женскій вопросъ. Главный пономарь «Житейской школы» называется Гребцовымъ. По званію своему, онъ учитель приходскаго училища. Кажись, какъ бы въ такой скромной долѣ помышлять о великомъ политическомъ значеніи? А между тѣмъ у «Русскаго Слова» — это герой... Но это такой герой, что его точною характеристикою мы боимся даже смутить читателя. Кто бы повѣрилъ, что герой этотъ составляетъ какую-то фантастическую смѣсь Еруслана Лазаревича съ Помяловскимъ? А между тѣмъ, вы можете сразу почувствовать это, хоть, напримѣръ, изъ слѣдующихъ рѣчей его, которыя онъ говоритъ при одномъ случаѣ:

«Если я справляю каждый день дѣльную работу, послѣ которой мнѣ захочется выспаться, захочется выдуть десять самоваровъ чаю или полведра пива, такъ отчего и не выспаться? отчего и пива не выпить? А что тутъ не видно эстетики, такъ мнѣ плевать на это» (іюнь, стр. 89).

Конечно, въ этой искусной композиціи, насколько въ ней упоминается о «дѣльной работѣ», слышится еще и доля г. Писарева. Но это уже разумѣется само собою. Многочисленныя цитаты этой статьи показываютъ, что художественныя произведенія «Русскаго Слова» почти столько же можно принимать за конкретное выраженіе остроумныхъ теорій этого писателя, сколько и за отпрыски первыхъ плодотворныхъ «разсказовъ о новыхъ людяхъ».

Громадная силища или машинища, съ которой достаточно знакомитъ уже одна приведенная цитата, точно такъ же тупа и ограниченна, какъ это почти обыкновенно бываетъ со всѣми «нечеловѣчески-здоровенными» организмами. Тѣмъ не менѣе (а можетъ быть, потому самому), произведеніе все цѣликомъ состоитъ изъ діалоговъ, гдѣ огромное большинство словъ извергается устами этой машинищи. Стало быть, о какой-нибудь связной передачѣ содержанія произведенія опять нечего и думать. Слова, и особенно лишенныя смысла, можно только цитировать. Но мы и это уже сдѣлали, потому что приведенныя нами цитаты точно такъ же относятся и къ этому произведенію, какъ и къ предыдущимъ, и въ такой же мѣрѣ могутъ считаться взятыми изъ него, какъ и изъ тѣхъ. Однако, какъ не бываютъ совершенно похожи другъ на друга даже два листа одного и того же дерева, то мы сдѣлаемъ одно указаніе относительно главнаго предмета и одно, касающееся эпизода, которыя уже и будутъ вполнѣ исчерпывать разницу настоящаго произведенія отъ предыдущихъ.

Собственно относительно главнаго предмета, въ предлежащемъ произведеніи мы могли замѣтить, что здѣсь неизмѣнное «пред-

Digitized by Google

пріятіе» какъ будто замышлено по болѣе широкому плану; оно, какъ намъ показалось, уже не ограничивается предѣлами нашего отечества, но къ участію въ немъ задумано привлечь нѣкоторые изъ сосѣдственныхъ намъ азіатскихъ народовъ. По крайней-мѣрѣ, мы встрѣчаемъ въ повѣсти одного лекаря, который, повидимому, довольно прозрачно намекаетъ на подобный планъ. Онъ въ самомъ же началѣ повѣсти отправляется на Амуръ — не потому, впрочемъ, чтобы его влекло въ этотъ край, но его влекли туда, какъ это иногда бываетъ. Передъ отправленіемъ своимъ онъ ведетъ съ богатырскимъ учителемъ интимную бесѣду, и какъ опытный предприниматель, способный извлекать пользу изъ всякихъ случайностей, даже изъ самыхъ, повидимому, безнадежныхъ, высказываетъ между прочимъ такія соображенія:

«На Амуръ такъ на Амуръ: и Амуръ страна хорошая. Покажу я имъ, что съ лекаремъ Болотовымъ, они все-таки ничего не подѣлаютъ. У меня тамъ камни вопіять станутъ, нетолько что люди. Порадѣю я имъ напослѣдокъ. Какъ змій буду мудръ, и какъ голубь, буду кротокъ, только ужь меня помнить долго будутъ» (стр. 87).

Мы не знаемъ хорошо амурской страны, но на сколько о ней пишутъ и разсказываютъ, кажется, что страна эта благопріятствуетъ пока не тому, чтобы «предпріятія» въ ней начинались, а тому, чтобы они тамъ оканчивались, по крайней-мѣрѣ, если устранить мысль объ иностранныхъ союзникахъ. Потому слова лекаря мы можемъ объяснять себѣ только въ смыслѣ сближенія съ китайцами. И это единственная особенность, на которую мы хотѣли указать въ разбираемомъ произведеніи, въ отношеніи главнаго предмета.

«Русское Слово» можетъ, пожалуй, возразить при этомъ, что главный пономарь въ этомъ его произведеніи подъ конецъ попался, чѣмъ и кончается его «предпріятіе». Но мы и о первомъ изъ разбираемыхъ произведеній замѣтили, что самый естественный и вѣроятный конецъ его былъ бы тотъ, еслибы главный пономарь его тоже попался. Да и въ предыдущемъ произведеніи, еслибы не было удавленика, непремѣнно былъ бы арестованный, хотя бы потому, что попалъ на трехъ-аршинный языкъ «Русскаго Слова». И слѣдственно, означенное возраженіе почтеннаго журнала, въ пользу оригинальности разбираемаго произведенія, не можетъ имѣть никакой силы.

Что касается до эпизода, то хотя онъ и кратокъ, однако вполнѣ способенъ нетолько отнять достоинство у человѣка, какъ царя природы, но, пожалуй, и приравнять его къ нижайшимъ изъ

Digitized by Google

подданныхъ. Дѣло въ томъ, что главнаго пономаря любятъ въ повѣсти; конечно, это только злоупотребленіе словъ, но про то уже всякій долженъ разумѣть самъ, какіе термины въ «Русскомъ Словѣ» слѣдуетъ понимать буквально, и какимъ придавать содомское значеніе. Имя любящему существу... но пусть оно будетъ просто существомъ. Пономарь, въ свою очередь, тоже любитъ существо, и притомъ очень сильно, такъ что на почетное предложеніе лекаря—ѣхать съ нимъ заключать союзъ съ китайцами, отговорился любовью. Но вдругъ существо получаетъ письмо отъ своего *прежняго предмета*, гдѣ-то сидѣвшаго и теперь откуда-то выпущеннаго. Слѣдуетъ сцена, гдѣ съ одной стороны любопытна философія существа, а съ другой достойно примѣчанія искуство бельлетриста «Русскаго Слова» въ изображеніи сильныхъ страстей:

«Такъ слушайте (говоритъ существо)—вѣдь мы съ нимъ были искреннѣйшими друзьями... онъ горячо меня любилъ; и хуже ли сдѣлался онъ отъ того, что такъ много выстрадалъ? Слѣдуетъ ли мнѣ теперь, когда онъ опять вышелъ на свѣтъ, когда онъ зовётъ меня, чтобы отдохнуть со мной, какъ съ лучшимъ другомъ, слѣдуетъ ли мнѣ оттолкнуть его? За что я оттолкну его любовь? Слѣдуетъ ли оскорблять его?

«— Не слѣдуетъ, угрюмо отвѣчалъ учитель.

«— Зачѣмъ же ты не хочешь сказать мнѣ дружескаго слова?

«Гребцовъ горько усмѣхнулся. Непримиримая, безпощадная злоба закипѣла въ его груди; порывисто раздувались его ноздри и, задыхаясь, кусалъ онъ губы. И досада, и обида, и злость сверкали въ его кровью налившихся глазахъ» (стр. 115).

Такъ глубоко «Русское Слово» постигаетъ сущность драматическихъ положеній и такъ кровожадно изображаетъ оно учительскія страсти! Поставить организмъ хотя милаго, но слабаго существа въ такой круговоротъ обстоятельствъ, что ему нужно переѣхать отъ одного своего *предмета* къ другому, *прежнему*—это ли не драма? Усугубить эту драму еще тѣмъ, что прежній предметъ уже пострадалъ за свое «предпріятіе», а второй хотя и не пострадалъ, но того и гляди, что училищный смотритель, который не дремлетъ, задастъ и этому *предмету* головомойку—это ли не искуство? И вотъ прошу покорно выбирать, въ самомъ дѣлѣ, и особенно «съ горячей-то любовію». Но «Русскому Слову» ни по чемъ развязывать подобные узлы. Оно дозволило на мгновеніе воскипѣть учителю всѣми адскими огнями ревности, но оставить его въ этомъ ненормальномъ настроеніи оно не можетъ; это было бы противно всѣмъ положеніямъ науки, такъ, какъ съ одной стороны доказано, что животныя не имѣютъ рев-

Digitized by Google

пріятіе» какъ будто ...
какъ намъ ...
отечеств
изъ сос
мы вс
довол
момт
впр
кат
др
г

вости, а только обуреваются страстями, а съ другой извѣстно, *что ревность есть страсть чисто-животная*. Потому, *черезъ се-*
лицу, дѣло принимаетъ такой оборотъ. Едва вышелъ рыкающій
учитель на улицу, голова его просвѣтлѣла. Очутившись въ своемъ
мурьѣ, онъ уже рычалъ противъ самого себя, какъ кровожаднаго
деспота. Тутъ же посѣтилъ его пріятель, узналъ въ чемъ дѣло
и хотѣлъ извинить въ немъ кровожадность тѣмъ, что дескать
голова, даже и такая здоровенная, можетъ находиться въ про-
тиворѣчіи чувствамъ. Затѣмъ въ «Русскомъ Словѣ» отпечатано:

«*Гребцовъ* бѣшено встаетъ. А! заговорилъ онъ, выпрямляясь во весь ростъ: такъ, значитъ, я могу быть убѣжденнымъ въ безобразіи мордобитія, съ пафосомъ проповѣдывать о безобразіи мордобитія и въ то же время заѣзжать въ рожу? Такъ, что ли? *Страшнымъ* деспотомъ я выглянулъ въ этомъ дѣлѣ! Экая натура моя богатая, этакой умъ могучій! (Гребцовъ злобно захохоталъ и принялся расхаживать по комнатѣ). Ну, братъ, сказалъ онъ наконецъ: эту глупость надо поправить» (стр. 120).

Можетъ быть, и «Русское Слово» полагаетъ, что подобную глупость, какъ эти лубочныя строки, тоже можно чѣмъ-нибудь поправить. Но оно заблуждается: эта глупость, какъ и всѣ остальныя, вытекаетъ изъ всей системы его мыслей, и выражена она на томъ самомъ арго, на которомъ его публицисты разбиваютъ въ пухъ и прахъ такія умственныя величины, какъ Пушкинъ, Маколей и Милль; эта глупость не хуже, чѣмъ умнѣйшія изъ его статей, доказываетъ ту любимую его доктрину, что-дескать ничто человѣческое ему недоступно — ни умъ, ни чувство, ни даже грамотность. Слѣдственно, чѣмъ же оно можетъ поправить эту глупость?

Но, можетъ быть, уже нѣсколько минутъ прошло, какъ наступила пора и читатель почувствовалъ, что и намъ-то нужно, наконецъ, представить оправданіе, привести резоны и бросить окончательно лучъ свѣта, почему и мы-то такъ долго останавливались на подобной глупости. А, можетъ быть, кому нибудь даже покажется, что мы нетолько долго останавливались на ней, но и напрасно брались за нее.

Нѣтъ!—мы протестуемъ. Это вы говорите теперь, когда вы знаете, что̀ это за глупость такая. Но эта глупость систематически, правильными періодами, пишется, печатается, продается за деньги; слѣдственно, она кѣмъ нибудь читается, и на ней кто-нибудь, и, можетъ быть, значительное число людей, притупляетъ свой умъ, развращаетъ свое чувство, грязнитъ воображеніе, даже разучается отъ хорошихъ манеръ и приличія въ рѣчахъ. Эта глупость ста-

Digitized by Google

новится необходимымъ процентомъ въ валовой суммѣ общественной нравственности и смысла, и можетъ быть, процентомъ немаленькимъ; она становится зломъ, на которое, какъ бы оно ни было пошло, серьёзный человѣкъ, не роняя своей серьёзности можетъ набрасываться кошкой на мышку и душить его безъ пощады, безъ милосердія: выходкой, насмѣшкой, сарказмомъ и снисходя даже до аргументовъ и подробныхъ разъясненій. Попадайся намъ эта глупость случайно, отдѣльными книжками на толкучкѣ, тогда ее можно было бы предоставить ея собственной судьбѣ. Но нельзя предоставить ее своей судьбѣ, когда она издается по подпискѣ. Критика и общество должны вступить въ свои права: на то и дана бо́льшая свобода печатному слову. Вы можете обойти и равнодушно позабыть отвратительное гноище, на которое найдете невзначай. Но міазмы отъ постоянно дѣйствующей причины, поражающія васъ въ вашемъ собственномъ жилищѣ, могутъ ли дать вамъ хоть на минуту позабыть о гноищѣ? «Русское Слово» вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, и много уже мѣсяцевъ, изливается въ публику правильнымъ потокомъ безпримѣрнаго цинизма. Еслибы его произведенія были только глупы, и тогда было бы нечестно уклоняться отъ разъясненія того, какъ они глупы. Но между ними есть такія, что вавилонская блудница, сравнительно, начинаетъ уже казаться малолѣтней дѣвочкой. Тѣхъ мы не посмѣли даже коснуться, подобная смѣлость намъ не приходила даже на умъ; мы избрали произведенія съ другимъ спеціальнымъ сюжетомъ, гдѣ цинизмъ составляетъ лишь побочную принадлежность, и только теперь, побѣдивъ отвращеніе и не имѣя права быть голословными, мы назовемъ, для примѣра, «Женскія немощи» («Русское Слово», май и іюнь 1865).

Съ другой стороны, изліяніе въ публику произведеній этого сорта идетъ объ руку съ неменѣе циническимъ и столь же систематическомъ охужденіемъ всѣхъ литературныхъ явленій иного порядка; у безобразія есть циническіе служители, которые нетолько охраняютъ его, нетолько стоятъ у него на стражѣ и утверждаютъ его на принципахъ, но еще по принципу возмущаются и подымаютъ содомскій гвалтъ противъ всего, чего не могутъ понять циники; вотъ уже сколько лѣтъ вошло въ обычный порядокъ, что стоитъ только народиться чему-нибудь, обѣщающему противодѣйствіе цинизму, или серьёзное служеніе высокимъ интересамъ литературы и общества, какъ они уже подымаются, словно по сигналу, въ своемъ всеоружіи—такихъ безобразныхъ клеветъ, такого безчинства, облыганія и ругательствъ, передъ которыми отступилъ бы острожникъ. И допустимъ, что золото вѣчно будетъ оставаться золотомъ подъ цѣлымъ океаномъ грязи. Но какъ небрежное

Digitized by Google

обращеніе съ святынею не можетъ не ослаблять чувство обожанія къ ней; какъ отвратительная улитка, угнѣздившаяся на прекрасномъ плодѣ не можетъ не отнимать у него часть его прелести, такъ невозможно, чтобы содомскія невѣжества циниковъ, пока презрѣніе къ нимъ не доведено до надлежащей степени, не понижали уровень общественныхъ влеченій къ высокому, прекрасному, честному. Въ обществѣ есть явленія, которыя доказываютъ, что въ предположеніи этомъ находится немалая доля совершенной правды. Они дѣйствовали до сихъ поръ въ этомъ направленіи съ такимъ возмутительнымъ постоянствомъ, что наконецъ имъ не осталось уже ничего дѣлать. Даже смѣшно, что ни изъ живыхъ, ни изъ мертвыхъ не уцѣлѣло никого, кому бы можно было сдѣлать безчинство. Да вѣдь какъ никого, до какой степени? Совсѣмъ никого! Но теперь, когда уже на фактѣ совершилось то, чего не могла бы представить самая пламенная фантазія, что можно назвать той каплей, которая переполнила сосудъ, тѣмъ актомъ Валтасарова пиршества, съ которымъ исполнилась мѣра нечестія, когда Пушкинъ дожилъ до именъ и эпитетовъ, какъ-будто отысканныхъ на днѣ самой омерзительной мусорной ямы, теперь на этой фазѣ развитія безобразій, неужели безполезно дать истинное понятіе о томъ, что циникамъ нравится? Вы сравните только то, что ими отвергнуто и гонимо, съ тѣмъ, чему они сочувствуютъ и оказываютъ протекцію. Наводить вашу мысль на это сравненіе — это нашъ долгъ. Мы не имѣемъ честолюбія открыть глаза циникамъ; но мы обязаны — и это первѣйшая наша обязанность! — добиваться, чтобы на нихъ не было обращаемо никакого вниманія, чтобы пошлый процентъ, вносимый ими въ общественный смыслъ и чувство, не былъ опредѣляемъ даже десятичными долями, чтобы, наконецъ, для всѣхъ былъ видѣнъ огненный перстъ, который уже начертываетъ слова приговора: мани, фекелъ, фарес.

Inoognito.

(До слѣдующаго нумера).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Чѣмъ занимались и занимаются нѣмцы во Франкфуртѣ-на-Майнѣ?—Смерть лорда Пальмерстона и значеніе его, какъ политическаго дѣятеля.—Переходное положеніе нашего судопроизводства.

Со времени австро-прускаго похода на Данію, дѣла Германіи стали обращать на себя особенное вниманіе европейскихъ кабинетовъ и европейской журналистики. Это событіе ясно показало, въ какихъ условіяхъ находится теперь Германія, утративъ значеніе федераціи и подчинившись прускому господству. Но если датско-нѣмецкая война обнаружила настоящее положеніе Германіи, то нельзя не согласиться, что такое положеніе уже давно подготовлялось тѣмъ порядкомъ, который былъ установленъ въ этой странѣ при самомъ учрежденіи Германскаго Союза. Убѣдиться въ этомъ весьма нетрудно, если разсмотрѣть то политическое устройства, которое дано было Германіи послѣ вѣнскаго конгреса.

Германская имперія, существовавшая до 1806 года и называвшаяся въ офиціальныхъ актахъ Священной Римской Имперіей, содѣйствовала весьма много политическому единству Германіи, такъ-какъ имперія сдерживала стремленіе нѣмецкихъ государствъ къ отдѣльному, независимому другъ отъ друга существованію. Всѣ нѣмецкіе князья находились въ зависимости отъ германскаго императора и Германія была въ сущности однимъ государствомъ подъ верховною властію габсбургскаго дома. Могущество Наполеона I передѣлало старинный бытъ Германіи: секуляризація духовныхъ германскихъ владѣтелей въ 1803 году и медіатизація свѣтскихъ произвели рѣшительный переворотъ въ политическомъ устройствѣ Германіи и подготовили полную независимость нѣмецкихъ государей. Между тѣмъ войны Наполеона и то уничиженіе, которое испытала при немъ Германія, показали нѣмцамъ вредныя послѣдствія политической разъединенности, и потому они, послѣ уничтоженія Рейнскаго Союза, стали мечтать о томъ, чтобъ составить

Digitized by Google

изъ Германіи одно могущественное государство, силы котораго были бы достаточны для отпора тѣмъ внѣшнимъ врагамъ, которые, подобно Наполеону, захотѣли бы посягнуть на политическую независимость ихъ общаго отечества. Въ ту пору въ Германіи думали о возстановленіи уничтоженной Наполеономъ нѣмецкой имперіи, съ тѣмъ только, чтобъ конституція имперіи была основана на новыхъ, либеральныхъ началахъ.

Такія мечты нѣмецкихъ патріотовъ не соотвѣтствовали однако видамъ тѣхъ государствъ, въ рукахъ которыхъ была тогда судьба Европы, и не приходились по вкусу нѣмецкихъ владѣтелей, которые предпочитали свою политическую самостоятельность зависимости отъ императора. Прежній герцогъ виртембергскій и курфюрстъ баварскій, получившіе королевскій титулъ отъ императора Наполеона, стали на степень независимыхъ государей и въ 1814 году они были сильнѣйшими изъ нѣмецкихъ владѣтелей. Они прежде всѣхъ не желали вернуться къ старому порядку, при которомъ предки ихъ были въ васальной зависимости отъ германскаго императора. Австрія, Прусія, а отчасти и Россія не имѣли намѣренія образовать изъ Германіи сильнаго федеральнаго государства; ихъ виды въ отношеніи къ Германіи ограничивались только предположеніемъ, чтобъ германскія державы заключили между собою оборонительный и наступательный союзъ съ предоставленіемъ полной независимости каждому нѣмецкому государству. Король виртембергскій, великій герцогъ баденскій и ландграфъ гессенскій уклонились даже на первыхъ порахъ отъ всякихъ совѣщаній, которыя имѣли бы цѣлью образовать изъ Германіи федеральное государство. Только впослѣдствіи они приступили къ этимъ совѣщаніямъ. Учрежденіе Германскаго Союза сопровождалось протестами, требованіями и разными притязаніями со стороны вступившихъ въ него государствъ, и даже послѣ подписанія окончательнаго объ этомъ акта, уполномоченные Гановера, Прусіи и Люксембурга заявили, что они считаютъ этотъ, поспѣшно-составленный актъ несоотвѣтствующимъ ожиданіямъ Германіи, и подписываютъ его только потому, что надѣются на послѣдующія въ немъ улучшенія.

Въ первый разъ союзный германскій сеймъ былъ открытъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ 5-го ноября 1816 года. Тогда казалось, что это учрежденіе будетъ не пустымъ призракомъ, но дѣйствительною политическою силою, которая будетъ управлять дѣлами и интересами цѣлой Германіи. Но такой разсчетъ оказался невѣрнымъ. Уже въ 1819 году, собравшійся въ Карлсбадѣ конгресъ сталъ относиться къ франкфуртскому сейму какъ къ учрежденію, неимѣвшему никакой политической самостоятельности, а Прусія, въ особенности же Австрія, сочли даже себя въ правѣ составить для Германскаго Союза новую конституцію, нетолько безъ всякаго участія со стороны франкфуртскаго сейма, но и значительно ограничившую его права, какъ представительнаго для всей Германіи учрежденія. Вслѣдъ затѣмъ князь Меттернихъ сталъ

Digitized by Google

снабжать франкфуртскій сеймъ своими инструкціями, цѣль которыхъ была не поддержаніе національнаго единства Германіи, но развитіе независимости и самостоятельности государствъ, вступившихъ въ Германскій Союзъ. При этихъ условіяхъ франкфуртскій сеймъ, долженствовавшій олицетворять собою если не національное, то хоть политическое единство Германіи, утратилъ, мало-по-малу, свое настоящее значеніе.

Австрія, пользуясь своимъ перевѣсомъ въ Германіи, не остановилась на этомъ. По ея произволу было прекращено сперва обнародованіе сеймовыхъ преній и постановленій, а потомъ съ 1824 года перестали приводить въ исполненіе постановленія сейма. Іюльская революція, отозвавшаяся въ Германіи, вызвала со стороны Австріи репресивныя мѣры, которыя стали съ этого времени появляться въ видѣ исключительныхъ постановленій (Ausnahms-Gesetze). Вслѣдствіе всего этого, франкфуртскій сеймъ обратился въ какое-то полицейское учрежденіе, на обязанность котораго было возложено поддержаніе въ Германіи уличнаго спокойствія по инструкціямъ, полученнымъ изъ Берлина и преимущественно изъ Вѣны. Цѣль же этихъ инструкцій заключалась собственно въ строжайшемъ наблюденіи правъ монархической власти во всѣхъ государствахъ Германскаго Союза. Заявленія же и требованія гражданъ не должны были имѣть никакого хода на франкфуртскомъ сеймѣ.

Перевороты 1848 года поставили франкфуртскій сеймъ въ иное положеніе. Онъ поневолѣ долженъ былъ сдѣлаться либеральнымъ и національнымъ учрежденіемъ, но уже было поздно. Политическая буря сметала тогда въ Европѣ старый порядокъ, и при грозномъ воѣ этой бури не былъ слышенъ голосъ франкфуртскаго сейма, призывавшаго нѣмцевъ къ тишинѣ и спокойствію. Тогда признали необходимымъ преобразовать сеймъ соотвѣтственно потребностямъ времени и желаніямъ націи. 2 апрѣля 1848 года были отмѣнены исключительныя постановленія, а 7 апрѣля сеймъ издалъ опредѣленіе, въ силу котораго всѣ государства Германскаго Союза, включая сюда области восточной Прусіи, а также Шлезвигъ и Голштинію, должны были выбрать своихъ представителей въ національное собраніе, которому поручалось составить новую конституцію союза при содѣйствіи правительства и народа.

Между тѣмъ при первомъ извѣстіи о февральской революціи, въ Мангеймѣ собрались крайніе нѣмецкіе патріоты, объявившіе, что они хотятъ требовать свободы и прочнаго обезпеченія для ея развитія. Къ этимъ патріотамъ присоединились оппозиціонные депутаты всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, и составившееся такимъ образомъ собраніе опредѣлило созвать во Франкфуртѣ болѣе многочисленное собраніе, которое приступило бы къ федеральной реформѣ. Франкфуртскій сеймъ не могъ противостать возникавшей рядомъ съ нимъ новой центральной власти, и тогда въ мѣстопребываніи сейма составился комитетъ пятидесяти (Fünfziger Auss-

Digitized by Google

chus), объявившій, что засѣданія его будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не составится національное германское собраніе.

Такое собраніе было открыто 18 мая во Франкфуртѣ, въ церкви св. Павла. Оно объявило франкфуртскій сеймъ распущеннымъ и само занялось проектомъ союзной конституціи. Этой конституціей предполагалось установить въ Германіи наслѣдственную императорскую власть, но послѣ долгихъ и бурныхъ преній предложеніе это было отвергнуто. Ту же участь испытало и предложеніе Прусіи объ образованіи германской уніи съ исключеніемъ изъ нея Австріи. Въ томъ, что этотъ проектъ не состоялся, всего болѣе была виновата сама Прусія, невыказавшая большой энергіи для поддержки сдѣланнаго ею предложенія. Но когда дѣла Австріи, благодаря вмѣшательству Россіи, поправились, то Австрія взяла снова верхъ надъ Прусіею, которая, 29 ноября 1850 года, по ольмюцкому трактату, отказалась отъ германской уніи, и послѣ дрезденскихъ конференцій сдѣлалась снова членомъ Германскаго Союза. Такимъ образомъ возстановился союзъ на прежнихъ основаніяхъ.

По смыслу основного федеральнаго акта, состоявшагося въ 1815 году, и заключительнаго акта, подписаннаго въ 1820 году, германская конфедерація представляетъ международный, вѣчный и неразрывный союзъ государей и вольныхъ городовъ, и въ силу этого союза государства Германіи составляютъ, по отношенію къ Европѣ, особую политическую единицу. Цѣль союза—охранять внутреннюю и внѣшнюю безопасность Германіи, а также независимость и неприкосновенность союзныхъ государствъ. Франкфуртскій сеймъ, составленный изъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ этихъ государствъ, представляетъ, по словамъ союзной конституціи, органъ воли и дѣйствія союза. Если сблизить между собою эти статьи конституціи, то сейму должно приписать большое значеніе, какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ союза. Между тѣмъ такое значеніе слишкомъ уменьшается какъ преобладаніемъ надъ Германіей со стороны Австріи и Прусіи, такъ и особыми постановленіями, ограничивающими право вмѣшательства франкфуртскаго сейма въ дѣла Германіи.

Собственно федеральная власть, олицетворяемая сеймомъ, есть не что болѣе, какъ только отвлеченное понятіе. Она не имѣетъ въ своемъ распоряженіи ни територіи, ни подданныхъ, такъ какъ подвластная ей територія состоитъ изъ отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга государствъ. Сеймъ не представляетъ собою единства верховной власти, такъ-какъ въ немъ отражается личная воля различныхъ германскихъ государей, которая только въ извѣстныхъ случаяхъ должна покоряться воли сейма. Правда, что франкфуртскому сейму предоставлено право требовать покорности отъ непослушныхъ членовъ союза посредствомъ экзекуціи; но такія экзекуціи могутъ быть примѣнены только къ подданнымъ государей, а не къ нимъ самимъ, потому что государи признаются независимыми и полноправными въ своихъ владѣніяхъ.

Digitized by Google

Сеймъ можетъ примѣнить экзекуціи по отношенію къ германскимъ государямъ только по особому постановленію, имѣющему силу особаго законодательнаго акта, но этого невозможно достигнуть, такъ-какъ союзная конституція не позволяетъ вмѣшательства одного государства въ дѣла другаго безъ согласія того государя, къ которому можетъ относиться такое вмѣшательство.

Въ настоящее время, за выключеніемъ короля датскаго изъ числа членовъ Германскаго Союза, въ составъ его входятъ 30 государей и 4 вольныхъ города. Австрія имѣетъ предсѣдательство въ союзѣ, но это не предоставляетъ ей никакихъ особыхъ правъ и преимуществъ. Уполномоченные на сеймѣ зависятъ только отъ акредитовавшихъ ихъ государей. Сеймъ не можетъ имъ дѣлать никакихъ замѣчаній, ни приказывать имъ: онъ можетъ только просить ихъ о сообщеніяхъ по дѣламъ, подлежащимъ его обсужденію.

Неравномѣрность пространства територій союзныхъ государствъ и ихъ населеній не позволяютъ установить на сеймѣ число голосовъ сообразно съ пространствомъ и количествомъ жителей. Такъ Австрія доставила союзу области, которыхъ населеніе простирается до 9.500,000 душъ, между тѣмъ какъ число жителей княжества Лихтенштейнскаго ограничивается 6,000. При предоставленіи числа сеймовыхъ голосовъ тому или другому государству, принято было въ соображеніе политическое значеніе государствъ и вслѣдствіе этого явилась разница между ограниченнымъ, тѣснымъ или обыкновеннымъ (engere Rath) и полнымъ (Plenum) собраніями сейма. Въ обыкновенныхъ собраніяхъ рѣшаются дѣла большинствомъ голосовъ, которыхъ считается въ этомъ случаѣ всего 17 и которые распредѣлены такимъ образомъ между членами сейма, что 11 голосовъ—голоса отдѣльные, а другіе 6—коллективные. Въ тѣсныхъ засѣданіяхъ сейма каждое государство имѣетъ отдѣльный голосъ и не можетъ имѣть болѣе, хотя бы къ царствующему надъ нимъ дому и дошелъ по наслѣдству другой отдѣльный голосъ. Въ общемъ же засѣданіи каждое государство союза имѣетъ по крайней-мѣрѣ одинъ голосъ; другія же, какъ Брауншвейгъ, Мекленбургъ-Шверинъ и Науссау—по 2; Баденъ, курфюршество Гессенское, великое герцогство Гессенское, Голштинія и Мекленбургъ имѣютъ по 3 голоса, а Пруссія, Австрія, Саксонія, Баварія, Виртембергъ и Гановеръ—по 4 голоса, такъ что общее число голосовъ доходитъ до 66. Дѣла предварительно разсматриваются въ обыкновенномъ, тѣсномъ собраніи и окончательно рѣшаются въ общемъ. По нѣкоторымъ дѣламъ требуется единогласное одобреніе. Къ числу такихъ дѣлъ принадлежатъ случаи введенія новыхъ и измѣненіе существующихъ основныхъ законовъ и органическихъ уставовъ, а также дѣла о принятіи въ союзъ новыхъ членовъ. Въ тѣсномъ собраніи требуютъ единогласнаго одобренія дѣла по вопросамъ религіознымъ и непосредственно относящимся къ какому-либо изъ государствъ, составляющихъ союзъ. Дѣла по объявленію войны и заключенію

Digitized by Google

мира отъ имени союза разсматриваются въ общемъ собраніи и они тамъ рѣшаются большинствомъ по крайней-мѣрѣ двухъ третей голосовъ.

Засѣданія франкфуртскаго сейма продолжаются ежегодно не долѣе четырехъ мѣсяцевъ. Они бываютъ или обыкновенныя—каждый четвергъ, или чрезвычайныя, составляющіяся въ неопредѣленные сроки. Первоначально было постановлено печатать протоколы сеймовыхъ засѣданій, но впослѣдствіи, какъ мы видѣли, это было отмѣнено по желанію Австріи, и съ 8 марта 1860 г. снова началось печатаніе упомянутыхъ протоколовъ, съ тѣмъ, впрочемъ, что по усмотрѣнію сейма могутъ быть непечатаемы такіе документы, обнародованіе которыхъ признается почему либо неудобнымъ.

Подготовленіемъ дѣлъ къ докладу, наблюденіемъ за ходомъ ихъ, и исполненіемъ постановленій сейма занимаются особыя комисіи. Къ числу такихъ, постоянныхъ комисій, принадлежатъ комисіи по дѣламъ исполнительнымъ, военнымъ и финансовымъ. Кромѣ того, во Франкфуртѣ находится особая военная техническая комисія, составленная изъ шести высшихъ военныхъ чиновъ, завѣдывающая военною частію союза вообще и преимущественно союзными крѣпостями.

Хотя франкфуртскій сеймъ и можетъ издавать отъ себя постановленія, касающіяся всего Германскаго Союза или въ отдѣльности нѣкоторыхъ изъ составляющихъ его государствъ, тѣмъ не менѣе каждое изъ его постановленій должно быть представлено на разсмотрѣніе палатъ того государства, къ которому относится то или другое сеймовое постановленіе. Безъ этого оно не имѣетъ никакой обязательной силы ни для правительствъ, ни для гражданъ. Изъ всего этого видно, что федеративная связь между германскими государствами весьма слаба, такъ-какъ франкфуртскій сеймъ не представляетъ вовсе такой центральной власти, которая могла бы дѣйствовать отъ своего имени на всю Германію. Федеративныя начала, представляемыя сеймомъ, имѣютъ весьма слабое примѣненіе къ каждому изъ союзныхъ государствъ въ отдѣльности. Этимъ объясняется слабость федеративнаго правительства, если только его не подкрѣпляютъ двѣ первенствующія въ Германіи державы, которыя всегда могутъ своимъ вліяніемъ на небольшія государства союза, ослабить или даже уничтожить всю силу сеймовыхъ постановленій.

Въ силу конституціи, государства, составляющія Германскій Союзъ, не могутъ ни въ какомъ случаѣ вести войны другъ съ другомъ; но при взаимныхъ между собою неудовольствіяхъ и спорахъ, обязаны представлять дѣло на разсмотрѣніе сейма, который принимаетъ на себя въ этомъ случаѣ роль посредника между враждующими. Если же посредничество останется безъ успѣха, и окажется необходимость въ постановленіи юридическаго приговора, то спорящія между собою государства обязаны подчиниться такому приговору безусловно. Кромѣ того, союзнымъ

Digitized by Google

государствамъ предоставляется право разбирать взаимныя между собою несогласія и безъ участія сейма, черезъ избираемыхъ ими посредниковъ.

Мы уже замѣтили, что Австрія, упрочивъ свое вліяніе надъ франкфуртскимъ сеймомъ, обратила его въ какое-то полицейское учрежденіе. Хотя по силѣ 26, 37, 43 и 61 параграфовъ акта вѣнскаго конгреса, франкфуртскій сеймъ не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла государства, но въ силу исключительныхъ постановленій ему предоставлено было впослѣдствіи это право, въ тѣхъ случаяхъ, когда внутренніе безпорядки угрожаютъ спокойствію какого либо государства, а тамошнее правительство не можетъ подавить ихъ собственными силами. Къ числу такихъ случаевъ, по постановленію 28 іюня 1832 года, относится и отказъ представителей какой либо страны платить правительству подати. Если такой отказъ будетъ признанъ незаконнымъ, то сеймъ можетъ поручить другому государству взыскивать подати экзекуціоннымъ порядкомъ. Подобную расправу со стороны сейма испытало курфюршество Гессенское. Сеймъ или, вѣрнѣе сказать, Австрія подъ его прикрытіемъ, присвоилъ себѣ право отмѣнить существующую тамъ конституцію подъ тѣмъ предлогомъ, что нѣкоторыя статьи ея противорѣчатъ федеральнымъ законамъ, хотя по 44 параграфу акта вѣнскаго конгреса сеймъ не долженъ имѣть никакого вліянія на внутреннія учрежденія союзныхъ государствъ. Такъ-какъ въ приведенномъ случаѣ дѣло шло о поддержаніи правъ монархической власти, то члены франкфуртскаго сейма съ полною готовностью поддержали сторону курфюрста. Въ такомъ же смыслѣ дѣйствовалъ сеймъ и при безпокойствахъ, возникшихъ въ 1849 году въ Саксоніи, въ Баденѣ и въ Палатинатѣ.

Одно изъ первыхъ опредѣленій возстановленнаго, послѣ потрясеній 1848 года, франкфуртскаго сейма, заключалось въ томъ, чтобъ правительства союзныхъ государствъ самымъ тщательнымъ образомъ пересмотрѣли всѣ постановленія, въ особенности состоявшіяся съ 1848 года, и чтобы въ случаѣ несогласія этихъ постановленій съ основными законами федераціи, было уничтожено такое несогласіе. Съ этою цѣлью во Франкфуртѣ былъ образованъ, такъ-называвшійся, политическій комитетъ, который началъ дѣйствовать въ реакціонномъ духѣ. Болѣе либеральныя конституціи подвергались значительнымъ измѣненіямъ, особенно же отъ передѣлокъ со стороны политическаго комитета пострадала гановерская конституція. Излишнимъ говорить, что здѣсь работали за него Австрія и Пруссія.

Теперь нужно опредѣлить, въ какія отношенія поставленъ франкфуртскій сеймъ къ европейскимъ кабинетамъ, какъ такое учрежденіе, которое должно пользоваться политическимъ представительствомъ Германіи по дѣламъ дипломатическимъ. Хотя по той идеи, которою руководились учредители Германскаго Союза, онъ долженъ быть признанъ въ политическомъ отношеніи самостоятельнымъ, верховнымъ распорядителемъ своихъ дипломати-

Digitized by Google

ческихъ дѣлъ, но въ сущности франкфуртскій сеймъ не пользуется въ этомъ отношеніи никакимъ значеніемъ; онъ до сихъ поръ не имѣлъ ни разу своихъ дипломатическихъ представителей при иностранныхъ дворахъ, такъ-что на дѣлѣ вся его внѣшняя политика зависитъ отъ образа дѣйствій отдѣльныхъ союзныхъ государствъ, во главѣ которыхъ стояла сперва Австрія, уступившая нынѣ свое первенство Прусіи. Франкфуртскій сеймъ имѣетъ право отъ своего имени объявлять войну и заключать миръ, и въ случаѣ объявленія войны, ни одно изъ союзныхъ государствъ не можетъ быть нейтральнымъ или заключать отдѣльно отъ прочихъ миръ и перемиріе. Въ теченіе сорока-пяти лѣтъ со времени своего существованія, сеймъ не пользовался этимъ правомъ. Только въ 1863 году онъ захотѣлъ повоевать съ Даніей, но извѣстно, какую жалкую, ничтожную роль игралъ онъ въ этой войнѣ, объявленной отъ его имени. Прусія и Австрія не сочли даже нужнымъ заключить съ Даніей миръ по опредѣленію сейма, и покончили дѣло съ нею безъ малѣйшаго участія съ его стороны, единственно по своему собственному произволу. Между тѣмъ, по силѣ союзной конституціи, франкфуртскій сеймъ долженъ бы былъ сдѣлаться главнымъ распорядителемъ этой войны, такъ-какъ ему предоставлено право назначать командующихъ союзною арміей, которые за всѣ свои дѣйствія отвѣчаютъ передъ сеймомъ; но его, какъ извѣстно, не хотѣли вовсе знать ни фельдмаршалъ-лейтенантъ Габленцъ, ни генералъ Врангель.

Очень понятно, что при такомъ жалкомъ значеніи франкфуртскаго сейма, онъ никакъ не можетъ содѣйствовать политическому единству Германіи, на интересы которой Австрія и Прусія установили свое преобладающее вліяніе. Кромѣ того, и по внутреннимъ дѣламъ союза франкфуртскій сеймъ оказывается нынѣ учрежденіемъ крайне неудовлетворительнымъ.

Съ развитіемъ конституціонной жизни въ Германіи, тамъ, рядомъ съ правами верховной монархической власти, стали выступать впередъ права народнаго представительства. Между тѣмъ учредительный актъ Германскаго Союза, какъ и вообще всѣ акты вѣнскаго конгреса, составленные въ реакціонномъ духѣ, клонится единственно къ огражденію правъ и преимуществъ нѣмецкихъ государей. На франкфуртскомъ сеймѣ засѣдаютъ только ихъ представители, такъ-что въ него не введено вовсе тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается бытъ конституціонныхъ государствъ. Вслѣдствіе этого франкфуртскій сеймъ не пользуется ни довѣріемъ, ни симпатіей германскаго народа, который смотритъ на него, какъ только на блюстителя правительственныхъ, а не національныхъ интересовъ. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время, при томъ разладѣ, который господствуетъ въ Прусіи между правительствомъ и народными представителями, уполномоченный Прусіи на франкфуртскомъ сеймѣ ведетъ дѣла исключительно въ томъ направленіи, которое соотвѣтствуетъ видамъ правительства,

Digitized by Google

а не желаніямъ представителей страны. То же можно сказать и объ уполномоченномъ отъ курфюршества гессенскаго. Вообще между представителями Германіи, засѣдающими на франкфуртскомъ сеймѣ, и представителями ея въ палатахъ союзныхъ государствъ нѣтъ никакой связи.

Если французская революція 1848 года расшевелила нѣмцевъ, то нельзя не сказать, чтобъ и итальянское національное движеніе 1859 года не отозвалось въ Германіи. Такъ-называемый національный союзъ образовался въ Германіи подъ вліяніемъ этого движенія. Союзъ этотъ, еще весьма слабый въ сравненіи съ силами нѣмецкихъ правительствъ, домогается созванія національнаго собранія, которое бы, разсмотрѣвъ нынѣ-дѣйствующую федеративную конституцію, устроило политическій бытъ Германіи на новыхъ началахъ, принявъ въ основаніе проектъ конституціи, изданный во Франкфуртѣ 28-го марта 1849 года. Сторонники Австріи и Прусіи противятся введенію франкфуртской конституціи, такъ-какъ вслѣдствіе ея, Австрія должна быть исключена изъ союза, а Прусія лишиться въ немъ своего первенства. Правительства нѣмецкихъ государствъ весьма неблагосклонно смотрятъ на франкфуртскую конституцію. Хотя она и должна высвободить ихъ изъ-подъ тяготѣнія Австріи и Прусіи, но въ то же время она должна будетъ, не допуская въ союзномъ сеймѣ исключительно правительственнаго представительства, развить конституціонныя права во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, и провести ихъ въ центральное правительство союза. При такихъ условіяхъ, едвали можно надѣяться, чтобы преобразованія въ политическомъ устройствѣ Германіи, въ духѣ народнаго, а не одного только правительственнаго единства, могли совершиться безъ сильныхъ потрясеній и столкновеній народовъ съ ихъ правительствами, а также безъ борьбы съ Австріей, и особенно съ Прусіей.

Надобно впрочемъ замѣтить, что нѣкоторые государи Германіи понимаютъ всю шаткость своего положенія при настоящей организаціи Германскаго Союза. Такъ, герцогъ кобург-готскій еще въ 1861 году заявилъ о необходимости образовать въ союзѣ центральную власть, которая вмѣстѣ съ монархическимъ принципомъ соединяла бъ въ себѣ и элементы народнаго представительства. При осуществленіи этой мысли, франкфуртскій сеймъ получилъ бы значеніе общаго германскаго парламента и утратилъ бы характеръ, приданный ему при его первоначальномъ учрежденіи.

Съ другой стороны, герцогъ саксен-веймарскій предложилъ образовать, въ замѣнъ франкфуртскаго сейма, федеральную директорію изъ императора австрійскаго, короля прусскаго и одного нѣмецкаго государя, по выбору прочихъ членовъ союза. При этомъ имѣлось въ виду, что Австрія и Прусія, неподдерживаемыя, какъ теперь, на сеймѣ представителями другихъ государствъ, будутъ находиться во взаимной враждѣ, которою можетъ воспользоваться третій членъ директоріи, облеченный общимъ довѣріемъ

Digitized by Google

другихъ государей союза. Хотя проектъ герцога саксен-веймарскаго и былъ одобренъ многими нѣмецкими государями, но онъ, какъ невводящій въ центральное правительство народнаго представительства, не встрѣтилъ въ Германіи никакого сочувствія. Притомъ, Прусія воспротивилась предложенію, исходившему отъ герцога саксен-веймарскаго и противорѣчившему ея видамъ на Германію. Баварскій король не одобрилъ предложеніе герцога, не надѣясь быть избраннымъ на мѣсто третьяго члена федеральной директоріи.

Саксонія хотѣла-было примирить оба упомянутые проекта. Отъ имени ея были представлены франкфуртскому сейму слѣдующія соображенія, составленныя г. Бейстомъ: франкфуртскій сеймъ долженъ былъ удержать настоящую свою организацію, но рядомъ съ нимъ должна была быть образована палата депутатовъ изъ 128 человѣкъ, которые назначались бы изъ членовъ представительныхъ собраній, существующихъ въ германскихъ государствахъ. Для созванія франкфуртской палаты, г. Бейстъ не назначалъ опредѣленныхъ сроковъ. Это должно было зависѣть отъ усмотрѣнія сейма, а между-тѣмъ въ Германіи очень хорошо поняли, что сеймъ, оставаясь въ настоящемъ своемъ составѣ, не станетъ созывать палату депутатовъ, которая такимъ образомъ не будетъ имѣть никакого самостоятельнаго политическаго значенія, а сдѣлается только какою-то комисіей, состоящею при сеймѣ. Предсѣдательство на сеймѣ г. Бейстъ предполагалъ предоставить поочередно Австріи и Прусіи, но Австрія, держась своихъ собственныхъ взглядовъ на дѣла Германіи, отклонила отъ себя честь предсѣдательства, такъ-какъ эта честь, по словамъ австрійской ноты, требовала бъ со стороны Австріи большихъ пожертвованій. Притомъ она соглашалась принять проектъ г. Бейста неиначе, какъ если Германскій Союзъ возьметъ на себя гарантію не-нѣмецкихъ земель австрійской монархіи.

Вообще можно сказать, что съ идеею германскаго единства не могутъ совладать нетолько на практикѣ, но и въ теоріи ни нѣмецкія правительства, ни германскіе коноводы, такъ-что по всей вѣроятности, этотъ вопросъ скорѣе рѣшатъ не люди, а неудержимый потокъ событій, вслѣдствіе одного общаго взрыва. Повидимому, въ настоящее время подготовляются въ Германіи событія такого свойства. Депеши, посланныя во Франкфуртъ изъ Берлина и Вѣны, возбудили негодованіе нетолько въ германской партіи, но и въ нѣмецкихъ правительствахъ. Эти депеши, посягающія на независимость Франкфурта, обезпеченную федеральнымъ актомъ, показываютъ, до чего дошла Австрія и особенно Прусія въ своемъ невниманіи къ политическимъ правамъ Германіи. Изъ сдѣланнаго нами очерка союзной конституціи видно, что Австрія и Прусія не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла, происходящія на франкфуртской територіи, признанной самостоятельнымъ и независимымъ государствомъ. Очевидно, что обѣ первенствующія державы, видя покорность передъ ними

Digitized by Google

Германіи, пользуются правомъ сильнаго и что, конечно, никакъ нельзя ручаться, чтобъ онѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, не примѣнили этого права и къ другимъ государствамъ Германіи, еслибы, напримѣръ, и тамъ раздались противъ образа дѣйствій Австріи и Прусіи въ отношеніи къ Германіи тѣ же самые возгласы, которые послышались теперь на франкфуртской территоріи. Безъ всякаго сомнѣнія, правительства нѣмецкихъ государствъ могутъ утѣшаться тѣмъ, что Австрія и Прусія хотятъ уничтожить зародыши начинающагося въ Германіи національнаго движенія, но въ то же время онѣ не могутъ не видѣть нарушенія со стороны Австріи и Прусіи основного принципа союзной конституціи, и должны принять въ соображеніе, что г. Бисмаркъ, расправившись удачно съ Франкфуртомъ, примется за медіатизацію малыхъ и среднихъ нѣмецкихъ государствъ, включая ихъ территоріи въ составъ прускаго королевства. Для нѣмецкихъ государей, въ настоящее время весьма трудно рѣшить вопросъ: что для нихъ опаснѣе — засѣданіе ли членовъ національнаго союза во Франкфуртѣ, или честолюбивые замыслы Прусіи?

Франкфуртскій сенатъ, держась конституціи союза, отвергъ требованія Австріи и Прусіи единодушно и энергически, но едва-ли ему удастся отстоять свои законныя права. Были уже примѣры, что сеймъ и отдѣльныя государства союза распоряжались во Франкфуртѣ такъ, какъ имъ было угодно. Въ 1833 году, по случаю обнаружившихся во Франкфуртѣ волненій, сеймъ подъ предлогомъ своей собственной защиты, распорядился о занятіи города австро-прусскими войсками, которыя и оставались во Франкфуртѣ нѣсколько лѣтъ сряду, и сенату стоило немало труда, чтобъ добиться вывода австрійцевъ и прусаковъ изъ Франкфурта. Въ 1848 году, Австрія, Прусія и Баварія, безъ предварительнаго согласія нетолько съ франкфуртскимъ сенатомъ, но и сеймомъ, ввели во Франкфуртъ четырехтысячный гарнизонъ, и франкфуртцы до сихъ поръ не могутъ выжить непрошеныхъ гостей. Между тѣмъ, такой военный постой нетолько оскорбителенъ для Франкфурта, какъ города, пользующагося правами государственной самостоятельности, но и весьма отяготителенъ для городской казны.

Такимъ образомъ, Прусія и Австрія, распоряжаясь произвольно на франкфуртской территоріи, только продолжаютъ пользоваться тѣмъ правомъ, которое онѣ уже присвоили себѣ еще прежде. Онѣ очень хорошо понимаютъ, что все дѣло ограничится одними только протестами, и что Германія не въ состояніи уничтожить ихъ господства надъ государствами нѣмецкаго союза, при настоящей его организаціи.

5-го (7) октября, умеръ лордъ Пальмерстонъ, и всѣ европейскія газеты наполнились извѣстіями объ его жизни и оцѣнкою его политической дѣятельности. Англійская пресса, отчасти, служа отголоскомъ той популярности, которою пользовался въ Англіи

Digitized by Google

покойный лордъ, а отчасти подъ вліяніемъ британскаго національнаго самолюбія, придаетъ смерти восьмидесятилѣтняго старика огромное политическое значеніе нетолько для Англіи, но и для всей Европы. Такъ, газета «Times» называетъ Пальмерстона «грозою материка» и говоритъ, что имя его будетъ напоминать Англіи эпоху мира и благоденствія. Газета «Morning Post» заявляетъ, что ни одинъ англійскій министръ не былъ для народа такимъ «идоломъ», какимъ былъ Пальмерстонъ, который умѣлъ понять нравы своихъ соотечественниковъ, раздѣлялъ ихъ чувства, и оправдывалъ ихъ довѣріе. Она, называя его величайшимъ человѣкомъ своего времени, прибавляетъ, что Англія никогда и никѣмъ не замѣнитъ его. Газета «Daily News» говоритъ, что имя Пальмерстона заставляло часто всю Европу дрожать, если не трепетать отъ ужаса, что партіи могутъ теперь волноваться, потому что уже нѣтъ того, кто обуздывалъ ихъ. «Standard», останавливаясь на тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя были произведены въ Англіи смертью Роберта Пиля, герцога Веллингтона и принца Альберта, приходитъ къ тому заключенію, что ни одна изъ этихъ потерь не была такъ чувствительна, какъ потеря лорда Пальмерстона. «Daily Telegraf» начинаетъ краснорѣчивое извѣщеніе о смерти Пальмерстона восклицаніемъ: «заплачемъ!» и заключаетъ свою статейку предположеніемъ, что англійскій народъ возьметъ перо, и напишетъ на могилѣ Пальмерстона: «онъ былъ оплакиваемъ».

Подобныя хвалы лорду Пальмерстону и такіе возгласы, въ честь его, встрѣчаемые въ англійскихъ газетахъ, очень естественны и понятны. Занимая самый высокій постъ въ государственной администраціи Великобританіи, лордъ Пальмерстонъ нерѣдко вполнѣ самовластно управлялъ политикою Англіи. Вслѣдствіе этого, конституціонное и національное самолюбіе англичанъ требуетъ поставить такое лицо слишкомъ высоко надъ уровнемъ обыкновенныхъ смертныхъ и показать, что если при всей конституціонной свободѣ, существующей въ Англіи, личность одного человѣка можетъ имѣть сильное вліяніе на судьбы націи, то такая личность должна быть личностью исключительною: величайшимъ человѣкомъ своего времени, заставившимъ трепетать Европу при своемъ имени. Въ похвалахъ, расточаемыхъ Пальмерстону англійской прессой, слишкомъ замѣтно пробивается великобританская гордость; но само собою разумѣется, что громкія фразы и напыщенные некрологи не могутъ служить оцѣнкой того значенія, какое имѣетъ въ дѣйствительности тотъ или другой знаменитый государственный человѣкъ. Оцѣнка такихъ людей должна основываться на фактахъ и, потому, только прослѣдя жизнь лорда Пальмерстона и ознакомившись съ его государственною дѣятельностію въ связи съ тѣми событіями, которыя при его участіи совершались въ Англіи и въ Европѣ, можно составить точное понятіе о значеніи Пальмерстона.

Пальмерстонъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, кото-

Digitized by Google

рымъ первый приступъ къ общественной дѣятельности достается послѣ упорной борьбы съ неблагопріятными и тяжелыми обстоятельствами. Онъ по своему рожденію былъ поставленъ въ самыя счастливыя условія для того, чтобы, какъ говорится, выдти въ люди. Онъ былъ изъ числа тѣхъ англійскихъ аристократовъ, которымъ еще въ юности остается только рѣшить вопросъ: готовиться ли быть военнымъ министромъ или министромъ финансовъ? Политическая карьера лорда Пальмерстона была очень хорошо подготовлена его родственными связями: фамилія Темплей, отъ которой онъ происходилъ, занимала постоянно высшія правительственныя мѣста. Кромѣ того, впослѣдствіи бракъ Пальмерстона съ графинею Коперъ, сестрою перваго англійскаго министра, лорда Мельборна, еще болѣе упрочилъ политическое значеніе Пальмерстона, доставивъ ему большое вліяніе въ правительственныхъ сферахъ и увеличивъ его частныя финансовыя средства, которыя всюду, и едва-ли не болѣе всего въ Англіи, служатъ немалой поддержкой для успѣха политической карьеры.

Первымъ покровителемъ виконта Пальмерстона на службѣ былъ знаменитый лордъ Кастльри, который доставилъ ему мѣсто статс-секретаря въ военномъ министерствѣ. Здѣсь онъ занимался составленіемъ финансовыхъ сметъ, и работа эта была нелегкая, потому что Англія вела тогда упорную борьбу съ Наполеономъ I. Будучи трудолюбивымъ министерскимъ чиновникомъ. Пальмерстонъ принималъ самое незначительное участіе въ политическихъ дѣлахъ и въ парламентскихъ преніяхъ. Только въ 1826 году, при Канингѣ, онъ сдѣлался членомъ кабинета. Выступавъ на видное политическое поприще и находя, что партія торіевъ можетъ быть для него слабою поддержкою, онъ присталъ къ партіи виговъ, но собственно онъ никогда не предавался окончательно ни одной партіи, а держался середины, успѣвая находить для себя сочувствіе и у торіевъ и виговъ. Въ отношеніи къ партіямъ онъ былъ такъ безразличенъ, что сперва предполагалъ вступить въ министерство, составленное графомъ Дерби изъ торіевъ, а потомъ приглашалъ въ свое министерство неукротимаго радикала—Кобдена. Хотя обыкновеннымъ послѣдствіемъ подобной шаткости политическихъ убѣжденій бываетъ потеря всякаго значенія въ глазахъ всѣхъ партій, но Пальмерстону она послужила въ пользу: ей онъ обязанъ, между прочимъ, той огромной популярностію, которою онъ пользовался въ Англіи. Пальмерстонъ понялъ, что громадное большинство англичанъ (по словамъ Маколея, девять-десятыхъ) не принадлежатъ ни къ вигамъ, ни къ тори, а принимаютъ сторону тѣхъ людей, которые въ данную минуту съ большею стойкостью охраняютъ интересы Англіи. Не пріобрѣтая себѣ безусловно-преданныхъ друзей ни среди виговъ, ни среди тори, Пальмерстонъ въ то же время не наживалъ себѣ неумолимыхъ враговъ ни въ той, ни въ другой партіи, такъ-какъ обѣ онѣ не видѣли въ немъ своего непреклоннаго противника. При этомъ условіи, каждая изъ нихъ могла

Digitized by Google

надѣяться на уступки со стороны лорда Пальмерстона, чего, конечно, нельзя было ожидать отъ человѣка, отличающагося стойкостію своихъ убѣжденій исключительно въ духѣ той или другой партіи. Въ этомъ отношеніи Пальмерстонъ успѣлъ поставить себя такъ удачно, что находилъ даже поддержку въ Брайтѣ, представляющемъ, по своимъ убѣжденіямъ, совершенную противоположность Пальмерстону.

Пользуясь съ самаго перваго шага на политическомъ поприщѣ репутаціею способнаго и дѣльнаго человѣка, Пальмерстонъ до 1830 года не пріобрѣлъ еще себѣ громкой извѣстности. Только съ этого года онъ выдвинулся впередъ слишкомъ замѣтно. Событія этого года и послѣдующаго благопріятствовали Пальмерстону заявить свою дѣятельность въ европейской дипломатіи. 20 ноября 1830 года вспыхнула польская революція. Англійскимъ посланникомъ при петербургскомъ дворѣ былъ тогда лордъ Гитсбюри, который послалъ лорду Пальмерстону, бывшему въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ, слѣдующую депешу: «Милордъ! русское правительство такъ щекотливо во всемъ, что̀ касается иностраннаго вмѣшательства въ дѣла Польши, что я опасаюсь, чтобъ можно было затронуть этотъ вопросъ или дать относительно его какой-либо совѣтъ. Я увѣренъ, что всякое предложеніе о посредничествѣ Франціи или другой какой нибудь державы будетъ встрѣчено сильнымъ негодованіемъ и остан тся безъ всякихъ послѣдствій». Въ отвѣтъ на эту депешу Пальмерстонъ прислалъ лорду Гитсбюри инструкцію, въ которой выводилъ право вмѣшательства Англіи въ дѣла Польши на томъ основаніи, что Польша была присоединена къ Россіи по вѣнскому договору. «Если вы — писалъ Пальмерстонъ посланнику — найдете, что со стороны Россіи встрѣчается намѣреніе произвести какія-либо существенныя измѣненія въ политическомъ устройствѣ Польши, то вы должны сдѣлать противъ этого энергическія представленія». Вообще Пальмерстонъ является по польскому вопросу строгимъ охранителемъ всего того, что̀ было устроено на вѣнскомъ конгресѣ. Когда же князь Талейранъ предложилъ Англіи дѣйствовать въ дипломатическомъ союзѣ съ Франціей въ пользу Польши, то Пальмерстонъ отказался отъ этого, ссылаясь между прочимъ на то, что Россія съ искреннимъ чистосердечіемъ содѣйствовала Англіи по соглашенію Бельгіи съ Голландіей.

При отпаденіи Бельгіи отъ Голландіи, лордъ Пальмерстонъ старался о томъ, чтобъ Франція не присоединила съ себѣ Бельгію, и успѣлъ въ этомъ, найдя въ главныхъ европейскихъ кабинетахъ поддержку своей политикѣ. Такой исходъ дѣла едва-ли можно приписать только энергіи и способностямъ Пальмерстона. Европейскіе кабинеты опасались тогда революціонной Франціи и сами были рады всякому случаю обезсилить ее. Ихъ противодѣйствіе по присоединенію Бельгіи къ Франціи было подготовлено не столько депешами Пальмерстона, сколько ихъ недоброжелательствомъ къ Франціи.

Digitized by Google

Вмѣшательство Пальмерстона въ дѣла Португаліи и Испаніи отличалось характеромъ либеральнымъ, такъ-какъ онъ противодѣйствовалъ анти-конституціоннымъ стремленіямъ дона-Мигуэля и дона-Карлоса, но такое направленіе англійской политики происходило изъ желанія ослабить вліяніе вѣнскаго кабинета, который, руководимый Меттернихомъ, дѣйствовалъ по дѣламъ Португаліи и Испаніи въ реакціонномъ духѣ.

Особенно заботился Пальмерстонъ объ интересахъ Англіи на Востокѣ. Результатомъ этой заботливости было вооруженное вмѣшательство Англіи въ распрю египетскаго паши съ турецкимъ султаномъ. Находя нужнымъ поддерживать Турцію въ настоящихъ ея предѣлахъ, Пальмерстонъ не допускалъ увеличенія Греціи и противодѣйствовалъ стремленіямъ сербовъ и черногорцевъ къ независимости отъ Порты. Въ 1848 и 1849 годахъ вліяніе лорда Пальмерстона на ходъ европейскихъ событій было весьма незначительно; онъ въ сущности не сдѣлалъ ничего, ограничившись только обѣщаніями въ пользу революціонной партіи.

На политику Пальмерстона въ отношеніи къ Франціи имѣла большое вліяніе его личная связь съ Лудовикомъ-Бонапарте, установившаяся еще въ то время, когда будущій императоръ французовъ жилъ въ Лондонѣ. Пальмерстонъ первый призналъ обращеніе республики въ имперію. Онъ сдѣлалъ это безъ согласія королевы и лорда Росселя, тогдашняго главы англійскаго кабинета, и такой самовольный актъ имѣлъ послѣдствіемъ удаленіе его изъ министерства. Офиціальныя французскія газеты превозносятъ за это Пальмерстона, а газета «France» говоритъ даже, что поспѣшнымъ признаніемъ второй имперіи Пальмерстонъ оказалъ величайшую услугу всему человѣчеству. Правда, что лордъ Мельсборнъ опровергаетъ этотъ фактъ, приписывая признаніе имперіи не Пальмерстону, но лорду Абердину. Странно однако, что въ депешѣ, отправленной изъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ къ французскому повѣренному въ дѣлахъ съ изъявленіемъ сожалѣнія о смерти англійскаго премьера, прямо говорится, что лордъ Пальмерстонъ первый, въ декабрѣ 1851 года, призналъ значеніе отважной рѣшительности, на которую былъ вызванъ Наполеонъ тогдашнимъ положеніемъ Франціи. Вѣдь по всей вѣроятности во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ имѣются по этому предмету самыя точныя свѣдѣнія. Какъ бы то ни было, но съ тѣхъ поръ какъ началъ править Франціей Наполеонъ, политика Пальмерстона къ этой странѣ совершенно измѣнилась. По словамъ упомянутой депеши, Пальмерстонъ старался о томъ, чтобъ сограждане его поняли ту заслугу, которую оказали общественному порядку въ Европѣ событія, совершившіяся во Франціи, и что онъ, какъ первый министръ королевы, громко одобрялъ союзъ Англіи съ Франціей. Союзомъ этимъ воспользовался Пальмерстонъ, чтобъ возвратиться къ прежней политикѣ европейскихъ кабинетовъ, которая въ существованіи Турецкой имперіи видитъ необходимое условіе политическаго

Digitized by Google

равновѣсія. Такая политика направляется въ значительной части и противъ предполагаемыхъ Европою завоевательныхъ замысловъ Россіи. Съ своей стороны Пальмерстонъ придавалъ этимъ замысламъ столь широкое значеніе, что даже опасался за Индію. Съ цѣлью противопоставить Россіи преграду въ Средней Азіи, онъ замыслилъ такъ-называемую авганскую экспедицію, результатомъ которой должно было быть основаніе даурскаго царства невдалекѣ отъ азіатскихъ границъ Россіи. Но проектъ этотъ кончился неудачно.

Вообще Пальмерстонъ не былъ благосклоненъ къ Россіи. При заключеніи парижскаго мира, онъ предписывалъ лорду Кларендону настаивать на уступкѣ Россіей дунайскаго берега, и когда представители Франціи и Сардиніи склонялись на сторону Россіи, то Кларендонъ, вслѣдствіе получаемыхъ отъ Пальмерстона инструкцій, упорно настаивалъ на своихъ требованіяхъ.

Всюду и вездѣ онъ отъискивалъ и защищалъ интересы Англіи; онъ измѣнялъ партіямъ, измѣнялъ свои идеи, но не измѣнялъ любви къ Англіи и ея политическимъ выгодамъ. Вездѣ на первомъ планѣ у него была Англія—и вотъ отчего его боготворятъ англичане.

Кромѣ того, своею популярностью обязанъ Пальмерстонъ и своимъ личнымъ качествамъ. Онъ былъ нетолько прекрасный ораторъ, но и превосходный говорунъ на митингахъ, чрезвычайно любезенъ въ обращеніи, и оказывалъ особенное пристрастіе ко всему англійскому. Наконецъ долговременное его участіе въ дѣлахъ политическихъ заставило съ нимъ свыкнуться его согражданъ. Они его видѣли всюду, гдѣ только проявляются любимыя стороны англійской дѣятельности, начиная съ парламента и кончая дербійскими скачками. А это обстоятельство тоже немало способствуетъ къ упроченію популярности.

Полезно брать уроки у такихъ враговъ!

Если при составленіи проектовъ судебной реформы имѣлись въ виду образцы судебнаго устройства въ разныхъ иностранныхъ государствахъ, и если образцы эти, выработанные и научною теоріей и практикой, значительно облегчали составленіе упомянутыхъ проектовъ, то все же примѣненіе ихъ къ юридическимъ условіямъ нашего быта представляло немало затрудненій. Но едва-ли не болѣе еще затрудненій представлялось при введеніи въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ. Здѣсь первое мѣсто долженъ былъ занимать вопросъ экономическій, такъ-какъ при нынѣшнемъ состояніи нашихъ финансовъ необходимо было соблюсти строжайшую бережливость. Теперь правительства убѣдились въ той истинѣ, что недостаточно дать народу удовлетворительный и даже превосходный судебный уставъ по уголовной и гражданской части, но что необходимо еще соразмѣрить на-

Digitized by Google

личныя финансовыя средства государства для того, чтобы вновь вводимый порядокъ по судебной части осуществился вполнѣ. При этомъ открывались у насъ три главныхъ статьи расхода: вопервыхъ, содержаніе лицъ, которымъ должно быть ввѣрено судопроизводство и веденіе относящихся къ нему дѣлъ; вовторыхъ, устройство помѣщеній для судебныхъ мѣстъ соотвѣтственно новому порядку, дѣлающему судъ публичнымъ, и втретьихъ, примѣненіе и постройка вновь мѣстъ заключеній, такъ-какъ однимъ изъ главныхъ видовъ судебныхъ взысканій, при отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, должно быть заключеніе виноватыхъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки.

Всѣ эти статьи потребовали бы огромныхъ расходовъ, еслибы не представлялось возможности сократить нѣкоторыя издержки, или отнести ихъ на существующіе уже предметы. Такъ упрощеніе дѣлопроизводства по судебной части дозволитъ сократить расходы по содержанію большого личнаго состава по министерству юстиціи. Этому должно отчасти содѣйствовать и введеніе суда присяжныхъ, которые будутъ участвовать въ судебной дѣятельности безъ всякаго возмездія, дополняя собою личный составъ судовъ. Что же касается издержекъ по двумъ прочимъ статьямъ, то по устройству помѣщеній для судебныхъ мѣстъ, онѣ представляются въ значительномъ размѣрѣ, но за то сокращеніе числа такихъ мѣстъ уменьшитъ впослѣдствіи прежнія издержки на ремонтное содержаніе и наемъ помѣщеній для различныхъ, нынѣ весьма многочисленныхъ судебныхъ учрежденій. Относительно же устройства мѣстъ заключенія по той системѣ взысканій, которая вводится теперь, то надобно сказать, что едва-ли можно, при настоящихъ средствахъ, ожидать скораго и удовлетворительнаго во всѣхъ отношеніяхъ устройства карательныхъ тюремъ. Остается только надѣяться, что со введеніемъ судебной реформы значительно уменьшится число слѣдственныхъ арестантовъ, и что, поэтому, требуемые на нихъ расходы могутъ быть обращены на содержаніе карательныхъ тюремъ. Наконецъ, сліяніе мировыхъ крестьянскихъ учрежденій съ общими мировыми учрежденіями дастъ возможность уменьшить тѣ расходы, которые предстоятъ въ общей сложности при устройствѣ судебной части на новыхъ основаніяхъ.

Судебная реформа будетъ вводиться постепенно, начиная съ петербургской и московской областей и не позже, какъ въ будущемъ 1866 году. Въ настоящее же время, по распоряженію министерства юстиціи, въ 44 губерніяхъ и Бессарабской области, одновременно съ составленіемъ судебно-статистическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для опредѣленія пространства вѣдомства, состава и круга дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій, собираются свѣдѣнія о помѣщеніяхъ, годныхъ для новыхъ судебныхъ мѣстъ, и составляются соображенія о наиболѣе выгодномъ ихъ устройствѣ. Земскія учрежденія нѣкоторыхъ губерній высказываютъ съ своей стороны готовность содѣйствовать зависящими

Digitized by Google

отъ нихъ средствами къ скорѣйшему введенію новаго порядка по судебной части. Нѣкоторые изъ уѣздныхъ городовъ оспариваютъ одинъ у другого преимущество имѣть у себя окружный судъ. Вообще же, какъ мы полагаемъ, топографическое распредѣленіе областныхъ и окружныхъ судовъ представляетъ немало затрудненій. Земскія учрежденія уѣздовъ Боровичскаго, Старорусскаго, Устюжскаго и Бѣлозерскаго постановили содѣйствовать денежными средствами устройству помѣщеній для новыхъ судебныхъ мѣстъ. Но за то въ другихъ мѣстахъ земство, повидимому, выказываетъ полное равнодушіе къ предстоящей реформѣ и, конечно, подобнаго рода равнодушіе нельзя не считать печальнымъ явленіемъ. Желательно впрочемъ бы рѣшить: происходитъ ли оно изъ прискорбнаго сознанія, что новый порядокъ по судебной части не принесетъ большой пользы, или происходитъ оно отъ того только, что въ иныхъ мѣстностяхъ недостаетъ такихъ людей, которые расшевелили бы своихъ дремлющихъ согражданъ и вызвали бы ихъ сочувствіе къ мѣрѣ, обѣщающей существенную пользу нетолько общимъ, но и личнымъ интересамъ каждаго. Впрочемъ, надобно сказать и то, что не выказывается ли въ подобномъ равнодушіи прежде всего благоразумная сдержанность земскихъ представителей? Нельзя не сознаться, что наше земское хозяйство находится въ крайне-неудовлетворительномъ состояніи; земство не привело еще въ положительную извѣстность тѣхъ денежныхъ средствъ, которыми оно можетъ располагать по предметамъ, непосредственно-относящимся къ его завѣдыванію. При этихъ условіяхъ, оно, даже вполнѣ сочувствуя предстоящей реформѣ по судебной части, не можетъ безъ похвальной осмотрительности распоряжаться своими средствами, и быть можетъ, предпочитаетъ ввести прежде всего необходимую точность въ своихъ собственныхъ хозяйственныхъ дѣлахъ, не принимаясь за все разомъ.

12-го октября нынѣшняго года было обнародовано высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ измѣненіи и дополненіи статей Свода Законовъ, касающихся судопроизводства и дѣлопроизводства въ нынѣшнихъ судебныхъ мѣстахъ. Не останавливаясь на частностяхъ этого законодательнаго акта, извѣстнаго уже изъ газетъ, надобно сказать, что еслибы не предстояло въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ полнаго преобразованія судебной части по уставамъ 20-го ноября 1864 года, то допущенный нынѣ порядокъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства можно было бы считать даже кореннымъ преобразованіемъ, такъ-какъ онъ вводитъ одно изъ главнѣйшихъ условій правильнаго судопроизводства — гласность. Теперь дозволяется обвиняемымъ, ихъ повѣреннымъ и участникамъ въ дѣлѣ, какъ уголовномъ, такъ и гражданскомъ, присутствовать при его докладѣ, и по окончаніи доклада сообщать (съ нѣкоторыми только, весьма впрочемъ справедливыми по дѣламъ гражданскимъ ограниченіями) свои объясненія, которыя должны быть принимаемы

Digitized by Google

въ соображеніе судомъ при постановленіи рѣшенія. Кромѣ того, при докладѣ дѣлъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, могутъ находиться и лица посторонніе въ томъ числѣ, въ какомъ позволяетъ помѣщеніе присутствія, за исключеніемъ лишь случаевъ, указанныхъ въ уставѣ 20-го ноября 1864 года. Такимъ образомъ и нынѣ уже судопроизводство является у насъ публичнымъ въ принципѣ. Публичность ограничивается только такимъ условіемъ, какое можетъ случиться и при введеніи судебной реформы во всей ея полнотѣ, такъ-какъ и тогда число постороннихъ лицъ, присутствующихъ въ судѣ, будетъ зависѣть отъ обширности помѣщенія.

Временныя правила не допускаютъ адвокатуры въ томъ размѣрѣ, какой придаютъ ей уставы 20-го ноября 1864 года, тѣмъ не менѣе изустныя объясненія повѣренныхъ вводятъ ее теперь въ судебную практику. Передача изъ судовъ первой степени въ суды высшей степени, а также непосредственное поступленіе туда нѣкоторыхъ дѣлъ, какъ гражданскихъ такъ и уголовныхъ, должны нетолько ускорить нынѣшнее судопроизводство, но и содѣйствовать скорѣйшему открытію судовъ на новыхъ основаніяхъ, остановивъ приливъ дѣлъ въ нынѣшніе суды нисшей инстанціи. Этому должны также способствовать: упрощеніе дѣлопроизводства, какъ уголовнаго такъ и гражданскаго, ограниченіе случаевъ представленія приговоровъ на утвержденіе начальниковъ губерній и случаевъ протеста со стороны прокуроровъ, а также отмѣна справокъ о лѣтахъ подсудимыхъ, если только ихъ возрастъ не можетъ имѣть вліяніе на степень налагаемаго на нихъ наказанія. Между тѣмъ, прежде подобныя справки, безъ существенной въ нихъ надобности, чрезвычайно замедляли ходъ многихъ уголовныхъ дѣлъ.

Состоявшіяся измѣненія и дополненія статей Свода Законовъ, касающихся судопроизводства и дѣлопроизводства въ нынѣшнихъ судебныхъ мѣстахъ, относятся и къ безспорнымъ взысканіямъ, необезпеченнымъ закладомъ и залогомъ. Новыми правилами значительно облегчаются для полицейскихъ управленій дѣла этого рода и въ то же время они должны получить болѣе быстрый ходъ сравнительно съ прежнимъ. Весьма важнымъ облегченіемъ для истцовъ можно считать предоставленное имъ по упомянутымъ дѣламъ право заявленія словесныхъ просьбъ въ случаѣ ихъ неграмотности или невозможности почему либо писать. Относительно апеляцій, подачи отзывовъ и явки къ суду постановлены новыя правила, имѣющія цѣлью ускорить производство дѣлъ; вмѣстѣ съ тѣмъ при исчисленіи поверстнаго срока приняты въ соображеніе и линіи желѣзныхъ дорогъ, способствующихъ къ скорѣйшему передвиженію.

Новыя, временныя постановленія должны быть введены повсемѣстно. Составленныя въ главныхъ своихъ основаніяхъ примѣнительно къ предстоящей общей судебной реформѣ, они нетолько не могутъ задержать перехода отъ стараго порядка къ ново-

Digitized by Google

му, но, напротивъ, въ значительной степени должны содѣйствовать къ этому, какъ подготовительная мѣра. Конечно, въ виду весьма важныхъ, но не окончательныхъ преобразованій можетъ родиться опасеніе, что они, удовлетворяя гораздо болѣе современнымъ требованіямъ на счетъ организаціи суда, нежели прежній порядокъ, дадутъ поводъ замедлить осуществленіемъ полныхъ преобразованій по судебной части. Между тѣмъ, изъ высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату, видно, что судебные уставы 20 ноября 1864 года будутъ введены въ полномъ ихъ объемѣ въ теченіе 1866 года въ округахъ петербургской и московской судебныхъ палатъ, а въ теченіе четырехъ лѣтъ, начиная съ 1866 года, во всѣхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему губернскому учрежденію, и въ Бессарабской области.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Вопросъ о выборѣ мѣста для военнаго и торговаго порта на Восточномъ Океанѣ. — Состояніе льняной промышлености въ Россіи и безнадежность возстановленія ея.—Производительныя силы Россіи съ фритредерской точки зрѣнія нѣмецкихъ торговыхъ палатъ. — Статистическія данныя о промышлености Московской губерніи. — Сооруженіе петровской гавани для облегченія торговыхъ сношеній Закавказья съ внутренними губерніями. — О борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи.—Остатки язычества въ настоящее время. — При какихъ условіяхъ можно ожидать очищенія отъ нихъ христіанской вѣры?

Уносимъ вниманіе читателя на самый отдаленный пунктъ нашихъ владѣній — на Восточный Океанъ, на Амурскій заливъ. Послѣ того, какъ край этотъ сдѣлался нашимъ, послѣдовательно явились заботы о колонизаціи его и укрѣпленіи. Выполненіе этихъ заботъ составляетъ собою дѣло крайне-трудное и осуществимое только въ продолжительное время. Что въ настоящее время дѣлается на Амурѣ и вообще въ какой степени успѣшно колонизируется и укрѣпляется край—мы не знаемъ, по недостатку офиціальныхъ свѣдѣній и частныхъ газетныхъ извѣстій объ этихъ предметахъ. Такъ-какъ конечная цѣль присоединенія Амурской области есть торговля съ Китаемъ и преобладаніе наше на водахъ Тихаго океана, то вопросъ о выборѣ мѣста для устройства торговаго и военнаго порта весьма важенъ. Портъ является исходной точкой и торговыхъ сношеній, и военной обороны нашей въ столь отдаленномъ морѣ. Изъ напечатанной въ «Морскомъ Сборникѣ» (№ 9) статьи г. Бурачка дѣлается извѣстнымъ, что для устройства порта избирается мѣстной властью Владивостокъ, гдѣ расположенъ нынѣ нашъ постъ, при бухтѣ Золотой Рогъ, закрытой и покойной для стоянки судовъ. Но съ предпо-

Digitized by Google

ложеніемъ этимъ многіе несогласны, предпочитая для порта заливъ де-Кастри. Авторъ статьи, доказывая неудобство какъ обоихъ этихъ мѣстъ, такъ и всѣхъ другихъ пунктовъ по берегу приморской области, къ югу отъ устья Амура, предпочитаетъ проливъ Стрѣлокъ, на южномъ берегу приморской области, гдѣ, лѣтъ 150 назадъ, жилъ намѣстникъ китайскаго императора и гдѣ народонаселеніе доходило тогда до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Въ то время существовала здѣсь большая дорога, которая выходила на р. Усури въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится станица усурійскаго пѣшаго казачьяго батальона. Морской журналъ находитъ, что судить о возбуждаемомъ г. Бурачкомъ вопросѣ доступно лишь тѣмъ, кто знакомъ хорошо съ мѣстными условіями, и надѣется, что статья его вызоветъ отзывы мѣстныхъ спеціалистовъ и поможетъ уяснить важный вопросъ о преимуществахъ того или другого порта на нашихъ берегахъ Восточнаго Океана. Главные доводы г. Бурачка въ пользу пролива Стрѣлокъ суть тѣ, что проливъ этотъ покрывается льдомъ въ теченіе года неболѣе двухъ недѣль, тогда какъ всѣ другія мѣста покрываются льдомъ отъ 4 до 5 мѣсяцевъ, и что въ стратегическомъ отношеніи проливъ представляетъ всѣ выгоды для примѣненія обороны, образовывая собою, при малыхъ условіяхъ искуства, такой же пунктъ, командующій сушью и моремъ, какъ Гибралтаръ.

Чтобы дать понятіе о мѣстности пролива Стрѣлокъ — прибавляетъ авторъ—желательно бы представить топографическій планъ ея, но точнаго и подробнаго плана нѣтъ, хотя въ продажѣ и находится карта приморской области, составленная съ планшетовъ топографическихъ съемокъ топографовъ генеральнаго штаба Восточной Сибири. Съемщики эти, странствуя маленькими партіями среди пустынь и недружелюбныхъ китайцевъ, выражавшихъ иногда желаніе перестрѣлять ихъ, конечно, не могли выполнить своего дѣла, и для огражденія себя отъ отвѣтственности и взысканія, по словамъ автора, представили *не планы* мѣстности, а очень *изящныя картины*, далекія отъ истины.

При такихъ недостаткахъ топографическихъ картъ необходимы новыя съемки, которыя въ соединеніи съ морской описью береговъ, только и могутъ дать вѣрное понятіе о мѣстности. Г. Бурачекъ видитъ въ приморской Восточной Сибири богатый источникъ разныхъ предметовъ торговли, въ которыхъ нуждается Китай и посредствомъ которыхъ Россія вызоветъ изъ Китая тѣ громадные капиталы, которые теперь поглощаются имъ.

— Въ началѣ текущаго столѣтія однимъ изъ главныхъ предметовъ заграничной торговли Россіи былъ ленъ; съ тридцатыхъ же годовъ льняная промышленость, постепенно слабѣя, пришла въ совершенный упадокъ, такъ что мы совсѣмъ утратили заграничные рынки для сбыта льна. По поводу вопроса о заключеніи торгово-таможеннаго договора между Россіей и таможеннымъ союзомъ, обсуждаемаго въ нашихъ биржевыхъ комитетахъ, мо-

Digitized by Google

сковскій биржевой комитетъ обратился къ изслѣдованію причинъ упадка у насъ льняной промышлености, поручивъ это дѣло особой комисіи, подъ предсѣдательствомъ г. Шипова, который, при участіи многихъ изъ нашихъ льно-промышленниковъ, составилъ пространную записку о порученномъ комисіи предметѣ, напечатанную нынѣ въ «Сборникѣ свѣдѣній и матеріаловъ по министерству финансовъ» (№ 9), а также и нижегородскомъ «Ярмарочномъ Листкѣ». Заимствуемъ добытыя комисіей данныя и соображенія ея о продуктѣ, когда-то обогащавшемъ Россію, а нынѣ утратившемъ всякое значеніе, какъ предметъ вывозной торговли.

Причины упадка льняной промышлености, по мнѣнію комисіи, заключаются: вопервыхъ, въ томъ, что мы не слѣдили своевременно за тѣми преобразованіями, которыя совершились въ этой промышлености за границей и которыя съ одной стороны измѣняли или вводили новыя требованія, а съ другой совершенствовали и удешевляли самыя издѣлія; не слѣдили также и за тѣми мѣрами, которыя принимались въ Англіи, чтобы отвоевать у насъ и другихъ народовъ эту промышленость. Вовторыхъ, нетолько настоящій, но и всѣ предшествовавшіе тарифы наши не соотвѣтствовали обстоятельствамъ и не могли содѣйствовать къ поддержанію у насъ этой промышлености и особенно къ введенію въ ней новыхъ преобразованій. Втретьихъ, мы старались отчасти только объ усовершенствованіи и развитіи льновоздѣлыванія для удовлетворенія иностранныхъ фабрикъ, не обращая вниманія на то, что успѣхъ воздѣлыванія недостижимъ безъ внутренняго сбыта продукта на домашнія фабрики.

Введеніе въ употребленіе у насъ тонкихъ голландскихъ полотенъ и столоваго бѣлья, а также распространившіяся между всѣми классами издѣлія бумажныя совершенно измѣнили въ странѣ и самое требованіе на ленъ. Платя нѣсколько дороже противъ прежнихъ нашихъ льняныхъ тканей, потребитель сталъ получать иностранный матеріалъ блистательной отдѣлки, и потому наши туземныя льняныя ткани остались безъ спроса, а съ тѣмъ вмѣстѣ ослабѣло и даже почти прекратилось требованіе на ленъ утонченной выдѣлки, слѣдовательно, сравнительно дорогой, что́, естественно, сдѣлало безвыгоднымъ и самое производство льна. Послѣдствіемъ этого было обѣдненіе тѣхъ губерній, которыя преимущественно занимались производствомъ льна, закрытіе фабрикъ и крайній упадокъ цѣнъ на ленъ. Теперь снова возникли льнопрядильныя фабрики, цѣны на ленъ возвысились, но недостатокъ полотняныхъ фабрикъ, которыя поддерживали бы постоянное и достаточное требованіе, не обезпечиваетъ прочнаго успѣха возрождающагося у насъ льноводства.

Въ Англіи льняная промышленость возникла весьма недавно; мѣры, принятыя для развитія ея, состояли въ томъ, что правительство выдавало значительныя субсидіи ткацкимъ и апретурнымъ заведеніямъ; такія же субсидіи предлагались и фермерамъ,

Digitized by Google

но они начали разводить ленъ и совершенствовать выдѣлку его только съ размноженіемъ ткацкихъ фабрикъ и большихъ мануфактуръ, требовавшихъ большаго количества льна. Блистательный результатъ этихъ мѣръ выразился въ томъ, что Ирландія, гдѣ наиболѣе принялась льняная промышленость, съ 1700 по 1756 г. вывозила полотенъ 11,396,361 ярдъ, въ 1800 г. уже 35,676,908, а въ 1826 г. 52,560,926 ярдъ. Но самое главное развитіе промышлености началось со введеніемъ машиннаго льнопряденья въ 1815 г. и химическаго бѣленія. Оба эти изобрѣтенія дали Англіи такой перевѣсъ, что устранили всякую возможность соперничества другихъ націй. Кромѣ всего этого, энергическая тарифная система постоянно покровительствовала развитію льняной промышлености. Какъ скоро ткачество развилось до той степени, что нетолько удовлетворяло внутреннимъ потребностямъ, но производило достаточно полотенъ и для вывоза, привозъ льняныхъ тканей былъ запрещенъ. Потомъ, въ 1823 г., снявъ запрещеніе, наложили огромныя пошлины, до 180% цѣны товара. Потомъ, когда усовершенствованія поставили эту промышленость на такую ногу, что пошлины эти сдѣлались излишни, стали постоянно сбавлять ихъ, такъ что въ 1833 г. онѣ достигли только 25% цѣны издѣлія; въ 1842 г. отъ 12 до 15%; въ 1859 году отъ 5 до 10%, а теперь дозволенъ ввозъ безпошлинно. Сверхъ того, въ видахъ охраненія мануфактуръ, въ Англіи запрещенъ былъ вывозъ машинъ, въ томъ числѣ льно-прядильныхъ и льно-апретурныхъ, подъ страхомъ смертной казни, и запрещеніе это дѣйствовало до 1841 года.

Государства таможеннаго союза также сильно покровительствовали развитію у себя льняной промышлености, и достигли также цѣли въ значительной степени.

Подъ вліяніемъ такихъ успѣховъ внѣ Россіи, промышленость эта у насъ все болѣе и болѣе приходила въ упадокъ. Для поддержанія возникающей нынѣ снова льняной промышлености въ Россіи, коммисія признаетъ необходимымъ прежде всего тарифъ, который бы могъ покровительствовать промышлености, и кромѣ того льготы и пособія отъ правительства, въ видѣ безпроцентныхъ ссудъ подъ залогъ фабрикъ и въ видѣ освобожденія ихъ отъ всякихъ повинностей и налоговъ и дозволенія застраховывать въ иностранныхъ обществахъ, дабы избавить ихъ отъ обременительныхъ премій, платимыхъ русскимъ обществамъ.

Эти мнѣнія комисіи направлены противъ извѣстной уже нашимъ читателямъ записки, адресованной русскому правительству депутаціей германскаго коммерческаго съѣзда, настаивающей относительно льняныхъ тканей на томъ, чтобы ввозная пошлина на этотъ товаръ ограничена была 10 — 15% съ цѣны. Нѣмцы доказываютъ, что мы должны только производить ленъ и продавать его имъ какъ можно дешевле, а они будутъ выдѣлывать и привозить въ Россію уже ткани. Комисія же такого мнѣнія,

Digitized by Google

что безъ внутренней выдѣлки тканей и самое производство льна невозможно.

— Самосознаніе русскаго общества, пробудившееся въ послѣднее время, выражается, между прочимъ, въ томъ, что мы считаемъ далеко неудовлетворительными нашу производительность, нашу мануфактурную дѣятельность и нашу торговлю. Но не такъ смотрятъ *повременамъ*—съ какою цѣлью, читатель увидитъ ниже—на насъ нѣмцы, или по крайней-мѣрѣ стараются увѣрить насъ, что мы весьма сильны и зрѣлы во всемъ, что́ касается нетолько производства сырыхъ продуктовъ, но и обдѣлки ихъ и сбыта. Краснорѣчивое и сантиментальное изліяніе германскаго удивленія къ нашимъ богатствамъ, мы находимъ въ извлеченіи изъ отчета торговой палаты Эльберфельда и Бармена за 1864 г. (Сборн. Мин. Фин. № 9), гдѣ почтенные бюргеры, члены этой палаты, являются и удивительными гуманистами, и непоколебимо-убѣжденными фритредерами, и чуть-чуть не пророками—съ цѣлью доказать Россіи, что она должна непремѣнно заключить съ германскимъ таможеннымъ союзомъ торговый трактатъ, такъ-какъ наше время требуетъ, чтобы весь міръ составлялъ одну великую общину, чтобы всѣ народы сблизились и соединились воедино, нетолько путемъ великихъ открытій новѣйшаго времени — пароходства, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, но также и путемъ торговыхъ договоровъ. Затѣмъ говорится, что таможенный союзъ своимъ послѣднимъ низкимъ тарифомъ представляетъ большія выгоды для европейскихъ государствъ и въ правѣ ожидать равнаго съ ихъ стороны возмездія; Россія же представляетъ самую большую область сбыта, какъ государство, занимающее $^1/_6$ часть материка нашей планеты, и населенное 74,000,000 жителей различныхъ ста племенъ, говорящихъ такимъ же числомъ различныхъ языковъ (?) и разсѣянныхъ на огромномъ протаженіи.

Чтобы познакомить читателя съ удивительными богатствами нашего отечества, разнообразіемъ произведеній, развитіемъ нашихъ фабрикъ и мануфактуръ, приглашаемъ его взглянуть въ увеличительное стекло, чрезъ которое созерцала Россію означенная торговая палата.

Указавъ на то, что при кончинѣ Петра I считалось въ Россіи лишь 20 большихъ промышленныхъ заведеній, а нынѣ число ихъ, постепенно возрастая, доходитъ до 7,955, не считая заводовъ пороховыхъ, горныхъ и винокуренныхъ и заведеній для промывки золота, а также фабрикъ въ Финляндіи и Польшѣ — палата прибавляетъ, что успѣхи производства въ послѣднее время значительно подвинулись, что прежде одежда для войска вся шла изъ-заграницы (!?), а нынѣ почти все доставляютъ однѣ русскія фабрики. Сукно въ отличномъ качествѣ работается въ Москвѣ и и ея окрестностяхъ, также въ Петербургѣ, Сарептѣ, Бѣлостокѣ и другихъ мѣстахъ. Заведенія пеньковыя и льняныя распространены по всей странѣ — въ рѣдкой деревнѣ не найдется ихъ (выше изложено состояніе нашей льняной промышлености, разсматри-

Digitized by Google

ваемой безъ увеличительнаго стекла). Шелковое производство въ Московской губерніи весьма велико, и въ другихъ городахъ (?) оно достигло значительныхъ размѣровъ. Стеклянныя фабрики сдѣлали быстрые успѣхи; бумагопрядильни, при высокихъ цѣнахъ на пряжу, посылали свои издѣлья въ Манчестеръ и Нью-Йоркъ. Общая цѣнность всѣхъ выработываемыхъ въ Россіи издѣлій простирается до 486 мильйоновъ руб., рабочихъ занято производствомъ до 6 мильйоновъ. Заграничная торговля съ 1824 по 1828 г. среднимъ числомъ производилась на 107 мил. руб., съ 1844 по 1848 — 170 мил.; съ 1854 по 1858 г. — 265 мил.; въ 1859 г. ввозъ равнялся 162 мил., вывозъ 194 мил. Изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ, что *внутренняя* торговля Россіи постоянно развивается во всѣхъ своихъ отрасляхъ, и такимъ образомъ, Россія *сдѣлалась великою производящею страною*, но слѣдуетъ сожалѣть *о незначительности* (?) продуктовъ иностранныхъ, сравнительно съ внутренней производительностью страны, доходящею, по заявленію экономистовъ, до 1,500 мил. руб. Это обстоятельство, по мнѣнію палаты, показываетъ, что международная торговля Россіи страдаетъ подъ гнетомъ высокаго тарифа и добавочныхъ сборовъ съ тарифной пошлины на всѣ привозимые товары.

Находя, что Россія вообще достигла высокой степени промышленнаго развитія, палата полагаетъ, что по размѣру своихъ успѣховъ, мы должны оставить прежнюю свою систему, и постепеннымъ движеніемъ къ свободной конкуренціи вступить на путь свободной торговли.

Эльберфельдская и барменская палата едва-ли не смѣлѣе всѣхъ другихъ расписала промышленные успѣхи Россіи. Надо было думать, что интересы этихъ нѣмецкихъ городовъ во многомъ соприкасаются съ ходомъ русской торговли и промышлености; и мы нашли причину этой энергической пропаганды: «при чрезмѣрномъ въ послѣднее время умноженіи производительныхъ силъ— говоритъ палата — легко объясняется большой интересъ для здѣшней *ленточной* промышлености въ открытіи новыхъ и расширеніи старыхъ рынковъ.» Это важно особенно потому, что для ленточной промышлености угрожаетъ опасность со стороны крайней протекціонистской партіи въ Соединенныхъ штатахъ Сѣверной Америки, которая такъ усилилась, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше является опасности совершенно утратить этотъ драгоцѣнный рынокъ для германской промышлености.

Нельзя не одобрить энергіи торговыхъ нѣмецкихъ палатъ, съ которой онѣ принялись за распространеніе германской торговли: еслибы въ Германіи нетолько развилась *ленточная промышленость*, но оказался бы избытокъ *ленточныхъ листъ* въ нѣмецкихъ желудкахъ, то наши почтенные сосѣди старались бы и для этого продукта создать себѣ рынокъ въ Россіи, пустивъ въ ходъ все то, что читатель видѣлъ въ извлеченіяхъ изъ записки эльберфельдской и барменской палаты.

Digitized by Google

— Здѣсь кстати будетъ привести нѣсколько данныхъ, касающихся исторіи развитія и настоящаго состоянія мануфактурной промышлености Московской губерніи, занимающей, какъ извѣстно, первое мѣсто между всѣми губерніями по развитію въ ней промышлености. Данныя эти мы беремъ изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ департаментомъ торговли и мануфактуръ (Сборн. Мин. Фин. № 9). Число всѣхъ фабрикъ и заводовъ было: въ 1805 году — 530, въ 1807 г. — 691, въ 1809 г. — 764, въ 1812 г. — 277, въ 1814 г.— 513, въ 1825 г. — 748, въ 1828 г. — 781, въ 1831 г. — 904, въ 1835 г. — 1,001, въ 1840 г. — 970, въ 1845 г. — 1,278, въ 1850 г. — 1,244, въ 1854 г. — 1,105, въ 1858 г. — 1,224, въ 1862 г. — 1,209. Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ въ полстолѣтіе, когда возникло и развилось съ необыкновенной быстротой, повсюду, до громаднѣйшихъ размѣровъ, хлопчато-бумажное производство, когда, наконецъ, возникло множество техническихъ усовершенствованій и быстрое развитіе въ странѣ потребленія разныхъ мануфактурныхъ предметовъ, вовсе неизвѣстныхъ русскому народу въ прошедшемъ столѣтіи — главный центръ мануфактурной дѣятельности Россіи, Московская губернія, едва-едва удвоила число своихъ фабрикъ и заводовъ. Сумма производства и число рабочихъ въ послѣдніе годы, во всѣхъ московскихъ фабрикахъ и заводахъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ 1854 г. — 40,600,000 руб. при 100,000 рабочихъ; въ 1858 г. — 55,435,000 руб. при 106,070 рабочихъ; въ 1862 г. — 60,572,000 руб. при 95,047 рабочихъ. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ ничтожнѣйшемъ развитіи нашей мануфактурной дѣятельности, обратимся къ частностямъ, изъ которыхъ составилась повидимому значительная цифра $60^1/_2$ мильйоновъ руб., но недостаточная при сравненіи съ народонаселеніемъ Россіи и открытыми для нея преимущественно отдаленными рынками Азіи и Китая. Суконныя и шерстяныя издѣлія, составляющія въ суровомъ климатѣ одну изъ первыхъ потребностей, занимаютъ $15^1/_2$ мил. руб. и это — при 70 мил. жителей, считая въ томъ числѣ почти мильйонную армію. Бумаготкацкія и бумагопрядильныя заведенія, торгующія буквально со всѣмъ народонаселеніемъ Россіи, производятъ на $11^1/_2$ мил. руб.; красильныя — на $10^1/_2$ мил.; табакъ, стеаринъ, мыло, составляющіе почти сырой продуктъ первой потребности— представляютъ сумму 5 мил.; шелковыя издѣлья—$4^1/_2$ мил. Слѣдовательно на эти немногія производства относится изъ общей цифры около 48 мильйоновъ руб., то-есть болѣе $^3/_4$ всей суммы. Всѣ же остальныя производства, весьма многочисленныя (до 70), ограничиваются скромной цифрой 12 мильйоновъ, и по справедливости могутъ быть названы грошовыми. Такова превозносимая нѣмецкими торговыми палатами мануфактурная дѣятельность Россіи!

— Въ 1859 г. утвержденъ былъ проектъ сооруженія въ городѣ Петровскѣ гавани, имѣющей значеніе сократить путь сообщенія между Тифлисомъ и Петровскимъ, или, лучше сказать,

Digitized by Google

образовать морской путь для движенія торговли между Тифлисомъ и Астраханью, или приволжскими губерніями. При первоначальномъ предположеніи этого сооруженія имѣлось въ виду обезпеченіе и облегченіе прибывающихъ на петровскій рейдъ казенныхъ и частныхъ судовъ преимущественно съ провіантомъ, для значительной части кавказской арміи, а также въ видахъ развитія торговли и промышлености въ Терской и Дагестанской областяхъ. Прежняя опасность военно-грузинской дороги, сдѣлавшейся теперь вполнѣ безопасною, дѣлала весьма важнымъ для торговли пунктомъ петровскую гавань; нынѣ же за этой гаванью остается лишь значеніе пункта и способа перевозки, уменьшающихъ плату за перевозку товаровъ (моремъ), расходы на выгрузку и время самой перевозки. Устройство гавани было дѣломъ весьма труднымъ: нужно было возвести каменныя, искуственныя сооруженія (насыпи) въ морѣ, дабы образовать закрытое отъ сильныхъ волненій мѣсто для стоянки судовъ. Расходы на гавань составляютъ 400 т. руб. Для образованія насыпей употребляютъ камни, доходящіе въ объемѣ до 1 куб. сажени, вѣсомъ до 1,000 пудовъ. Сущность работъ состоитъ въ томъ, чтобы приготовить камень, отвезти его и бросить въ море по извѣстному направленію; всего требовалось до 12 т. куб. саж. камня. Работы производились съ помощію механическихъ приспособленій: подъемныхъ машинъ, желѣзной дороги въ море и особыхъ вагоновъ. На работы выходитъ каждый день до 300 рабочихъ. Окончаніе работъ, по увѣренію кореспондента «Морского Сборника» (№ 10), и открытіе самой гавани послѣдуютъ въ 1866 г., съ чѣмъ вмѣстѣ значительно облегчатся вообще торговыя сношенія закавказскаго края съ внутреннимн губерніями имперіи. Съ открытіемъ гавани, городъ Петровскъ долженъ бы получить значеніе торговаго, передаточнаго пункта, но какъ это будетъ на дѣлѣ, и чѣмъ выразится облегченіе внутреннихъ сношеній съ Кавказомъ — покрыто мракомъ неизвѣстности.

Въ «Православномъ Собесѣдникѣ» (№ 8-й) мы находимъ изслѣдованіе о борьбѣ христіанства съ язычествомъ въ Россіи. Этотъ почтенный трудъ, кромѣ своего ученаго значенія и выводовъ весьма интересныхъ, какъ съ этнографической и исторической стороны, заключаетъ въ себѣ важныя практическія указанія на необходимость въ системѣ народнаго образованія такого элемента, который облегчилъ бы завершить окончательную побѣду чистаго христіанства надъ примѣсью языческихъ вѣрованій, внесенныхъ въ христіанство древне-русской культурой.

Славяно-русское язычество еще не успѣло совершенно развиться, когда начала распространяться въ Россіи христіанская вѣра. Язычество застигнуто было на переходной степени отъ непосредственнаго поклоненія силамъ и явленіямъ природы къ

Digitized by Google

олицетворенію ихъ въ образахъ личныхъ божествъ, отъ первичнаго домашняго служенія богамъ къ служенію общественному—съ храмами, опредѣленною обрядностію и сословіемъ жрецовъ. Славянинъ успѣлъ выработать въ сознаніи своемъ образы, личности только для нисшихъ боговъ, олицетворяющихъ русскую природу съ ея широкими лѣсами, водяныхъ, русалокъ и лѣшихъ, также домовыхъ—божествъ семьи и домашняго крова. Эти только божества являются намъ съ рѣзко-обрисованными личностями, вполнѣ развитою личною жизнію. Имена же высшихъ божествъ—Сварога, Перуна, Дажбога не возбуждаютъ въ умѣ никакого опредѣленнаго представленія. Мы не имѣемъ свѣдѣнія ни объ ихъ характерѣ, ни объ ихъ личной жизни; въ народѣ они совершенно забыты. Если ясность и подробность, съ какими въ народѣ хранится память о нисшихъ богахъ, показываютъ удивительную живучесть вѣрованія и даютъ право заключить о древности и большемъ развитіи этого вѣрованія въ язычествѣ, то наоборотъ забвеніе высшихъ божествъ обнаруживаетъ, что вѣра въ нихъ была сравнительно молода, не успѣла пустить крѣпкихъ корней въ сознаніи народа. Созданіе личностей для высшихъ божествъ требовало большаго отвлеченія, мало доступнаго для дѣтской фантазіи и мысли народа. Языческіе обряды нашей древности являются едва сложившимися, условными, измѣняющимися смотря по мѣстности, времени и настроенію толпы. У нашихъ предковъ, какъ слѣдуетъ считать вполнѣ доказаннымъ положеніемъ нашей исторіи, не было ни храмовъ, ни жрецовъ. Храмы и жрецы являются лишь съ развитіемъ общественнаго богослуженія; у насъ же самая жизнь въ языческое время не развилась до общественности, не выходя изъ предѣловъ семьи, рода. Каждая семья молилась отдѣльно; жрецомъ былъ старшій въ семьѣ, обычнымъ храмомъ была изба; потому въ нашей миѳологіи болѣе всего развитъ миѳъ о домовомъ, потому также гораздо болѣе сохранилось у насъ языческихъ обрядовъ зимняго, чѣмъ лѣтняго полугодія: зима проводится въ избѣ, среди семьи, лѣтомъ крестьянинъ живетъ въ полѣ. Семейственность составляетъ самую отличительную черту русскаго язычества. Общественное богослуженіе было еще въ зародышѣ. Нѣсколько семействъ, даже деревень собирались на игрище «межи селы» и совершали здѣсь свои обрядовыя игры и пиры. Эти сборища стали пріурочиваться къ опредѣленнымъ мѣстамъ, рѣкѣ, озеру, лѣсу и наложили на послѣднія печать особенной святыни. Явились боголѣсья, священныя дубровы, камни, ручьи, озера, которыя доселѣ пользуются суевѣрнымъ почтеніемъ. Всѣ подобныя водныя, лѣсныя, горныя урочища несомнѣнно были колыбелью общественнаго богослуженія; при дальнѣйшемъ развитіи язычества мы увидѣли бы на нихъ языческіе храмы. Богослуженіе совершалось хороводомъ, обрядовыми играми и русской братчиной; когда нужно было руководить сходкой, выступало выборное начало, и выборъ обыкновенно падалъ или на дѣвушку, или на старца—патріарха селе-

Digitized by Google

нія, главаря, большака цѣлой общины. Это были жрецы тоже въ зародышѣ. Такое же значеніе имѣли при общественномъ богослуженіи пѣвцы, гудцы, прегудницы, гусляры, плясцы и т. п. люди, которые во времена христіанскія извѣстны подъ именемъ скомороховъ. Переходной ступенью къ образованію жреческаго класса были волхвы, вѣдуны, вѣдьмы. Каждая вѣра, какъ бы она ни была въ началѣ жизненна и свободна въ своихъ проявленіяхъ, вслѣдствіе односторонняго благоговѣйнаго отношенія къ ней людей, каменѣетъ въ своихъ формахъ и низводится въ обрядность все болѣе и болѣе, по мѣрѣ продолжительности своего существованія. Священное дѣйствіе, въ началѣ свободное, основанное на движеніи благочестиваго чувства одного лица, обращается въ обязательный обрядъ. Пѣснь, излившаяся изъ сердца одного, естественное обращеніе его къ божеству съ словами молитвы превращаются, наконецъ, въ такую молитву, изъ которой слова не выкинешь — въ заговоръ, въ заклятіе. Въ самыхъ словахъ, въ ихъ томъ или другомъ сочетаніи поставляется сила молитвы. Чѣмъ дальше идетъ общественное богослуженіе, тѣмъ болѣе развивается эта обрядность его, требующая уже знанія подробностей, обрядоваго дѣйствія; отсюда является вѣдунъ, волхвъ; но волхвъ все-таки далеко не жрецъ. Чтобы получить это послѣднее значеніе, ему нужно сдѣлаться постояннымъ и необходимымъ посредникомъ между людьми и богами.

Запасъ вѣрованій и богослужебныя формы, съ которыми вошли славяне въ семью христіанскихъ народовъ, были бѣдны и скудны. Обстановка и силы этого дѣтскаго міросозерцанія были крайне слабы въ сравненіи съ силами и средствами новой вѣры. Внѣшней борьбы между старою и новою вѣрою, конечно, не могло и быть; христіанскіе пастыри не встрѣчали себѣ противниковъ, равныхъ по силамъ и внѣшнему положенію въ обществѣ, жрецовъ, которые служатъ всегда носителями религіознаго сознанія народа. А безъ нихъ народъ могъ выставить только безсознательное, отрицательное противодѣйствіе новой вѣрѣ во имя народной старины — противодѣйствіе подземное, необнаруживавшееся въ видѣ внѣшней борьбы. Христіанскія церкви строились на пустомъ мѣстѣ, для нихъ не нужно было разчищать мѣсто чрезъ разрушеніе языческихъ капищъ Христіанское богослуженіе было первымъ, вполнѣ развитымъ общественнымъ богослуженіемъ на Руси. Своимъ благолѣпіемъ оно совершенно затмило убогія языческія сборища «межи селы» съ ихъ естественною обстановкою и хороводами; эти сборища сразу явились передъ нимъ одною игрою. Раскрытое, объясненное и снабженное всѣми средствами византійскаго образованія православіе встрѣтилось у насъ съ бѣднымъ и совершенно неопредѣленнымъ языческимъ міросозерцаніемъ. Но не встрѣтивъ открытой борьбы съ развитымъ язычествомъ, христіанство имѣетъ самыхъ неискоренимыхъ враговъ въ низшихъ собирательныхъ духахъ: домовыхъ, водяныхъ, лѣшихъ, русалкахъ, кикиморахъ, которые и нынѣ живутъ цѣли-

Digitized by Google

комъ въ народныхъ повѣрьяхъ. Будучи вѣрою частныхъ лицъ, семьи, дома, это благоговѣйное служеніе природѣ крѣпко ужилось въ избѣ, въ семьѣ, и отсюда его уже не выживутъ скоро никакія мѣры духовной и свѣтской власти, *кромѣ просвѣщенія*. Эти мѣры могутъ выгнать его только съ улицы, съ поля, изъ священнаго боголѣсья, но не изъ дома и семейнаго очага.

При внѣшнемъ взглядѣ на исторію возникъ несостоятельный взглядъ о чудесномъ, мирномъ и скоромъ распространенія христіанства въ Россіи; но вопросъ этотъ рѣшается только на народной почвѣ, уясненіемъ внутренней борьбы новой и старой вѣры — борьбы, выразившейся въ причудливой смѣси двоевѣрія и въ отличительныхъ чертахъ вѣрованій народа, въ ихъ народныхъ оттѣнкахъ. При рѣшеніи этого вопроса важно не столько мѣсто распространенія христіанства и число вѣрующихъ, сколько степень усвоенія послѣдними православнаго ученія. Въ первоначальной исторіи христіанства на Руси выразительно то обстоятельство, что народъ принималъ его съ покорностію въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была сильна княжеская власть; а гдѣ она была слаба, тамъ мы и въ XII вѣкѣ видимъ съ одной стороны проповѣдниковъ-мучениковъ, а съ другой толпы волхвовъ. Дѣйствуя вмѣстѣ, князья и пастыри церкви толпами собирали народъ позорить языческихъ боговъ и креститься, воздвигали церкви и проч.; но чѣмъ быстрѣе шло это дѣло, чѣмъ покорнѣе слушался народъ своихъ властей, тѣмъ было хуже. При той быстротѣ, съ какой возрастало число обращенныхъ, нельзя и предполагать нравственнаго перевоспитанія новопросвѣщеннаго общества. Подъ христіанскою внѣшностію во всей своей свѣжести оставалось старое язычество. Это было даже не двоевѣріе, потому что двоевѣріе, смѣшеніе христіанства съ язычествомъ, предполагаетъ уже нѣкоторую степень усвоенія новаго ученія, переработку его на народный ладъ. Оно составляетъ уже дальнѣйшую степень въ исторіи христіанства; съ него только и начинается постепенный ходъ внутренняго перевоспитанія народа. До XIV вѣка поученія пастырей церкви прямо направлялись противъ язычества, что обнаруживало самостоятельное существованіе его наряду съ христіанствомъ. Новая вѣра не вытѣснила еще старую, даже не измѣнила ее; обѣ онѣ соединились между собою чисто механически, а не органически. Послѣ XIV вѣка язычество видимо стушевалось, его догматика забывается, въ поученіяхъ является на первомъ планѣ обличеніе не миѳа, а языческой обрядности, которая пережила миѳъ, но безъ него и сама поблѣднѣла и потеряла свой смыслъ. Послѣ грубаго двоевѣрія постепенно является другое двоевѣріе, состоявшее не въ механическомъ, а въ органическомъ соединеніи двухъ вѣръ, причемъ язычество поглощалось христіанствомъ и примѣшивало къ нему своеобразный народный оттѣнокъ. Послѣ обязательной молитвы въ христіанскомъ храмѣ, славянинъ-полуязычникъ отправлялся въ священную дубраву, къ озеру, рѣкѣ, къ студенцу и т. п. и тво-

Digitized by Google

рилъ здѣсь свою убогую молитву по обычаю отцовъ и дѣдовъ. Онъ поклонялся и приносилъ жертвы своимъ прежнимъ богамъ, пѣлъ свои старинныя пѣсни; въ домахъ съ иконами стояли божки языческіе, да онъ и церковь звалъ «божницею» — христіанскія святыни ставилъ на одну доску съ языческими. Среди семьи совершались всѣ старинные богослужебные обряды, ставились законные обѣды Роду и Рожаницамъ, домовому и проч., составлялись втихомолку и языческія торжества и игриша; но общественное богослуженіе строго преслѣдовалось, и язычество поневолѣ должно было ограничиваться предѣлами одной избы, одного семейнаго быта. Здѣсь царила чистѣйшая старина. Долго церковь не могла завязать самаго основного узла законной семейной жизни—правильнаго брака. Въ простонародьѣ было искреннее убѣжденіе, что церковный бракъ существуетъ только для князей и бояръ; въ XII вѣкѣ нетолько были въ свѣжей памяти, но и на самомъ дѣлѣ происходили умыканія невѣстъ, браки съ языческимъ обычаемъ плесканія, съ пѣснями въ честь Лады или съ обхожденіемъ въ лѣсу около ракитова куста, около священнаго озера. Наши былины постоянно говорятъ, что богатыри, кромѣ вѣнчанія церковнаго, обходили вокругъ ракитова куста; извѣстно также, что мужъ держалъ по двѣ жены и больше, прогонялъ одну и бралъ другую.

Славянинъ-полуязычникъ повиновался духовенству, потому что за духовенство былъ князь; но онъ не любилъ священника, бѣжалъ отъ него, чувствуя за собою много языческихъ чувствъ и встрѣчу съ духовнымъ лицомъ считалъ дурною для себя. Въ то же время среди народа пользовались большимъ уваженіемъ волхвы и кудесники — эти начатки языческаго жречества. Ихъ призывали на родины сотворить трапезу Роду, наречь имя младенцу, избавить его наговорами отъ порчи, глаза и притки, навязать ему чародѣйскій паузъ, совершить обрядъ постриговъ и проч. На свадьбахъ имъ давалось первое мѣсто. Къ нимъ обращались во всѣхъ важныхъ случаяхъ семейной жизни и въ общественныхъ бѣдствіяхъ. Если вспомнимъ, какое значеніе имѣли волхвы въ язычествѣ, то всѣ эти знаки общаго уваженія къ нимъ и ихъ вѣса въ обществѣ опредѣлятъ для насъ степень распространенія христіанскихъ понятій и укорененія ихъ въ народномъ сознаніи. Волхвъ былъ противоположность священника: онъ былъ представитель язычества, какъ священникъ христіанства. Торжество того или другого было торжествомъ той или другой вѣры. Какъ служители языческихъ боговъ, какъ главные хранители суевѣрныхъ обычаевъ и священныхъ знаній стараго времени, волхвы даже вступали въ открытую борьбу съ христіанствомъ: они ходили всюду съ своею языческою проповѣдью и волновали чернь. Проповѣдь ихъ тѣмъ болѣе была сильна, что они почти всегда появлялись въ то время, когда народъ, еще неутвержденный въ христіанствѣ, былъ особенно расположенъ слушать ихъ, въ моровую язву, голодъ, засухи и т. п. Народъ толпами ходилъ

Digitized by Google

за ними, видя въ нихъ представителей боговъ. На такую грубую почву пало сѣмя христіанства. Около него росли старыя сорныя травы, пробиваясь по всѣмъ мѣстамъ вновь воздѣланнаго поля, гдѣ наскоро пропустили клочки первые ростки — правительство и духовенство. Христіанству нуженъ былъ усиленный ростъ, чтобы заглушить эти сорныя травы. Съ самаго начала принятія новой вѣры, идетъ непрерывное противодѣйствіе ей со стороны вѣковыхъ привычекъ и старинныхъ народныхъ вѣрованій, наслѣдованныхъ отъ предковъ.

Памятники древней русской письменности свидѣтельствуютъ объ этой борьбѣ, которую авторъ приводимой нами статьи въ своемъ трудѣ прослѣдилъ весьма полно и тщательно. Съ XIII вѣка болѣе не видимъ уже возстаній противъ новой вѣры, что̀ свидѣтельствуетъ, что христіанство успѣло уже занять господствующее положеніе среди народа. Около XIV вѣка борьба христіанства съ язычествомъ на Руси замѣтно принимаетъ новое направленіе: она главнымъ образомъ устремляется противъ остатковъ языческаго богослуженія, которое будило еще отжившія вѣрованія, хотя уже не могло вполнѣ осмыслиться ими. Все, что̀ сохранилось въ народѣ преданіемъ отъ древняго богопочтенія, болѣе и болѣе принимало значеніе суевѣрія, и, теряя свой старинный смыслъ, примыкало къ христіанскимъ праздникамъ и обрядамъ въ видѣ стараго обычая и повѣрья. Закоренѣлая привычка смѣшивала принадлежности старыхъ боговъ съ принадлежностями христіанскихъ святыхъ, обряды идольскихъ торжествъ съ торжествами церкви. Невозможно было разомъ искоренить то, съ чѣмъ свыклась душа и что̀ вошло въ самую народность славянъ русскихъ. Даже христіанскія торжества церкви получили языческія названія, напр. русальная недѣля, Купало, Коледа и проч. Христіанство затмило боговъ, превратило ихъ во второстепенныя существа, большею частію въ демоновъ, но служеніе имъ долго сквозило и доселѣ отчасти сквозитъ среди христіанскихъ обрядовъ. Значеніе волхвовъ сохранялось въ XVI и XVII вѣкахъ; народъ все еще видѣлъ въ нихъ служителей божествъ. Въ Стоглавѣ и Домостроѣ, при запрещеніи ходить къ волхвамъ, нѣтъ уже указаній на религіозно-богослужебное значеніе ихъ, а они разсматривались уже какъ представители злого духа. Когда язычество стало падать, народная вѣра въ волхвовъ стала развиваться именно въ этомъ направленіи. На волхва, вѣдуна, вѣдьму народъ взглянулъ, какъ на существа злобныя, исполненныя грѣха, которыя продали бѣсу свою душу; всѣ принадлежности ихъ получили черное значеніе: у нихъ черная кошка, черная собака, черная книга, и волхвуютъ они среди черной ночи. Такая перемѣна вѣрованій произошла, разумѣется, не вдругъ и не вездѣ одновременно. Наряду съ волхвами преслѣдовались другіе представители общественнаго языческаго богослуженія — скоморохи, но они въ XVII и даже XVI вѣкѣ являются уже не болѣе какъ странствующими труппами, предлагавшими свою услугу

Digitized by Google

вездѣ, гдѣ встрѣчалась надобность въ музыкѣ, пѣсняхъ и пляскѣ.

Изъ всѣхъ обрядовъ язычества, естественно, прежде всего и болѣе всего подверглись преслѣдованію обряды купальной ночи—этого самаго торжественнаго праздника славянской общины, съ его яркими кострами, чарами и шумнымъ разгуломъ, праздника, въ которомъ сосредоточился весь смыслъ славянскаго язычества. Стоглавъ обращаетъ вниманіе на купалу и троицкую субботу. Въ XVII вѣкѣ, когда уже обряды почти утратили прежній ихъ смыслъ, остатки язычества преслѣдуются постоянно, и въ то же время замѣчаемъ, что старые обряды вымираютъ; множество ихъ изъ области религіи переходитъ въ область обыкновенныхъ народныхъ увеселеній, и обличеніе относится къ нимъ уже просто въ нравственно-поучительномъ тонѣ. Святочныя гаданья и широкая масляница, несмотря ни на какія преслѣдованія, сохранились во всей цѣлости; только срокъ масляницы сокращенъ на 8 дней въ XVII вѣкѣ, по повелѣнію патріарха.

О характерѣ преслѣдованія язычества авторъ статьи говоритъ, что оно касалось именно той стороны язычества, которая была особенно слаба и неразвита, которая вовсе не составляла его сущности, то-есть внѣшней общественной стороны. Но ни мѣры правительства, ни дѣятельность церкви не коснулись, или едва коснулись сущности языческаго міросозерцанія. Славянинъ и не нуждался особенно въ обрядахъ, которые преслѣдовались; его боги жили около него, на его печкѣ, подъ порогомъ, въ овинѣ, въ рѣкѣ, гдѣ онъ ловилъ рыбу, въ лѣсу, гдѣ рубилъ дрова; сила этихъ боговъ, ихъ дѣйствія и знаменія сопровождали его на каждомъ шагу въ его немудреной жизни и каждый шагъ, каждый предметъ его домашняго обихода были окружены множествомъ обрядовъ, примѣтъ, суевѣрій. Вотъ гдѣ была суть его религіи, а сюда-то и не проникали внѣшнія мѣры противъ язычества. Отлученія и обличенія церкви, батоги и опалы государевы проносились въ воздухѣ, не задѣвая этого темнаго мірка политеистическихъ убѣжденій и суевѣрнаго, таинственнаго взгляда на природу и жизнь. Этотъ темный міръ требовалъ не угрозъ, обличеній и наказаній, а свѣта, христіанскаго просвѣщенія.

Древніе просвѣтители народа, разрушая кумиры и требища, старались строить на ихъ мѣстахъ христіанскіе храмы; новая святыня ставилась на развалинахъ старой. Нужно расширить смыслъ этого выразительнаго явленія въ исторіи христіанства. Только тамъ уничтожилось язычество, гдѣ христіанство его замѣнило, гдѣ старыя вѣрованія и обряды замѣнялись новыми. Гдѣ подобной замѣны не было, гдѣ новыя понятія не усвоивались народомъ, язычество оставалось цѣликомъ. Какъ ни величественно возвышалось новое зданіе христіанства на старой почвѣ, неочищенной образованіемъ, эта почва всегда подновляла и оживляла свои обычныя произрастенія.

У насъ не было главнаго средства противъ язычества—христіан-

Digitized by Google

скаго просвѣщенія, которое могло бы преобразовать суевѣрныя понятія народа. Какъ бы мы ни старались доказать обиліе духовнаго просвѣщенія въ древней Руси множествомъ просвѣтительныхъ твореній, заботливостью о томъ церкви, современное намъ состояніе большинства русскихъ людей выразительно обозначаетъ темный историческій путь, по которому шелъ народъ. Не касаясь исторіи собственнно простаго народа, заглянемъ лишь въ исторію его ближайшихъ просвѣтителей — низшаго духовенства. Мы видимъ въ *низшемъ духовенствѣ* главную просвѣтительную силу для народа, которая находилась въ непосредственномъ соприкосновеніи съ нимъ. Въ вопросѣ о народномъ образованіи нужно брать во вниманіе именно эту силу, а не *высшую іерархію*, которая вращалась среди высшихъ классовъ и во всѣ времена была болѣе или менѣе далека отъ народа, имѣла мало просвѣтительнаго вліянія даже на низшее духовенство. Низшее духовенство было плоть отъ плоти, кость отъ костей простонародья. Когда приходская сходка разсуждала о томъ, кого послать ко владыкѣ для посвященія въ попы, ея выборъ падалъ, разумѣется, на лучшаго человѣка, болѣе сроднаго съ избирательною общиною по духу, грамотѣя, извѣстнаго по всему околодку. Это былъ не просвѣтитель народа, который распространялъ бы около себя новыя лучшія понятія, а скорѣе представитель тѣхъ вѣрованій и понятій, которыя были распространены въ массѣ и которыя онъ усвоилъ лучше всѣхъ. Поэтому языческіе обряды и ереси были нечужды самого низшаго духовенства.

Надобно желать — заключаетъ авторъ — чтобы настоящіе просвѣтители народа, наши пастыри не были похожи на прежнихъ просвѣтителей, чтобы они обратили особенное вниманіе на складъ народныхъ вѣрованій, на множество остатковъ стариннаго міросозерцанія и изучили русскую народную старину во всѣхъ ея проявленіяхъ, потому что только подъ этимъ условіемъ можно ожидать вполнѣ удовлетворительныхъ плодовъ отъ ихъ дѣятельности. Разсматривая народныя вѣрованія, какъ они существуютъ на дѣлѣ, мы видимъ, что корни ихъ уходятъ часто въ отдаленное языческое время, что новое зданіе народнаго христіанства выстроилось на половину изъ стараго матеріала. Только изученіе старины можетъ опредѣлить своеобразный характеръ народной вѣры, *надъ направленіемъ которой должны трудиться* церковные дѣятели.

Останавливаясь на томъ явленіи, что въ памятникахъ церковной письменности первыхъ вѣковъ христіанство является болѣе чистымъ, чѣмъ въ послѣдующихъ XVI и XVII вѣкахъ, когда замѣтно множество суевѣрій, искаженій христіанства и какъ-бы оживленіе умиравшаго язычества—авторъ объясняетъ это явленіе, что въ послѣдніе вѣка народныя стихіи стараго язычества стали входить въ составъ христіанскихъ вѣрованій отъ большаго участія народа въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія. Если прежде христіанство являлось въ томъ чистомъ видѣ, въ какомъ оно принесено изъ

Digitized by Google

Византіи, то это прямой знакъ, что его не коснулось еще сознаніе народа, что оно еще было чуждо послѣднему, народность еще не воздѣйствовала заимствованнымъ началамъ. Впослѣдствіи, чѣмъ болѣе мы видимъ перемѣнъ въ христіанствѣ, апокрифовъ, разнаго рода суевѣрныхъ сказаній и остатковъ язычества, тѣмъ болѣе вправѣ заключать, что христіанство стало усвоиваться народомъ и не внѣшнимъ только образомъ, а органически. Народъ не заимствуетъ чужаго цѣликомъ; онъ только втягиваетъ въ себя то, что̀ ему сродно, и по мѣрѣ заимствованія чужаго переработываетъ послѣднее въ свою собственную плоть и кровь. Чужое переработывается на народный ладъ, теряетъ многія прежнія свойства и получаетъ новыя народныя черты. И христіанство, какъ скоро входило въ сознаніе народа, необходимо теряло въ немъ свою чистоту и возвышенность. Подъ христіанскими выраженіями сквозилъ языческій смыслъ; изъ-за предметовъ христіанскаго чествованія нерѣдко обнаруживаются лики древнихъ стихійныхъ боговъ. Чѣмъ дальше разработалъ народъ свое язычество, тѣмъ оно дольше господствуетъ надъ христіанствомъ, или по-крайней-мѣрѣ видоизмѣняетъ его. Недостатокъ просвѣщенія поддерживаетъ это существованіе языческихъ стихій въ христіанствѣ. Только просвѣщеніе можетъ облагородить народный организмъ и сдѣлать его способнымъ къ воспріятію чистаго христіанскаго ученія. Возвышенное міросозерцаніе христіанства можетъ дѣйствовать на народъ со всею своею благотворностью только тогда, когда народъ доростетъ до его пониманія путемъ просвѣщенія. А для непросвѣщенной дѣтской фантазіи народа всегда понятнѣе и увлекательнѣе миѳическій міръ язычества. Безъ знанія законовъ природы, совершенно безпомощный, неразвитый человѣкъ находится подъ вліяніемъ таинственныхъ силъ и во всемъ окружающемъ ищетъ чего-то такого, на что хочетъ опереться въ своемъ безсиліи; его личность теряется среди природы, которая его окружаетъ, и которая кажется ему всемогущею, полною дивности. Въ этомъ положеніи заключается существенная причина господства языческихъ суевѣрій надъ умами народа. Міръ таинственныхъ силъ и чудесъ безпрестанно населяется тѣми же богами и духами, окружается тѣми же повѣрьями, примѣтами, заговорами, кудесническими обрядами, какіе были и въ язычествѣ.

Такимъ образомъ, авторъ приведенной нами статьи, разсказавъ сжато, кратко и талантливо внутреннюю исторію христіанства на Руси, высказалъ мысли и о средствахъ очищенія христіанской вѣры отъ языческихъ примѣсей, нечуждыхъ ей и понынѣ.

Кстати здѣсь замѣтимъ, что духовные журналы болѣе всѣхъ спеціальныхъ журналовъ наполняются прекрасными статьями, исполненными высшихъ и глубокихъ интересовъ для читающей публики. Лучшимъ примѣромъ этого отраднаго явленія служитъ приведенная нами статья.

Digitized by Google

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ.

Возраженія Фишера, Вуда и Пратта противъ предполагаемой Кроллемъ причины потопа во время ледяного періода. — Вулканическое образованіе западныхъ береговъ Италіи, г. Фухса.—Археологическія открытія въ Сѣверной Италіи, г. Гастальди.—О свойствахъ льда, г. Гельмольца. — О концентрированіи сиропов посредствомъ холода.—Новая теорія радуги, г. Ральяра.—Програма журнала г. Льюиса «The Fortnightly Review».—Желаніе Льюиса издавать журналъ безъ направленія.

Лишь только «Reader» помѣстилъ на столбцахъ своихъ письмо г. Кролля къ профессору Рамсею «О физической причинѣ потопа впродолженіе ледяного періода», какъ вслѣдъ за тѣмъ англійскіе ученые начали присылать въ редакцію этого журнала возраженія противъ теоріи, съ которою мы познакомили уже нашихъ читателей. Хотя бѣглыя, отрывочныя замѣчанія Фишера, Вуда и Пратта очень разнохарактерны, но въ нихъ есть одна общая черта—всѣ они отрицаютъ вѣрность соображеній г. Кролля. Признаемся, мы съ большимъ удовольствіемъ смотримъ на такое движеніе умовъ, потому что оно, и только одно оно можетъ служить гарантіею прогрессивнаго развитія науки и строгаго анализа невѣрно понятыхъ фактовъ. Не разъ являлись въ ученомъ мірѣ новыя, эфектныя мысли, которыя не выдерживали однакоже критики, и за ними оставалось потомъ одно только историческое значеніе, какъ за естественнымъ продуктомъ длиннаго ряда взаимно другъ друга уничтожающихъ идей, которыми сопровождается обыкновенно настойчивое стремленіе ума къ открытію истины. По нашему мнѣнію, мысль г. Кролля относится именно къ этой категоріи ошибокъ. Мы сочли долгомъ обратить вниманіе нашихъ читателей на поднятый имъ вопросъ, потому что онъ, касаясь судьбы всего человѣчества, долженъ необходимо имѣть огромное значеніе. Какъ бы ни были далеки отъ насъ тотъ часъ, день, годъ или столѣтіе, въ которые суждено погибнуть всему, что̀ сдѣлано вѣковыми трудами цивилизаціи, мы не можемъ не ужасаться при мысли о такой страшной гибели. Подумайте, все, что̀ впродолженіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ будетъ создано искуствомъ, наукою, мыслью и физическимъ трудомъ жителей нашего полушарія, все это исчезнетъ подъ ледяной глыбою, все будетъ разрушено, уничтожено ею, и тамъ, гдѣ умъ человѣческій выработалъ самыя свѣтлыя идеи, развилъ самыя полезныя знанія, гдѣ общественная жизнь сложилась наконецъ по тѣмъ началамъ, о которыхъ какъ-то неясно мечтаемъ мы—тамъ все это сдавитъ въ своихъ ледяныхъ объятіяхъ роковая, неизбѣжная смерть, все умертвитъ, разрушитъ она подъ своей холодной грудью, и когда

Digitized by Google

этотъ тяжелый, вѣковой кошмаръ растаетъ и улетучится, ничего кромѣ труповъ, костей и развалинъ не останется на всемъ необъятномъ кладбищѣ былой жизни. Страшно подумать о такой грозной катастрофѣ. И гдѣ же средства спастись отъ нея? Самая мысль о переселеніи народовъ изъ одного полушарія въ другое, соединяется съ неизмѣримо-длиннымъ рядомъ бѣдствій, въ глубинѣ которыхъ стоятъ мрачныя тѣни рабства, нищеты и варварства. Нѣтъ спасенія. Если таковъ дѣйствительно непреложный законъ природы, то, безъ сомнѣнія, ничто земное не въ силахъ измѣнить его. Но обратимся отъ этой мрачной картины къ мыслямъ англійскихъ критиковъ.

Г. Фишеръ совѣтуетъ Кроллю, который считаетъ свою теорію совершенно оригинальною, прочесть сочиненіе Адемара «Revolutions de la Mer», напечатанное въ первый разъ въ 1842 году и потомъ вышедшее, черезъ восемнадцать лѣтъ, вторымъ изданіемъ съ нѣкоторыми дополненіями. Адемаръ подробно анализировалъ этотъ вопросъ. Впрочемъ, его математическія вычисленія Фишеръ признаетъ очень невѣрными. Упомянувъ о полярномъ колпакѣ льда въ 7,000 футовъ вышиною, англійскій критикъ говоритъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ случилось ему высказать эту мысль въ присутствіи одного извѣстнаго профессора геологіи, который спросилъ его: «Но откуда же будетъ падать снѣгъ на этотъ ледяной колпакъ, который подымется выше линіи самыхъ высокихъ облаковъ?»

Удивительно, какъ до сихъ поръ ни г. Кроллю, ни его критикамъ не пришло на умъ самой простой мысли, что какимъ бы образомъ, сверху ли, снизу ли, ни увеличивался этотъ колпакъ, онъ все-таки могъ бы покоиться на поверхности воды, нисколько не углубляясь въ нее, только въ томъ случаѣ, когда подперли бы его столбами, утвержденными на днѣ полярнаго моря и проникающими насквозь всю глубину его. Въ противномъ случаѣ ледяной столбъ съ вандомскую колону вышиною могъ бы держаться въ уличной лужѣ, не касаясь дна ея.

Замѣтивъ, что наводненіе, вслѣдствіе перемѣны центра тяжести земли, должно сопровождаться постепеннымъ утолщеніемъ ледяной коры у одного изъ полюсовъ, а не быть внезапнымъ слѣдствіемъ этого отрицанія, Фишеръ въ другой статьѣ (7-го октября) переходитъ къ подробностямъ этой теоріи. Кролль еще за годъ прежде писалъ въ «Philosophical Magazine», что возвратное движеніе равноденственныхъ точекъ и перемѣна въ эксцентричности земной орбиты составляютъ двѣ причины, подвергающія оба полушарія медленнымъ, періодичнымъ измѣненіямъ температуры. «Вслѣдствіе этого солнечная теплота должна бы во время зимы понизиться на одну пятую, и на столько же повыситься впродолженіе лѣта. Отсюда разность между зимней и лѣтней температурами должна бы увеличиться на двѣ пятыхъ сравнительно съ ихъ настоящей разностью». Фишеръ не понимаетъ этого вычисленія, потому что оно выражено неточно. Онъ увеличиваетъ цифру Кролля безъ

Digitized by Google

малаго въ двѣнадцать разъ и говоритъ, что разность эта будетъ почти впятеро болѣе (4.684). Кролль объясняетъ ледяную эпоху перемѣною въ эксцентричности земной орбиты, слѣдствіемъ которой должно быть неравномѣрное распредѣленіе теплоты въ обоихъ полушаріяхъ, или неравномѣрная продолжительность въ нихъ зимы и лѣта. Впрочемъ, онъ думаетъ, что пониженіе температуры произойдетъ не отъ меньшаго количества теплоты, получаемой отъ солнца, но отъ лишней утраты ея вслѣдствіе усиленной радіаціи. И такъ, при рѣшеніи этого вопроса, вниманіе наше должно быть сосредоточено на послѣднемъ фактѣ, котораго не упустилъ изъ виду Адемаръ. Необходимо смотрѣть на то, что̀ происходитъ у полюсовъ, потому что тамъ годъ раздѣляется на одинъ день (лѣто) и на одну ночь (зиму). Адемаръ говоритъ: «Сэръ Джонъ Гершель находитъ, что солнце, освѣщая въ настоящее время сѣверный полюсъ на восемь дней болѣе, нежели южный, не должно сравнительно увеличивать на немъ годичнаго количества теплоты и свѣта. На основаніи законовъ элиптическаго движенія доказано, что какова бы ни была элиптичность земной орбиты, все же оба полушарія нашей планеты должны получать безусловно равныя количества теплоты впродолженіе года. Близость солнца въ перигеѣ будетъ вполнѣ уравновѣшивать слѣдствія быстрѣйшаго движенія» (Revolutions de la Mer, par M. Adhemar. p. 30). Стало быть, неравномѣрность тепловыхъ силъ солнца, происходящая отъ эксцентричности орбиты, никакой разницы въ средней годовой температурѣ обоихъ полюсовъ произвести не можетъ. Однакоже, несмотря на это, Адемаръ думаетъ, что южный полюсъ теряетъ теперь впродолженіе года болѣе теплоты, нежели получаетъ ея, потому что ночь бываетъ тамъ ежегодно длиннѣе дня на 168 часовъ, тогда какъ на сѣверномъ полюсѣ происходитъ противное. Этимъ обстоятельствомъ объясняетъ онъ сравнительно большее скопленіе льда на югѣ и періодичный переходъ ледяной эпохи отъ одного полюса къ другому черезъ каждые 10,000 лѣтъ. Очевидно, что вѣрность этой мысли будетъ доказана положительно только въ то время, когда опредѣлятся съ точностью слѣдствія, происходящія отъ истеченія тепловыхъ лучей изъ нашей планеты. Но такъ-какъ оно совершенно одинаково, гдѣ бы ни находилось солнце — выше, или ниже горизонта, то должны ли мы думать, что полюсъ, имѣющій болѣе продолжительную ночь или зиму, теряетъ сравнительно большее количество теплоты? Хотя вопросъ этотъ не рѣшенъ еще, однакоже открытіе Тиндаля, который доказалъ, что водяные пары ослабляютъ слѣдствія лучеиспусканія, можетъ отчасти пояснить его. Фишеръ кончаетъ статью свою замѣчаніемъ объ ошибкѣ г. Кролля, относительно перемѣщенія центра тяжести земли, которому должно сопутствовать движеніе моря. Онъ напоминаетъ, что сила взаимнаго притяженія атомовъ обратно пропорціональна квадратамъ ихъ разстоянія другъ отъ друга, а потому если ледяной пластъ въ 7,000 футовъ толстотою обратить мысленно въ

Digitized by Google

слой земли, который въ семь разъ тоньше, то сила притяженія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть опредѣлена вѣрно.

И такъ, Фишеръ обратилъ преимущественно вниманіе на процесъ поперемѣннаго оледенѣнія полушарій, почти не касаясь мысли Кролля о причинѣ ледяного потопа. На этотъ вопросъ отвѣчалъ отчасти другой критикъ, г. Вудъ. Онъ говоритъ, что на поверхности Британіи нѣтъ очевидныхъ признаковъ общаго потопа при наступленіи ледяного періода, и еще меньше можно найдти на ней слѣдовъ періодично повторявшагося опуска земли въ море и выхода изъ него. Джемисонъ, на котораго ссылается Кролль, признаетъ, что оледененіе Шотландіи имѣло чисто-земной (terrestrial) характеръ. Замѣчательно, что никто не защищалъ этой мысли настойчивѣе профессора Рамсея, который рекомендуетъ теперь теорію, діаметрально противоположную его собственному убѣжденію, не говоря, что онъ отказывается отъ него. Есть основательныя геологическія доказательства, что во время ледяного періода подъ водою находился только одинъ уголъ Англіи, которая подвергалась однакоже самымъ суровымъ условіямъ замерзанія. Потопъ неоспоримо былъ на ней. Вода, размывавшая цѣлые пласты земли, переносила ихъ съ одного мѣста на другое и дала Британіи, состоявшей прежде изъ маленькихъ, близкихъ другъ къ другу островковъ, ту форму, какую въ настоящее время имѣетъ эта страна. Однакоже причиною потопа былъ не наплывъ на Англію полярнаго льда, но постепенное таяніе ледяной коры, образовавшейся на ней впродолженіе ледяного періода, холодная до крайности температура котораго смѣнялась потомъ другими климатическими условіями. Вудъ, на основаніи своихъ собственныхъ геологическихъ розысковъ, сомнѣвается, чтобы живущему поколѣнію удалось путемъ опытныхъ изслѣдованій рѣшить вопросъ: одинъ ли такой потопъ былъ въ Европѣ и Америкѣ, или же эти общіе потопы повторялись нѣсколько разъ? Въ настоящее время извѣстно только, что ледъ покрывалъ эти страны. Предполагаемый Кроллемъ полярный ледъ въ 7,000 ф. толстоты привелъ критика къ совершенно другому заключенію. «Такъ-какъ— говоритъ онъ—море есть источникъ воды во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, то переходъ такого огромнаго количества ея изъ жидкаго состоянія въ твердое долженъ былъ бы необходимо понизить общій уровень моря и обратить очень значительную часть занятаго имъ пространства въ твердую землю тамъ, гдѣ не такъ глубоко оно». Дѣйствительно, такое пониженіе общаго уровня было бы неизбѣжно, еслибы накопленіе льда у одного изъ полюсовъ не сопровождалось таяніемъ его у другого, и еслибы притомъ полярный ледъ держался поверхъ воды, а не былъ погруженъ въ нее, какъ мы говорили уже, на $^{25}/_{27}$ всей своей массы.

Докторъ Пратъ (Reader 23 сентября), принимая въ соображеніе огромныя массы земли, сосредоточенныя преимущественно въ сѣверномъ полушаріи и протянутыя къ югу мысами, думаетъ, что такое неравномѣрное размѣщеніе тяжелѣйшаго изъ состав

Digitized by Google

ныхъ элементовъ нашей планеты было слѣдствіемъ силы притяженія, исходящей изъ чрезвычайно далекаго источника, помѣщеннаго въ сѣверномъ небесномъ полюсѣ и непереставшаго, конечно, дѣйствовать въ настоящее время на сѣверный полюсъ земли сильнѣе, нежели на южный. Это притяженіе производило прежде и производитъ теперь болѣе могучее вліяніе на землю, чѣмъ на воду, вслѣдствіе чего каждой перемѣнѣ въ его количествѣ должна соотвѣтствовать перемѣна внѣшняго отношенія между сушей и морскимъ уровнемъ. Всякое увеличеніе этой притягивающей силы должно сильнѣе дѣйствовать на землю, нежели на море. Стремясь поднять ее на сѣверѣ, оно заставляетъ отступать море къ южному полюсу, которое такимъ образомъ уравновѣшиваетъ тяжесть обоихъ полушарій. Въ подтвержденіе своей мысли г. Пратъ ссылается именно на ту статью «Meteorological Papers», которую сообщили мы въ «Интересахъ» прошлаго мѣсяца. Въ ней доказано, что средній удѣльный вѣсъ воды Атлантики и Восточнаго Океана болѣе тяжелъ въ южной части ихъ, нежели въ сѣверной. Но такъ-какъ мысль Прата, по его собственному сознанію, совершенно противорѣчитъ теоріи Кролля, который увеличеніе тяжести земли отъ накопленія льда у сѣвернаго полюса сопровождаетъ движеніемъ къ нему, а не отступленіемъ отъ него моря, то, стало быть, слѣдить далѣе за мыслями критика было бы въ этомъ случаѣ безполезно. Замѣтимъ только, что г. Ганна (Reader 7 октября) подсмѣивается надъ ипотезою англійскаго астронома, который, заставляя полярную звѣзду притаскивать землю какъ-бы за волосокъ изъ-подъ воды, думаетъ, кажется, что послѣ этого усилія она приходитъ въ совершенное изнеможеніе, и потому не оказываетъ на южный полюсъ ни малѣйшаго вліянія. Но такъ-какъ полярная звѣзда, по мнѣнію извѣстнѣйшихъ астрономовъ, удалена отъ земли слишкомъ въ три милліона разъ болѣе, нежели земля отъ солнца, то легко понять, какъ ничтожно должно быть для силы притяженія этой звѣзды пространство, отдѣляющее сѣверный полюсъ земли отъ южнаго. Потому-то, дѣйствуя на одинъ изъ нихъ, она должна бы непремѣнно дѣйствовать и на другой.

Не понимаемъ, какъ могъ докторъ Пратъ, взглянувшій на этотъ вопросъ съ астрономической точки зрѣнія, не замѣтить, что г. Кролль невѣрно передвигаетъ центръ тяжести земного шара. Еслибы увеличилъ онъ земную ось равномѣрно съ обѣихъ сторонъ ея, тогда центръ этотъ остался бы, разумѣется, на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Еслибы онъ *безусловно* удлинилъ на 1,000 футовъ одинъ изъ полярныхъ полупоперечниковъ, въ такомъ случаѣ центръ дѣйствительно подвинулся бы только на 500 ф. по направленію удлиненнаго радіуса. Но г. Кролль на столько же увеличиваетъ земную ось съ одной стороны, на сколько уменьшаетъ ее съ другой, а между тѣмъ центръ подвигаетъ только на половину этой линіи, отчего и остается онъ у него на 500 ф. ближе къ тому полюсу, у котораго совершенно нѣтъ льда. Какъ-

Digitized by Google

бы предчувствуя свой промахъ, онъ говоритъ: «Но это не все еще. Впродолженіе образованія ледяного слоя на сѣверномъ полушаріи должна таять такая же масса льда на южномъ, отчего слѣдствія наводненія удвоятся: сѣверный полюсъ погрузится въ воду на столько же, на сколько южный поднимется изъ нея, то-есть на 1,000 ф.» И такъ, онъ пришелъ къ тому же слѣдствію, только ощупью. Ему слѣдовало бы подвинуть центръ тяжести земли по направленію удлиненнаго полупоперечника земной оси не на 500, но на 1,000 ф., и тогда сдѣланное имъ дополнительное поясненіе было бы необходимымъ слѣдствіемъ поднятія морского уровня у сѣвернаго полюса на 1,000 ф.

Прошлую статью по этому вопросу мы заключили намекомъ на возможность ледяного потопа вслѣдствіе глубокаго осадка большого района земли въ экваторіальныхъ широтахъ, или—что все равно — вслѣдствіе быстраго и значительнаго подъема ея у сѣвернаго полюса. Геологія доказываетъ, впрочемъ, не совсѣмъ неопровержимо, что нетолько плоскія возвышенности нашего полушарія, но и высочайшія европейскія горы нѣсколько разъ выходили изъ подъ морской воды и снова опускались въ нее, вслѣдствіе подземной плутонической работы. Но, разумѣется, эти геологическія событія были мѣстными, частными явленіями, неимѣющими никакой связи съ поперемѣнными процесами замерзанія и оттаиванія обоихъ полушарій, потому что при тѣхъ же условіяхъ могли бы повториться тѣ же факты въ каждую данную минуту. Хотя и нѣтъ особенной причины ожидать такого повторенія, однако неосновательно было бы думать, что дѣятельность подземныхъ силъ стала совершенно ничтожна въ нашемъ полушаріи. Не далѣе какъ въ 1783 г. исландскій вулканъ Скаптар-Іокюль дѣйствовалъ чрезвычайно сильно. Средняя глубина двухъ лившихся изъ него потоковъ лавы была около ста сажень, и теперь надобно употребить три часа, чтобы переѣхать поперегъ каждую изъ этихъ остывшихъ массъ. Ключевская сопка въ Камчаткѣ извергала потоки лавы изъ верхняго жерла, которое на 4,700 ф. возвышается надъ морскимъ уровнемъ. Никогда и нигдѣ не подымалась она до такой высоты въ другихъ огнедышущихъ горахъ. Что касается вулкановъ южной Европы, то ихъ дѣятельность съ незапамятныхъ временъ медленно подается по направленію къ Африкѣ. Въ этомъ фактѣ убѣждаетъ насъ мемуаръ доктора Фухса, въ которомъ подробно описана исторія вулканическаго образованія западныхъ береговъ Италіи.

— Вдоль Апеннинскаго полуострова, по западной сторонѣ его, отъ долины рѣки Арно до южной оконечности Неаполитанскаго залива, тянется длинный рядъ вулкановъ. Далѣе на югъ, почти въ томъ же направленіи, идутъ вулканы Липарскихъ острововъ, и наконецъ возвышается Этна. Эта вулканическая цѣпь обозначаетъ положеніе и формы прежнихъ береговъ западной Италіи, разрываясь только понтійскими болотами, которыя раздѣляютъ ее на двѣ группы, совершенно сходныя между собою. Вулканы сред-

Digitized by Google

ней Италіи находились сперва подъ водою. Той полосы земли, которая лежитъ у западнаго ската Апенинъ, не существовало прежде, подошву этого хребта омывало нѣкогда Средиземное море. Но потомъ на днѣ его, близко отъ берега, явились вулканы. Огромная масса излившейся изъ нихъ впродолженіе вѣковъ лавы поднялась наконецъ изъ воды и образовала узкую полосу земли, примкнувшую къ Апенинамъ на всемъ ихъ протяженіи. Рѣчные осадки, особенно при устьяхъ Тибра и Тревероне, ускорили наполненіе твердыми матеріалами прибрежной части моря. Илъ, набрасываемый на лаву, покрывался въ свою очередь продуктами вулканическихъ изверженій. Отъ этого вся масса получила наконецъ характеръ известковаго туфа, извѣстнаго въ Италіи подъ именемъ *травертина*. Семь холмовъ, на которыхъ построенъ Римъ, состоятъ собственно изъ вулканическаго туфа; только верхній слой ихъ образовали прѣсноводные осадки. Позднѣйшіе продукты изверженій, скопившіеся въ окрестностяхъ вѣчнаго города, не могли уже достигнуть вершины его холмовъ. Рѣки, продолжая нести въ море илъ и песокъ, послѣ того какъ потухли уже вулканы, постепенно расширяли полуостровъ къ западу и своими осадками еще болѣе отдалили вулканы отъ моря. Продукты вулканическихъ изверженій покрываютъ всю страну отъ Витербо до понтійскихъ болотъ. Тяжелѣйшіе изъ нихъ, которымъ труднѣе было разсѣяться, скопляясь преимущественно вокругъ кратеровъ, образовали впродолженіе вѣковъ холмы и горы. Самый высокій вулканъ составился изъ нихъ на сѣверной оконечности этого хребта. Здѣсь изъ шлаковъ и лавы сложилась гора, имѣющая отъ 800 до 1000 ф. высоты; всѣ прочіе кратеры находятся на плоскихъ, невысокихъ холмахъ; нѣкоторые изъ нихъ обратились даже въ углубленія долины. Продолжительнѣе дѣйствовала самая южная часть этой огнедышущей цѣпи, извѣстная теперь подъ именемъ Албанскихъ горъ.

Когда закрылись кратеры средней Италіи, вулканическая дѣятельность потянулась на югъ, и здѣсь изъ продуктовъ изверженія сложилась гора Монте-каво. Тѣ же факты повторились въ южной Италіи. Но такъ-какъ здѣсь мало рѣкъ, то только при устьѣ Вольтурно скопились прѣсноводные осадки. Въ другихъ же мѣстностяхъ нѣтъ ихъ, и потому потухшіе вулканы стоятъ тамъ близь самого моря, и даже по большей части образуютъ берега, какъ было нѣкогда въ средней Италіи.

На томъ мѣстѣ, гдѣ раскинулась теперь роскошная неаполитанская долина, былъ прежде морской заливъ, окаймленный двумя отрогами Апенинъ. На сѣверной, менѣе выдавшейся оконечности, находится Гаэта. Другая же, длиннѣйшая отрасль, отдѣляющая Неаполитанскій заливъ отъ Салернскаго, оканчивается Сорентскимъ мысомъ, крайній утесъ котораго, отрѣзанный моремъ, образуетъ островъ Капри. Все пространство между гаэтскимъ и сорентскимъ мысами было занято нѣкогда моремъ. Но здѣсь, какъ и въ средней Италіи, находились близь берега под-

Digitized by Google

водные вулканы, поднявшіе продуктами своихъ изверженій морское дно. Они образовали равнину, которая протянулась въ заливѣ до нынѣшняго Неаполя. Отсюда происходитъ рѣзкое сходство въ вулканическомъ строеніи южной и средней Италіи. Только крайніе къ сѣверу и югу вулканы обѣихъ линій достигли размѣра большихъ горъ; всѣ же другіе, находящіеся между ними кратеры образовали небольшіе холмы. Вулканическій хребетъ южной Италіи кончается на сѣверѣ горою Рокамонфина, а на югѣ Везувіемъ. Посреди ихъ тянется длинная цѣпь давно потухшихъ, невысокихъ кратеровъ. Везувій былъ нѣкогда похожъ на нихъ, но сильныя изверженія увеличили его собственную массу. Онъ не треснулъ, подобно Монте-каво. Когда, послѣ вѣковаго бездѣйствія, вулканъ этотъ вспыхнулъ снова въ 79 г. по Р. Х., то предшествовавшій изверженію напоръ газовъ прорвалъ западную стѣну главнаго кратера. Можно предположить, что Помпея погибла не подъ грудою пепла и другихъ продуктовъ изверженія, но что она была погребена подъ этой глыбою вырванной изъ горы и взброшенной на воздухъ лавы. Матеріалы же, вышедшіе изъ внутренности Везувія, сосредоточились вокругъ новаго отверстія и образовали отдѣльный конусъ, который преимущественно дѣйствуетъ съ тѣхъ поръ и называется Соммою. Впослѣдствіи около него составлялись другіе конусы съ кратерами, но всѣ они были разрушены при дальнѣйшихъ изверженіяхъ. Часть туфа, образованнаго вулканами южной Италіи и далеко вдавшаяся въ море, была потомъ размыта имъ. Такимъ образомъ явился Байскій заливъ. Разрушительное дѣйствіе морскихъ волнъ вѣроятно не ограничилось бы этимъ подвигомъ, еслибы другой подводный вулканъ не образовалъ тутъ острова Ишію, который защитилъ берегъ отъ дальнѣйшаго разрушенія.

Итакъ вулканическая дѣятельность обнаружилась сперва въ средней Италіи и потомъ подавалась постепенно къ югу. Средне-итальянскіе вулканы потухли въ до-историческія времена. Южные дѣйствовали мѣстами въ историческій періодъ. Теперь же на Апенинскомъ полуостровѣ одна только огнедышущая гора—Везувій. Вулканъ Сольфатара произвелъ послѣднее изверженіе въ 1198 г. Эпомео, потухшій вулканъ острова Ишіи, дѣйствовалъ въ 45 и 36 г. до Р. Х.; потомъ, послѣ трехвѣкового покоя, вспыхнулъ онъ снова въ 1302 г. Въ послѣдній разъ собрались въ этомъ мѣстѣ вулканическія силы и произвели взрывъ въ 1538 г., причемъ образовалась гора Монте-Нуово, неподалеку отъ Пуцоли. Съ тѣхъ поръ изъ этихъ кратеровъ выходятъ только пары и газы.

Везувій, послѣ того изверженія, во время котораго погибли Геркуланумъ и Помпея, былъ совершенно покоенъ впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Скаты его покрылись рощами, даже на самомъ кратерѣ выросли деревья. Только три небольшія горячія лужи напоминали о вулканической природѣ этой горы. Въ 1631 г. послѣдовало большое изверженіе, и съ тѣхъ поръ стали они

Digitized by Google

повторяться все чаще. Впрочемъ, Везувій видимо слабѣетъ. Вулканическія силы двинулись далѣе къ югу.

Стромболи—вулканъ Липарскихъ острововъ—находится въ постоянной дѣятельности съ незапамятныхъ временъ. Кратеръ его, изъ котораго почти безпрестанно вылетаютъ шлаки и пепелъ, всегда наполненъ клокочущей лавою. Огненный столбъ, сіяющій надъ нимъ въ темнотѣ ночи, былъ маякомъ еще для финикіянъ. Этна замыкаетъ длинный рядъ этихъ вулкановъ. Хотя изверженія Этны отдѣляются другъ отъ друга семилѣтними періодами, однакоже этотъ фактъ не противорѣчитъ мысли о постоянномъ движеніи на югъ вулканической дѣятельности, потому что ее можетъ долго сдерживать внутри себя эта огромная гора.

— Въ послѣдніе годы, въ торфяникахъ Ломбардіи и Піемонта были найдены каменныя и бронзовыя орудія, глиняная посуда и разные другіе остатки до-исторической жизни человѣчества. Недалеко отъ Ароны, въ торфѣ, образованномъ небольшимъ высохшимъ озеромъ Меркураго, професоръ Моро открылъ сваи въ такомъ положеніи, которое доказывало, что онѣ существовали здѣсь, прежде нежели образовался торфъ. Въ Варезскомъ озерѣ найдены остатки шести, а въ Гаврскомъ—пяти свайныхъ селъ. Въ торфяникахъ и пещерахъ Венеціи также открыто множество свай, наконечниковъ стрѣлъ, кремневыхъ ножей, каменныхъ топоровъ, глиняной посуды, и даже найдена лодка, сдѣланная изъ дубоваго пня. Въ прошломъ году, при раскопкѣ мергеля въ сѣверной Италіи, случайно наткнулись на остатки свайныхъ построекъ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли форму плотовъ; другія состояли изъ кучъ хвороста, огороженныхъ сваями. Полагаютъ, что люди, жившіе на ломбардскихъ озерахъ, были современники галловъ, сдѣлавшіе нашествіе на римскія владѣнія въ царствованіе Тарквинія, за 600 лѣтъ до Р. Х. Но это предположеніе едва-ли вѣрно. Археологи думали, что о до-историческомъ человѣкѣ можно судить только по кремневымъ орудіямъ и другимъ остаткамъ глубокой древности, находимымъ во Франціи. Но теперь неосновательность этого мнѣнія обнаруживается все болѣе и болѣе. Поле изслѣдованія постоянно расширяется съ каждымъ годомъ, неожиданныя открытія слѣдуютъ другъ за другомъ, и потому все ручается, что этотъ чрезвычайно важный вопросъ въ исторіи человѣчества будетъ изслѣдованъ и объясненъ съ возможной подробностью. Описаніе найденныхъ въ Италіи остатковъ глубокой древности составилъ Бартоломео Гастальди. Оно переведено теперь на англійскій языкъ.

— Г. Гельмольцъ представилъ въ гейдельбергское общество натуралистовъ и медиковъ записку «О свойствахъ льда». Фарадей открылъ, а Джемсъ Томсонъ объяснилъ явленія, сопровождающія смерзаніе двухъ ледяныхъ кусковъ, когда сжимаютъ ихъ другъ съ другомъ. Теперь Гельмольцъ дополнилъ ихъ опыты своими изслѣдованіями. При сильномъ давленіи, куски льда сплот-

Digitized by Google

няются мгновенно, и такъ крѣпко, что ихъ нельзя разорвать. Но чѣмъ слабѣе нажимъ, тѣмъ долѣе приходится ждать соединенія, и тѣмъ легче раздѣлить ихъ снова. Температура льда менѣе понижается въ такомъ случаѣ, и теплота медленнѣе переходитъ въ ледъ изъ воды, остающейся между ледяными кусками. Гельмольцъ ставилъ въ воду, смѣшанную со льдомъ, стеклянную колбу, наполненную также льдомъ и водою. Такъ-какъ точка замерзанія должна была повыситься внутри колбы, то вода, находившаяся въ ней, замерзала медленнѣе той воды, которая окружала ее. Впродолженіе нѣсколькихъ часовъ плававшій въ колбѣ ледъ то примерзалъ къ стѣнкамъ ея, то отрывался отъ нихъ, и втеченіе нѣсколькихъ дней на всемъ днѣ сосуда образовывались ледяные кристалы. Стеклянныя стѣнки колбы замедляли, конечно, процесъ замерзанія, который долженъ происходить быстрѣе въ микроскопически-тонкомъ слою воды между двухъ льдинъ. Фарадей полагалъ, что водяныя частицы въ близкомъ сосѣдствѣ со льдомъ замерзаютъ скорѣе отъ соприкосновенія съ нимъ, но что при этомъ не видно, какую производитъ работу извлекаемая изъ воды скрытая теплота. Томсонъ возражалъ справедливо, что соприкосновеніе могло бы въ такомъ случаѣ уничтожить препятствіе, противящееся дѣйствію тѣхъ силъ, которыя стремятся, но не могутъ сами собою произвесть превращенія. Въ такомъ актѣ заключалось бы противорѣчіе закону сохраненія силы. По опытамъ Гельмольца, пластичность свойственна преимущественно льду, произведенному изъ снѣга при силѣ давленія 50 атмосферъ. Цилиндры такого льда, сдавливаемые по направленію къ ихъ оси двумя плитами, становятся плоски, причемъ, еще до прекращенія нажима, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цилиндрическихъ поверхностей дѣлаются трещины. Напротивъ того, взятый съ верха замерзшей рѣки, правильно кристализованный ледъ раскалывается при такомъ сжиманіи на крупные куски. Хотя посредствомъ смораживанія можно снова соединить ихъ въ одну льдину, но въ такомъ случаѣ въ ней ясно обнаружится неправильное скучиваніе ихъ. Мелко-зернистый ледъ, произведенный изъ сжатаго снѣгу, равно какъ и крупно-зернистый кристализованный, но сперва раздробленный въ одной, и потомъ сдавленный въ другой желѣзной формѣ, пестрится при сжиманіи только маленькими трещинами, которыя при взаимномъ соединеніи частей ледяной массы невполнѣ раздѣляютъ ихъ. Въ цилиндрѣ такого зернистаго льда можно сдѣлать, не раздробивъ его, отверстіе, выдавивши изъ внутренности этой массы круглый столбъ, діаметръ котораго равенъ полупоперечнику самаго цилиндра. Узкіе цилиндры, при выдавливаніи изъ нихъ середины, раскалываются обыкновенно въ длину, подобно глетшерному льду, когда спускается онъ въ долины сквозь узкія ущелья горъ. Продольное раскалыванье льда въ послѣднемъ случаѣ объясняется тѣмъ, что онъ быстрѣе движется по срединѣ, нежели по краямъ ущелья. Когда подвергаютъ ледъ давленію 50 атмосферъ, причемъ тем-

Digitized by Google

пература его понижается на полградуса ниже нуля, то часто замерзаетъ вода, скопившаяся въ ячейкахъ составленной изъ многихъ кусковъ ледяной формы. Ледъ, произведенный искуственно изъ сжатаго снѣга, бѣловатъ и непрозраченъ, потому что въ немъ заключается множество маленькихъ воздушныхъ пузырьковъ. Онъ становится тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ больше перемѣшиваютъ и сдавливаютъ его. Когда цилиндръ такого льда начинаютъ сжимать двумя плоскими плитами, то видно, какъ впродолженіе сдавливанья выходятъ изъ него крошечные пузырьки воздуха сквозь влажную поверхность изъ микроскопическихъ отверстій. Совершенная прозрачность чистаго глетшернаго льда объясняется продолжительнымъ перемѣшиваніемъ частицъ его въ глетшерахъ. Но даже свѣтлый, кристализованный ледъ становится мутенъ, когда даютъ ему другую форму подъ пресомъ. Гельмольцъ наполнялъ полый чугунный цилиндръ, внутри котораго двигался поршень, кусками свѣтлаго льда. Воздухъ вытѣснялся оттуда водою, которая выходила сквозь сдѣланныя въ цилиндрѣ отверстія, когда начинали сдавливать поршнемъ ледъ. Произведенная такимъ образомъ цѣльная ледяная масса получала бѣловатый, молочный цвѣтъ. Тиндаль доказалъ, что такія же, не вполнѣ занятыя водою отверстія находятся въ нѣкоторыхъ частяхъ глетшеровъ. Бѣловатый кусокъ сжатаго льда, пролежавъ нѣсколько часовъ въ холодной водѣ, становится совершенно прозраченъ. Но когда расколютъ его, то внутри осколковъ видно множество черточекъ, разнообразно преломляющихъ солнечные лучи. Отломленныя иглою ребра этихъ ячеекъ имѣютъ видъ маленькихъ, соединенныхъ между собою, многогранныхъ зеренъ величиною отъ булавочной головки до горошины. Испещренный ямочками видъ ледяной массы происходитъ оттого, что она состоитъ изъ многосторонниихъ зеренъ, въ промежуткахъ которыхъ находится водяная прослойка. При помощи поляризованнаго свѣта легко узнается въ сжатыхъ пластинкахъ льда, имѣющихъ около четырехъ милиметровъ толстоты, такое же взаимное отношеніе скученныхъ зеренъ; но только тотчасъ послѣ сжатія, пока не началъ еще таять ледъ. То же самое замѣчается и въ глетшерахъ, съ тою разницею, что ледяныя зерна гораздо крупнѣе тамъ. Кажется, образованіе ихъ можно объяснить тѣмъ фактомъ, что неправильные осколки, изъ которыхъ составляется сжатая льдина, и которые примерзаютъ другъ къ другу, таютъ при постепенномъ согрѣваніи льдины именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя подвержены еще давленію, причемъ безвоздушныя скважины наполняются происходящею отъ таянія водою, и такимъ образомъ составляются группы отдѣльно другъ отъ друга лежащихъ зеренъ, которыя посредствомъ внѣшняго съ противоположныхъ сторонъ сжатія ихъ все еще продолжаютъ примыкать другъ къ другу.

— Въ 1862 г. докторъ Робине, бывшій тогда президентомъ медицинской академіи, написалъ мемуаръ о примѣненіи замораживанія къ анализу воды. Онъ доказалъ, что соли должны при

Digitized by Google

этомъ оставаться растворенными, потому что вода во время процеса замерзанія совершенно отдѣляется отъ всѣхъ постороннихъ веществъ, вошедшихъ въ составъ ея. Вопросъ этотъ былъ развитъ потомъ подробнѣе Осіаномъ Ганри, который предлагалъ воспользоваться холодомъ для извлеченія химическихъ частей изъ минеральныхъ водъ, потому что выпариваніе неприложимо къ нимъ въ этомъ случаѣ. Недавно, въ одномъ изъ засѣданій французской академіи, была составлена комисія для изслѣдованія концентрированія сироповъ посредствомъ холода, по способу гаванскаго химика Альваро Реинозо. «Удивительно — говоритъ «Les Mondes»—что простая мысль о примѣненіи холода въ производству сахара не пришла въ голову химикамъ, которые такъ много писали объ измѣненіи растительныхъ соковъ посредствомъ теплоты, особенно въ то время, когда искуственное образованіе холода, считавшееся прежде невозможнымъ, стало очень немудренымъ дѣломъ.» Реинозо находится теперь въ Англіи. Онъ занятъ осмотромъ разныхъ изобрѣтенныхъ тамъ апаратовъ для замораживанія жидкостей. Искуственное производство льда нетрудно. Полагаютъ, что сильный холодъ не вредитъ сиропамъ. Можетъ быть, это средство будетъ признано сахароварами такъ же полезнымъ, какъ изобрѣтеніе Гоуэрда, который нажилъ имъ огромное состояніе.

— Въ прошломъ августѣ г. Ральяръ представилъ во французскую академію наукъ краткій мемуаръ, подтверждающій его теорію радуги. Въ немъ описано простое средство искуственно производить ее. Отсутствіе этой разноцвѣтной дуги въ туманѣ и облакахъ, когда нѣтъ дождя, рѣзко противорѣчитъ прежней ипотезѣ, для поддержанія которой была допущена мысль, что туманѣ и облака состоятъ всегда изъ пузырчатыхъ шариковъ воды или пара. Новая теорія Ральяра объясняетъ радугу со всѣми ея видоизмѣненіями отраженіемъ солнечныхъ лучей, преломленныхъ внутри цѣльныхъ водяныхъ капель, или дождевыхъ и туманныхъ шариковъ. Авторъ ссылается на опыты Миллера и Галле, которые подтверждаютъ его теорію. Саль-Жиронъ нашелъ средство производить искуственную радугу. Онъ устроилъ апаратъ, посредствомъ котораго струя воды превращается въ маленькое облачко, состоящее изъ брызговъ. Стоитъ только заставить дѣйствовать эту машинку противъ окна, освѣщеннаго солнцемъ, и смотрѣть по направленію лучей его на водяную пыль, помѣстивъ за нею что-нибудь темное—радуга непремѣнно явится въ комнатѣ. Ея ширина и переходы красокъ изъ одного тона въ другой будутъ измѣняться сообразно съ величиною брызговъ, размѣры которыхъ можно увеличивать произвольно. Когда очень малы они, то въ радугѣ невидно наиболѣе преломляемыхъ цвѣтныхъ лучей спектра. Крайняя красноватая полоса занимаетъ половину всей ширины дуги. Въ этомъ опытѣ облако состоитъ не изъ дутыхъ пузырьковъ, потому что для его образованія употребляется холодная вода, причемъ сгущеніе пара немыслимо. Авторъ еще прежде объяснилъ въ «Comptes Rendus» причину, почему держатся въ воздухѣ водяная

Digitized by Google

пыль и маленькіе ледяные кристалы, которыми объясняетъ онъ явленіе паргеліи, или фальшивыхъ солнцъ.

— Мы имѣли случай указать на отсутствіе опредѣленнаго направленія въ одномъ изъ ученыхъ англійскихъ журналовъ, гдѣ рядомъ помѣщаются статьи, которыя рѣшительно противорѣчатъ другъ другу. «Revue des Deux Mondes», имѣющій огромный кругъ читателей, также не стѣсняетъ себя классическими узами редакторства. Вотъ еще новый примѣръ возстанія противъ узкихъ формъ строго-опредѣленнаго направленія. Г. Льюисъ, извѣстный и у насъ своею «Физіологіею обыденной жизни». началъ издавать съ прошлаго мая очень хорошій журналъ «Двухнедѣльное Обозрѣніе» (The Fortnightly Review). Мы получили первые десять нумеровъ его. Редакторъ приложилъ къ нимъ програму своего журнала, которую мы вполнѣ сообщимъ здѣсь, какъ очень знаменательную:

«Часто—говоритъ Льюисъ—высказывалось сожалѣніе, что въ Англіи нѣтъ журнала, подобнаго «Revue des Deux Mondes», въ которомъ помѣщались бы статьи, способныя интересовать образованныхъ, мыслящихъ читателей, и притомъ въ промежутки времени, неслишкомъ далекіе для вліянія текущихъ вопросовъ и не очень краткіе для размышленія.

«Изданіе «Двухнедѣльнаго Обозрѣнія» предпринимается съ цѣлью отвѣтить на это требованіе. Оно будетъ имѣть въ виду читателей всѣхъ классовъ, развивая вопросы, особенно занимательные для каждаго изъ нихъ, и мы надѣемся, что *свобода, которая дастся выраженію личныхъ взглядовъ, сдѣлаетъ его доступнымъ самой разнообразной публикѣ*. Разсчитывая на содѣйствіе лучшихъ писателей, мы сочли долгомъ отвергнуть всѣ стѣсненія партіи и редакторскаго направленія, которыми въ другихъ журналахъ ограничено полное и свободное выраженіе мысли. Мы просимъ каждаго автора выражать свои взгляды и мнѣнія со всей силою искренности, нисколько не стѣсняясь характеромъ мыслей издателя, или какой-либо партіи. Никто не услышитъ отъ насъ просьбы о перемѣнѣ своихъ убѣжденій, если будутъ они противорѣчить нашимъ взглядамъ, или тому, что̀ было напечатано въ «Обозрѣніи» прежде. У насъ одна просьба къ сотрудникамъ—пусть выражаютъ они, что̀ мыслятъ и чувствуютъ дѣйствительно, принимая все это на свою собственную отвѣтственность, и предоставляя оцѣнку своихъ чувствъ и мыслей суду публики.

«Въ спорныхъ вопросахъ, производящихъ волнующее вліяніе и допускающихъ противоположные взгляды—въ вопросахъ, которые чувствуются глубоко и вызываютъ несходство мыслей, журналу предстоитъ выборъ одной изъ двухъ дорогъ: онъ или долженъ сдѣлаться органомъ партіи и поддерживать свое строго-опредѣленное направленіе, которое сбережетъ сжимающую силу его, пріобрѣтенную замкнутостью условнаго круга мысли—или же отказаться отъ всякихъ ограниченій и положиться на расширяющую силу, которая должна явиться вслѣдствіе широкаго и либеральнаго плана. Мы предпочтемъ послѣдній путь. У всякой партіи

Digitized by Google

есть свой органъ. «Двухнедѣльное Обозрѣніе» будетъ искать своей публики въ средѣ всѣхъ партій.

«Однакоже это не значитъ, *чтобы у насъ не было цѣли, или своего собственнаго направленія*. Дѣло въ томъ, что первая будетъ заключаться въ содѣйствіи прогресу во всѣхъ его направленіяхъ, а второе — не въ доктринѣ, но въ стремленіи. Журналъ нашъ будетъ либераленъ до такой степени, что при общемъ единствѣ цѣли онъ вмѣститъ въ себѣ чрезвычайно разнообразныя мнѣнія. Мы сознаемъ, что это—опытъ. Народная культура и общественный прогресъ развиваются при пособіи весьма разнообразныхъ средствъ. Люди никогда не думаютъ одинаково, если даже и согласно дѣйствуютъ они. Въ «Двухнедѣльномъ Обозрѣніи» мы будемъ стараться способствовать дѣлу прогреса, освѣщая путь его лучами многихъ умовъ. Мы станемъ скорѣе поддерживать, нежели стѣснять противоположность мнѣній, и будемъ весьма довольны, если удастся намъ сохранить высшее однообразіе, которое является результатомъ постояннаго присутствія искренности убѣжденій и таланта.

«Мы не скрываемъ отъ самихъ себя трудностей нашего предпріятія. Даже при самомъ удачномъ содѣйствіи сотрудниковъ, намъ придется сначала бороться съ нетерпѣніемъ читателей при защитѣ мнѣній, неодобряемыхъ ими. Одни будутъ жалѣть, что мы слишкомъ уже либеральны; другіе найдутъ, что либерализмъ нашъ слишкомъ узокъ. И дѣйствительно, намъ предстоитъ серьёзная трудность при опредѣленіи круга, за предѣлы котораго не должны переступать сотрудники, несмотря на все желаніе съ нашей стороны полной свободы въ выраженіи мыслей. Намъ остается надѣяться на ихъ тактъ и сочувствіе, равно какъ на умѣренность нашихъ читателей. «Revue des Deux Mondes» доказалъ, *съ какимъ удивительнымъ успѣхомъ можетъ допустить журналъ крайнюю противоположность взглядовъ*. Мы не сомнѣваемся, что англійская публика окажетъ такую же терпимость къ равному разнообразію при равномъ талантѣ.»

У насъ такъ много и такъ часто толкуютъ о важности направленія въ журналѣ, что объявленіе Льюиса должно показаться странностью и первою попыткою, которая, можетъ быть, и не удастся. Но вотъ *Revue des Deux Mondes*, цитируемый Льюисомъ и допускающій на свои страницы безразлично и Бертоле и Пастёра, Гизо и Ренана, имѣетъ же успѣхъ во Франціи: чѣмъ объяснить этотъ успѣхъ журнала, неимѣющаго направленія, и въ то же время лучшаго во Франціи? Это, конечно, соблазнило Льюиса, человѣка съ очень опредѣленнымъ образомъ мыслей. Съ разными статьями этого журнала, мы надѣемся познакомить читателей впослѣдствіи.

Digitized by Google

НОВЫЯ РУССКІЯ И ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ, г. *В. Бетсъ*. Разсказъ о путевыхъ приключеніяхъ автора и нравахъ животныхъ. Очерки жизни бразильцевъ и индійцевъ. Картины подъ экваторомъ изъ одинадцатилѣтняго путешествія. Большой томъ, 421 стр. съ картою Амазонской рѣки. Цѣна 3 руб.

Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ *Бигль*, Чальза Дарвина. Томъ II. Цѣна 1 руб. 25. Переводъ подъ редакціею Бекетова.

Руководство къ минералогіи, составленное по порученію министерства народнаго просвѣщенія для русскихъ гимназій Э. Гофманомъ, генерал-майоромъ корпуса горныхъ инженеровъ. 3 изданіе, исправленное. С.-Петербургъ. 1865 г. Цѣна 1 руб.

Фармакологія, Завернгейма. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія, совершенно передѣланное и значительно умноженное. 2 части. 1100 стр. Цѣна 5 руб.

Шлейденъ. Древность человѣческаго рода, происхожденіе видовъ и положеніе человѣка въ природѣ. Изданіе 2-е съ прибавленіемъ лекціи академика Бэра о древнѣйшихъ обитателяхъ Европы. Цѣна 40 к.

Жан-Жака Руссо. Исповѣдь. Переводъ Ѳ. Устрялова. Цѣна 2 руб.

Бибиковъ. Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова. Сыномъ его, сенаторомъ Бибиковымъ. Москва. Въ университетской типографіи. 1865. г. Цѣна 1 руб. 50 к.

Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ. С.-Петербургъ. Въ типографіи Э. Праца. 1865 г. 658 стр. съ 3-мя картами. 2 руб.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, сочиненіе Сергея Соловьева. Томъ 15, третій томъ исторіи Россіи въ эпоху преобразованія. Цѣна 2 руб.

Начало и характеръ Пугачовщины, соч. Щебальскаго. Цѣна 75 коп. Москва. Въ университетской типографіи. 1865 г.

Адресъ-Календарь на 1865 годъ. Общая роспись начальствующихъ и прочихъ должностныхъ лицъ по всѣмъ учрежденіямъ въ имперіи и по главнымъ управленіямъ въ Царствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 5 р. 50 к.

Новые англійскіе романы:

Agnes. By Mrs *Oliphant*.

Adrienne Hope: the Story of Life. By Matilda M. *Hays*.

Brook Silvertone and The lost Lilies. Two Stories, for Children. By Emma *Marshall*. (Ручеекъ серебряный голосъ и Потерянныя лиліи. Двѣ дѣтскія повѣсти. Эммы *Маршалъ*).

The Brothers. By Miss Anna *Drury*. (Братья, мисъ А. *Дрюри*).

Digitized by Google

The Bucklyn Shaig. A Tale of the last Century. By Alfred *Montgomery*. (Бокляпъ Шегъ. Разсказъ изъ жизни прошлаго столѣтія А. *Монтгомери*).

Doctor Harold. By Mrs. *Gascoigne*.

Dream Children. By the Author of Seven Little People and their *Friends*. (Дѣтскіе сны).

Elsie's Married Life. A Tale. By Mrs. Mackenzie *Daniel*. (Замужняя жизнь Эльси, г-жи Макензи *Даніель*).

Half a Million of Money. By the Author of Barbara's *History*. (Полмильона денегъ).

It May Be True. By Mrs. *Wood*. (Это, можетъ быть, правда, г-жи *Вудъ*).

The Lady of Winburne. By Alice *King*.

Late, but not too Late. By Ann *Barnett*. (Поздно, однакоже не слишкомъ поздно, А. *Бернетъ*).

Lena; or, The Silent Woman. By the Author of «Beyminstre». (Лена, или Молчаливая Женщина).

Maxwell Drewitt. By the Author of «George Geith».

Mildred Arkell. By Mrs. Henry *Wood*.

Mildred's Wedding: a Family History. By Francis *Derrick*. (Бракъ мисъ Мильдредъ: Семейное происшествіе, Фр. *Дерика*).

Miss Forrester. By Miss. *Edwards*.

The Naval Lieutenant. By Captain *Armstrong*. (Флотскій лейтенантъ, капитана *Армстронга*).

Oswald Hastings; or, the Adventures of a Queen's Aide-de-Champ. By Captain W. W. *Knollys*. (Освальдъ Гастингсъ, или Приключенія адъютанта королевы, капитана *Нолиса*).

Passing Time. A Story of romance and prose Scenes in the Life of Arthur Newland. By W. Blanchard *Jerrold*. (Препровожденіе времени. Романическія и прозаическія сцены въ жизни Артура Ньюлэнда, Бланчэрда *Джерольда*).

Prince Hassan's Carpet. By Hope *Cuttrell*. (Ковёръ принца Гассана, Г. *Котреля*).

Romantic Tales. By the Author of John *Halifax*. (Романическія повѣсти, автора Джона *Галифакса*).

Sans Merci, or Kistrels and Falcons. By the Author of Guy *Livingstone*. (Безъ пощады, или Кистрели и Фальконы, автора Гая *Ливингстона*).

Shellburn. By Alexander *Leighton*.

Sir Jasper's Tenant. By Miss *Braddon*. (Фермеръ сэра Джэспера, мисъ *Брадонъ*).

Treason at Home. By Mrs. *Greenough*. (Домашняя измѣна, г-жи *Гриноу*).

Uncle Clive. By *O. A. M. W.* (Дядя Клейвъ).

Artemus Ward His Travels among Mormons. (Артемюсъ Уардъ. Его Странствованіе между мормонами).

Cholera: its Pathology, Diagnosis and Treatment. By W. *Story*. (Холера: ея патологія, діагностика и леченіе, Уил. *Стори*).

Contributions of Natural History; Chiefly in Relation to the Food of the People. By a Rural D. D. (Дань естественной исторіи, преимущественно въ отношеніи къ народной пищи, деревенскаго жителя, Д. Д.).

Diarrhœa and Cholera; their Origin, Proximate, Cause and Cure, through the agency of the Nervous System, by Means of Ice. By John *Chapman*. (Раз-

Digitized by Google

стройство желудка и холера; ея происхожденіе, ближайшая причина и леченіе посредствомъ дѣйствія льда на нервную систему, Джона *Чепмена*).

An Excursion in the Peloponnesus in the Year 1858. By the late Sir T. Wyse. Edited by his Niece. (Поѣздка въ Пелопонесъ въ 1858 г. покойнаго сэра Уэйза. Изданіе его племянницы).

Extraits of the Journals and Correspondence of Miss Berry, from the Jear 1793 to 1852. Edited by Lady Theresa *Lewis*. (Выдержки изъ журналовъ и переписки мисъ Берри отъ 1793 до 1852 г., изданныя Терезою *Льюисъ*).

Handbook or Travellers in Russia, Poland and Finland. New Édition. By T. *Michell*. (Руководство для путешественниковъ по Россіи, Польшѣ и Финляндіи, Т. *Мичеля*).

A History of the World from the earliest Records to the present Time. By Philip *Smith*. (Всемірная исторія отъ древнѣйшихъ извѣстій до настоящаго времени. Ф. Смита).

Light on the Grave. (Могильный Свѣточъ).

The Literature and Curiosities of Dreams. By Frank *Seafield*. (Литература и любопытныя черты сновъ, Фр. *Зифильда*).

The Progress of Science, Art and Literature in Russia. By T. R. *Grahame*. (Прогресъ науки, искуства и литературы въ Россіи, Т. Р. *Грэгема*).

The Story of the Great March. From the Diary of a Staff-Officer. By Brevet-Major G. W. Nichols, Aide-de-Champ to General *Sherman*. (Исторія большого похода. Изъ дневника майора Никольса, адъютанта генерала *Шермана*).

Causeries sur les femmes et les livres, par Gustave *Merlet*. (Разсказы о женщинахъ и книгахъ, Густава *Мерле*).

Les Chants de la jeunesse, poésies par L. *Tournier*. (Пѣсни молодости, стихотворенія Л. *Турнье*).

Le Droit des nations, solutions radicales des contradictions financières, par T. *Guinier*. (Государственное право, окончательное рѣшеніе финансовыхъ противорѣчій, Т. *Гинье*).

Histoire littéraire de la France au XIV siècle. Discours sur l'état de lettres, par Victor Leclerc. Discours sur l'état des arts, par Ernest *Renan*. (Исторія французской литературы XIV вѣка.. Рѣчь о состояніи литературы Виктора Леклерка. Рѣчь о состояніи искуства, Эрнеста *Ренана*).

Histoire de don Pèdre, roi de Castille, par P. *Mérimée*. (Исторія дон-Педро, кастильскаго короля, П. *Мериме*).

Laura. Voyages et impressions, par George *Sand*. (Лора. Путешествія и впечатлѣнія, Жоржа *Занда*).

Les Lettres et la liberté, par Eugène *Despois*. (Преса и свобода, Эжена *Депуа*).

Les lois naturelles de la prospérité et de la justice, déduites de l'économie sociale, études critiques, par Th. *Mannequin*. (Естественные законы благосостоянія и правосудія, выведенные изъ общественной экономіи, критическіе этюды, Т. *Манекена*).

Loisirs poétiques d'un spécialiste, par le D-r J. *Venot*. (Поэтическіе досуги спеціалиста, доктора Ж. *Вено*).

Les Métaux précieux considérés au point de vue économique, par C

Digitized by Google

Roswag. (Драгоцѣнные металы, разсматриваемые съ экономической точки зрѣнія, Г. *Росвага*).

La Nature humaine, essais de psychologie appliquée, par *Nourrisson*. Ouvrage couronné par l'Institut. (Человѣческая природа, опытъ прикладной психологіи, *Нурисона*).

Nouveaux Lundis, tome IV, par C. A. *Sainte-Beuve*. (Новые понедѣльники; томъ IV, А. *Сент-Бёва*).

Les ouvriers d'à présent et la nouvelle économie du travail, par A. *Audiganne*. (Рабочіе настоящаго времени и новая экономія труда, А. *Одигана*).

Piron, complément de ses oeuvres inédites, avec une introduction et des notes, par H. *Bonhomme*. (Пиронъ, его неизданныя сочиненія, съ предисловіемъ и замѣчаніями, Г. *Бонома*).

Du raisin et de ses applications therapeutiques, par le D-r J. Ch. *Herpin*. (О виноградѣ и его терапевтическихъ приложеніяхъ, доктора Ж. Ш. *Герпена*).

Der Abfall der Niederlande, von I. H. *Holmwarth*. (Отпаденіе Нидерландовъ, I. Г. *Гольмварта*).

Beiträge zur Geschichte des deutschen Rechts, von *Otto-Stobbe*. (Данныя къ исторіи германскаго права, *Отто-Штобе*).

Die Beziehungen Friedrich des Grossen zu seiner Artillerie, von Th. *Troschke*. (Отношенія Фридриха-Великаго къ его артилеріи, Т. *Трошке*).

Briefwechsel zwischen Varnhagen von Ense und Oelsner, nebst Briefen von Rahel. Herausgegeben von Ludwig *Assing*. (Переписка между Фарнгагеномъ фон-Энзе и Эльснеромъ, изданная Л. *Асингомъ*).

Die dänische Ostsee-Escadre 1864, von einem See-Offizier. (Балтійская эскадра Даніи 1864 г., морского офицера).

Das deutsche Schwurgericht und dessen Reform, von Dr. Fr. Osc. *Schwarse*. (Германскій судъ присяжныхъ и его преобразованіе, Фр. Оск. *Шварце*).

Geschichte der Stadt Rom in Mittelalter, von V bis zum XVI Jahrhundert, von Fer. Gregorovius. V. *Band*. (Исторія средневѣкового Рима отъ V до XVI вѣка, Фр. *Грегоровіуса*).

Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809, von Anton *Springer*. (Исторія Австріи со времени вѣнскаго мира 1809 г., А. *Шпрингера*).

Grundzüge zur Lehre von der Gesellschaft und dem Staate, von Dr. Ios. W. *Nahlowsky*. (Руководство къ изученію общества и государства, Іос. В. *Налоевскаго*).

Herbstabende und Winternächte. Gespräche über deutsche Dichtungen und Dichter, von Ludwig *Ettmüller*. (Осенніе вечера и зимнія ночи. Разговоры о нѣмецкихъ поэтахъ и ихъ произведеніяхъ, Луд. *Этмилера*).

Von menschlichen Schwächen. Ein Versuch von Sigmund *Schott*. (О людскихъ слабостяхъ. Опытъ Зигмунда *Шота*).

Neue Gedichte, von I. G *Fischer*. (Новыя стихотворенія, I. Г. *Фишера*).

Preussens Militair-Verwaltung. Dargestellt nach amtlichen Quellen, von A. *Froelich*. (Прусское военное вѣдомство, изображенное по офиціальнымъ источникамъ, А. *Фрёлиха*).

Rudolf II, und seine Zeit. 1600—1612. Von Pr. Dr. Ant. *Gindely*. (Рудольфъ II и его время, Ант. *Гиндели*).

Soll von Doctor Louis Büchner «Kraft und Stoff» auch noch eine neunte Auflage erscheinen? Eine kurze Frage an den Schreiber, Verleger und Libe-

Digitized by Google

haber der achten Auflage. Mit längeren Anmerkungen von Dr. H. *Langebek*. (Должно ли явиться девятое изданіе книги доктора Бюхнера «Сила и матерія»? Краткій вопросъ автору, издателю и любителю восьмаго изданія. Съ болѣе длинными замѣчаніями доктора Г. *Лангебека*).

Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-Est-und Kurland und einigen angrenzenden Landstriche, von C. Grewingk. *Dorpat*. (Каменный вѣкъ Лифляндіи, Эстляндіи, Курляндіи и нѣкоторыхъ прилежащихъ къ нимъ земельныхъ участковъ, К. Гревингка. *Дерптъ*).

Die Vertheidigung Sebastopol's von Ed. v. Todleben in einem kurzen kritischen Auszuge von *Lehmann*, Gen.-Major. («Защита Севастополя» Эд. Тодлебена въ краткомъ критическомъ извлеченіи, генералъ-майора *Лемана*).

Der Werth des Lebens. Eine philosophische Beleuchtung, von Dr. E. *Dühring*. (Цѣнность жизни. Философскій взглядъ Э. *Дюринга*).

Digitized by Google

ВОЕННЫЙ
СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ,

ВЪ 1866 ГОДУ

будетъ выходить ежемѣсячно книжками до 20-ти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой.

Въ 1866 году, **девятомъ** со времени своего основанія, **«Военный Сборникъ»** будетъ издаваемъ по прежней програмѣ и на прежнихъ основаніяхъ, имѣя главною своею цѣлію: распространять въ нашей арміи основательныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ военныхъ знаній, сообщать свѣдѣнія о современномъ состояніи военнаго дѣла у насъ, въ Россіи, и въ иностранныхъ государствахъ и служить посредникомъ для обмѣна мыслей и наблюденій между военнослужащими и вообще всѣми лицами, интересующимися успѣхами военнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ.

Програма **«Военнаго Сборника»**, Высочайше одобренная, остается неизмѣнною и въ 1866 году:

I. Отдѣлъ офиціальный. а) Извлеченія изъ приказовъ военнаго министра, главнокомандующихъ арміями, генералъ-инспектора по инженерной части, генералъ-фельдцейхмейстера, по главнымъ управленіямъ: генеральнаго штаба и военно-учебныхъ заведеній и командующихъ войсками военныхъ округовъ; б) извлеченія изъ циркулярныхъ объявленій главныхъ управленій и департаментовъ военнаго министерства; в) тѣ изъ общихъ узаконеній, которыя имѣютъ какое-либо соотношеніе съ военнымъ бытомъ.

Въ извлеченіяхъ этихъ будетъ заключаться все относящееся до измѣненія состава войскъ, управленія ихъ, вооруженія, формы одежды и проч., въ такой мѣрѣ, въ какой необходимо знать это каждому офицеру. Такимъ образомъ, отдѣлъ этотъ будетъ служить подручнымъ сборникомъ всѣхъ современныхъ постановленій и узаконеній.

II. Отдѣлъ военныхъ наукъ: а) Тактика; б) Военная исторія; в) Военная администрація; г) Военная статистика и географія; д) Фортификація и артиллерія.

По **тактикѣ** будутъ помѣщаемы преимущественно статьи, клонящіяся къ разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ событіями послѣднихъ войнъ, какъ-то: о дѣйствіи въ бою пѣхоты вообще и въ особенности пѣхоты легкой, объ организаціи употребленія кавалеріи и артилеріи, о соотвѣтствующихъ современному состоянію военнаго искуства способахъ обученія войскъ и т. п.

По **военной исторіи** будутъ помѣщаемы преимущественно описанія и разборы тѣхъ войнъ и сраженій, въ которыхъ принимали участіе русскія войска. Къ каждому описанію будутъ прилагаемы, если понадобится, соотвѣтствующіе карты и планы.

Digitized by Google

По **военной администраціи**—все относящееся до управленія и хозяйства войскъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ.

По **военной статистикѣ и географіи**—обзоръ вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ; описанія замѣчательнѣйшихъ театровъ войны.

По **фортификаціи и артиллеріи** будутъ помѣщаемы изслѣдованія различныхъ вопросовъ по отношенію ихъ къ дѣйствію войскъ, избѣгая техническихъ подробностей, для обсужденія которыхъ существуютъ у насъ спеціальные журналы.

III. **Отдѣлъ литературный.** а) Разсказы изъ военнаго быта; б) записки военныхъ людей (мемуары); в) путешествія, имѣющія военный интересъ; г) жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ военныхъ людей.

IV. **Современное обозрѣніе.** Отдѣлъ этотъ въ настоящее время получилъ большее развитіе. Онъ состоитъ изъ: 1) **Библіографіи**, въ которой помѣщаются: библіографическіе разборы русскихъ періодическихъ военныхъ изданій; извѣстія изъ иностранныхъ военныхъ журналовъ; разборы военныхъ книгъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, а также сочиненій, имѣющихъ по своему содержанію прямую связь съ военнымъ дѣломъ (этой части отдѣла редакція имѣетъ въ виду придать большее развитіе). 2) **Русское военное обозрѣніе**—предположенія и главнѣйшія постановленія правительства по военной части; свѣдѣнія о нашей арміи въ ея служебной и боевой дѣятельности. 3) **Иностранное военное обозрѣніе**—свѣдѣнія о ходѣ военнаго дѣла въ иностранныхъ государствахъ и о военныхъ дѣйствіяхъ иностранныхъ армій.

Подписчики на «**Военный Сборникъ**» 1866 года получатъ, въ началѣ года, въ видѣ преміи, «**Карту Европы**», отпечатанную на двухъ листахъ большого формата, въ масштабѣ 140 верстъ въ дюймѣ, съ обозначеніемъ всѣхъ главнѣйшихъ географическихъ данныхъ, по преимуществу же важныхъ для военныхъ читателей. Карта эта, составленная по новѣйшимъ источникамъ и весьма изящно исполненная, будетъ служить полезнымъ руководствомъ нетолько при чтеніи военныхъ сочиненій, но и для разнаго рода практическихъ справокъ.

Подписка на «**Военный Сборникъ**» принимается:

Въ **С.-Петербургѣ** *въ конторѣ редакціи «Военнаго Сборника», на Литейной, домъ Денфера, № 13.*

«**Военный Сборникъ**» выходитъ *ежемѣсячно*, книжками въ 20 листовъ и болѣе въ каждой.

Подписная цѣна за годовое изданіе, или *за двѣнадцать книжекъ*, **съ Картою Европы 6 рубл. 50 к.** съ пересылкою, а въ Петербургѣ съ доставкою на домъ.

Редакція «**Военнаго Сборника**» покорнѣйше проситъ гг. начальниковъ частей доставлять, вмѣстѣ съ требованіями на журналъ, *именные списки* гг. офицеровъ, подписавшихся на «**Военный Сборникъ**», съ тою цѣлію, чтобы книжки журнала могли быть отправлены на имя каждаго подписчика, чрезъ газетную экспедицію с.-петербургскаго почтамта, въ наглухо-задѣланныхъ пакетахъ, какъ пересылаются всѣ частныя періодическія изданія.

Желающіе имѣть «**Военный Сборникъ**» за 1859 годъ, съ *картою Италіи*, и за 1860, 1861, 1862, 1863, 1864 и 1865 годы, съ соотвѣтствующими *приложеніями:* «Тактика» *Грисгейма* и «Исторія и тактика кавалеріи» *Нолана*, благоволятъ обращаться съ требованіями въ редакцію. *Цѣна годоваго изданія съ доставкою и пересылкою* **шесть рублей.**

Digitized by Google

1866. **27-й годъ.**

НУВЕЛЛИСТЪ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для фортепіано.

Двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, когда у насъ музыка была менѣе распространена, чѣмъ теперь, многіе изъ нашихъ провинціальныхъ корреспондентовъ изъявляли желаніе, чтобы мы издавали музыкальный журналъ, который бы могъ служить руководителемъ или указателемъ всѣхъ интересныхъ новостей, появляющихся въ Европѣ въ продолженіе года. Мы съ удовольствіемъ рѣшились взять на себя это дѣло, и постоянно увеличивающееся число нашихъ подписчиковъ доказываетъ, что мы съумѣли исполнить принятый на себя трудъ.

Теперь, когда любовь къ музыкѣ, и въ особенности къ игрѣ на фортепіано, значительно возрасли—понятно, что НУВЕЛЛИСТЪ долженъ сдѣлаться необходимымъ для нашихъ постоянныхъ подписчиковъ въ провинціи. Какъ и прежде, мы употребимъ всѣ усилія, чтобы удовлетворить по возможности нашихъ абоннентовъ, дѣлая самый строгій выборъ изъ новѣйшихъ пьесъ, и стараясь соединить полезное съ пріятнымъ, такъ чтобы журналъ удовлетворялъ вкусу и средствамъ каждаго подписчика.

Относительно цѣны на абоннементъ намъ остается только сказать, что за десять рублей подписчики получатъ въ продолженіе года *60 салонныхъ пьесъ для фортепіано*, *4 пьесы въ четыре руки*, *24 легкія пьесы для дѣтей* съ тщательнымъ обозначеніемъ аппликатуры, *28 новыхъ танцевъ*, *16 русскихъ романсовъ для пѣнія*, что̀ всего составитъ *132 музыкальныя пьесы*. Сверхъ того, къ каждому нумеру будетъ прилагаться *музыкально-литературная газета*, и повременамъ *портреты* знаменитыхъ композиторовъ.

Такимъ образомъ *за десять рублей серебромъ* подписчикъ будетъ имѣть къ концу года собраніе музыкальныхъ пьесъ, которыя обошлись бы ему, при покупкѣ отдѣльно каждой пьесы, по крайней-мѣрѣ *во сто рублей серебромъ*, и что̀ еще важнѣе, собраніе

Digitized by Google

пьесъ, нетолько тщательно выбранныхъ редакціею, но разсмотрѣнныхъ и одобренныхъ первѣйшими піанистами столицы.

НУВЕЛЛИСТЪ будетъ выходить перваго числа каждаго мѣсяца тетрадями отъ 60 до 65 страницъ большаго нотнаго формата.

Цѣна годовому изданію НУВЕЛЛИСТА 10 р. сер.; съ доставкою на домъ 11 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Имперіи 11 р. 50 к. НА ПОЛГОДА ПОДПИСКА НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Редакція покорнѣйше проситъ господъ иногородныхъ, желающихъ получать НУВЕЛЛИСТЪ, подписываться заблаговременно, въ отклоненіе всякаго замедленія въ доставленіи журнала.

Лица, которыя захотятъ абоннироваться въ продолженіе года, получаютъ всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

Подписка принимается исключительно:

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ конторѣ НУВЕЛЛИСТА, находящейся въ магазинѣ М. БЕРНАРДА, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, № 10;

въ МОСКВѢ, въ музыкальномъ магазинѣ П. ЛЕНГОЛЬДА; въ ХАРЬКОВѢ у ГЕРГАРДА.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ Газетную Экспедицію С.-Петербургскаго Почтамта.

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку только тѣхъ экземпляровъ, на которые подписка принята въ означенныхъ мѣстахъ.

РЕДАКТОРЪ И ИЗДАТЕЛЬ **М. Бернардъ.**

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ **М. БЕРНАРДА.**

На Невскомъ Проспектѣ, № 10.

ТОЛЬКО-ЧТО ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ:

ГУНКЕ. *Полное руководство къ сочиненію музыки*, въ трехъ отдѣленіяхъ: I. О мелодіи, II. О контрапунктѣ, III. О формахъ музыкальныхъ произведеній. Второе, умноженное изданіе. Съ портретомъ автора (цѣна 7 руб., съ пересылкою 8 р.).

— Письма о музыкѣ (40 коп., вѣс. за 1 ф.).

Digitized by Google

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви въ Санктпетербургѣ.

PERLES MUSICALES.

Собраніе маленькихъ пьесъ для одного фортепьяно.

№ 1. BACH, JOH.-SEB. Gigue, B dur 30 к.
» 2. — Rondo, C moll 30 к.
» 3. MENDELSSOHN BARTHOLDY, FELIX. Prälidium, H moll, aus Op. 35. № 3. 45 к.
» 4. SCHUMANN, R. Reconnaissance, As dur, aus Op. 9. 30 к.
» 5. — Promenade, Des dur, aus Op. 9. 30 к.
» 6. PARADIES, P.-D. Toccata, A dur 30 к.
» 7. REINECKE, C. Courante, D moll, aus Op. 57, № 2. 30 к.
» 8. — Ländler, As dur, aus Op. 57, № 3. 30 к.
» 9. ECKERT, C. Charakterstück, D dur, aus Op. 17, № 1. 45 к.
» 10. LISZT, F. Consolations, Nr. 3, Des dur 60 к.
» 11. — do № 5, E dur 45 к.
» 12. SCHUMANN, R. Romanze, Fis dur, aus Op. 28, № 2. 30 к.
» 13. — Träumerei, F dur, aus Op. 15, № 7. 30 к.
» 14. BACH, JOH.-SEB. Scherzo, A moll 30 к.
» 15. — Aria, D dur 30 к.
» 16. KLENGEL, A.-A. Canon und Fuge, Es dur, aus den Canons und Fugen Bd. I. № 7. 75 к.
» 17. — Canon und Fuge, D dur, aus den Canons und Fugen, Bd. II, № 5. 60 к.
» 18. REINECKE, C. Mazurka G moll, aus Op. 15. 30 к.
» 19. SCHUMANN, R. Am Camin, F dur, aus Op. 15, № 8. 30 к.
» 20. — Kind im Einschlummern, E moll, aus Op. 15, № 12 30 к.
» 21. BACH, JOH.-SEB. Praeambulum, G dur 45 к.
» 22. — Echo, H moll 30 к.
» 23. KLENGEL, A.-A. Canon und Fuge, D moll, aus den Canons und Fugen, Bd. II, № 6. 75 к.
» 24. — Canon und Fuge, G moll, aus den Canons und Fugen, Bd. II, № 16. 60 к.
» 25. SCHUMANN, R., Valse noble, B dur, aus Op. 9. 30 к.
» 26. — Valse allemande, As dur, aus Op. 9. 30 к.
» 27. — Papillons, B dur, aus Op. 9. 30 к.

Digitized by Google

№ 28. WEIL, O. Allegretto grazioso, F dur, aus Op. 4, № 1. 45 к.
» 29. — Danse sérieuse, G dur, aus Op. 3. № 1. 45 к.
» 30. KLENGEL, A.-A. Canon und Fuge, A dur, aus den Canons und Fugen, Bd. II № 19. 60 к.
» 31. — Canon und Fuge, A dur, aus den Canons und Fugen, Bd. I, № 19. 60 к.
» 32. CHOPIN, F. Prélude, Fis dur, aus Op. 28, № 13. 30 к.
» 33. — do Des dur, aus Op. 28, № 15. 45 к.
» 34. JADASSOHN, S. Air de Ballet, № 3, A dur, aus «Bal masqué», Op. 26. 30 к.
» 35. — Air de Ballet, № 4, F dur, aus Op. 26. 30 к.

Новости изъ «АФРИКАНКИ» Опера соч. Г. Мейербера.

BÜRGMÜLLER (Fréd.). *L'Africaine*, valse de salon pour piano 1 p. 15 к.

GODEFROID (F.). *L'Africaine*, air du sommeil. Morceau de salon, pour piano, op. 128. 1 p. 15 к.

VALIQUET (H.). *L'Africaine*, petite mosaïque, pour piano, op. 65. 1 p.

CROISEZ (A.). *L'Africaine*, duo enfantin, pour piano à quatre mains 1 p. 15 к.

WOLFF (E.). *L'Africaine*, duo à quatre mains, op. 273. 2 p. 60 к.

BERNARD (Paul). Beautés de *L'Africaine*, pour piano à quatre mains, 1-re suite 2 p.

SELIGMANN (P.). *L'Africaine*, morceau pour le violoncelle avec accompagnement de piano, op. 78. 1 p. 60 к.

LEBEAU (Alfred). Souvenir de *L'Africaine*, fantaisie pour orgue-harmonium, op. 75. 85 к.

MEYERBEER (G.). *L'Africaine*, opéra en cinq actes, morceaux détachés pour chant, avec accompagnement de piano paroles italiennes et françaises.

— «АФРИКАНКА». Полная опера въ 2 руки *net*. 4 р. 80 к.

Въ томъ же магазинѣ можно получать *всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и какъ бы то ни было изданныя* или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ. Выписывающіе нотъ на три руб. сер., получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. — 25 проц.; на десять руб. — 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того, не платятъ за пересылку. Требованія гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

А. Бютнеръ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Дворянскіе выборы.—Дворянство.—Желаніе развить это сословіе на два класса.—Неудача.—Новыя попытки того же самаго.

Въ виду земскихъ собраній, въ которыхъ сошлись представители всѣхъ земскихъ сословій и интересовъ земства, сословный вопросъ представляетъ важность не самъ по себѣ, но какъ одно изъ главныхъ условій для объединенія силъ земства. Выборы въ гласные производятся въ совокупности отъ всѣхъ сословій; но кромѣ этого новаго выборнаго начала, болѣе или менѣе общаго для всѣхъ сословій, права выборовъ предоставлены и другимъ сословіямъ въ отдѣльности. У насъ существуютъ выборы въ сословіяхъ: дворянскомъ, купеческомъ, мѣщанскомъ и крестьянскомъ. Кромѣ того, въ послѣднее время, нѣкоторыя духовныя мѣстныя власти обратили вниманіе на выборное начало, предоставленное духовенству по закону и по духу церкви, но впослѣдствіи ослабленное, и можно даже сказать, совершенно уничтоженное вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ.

Такимъ образомъ, у насъ въ настоящее время два рода выборовъ: выборы общіе для всего земства, и отдѣльные для каждаго сословія. Различная степень правъ въ этомъ отношеніи, и неодинаковость ихъ примѣненія въ практикѣ, представляютъ особенную, заслуживающую вниманія сторону нашего гражданскаго и общественнаго быта. На выборное начало надобно смотрѣть, какъ на одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ нашего земскаго строя.

Русское дворянство, въ теченіе уже восьмидесяти лѣтъ, пользуется правомъ выборовъ, но дворянскіе выборы не были никогда такимъ общезанимательнымъ вопросомъ, какимъ они представляются нынѣ. Прежде выборы занимали исключительно одно сословіе, они не затрогивали за живое даже всего населенія той мѣстности, гдѣ они производились, хотя въ былое время, выборы эти и должны были имѣть большее значеніе, такъ-какъ отъ дво-

Digitized by Google

рянства зависѣло избраніе представителей судебной власти и власти полицейской, которыя имѣли непосредственное вліяніе на бытъ и участь населенія всей губерніи и каждаго уѣзда порознь. Кромѣ того, съ представительствомъ дворянства были соединены, при крѣпостномъ правѣ, интересы большей части земства. Но прежнее равнодушіе общества къ дворянскимъ выборамъ, при всемъ ихъ значеніи, нами указанномъ, невольно наводитъ между прочимъ на мысль, что дворянство наше не могло, по разнымъ причинамъ, придать предоставленному ему выборному праву того значенія, которое право это могло получить по своей важности среди всего земства.

Отчего же теперь дворянскіе выборы представляютъ много занимательнаго и поучительнаго, между тѣмъ, какъ значеніе ихъ значительно ослабло въ виду земскихъ учрежденій, сливающихъ земскіе интересы безъ сословныхъ различій, въ виду судебныхъ реформъ, непредоставляющихъ преимущественно судебную, гражданскую и уголовную расправу дворянскому сословію, и въ виду новаго устройства земской полиціи, независимаго отъ дворянскихъ выборовъ? Казалось бы, что теперь именно наступила та пора, когда дворянскіе выборы должны были пройти болѣе незамѣтно, чѣмъ проходили они во дни оны.

Разрѣшеніе предложенныхъ нами вопросовъ, какъ кажется, очень просто, если только принять въ разсчетъ стремленія образованной части современнаго нашего общества, отрѣшившейся отъ сословныхъ взглядовъ и предпочитающей благо русской земли въ ея всей цѣлости, выгодамъ и преобладанію отдѣльныхъ сословниковъ. При такомъ условіи, вниманіе нашего общества къ дворянскимъ выборамъ надобно скорѣе назвать отрицательнымъ, нежели положительнымъ. Развитіе и оправданіе этой мысли, быть можетъ, нѣсколько странной по ея выраженію, читатели наши найдутъ въ послѣдующихъ строкахъ, въ которыхъ мы скажемъ о современномъ значеніи нашего дворянства, его составѣ и объ его имущественной обстановкѣ.

Существуютъ многія, неотразимыя причины общественнаго вниманія къ образу дѣйствій и понятіямъ нашего дворянства, обнаруживаемымъ его представителями въ настоящее время.

Самые упорные противники дворянства, какъ особенно-привилегированнаго сословія, не могутъ не признать, что образованіе, какихъ бы оттѣнковъ оно ни было, распространено доселѣ преимущественно въ этомъ сословіи. Образованные люди всегда считаются вожаками на пути преобразованій, совершающихся въ государствѣ, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, польза или вредъ подобнаго превосходства зависитъ главнымъ образомъ отъ убѣжденія этихъ людей. Примѣръ ихъ, все равно — соотвѣтствующій или несоотвѣтствующій требованіямъ и духу времени—не остается безъ послѣдствій. Вотъ причина, почему мы съ своей стороны, да и другіе, придаемъ особое значеніе дворянскимъ выборамъ, какъ такому обстоятельству, при которомъ можно удобнѣе всего

Digitized by Google

прислушаться къ мнѣніямъ господствующимъ или отживающимъ, высказываемымъ самою образованною частію нашего земства.

Условіе это весьма важно при установляющемся нынѣ у насъ новомъ порядкѣ земскихъ дѣлъ.

Несмотря на юридическую равноправность, которую даровало всѣмъ сословіямъ «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ» по дѣламъ земства, въ этихъ учрежденіяхъ преобладаетъ въ сущности голосъ дворянства. По этому самому, дворянскіе выборы, на которыхъ съ особенною ясностію просятся наружу сословные дворянскіе интересы и понятія, служатъ если не точнымъ мѣрпломъ, то достаточнымъ признакомъ будущей организаціи земскихъ учрежденій и намекаютъ на то положеніе, которое займетъ въ нихъ дворянство. Они даютъ основаніе для соображеній, въ какой мѣрѣ интересы этого сословія, нѣкогда отдѣльные и нынѣ значительно переиначенные вслѣдствіе уничтоженія крѣпостнаго права, сольются съ общими интересами всего земства, представляющаго въ своей совокупности дѣйствительныя силы нашей народной жизни.

Кромѣ того, весьма важны нынѣ: ходъ преній, пріемы дворянскихъ ораторовъ и еще болѣе уваженіе ихъ къ законности, и отрѣшеніе ихъ отъ тѣхъ привычекъ и самоувѣренности, которыя вредятъ правильному и точному разсмотрѣнію дѣлъ, обсуждаемыхъ въ общественныхъ собраніяхъ. Все это, конечно, важно нетолько по отношенію собственно къ дворянству, но и по отношенію участія дворянства съ прочими сословіями въ общихъ дѣлахъ земства. При такихъ условіяхъ не столь важно преслѣдованіе дворянствомъ своихъ сословныхъ интересовъ, сколько важна подготовка его къ будущей дѣятельности по земскимъ вопросамъ. Вотъ одна изъ причинъ, къ которой мы, между прочимъ, хотѣли примѣнить выраженіе наше объ отрицательномъ вниманіи образованной части нашего общества къ ходу дѣлъ о дворянскихъ выборахъ, въ какихъ бы городахъ Россіи ни происходили эти выборы.

Чтобы точнѣе опредѣлить значеніе нашего дворянства, какъ земскаго сословія, нужно обратиться къ разсмотрѣнію того, какъ оно возникло. До образованія дворянства, какъ отдѣльнаго сословія, созданнаго грамотою, дворянство наше состояло изъ представителей служилыхъ людей, безъ всякой корпоративной связи. Только съ 21 апрѣля 1785 г., дворянство наше получило сословную организацію съ правами бо́льшими, нежели тѣ, какія достались прочимъ государственнымъ сословіямъ, но дворянская грамата не думала вовсе создавать какую-либо аристократію, уровнявъ права всѣхъ дворянъ и проложивъ дорогу въ это сословіе достиженіемъ весьма невысокихъ чиновъ по гражданской и военной службѣ.

Позднѣйшее законодательство еще болѣе отняло у нашего дворянства аристократическій оттѣнокъ, допустивъ въ среду его людей, неотличавшихся ничѣмъ болѣе, какъ своими познаніями.

Digitized by Google

Оно, предоставивъ докторамъ разныхъ наукъ чинъ 8-го класса, дававшій въ то время права потомственнаго дворянства, ясно показало, что дворянству нашему долженъ быть чуждъ тотъ аристократическій элементъ, который такъ усердно стараются отыскать среди его наши несвѣдующіе, односторонніе историки и плохіе наши законовѣды.

Правда, что титулы, гербы, вотчинное право придавали нашему дворянству видъ феодальнаго дворянства, изъ котораго сложилась западная аристократія; но кто же первый сталъ отличать наше дворянство этими аристократическими атрибутами? Петръ-Великій, который въ то же время призналъ дворяниномъ каждаго простолюдина, безукоризненно исполнявшаго свои обязанности на самыхъ скромныхъ ступеняхъ царской службы.

Дворянство въ силу закона дѣлится у насъ, по размѣру своихъ гражданскихъ правъ, на потомственное и личное. Въ практикѣ потомственное дворянство подраздѣляется на помѣстное и безпомѣстное. При юридической равноправности и той и другой категоріи, помѣстное дворянство вообще имѣетъ болѣе значенія по дѣламъ земскимъ; оно имѣло болѣе значенія и прежде, чрезъ дворянскіе выборы. Но и здѣсь открывается особая его классификація, обусловленная цензомъ — сперва по числу крѣпостныхъ душъ и по количеству земли, а по уничтоженіи крѣпостнаго права — только по размѣру поземельной собственности. Этого рода собственность, съ добавленіемъ къ ней и другихъ видовъ недвижимаго имущества, должна опредѣлить также и степень участія дворянства въ земскихъ учрежденіяхъ. Вотъ и всѣ, простыя и очевидныя, основы для степени дѣятельности дворянства, какъ одного изъ земскихъ сословій.

Правда, что при организаціи дворянства, граматою, пожалованною ему Екатериною II, введены нѣкоторые родословные оттѣнки. Въ силу этой граматы, потомственное дворянство раздѣлено на пять разрядовъ, размѣщенныхъ отдѣльно въ шести частяхъ родословной дворянской книги. Въ первую часть вносится дворянство дѣйствительное или жалованное, то-есть такіе роды, право которыхъ основано на возведеніи въ дворянство граматою или владѣніемъ населеннымъ имѣніемъ, если только давность этого владѣнія не превышаетъ того срока, который установленъ для причисленія къ древнему дворянству.

Во вторую часть вносятся роды дворянства военнаго; въ третью — роды дворянства, пріобрѣтеннаго гражданскою службою, а равно получившіе право потомственнаго дворянства черезъ пожалованіе однимъ изъ россійскихъ орденовъ, дающихъ это право; въ четвертую — всѣ иностранные роды; въ пятую — титулами отличенные роды; въ шестую — древніе, благородные роды, то-есть такіе, доказательство которыхъ восходитъ по крайней-мѣрѣ за сто лѣтъ до изданія дворянской граматы, то-есть не менѣе какъ до 21-го апрѣля 1685 года, «благородное же ихъ начало покрыто мракомъ неизвѣстности.»

Digitized by Google

Помѣщеніе дворянства въ той или другой части родословной книги не предоставляетъ ему рѣшительно никакихъ особыхъ правъ. Только для дворянства, внесеннаго въ 6-ю часть, облегчено помѣщеніе дѣтей, въ случаѣ безчиновности дворянина, въ нѣкоторыя учебныя заведенія, для поступленія въ которыя требуется, чтобы отецъ принимаемаго или принимаемой состоялъ по крайней-мѣрѣ въ чинѣ полковника или статскаго совѣтника, если онъ не записанъ въ 6-ю часть. Далѣе этого не идутъ генеалогическія права нашего дворянства.

Такимъ образомъ, при общемъ равенствѣ нашего дворянства, стремленіе отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ этому сословію, составить изъ себя какую-то особенно-привилегированную корпорацію, представляетъ прямое отступленіе отъ законоположеній, установленныхъ дворянскою граматою, на которую однако подобныя лица обыкновенно ссылаются какъ на какой-то палладіумъ своихъ нетолько гражданскихъ, но и генеалогическихъ правъ, забывая, что малѣйшій въ чью либо пользу перевѣсъ правъ, предоставленныхъ этою граматою дворянству вообще, колеблетъ основныя права всего сословія, и что этимъ самымъ среди дворянства создается еще особое, небывалое сословіе.

Несмотря на то, что по существующимъ законамъ и въ департаментѣ герольдіи и въ дворянскихъ депутатскихъ собраніяхъ, должны находиться точныя свѣдѣнія о наличномъ числѣ дворянства, опредѣлить съ точностію число его нѣтъ никакой возможности, вопервыхъ потому, что изъ родословныхъ книгъ не исключаются умершіе, и вовторыхъ потому, что множество лицъ, принадлежащихъ къ дворянству, не внесено въ родословныя книги; другія же, напротивъ, числятся одновременно по нѣсколькимъ губерніямъ.

По «Статистическимъ таблицамъ Россійской имперіи», изданнымъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, показано число дворянъ въ Европейской Россіи 886,782 души обоего пола, въ томъ числѣ мужескаго 445,411 и женскаго 441,371. Къ этому числу «Таблицы» прибавляютъ для сибирскихъ областей и губерній, за исключеніемъ Амурской Области и области оренбургскихъ казаковъ, 9,175 муж. п. и 8,309 жен. п. или 17,484 д. обоего пола; для Кавказа, кромѣ Дербентской Губерніи и горскихъ округовъ, около 49,000 м. п. и 36,000 ж. п. или 85,000 д. обоего пола; для Дербентской Губерніи и горскихъ округовъ, равно какъ и для нѣкоторыхъ частей Тифлисской и Кутаисской губерній, примѣрно, около 8,000 муж. и 5,000 жен. пол. или 13,000 душъ. Такимъ образомъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, численность дворянскаго сословія во всей имперіи простирается до 512,000 душъ муж. и 490,000 женскаго пола, а всего нѣсколько болѣе 1,000,000 обоего пола душъ, такъ что на 70 жителей приходится 1 дворянинъ, точно также, какъ на 70 жителей приходится 1 солдатъ. Свѣдѣнія эти нельзя, однако, признать соотвѣтствующими дѣй-

Digitized by Google

ствительности. Притомъ, въ этихъ свѣдѣніяхъ число дворянъ потомственныхъ соединено съ числомъ дворянъ личныхъ, а при ограниченной классификаціи сословій, принятой центральнымъ статистическимъ комитетомъ, въ число дворянъ необходимо должны были войти и всѣ гражданскіе чиновники. съ ихъ семействами, изъ которыхъ бо̀льшая часть не принадлежатъ нетолько- къ потомственному, но и личному дворянству, а должны быть причислены къ почетному гражданству. Въ виду этого, никакъ нельзя принять и тѣхъ процентныхъ вычисленій на счетъ численности дворянскаго сословія въ разныхъ мѣстахъ имперіи, которыя сдѣланы въ «Статистическихъ Таблицахъ».

Можно вообще сказать, что западный край, вслѣдствіе значительнаго числа прежней польской шляхты, представляетъ самый значительный процентъ дворянства по отношенію ко всему населенію этого края. Но бывшія тамъ нѣсколько разъ комиссіи для разсмотрѣнія дворянскихъ правъ, значительно уменьшили число лицъ, считавшихся принадлежащими къ дворянству. Послѣднее же распоряженіе, относящееся къ этому предмету, должно еще болѣе уменьшить число такихъ лицъ.

Дворянство, какъ сказано выше, составляетъ въ земскихъ учрежденіяхъ весьма замѣтный и вліятельный элементъ. Для опредѣленія этого нужно обратиться къ изслѣдованію о помѣстномъ нашемъ дворянствѣ. Для этого мы имѣемъ одинъ только, и то не вполнѣ удовлетворительный источникъ, а именно изданную въ 1859 году г. товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Тройницкимъ, книжку подъ заглавіемъ: «О числѣ крѣпостнаго населенія въ Россіи».

Въ книжкѣ этой мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія данныя:

Въ 1858 году было дворянъ:

а) безземельныхъ	
имѣвшихъ крѣпостныхъ людей.	5,508
б) помѣстныхъ	
имѣвшихъ менѣе 21 души . .	47,465
отъ 21 до 100 душъ.	35,441
» 101 » 500 душъ.	19,590
» 500 » 1000 душъ.	2,433
болѣе 1000 душъ	1,439
Итого .	111,874 души.

Данныя эти весьма важны какъ въ отношеніи общаго ценза по земскимъ учрежденіямъ, такъ и частнаго ценза по отношенію правъ дворянъ для участія въ выборахъ собственно въ средѣ дворянскаго сословія. Хотя со времени составленія этихъ свѣдѣній, прошло уже 8 лѣтъ, но они не потеряли своей важности въ примѣненіи къ упомянутымъ видамъ выборнаго ценза. Въ приведенныхъ нами свѣдѣніяхъ можетъ быть важна одна только перемѣна, именно—уменьшеніе числа мелкопомѣстныхъ дворянъ,

Digitized by Google

вслѣдствіе передачи ихъ имѣній въ казну. Другихъ значительныхъ перемѣнъ предположить нельзя, потому что послѣдовавшее вскорѣ уничтоженіе крѣпостнаго права и колебаніе цѣнъ на населенныя имѣнія задерживали переходъ этихъ имѣній отъ одного владѣльца къ другому. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого основанія предполагать увеличенія въ численности нашего помѣстнаго дворянства въ послѣднія семь лѣтъ; скорѣе надобно допустить уменьшеніе его, и притомъ нетолько по разряду мелкихъ, но даже и среднихъ владѣльцевъ.

Къ этому надобно прибавить, что и сдѣланные г. Тройницкимъ въ 1858 году выводы о числѣ и разрядахъ помѣстнаго дворянства, слѣдуетъ считать нѣсколько болѣе того, что̀ было въ дѣйствительности. Это основывается на томъ соображеніи, что помѣщики, владѣвшіе населенными имѣніями въ нѣсколькихъ губерніяхъ, были показаны по вѣдомостямъ казенныхъ палатъ отдѣльно по имѣніямъ ихъ въ каждой губерніи и потому зачислены нѣсколько разъ по числу губерній, въ которыхъ находятся ихъ имѣнія. Само собою разумѣется, что въ большей части случаевъ это относилось къ такъ-называемымъ крупнымъ помѣщикамъ, потому что имѣнія мелкопомѣстныхъ ограничиваются обыкновенно одной губерніей. Въ виду этихъ обстоятельствъ, надобно придти къ тому заключенію, что число помѣщиковъ крупныхъ должно быть менѣе значительно, нежели то, какое показано въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ г. Тройницкимъ.

Все это указывало на необходимость не слишкомъ высокаго ценза какъ по выборамъ въ земскія учрежденія, такъ и по выборамъ дворянства—если хотѣли допустить большое число лицъ образованныхъ въ этихъ собраніяхъ. Число дворянъ, владѣвшихъ такими помѣстьями, въ которыхъ было не менѣе 100 душъ, составляло менѣе $^1/_2$ всего помѣстнаго дворянства; число же болѣе крупныхъ помѣщиковъ, считая такихъ, у которыхъ было свыше 500 душъ, составляло менѣе $^1/_{12}$ всего помѣстнаго дворянства. Такимъ образомъ значительный цензъ какъ по земскимъ учрежденіямъ, такъ и по дворянскимъ выборамъ долженъ былъ отстранить слишкомъ большую часть дворянства отъ участія какъ въ земскихъ, такъ и въ сословныхъ дѣлахъ.

Поэтому никакъ нельзя было одобрить стремленія тѣхъ лицъ, которыя, подходя сами подъ размѣръ весьма высокаго ценза, старались провести мысль о поднятіи какъ земскаго, такъ и дворянскаго ценза. Сокровенные разсчеты такихъ господъ очень понятны. Они хотѣли образовать изъ своей среды какое-то подобіе англійской аристократіи, которой, по многимъ условіямъ нашего быта, никогда не было, да и нѣтъ мѣста въ Россіи. (Теперь тотъ же самый вопросъ возникъ, въ другой формѣ, какъ увидимъ ниже). Если, напримѣръ, размѣръ имущественнаго ценза примѣнить къ помѣстнымъ владѣльцамъ, имѣвшимъ прежде отъ 500 и свыше душъ, то кажется, что земскіе и дворянскіе интересы сосредоточатся въ рукахъ 3,872 лицъ — число весьма ограниченное въ примѣненіи

Digitized by Google

нетолько ко всему дворянству вообще, но даже и къ помѣстному въ частности. При этомъ надобно имѣть въ виду то замѣчаніе, которое мы сдѣлали о повторявшемся нѣсколько разъ счетѣ одного и того же помѣщика по разнымъ губерніямъ и, вдобавокъ, принять въ соображеніе, что многія изъ общаго числа указанныхъ нами лицъ или какъ малолѣтные, или какъ женщины, или наконецъ по собственнымъ желаніямъ и разсчетамъ, не захотятъ принять участіе въ общественной дѣятельности на основаніи имѣющагося у нихъ ценза. Такимъ образомъ можетъ составиться по управленію земскими и дворянскими дѣлами только такой разрядъ, который едва-ли будетъ доходить до 1,000 лицъ. Невыгода подобной привилегіи такъ понятна, что ненужно пускаться въ доказательства и доводы на счетъ ея непримѣнимости.

Если размѣръ дворянскаго имущественнаго ценза былъ важенъ вообще для всей Россіи по отношенію дворянскаго сословія къ занятію общими дѣлами земства, то для нѣкоторыхъ мѣстностей еще болѣе увеличивалась эта важность. Это относится къ губерніямъ, гдѣ помѣстное дворянство состоитъ преимущественно изъ мелкихъ или среднихъ землевладѣльцевъ, какъ напримѣръ въ Полтавской Губерніи. Вообще же надобно замѣтить, что средняя сложность относительной крѣпостной населенности имѣній (служащей и нынѣ, хотя и въ иномъ видѣ, исходною точкою для поземельнаго ценза по земскимъ учрежденіямъ для помѣстнаго дворянства) представляла чрезвычайное разнообразіе и измѣнялась отъ 2,332 крѣпостныхъ людей, приходившихся на одного помѣщика въ Пермской, до 20 въ Черниговской губерніяхъ. Изъ этого видно, какое неравенство въ правѣ земскаго голоса, получаемаго дворянствомъ, должно было бы произойти при высокомъ выборномъ цензѣ, желаемомъ иными поземельными владѣльцами.

При такой неравности распредѣленія имуществъ между помѣстнымъ дворянствомъ, отражающейся и нынѣ, надобно замѣтить, что наиболѣе мелкихъ дворянъ-землевладѣльцевъ находится въ губерніяхъ великорусскихъ и малороссійскихъ, затѣмъ слѣдуютъ губерніи западной полосы Россіи. Наименѣе такихъ владѣльцевъ числится въ губерніяхъ, составляющихъ окраины Европейской Россіи съ восточной и западной полосы.

Разсматривая распредѣленіе помѣщиковъ въ топографическомъ отношеніи, надобно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ о причинахъ мелкопомѣстности и, слѣдовательно, объ условіяхъ къ меньшему участію помѣстнаго дворянства въ земскихъ учрежденіяхъ.

Въ великорусскихъ областяхъ древность наслѣдственнаго владѣнія дворянскими имѣніями, соединенная съ отсутствіемъ производительной, торговой и промышленной дѣятельности среди дворянства и постоянное дробленіе этихъ имѣній во многихъ поколѣніяхъ, была причиною образованія въ этихъ губерніяхъ значительнаго числа мелкопомѣстныхъ дворянъ. Въ другихъ мѣстахъ Россіи сословіе помѣстныхъ владѣльцевъ образовалось позже и

Digitized by Google

потому, весьма естественно, ихъ вотчины не могли раздробиться, въ меньшій періодъ времени, до такой степени, до какой раздробились онѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Въ малороссійскихъ губерніяхъ мелкопомѣстность проистекла изъ другихъ условій сословнаго и экономическаго быта. Въ Малороссіи, при гетманахъ, раздавались имѣнія, населенныя посполитыми людьми, нетолько генеральной старшинѣ и полковникамъ, но и невысокимъ чинамъ малороссійскаго войска. Въ такихъ мелкихъ раздачахъ населенныхъ имѣній, гетманское правительство видѣло прежде всего экономическую цѣль. Оно старалось подражать Польшѣ, гдѣ большое число незначительныхъ по размѣру хозяйствъ, поддерживаемыхъ укрѣпленными за ними рабочими людьми, считалось нѣкогда однимъ изъ главныхъ условій для развитія общественнаго благосостоянія. Обыкновенно въ Малороссіи жалованы были имѣнія, какъ за заслуги, такъ и «для вспарта господарства», то-есть для поддержанія хозяйства. Между тѣмъ надобно замѣтить, что старинный бытъ малороссовъ отличался простотою и отсутствіемъ роскоши, такъ что для поддержанія помѣщичьяго хозяйства требовалось весьма немного рабочихъ людей. Но и имѣнія, даваемыя гетманами нетолько войсковымъ товарищамъ, писарямъ и атаманамъ, но и знатнѣйшимъ малороссійскимъ сановникамъ, были весьма необширны. Только съ того времени, какъ императоры и императрицы начали раздавать помѣстья на Украйнѣ, тамъ образовались огромныя помѣстья, но число такихъ помѣстій было незначительно; они представляли исключеніе, такъ что малороссійское дворянство до послѣдняго времени было по преимуществу дворянство мелкопомѣстное, а потому высокій цензъ въ украинскихъ губерніяхъ, точно такъ какъ и въ великорусскихъ, долженъ былъ отстранить отъ участія въ дѣлахъ земства значительную часть тамошняго дворянства.

Что же касается сѣверо-восточныхъ губерній, то существованіе тамъ дворянскихъ имѣній по преимуществу въ большихъ размѣрахъ объясняется тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ крестьяне не продавались никогда ни безъ земли, ни съ отдѣльными мелкими поземельными участками. Въ этой мѣстности главный видъ помѣстнаго владѣнія представляли заводы съ приписными или такъ-называемыми посесіонными крестьянами. Заводы не могли переходить въ раздѣлъ между наслѣдниками или быть продаваемы въ раздробь, и потому, разъ-составленныя такого рода имѣнія оставались навсегда единицею владѣнія.

Мы считали бы излишнимъ говорить здѣсь о тѣхъ губерніяхъ имперіи, въ которыхъ не полагается открыть земскія учрежденія, и въ которыхъ, слѣдовательно, вопросъ о дворянскомъ имущественномъ цензѣ не представляетъ такой современной важности, какую онъ имѣетъ въ другихъ мѣстахъ. Только для полноты нашего очерка, введемъ въ него нѣсколько замѣтокъ относительно сѣверо-западнаго и юго-западнаго края.

Digitized by Google

Значительное вообще число помѣстныхъ дворянъ въ этихъ мѣстностяхъ, объясняется раздачею такъ-называемыхъ «королевщизнъ» бывшей польской шляхтѣ въ то время, когда западный край Россіи принадлежалъ Рѣчи-Посполитой. Королевщизны—были имѣнія, принадлежавшія коронѣ. Они были раздроблены на мелкіе участки, которые раздавались иногда въ пожизненное, а иногда и въ потомственное владѣніе шляхтичей, и потомъ дробились между ихъ обыкновенно многочисленнымъ потомствомъ. Кромѣ того, богатые магнаты, какъ, напримѣръ, Радзивиллы, давали служившимъ при нихъ шляхтичамъ небольшіе населенные участки; такія небольшія дачи мельчали еще болѣе при наслѣдственныхъ раздѣлахъ.

Изъ всѣхъ мѣстностей, бывшихъ подъ владѣніемъ Польши, образовались преимущественно огромныя магнатскія помѣстья на Волыни и въ Подоліи. Это объясняется тѣмъ, что польскіе магнаты, не встрѣчая здѣсь такого противодѣйствія со стороны шляхты, какое они встрѣчали въ другихъ областяхъ, а также и того недоброжелательства, которое имъ оказывали въ Малороссіи, старались пріобрѣтать имущества въ этихъ мѣстахъ. Такъ поступали князья Сангушко, Потоцкіе, Браницкіе, Чарторижскіе и другіе. Кромѣ того, на Волыни и въ Подоліи стали учреждать такъ-называемыя ординаціи—родъ майоратовъ, недопускавшій дробленія извѣстныхъ помѣстій, такъ что эти помѣстья, не мельчая постепенно, какъ другія, постоянно переходили отъ одного поколѣнія къ другому въ полномъ своемъ составѣ. Затѣмъ и здѣсь, кромѣ немногихъ магнатовъ, помѣстная шляхта принадлежала главнымъ образомъ къ мелкимъ землевладѣльцамъ.

Все это должно привести къ тому заключенію, что для большаго участія помѣстнаго дворянства въ дѣлахъ земства, а слѣдовательно и для призванія къ этимъ дѣламъ людей по преимуществу образованныхъ, гораздо удобнѣе было установлять низшій, нежели высшій размѣръ имущественнаго ценза. Историческія условія помѣстнаго доворянскаго владѣнія, и возникшія оттуда современныя условія такого рода владѣнія достаточно убѣждали законодателя въ томъ, что имущественная равноправность дворянства гораздо умѣстнѣе, нежели введеніе какихъ-либо постановленій, стѣсняющихъ выборное начало.

Сторонники высокаго поземельнаго ценза, какъ по отношенію его къ земству вообще, такъ и въ частности къ дворянству, въ подкрѣпленіе своихъ заявленій, указывали (а теперь, въ другомъ вопросѣ, но къ тому же направленному, указываютъ) прежде всего на Англію, какъ на образецъ, достойный подражанія по устройству нашихъ земскихъ дѣлъ; и вовторыхъ, опирались и опираются на тѣ личныя качества, которыя достаются въ удѣлъ человѣку, обладающему значительнымъ состояніемъ. Они выражали опасеніе, что при маломъ размѣрѣ имущественнаго ценза, общественныя дѣла попадутъ въ руки если не пролетаріата, которому терять нечего, то все-таки въ руки такихъ людей, которые будутъ равно-

Digitized by Google

душны къ общественнымъ дѣламъ, потому что ихъ особенныя дѣла, соприкасающіяся съ дѣлами общественными, не представляютъ для нихъ такой важности, какая бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣдываніе общественными интересами принимаютъ на себя люди, располагающіе значительною собственностію.

Противъ такихъ доводовъ, казавшихся въ глазахъ иныхъ весьма уважительными, говорилось многое.

Такъ, что касается Англіи, то, не говоря уже о томъ, что тамъ общественное устройство возникло вслѣдствіе историческаго хода дѣлъ и нѣкоторыхъ государственныхъ и династическихъ потрясеній, англійскій земскій строй для людей, неувлекающихся безусловно англоманіей, представляетъ много такихъ условій, съ которыми трудно примириться въ настоящее время. Тамъ слишкомъ замѣтно преобладаніе аристократическо-имущественнаго элемента надъ массой народа. Положимъ, что такой порядокъ разрушать по многимъ причинамъ въ Англіи неудобно, но за то и вводить его тамъ, гдѣ онъ чуждъ и народнымъ понятіямъ о дробимости наслѣдственныхъ имѣній, и потребностямъ экономическаго быта, было бы нетолько напрасно, но даже и нелѣпо.

Притомъ и въ настоящее время требованія реформы по избирательному праву въ Англіи, заявляемыя и на митингахъ, и въ журналистикѣ и въ палатахъ, нетолько нижней, но и верхней, показываютъ несостоятельность высокаго имущественнаго ценза въ самой Англіи, гдѣ, какъ извѣстно, народное представительство съ самыхъ отдаленныхъ временъ было постоянно соединено съ значительнымъ имущественнымъ цензомъ. Прельщаться отживающимъ порядкомъ дѣлъ, а тѣмъ болѣе силиться вводить его вновь на чужую для него почву — значитъ, нетолько создавать нашъ земскій бытъ на искуственныхъ началахъ, но и хвататься за то, что́ стали уже отвергать другіе, какъ несогласное съ современными потребностями общественнаго строя.

Указывая на тѣ личныя качества, которыми будто бы обусловливается корпорація, составленная на основаніи высокаго ценза, лица, его требующія, говорили, что такой цензъ обезпечиваетъ нетолько независимость общественныхъ дѣятелей, но и вліяетъ на выборъ въ общественныя должности болѣе способныхъ и болѣе честныхъ людей, не говоря уже о томъ, что выборные при высокомъ цензѣ люди имѣютъ болѣе досуга заниматься общественными дѣлами, такъ-какъ собственныя ихъ дѣла находятся въ хорошемъ положеніи.

Противники ихъ, не отвергая ни высшаго образованія, ни большей независимости людей, подходящихъ подъ высшій цензъ, съ своей стороны говорили, что достатокъ и даже огромное богатство не придаетъ человѣку нравственной независимости, потому что иногда недостаточный человѣкъ бываетъ менѣе податливъ постороннему вліянію, не говоря уже о личныхъ разсчетахъ или увлеченіяхъ, которыя одинаково могутъ склонять и богатаго и бѣднаго въ ту или другую сторону. Что касается образованія,

Digitized by Google

то внѣшній лоскъ, который дается людямъ, воспитывавшимся въ довольствѣ, не можетъ замѣнить простого, но вмѣстѣ съ тѣмъ основательнаго воспитанія, вдумчивости во многія стороны общественной жизни, и всего того, что приносятъ опытъ и встрѣча съ людьми изъ разныхъ слоевъ общества.

Видимое богатство, на которомъ основывается цензъ, не можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ матеріальнаго довольства человѣка, а слѣдовательно и ручательствомъ за тѣ качества, которыя, по мнѣнію иныхъ, составляютъ непремѣнное условіе такого довольства. Замѣчаніе это преимущественно относится къ нашему дворянству, гдѣ тароватость сплошь и рядомъ заняла и замѣняетъ богатство. Обремененіе дворянскихъ имѣній казенными и частными долгами очень хорошо показываетъ непрочность той основы, которая принимается за имущественный цензъ. Если свести у иного господина цѣнность имущества съ количествомъ долга, то весьма легко можетъ оказаться, что долги превышаютъ стоимость имущества, такъ что въ сущности такой, съ виду обезпеченный человѣкъ оказывается гораздо бѣднѣе, нежели тотъ, у кого состояніе съ виду не такъ большое, но за то на немъ не лежитъ неоплатныхъ долговъ.

Но, послѣ всѣхъ этихъ толковъ, наконецъ, открылись и земскія собранія. Законодатель не обратилъ никакого вниманія на исключительность людей высокаго ценза. Тогда поборники его измѣнили тактику, и стращая правительство излишнимъ демократизмомъ собраній, потребовали для себя иныхъ правъ.

Претензія крупныхъ землевладѣльцевъ, органомъ которыхъ называетъ себя одна забавная газета, на исключительное положеніе въ земскихъ собраніяхъ, какъ оказывается, не замолкла, а даже распространилась отъ своего центра къ оконечностямъ. Изъ Полтавы извѣщаютъ, что тамошніе крупные землевладѣльцы, вѣроятно начитавшись прежнихъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (теперь московская газета что-то прималчиваетъ объ этомъ вопросѣ), рѣшились добиваться права засѣдать въ земскихъ собраніяхъ не по избранію, а eo ipso, то-есть потому только, что они крупные землевладѣльцы. Фактъ, въ высшей степени мало говорящій въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ. Крупные землевладѣльцы не поняли, очевидно, ни своихъ средствъ, ни своего положенія. Засѣданіе въ земскихъ собраніяхъ съ исключительными правами не даетъ имъ никакой силы, еслибы даже имъ удалось соединить подъ своимъ знаменемъ большинство собраній; и большинство собраній не будетъ имѣть никакой нравственной силы, если за нимъ не будетъ стоять нравственная сила всего земства, а только поземельная сила нѣсколькихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Крупные землевладѣльцы могутъ пріобрѣсти большое вліяніе въ дѣлахъ земства только такимъ путемъ, если они съ самымъ строгимъ соблюденіемъ формальной и внутренней справедливости, сольютъ свои интересы съ интересами всего земства, если они такимъ образомъ пріобрѣтутъ довѣріе остальныхъ клас-

Digitized by Google

совъ общества. Наши публицисты забываютъ одно важное условіе, что до сихъ поръ дворянство служило *государству*, теперь же оно призывается быть представителемъ *общества*. Но почему же исключительное право на это имѣютъ крупные, а не средніе землевладѣльцы? Послѣдніе, по крайней-мѣрѣ, всегда жили въ средѣ земства. У насъ въ большинствѣ народонаселенія нѣтъ сословнаго антагонизма; доказательство въ томъ, что уже на первыхъ порахъ во многихъ мѣстностяхъ, напримѣръ, представители крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ принадлежатъ не къ крестьянскому сословію, а или къ дворянству, или къ духовенству. Во многихъ мѣстностяхъ, при выборѣ въ гласные и даже въ члены управъ, землевладѣльцы разныхъ сословій подавали избирательные голоса въ пользу людей, принадлежащихъ ко всѣмъ возможнымъ сословіямъ: дворяне подавали голоса въ пользу духовенства, горожанъ и крестьянъ, и наоборотъ. Такимъ образомъ и произошло, что многія уѣздныя и губернскія управы содержатъ въ числѣ своихъ членовъ нетолько дворянъ, но и купцовъ и даже крестьянъ. Все это показываетъ, что у насъ нѣтъ этой сословной исключительности, которая была бы въ состояніи поставить сословія одно противъ другаго, сдѣлать изъ земскихъ собраній не мѣсто общихъ трудовъ на пользу страны, а поле битвы между представителями разныхъ сословій. Это отсутствіе сословной исключительности и дало бы возможность владѣльцамъ значительной собственности пріобрѣсти вліяніе въ земскихъ собраніяхъ; ихъ матеріальныя средства, ихъ образованіе, пріобрѣтаемое съ помощію тѣхъ же матеріальныхъ средствъ, наконецъ ихъ досугъ, могли бы дать имъ возможность потрудиться съ пользою для дѣла страны. Дѣло это, правда, скромное, неблестящее, но все-таки важное. И польза, принесенная ими общему дѣлу, несомнѣнно обратила бы къ нимъ довѣріе всего земства, такъ что не пользуясь никакими исключительными правами, они фактически сдѣлались бы представителями всего земства, его руководителями и попечителями. Такъ пріобрѣла свое вліяніе англійская аристократія; такъ лордъ Пальмерстонъ почти сорокъ лѣтъ былъ въ главѣ англійскаго правительства. Этимъ онъ былъ обязанъ не тому, что имѣлъ титулъ лорда и виконта, или не тому, что онъ былъ крупнымъ землевладѣльцемъ. Большое состояніе и хорошее положеніе въ обществѣ дали ему возможность получить отличное образованіе и воспитаніе, потомъ дали ему возможность не отстать отъ кого нибудь въ знаніи и пониманіи интересовъ страны, потомъ они же дали ему возможность посвятить все свое время не на добываніе куска хлѣба, а на службу странѣ; все это и привело его къ тому положенію, котораго никто не смѣлъ у него оспаривать еще задолго до его смерти. Въ Англіи есть много титулованныхъ господъ, которые безъ всякаго выбора засѣдаютъ не въ какихъ нибудь мѣстныхъ собраніяхъ, а въ центральномъ законодательномъ мѣстѣ всей страны, въ верхнемъ парламентѣ; а кто ихъ знаетъ, этихъ прирожденныхъ

Digitized by Google

засѣдателей парламента, и что онъ сдѣлали? Напротивъ, не съумѣли ли вліятельные люди, какъ сэръ Робертъ Пиль или тотъ же Пальмерстонъ, провести въ практику многія важнѣйшія мѣры вопреки имъ?

Наши гласные и негласные органы крупныхъ землевладѣльцевъ, доказывавшіе прежде необходимость высшаго ценза, теперь доказываютъ необходимость для крупныхъ землевладѣльцевъ право засѣдать въ земскихъ собраніяхъ «eo ipso». «Несправедливо будетъ—говорятъ они—если экономическія средства страны достанутся въ распоряженіе такихъ людей, которые сами владѣютъ этими средствами въ незначительной степени. Владѣя сами небольшимъ, они потеряютъ немного въ случаѣ какихъ-нибудь непрактическихъ или безполезныхъ тратъ; а между тѣмъ крупный землевладѣлецъ потеряетъ много; и эта потеря произойдетъ такимъ образомъ, что онъ, не засѣдая въ земскомъ собраніи, не будетъ имѣть возможности противодѣйствовать ей. И очень легко предположить, что люди, которые могутъ много потерять, не будутъ бережливы въ употребленіи экономическихъ средствъ, принадлежащихъ странѣ, не будутъ строго соображать отношеніе между средствами и результатами, такъ что результаты не будутъ равняться средствамъ, употребленнымъ для достиженія ихъ.» Эти разсужденія были бы справедливы, еслибы не богатство существовало для человѣка, а человѣкъ для богатства, еслибы въ человѣческихъ обществахъ главную роль игралъ не человѣкъ, а неодушевленные предметы, собранные вмѣстѣ въ видѣ капитала, и еслибы тотъ же капиталъ, а не самъ человѣкъ былъ цѣлью учрежденія самаго общества Но въ дѣйствительности это не такъ: капиталъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, имѣетъ значеніе не самъ по себѣ, а потому что онъ принадлежитъ человѣку, служитъ къ удовлетворенію его потребностей. Въ нѣдрахъ земли и на поверхности ея есть еще множество вещей, полезныхъ in potentia, и если соединить ихъ въ группы, то образовались бы громаднѣйшіе капиталы, такіе, которые превзошли бы всѣ состоянія, когда либо существовавшія. Но дѣло въ томъ, что они не имѣютъ никакого отношенія къ человѣку; а тамъ, гдѣ капиталъ имѣетъ отношеніе къ человѣку, гдѣ онъ принадлежитъ ему, тамъ всякій капиталъ, всякое состояніе имѣетъ одинаковое значеніе для своего владѣльца. Крупный землевладѣлецъ, конечно, потеряетъ больше, въ случаѣ, если земскія собранія будутъ небережливо распоряжаться земскими средствами, потому что ему во всякомъ случаѣ придется платить больше, такъ-какъ траты земства будутъ пропорціональны имуществу каждаго. Но будетъ ли эта потеря для него больше чувствительна, нежели для мелкаго землевладѣльца? Очевидно, не будетъ. Напротивъ, для мелкаго землевладѣльца, для человѣка съ ограниченными средствами, и незначительная потеря будетъ чувствительнѣе. Человѣкъ, получающій 50 тысячъ дохода, не чувствуетъ убытку, если онъ почему-нибудь потеряетъ 2% своего дохода, то-есть если у него оста-

Digitized by Google

нется, вмѣсто 50 тысячъ, только 49; но мелкій землевладѣлецъ, какой-нибудь помѣщикъ, получающій одну тысячу рублей дохода, почувствуетъ очень сильно, если потеряетъ тѣ же 2%, составляющіе 20 рублей; потеря этихъ 20 рублей для него будетъ значить то, что онъ долженъ будетъ отказать себѣ въ чемъ-нибудь необходимомъ, потому что прихотей онъ и безъ того не имѣетъ, и безъ того онъ едва сводитъ концы съ концами, и безъ того, при порядочномъ семействѣ, онъ не въ состояніи заплатить за воспитаніе дѣтей и даже одѣть ихъ приличнымъ образомъ. Отсюда прямое слѣдствіе, что несмотря на столь значительную абсолютную разницу въ той и другой потерѣ, мы все-таки вправѣ ожидать большей бережливости со стороны мелкаго землевладѣльца, нежели со стороны крупнаго. Въ этомъ мы убѣдимся еще больше, если взглянемъ на времена недавно прошедшія. Мы хорошо знаемъ относительную бережливость различныхъ классовъ нашего общества и, безъ сомнѣнія, никто не станетъ утверждать, чтобъ наши крупные землевладѣльцы когда-нибудь отличались бережливостью, точно также какъ сыновья не въ мѣру разбогатѣвшихъ купцовъ; напротивъ, стоитъ только прочитать послѣднія публикаціи о продажѣ имѣній съ аукціона, чтобъ убѣдиться вполнѣ въ томъ, что мы утверждаемъ. Между продаваемыми имѣніями весьма значительный процентъ составляютъ крупныя имѣнія; и разореніе ихъ владѣльцевъ можетъ имѣть только одинъ источникъ—отсутствіе бережливости, плохой экономическій порядокъ въ веденіи дѣлъ. Тутъ нельзя извинять владѣльца тѣмъ, что скудость средствъ ставила его вообще въ дурное экономическое положеніе, усиленное потомъ эманципаціею. Бѣдные помѣщики, тѣ, которые раньше эманципаціи съ трудомъ сводили концы съ концами, и помѣщики средняго достатка дѣйствительно могутъ ссылаться на обстоятельства, отъ нихъ независѣвшія, а крупные землевладѣльцы могли стать выше этихъ обстоятельствъ; и если обстоятельства увлекли ихъ своимъ теченіемъ, то они сами виноваты, что несъумѣли взять надъ ними верхъ.

Такіе антецеденты дѣлаютъ еще болѣе странною претензію крупныхъ землевладѣльцевъ на исключительное положеніе въ земскихъ собраніяхъ, на особенныя права въ руководствѣ дѣлъ всего земства. Эти права нужно прежде заслужить передъ *обществомъ*, какъ въ былыя времена дворянство выслуживало свои права передъ *государствомъ*, передъ верховною властію. Эта претензія будетъ имѣть только одинъ результатъ: она оттолкнетъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ другіе классы общества, поставитъ ихъ въ уединеніе, въ такое положеніе, въ которомъ, напримѣръ, теперь находится нѣмецкое Ritterschaft, незахотѣвшее дѣлать никакихъ уступокъ справедливымъ требованіямъ времени. Въ то время, какъ англійское дворянство, идя рука объ руку со всѣмъ народомъ, до сихъ поръ сохраняетъ наиболѣе блестящее положеніе, которому нѣтъ нигдѣ ничего подобнаго — нѣмецкое

Digitized by Google

дворянство, образующее разные герренгаузы, служитъ только помѣхою общественному движенію.

Между тѣмъ въ средѣ земскихъ собраній былъ обсуждаемъ вопросъ, въ рѣшеніи котораго крупные землевладѣльцы могли бы принять самое почетное и полезное участіе. Но, быть можетъ, благодаря этому самому уединенному положенію ихъ, благодаря тому, что они не постарались пріобрѣсти на свою сторону симпатіи другихъ классовъ, вопросъ въ большинствѣ случаевъ рѣшенъ неудовлетворительно. Мы говоримъ о жалованьѣ членамъ управъ и о содержаніи ихъ канцелярій. Губернскія и уѣздныя земскія управы составляютъ учрежденіе совершенно новое, и потому средства, необходимыя для ихъ содержанія, упадутъ на земство новою тяжестью. Стало быть, необходимо позаботиться о томъ, чтобы тягость эта была по возможности менѣе чувствительна для народа, менѣе значительна сама по себѣ.

Съ этою цѣлью предлагали даже, чтобы члены земскихъ управъ служили земству безмездно. Въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ были горячіе споры объ этомъ; но, сколько намъ извѣстно, вездѣ пришли къ постановленію, вслѣдствіе котораго служба членовъ земскихъ управъ будетъ вознаграждена жалованьемъ. Количество жалованья, въ различныхъ мѣстностяхъ, собраніями опредѣлено весьма различное: предсѣдателямъ управъ отъ 900 до 2,500 рублей, членамъ—отъ 500 до 1,500 рублей, да кромѣ того на содержаніе канцеляріи управы и другіе расходы отъ 2,000 до 3,000 и даже до 4,000 рублей. Вообще расходы по содержанію управъ предполагаются весьма различные. Самую бо́льшую умѣренность показало рязанское уѣздное собраніе: оно назначило предсѣдателю своей управы 900 р., тремъ членамъ по 500 и на содержаніе канцеляріи и другіе расходы 1,500 рублей, такъ что выходитъ меньше 4,000 рублей. Другія земскія собранія не были такъ бережливы, и довели всю сумму расходовъ по своимъ управамъ до 9,000 рублей.

Если мы сравнимъ эти цифры не отдѣльно взятыя, а въ той суммѣ, которой онѣ достигнутъ для цѣлой губерніи, то разница между ними окажется очень чувствительною. Возьмемъ какую-нибудь губернію съ среднимъ числомъ уѣздовъ; такимъ числомъ у насъ будетъ 10 (Есть губерніи, имѣющія до 15 уѣздовъ, другія имѣтъ 7, 8 и 9). Если одна уѣздная управа обходится своему уѣзду 4,000 рублей, то десять управъ будутъ стоить 40,000 рублей. Пусть губернская управа стоитъ вдвое больше, тогда всѣ управы вмѣстѣ обойдутся земству въ 48,000 рублей. А на основаніи того же самаго счета, при стоимости одной уѣздной управы въ 9,000 рублей, стоимость всѣхъ управъ въ цѣлой губерніи будетъ 108,000 рублей. Разница между тою и другою суммою 60,000 рублей—цифра очень почтенная для одной губерніи. Если эту сумму, вмѣсто того, чтобы тратить на содержаніе управъ, употребить на удовлетвореніе какихъ-нибудь земскихъ потребностей, то на нее можно многое сдѣлать, можно

Digitized by Google

исправить много недостатковъ въ земскомъ хозяйствѣ. И очевидно, если есть возможность сберечь эту сумму для потребностей земства, то и слѣдуетъ объ этомъ позаботиться. Но тутъ бережливость встрѣчается съ необходимостью вознаградить по справедливости людей, посвящающихъ свое время и трудъ земству. Столкновеніе этой необходимости съ требованіями бережливости и возбуждало жаркіе споры почти во всѣхъ земскихъ собраніяхъ. И разумѣется, въ рѣшеніи спора, каждый членъ собранія сообразовался съ своими собственными потребностями и съ своими понятіями о способѣ вознагражденія за земскую службу. Но, такъ-какъ въ составѣ собраній находятся всѣ сословія на лицо, то и рѣшенія были чрезвычайно разнообразны. Мы не говоримъ о томъ разнообразіи, на которое мы указали выше, нѣтъ, это разнообразіе уже перешло въ фактъ; а гораздо больше разнообразія было въ проектахъ, неперешедшихъ въ область дѣйствительности. Такъ въ рязанскомъ уѣздномъ собраніи одни предлагали назначить предсѣдателю 2,000 руб. и членамъ по 1,200 р., а другіе—предсѣдателю только 300 рублей, а членамъ по 100. Очевидно, эти умѣреннѣйшіе члены принадлежали къ болѣе скромнымъ классамъ общества, а болѣе щедрые—къ богатымъ и образованнымъ классамъ. Кто мѣшалъ въ этомъ случаѣ крупнымъ землевладѣльцамъ повернуть дѣло въ свою пользу и предложить безвозмездную службу? Въ Воронежѣ, какъ пишетъ корреспондентъ одной газеты, «крестьяне стояли за умѣренное жалованье, дворяне настаивали на *приличномъ* вознагражденіи, въ горячности спора слышались такія восклицанія: «вы хотите за грошъ купить дѣльнаго человѣка». Доказывалось, что предсѣдатель есть нѣкоторымъ образомъ начальникъ, представитель земства, поэтому-де ему нужно и принять у себя, и чаемъ напоить того или другого, ergo, и жалованья ему надо больше. Не говоря уже о совершенно ложныхъ доказательствахъ во всей этой аргументаціи—о томъ, что предсѣдатель управы будто бы есть начальникъ земства, или что за грошъ нельзя купить дѣльнаго человѣка, а за два гроша можно — намъ кажется, что при щедромъ назначеніи жалованья была общая мысль, ложная въ своемъ основаніи. Назначая предсѣдателю двѣ или полторы тысячи рублей, очевидно хотѣли его сравнять съ другими важнѣйшими лицами уѣзднаго управленія, напримѣръ, съ нынѣшнимъ уѣзднымъ исправникомъ. Намъ кажется, что должности по земской службѣ нельзя равнять вообще съ должностями по службѣ государственной. Лица, ищущія службы государственной, въ экономическомъ отношеніи стоятъ совершенно въ другомъ положеніи: они, кромѣ средствъ, получаемыхъ отъ службы, никакихъ другихъ для жизни не имѣютъ, и потому служба для нихъ необходимость; безъ службы они жить не могутъ; служба составляетъ цѣль всей ихъ дѣятельности до тѣхъ поръ, пока они не выслужатъ себѣ пенсіи. Притомъ они служатъ обыкновенно вдали отъ мѣста своей родины, вообще, гдѣ придется. Не таково положеніе лицъ,

Digitized by Google

служащихъ по земству: они непремѣнно должны принадлежать къ мѣстнымъ жителямъ, и жить земскою службою они не могутъ, потому что они выбираются на сроки, и притомъ весьма непродолжительные. Стало быть, они должны имѣть свои собственныя средства для жизни, на эти средства они живутъ не будучи въ земской службѣ, на эти же средства они должны жить и находясь на земской службѣ; въ противномъ случаѣ, въ ихъ экономическомъ состояніи должна происходить весьма плачевная пертурбація. А жалованье отъ земства должно быть для нихъ только прибавкою къ ихъ собственнымъ доходамъ, соразмѣрно увеличенію ихъ расходовъ. Такъ какой-нибудь уѣздный землевладѣлецъ, дѣлаясь членомъ управы, долженъ нанять въ городѣ квартиру; эта квартира и должна быть ему оплачена земствомъ; самое содержаніе его также должно увеличиться, это также должно быть оплачено. Изъ этихъ элементовъ и должно составиться его жалованье. Очевидно, въ такомъ случаѣ оно не должно быть велико для члена уѣздной управы, потому что и квартира въ уѣздномъ городѣ не можетъ быть дорога и содержаніе немногимъ дороже того, во что оно обходится въ деревнѣ. Разумѣется, если платить какому-нибудь богатому человѣку такую сумму, въ какую самъ онъ оцѣнитъ свою потерю времени, свои упущенія по хозяйству, то плата выйдетъ очень велика; иногда подобный богатый землевладѣлецъ, избранный членомъ управы, найметъ вмѣсто себя дорогого управляющаго для имѣнія, а въ городѣ найдетъ для себя самый лучшій домъ или даже, за недостаткомъ хорошихъ домовъ, построитъ себѣ новый—этихъ издержекъ земство оплачивать не можетъ. Само собою разумѣется, что въ земской службѣ, какъ службѣ выборной, главная плата за трудъ и за издержки состоитъ въ почетѣ, которымъ представители земства по справедливости будутъ пользоваться, не говоря уже о внутреннемъ удовлетвореніи добраго гражданина, получающаго возможность быть не на словахъ, а на дѣлѣ полезнымъ своей странѣ. Но почетное положеніе членовъ земской управы нисколько не требуетъ, чтобъ они окружали себя роскошною внѣшнею обстановкою. Подобныя понятія когда-то существовали у насъ вездѣ, и, какъ видно, еще и теперь господствуютъ кое гдѣ, но можно надѣяться, что сила вещей возьметъ свое.

Изъ всего сказаннаго читатель видитъ, что у насъ въ средѣ дворянства есть малая частица, которая хотѣла бы стать выше своего сословія; что объ этомъ она толковала и толкуетъ, но на дѣлѣ еще она не выступила, какъ практическая партія; она для общества не заявила себя никакимъ дѣломъ, ей исключительно принадлежащимъ.—Да и трудно игнорировать нашу исторію и ея почтенныя преданія, а въ этихъ преданіяхъ играетъ роль *все* дворянство, а не одна какая-либо его часть.

Digitized by Google

ИНТЕРЕСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ НА ЗАПАДѢ

Современное состояніе геологіи, Фридриха Мора.—Сердце и мозгъ, Джорджа Льюиса.

Геологія находится въ переходномъ состояніи. Въ ней существуютъ два противоположныя направленія: плутоническое и нептуническое. Эти слова, заимствованныя изъ миѳологическаго міра, отъ именъ боговъ огня и воды, ясно намекаютъ на отличительныя свойства обѣихъ теорій. Послѣдователи первой, плутонисты, во главѣ которыхъ стояли Леопольдъ Бухъ и Александръ Гумбольдтъ, предполагаютъ, что центральное ядро земного шара состоитъ изъ огнежидкой массы. Ипотеза ихъ основывается на возвышеніи температуры по мѣрѣ углубленія во внутрь земли. Изслѣдованія Рейха въ саксонскихъ рудникахъ и наблюденія, произведенныя въ артезіанскихъ колодцахъ, доказываютъ, что теплота увеличивается однимъ градусомъ, по термометру Цельсія, на каждые 129 футовъ отвѣсной глубины. Отсюда выведено заключеніе, что на разстояніи 103,200 ф. отъ поверхности земли внутренняя температура ея должна достигать 800° Ц., при которыхъ плавится базальтъ, а на глубинѣ 154,800 ф. подземный жаръ долженъ обращать гранитъ въ жидкую массу. Слѣдовательно, внутри земного шара, экваторіальный полупоперечникъ котораго имѣетъ 859.48 географическихъ миль, жаръ долженъ быть невообразимо силенъ, и потому твердыхъ тѣлъ не можетъ быть тамъ. Процесъ охлажденія этой огнежидкой массы начался, безъ сомнѣнія, съ самыхъ верхнихъ слоевъ ея, при чемъ сгустившіеся пары обратились въ воду, которая стала скопляться на отвердѣвшей поверхности и способствовать ея преобразованіямъ. Постепенно и медленно утолщавшаяся кора земли не могла сначала сдерживать напора находившихся подъ нею паровъ и газовъ. Уступая ихъ давленію, она измѣняла свою форму. Отсюда произошли на ней подъемы и опуски, то-есть, горы, плоскія возвышенности, долины и углубленія, занятыя морями. Напоръ паровъ выдвинулъ тѣ мѣста земной коры, которыя могли наименѣе противиться ему. Такимъ образомъ явились горные хребты. Самый высокій изъ нихъ, Гималайскій, доходитъ въ нѣкоторыхъ точкахъ до $1^1/_4$ мили высоты, тогда какъ отвердѣвшая кора не тоньше 6 миль въ настоящее время. Изъ этого видно, что ее справедливо сравниваютъ со скорлупою яйца, испещреннаго незначительными неровностями. Пары и огнежидкія массы, двинутыя ими, наполнивъ трещины и жилы горныхъ породъ, способствовали ихъ метаморфозѣ или превращенію. Дѣйствующіе теперь вулканы не могутъ дать самаго слабаго понятія о

Digitized by Google

томъ могучемъ проявленіи подземныхъ силъ, которому подвергалась земля въ ранній періодъ своего существованія.

Этой теоріи, несмотря на множество обнаруженныхъ въ ней недостатковъ, придерживаются отчасти извѣстнѣйшіе изъ современныхъ геологовъ. Они не сочувствуютъ слишкомъ одностороннему направленію новой геологіи и ждутъ примиренія обѣихъ системъ, на сколько, безъ сомнѣнія, могутъ быть соглашены онѣ. Г. Фохтъ говоритъ въ своей геологіи: «До сихъ поръ мы держались господствующихъ еще и теперь въ кругу большинства геологовъ понятій... Положенія двухъ противоположныхъ теорій такъ рѣзко противорѣчатъ другъ другу, что примиреніе ихъ сомнительно. Однакоже нельзя предполагать, чтобы оно было невозможно... Землетрясенія могутъ происходить, какъ отъ вулканическихъ изверженій, такъ и отъ обвала пластовъ. Также очевидно, что превращеніе жильныхъ массъ дѣйствіемъ просачивающихся въ нихъ водъ нисколько не противорѣчитъ тому, что эти породы, наполняющія собою трещины, могли быть, какъ и вулканическія массы, первоначально *выдвинуты* изъ глубины—словомъ, здѣсь, какъ и во многихъ отрасляхъ естествознанія, необходимо точное изслѣдованіе каждаго частнаго случая, а не общее примѣненіе абсолютныхъ теорій» (Руководство къ геологіи К. Фохта. Русскій переводъ. Стр. 500—503).

Положительныя открытія и широкія ипотезы новой теоріи, которая называется теперь *химическою*, довольно подробно изложены въ статьѣ Фридриха Мора «О современномъ состояніи геологіи» (послѣдняя книжка журнала «Deutsche Vierteljahrs-Schrift»). Авторъ говоритъ, что г. Фухсъ одинъ изъ первыхъ отвергъ мысль объ образованіи гранита огненнымъ путемъ. Потомъ професоръ боннскаго университета Густавъ Бишофъ, бывшій прежде плутонистомъ, рѣшительно измѣнилъ взглядъ на образованіе нашей планеты вслѣдствіе химическаго анализа минераловъ. Особенно же замѣчательны по этой части труды Отто Фольгера, который послѣ многихъ отдѣльныхъ трактатовъ издалъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, два полныя сочиненія «Земля и Вѣчность» и «Книга Земли», гдѣ развилъ онъ новый взглядъ на всю исторію образованія земного шара.

Новая или химическая геологія представляетъ въ опроверженіе началъ плутонизма слѣдующіе положительные факты. Гранитъ состоитъ изъ кварца, полевого шпата и слюды. Такъ-какъ первый изъ этихъ минераловъ менѣе плавокъ, то, слѣдовательно, онъ и отвердѣть долженъ бы прежде при постепенномъ пониженіи температуры въ верхнихъ слояхъ огнежидкой массы. Между тѣмъ взаимное соединеніе, въ которомъ находятся кварцъ и полевой шпатъ, показываетъ, что послѣдній минералъ остылъ и окрѣпъ ранѣе. Далѣе—внутри кварца находится около восьмидесяти минераловъ болѣе плавкихъ, нежели чистый кварцъ или кремнеземъ. Эти вполнѣ сформированныя вкрапленія должны были образоваться и отвердѣть прежде кварца, для того чтобы войдти внутрь его, чего, ко-

Digitized by Google

нечно, не могло бы случиться, еслибы земная кора образовалась огненнымъ путемъ, потому что огнежидкая масса, застывая постепенно по мѣрѣ пониженія температуры на всей ея поверхности, должна была бы удерживать болѣе долгое время въ расплавленномъ состояніи тѣ составныя части свои, которыя плавятся сравнительно при низшихъ градусахъ теплоты. Непонятно также, на чемъ покоился расплавленный кварцъ. Поддерживать его могли бы только известь, глиноземъ, желѣзная окись и другія подобныя имъ тѣла. Но, вопервыхъ, онъ соединяется съ ними химически, и, вовторыхъ, желѣзный блескъ (минералъ, Eisenglanz) находится внутри прозрачнаго кварца, ни сколько несоединенный съ нимъ химически.

Полевой шпатъ представляетъ такія же противорѣчія огнежидкому состоянію земли. Въ немъ часто находятся минералы низшей сравнительно съ нимъ плавимости: эпидотъ, гранатъ и турмалинъ, качества которыхъ измѣняются отъ дѣйствія огня, чего однакоже не видно въ нихъ. Онъ часто лежитъ на прозрачномъ известковомъ шпатѣ, который, стало быть, образовался ранѣе. Но отдѣливъ ихъ другъ отъ друга, можно видѣть на полевомъ шпатѣ тончайшіе отпечатки неровностей послѣдняго минерала, который однакоже, при соприкосновеніи съ раскаленнымъ тѣломъ, трещитъ и раскалывается на множество частей. Полевой шпатъ находится между обломками песчаника, лежащаго на большихъ каменноугольныхъ пластахъ Саксоніи. Нельзя предполагать, чтобы огонь поддерживалъ его въ расплавленномъ состояніи, дѣйствуя снизу сквозь песчаникъ. Извѣстныя свойства кремнезема поясняютъ еще болѣе вопросъ объ образованіи земли не огненнымъ, но мокрымъ путемъ. Въ чистѣйшей формѣ своей кремнеземъ является горнымъ хрусталемъ. Въ этомъ состояніи высшій удѣльный вѣсъ его около 2.65. Качества: значительная твердость, поляризованіе свѣта и упорная нерастворимость въ кипящемъ углекисломъ натрѣ. Другой видъ кремнезема имѣетъ только 2.2 удѣльнаго вѣсу; онъ менѣе твердъ, слабѣе поляризуетъ свѣтъ и удобнѣе растворяется. Такой кремнеземъ находятъ въ опалѣ, стеклѣ, въ шлакахъ доменныхъ печей и въ лавѣ. Первый видъ его называется кристаллическимъ, второй — аморфнымъ, то-есть неимѣющимъ никакого правильнаго строенія и похожимъ на стеклянную массу. Кристаллическій кремнеземъ, вслѣдствіе продолжительнаго каленія, или будучи расплавленъ, переходитъ въ аморфный. Это чудное свойство, незамѣченное до сихъ поръ ни въ одномъ изъ другихъ минераловъ, стало ключомъ къ объясненію всѣхъ кристаллическихъ и вулканическихъ образованій. Расплавленный горный хрусталь переходитъ изъ *объема* $2._2$ въ объемъ $2._{65}$, то-есть удѣльный вѣсъ его уменьшается на $0._{45}$, причемъ онъ значительно теряетъ твердость свою, оказываетъ меньшее сопротивленіе растворяющимъ кислотамъ и относится къ свѣту, какъ стекло. Слѣдовательно, нѣтъ никакой возможности объяснить образованіе кристаллическихъ кремнеземовъ огненнымъ путемъ. Также удѣльный вѣсъ, твердость и химическое сопротивле-

Digitized by Google

ніе граната, эпидота, идокраса, эгерана, аксинита и турмалина, значительно уменьшаются, когда остынутъ они послѣ того, какъ расплавятъ ихъ. Очевидно, что, теряя отъ огня свои существенныя свойства и особенно кристалическое строеніе, они не могли образоваться изъ расплавленной массы. Такъ-какъ изъ всѣхъ элементовъ, входящихъ въ составъ минераловъ, расширяется вслѣдствіе плавки одинъ кремнеземъ, то, стало быть, уменьшеніе удѣльнаго вѣса при увеличеніи объема возможно только въ минералахъ, которые содержатъ его, причемъ о способѣ отвердѣнія кремнезема можно заключать по уменьшенію удѣльнаго вѣса ихъ. Дознано опытомъ, что плавленные силикаты или кремнеземы, какъ, напримѣръ, стекло, шлаки доменныхъ печей, обсидіанъ, пемза и лава, раскаляясь, нисколько не теряютъ своего удѣльнаго вѣса. Слѣдовательно, тѣ минералы, удѣльный вѣсъ которыхъ при плавкѣ уменьшается, содержатъ кремнеземъ въ плотномъ состояніи и дѣйствію огня не подвергались. Такимъ образомъ, подъ рукою у спеціалистовъ находится средство для рѣшенія вопроса: могъ, или нѣтъ данный минералъ образоваться огненнымъ путемъ? Если расширяется онъ, при чемъ долженъ, разумѣется, уменьшаться удѣльный вѣсъ его, то отвѣтъ будетъ отрицательный. Еслиже не обнаруживается въ немъ расширенія отъ дѣйствія огня, въ такомъ случаѣ могъ онъ образоваться и огненнымъ путемъ, или по крайней мѣрѣ достигнуть крайнихъ предѣловъ расширенія вслѣдствіе позднѣйшаго на него вліянія высшей температуры, какъ, напримѣръ, видѣнъ этотъ фактъ въ лавѣ.

Найдти утрату удѣльнаго вѣса нетрудно. Для этого стоитъ только сравнить тяжесть равнаго объема одного и того же минерала прежде и послѣ его раскаливанія Прибавя эту потерю вѣса къ низшему удѣльному вѣсу кремнезема $2._2$, можно узнать положительно, какова плотность его въ минералѣ. Вотъ добытые опытомъ результаты:

Наименованія.	Потеря уд. вѣса вслѣдствіе плавки.	Плотность кремнезема въ минералѣ.
1) Опалъ, стекло, шлаки, лава	0	$2._2$
2) Эпидотъ	$0._{131}$	$2._{331}$
3) Лабрадоръ	$0._{1639}$	$2._{3639}$
4) Полевой шпатъ	$0._{210}$	$2._{410}$
5) Роговая обманка	$9._{3903}$	$2._{5903}$
6) Горный хрусталь	$0._{451}$	$2._{651}$
7) Авгитъ	$0._{4612}$	$2._{6612}$
8) Идокрасъ	$0._{485}$	$2._{685}$
9) Перидотъ	$0._{5296}$	$2._{7296}$
10) Гранатъ	$0._{680}$	$2._{880}$

Существуетъ, безъ сомнѣнія, много другихъ плотностей кремнезема, и этимъ обстоятельствомъ объясняется отчасти чрезвычайное разнообразіе кристалическихъ формъ. Идокрасъ устроенъ совершенно сходно съ гранатомъ, но онъ мягче и притомъ теряетъ меньше удѣльнаго вѣсу. Гранатъ, содержащій въ себѣ са-

Digitized by Google

мый плотный кремнеземъ, чертитъ горный христаль; идокрасъ чертитъ полевой шпатъ и въ свою очередь чертится топазомъ и даже нѣсколько сомнительно кварцемъ; эпидотъ чертитъ роговую обманку, она—шлаки доменныхъ печей, словомъ—твердость идетъ почти мѣрнымъ шагомъ съ плотностью кремнезема и химическимъ сопротивленіемъ. Отсюда выводятся слѣдующія заключенія: всѣ минералы, стоящіе по своему соединенію ниже моносиликатовъ, будучи раскалены, растворяются въ кислотахъ, когда остынутъ они; или: всѣ минералы, удѣльный вѣсъ которыхъ уменьшается вслѣдствіе дѣйствія на нихъ огня, содержатъ, неподверженные этому дѣйствію, плотный кремнеземъ и, слѣдовательно, сильный огонь еще не касался ихъ; или: всѣ минералы, легче растворяемые кислотами послѣ плавленія ихъ, теряютъ отчасти удѣльный вѣсъ свой и химическое сопротивленіе. Эти три предложенія тождественны, и каждое изъ трехъ помянутыхъ качествъ можетъ быть принято за неопредѣленную величину и опредѣлиться двумя остальными.

Глиноземъ, желѣзная, хромовая и другія окиси, будучи подвержены калильному жару, становятся упорнѣе въ химическомъ отношеніи и получаютъ высшій удѣльный вѣсъ. Если соединены они съ кремнеземомъ, какъ, напримѣръ, въ глинѣ, или каолинѣ, то процесъ раскаливанія сообщаетъ имъ особыя свойства. Прежде всего кремнеземъ становится аморфнымъ, а слабо раскаленная глина легче растворяется въ сѣрной кислотѣ, нежели простая глина, неподвергавшаяся вліянію огня. Чѣмъ сильнѣе раскаляется она, тѣмъ болѣе увеличивается взаимное сцѣпленіе частицъ ея, отчего возстановляется утраченное химическое сопротивленіе и уменьшается растворимость. Опыты Броньяра и Густава Розе доказали, что удѣльный вѣсъ фарфора, подверженнаго дѣйствію сильнѣйшаго огня, уменьшается и вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшній объемъ его становится тоже меньше. Морщиноватое сжиманіе фарфора объясняется исчезновеніемъ пустыхъ ячеекъ, при начинающемся его плавленіи. Убавка удѣльнаго вѣса есть слѣдствіе постепеннаго перехода кристалическаго кремнезема или кремневой кислоты отъ $2._{65}$ къ $2._{2}$ этого вѣса. Слѣдовательно, глина и каолинъ, равно какъ полевой шпатъ, не были прежде раскалены. Науманъ говоритъ въ своей геогнозіи, что базальтовыя лавы и базальты были тождественны, хотя въ первыхъ никогда нѣтъ воды, а въ послѣднихъ почти всегда есть она. Также трахитовыя лавы и трахитъ были одинаковы, хотя въ первыхъ никогда не содержится свободнаго кремнезема, а во второмъ почти всегда находится онъ. Это противорѣчіе разрѣшается очень просто. Содержащіе воду базальты суть минералы естественнаго, мокраго образованія, лавы же — расплавленные базальты, утратившіе воду. Въ естественныхъ трахитахъ можетъ находиться кварцъ; но въ обсидіанѣ, пемзѣ и трахитовыхъ лавахъ нѣтъ свободнаго кварца, потому что онъ былъ расплавленъ въ нихъ. Отсюда вытекаетъ прямое заключеніе, что вулканическое дѣйствіе есть не первоначальная причина

Digitized by Google

образованія минеральныхъ тѣлъ, но позднѣйшее, случайное измѣненіе ихъ посредствомъ огня. Такъ-какъ всѣ лавы и шлаки, будучи продуктами вулканическихъ изверженій, утратили нѣкоторую часть своего удѣльнаго вѣса, тогда какъ естественные однородные съ ними минералы, изъ которыхъ не испарилась вода, не потерпѣли такой утраты, то этотъ фактъ доказываетъ ясно, что минеральныя тѣла образовались первоначально мокрымъ путемъ. Есть много и другихъ данныхъ, которыя рѣшительно противорѣчатъ плутонической теоріи, на сколько относится она къ образованію земной коры.

Плутонисты объясняютъ сфероидальную форму земли, или сплюснутость у полюсовъ земного шара, вращаніемъ огнежидкой массы вкругъ своей оси и тяготѣніемъ. Докторъ Моръ еще прошлой зимою занимался развитіемъ этого вопроса въ одномъ изъ нѣмецкихъ журналовъ. Теперь онъ снова коснулся его. Еслибы твердая земля — говоритъ онъ — была совершенно круглымъ шаромъ, то море, будучи вполнѣ подвижной массою, сплюснулось бы при полюсахъ, и она выдвинулась бы изъ него на три мили. Этотъ излишекъ стерли бы глетшеры, и наша планета все-таки приняла бы форму вертящагося сфероида, соотвѣтствующую вращенію жидкаго тѣла около своей оси. Какую бы форму ни имѣла твердая часть земли, кубическую или цилиндрическую, но если придать къ ней воду, способную расширяться при замерзаніи, то она должна сдѣлаться, въ цѣломъ своемъ видѣ, совершенно круглымъ шаромъ, не вращаясь, и сплюснутымъ или сфероидомъ при вращеніи около своей оси. Кажется, новой теоріи незачѣмъ было бы прибѣгать къ ипотезѣ о стираніи излишка твердой земли при полюсахъ глетшерами. Она не отвергаетъ, что весь земной шаръ находился сперва въ жидкомъ состояніи, а какова бы ни была эта жидкость—горячая или холодная—все же она должна была необходимо принять именно ту форму, какую теперь имѣетъ наша отвердѣвшая планета.

Химическая геологія возстаетъ противъ мысли о поднятіи нѣкоторыхъ частей земной коры отъ давленія на нихъ внутренняго пара. Постепенное возвышеніе температуры по мѣрѣ углубленія внутрь земли считаетъ она слишкомъ смѣлой ипотезою. Изслѣдованія, произведенныя въ рудникахъ и каменноугольныхъ копяхъ, ограничиваются глубиною, которая не составляетъ $^1/_{10,000}$ экваторіальнаго полупоперечника, а потому переходъ предположенія отъ 2,000 футовъ къ 860 милямъ не можетъ быть признанъ дѣйствительно вѣрнымъ. До сихъ поръ упругость пара доводилась только до давленія $23^1/_2$ атмосферъ, причемъ была доказана неточность всѣхъ формулъ, опредѣляющихъ плотность пара температурою. Стало-быть, на основаніи предполагаемой степени подземнаго жара нельзя дѣлать вѣрныхъ заключеній объ упругости паровъ. Мы не знаемъ, какова должна быть она при калильномъ жарѣ, и не знаемъ, на какой глубинѣ долженъ быть этотъ жаръ. Отсюда теорія поднятія земли посредствомъ паровъ оказывается

Digitized by Google

несостоятельною. Гумбольдтъ полагалъ, что на глубинѣ 88,000 ф. упругость водяного пара должна равняться давленію 2,800 атмосферъ, или 1,120 пудамъ на каждый квадратный дюймъ. Но тяжесть водяного столба такой же высоты равнялась бы давленію 2,750 атмосферъ ($\frac{88,000}{32}$). Слѣдовательно, упругость пара превышала бы силу этого давленія только пятидесятью атмосферами (2,800—2,750=50). А такъ-какъ надобно было поднять не воду, но землю, которая въ два съ половиною раза тяжеле воды ($2._5$), то для этой работы потребовалась бы упругость пара, равная давленію 6,875 атмосферъ (2,750. $2^1/_2$=6,875). Сверхъ того, должно принять въ соображеніе, что земную кору надо было разломать при началѣ ея поднятія, а сцѣпленіе составныхъ частей могучаго пласта въ 88,000 ф. толстотою представило бы, конечно, препятствіе, превышающее самую его тяжесть. Преодолѣть все это могъ бы паръ, сжатый до 14,000 атмосферъ, а такой плотности пара нельзя допустить, каковъ бы ни былъ подземный жаръ. Если же преодолѣлъ бы онъ двойное сопротивленіе тяжести и сцѣпленія, то, безъ сомнѣнія, ему ничего не стоило бы одолѣть одну тяжесть вырванной уже массы. Онъ взбросилъ бы ее на воздухъ, и самъ вылетѣлъ бы сквозь сдѣланныя имъ въ земной корѣ обширныя отверстія. Не было еще примѣра, чтобы при разрывѣ паровика паръ удовольствовался произведеніемъ въ немъ трещины *.

Наконецъ г. Моръ переходитъ ко взгляду новой теоріи на преобразованія, совершившіяся на поверхности земли, послѣ того, какъ отвердѣла она. Главные представители твердой земли—кремнеземъ и глиноземъ. Въ морской водѣ находится очень небольшое количество ихъ. Кремнеземъ чрезвычайно мало разлагается въ водѣ, которая однакоже составляетъ единственное средство къ разложенію этого минерала на сушѣ. Онъ распространенъ по всей землѣ и находится во всѣхъ природныхъ силикатахъ, отъ горнаго хрусталя до базальта. Только въ прежнемъ, жидкомъ состояніи нѣтъ уже его. Кремнеземы имѣютъ кристалическое строеніе. Образованіе кристаловъ совершается повсюду одинаково. Растворенныя тѣла осаживаются на имѣющееся уже твердое зерно и увеличиваютъ его. Если въ растворенномъ кремнеземѣ есть хоть одна песчинка, на которую осадится первый кристаликъ, то она сдѣлается центромъ непрерывнаго образованія кристалической массы. Чѣмъ медленнѣе процесъ образованія кристала, тѣмъ правильнѣе и прозрачнѣе онъ. Такъ-какъ составъ раствора былъ мѣстами очень разнообразенъ, то вслѣдствіе этого и образовались рядомъ разные камни, чего при расплавленной огнемъ жидкости не могло

* Г. Моръ забываетъ, что, по мнѣнію плутонистовъ, подъ земной корою находится густая, расплавленная, огнежидкая масса, которая должна проникать въ трещины и затягивать ихъ, какъ дѣлается это въ кратерахъ огнедышущихъ горъ. Въ паровикахъ нѣтъ ничего подобнаго, и потому паръ, разорвавъ желѣзо, не встрѣчаетъ никакого препятствія къ своему выходу.

Digitized by Google

бы произойдти, потому что въ такомъ случаѣ одинъ конгломератный слой долженъ былъ бы остыть и окрѣпнуть прежде, чѣмъ образовался другой. Но такъ-какъ они плавятся не въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположены въ природѣ, то участіе огня въ образованіи земли немыслимо. Въ узкихъ капилярныхъ или волосныхъ отверстіяхъ, куда проникали жидкости, могли находиться очень близко другъ къ другу растворы, различные по своей природѣ. Однородныя частицы ихъ должны были стремиться къ взаимному соединенію. Происхожденіе полевого шпата, зеленаго камня или грюнштейна, порфира, фонолита не требовало ничего особеннаго, кромѣ разнородности растворовъ. При очень спокойномъ образованіи, кремнеземъ отдѣлялся всегда плотной массою, что доказывается уменьшеніемъ его удѣльнаго вѣса, когда подвергается онъ вліянію огня.

Поднятіе горъ новая теорія объясняетъ капилярной силою и взаимнымъ притяженіемъ молекуловъ. Горы, думаетъ она, выростаютъ изъ внутренности земли и уменьшаются снаружи при помощи вывѣтриванія. Если оба эти процеса равномѣрны, то величина горъ не уменьшается, несмотря на обвалы и осыпи. Высота ихъ ограничивается глетшерами. Вывѣтриваемыя и разрушающіяся части уносятся водою внизъ. Самый верхній слой земли состоялъ всегда изъ разрушенныхъ частей ея, а самый нижній былъ всегда твердымъ камнемъ. Только при помощи обнаженія стали видимы для насъ горы. Вершина Монблана лежала прежде глубоко въ землѣ. Наиболѣе твердые камни упорнѣе выдерживаютъ борьбу съ воздухомъ и водою, потому-то (?) и составляютъ они горныя вершины. Всѣ базальты, вокругъ которыхъ вода размыла и унесла рыхлую землю, приняли конусообразную форму. По тѣмъ же, которые не успѣли еще подняться, ходитъ плугъ.

Эти краткія фразы нетолько ничего не доказываютъ, но даже взаимно уничтожаютъ другъ друга. Кажется, слѣдовало бы принять что-нибудь одно: или выростаютъ горы вслѣдствіе соединенія выдѣляющихся изъ земли молекуловъ, или же образуются онѣ отъ дѣйствія воды, которая, не трогая массъ, вошедшихъ въ составъ горъ, промываетъ вокругъ нихъ глубокія долины.

Внутреннюю теплоту земли новая теорія считаетъ дѣломъ солнца. Мильоны центнеровъ перегнанной воды изливаются ежедневно на землю, проникаютъ въ нее и снова впадаютъ въ море, унося съ собою вымытыя ими изъ низшихъ слоевъ земной коры твердыя частицы. Подпоры верхняго слоя слабѣютъ, и наконецъ, не выдерживаютъ его тяжести—онъ осѣдаетъ. Тяжесть, лишенная поддержки, равна поднятому грузу. Стремящееся внизъ тѣло обнаруживаетъ при встрѣчѣ съ препятствіемъ теплоту. Тепловой эквивалентъ силы равенъ $0._{440}$ килограмометра, то-есть 440 грамовъ вѣсу, брошенные съ одного метра высоты, производятъ количество теплоты, способное нагрѣть одинъ грамъ воды до 1^0 Ц. Сумма всей теплоты, ежедневно изливаемой на землю солнцемъ, равна ежедневно поднимаемому всѣми ручьями и рѣками количеству твердыхъ веществъ,

Digitized by Google

разцѣленному на $0._{440}$ килограмометровъ. Прежняя теорія, допустившая готовую данную теплоту земли, не находитъ никакого приложенія для теплоты, происходящей отъ работы солнца и опуска или осадка земли. Отсюда явился у нея избытокъ теплоты и предположеніе, что внутренняя температура нашей планеты должна постепенно увеличиваться. Новая же теорія полагаетъ, что утрата и пріобрѣтеніе теплоты находились всегда въ равновѣсіи. Теплота зарождается преимущественно въ верхнихъ слояхъ земли, гдѣ происходитъ самое большее перемѣщеніе матеріи. Вслѣдствіе этого постепенно возрастать должна бы она до глубины трехъ, или четырехъ миль*, а внутри земли быть постоянною, не выше 300° Ц. Исключеніе изъ этого общаго правила, то-есть подземную температуру, доходящую до 800°, новая теорія допускаетъ только для огнедышущихъ горъ. Море принимаетъ въ этихъ случаяхъ непонятное участіе, потому что всѣ вулканы находятся или въ немъ, или близь него. Продукты вулканическихъ изверженій имѣли сначала мокрое образованіе, и были измѣнены потомъ огнемъ. Трахитъ и гранитъ превращаются въ пемзу и обсидіанъ, а базальтъ— въ шлаки. Неплавимыя вещества извергаются въ видѣ пыли, пепла и рапилей. Появленіе вулкановъ новая теорія объясняетъ мѣстнымъ скопленіемъ теплоты вслѣдствіе осадка земли, происходящаго отъ образовавшейся внутри пустоты. Какъ скоро пополнится она— опуски прекращаются, и вулканъ потухаетъ.

Съ этой ипотезою тоже едва-ли можно согласиться. Мы видѣли уже изъ статьи г. Фухса, что западные берега Италіи образовались изъ продуктовъ вулканическихъ изверженій. Вслѣдствіе перемѣщенія низшихъ, расплавленныхъ жаромъ слоевъ земли наверхъ ея, должна была бы внутри образоваться пустота, а тяжесть верхняго слоя чрезмѣрно увеличиться. При такихъ условіяхъ причины опусковъ и обваловъ очевидно удвоиваются, а между тѣмъ ихъ нетолько не было здѣсь, но, совершенно напротивъ, изъ глубины моря возвысилась твердая земля, которая впродолженіе тысячелѣтій не осаживается. Какъ же согласить этотъ фактъ съ ипотезою новой теоріи? Г. Моръ говоритъ, что на вулканы, землетрясенія и горячіе ключи можно совсѣмъ не обращать вниманія, потому что въ общей дѣятельности природы они составляютъ очень незамѣчательныя явленія. Съ такой же небрежностью относится онъ къ открытіямъ французскихъ химиковъ, которые произвели огненнымъ путемъ желѣзный блескъ. Фактъ этотъ не подверженъ сомнѣнію, но такъ-какъ онъ противорѣчитъ началамъ новой теоріи, то г. Моръ

* Это именно та глубина, на которой, по мнѣнію плутонистовъ, долженъ быть жаръ, способный плавить базальты, извергаемые вулканами. Стало быть, въ тѣхъ вопросахъ, которые касаются работы и состоянія подземной теплоты, новая теорія не совсѣмъ несогласна съ плутонизмомъ. Но, разумѣется, она беретъ изъ него только то, что нужно ей для объясненія несомнѣнныхъ фактовъ, давая причинѣ, порождающей ихъ, нѣсколько иной характеръ и не занимаясь дальнѣйшимъ развитіемъ ипотезы.

Digitized by Google

говоритъ, что еслибы удалось произвести тѣмъ же способомъ полевой шпатъ и другіе минералы, то все же это ничего бы не доказывало. Такъ не рѣшаются спорные вопросы.

Новая геологія руководствуется мыслью, что всѣ образованія пластовъ происходили одновременно, что они продолжаются въ настоящее время, и что, слѣдовательно, не было никакихъ эпохъ, никакихъ каменноугольныхъ, мѣловыхъ и прочихъ періодовъ, что измѣнялся постепенно только видъ земли и моря, но что эти измѣненія совершались всегда непрерывно. Остающіеся на поверхности земли признаки показываютъ, что вся она находилась нѣкогда подъ уровнемъ моря. Известковыя горы, глинистые сланцы, песчаникъ, каменный уголь и гранитные осколки покрываютъ всѣ части земного шара. Самый верхній слой его образовался вслѣдствіе разрушенія твердыхъ массъ. Горныя породы — относительно ихъ образованія, а не времени—можно бы, по мнѣнію г. Мора, представить въ слѣдующемъ видѣ:

A. Настоящіе элементы твердой земли, кристалическіе силикаты съ представителями кремнезема и глинозема:

1) господствующія полевошпатовыя образованія: гранитъ, гнейсъ, сіенитъ, трахитъ и проч.;

2) смѣшанные полевые шпаты-авгиты, трапы: діоритъ, долеритъ, мелафиръ, базальтъ, габро и проч.;

3) смѣшанные полевые шпаты-зеолиты: фонолиты.

B. Морскія образованія:

Чистыя: известковыя горы, каменная соль, гипсъ, каменный уголь. Смѣшанныя: глинистый сланецъ, песчаникъ.

C. Образованія изъ развалинъ твердой земли: дилювій, алювій, прѣсноводная известь, трипель, бурый уголь, торфъ и т. д.

D. Вулканическія явленія, позднѣйшія, мѣстныя огненныя преобразованія всѣхъ предшествовавшихъ, образовавшихся мокрымъ путемъ минераловъ.

Такъ-какъ и въ настоящее время продолжаютъ дѣйствовать на землѣ тѣ условія, которыя образовали известковыя горы, залежи глинистыхъ сланцевъ и песчаника, каменный, бурый уголь и каменную соль, то можно предполагать, что и прочіе, незримые нами факты все еще совершаются. Медленное приподниманіе шведскихъ гранитовъ и гнейсовъ доказываетъ, по мнѣнію новой теоріи, что скандинавскія горы и теперь ростутъ снизу. Безъ сомнѣнія, говоритъ она, нельзя указать того мѣста, гдѣ собственно происходитъ ихъ наростаніе. Но еслибы даже и удалось найдти его, мы все-таки ничего не увидали бы, потому что не видимъ же мы, какъ ростетъ трава, хотя и не сомнѣваемся въ дѣйствительности этого факта.

Всѣ эти данныя ведутъ къ заключенію о неосновательности раздѣленія геологіи на періоды. Говоря объ одномъ геологическомъ періодѣ, приходится игнорировать на время тѣ вещества, которыя свойственны исключительно другимъ періодамъ. Переходя отъ одного изъ нихъ къ другому, не спрашиваютъ о томъ, гдѣ же въ

Digitized by Google

эти промежутки времени находились другіе минералы, которые пошли въ дѣло въ позднѣйшіе періоды? Никто не думаетъ, конечно, что въ переходное время вся земля была покрыта глинистымъ сланцемъ, или песчаникомъ, потому что въ позднѣйшіе періоды эти же самыя вещества появляются еще нѣсколько разъ. И какимъ образомъ вышла бы наверхъ известь, изъ которой сложились впослѣдствіи горы? Ни въ глинистомъ сланцѣ, ни въ песчаникѣ нѣтъ ея—гдѣ же была она въ переходное время? Слова «мѣловая», «моласовая», «каменноугольная» формаціи означаютъ особое образованіе для каждой изъ нихъ, и вопросъ о томъ, что̀ было прежде и послѣ — остается совершенно безъ отвѣта. Придуманы геологическіе горизонты, руководящія раковины и другія вещи, увеличивающія только сбивчивость понятій. Подъ словомъ «геологическій горизонтъ» разумѣютъ распространенную во многихъ и далеко другъ отъ друга лежащихъ странахъ одну горную породу, отъ которой, полагаютъ, можно вести вѣрный счетъ назадъ и впередъ. Изобрѣтеніе это совершенно неудачно, потому что геологъ, погребая за разъ всѣ минеральныя вещества подъ однимъ покровомъ, не получаетъ потомъ ничего для строенія слѣдующихъ пластовъ. Руководство, представляемое раковинами, пригодно только для сосѣдственныхъ мѣстностей. Въ одно время съ огромными раковинами Южнаго океана, въ Красномъ и Средиземномъ моряхъ ростутъ коралы, а на отмеляхъ англійскихъ береговъ—особенныя устрицы. Притомъ же это не препятствуетъ образовываться въ устьяхъ Мисисипи и Ганга глинистымъ осадкамъ, въ Атлантикѣ—извести, и при всѣхъ берегахъ—песчанымъ мелямъ. Англійскіе геологи дали всѣмъ системамъ мѣстныя названія, усвоенныя потомъ повсюду. Въ Валисѣ жило небольшое племя, о которомъ упоминаетъ Тацитъ въ біографіи Юлія Агриколы (гл. II). Онъ назвалъ этихъ людей *силурами*. Мурчисонъ заимствовалъ у него собственное имя и назвалъ систему валійскихъ или уэльскихъ горъ *силурійскою*, подраздѣливъ ее на верхнюю и нижнюю. Основаніемъ послѣдней служитъ мелко-зернистый, содержащій очень много кварцу песчаникъ, переходящій мѣстами въ кварцитъ, называемый *потсдамскимъ* песчаникомъ. На немъ лежитъ нечистый *доломитовый* известнякъ, съ ясно-опредѣленнымъ наслоеніемъ и содержащимися въ немъ кремнистыми известняками и глиною. Его назвали известковымъ песчаникомъ. Еще выше покоится чистая синяя и сѣрая известь—*трентонскій* известнякъ, переходящій въ мощный, двѣнадцатисаженный пластъ смолистыхъ сланцевъ—*утикскій сланецъ*. Наконецъ, слѣдуетъ *гудзонская группа*, состоящая изъ сѣрой вакки и свѣтло-зеленыхъ сланцевъ, прослоенныхъ известнякомъ. Ею ограничивается сверху нижнесилурійская система, на которой покоится верхняя, подраздѣленная также на нѣсколько пластовъ. Но дѣло въ томъ, что такого расположенія ихъ не встрѣчается нигдѣ, кромѣ Англіи. Если окрестить мѣстными названіями наслоенія пластовъ во всѣхъ другихъ странахъ, то ихъ не въ состояніи будетъ запомнить человѣкъ, надѣленный самой богатой памятью. При-

Digitized by Google

томъ же здѣсь находится капитальная ошибка. Известняки никогда не принадлежатъ къ одной системѣ съ песчаникомъ и глинистыми сланцами, потому что они не могли осѣсться одновременно съ ними и при тѣхъ же условіяхъ. Точно такъ же составлена девонская система изъ напластыванія песчаниковъ, известняковъ и глинистыхъ сланцевъ. Часто начало и конецъ системы основаны только на томъ, что автору надо было кончить одну и начать другую главу геологіи.

Каменноугольная система состоитъ изъ углистаго или горнаго известняка, каменнаго угля и углистаго песчаника. Обыкновенно каменный уголь лежитъ на известнякѣ и бываетъ покрытъ песчаникомъ. Этимъ доказывается морское образованіе каменноугольной системы, потому что входящія въ составъ ея растенія, вѣроятно, должны были осѣсть въ морской глубинѣ на известь, и потомъ покрыться пескомъ. Образовавшаяся между угольныхъ слоевъ или флецовъ сланцеватая глина была, вѣроятно, продуктомъ постепенно приближавшейся земли, отчего высшіе флецы всегда тоньше. Но такъ-какъ углистый известнякъ принадлежитъ къ морскимъ известнякамъ, которые весьма часто встрѣчаются и безъ каменнаго угля, а углистый песчаникъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго песчаника, то, слѣдовательно, къ каменноугольной системѣ должно отнести одинъ только каменный уголь. Въ пермской, юрской и мѣловой системахъ также соединяются совершенно разнохарактерныя по своей природѣ вещи. Къ тріасу причисляютъ пестрый песчаникъ, раковинный известнякъ и кейперъ, но зачѣмъ? Этого никто не знаетъ, потому что известнякъ и песчаникъ не имѣютъ ничего общаго между собою. Было бы несравненно лучше оставить всѣ эти системы, и по теперешней землѣ заключать о томъ, что происходило на ней прежде.

Итакъ, современное состояніе геологіи доказываетъ, что химическій анализъ принесъ огромную пользу этой наукѣ *. Что же касается недостатковъ новой теоріи, то они происходятъ отъ излишней торопливости, съ какою нерѣдко переходятъ въ естественныхъ наукахъ отъ частныхъ, хорошо изслѣдованныхъ фактовъ къ слишкомъ широкимъ ипотезамъ. Впрочемъ, такъ-какъ эти поспѣшныя заключенія провѣряются обыкновенно дальнѣйшими опытами, которые, вызываясь ими, подтверждаютъ, колеблятъ, или совершенно опровергаютъ ихъ, то, слѣдовательно, тутъ есть своего рода польза. Нехорошо только вполнѣ и безотчетно увлекаться новыми мыслями; новизна и истина — нетождественныя понятія.

Сердце и мозгъ, Джорджа-Генри Льюиса **. — Сердце и мозгъ признаются вообще двумя центральными силами, которыя господ-

---

* Замѣтимъ, однакоже, что современная химія не рѣшила еще вопроса: два или три атома кислорода находятся въ одномъ атомѣ кремнезема. Стало быть, природа кварца и полевого шпата, которые входятъ преимущественно въ составъ всякой горы и всякой бутылки, далеко еще не совсѣмъ извѣстна.

** Изъ «Fortnightly Review».

Digitized by Google

ствуютъ надъ всѣми отправленіями нашего организма. Всѣ матеріалы, необходимые для устройства тѣла и возобновленія того, что постоянно разрушается въ немъ, должны необходимо два раза пройдти черезъ сердце, для того, чтобы, проникнувъ изъ него въ легкія, получить свои пластическія свойства, и потомъ, снова возвратясь въ него, распространиться по всему организму. Это всѣмъ извѣстно. Но немногіе знаютъ, что переходъ крови изъ сердца въ легкія и слѣдующій затѣмъ разливъ ея по всему тѣлу возможны только при содѣйствіи мозга. Жизнь поддерживается пищею и раздраженіемъ. Дѣйствія питанія неразрывно соединены съ чувствованіемъ. Нити этой ткани могутъ быть раздѣлены мысленно, но въ природѣ онѣ такъ тѣсно связаны между собою, что ихъ нельзя оторвать другъ отъ друга. Эта мысль можетъ показаться парадоксальною даже физіологамъ, но потому только, что на біологическіе вопросы привыкли смотрѣть вообще съ химической точки зрѣнія. Льюисъ подъ словомъ «сердце» разумѣетъ здѣсь весь сложный апаратъ кровообращенія, равно какъ слово «мозгъ» употребляетъ въ смыслѣ всей нервной системы. Ученый анализъ раздѣлилъ жизнь на животную и растительную. Это раздѣленіе, сдѣланное еще Аристотелемъ, стало достояніемъ науки со времени Бишà. Оно неточно, но пригодно. Такъ-какъ въ природѣ нѣтъ такого раздѣленія, такъ-какъ оба вида жизни соединены въ ней, то, слѣдовательно, и не должно понимать этихъ словъ въ буквальномъ смыслѣ. Льюисъ растительную жизнь называетъ питательною, а животную — чувственною жизнью. Всѣ явленія роста, развитія и разрушенія, свойственныя какъ животнымъ, такъ и растеніямъ, подчиняетъ онъ законамъ питанія; а всѣ проявленія чувства и движенія, составляющія отличительный признакъ животныхъ, подводитъ подъ законы чувствительности. Хотя въ растеніяхъ замѣчаютъ нетолько движеніе, но даже порою передвиженіе, однако думаютъ, что ни то, ни другое не обусловливается въ нихъ возбужденіемъ чувствительности. При такомъ раздѣленіи животнаго организма на двѣ части, съ одной стороны является сложная система органовъ, дѣятельность которыхъ направлена къ построенію тѣла, и къ возмѣщенію непрерывныхъ утратъ его, а съ другой стороны мы видимъ систему мышцъ, сухихъ жилъ, нервъ и нервныхъ центровъ, которые возбуждаютъ органы питанія. Работа ихъ прежде всего направляется къ сохраненію живого существа въ борьбѣ за существованіе, а потомъ уже къ развитію его высшихъ качествъ. Необходимо помнить, однакоже, что это—чисто-идеальное раздѣленіе, ученая выдумка, а не дѣйствительность. Природа знать не знаетъ такого раздѣленія. Въ организмѣ обѣ эти жизни соединяются въ одну. Обѣ помянутыя системы переплетаются между собою и взаимно проникаютъ другъ друга, такъ что малѣйшее измѣненіе въ одной изъ нихъ сопровождается соотвѣтствующей перемѣною въ другой.

Мозгъ питается сердцемъ. Какъ скоро перестаетъ сердце гнать въ него кровь — чувствительность прекращается. Сердце, въ свою

Digitized by Google

очередь, зависитъ отъ мозга, но не по вопросу о питаніи, а въ отношеніи къ раздраженію, къ движущей силѣ, безъ которой пища недѣйствительна. Мы можемъ питаться, только чувствуя, и чувствовать, только питаясь. Питанія нельзя отдѣлить отъ чувствительности; кровь, питающая мозгъ, дающая ему движеніе и поддерживающая его силу, никогда не сдѣлалась бы артеріальной кровью, никогда не достигла бы до мозга, еслибы сердце, которымъ вгоняется она въ мозгъ, не подвергалось съ своей стороны его вліянію. Сама по себѣ кровь не обладаетъ способностью движенія. Сердце также не надѣлено самопроизвольной силою. Оно есть мышца, и, подобно всѣмъ другимъ мускуламъ, нуждается въ возбужденіи къ дѣятельности. Пока механизмъ чувствованія не начнетъ дѣйствовать—легкія не могутъ расшириться, кровь не сдѣлается окисленной жидкостью, и сердце не станетъ сокращаться. Почему не дѣйствуетъ трупъ? Въ немъ есть пища, есть кровь въ жилахъ и воздухъ въ легкихъ. Мышцы не утратили способности къ сокращенію, и сухія жилы — своей эластичности. Чудный механизмъ поврежденъ такъ незначительно, что еслибы какимъ нибудь средствомъ можно было пробудить уснувшую чувствительность — грудь расширилась бы, сердце начало бы снова биться, кровь возобновила бы свое обращеніе, и трупъ ожилъ бы.

Необходимо объяснить подробнѣе зависимость мозга отъ сердца. Но прежде должно упомянуть, что къ нему притекаетъ болѣе крови, нежели къ какому либо другому органу тѣла. Одни полагаютъ, что притокъ этотъ равняется пятой части всей крови; другіе думаютъ, что онъ составляетъ цѣлую треть ея. Главный центръ нервной системы, для поддержанія постоянной дѣятельности котораго необходимо такое *количество* крови, такъ тонко чувствителенъ ко всѣмъ измѣненіямъ ея *качества*, что въ этомъ отношеніи на одинъ изъ другихъ органовъ не можетъ сравниться съ нимъ. Если сердце сокращается слабо, то и мозгъ дѣйствуетъ вяло. Если попорчена кровь, онъ впадаетъ въ летаргію, а когда мозгъ находится въ летаргическомъ состояніи, сердце слабѣетъ. Таково взаимодѣйствіе этихъ двухъ главныхъ органовъ. Оба они господствуютъ надъ жизнью, и оба равно необходимы другъ для друга.

Можно бы возразить, что питаніе не такъ тѣсно соединено съ чувствительностью, потому что большая часть питательныхъ процесовъ происходитъ безъ вмѣшательства послѣдней способности; притомъ же питательная жизнь растеній не зависитъ, конечно, отъ чувствованія, такъ-какъ у нихъ нѣтъ чувствующаго механизма. Слѣдовательно, питаніе есть просто химическій процесъ.

Въ отвѣтъ на это авторъ повторяетъ, что питаніе не химическій, но біологическій процесъ. Химическіе законы, по которымъ совершается оно, подчинены физіологическимъ законамъ, и одинъ изъ нихъ заключается въ томъ, что органическая дѣятельность должна необходимо находиться въ зависимости отъ нервнаго механизма, каковъ бы ни былъ онъ. Хотя и говорятъ, что процесы дыханія, кровообращенія, пищеваренія и всасыванія совер-

Digitized by Google

шаются безъ участія чувствованія, потому что они, не сообщаясь сознанію, вмѣщаются въ общемъ чувствѣ бытія. — однакоже, если слова «чувствованіе», «ощущеніе» замѣнить словами «нервное вліяніе», въ такомъ случаѣ ясно обнаружится серьёзная біологическая ошибка въ отдѣленіи питанія отъ стимула нервныхъ центровъ и въ мысли, что оно можетъ совершаться безъ вмѣшательства чувствительности. Не химическія соединенія и разложенія, но *перенось* матеріаловъ долженъ зависѣть отъ этого вмѣшательства. Еслибы опоненты не упускали изъ виду различія между химическими и органическими элементами въ каждомъ процессѣ, тогда смолкли бы споры, вызванные этимъ вопросомъ.

Допуская, что растенія не имѣютъ чувствительности, и что въ нихъ процесы питанія совершаются безъ ея вмѣшательства, Льюисъ напоминаетъ, что въ животныхъ, у которыхъ апаратъ чувствованія хорошо развитъ, процесы эти находятся болѣе или менѣе подъ его вліяніемъ. Въ нѣкоторыхъ изъ низшихъ типовъ незамѣтно ни малѣйшаго слѣда нервнаго механизма. Нѣсколько высшіе виды надѣлены очень простой системою нервовъ, которая постепенно усложняется по мѣрѣ приближенія къ человѣческому организму, представляющему высшій образецъ ея развитія. Сложности апарата чувствованія соотвѣтствуетъ устройство питательнаго механизма. Чѣмъ болѣе увеличивается эта сложность, тѣмъ тѣснѣе становится зависимость обѣихъ системъ другъ отъ друга. Лягушка и тритонъ (водяная саламандра) живутъ долго послѣ того, какъ вынутъ изъ нихъ головной мозгъ. Льюисъ убѣдился, на основаніи опытовъ, что лягушки могутъ прожить нѣсколько недѣль безъ мозгу, а тритоны и совсѣмъ безъ головы. У г. Реди, извѣстнаго итальянскаго натуралиста, жила пять мѣсяцевъ черепаха, изъ головы которой былъ вынутъ мозгъ. Нечего и говорить, что высшія животныя скоро или тотчасъ же умираютъ послѣ такихъ операцій. Тѣ же факты повторяются при отнятіи у животныхъ сердца. Ни одинъ изъ высшихъ типовъ животнаго организма не переживаетъ серьёзнаго поврежденія этой мышцы, но изъ пресмыкающихся можно вынуть сердце, и жизнь не прекратится. Лягушка по нѣскольку часовъ живетъ безъ него. Штиллингъ вынулъ одинъ разъ всѣ внутренности изъ лягушки, и она все-таки продолжала прыгать, защищаться и разнообразно обнаруживать свою живость. Однакоже, наперекоръ этимъ примѣрамъ временной независимости другъ отъ друга мозга и сердца, взаимное подчиненіе системъ кровообращенія и чувствованія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Хотя въ низшихъ животныхъ зависимость эта не такъ сильна, какъ въ высшихъ, однакоже законъ вмѣшательства чувствительности во всѣ процесы питанія становится аксіомою a priori потому уже, что движеніями самыхъ низшихъ типовъ животнаго царства управляетъ система мышцъ. Всякое дѣйствіе въ ихъ органахъ есть слѣдствіе мышечныхъ сокращеній, которыя должны необходимо происходить отъ раздраженія нервъ, потому что только этимъ путемъ можно дѣйствовать на мускулы.

Digitized by Google

Нѣсколько лѣтъ назадъ существовала школа физіологовъ, защищавшихъ гипотезу о зависимости дѣятельности сердца отъ раздраженія его мускульной ткани. Великій Галлеръ былъ главою этой школы, и его «Mémoires sur la nature sensible et irritable des parties» заслуживаютъ до сихъ поръ вниманія спеціалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно усомниться въ основательности этой гипотезы, видя, что даже вынутое изъ животнаго сердце не перестаетъ сокращаться, и что впрыскиваніемъ въ эту мышцу теплой крови можно возобновить ея сокращаемость, когда перестала уже обнаруживаться она сама собою. Но противъ этой гипотезы говоритъ фактъ, доказывающій, что сердце бьется долго и послѣ того, какъ выжмутъ изъ него кровь—слѣдовательно, біеній его нельзя объяснить раздраженіемъ, происходящимъ отъ крови.

Загадка эта была объяснена отчасти въ послѣднее время. Открыли маленькую нервную систему, исключительно принадлежащую сердцу. Заключающіеся въ немъ нервы и нервные узлы производятъ здѣсь ту же работу, какую исполняютъ они и въ другихъ частяхъ тѣла. Когда разрѣжутъ сердце на нѣсколько кусковъ, то тѣ изъ нихъ, въ которыхъ находятся нервные узлы, продолжаютъ биться, тогда какъ другіе, неимѣющіе этихъ узловъ, остаются недвижимы. Кромѣ спеціальной системы, обусловливающей правильность сокращеній сердца, есть еще общая нервная система, ускоряющая или замедляющая ихъ въ каждую минуту нашей жизни *. Итакъ, сердце соединено съ общимъ организмомъ посредствомъ аппарата чувствованія, нити котораго, называемыя пневмогастрическими или легочно-желудочными нервами, связываютъ его съ головнымъ и спиннымъ мозгомъ. Однакоже не ихъ вліяніе, какъ думали прежде физіологи, заставляетъ правильно биться сердце. Если и перерѣжутъ ихъ, то обычныя сокращенія этой мышцы не прекратятся, несмотря на то, что она будетъ совершенно изолирована отъ большихъ нервныхъ центровъ. Гдѣ же причина этого явленія? Очевидно, что стимулъ заключается въ собственныхъ нервахъ, которые, вѣроятно, раздражаются молекулярными, въ немъ самомъ происходящими перемѣнами.

Какъ удивились физіологи, когда объявилъ Веберъ, что раздраженіе тѣхъ фибръ, вліянію которыхъ приписывали они біеніе сердца, не усиливаетъ, но прекращаетъ его дѣятельность. Всѣ другіе мускулы—говорилъ онъ—дѣйствуютъ энергичнѣе, когда возбуждаются ихъ нервы, но сокращаемость сердца, напротивъ, парализуется раздраженіемъ его нервъ. Фактъ оправдывалъ это заключеніе. Электрическій токъ, проходя по пневмогастрическимъ нер-

* Считаемъ нелишнимъ указать здѣсь на новую, только что изданную брошюру доктора Ли: «History of the Discoveries of the Circulation of the Blood, of the Ganglia and Nerves and of the Action of the Heart». Г. Ли первый сдѣлалъ открытіе, о которомъ говоритъ Льюисъ. Мемуаръ его объ этомъ предметѣ, просмотрѣнный Овеномъ и Лауренсомъ, былъ напечатанъ въ «Philosophical Transactions» 1848 г.

Digitized by Google

вамъ, внезапно и неизмѣнно останавливаетъ сердце. Физіологи были чрезвычайно заинтересованы этимъ открытіемъ. Европейскимъ лягушкамъ и кроликамъ пришлось много вытерпѣть въ это тяжелое для нихъ время, потому что опыты надъ ихъ сердцами должны были дать категорическіе отвѣты на поднятый г. Веберомъ вопросъ. Скоро однакоже была открыта невѣрность его наблюденія. Опыты обнаружили, что только сильный электрическій токъ останавливаетъ сердцебіеніе, тогда какъ слабый, напротивъ, ускоряетъ его. Раздраженіе верхней части спинного мозга производитъ такія же слѣдствія. Сверхъ того въ здоровомъ, сильномъ животномъ остановленное сердце скоро возвращается къ своей обычной дѣятельности, тогда какъ въ слабомъ или слишкомъ чувствительномъ организмѣ оно окончательно перестаетъ биться.

Можно ли не замѣтить въ этомъ фактѣ физіологическаго объясненія тѣхъ случайностей семейной жизни, которыя доказываютъ, что сильное умственное потрясеніе мгновенно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ навсегда останавливаетъ сердце. Глубокое волненіе, причиненное горемъ или радостью, производитъ то же дѣйствіе, какъ и сильный электрическій токъ, приложенный къ пневмогастрическому нерву. Потрясеніе большихъ центровъ мысли сообщается спинному мозгу, и чрезъ него нервамъ, соединеннымъ съ разными частями тѣла. Сильное трепетаніе членовъ, особенная дѣятельность желёзъ, слезы, сокращеніе лицевыхъ мускуловъ, расширеніе груди, смѣхъ и вздохи, прыжки и крикъ—вотъ разнообразные признаки и послѣдствія взволнованнаго состоянія. Въ первое мгновеніе сердце останавливается, но вслѣдъ затѣмъ начинаетъ биться сильнѣе. Если крѣпокъ организмъ, то результатомъ сильнаго движенія бываетъ внезапная блѣдность, доказывающая краткій перерывъ дѣятельности сердца. Оно останавливается, легкія не дѣйствуютъ—дыханіе прервано, «душа вылетѣла», «духъ захватило». Тотчасъ послѣ того сердце начинаетъ биться быстрѣе, легкія расширяются, кровь приливаетъ къ лицу и мозгу съ особенной силою. Если организмъ слабъ, или очень чувствителенъ, то сердце не такъ скоро возвращается къ дѣятельности, и слѣдствіемъ бываетъ болѣе или менѣе продолжительный обморокъ. Если же организмъ чрезвычайно слабъ, или чувствителенъ, тогда прерванное біеніе сердца не возобновляется. Сильный ударъ горя или радости можетъ быть при такомъ условіи причиною смерти.

Слѣдствія умѣреннаго раздраженія должны быть очень различны, судя по тому, что слабый электрическій токъ возбуждаетъ дѣятельность сердца. Стимуломъ могутъ быть холодная вода, брызнутая на лицо, вдыханіе раздражающаго запаха, пріятное свиданіе, явленіе въ умѣ новой мысли и такъ далѣе. Во всякомъ случаѣ, мозгъ раздражается или посредствомъ впечатлѣнія на чувствующій нервъ, или при помощи движенія мысли. Призванная къ дѣйствію чувствительность стремится проявить себя тѣмъ или другимъ путемъ, а самый легчайшій изъ нихъ—пневмогастрическій нервъ. На это дѣйствіе, направленное на сердце, отвѣчаетъ

Digitized by Google

оно съ своей стороны противодѣйствіемъ. Его усиленная энергія гонитъ болѣе крови къ мозгу, который получаетъ отъ нея свою силу.

Изслѣдователи открыли другой замѣчательный фактъ, соединенный съ вліяніемъ мозга на сердце. Когда начинаютъ раздражать нервы слабымъ электрическимъ токомъ и потомъ постепенно усиливаютъ его напряженность, въ такомъ случаѣ можно безъ вреда живому существу перейдти даже за ту черту напряженія, при которой сердце перестало бы непремѣнно биться, еслибы съ нея началось раздраженіе. Эти опыты оправдываютъ научнымъ образомъ извѣстный всѣмъ семейный обычай, непозволяющій объявлять внезапно горестной вѣсти. Руководствуясь имъ, сообщаютъ обыкновенно, въ видѣ приготовленія, не такъ печальную новость, и потомъ уже, когда сдѣлано легчайшее потрясеніе, и сердце стало болѣе способнымъ выдержать ударъ, объявляютъ дѣйствительно случившееся бѣдствіе. Этимъ же фактомъ можно объяснить отчасти, почему при дальнѣйшемъ куреніи табаку не повторяется той блѣдности и тошноты, которыми сопровождался первый приступъ къ трубкѣ или сигарѣ. Сердце, вслѣдствіе привычки, перестаетъ раздражаться этимъ стимуломъ.

Перемѣна сценъ, особенно при заграничныхъ путешествіяхъ, принадлежитъ къ числу деликатныхъ стимуловъ возстановленія утраченной энергіи. Новыя и пріятныя картины природы производятъ не одно только умственное раздраженіе, чуждое физическаго вліянія; напротивъ, онѣ возбуждаютъ усиленную дѣятельность кровообращенія, которое возстановляетъ нормальныя отправленія нашего организма. Если раздраженіе и усталость не слишкомъ велики, то даже больной путешественникъ чувствуетъ себя счастливѣе и крѣпче, несмотря на дурной столъ, неправильный образъ жизни и многія другія условія, которыя ослабили бы его дома. Извѣстный англійскій докторъ сэръ Генри Голэндъ такъ убѣжденъ въ полезномъ вліяніи даже легкаго нервнаго стимула на питательные процесы, что признаетъ выгоднымъ для паціента нетолько переѣздъ въ новую мѣстность, или переходъ въ другую комнату, но даже перемѣну мебели, если не можетъ онъ ни оставить города, ни перемѣнить комнаты.

Въ пользѣ нервнаго раздраженія нисколько не сомнѣваются люди, усвоившіе мысль о неразрывной связи между питаніемъ и чувствованіемъ. Они указываютъ на важное значеніе удовольствія, какъ элемента дѣйствительной жизни, и думаютъ, что едва-ли сравнительно лучшее здоровье молодости не зависитъ отъ большей суммы пріятныхъ раздраженій, производимыхъ жизнью въ молодыхъ умахъ. Удивительную дѣятельность нѣкоторыхъ стариковъ, посвятившихъ себя политикѣ и другимъ занимательнымъ профессіямъ, должно, безъ сомнѣнія, объяснять пріятнымъ умственнымъ раздраженіемъ, которое поддерживаетъ нормальныя отправленія ихъ организма. Прозябающіе люди старѣютъ преждевременно. Слишкомъ

Digitized by Google

сильное возбужденіе вредно; но если умственный стимулъ только пріятенъ, то польза его несомнѣнна.

Всѣ впечатлѣнія производятъ соотвѣтствующее имъ дѣйствіе на обращеніе крови. Если легки они — кровь слегка ускоряетъ свое движеніе, если же очень сильны — она останавливается на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Неосторожное прикосновеніе къ ранѣ и боль, производимая операціями, причиняютъ обморокъ, порою даже смерть. Многія операціи опасны именно поэтому. Ихъ можно сдѣлать съ успѣхомъ только при помощи хлороформа, который лишаетъ паціента чувствительности. Также простымъ раздраженіемъ нерва, производящимъ сильную боль, можно лишить чувствъ и жизни очень слабое, или истомленное животное. Если же будетъ оно приведено въ безчувственное состояніе хлороформомъ, то, не останавливая дѣятельности сердца, можно вынуть у него всю верхнюю часть спинного мозга (Medulla oblongata); тогда какъ безъ этой предосторожности самое легкое раздраженіе медулы прекращаетъ сердцебіеніе.

Вопросъ о причинѣ слишкомъ неравномѣрной чувствительности рѣшается просто. Тупые люди невпечатлительны и тупы не отъ того, чтобы развитіе ихъ нервной системы было ниже средняго уровня, но потому, что у нихъ связь между сердцемъ и мозгомъ устроена сравнительно слабѣе, ихъ пневмогастрическій нервъ не такъ быстро передаетъ нервное раздраженіе. Чувствительные люди бываютъ вообще впечатлительны, вслѣдствіе быстраго и легкаго соединенія между собою двухъ главныхъ центровъ организма. Всякое нервное раздраженіе должно разряжаться однимъ, или нѣсколькими каналами, характеръ которыхъ зависитъ отъ природной и пріобрѣтенной силы органическаго напряженія, Стоитъ уколоть булавкою слишкомъ чувствительное животное, чтобы невыгодно измѣнить въ немъ біеніе сердца; но пресмыкающееся можно рвать на части, не замѣчая чувствительной перемѣны въ его пульсѣ. Такъ же точно, живописное мѣстоположеніе, или счастливая мысль могутъ ускорить пульсъ даровитаго человѣка, тогда какъ на тупягу почти не дѣйствуютъ ни грандіозныя картины природы, ни самое благородное краснорѣчіе.

Въ очень впечатлительномъ организмѣ, чувствительность и кровообращеніе быстрѣе и прямѣе дѣйствуютъ другъ на друга. Отъ этого условія зависятъ часто слабость и недостатокъ дѣятельности, которыя обнаруживаются въ женственныхъ характерахъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Потому-то причинъ слишкомъ сильной чувствительности надо искать не въ особенномъ развитіи нервныхъ центровъ, но въ анормальномъ устройствѣ прямой связи между сердцемъ и мозгомъ. Мозгъ бываетъ очень развитъ у такихъ мужчинъ и женщинъ, въ которыхъ незамѣтно быстраго перехода чувствительности отъ головы къ сердцу. Нервная сила разряжается у нихъ другимъ путемъ. Есть также мужчины и женщины съ малымъ количествомъ мозга, и однакоже раздражи-

Digitized by Google

тельность ихъ бываетъ такъ сильна, что волнующее вліяніе почти каждаго ихъ чувства прямо передается сердцу.

Послѣ этого нетрудно понять истину, которую сбивчиво выражала прежняя доктрина, признававшая сердце главнымъ органомъ чувствъ. Хотя это убѣжденіе, все еще господствующее въ обществѣ, давно изгнано изъ физіологическихъ книгъ, однакоже Льюисъ несогласенъ съ новой теоріею, которая считаетъ мозгъ исключительнымъ органомъ чувствительности. Онъ не отвергаетъ мысли, что сердце, будучи мышцею, не надѣлено способностью чувствовать; но такъ-какъ этотъ центральный органъ кровообращенія до такой степени воспріимчивъ въ отношеніи къ вліянію чувствительности, что въ его дѣятельности отражается она со всѣми ея видоизмѣненіями, то—слѣдовательно—на него можно смотрѣть какъ на главный центръ чувства. Древніе не считали сердца органомъ, спеціально обладающимъ чувствительностью; они признавали его только главнымъ дѣятелемъ чувствующей души. И не такое ли понятіе составлено о мозгѣ въ наше время? Его представляютъ не отдѣльною отъ остального организма и надѣленною своей собственной чувствительностью массою, но центромъ чрезвычайно сложной системы, зависящимъ по своей дѣятельности отъ множества вліяній, чувствующимъ, потому что чувствованіе есть свойственная ему форма жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ — центромъ, живущимъ только вслѣдствіе жизненной дѣятельности всего организма. Равнымъ образомъ, сердце, принимающее участіе въ каждомъ изъ внутреннихъ движеній, на которыя реактивно отвѣчаетъ оно, можетъ быть названо, подобно мозгу, большимъ центромъ внутреннихъ движеній. Ни мозгъ, ни сердце не могутъ предъявить исключительнаго притязанія на эту роль — она принадлежитъ имъ обоимъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Основанія политической экономіи. Г. Д. Маклеода. *Переводъ съ англійскаго М. Н. Веселовскаго. С.-Петербургъ. Изданіе Н. Тиблена. 1865. Томъ I.*

Экономическая теорія Маклеода. *Изслѣдованіе* М. Н. Веселовскаго. *С.-Петербургъ. Въ типографіи Тиблена. 1865 г.*

Что такое политическая экономія, какъ наука? каковы ея свойства, и гдѣ ея предѣлы?—вотъ вопросы, на которые давались самые разнообразные отвѣты, какъ это показалъ еще Бланки въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Исторія политической экономіи»,

Digitized by Google

доказывая, что разрѣшеніе означенныхъ вопросовъ ни въ одной наукѣ не представляетъ столько трудностей, какъ въ политической экономіи, и что ни въ одной наукѣ извѣстные писатели не выражали такихъ разнообразныхъ и разносторонних мнѣній на счетъ свойства и пространства избраннаго предмета, не расходились до такой степени на счетъ того, что̀ должно быть включено въ ея область, и не различались такъ въ пріемахъ изложенія. Поэтому нисколько неудивительно, что Маклеодъ, приступая къ изложенію основаній этой науки, счелъ необходимымъ предварительно раскрыть свой взглядъ на ея содержаніе и границы, обнаруживъ при этомъ такую же самостоятельность и оригинальность воззрѣнія, которыми отличается и все означенное его сочиненіе, составляющее во многихъ отношеніяхъ замѣчательное явленіе въ литературѣ политической экономіи.

Обстоятельство это заставляетъ насъ особенно рекомендовать читателямъ нашимъ это произведеніе шотландскаго писателя. Еще года два тому назадъ, когда въ европейской журналистикѣ шли оживленные споры о новой теоріи кредита Маклеода, мы посвятили этому писателю нѣсколько статей, а теперь очень рады, что переводъ превосходнаго новаго сочиненія даетъ намъ поводъ еще разъ сказать нѣсколько словъ о Маклеодѣ.

Начала настоящаго сочиненія Маклеода, какъ онъ самъ, впрочемъ, справедливо говоритъ, основаны на священномъ правѣ частной собственности, на ненарушимомъ правѣ каждаго человѣка удерживать въ свою пользу плоды своей дѣятельности и обмѣнивать ихъ на чужія произведенія по своему усмотрѣнію и въ тѣхъ размѣрахъ, которые соотвѣтствуютъ требованію на нихъ. Этими-то обмѣнами и различными размѣрами, въ которыхъ предметы обмѣниваются одни на другіе, наука политической экономіи и должна въ сущности ограничиваться; она должна открывать законы, опредѣляющіе отношенія обмѣниваемыхъ количествъ, то-есть цѣнностей. Поэтому всѣ количества или предметы, какого бы то ни было свойства, существующіе теперь, или имѣющіе возникнуть впослѣдствіи, лишь бы эти предметы могли быть покупаемы или продаваемы, должны входить въ область политической экономіи. Еслибы не существовало обмѣна, не могло бы существовать понятія о цѣнности, и не было бы науки политической экономіи.

Очевидно поэтому, что подраздѣленіе предмета политической экономіи на произведеніе, распредѣленіе и потребленіе богатствъ не даетъ точнаго понятія о наукѣ, потому что богатство можетъ быть производимо, распредѣляемо и потребляемо безъ *акта мѣны*, а слѣдовательно помимо тѣхъ законовъ, которые должны входить въ каждое изъ отправленій, включаемыхъ въ область политической экономіи. Съ тѣхъ поръ, какъ люди начали оказывать услуги другъ другу, они должны были оцѣнить, сколько услугъ одного рода слѣдуетъ оказывать въ вознагражденіе услугъ другого рода, при чемъ вскорѣ появились ходячіе денежные знаки,

Digitized by Google

употребленіе которыхъ ведетъ не къ облегченію обмѣна, а *къ его устраненію*. Знаки эти служатъ доказательствомъ, что владѣлецъ ихъ оказалъ услуги, за которыя еще не получилъ равной цѣнности; они служатъ также средствомъ къ пріобрѣтенію цѣнностей. Сумма денегъ, выручаемая при передачѣ отъ одного лица другому права собственности на предметъ, обыкновенно называется *цѣною*; цѣна же есть то же самое, что *цѣнность*, выраженная въ деньгахъ, разумѣя подъ словомъ «цѣнность» нѣчто иное, какъ мѣновое отношеніе предметовъ, въ приложеніи къ ихъ численнымъ количествамъ. Отвергая ученіе о цѣнности при потребленіи и цѣнности мѣновой (valeur en usage, valeur en échange), Маклеодъ доказываетъ, что трудъ не составляетъ еще причины цѣнности, и что только одинъ лишь результатъ труда бываетъ одаренъ извѣстною цѣнностію, независимо отъ того, добытъ ли онъ съ большимъ или малымъ трудомъ. Не трудъ сообщаетъ цѣнность, а цѣнность или спросъ привлекаютъ трудъ. Цѣнности бываютъ: *положительныя*, къ разряду которыхъ Маклеодъ причисляетъ предметы, для полученія которыхъ платятъ деньги, и *отрицательныя*, то-есть предметы причиняющіе людямъ денежные расходы, съ цѣлью ихъ устраненія. Говоря короче, выгода—положительныя цѣнности, а препятствія — отрицательныя. Значительная часть человѣческихъ професій имѣетъ дѣло лишь съ отрицательными цѣнностями, потому что невозможно получать прибыли отъ предмета, не устранивъ предварительно отрицательной его цѣнности. Отсюда всѣ отрицательныя цѣнности составляютъ изъятіе изъ массы народнаго богатства.

Установивъ въ первой главѣ, по возможности, основныя понятія о различныхъ терминахъ и предметахъ науки, съ подкрѣпленіемъ и объясненіемъ своихъ воззрѣній примѣрами, заимствованными изъ другихъ наукъ, Маклеодъ во 2-й главѣ приступаетъ къ разсмотрѣнію общихъ законовъ, опредѣляющихъ мѣновыя отношенія количествъ. Онъ отвергаетъ всякое ученіе о такъ-называемой натуральной и рыночной цѣнѣ, на какой бы то ни было предметъ; доказываетъ, что отношеніе между спросомъ и предложеніемъ есть единственный регуляторъ цѣнности, и что цѣну создаетъ потребитель. Покупщики—говоритъ онъ—даютъ высокія цѣны за предметы не потому, что продавцы потратили много денегъ на производство этихъ предметовъ, а наоборотъ, продавцы рѣшаются истратить много денегъ на приготовленіе предметовъ потому, что надѣются найдти покупщиковъ, которые дадутъ за эти предметы еще болѣе. Неосновательность положенія Адама Смита, что трудъ есть мѣрило цѣнности—очевидна. Еслибы оно было вѣрно, то каждый предметъ цѣнился бы пропорціонально труду, употребленному на его созданіе. Но цѣнность предмета возникаетъ исключительно изъ желанія людей пріобрѣсти этотъ предметъ, и никакая *масса труда* не въ состояніи придать *этому предмету*, если люди не встрѣчаютъ въ немъ потребность. Маклеодъ отвергаетъ и законъ Рикардо, что цѣна опредѣляется

Digitized by Google

издержками производства, такъ-какъ если этотъ законъ вѣренъ, то онъ неизбѣжно ведетъ къ тому заключенію, что неуклонное производство какого либо предмета съ значительными на то издержками, при продолжительности этого дѣйствія, успѣло бы, наконецъ, возвысить цѣнность этого предмета. Но несомнѣнно, что вещи дѣлаются цѣнными не потому, что производятся съ большими издержками, а потому производятся съ значительными издержками, что производители разсчитываютъ, что вещи эти при продажѣ будутъ цѣниться высоко. Цѣна опредѣляетъ наибольшее количество издержекъ, могущее быть допущеннымъ при производствѣ, то-есть опредѣляетъ наиболѣе невыгодныя обстоятельства, при которыхъ производство можетъ имѣть мѣсто. Этимъ же самымъ опровергается все знаменитое ученіе Рикардо о поземельной рентѣ. Положеніе его: «когда поступаетъ въ обработку земля худшаго качества, то мѣновая цѣнность сырого продукта (а слѣдовательно и рента) возвышается, такъ-какъ для произведенія его требуется больше труда».—Маклеодъ исправляетъ слѣдующимъ образомъ: когда мѣновая цѣнность сырого продукта (а слѣдовательно и рента) возвышается, то земли худшаго качества поступаютъ въ обработку, потому что въ такомъ случаѣ, можетъ быть съ выгодою приложенъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ трудъ къ приготовленію этого продукта. Весьма часто нельзя бываетъ опредѣлить величину издержекъ на производство какого либо предмета, и самый фактъ открытія рынка для предмета служитъ условіемъ, слагающимъ цѣну. Съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ изъ Шотландіи въ Лондонъ, напримѣръ, яйца, продававшіяся по 1 пенсу за дюжину въ Шотландіи, достигли 4 и 6 пенсовъ, ибо ихъ продавали въ Лондонѣ по 1 шилингу 6 пенсовъ. Очевидно, что лондонскія цѣны на яйца установили имъ цѣну въ горной Шотландіи, а не обратно.

Маклеодъ, послѣ подробнаго разсмотрѣнія вопроса о цѣнѣ, приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) никакая перемѣна въ издержкахъ производства не сопровождается измѣненіемъ цѣнности, если совмѣстно съ тѣмъ не происходитъ измѣненія въ соотношеніи предложенія и спроса;

2) уменьшеніе издержекъ производства, когда оно случается безъ совмѣстнаго увеличенія произведеннаго количества, вполнѣ обращается въ пользу производителя; въ тѣхъ же случаяхъ, когда количество произведеній можетъ быть увеличено безгранично, обращается въ пользу потребителя;

3) уменьшеніе же издержекъ производства въ тѣхъ случаяхъ, когда количество произведеній увеличивается, но небезпредѣльно, обращается частью въ пользу производителя, а частью въ пользу потребителя; притомъ прибыль подраздѣляется между тѣмъ и другимъ въ обратномъ отношеніи къ вновь произведенному количеству, сравнительно съ прежде бывшимъ потребленіемъ.

По этимъ соображеніямъ Маклеодъ выводитъ слѣдующія формулы:

Digitized by Google

а) отношеніе между спросомъ и предложеніемъ есть всеобщій и единственный регуляторъ цѣнности;

б) цѣна измѣняется въ прямомъ отношеніи къ напряженности оказанной услуги, и въ обратномъ отношеніи къ власти покупщика надъ продавцемъ. Цѣни составляютъ предметъ постояннаго состязанія между покупателемъ и продавцемъ;

в) въ тѣхъ случаяхъ, когда производство можетъ быть увеличено безпредѣльно, люди пріучаются соображать размѣры предложенія съ размѣрами спроса, такъ-что цѣнность предмета близко подходитъ тогда къ издержкамъ производства.

Замѣчая далѣе, что силы потребленія, говоря вообще, ограничены, силы же производства во многихъ случаяхъ легко могутъ быть расширены, Маклеодъ доказываетъ, что производство должно всегда сообразоваться съ потребленіемъ, а не наоборотъ. Отсюда основная истина: спекуляція есть мать производства, а спросъ есть источникъ цѣнности; размѣръ же цѣнности или уровень цѣны зависитъ отъ пропорцій между производствомъ (или предложеніемъ) и числомъ лицъ, готовыхъ дать соотвѣтствующую цѣну (или потребленіемъ). Колебаніе цѣнъ не есть зло само по себѣ; это только *признакъ* или проявленіе зла, которое состоитъ въ измѣненіи соотношенія предложенія и спроса. Колебаніе цѣны въ подобныхъ случаяхъ есть созданное самою природою орудіе, противодѣйствующее злу; оно тождественно въ принципѣ съ назначеніемъ регулятора или модератора въ паровой машинѣ; это—умѣряющая сила, оберегающая торговлю отъ излишества или крайней скудости. Когда предложеніе до того велико, что цѣны падаютъ ниже уровня, достаточнаго для вознагражденія производства, положеніе цѣнъ, уничтожая совсѣмъ прибыль отъ производства, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ производителямъ знакъ къ сокращенію производства, потому что уничтожается самая цѣль или побудительная причина самаго производства, то-есть *прибыль* отъ него.

Отсюда—главный способъ поощренія производства есть *увеличеніе* прибылей; съ другой стороны, дѣйствительный и естественный способъ сократить производство есть уничтоженіе прибылей.

Послѣ этого Маклеодъ обращается къ разсмотрѣнію причинъ измѣненія въ цѣнѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣна выплачивается за временное пользованіе предметами, то-есть въ отношеніи *ренты* (*платы* за пользованіе неподвижнымъ капиталомъ), *наемной или прокатной платы* (съ подвижного капитала или собственности личной), *задѣльной*, *заработной платы* или жалованья, и наконецъ, *процентовъ* съ денежныхъ суммъ, и находитъ, что въ отношеніи ихъ также сохраняетъ полную свою силу выведенный законъ предложенія и спроса.

Подъ словомъ *рента*, Маклеодъ разумѣетъ часть, получаемую землевладѣльцемъ изъ прибылей отъ обработки земли, въ видѣ процентовъ на этотъ родъ капитала, а отнюдь не ту часть произведеній земли, какая причитается на долю владѣльца за пользованіе первоначальными и неразрушимыми силами земли; но-

Digitized by Google

слѣднее опредѣленіе ренты, сдѣланное Рикардо, Маклеодъ считаетъ нелѣпымъ. Земля не обладаетъ первоначальными и неразрушимыми силами въ томъ смыслѣ, какъ принимаетъ ихъ Рикардо. Едва-ли гдѣ найдется земля, годная для обработки безъ значительной затраты на нее труда или капитала; къ тому же, силы земли до такой степени далеки отъ того, чтобы быть неразрушимыми, что исключая очень рѣдкихъ случаевъ, земля скоро истощается, и требуетъ, для поддержанія себя въ годности, постоянныхъ обновленій при помощи труда и капитала. Рента есть сумма, платимая фермеромъ владѣльцу за пользованіе землею; землевладѣлецъ есть капиталистъ, капиталъ котораго въ землѣ; подобно другимъ, онъ или самъ торгуетъ на свой капиталъ, или отдаетъ его другимъ, причемъ за пользованіе капиталомъ онъ, такъ же какъ и прочіе капиталисты, пріобрѣтаетъ право получать проценты. Рента возникаетъ изъ цѣны на продукты земли, причемъ она можетъ увеличиться даже при пониженіи рыночной цѣны. посредствомъ увеличенія произведеннаго количества продуктовъ. Если цѣны повышаются, или издержки производства уменьшаются, то въ обработку могутъ поступать земли даже при наименѣе выгодныхъ къ тому условіяхъ; если же цѣна падаетъ или издержки производства увеличиваются, то нѣкоторая часть и той земли, которая уже обработывалась, будетъ заброшена. Результатъ этого тотъ, что средняя цѣна на сельскіе продукты опредѣляетъ наименѣе благопріятныя обстоятельства, при которыхъ рента можетъ быть платима, а равно — размѣры ренты во всѣхъ случаяхъ. Рента вообще должна быть ниже суммы, платимой за пользованіе всякимъ другимъ капиталомъ, потому что въ этомъ случаѣ, власть покупщика надъ продавцемъ сильнѣе обыкновенной; если же представится много желающихъ арендовать ферму, то рента, предлагаемая за нее, будетъ выше, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы явилось мало претендентовъ. Отсюда слѣдуетъ, что для землевладѣльца гораздо выгоднѣе раздѣлить свое владѣніе на фермы малаго объема, чѣмъ на большія, потому что на малую ферму найдется болѣе охотниковъ, чѣмъ на большую, ибо число людей, владѣющихъ незначительными капиталами, несравненно болѣе, нежели обладающихъ большими.

Все сказанное въ отношеніи ренты, одинаково примѣнимо и къ наемной платѣ, которая представляетъ собою сумму, вносимую за временное пользованіе тѣмъ, что обыкновенно называютъ подвижнымъ капиталомъ или личною собственностью; сумма эта подчиняется также закону предложенія и спроса, точно такъ же, какъ задѣльная плата. Мнѣніе многихъ экономистовъ, что послѣдняя пропорціональна цѣнѣ на съѣстные припасы, совершенно ошибочно, по замѣчаніямъ Маклеода. Необходимымъ послѣдствіемъ подобнаго закона, если онъ вѣренъ, было бы то, что задѣльная плата во всѣхъ промыслахъ повышалась и понижалась бы одновременно. Но опытъ дѣйствительной жизни не подтверждаетъ этого; онъ показываетъ, напротивъ того, что вздо-

Digitized by Google

рожаніе съѣстныхъ припасовъ понижаетъ заработную плату. Фактъ этотъ объясняется слѣдующимъ образомъ. Когда цѣны на продовольствіе высоки, люди больше должны удѣлять изъ того, что необходимо на пищу, составляющую предметъ первой необходимости; является меньшій спросъ на прочія произведенія, вслѣдствіе чего понижается ихъ цѣнность, и уменьшается ихъ производство, то-есть самый спросъ труда, цѣна котораго поэтому падаетъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ предѣлъ, ниже котораго задѣльная плата не можетъ упасть на продолжительное время, и который обусловливается *цѣнами на продовольствіе*. Предѣлъ этотъ зависитъ отъ самаго низкаго, самаго дешеваго, и самаго худшаго сорта пищи, способной поддерживать человѣческую жизнь, а отнюдь не отъ какой-то естественной цѣны на трудъ, какъ это доказываетъ Рикардо, который смѣшиваетъ опять причину и слѣдствіе. Не цѣна на пищу опредѣляетъ размѣръ задѣльной платы, а наоборотъ, размѣръ получаемой задѣльной платы опредѣляетъ свойства пищи (и вообще все матеріальное благосостояніе рабочаго класса), какую труженикъ въ состояніи себѣ доставить. Въ подтвержденіе этого, Маклеодъ приводитъ Сѣверо-американскіе штаты и Канаду, гдѣ съѣстные припасы *очень дешевы*, а задѣльная плата чрезвычайно высока. Чѣмъ же это объясняется? Тѣмъ, что съѣстные припасы тамъ въ изобиліи, а рукъ мало; тутъ дѣйствуетъ, слѣдовательно, тотъ же законъ предложенія и спроса на каждый предметъ. Размѣръ до крайности низкой задѣльной платы въ Китаѣ, не зависитъ отъ того, что китайцы ѣдятъ, но, наоборотъ, они *вынуждены ѣсть* всякую дрянь, потому что вознагражденіе за трудъ слишкомъ ничтожно. Недостаточность же вознагражденія за трудъ есть слѣдствіе чрезвычайнаго размноженія населенія, которое неизбѣжно понижаетъ уровень задѣльной платы; когда число рабочихъ возрастаетъ скорѣе, чѣмъ кругъ занятій, заработная плата должна падать прогресивно, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быстро колебаться житейскій комфортъ и весь жизненный строй.

Обращаясь затѣмъ къ процентамъ на денежный капиталъ, Маклеодъ замѣчаетъ, что они представляютъ сходство съ рентою, платимою арендаторомъ, хотя, по мѣрѣ развитія общества, они дѣйствуютъ въ противоположныхъ направленіяхъ и подчинены тому же самому закону спроса и предложенія. Размѣръ процентовъ измѣняется въ прямомъ отношеніи къ прибылямъ, и въ обратномъ отношеніи къ пропорціи между предложеніемъ и спросомъ, заключая въ себѣ два элемента: дѣйствительную наемную плату за ссуженныя деньги, и страховую премію (которая тѣмъ выше, чѣмъ сильнѣе рискъ предпріятія) — для обезпеченія кредитору возврата его капитала.

Показавъ такимъ образомъ, что законъ предложенія и спроса, составляющій теорію цѣнъ, примѣняется одинаково къ товарамъ и деньгамъ, Маклеодъ въ 3-й главѣ разсматриваетъ эту теорію, въ примѣненіи ея къ долгамъ различныхъ наименованій, торгъ

Digitized by Google

которыми составляетъ систему кредита, исполняющую въ торговлѣ тѣ же обязанности, какія лежатъ на паровой машинѣ въ механикѣ. Въ главѣ этой, посвященной вопросамъ о торговомъ и банковомъ кредитѣ, и разбору мнѣній экономистовъ объ этомъ предметѣ, развиваются преимущественно взгляды, высказанные Маклеодомъ уже нѣсколько прежде въ его сочиненіи «Theory and Practice of banking» (Теорія и практика банковаго дѣла), о которомъ было своевременно (въ 1863 году) сообщено читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» Маклеодъ, какъ извѣстно, держится того мнѣнія, что кредитъ исполняетъ тѣ же обязанности, какъ и деньги; пока производство продолжается, кредитъ во всѣхъ отношеніяхъ бываетъ равносиленъ деньгамъ. Но онъ можетъ быть также приложенъ къ созданію продукта въ разсчетѣ удовлетворить обязательство изъ прибылей, почерпаемыхъ внѣ самой кредитной операціи. Кредитъ есть власть, которою торговецъ одаренъ для извлеченія товаровъ изъ рукъ производителя; онъ есть ручательство въ томъ, что опытность торговца окажетъ въ будущемъ услуги обществу, изслѣдованіемъ и удовлетвореніемъ общественныхъ потребностей. Короче — кредитъ есть капиталъ (стр. 293).

Познакомивъ такимъ образомъ нашихъ читателей съ первымъ томомъ «Основаній Политической Экономіи», переводъ которыхъ сдѣланъ г. Веселовскимъ вполнѣ удовлетворительно и съ полнымъ знаніемъ дѣла, мы считаемъ излишнимъ долго распространяться объ очевидныхъ достоинствахъ этого сочиненія. Маклеодъ является изслѣдователемъ столь же самобытнымъ, какъ и глубокимъ. Подвергнувъ строгой и неотразимой критикѣ многія господствующія въ современной политической экономіи мнѣнія, и установленныя формулы, и показавъ всю ихъ несостоятельность, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не ограничился однимъ лишь ниспроверженіемъ стараго. Руководствуясь основнымъ началомъ, признаннымъ въ опытныхъ наукахъ, что только тотъ законъ правиленъ, который въ состояніи объяснить всѣ случаи, относящіеся къ извѣстному предмету, и что всякая правильная формула или общее правило должны носить на себѣ отпечатокъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые вліяютъ на дѣйствіе этой формулы или правила — Маклеодъ, въ отношеніи политической экономіи, принимаетъ за несомнѣнную истину слѣдующее положеніе: изъ двухъ или болѣе выраженій, объясняющихъ явленія, относящіяся къ цѣнѣ и ея измѣненіямъ, а равно изъ выраженій, подходящихъ къ этимъ явленіямъ, только то выраженіе должно быть признано за истинное, которое въ состояніи объяснить всѣ явленія въ области науки, а не отдѣльные только случаи. Такою общею формулою, въ отношеніи цѣнностей, онъ считаетъ законъ предложенія и спроса.

Считая науку политической экономіи — наукою по преимуществу практическою, требующею близкаго, практическаго знакомства съ большимъ числомъ предметовъ, весьма разнообразныхъ, онъ для болѣе яснаго, глубокаго и точнаго раскрытія ея законовъ, рѣшился ограничить сферу ея лишь предметами, ко-

Digitized by Google

торые могутъ быть покупаемы или продаваемы, то-есть ученіемъ о цѣнностяхъ, оставивъ въ сторонѣ все поле соціальныхъ отношеній человѣчества, во всѣхъ сферахъ физическихъ и нравственныхъ. Это, конечно, не могло не вооружить соціалистовъ, въ особенности тѣхъ, которые при чтеніи пропускаютъ страницы. Теорію Маклеода они выставили, какъ насильственное оправданіе существеннаго распредѣленія богатства въ пользу буржуазіи (хотя Маклеодъ объ этомъ нигдѣ и не заикается), какъ науку о наилучшемъ устройствѣ экономическихъ отношеній въ видѣ накопленія, науку объ обмѣнѣ и продажѣ, теорію комерческаго порядка хозяйства или *лавки*. Они упрекали Маклеода въ томъ, что имъ выкинуто изъ политической экономіи то, что разработывалось до сихъ поръ экономистами, и составляло драгоцѣннѣйшую часть ихъ изслѣдованія, и упускали изъ виду, что Маклеодъ, всѣ подобнаго рода вопросы не исключаетъ вовсе изъ науки, а причисляетъ къ болѣе обширной отрасли знанія — именно *къ соціологіи* или соціальной экономіи, въ которой политическая экономія занимаетъ особый отдѣлъ (стр. 16). Хотя вѣрное пониманіе истинныхъ началъ политической экономіи проливаетъ много свѣта на другіе отдѣлы соціологіи, и даже составляетъ необходимое условіе для правильнаго ихъ уразумѣнія, тѣмъ не менѣе они являются не отраслями политической экономіи, но отдѣльными и самостоятельными отраслями *знанія* вообще, имѣющими впрочемъ близкое отношеніе съ экономической наукой. Короче, это возраженіе соціалистовъ нелѣпо до смѣшнаго, и ничѣмъ не отличается отъ того, еслибы кто вздумалъ укорять техниковъ и металурговъ въ томъ, что они отвергаютъ химію потому, что считаютъ технологію и металургію отдѣльными отъ нея науками, а минералоговъ и кристалографовъ — въ отрицаніи геогнозіи на томъ основаніи, что минералогія и кристалографія, вслѣдствіе ихъ необычайнаго развитія, составляютъ въ настоящее время, для болѣе успѣшнаго же изученія ихъ законовъ и явленій, отдѣльныя отъ геогнозіи науки. Почему же не быть и особой, самостоятельной наукѣ о цѣнностяхъ, какъ скоро онѣ составляютъ неизбѣжное и безусловно-необходимое явленіе современной человѣческой жизни?

Что же касается до брошюры «Экономическая теорія Маклеода», изданной г. Веселовскимъ отдѣльно, съ цѣлью — какъ онъ самъ говоритъ — объяснить научное значеніе этой теоріи, и разобрать высказанныя о ней мнѣнія, то нельзя не замѣтить, что эта задача какъ-бы ускользнула изъ виду автора, который обратилъ, можно сказать, исключительное свое вниманіе на взгляды, высказанные Михаэлисомъ по поводу кредитной системы Маклеода, и опровергаетъ ихъ, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удачно. Михаэлисъ признаетъ за кредитомъ способность *перемѣщать*, но не *создавать* капиталъ, и говоритъ, что онъ содѣйствуетъ возрастанію капитала нетолько посредствомъ перемѣщенія, но и чрезъ ускореніе производительнаго обращенія капиталовъ; сбе-

Digitized by Google

регаетъ въ пользу общества *время*. Въ этомъ смыслѣ кредитъ есть капиталъ. Кредитъ, создаетъ капиталъ; но долговыя бумаги, создаваемыя кредитомъ, не составляютъ капитала, и не создаютъ капитала; онѣ не создаютъ ничего, кромѣ обращенія, и суть не что иное, какъ орудія обращенія, то-есть квитанціи въ оказанныхъ услугахъ, то-есть передаточные долги, по меткому выраженію Маклеода (стр. 16). Оспаривать справедливость этихъ словъ рѣшительно нѣтъ надобности, и нѣтъ возможности, а между тѣмъ, г. Веселовскій старается ихъ опровергнуть, и утверждаетъ, что выпускъ, напримѣръ, облигацій равносиленъ созданію капитала въ средѣ общества, принимая слово «капиталъ» въ обыкновенномъ значеніи слова (разумѣя подъ этимъ *вещественное имущество)*.

Не вдаваясь въ разборъ этого воззрѣнія, мы замѣтимъ только, что оно отнюдь не можетъ быть приписано Маклеоду, и что возраженіе Михаэлиса имѣетъ своимъ основаніемъ лишь различіе въ понятіяхъ, соединяемыхъ нерѣдко со словомъ *капиталъ*. Маклеодъ самъ придаетъ этому слову различныя значенія, а именно: по основной идеѣ, капиталъ есть запасъ накопленнаго труда (слѣдовательно нѣчто физическое, вещественное), еще необращенный владѣльцемъ на покупку предметовъ потребленія; *символомъ его служатъ деньги* (стр. 70). Далѣе: капиталъ есть *сила* покупающая, двигательная сила торговли—сила, заставляющая товары переходить отъ производителя къ купцу; другими словами, это есть *сила вращающая*, заставляющая товары обращаться. Капиталъ не выражаетъ самыхъ товаровъ, а лишь *власть* или *силу*, которая переноситъ *право* на эти товары отъ одного лица къ другому (стр. 73). Слѣдовательно, капиталъ является чѣмъ-то отвлеченнымъ. Но это еще не все: слово «капиталъ» даетъ поводъ къ дальнѣйшему метафорическому распространенію его первоначальнаго значенія: все, что ведетъ къ достиженію *денегъ*, можетъ въ переносномъ смыслѣ быть названо *капиталомъ*; самое незначительное орудіе, всякое, хотя бы самое простое изобрѣтеніе, сокращающее трудъ и увеличивающее производство, по справедливости можетъ быть признано капиталомъ. Образованіе, книги, опытность, искуство, предпріимчивость, товары, сметливость, репутація, честность и т. д. — всѣ они представляютъ собою капиталъ. Такъ надежная репутація служитъ *капиталомъ* людямъ, которые получаютъ *въ ссуду деньги*, то-есть капиталъ, замѣтимъ мы, въ первомъ значеніи сего слова (стр. 74). Поэтому, приступая къ опроверженію или защитѣ высказаннаго Маклеодомъ положенія, кредитъ есть капиталъ, слѣдовало бы составить себѣ *сперва понятіе*, въ какомъ именно значеніи въ этой формулѣ употреблено слово *капиталъ*: безъ этого всѣ разсужденія будутъ праздны. Но этого ни Михаэлисъ, ни г. Веселовскій не сдѣлали. Очевидно, что Маклеодъ въ этомъ случаѣ отнюдь не принимаетъ капиталъ въ первоначальномъ значеніи сего слова. Въ этомъ всякій можетъ легко убѣдиться, прочтя стр. 293 сочиненія Маклеода, гдѣ говорится: «*кре-*

Digitized by Google

дитъ есть власть, которою торговецъ одаренъ для извлеченія товаровъ изъ рукъ фабриканта; онъ есть *ручательство* въ томъ, что опытность торговца окажетъ въ будущемъ услуги обществу» и т. д.; послѣ чего, сдѣлавъ выводъ, что кредитъ есть капиталъ, Маклеодъ говоритъ далѣе: «примѣненіе паровой силы къ перевозу тяжестей уровняло средства къ передвиженію для людей самой скромной и самой высокой сферы. Точно такимъ же образомъ *изобрѣтеніе кредита* (который есть капиталъ, напоминаетъ мы), разрушило исключительное господство *капитала или денегъ* и дало человѣку съ самыми скромными средствами возможность стать на ступень лѣстницы, ведущей къ богатству». Излишне послѣ этого говорить, что Маклеодъ никогда не думалъ утверждать, что кредитъ *создаетъ деньги* или другія какія либо вещественныя цѣнности!...

Отчетъ совѣта управленія главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ за 1864 годъ. *С.-Петербургъ. 1865.*

Къ ежегодному собранію акціонеровъ, совѣтъ управленія главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ напечаталъ, какъ водится, свой отчетъ, изъ котораго мы считаемъ неизлишнимъ привести нѣкоторыя цифры, напоминая читателямъ, что состоящія въ настоящее время въ завѣдываніи главнаго общества желѣзныя дороги: варшавская съ вѣтвью ея къ прусской границѣ, въ отношеніи сбора считается въ 1211 верстъ, а нижегородская въ 410 верстъ, итого 1621 верста.

На постройку этого количества желѣзныхъ дорогъ вообще, выпущено было разновременно, какъ это видно изъ общаго счета, помѣщеннаго въ концѣ отчета:

акцій	1-го	выпуска въ	600,000	каждая,	на сумму	75.000,000 р.
облигацій	1-го	»	70,000	»	» »	35.000,000 »
»	2-го	»	18,877	»	» »	2.359,625 »
					Итого . .	112.359,625 р.

Сверхъ того, какъ усматривается изъ того же самаго отчета, передано было обществу работъ, совершенныхъ уже нашимъ правительствомъ, на . . . . . 11.598,585 р. 15 к.
и сдѣлана *ссуда* на довершеніе линіи въ . 28.000,000 » — »

Итого . 39.598,585 р. 15 к.

Взявъ въ основаніе эту общую сумму 151.958,210 р. 15 коп., можно сказать, что стоимость сооруженія каждой *версты* обошлось нѣсколько болѣе 93,000 руб., что далеко недешево.

Между тѣмъ, изъ счета сооруженія линій къ 31 декабрю 1864 года, узнаемъ мы, что вообще издержано на это 159.106,748 р. $55^3/_4$ коп., при чемъ распредѣленныхъ расходовъ (то-есть по сооруженію дороги и на устройство подвижного состава) считается 155.836,687 р. 57 коп., въ томъ числѣ приходится изъ нихъ на

Digitized by Google

долю варшавской дороги 121.577,977 руб. 28 коп., а нижегородской 34.258,710 руб. 29 коп.

Общій приходъ (выручка, то-есть валовой доходъ) составлялъ по дорогамъ:

	въ 1863 году.	въ 1864 году.
Варшавской. . . .	5.921,220 р. 15 к.	5.997,840 р. 24 к.
Нижегородской . .	3.220,204 » 12 »	3.557.181 » 45 »
Итого. . .	9.141,424 р. 27 к.	9.555,021 р. 69 к.

Вычтя изъ этихъ суммъ различные по содержанію дороги вообще *расходы*, простиравшіеся въ тотъ же періодъ времени по дорогѣ:

	въ 1863 г.	въ 1864 г.
Варшавской на	4.312,010 р. 42 к.	4.730,856 р. 9 к.
Нижегородской на . .	1.764,585 » 52 »	1.768,498 » 70 »

увидимъ, что *чистый доходъ* составлялъ:

по Варшавской дорогѣ	1.609,209 р. 73 к.	1.266,984 р. 15 к.
» Нижегородской »	1.455,618 » 60 »	1.788,682 » 75 »
Итого чистаго дохода .	3.064,828 р. 33 к.	3.055,666 р. 90 к.

При этомъ можно замѣтить, что нижегородская дорога хотя почти *и втрое менѣе* варшавской, дала однако чистаго дохода въ 1864 году *болѣе* нежели варшавская, что̀ очевидно изъ простаго, нагляднаго сравненія цифръ чистаго дохода за 1864 годъ. Что же касается чистаго дохода за 1863 годъ, то повидимому, нижегородская дорога дала менѣе варшавской дороги почти на 154,000 руб.; но это только повидимому, потому что сама дорога, какъ уже сказано, въ три раза почти короче, а слѣдовательно раздѣливъ каждую изъ суммъ чистаго дохода на соотвѣтственное протяженію дороги число верстъ, увидимъ, что и въ 1863 году чистый доходъ съ нижегородской дороги, составляя на версту дороги около 3550 руб., былъ значительно болѣе, нежели таковой же доходъ по варшавской дорогѣ, на которой онъ составлялъ всего 1,403 руб. (съ копейками) на версту. Въ 1864 же году *на версту дороги* приходилось:

	на варшавской линіи.	на нижегородской линіи.
общей выручки	4,952 р 80 к.	8,676 р. 5 к.
расхода дѣйствительнаго. . .	3,840 » 80 »	4,234 » 96 »
(стр. 19 отчета).		
чистаго дохода слѣдовательно	1,112 р. — к.	4,441 р. 9 к.

Подобные результаты заставляютъ насъ, по аналогіи, придти къ тому заключенію, что для насъ, при современномъ нашемъ промышленномъ состояніи, представляются болѣе выгодными, а слѣдовательно и полезными желѣзныя дороги, соединяющія между собою отдѣльныя внутреннія мѣстности нашего государства, нежели до-

Digitized by Google

роги, имѣющія собственно цѣлію соединеніе однихъ лишь крайнихъ пунктовъ имперіи, а потому и служащія не столько внутреннему взаимному сообщенію частей государства между собою, сколько сообщенію внѣшнему, съ другими государствами, значительно менѣе важному, чѣмъ внутреннее. Въ этомъ убѣждаетъ насъ еще болѣе результатъ перевозки по означеннымъ двумъ дорогамъ товаровъ, какъ на счетъ частныхъ лицъ, такъ и самаго общества. *Средній сборъ* за провозъ товаровъ и клади на версту былъ:

	въ 1863 г.	въ 1864 г.
по Варшавской линіи	1,975 р. 60 к.	1,901 р. 59 к.
» Нижегородской »	3,972 » 41 »	4,505 » 22 »

Кромѣ того, нижегородская дорога удовлетворяетъ *болѣе* потребностямъ народа, какъ это видно изъ нижеслѣдующей сравнительной таблицы, показывающей пропорцію проѣзжающихъ по классамъ, именно на 100 пасажировъ приходилось:

	по варшавской линіи.		по нижегородской линіи.	
	въ 1863 г.	въ 1864 г.	въ 1863 г.	въ 1864 г.
пасажировъ 1-го класса . . .	5	6	2	2
» 2-го »	20	20	9	9
» 3-го »	75	74	89	89

Выручка же съ пасажировъ въ 1864 году распредѣляется по классамъ въ слѣдующей пропорціи на 100 рублей:

	по варшавской линіи.	по нижегородской линіи.
пасажировъ 1-го класса	20 р. 32 к.	8 р. 10 к.
» 2-го »	38 » 16 »	20 » 9 »
» 3-го »	51 » 52 »	71 » 81 »

Такимъ образомъ *третій классъ* составляетъ самую выгодную категорію проѣзжающихъ, несмотря на то, что цѣны для проѣзда въ этомъ классѣ назначены относительно самыя дорогія, что̀ ясно уже изъ того простого примѣра, что за проѣздъ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ въ 3-мъ классѣ берутъ 5 руб. 12 коп. (за 410 верстъ), тогда какъ изъ Москвы въ Петербургъ по николаевской дорогѣ, несравненно болѣе длинной чѣмъ нижегородская, берутъ только 4 р. 50 коп.

Правда, въ извиненіе такого ненормальнаго явленія, могутъ намъ сказать, что нужно же чѣмъ нибудь покрывать разные расходы, производимые обществомъ, какъ напримѣръ, по перестройкѣ каменнаго устоя на мосту чрезъ рѣку Плюссу; устой, какъ видно изъ отчета, уже успѣлъ дать трещины и отклониться отъ вертикальной линіи; на жетоны членамъ совѣта 50,000 рублей, что̀, конечно, даетъ поводъ предполагать или многочисленность членовъ совѣта, или значительное вознагражденіе ихъ за принятое участіе въ засѣданіяхъ, которыя легко дѣлаются столь же краткими, какъ и частыми, какъ скоро члены совѣта получаютъ

Digitized by Google

вознагражденіе лишь только *по числу* засѣданій и т. д. Конечно, эти расходы должны быть чѣмъ нибудь покрыты, но не можетъ ли главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ позаботиться и о возможномъ ограниченіи подобнаго рода расходовъ?

Изъ природы. *Разсказы для дѣтей по Вагнеру (съ нѣмецкаго). Изданіе переводчицъ. С.-Петербургъ. 1865 г. Цѣна 1 р. 25 коп. 1 томъ въ 3 хъ частяхъ.*

Не повторяя всего, не разъ сказаннаго о безусловной пользѣ и необходимости имѣть дѣльныя и занимательныя книги для чтенія лицамъ дѣтскаго возраста, мы напомнимъ нашимъ читателямъ, что въ этой сферѣ нѣмецкой литературы, Вагнеръ пользуется большою извѣстностью. Онъ—авторъ цѣлаго ряда сочиненій, издаваемыхъ отдѣльными выпусками подъ заглавіемъ: «Entdeckungs-Reisen, in der Wohnstube» im «Haus und Hof, in Garten, Feld und Flur, im Walde» и т д., и въ которыхъ самымъ простымъ, но совершенно яснымъ слогомъ, онъ весьма занимательно разсказываетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ дѣтямъ отъ 10—13-лѣтняго возраста предметы и явленія, которые невольнымъ образомъ обращаютъ на себя глаза ребёнка въ комнатѣ, въ домѣ, во дворѣ, въ полѣ, саду, лѣсу и т д., и знакомитъ его по возможности полнымъ и точнымъ образомъ съ явленіями окружающей его природы. Книги эти, по цѣнѣ очень дешевыя, съ весьма отчетливыми рисунками, можно встрѣтить рѣшительно въ каждомъ семействѣ въ Германіи, гдѣ онѣ пользуются особенно благосклоннымъ расположеніемъ того круга читателей, для которыхъ онѣ предназначены. Поэтому позволяя себѣ обратить вниманіе нашихъ читателей, заботящихся о полезномъ и занимательномъ чтеніи для дѣтей, на означенныя сочиненія Вагнера, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не высказать желанія, чтобы книги эти были переведены также на русскій языкъ обществомъ переводчицъ, которымъ принадлежитъ изданіе сочиненія того же самаго Вагнера подъ заглавіемъ «Изъ природы», предназначенное имъ для дѣтей еще болѣе юнаго возраста, только что научившихся читать. Разсказы эти, какъ можно уже заключить изъ самаго заглавія, относятся до самыхъ общеизвѣстныхъ и наиболѣе часто встрѣчаемыхъ дѣтьми предметовъ и явленій въ царствѣ животномъ и растительномъ, каковы, напримѣръ, береза, морковь, черника, кротъ, муравей, соль, роза, лилія, ленъ, крапива, кукушка, ива, желѣзо и т. д. Къ весьма многимъ изъ разсказовъ приложены соотвѣтствующіе рисунки. Что же касается до перевода, то онъ вполнѣ удовлетворителенъ и изданіе дешево, такъ что этому изданію переводчицъ мы желаемъ полнаго успѣха.

Исторія крестьянской войны въ Германіи *по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Доктора* Циммермана. *Переводъ подъ редакціею* Зайцева. *Выпускъ 1. С.-Петербургъ. 1865.*

Крестьянская война въ Германіи, продолжавшаяся впрочемъ весьма недолго, является тѣмъ не менѣе весьма поучительнымъ

Digitized by Google

для сильныхъ міра сего событіемъ, среди великой драмы, ознаменовавшей начало новой исторіи, именно среди реформаціи въ Германіи.

Она показала, что стремленіе къ свободѣ и самостоятельности, а также къ правдѣ и справедливости до того врожденны человѣку, что даже самыя тяжкія угнетенія и самыя вопіющія, впродолженіе столѣтій, разрушенія правъ человѣческихъ не могутъ вполнѣ изгладить воспоминанія о нихъ въ сердцахъ людей. Движеніе это, имѣя главною своею причиною положеніе крестьянъ того времени, которое въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій было тягостнѣе, чѣмъ когда либо, не было ни случайно, ни внезапно. Оно долго подготовлялось. Крестьянскія возмущенія противъ дворянъ и духовныхъ владѣтелей происходили по временамъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, и были направлены на защиту прежней свободы отъ произвола высшихъ классовъ, которые хотѣли усилить все болѣе и болѣе бремя, тяготѣвшее надъ несвободными лицами, и обратить ленниковъ въ крѣпостныхъ. Крестьяне, впрочемъ, постоянно терпѣли неудачи, дѣйствуя обыкновенно разрозненно; въ началѣ же XVI столѣтія, въ 1525 году, возстаніе крестьянъ дѣлается въ Германіи всеобщимъ, хотя и непродолжительнымъ.

Послѣ весьма кратковременнаго успѣха, возстаніе это, опустошивъ и разрушивъ все въ странахъ, въ которыя оно проникло, было въ томъ же году подавлено соединенными силами богатыхъ землевладѣльцевъ и ихъ правительствъ и подвергло возмутившихся единственно всѣмъ печальнымъ послѣдствіямъ жестокаго мщенія и наказанія, не доставивъ имъ большей частью никакихъ улучшеній въ матеріальномъ или нравственномъ отношеніи.

Нѣтъ ничего естественнѣе, что кровавый эпизодъ этотъ, какъ и всякій другой, вообще обращалъ на себя вниманіе нѣмецкихъ ученыхъ, которые, занимаясь спеціально исторіею *своего отечества*, написали о немъ немалое число отдѣльныхъ монографій, какъ напримѣръ: *Sartorius*: «Versuch einer Geschichte des deutschen Bauernkrieges», 1795; *Oechsfe*: «Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges in den schwäbisch frankischen Grenzlanden», 1830; *Bensen*: «Geschichte des Bauernkriege in Ostfranken», 1840, а также появившееся въ первый разъ въ 1841 году, то-есть четверть столѣтія назадъ, сочиненіе Циммермана «Allgemeine Geschichte des grossen Bauernkrieges», которое признается однимъ изъ лучшихъ и обширнѣйшихъ въ этомъ родѣ. Просмотрѣвъ недавно изданный редакціею «Русскаго Слова» первый выпускъ перевода этого сочиненія со втораго его изданія, намъ невольно пришла въ голову мысль, какая дѣйствительная польза обществу могла побудить редакцію къ подобному предпріятію, и неужели не оказывается уже болѣе никакихъ другихъ полезныхъ на иностранныхъ языкахъ книгъ, переводы которыхъ могли бы принести гораздо болѣе пользы, нежели отдѣльное изслѣдованіе о крестьянской войнѣ въ Германіи. Можетъ ли этотъ предметъ на столь-

Digitized by Google

ко интересовать насъ, русскихъ, чтобы заставить прочесть *до семидесяти печатныхъ листовъ*, посвященныхъ изслѣдованіямъ и разсказамъ о томъ, какъ образовались башмаки (то-есть крестьянскіе союзы) въ Брухрайнѣ, въ Унтергрумбахъ, въ Леэннѣ и т. д., что дѣлалъ бѣдный Конрадъ или Коонцъ въ ремской долинѣ, какъ вели себя цвикауские фанатики, оксенгаузенская учредительная грамата и т. д., которымъ въ сочиненіи Циммермана отведены цѣлыя главы. Мы полагаемъ, что для насъ, русскихъ, вполнѣ достаточно имѣть понятіе вообще о крестьянской войнѣ (которое и можно получить хотя бы изъ сочиненія Ранке: «Германія во время реформаціи»), не тратя времени на изученіе или знакомство съ мелочными ея подробностями. Время это можно употребить съ несравненно большею пользою на изученіе исторіи нашего собственнаго отечества и его состоянія, съ чѣмъ, конечно, смѣемъ думать, вполнѣ согласятся наши читатели.

Чуваши въ бытовомъ, историческомъ и религіозномъ отношеніяхъ. *Ихъ происхожденіе, языкъ, обряды, повѣрья и т. д.* В. Сбоева. *Москва. Въ типографіи Орлова. 1865 г., стр. 188.*

Подъ этимъ заглавіемъ изданы вновь, собственно говоря, четырнадцать писемъ Сбоева къ редактору «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», появившіяся въ первый разъ въ печати отдѣльною книгою въ 1851 году подъ общимъ заглавіемъ «Изслѣдованія объ инородцахъ въ Казанской Губерніи». Часть первая: Замѣтки о чувашахъ (Казань, печатано въ губернской типографіи), а потомъ въ 1856 году съ нѣсколько сокращеннымъ заглавіемъ: «Изслѣдованія объ инородцахъ Казанской Губерніи», сочиненіе Сбоева (Казань, изданіе книгопродавца Дубровина), при чемъ текстъ былъ сохраненъ съ самою дипломатическою точностью и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщено, что изданіе изслѣдованій о другихъ инородцахъ Казанской Губерніи за смертью автора прекращается. Намъ рѣшительно неизвѣстно, почему во вновь появившемся изданіи этого сочиненія измѣнено заглавіе и только оно одно, хотя, пользуясь болѣе новѣйшими изслѣдованіями о Казанской губерніи (какъ, напримѣръ, г. Лаптева «Казанская губернія» въ изданіи матеріаловъ для географіи и статистики Россіи, собранныхъ офицерами генеральнаго штаба. 1861 годъ), можно было бы измѣнить и нѣкоторыя статистическія цифры, представляющіяся уже далеко несовременными въ весьма любопытномъ сочиненіи г. Сбоева. Такъ въ настоящее время считается въ Казанской губерніи до 330,000 чувашъ (а не 300,000, какъ это сообщаетъ Сбоевъ); общее же число ихъ въ Россіи доходитъ до 570,000 душъ обоего пола. Наибольшее же число ихъ встрѣчается въ уѣздахъ: Ядринскомъ 96,794, Цивильскомъ—84,612, Чебоксарскомъ—56,708, Чистопольскомъ—31,141 душъ обоего пола и т. д. По происхожденію своему (монгольскому) идолопоклонники, чуваши обращены были въ христіанство въ царство-

Digitized by Google

ваніе Елизаветы Петровны, такъ-что въ настоящее время число некрещеныхъ очень незначительно—всего 1,300 душъ, которые приписываются къ мечети, но въ нее не ходятъ, а молятся по своему, по языческимъ обрядамъ. По замѣчанію г. Лаптева, чуваши—христіане только по названію; исполненіе обрядовъ нашей церкви для нихъ тягостно и они всячески стараются отъ этого отдѣлаться *копеечкой*; постовъ не соблюдаютъ, работаютъ по воскресеньямъ, празднуютъ пятницу и т. д. По единогласнымъ отзывамъ всѣхъ близко знающихъ бытъ чувашъ, къ нимъ, особенно живущимъ въ массахъ, нисколько не привились нравственныя истины христіанства. Чуваши, которые ходятъ въ русскую церковь—попрежнему язычники. Ставитъ, напримѣръ, онъ свѣчку, но при этомъ помянетъ и сивку и бурку, помолится о каждой своей курицѣ и, выйдя изъ церкви, непремѣнно броситъ кусокъ хлѣба собакамъ, чтобы узнать, пріятна ли его жертва и хорошо ли жить на томъ свѣтѣ его родственникамъ и пріятелямъ; если собаки не разгрызутся, значитъ—жертва его пріятна Богу и его пріятелямъ хорошо. Нравственныя качества чуваша такъ мало еще развиты, что поступками его управляетъ или страхъ наказанія, или тупыя преданія и предразсудки отцовъ. На клятву его полагаться нельзя: онъ солжетъ безъ малѣйшаго укора совѣсти, но при этомъ не переступитъ липоваго колышка, если это его заставятъ сдѣлать въ подтвержденіе справедливости его показаній. Онъ недовѣрчивъ и робокъ, вездѣ боится обмана и до сихъ поръ не рѣшится на какое либо коммерческое дѣло, не потолковавши сперва съ старикамъ и съ своей братіей. Если онъ подрядился на что нибудь, то надо спѣшить заключить съ нимъ письменное условіе, и тогда уже можно дѣло считать вѣрнымъ, потому что чувашъ до крайности боится всего написаннаго, а еще болѣе всякой власти. Сбоевъ разсказываетъ по этому случаю слѣдующій, весьма занимательный и характеристичный случай. Попадья покупала рыбу на базарѣ, при чемъ чувашъ запросилъ съ нея очень дорого. Попадья долго торговалась, вышла наконецъ изъ терпѣнья и говоритъ: «побойся ты Бога, чувашская лопатка, это неслыханная цѣна!»—«Эхъ мачка, отвѣчаетъ чувашъ: — что Бога-то бояться, вѣдь Богъ не писарь». Сбоевъ замѣчаетъ, что *писарь* является *деспотомъ* въ истинномъ смыслѣ слова въ своей волости: налагаетъ поборы, брѣетъ лбы, сажаетъ въ кандалы своего волостнаго голову, судитъ, рядитъ, наказываетъ — однимъ словомъ, дѣлаетъ все, что хочетъ.

Занимаясь по преимуществу земледѣліемъ, чувашъ располагаетъ свои селенія обыкновенно въ лѣсахъ, оврагахъ, въ котловинахъ, вдали по возможности отъ населенныхъ дорогъ, и ставитъ въ безпорядкѣ свои курныя избы. Всѣ они, богатые и бѣдные, живутъ такъ грязно, что неопрятность ихъ возмутительна; изъ котла, въ которомъ варится пища, пьютъ люди, овцы и телята; тутъ же моютъ маленькихъ дѣтей и стираютъ бѣлье. Нечистота жилищъ и неопрятность являются главными причи-

Digitized by Google

нами господствующихъ между ними болѣзней; многіе изъ нихъ страдаютъ воспаленіемъ глазъ и преждевременною ихъ слабостью, чесотка встрѣчается между ними безпрестанно; бань они не имѣютъ и среди чувашъ нерѣдко попадаются взрослые, которые отъ рожденія едва-ли два раза мыли свое тѣло. До сихъ поръ еще чуваши неохотно отдаютъ въ ученье своихъ дѣтей; приневоливаніе опасно: одна мать, у которой сына хотѣли взять въ школу, объявила, что скорѣе *удавитъ его*, чѣмъ пуститъ учиться. Впрочемъ, должно замѣтить, что черты народнаго характера, въ которыхъ особенно высказывались варварство и дикость чувашъ, повидимому исчезаютъ. Въ настоящее время почти не слышно о чувашской мести *тащить непріятелю сухую бѣду*, то-есть вѣшаться на дворѣ своего врага, съ тѣмъ чтобы по поводу мертваго тѣла нагрянуло въ этотъ дворъ временное отдѣленіе земскаго суда...

Предоставляя читателямъ нашимъ самимъ непосредственно познакомиться съ весьма любопытными изслѣдованіями Сбоева о нравахъ, обычаяхъ, религіозныхъ обрядахъ, языкѣ и происхожденіи чувашъ, появившимися въ настоящее время въ новомъ изданіи — мы съ своей стороны, въ заключеніе нашей замѣтки объ этой книгѣ, не можемъ не привести разсказъ Сбоева о порядкѣ ѣзды по чувашскимъ селамъ, по нашему мнѣнію столь же замѣчательный, какъ и грустный: «вы попали въ деревню, чрезъ которую лежитъ вашъ путь, и едва переѣхали за околицу, какъ ребятишки, оставшіеся на улицѣ, бросаются стрелглавъ по домамъ съ крикомъ: «вырасъ! вырасъ!» (русскій). Въ одно мгновеніе всѣ ворота заперты, двери затворены, вся деревня точно вымерла отъ моровой язвы. Дѣлать нечего. Вы обращаетесь къ выборному, останавливаетесь у него и покупаете корму для лошадей. Выборный принимаетъ васъ, какъ русскаго, съ достодолжнымъ почтеніемъ. Но *вы* не потребовали отъ него мірскихъ лошадей, не съѣли у него дарового обѣда, не поколотили его ни за что ни про что; вы даже заплатили ему за кормъ лошадямъ — и онъ смотритъ съ презрѣніемъ на васъ, какъ на выродка. Это значитъ, что вы не умѣете ѣздить по чувашскимъ селамъ; научитесь этому искусству у выгнаннаго изъ службы подканцеляриста Брагина. Вотъ его грозная персона влетѣла во дворъ выборнаго на лихой тройкѣ. Лошадей, кричитъ онъ хрипцлымъ басомъ и, вмѣсто здорово живешь, даетъ выборному двѣ оплеухи. Тотъ съ глубокимъ уваженіемъ и поклонами провожаетъ гостя въ домъ и исполняетъ безпрекословно всѣ его приказанія: подаетъ по требованію гостя вино, пиво, курицъ и пр. и въ заключеніе при отъѣздѣ даетъ еще *и денегъ*, что устраивается такъ, какъ будто бы Брагинъ дѣлаетъ ему же милость, принимая отъ него этотъ вещественный знакъ самыхъ невещественныхъ отношеній!...» Можно ли полагать, что доведя до такого положенія хотя бы то и чувашъ, вы вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожите въ нихъ всякую тенденцію, означаемую нынѣ сло-

Digitized by Google

вомъ «сепаратизмъ», и вселите въ нихъ необычайную привязанность къ государству, подданными котораго они считаются статистикою?

Исторія войны 1814 года в Франціи и низложеніе Наполеона I, *по достовѣрнымъ источникамъ. Сочиненіе генералъ-лейтенанта* Богдановича. *2 тома. С.-Петербургъ. 1865 г.*

Нашъ извѣстный военный исторіографъ, неутомимо продолжая задуманное имъ предпріятіе, издалъ въ настоящемъ году «Исторію войны 1814 года», обращающей особенное на себя вниманіе наше не столько потому, что кампанія эта окончилась освобожденіемъ всей Европы отъ деспотическаго господства Наполеона, сколько потому, что вся война эта является дѣломъ Россіи, настойчивости императора Александра. Какъ извѣстно, послѣ кампаніи 1813 года, окончившейся столь бѣдственно для Наполеона вторичнымъ уничтоженіемъ его арміи подъ Лейпцигомъ, политика союзныхъ державъ склонялась болѣе къ миру, нежели къ войнѣ. Австрійское правительство считало Наполеона достаточно ослабленнымъ, и надѣялось при заключеніи мира получить безпрекословно свои прежнія области въ Германіи и значительную часть Италіи. Къ тому же ни императоръ Францъ, ни полководецъ его князь Шварценбергъ, по личнымъ своимъ качествамъ не надѣялись играть первостепенной роли на поляхъ битвъ и въ совѣтахъ европейской коалиціи: поэтому дальнѣйшее продолженіе войны, могущее послужить къ упроченію преобладанія Россіи, казалось опаснымъ вѣнскому кабинету. Напротивъ, родство императора Франца съ Наполеономъ давало Меттерниху надежду къ заключенію тѣснаго союза съ Франціею, для противодѣйствія Россіи и Пруссіи, слѣдствіемъ чего было то, что австрійцы готовы были прекратить военныя дѣйствія цѣною всевозможныхъ уступокъ французскому правительству. Еще болѣе желали мира южно-германскіе владѣтели, члены распавшагося Рейнскаго Союза, которые, будучи предоставлены самимъ себѣ, не отличались усердіемъ къ общему дѣлу освобожденія Германіи. Многіе изъ нихъ, нелюбимые своими подданными и недовѣрявшіе имъ, опасались народныхъ вооруженій. Король виртембергскій нетолько затруднялъ образованіе охотниковъ и ландвера, *но по всей подвластной ему странѣ были отобраны* у жителей ружья и даже запрещено имъ держать у себя пики. Въ такомъ же духѣ дѣйствовало въ Баваріи министерство Монжеласа. Объ этомъ, замѣтимъ мы, не упоминаетъ даже и такой историкъ какъ Шлоссеръ, не за то онъ разсказываетъ, что несогласіе въ видахъ державъ произошло оттого, что Россія хотѣла присоединить къ своимъ владѣніямъ *Варшаву*, а Прусія—цѣлую Саксонію; этого не находимъ мы въ свою очередь у г. Богдановича. Что же касается Англіи, то она была изнурена продолжительною войною, и государственный долгъ ея достигъ чрезвычайныхъ размѣровъ — свыше 600 мил. фунт. стерлинговъ. Англійскія войска вторгнулись

Digitized by Google

уже въ предѣлы Франціи, изъ Пиринейскаго полуострова, и главныя цѣли Англіи — уничтоженіе колоніальной системы и возстановленіе прежнихъ династій въ Испаніи, Италіи и Голландіи— могли быть достигнуты безъ особенной еще для этого войны. Судьба же Германіи интересовала англичанъ единственно потому только, что англійскій король владѣлъ Ганноверомъ. Король же прусскій, Фридрихъ-Вильгельмъ, хотя всегда и вездѣ держалъ сторону Россіи и готовъ былъ содѣйствовать императору Александру къ продолженію войны, однакоже опасался, что Наполеонъ, дѣйствуя въ собственной странѣ, могъ оказать весьма упорное сопротивленіе, что не слѣдовало подвергать случайностямъ войны успѣховъ, пріобрѣтенныхъ дорогою цѣною, и что гораздо выгоднѣе заключить миръ. Только Блюхеръ и Гнейзенау раздѣляли взглядъ императора Александра, что низверженіе съ престола Наполеона, по непрочности всякаго съ нимъ мира, составляетъ необходимое условіе для спокойствія Европы, и что слѣдуетъ неотлагательно вторгнуться за Рейнъ, идти къ Парижу, свергнуть Наполеона, ограничить Францію по возможности тѣснѣйшими предѣлами и обложить ее значительною контрибуціей. Бѣдственное во всѣхъ отношеніяхъ положеніе, въ которомъ находилась тогда Франція, извѣстное, безъ сомнѣнія, нашимъ читателямъ, было только отчасти знакомо союзникамъ; и прежнее ея могущество, устрашая робкихъ, поражало бездѣйствіемъ порывы смѣлыхъ, по словамъ г. Богдановича. Геніальныя способности Наполеона и опасеніе всеобщаго возстанія французовъ на защиту отечества, заставляли многихъ вліятельныхъ лицъ коалиціи предлагать мѣры предосторожности на случай неудачи дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Меттернихъ рѣшился открыть во Франкфуртѣ переговоры о мирѣ съ Наполеономъ чрезъ Сентъ-Эньяна (St. Aignan—французскій дипломатъ, захваченный казаками послѣ лейпцигской битвы). Наполеонъ опасался обнаружить слабость Франціи, высказавъ несвойственную ему уступчивость, и къ тому же, не отличаясь искренностью въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ, подозрѣвалъ союзниковъ въ намѣреніи усыпить его бдительность; его тревожило предложеніе — открыть переговоры, не прерывая военныхъ дѣйствій. Всѣ это заставило его продолжать вооруженія съ усиленною дѣятельностью и отвѣчать уклончиво на предложеніе союзниковъ, что́ ихъ и не удовлетворило, тѣмъ болѣе, что до нихъ дошли въ то время извѣстія о тѣхъ сильныхъ вооруженіяхъ, которыя производились во Франціи. Это заставило поборниковъ мира замолчать; союзники обнародовали извѣстную свою декларацію, въ которой выставляли на видъ, что ведутъ войну не противъ Франціи, а противъ ея властителя, и стали переправляться, въ декабрѣ 1813 года, чрезъ Рейнъ. Такимъ образомъ, разъединивъ Францію отъ ея властителя, союзники сдѣлали первый шагъ къ низложенію Наполеона. Началась кампанія 1814 года, въ которой величайшій полководецъ нашего вѣка палъ въ неровной борьбѣ, совершивъ великіе военные

Digitized by Google

подвиги, и несмотря на то, что выказалъ изумительную во всѣхъ отношеніяхъ дѣятельность, попрежнему отличался свойственною ему быстротою движеній и умѣньемъ пользоваться ошибками своихъ противниковъ. Такъ онъ едва не окружилъ всю армію Блюхера подъ Вошаномъ, и въ четыре дня разгромивъ ее, отбросилъ отъ Парижа до Суассона. Блюхеръ былъ только спасенъ тѣмъ, что комендантъ этой крѣпости Моро, не умѣя оцѣнить всю ея важность, сдалъ ее войскамъ Бюлова и Винценгероде, что̀ имѣло значительное вліяніе на ходъ кампаніи. Наполеонъ былъ внѣ себя отъ этого, какъ можно судить по слѣдующему его письму къ военному министру: «Мы надѣялись пожать плоды нашихъ трудовъ, когда вдругъ глупость или измѣна суассонскаго коменданта отдала въ руки непріятеля этотъ пунктъ. Онъ вышелъ съ военными почестями. Арестуйте этого бездѣльника и всѣхъ участвовавшихъ на военномъ совѣтѣ, отдайте подъ судъ *и ради-бога* устройте такъ, чтобы они въ двадцать-четыре часа были разстрѣляны на Гревской площади» (pour Dieu, faites en sorte qu'ils soient fusillés dans les vingt quatre heures sur la place de Grève) и т. д.

Отрѣзанный союзниками отъ Парижа, Наполеонъ быстро появился вдругъ въ тылу арміи Шварценберга и произвелъ такой ужасъ, что Шварценбергъ хотѣлъ повернуть назадъ; императоръ же Францъ, по словамъ Шлоссера, остававшійся въ Труа съ дипломатическимъ корпусомъ, обратился въ стремительное бѣгство. Только императоръ Александръ три раза настаивалъ въ военномъ совѣтѣ, чтобы продолжать движеніе на Парижъ.

Но всѣ эти яркіе проблески военнаго генія, напоминавшіе собою лучшіе годы его военной карьеры, не спасли Наполеона; союзники подошли къ Парижу и послѣ сраженія на высотѣ Бельвилля и штурма укрѣпленій Монмартра, открыли переговоры о сдачѣ Парижа. Въ это время пріѣзжаетъ въ городъ присланный Наполеономъ дивизіонный генералъ Жирарденъ съ порученіемъ возбудить гражданъ въ отчаянной защитѣ, а въ случаѣ вступленія союзниковъ въ Парижъ, взорвать огромный гренельскій пороховой погребъ, истребить одновременно своихъ и непріятелей, столицу съ ея сокровищами, памятниками и сотнями тысячъ жителей. Это безчеловѣчное приказаніе, сообщенное подполковнику Лескуру, не было исполнено единственно потому, что оно было передано на *словахъ*, и Жирарденъ не могъ предъявить письменнаго документа. (Это въ высшей степени замѣчательная причина!). Лескуръ получилъ отъ императора Александра алмазные знаки св. Анны 2-й степени за спасеніе Парижа. Капитуляція Парижа была подписана; Александръ вошелъ въ Парижъ, принималъ депутацію отъ города и т. д. Не повторяя при этомъ всѣмъ извѣстныхъ описаній встрѣчи императора, приведемъ тутъ переданный А. П. Ермоловымъ слѣдующій его разговоръ съ императоромъ Александромъ: «Ну, что̀, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь право, было время, когда у насъ, величая Наполеона, ме-

Digitized by Google

ня считали за простячка.»—«Не знаю, государь; могу сказать только, что слова, которыя удостоился я слышать отъ вашего величества, никогда еще не были сказаны монархомъ своему подданному!»

Наполеонъ былъ изумленъ, узнавъ въ двадцати верстахъ отъ Парижа о сдачѣ этого города, тѣмъ болѣе, что онъ самымъ форсированнымъ маршемъ шелъ съ войскомъ въ столицу. Впродолженіе трехъ сутокъ сдѣлавъ болѣе ста верстъ на почтовыхъ и столько же верхомъ, онъ изнемогалъ отъ усталости, но какъ будто забылъ объ отдыхѣ, и при скудномъ освѣщеніи станцій разсматривалъ карту окрестностей Парижа. «Еслибы моя армія была здѣсь, я поправилъ бы дѣло — сказалъ онъ—но она придетъ не прежде трехъ или четырехъ дней.»—«Государь, сказалъ Коленкуръ, желая его успокоить:—армія здѣсь будетъ, и вы чрезъ четыре дня сдѣлаете то, что хотѣли сдѣлать сегодня.»—«Ахъ, Коленкуръ, воскликнулъ Наполеонъ, какъ-бы очнувшись:—какъ вы мало знаете людей. Три дня! два дня! Вы не знаете, что можно сдѣлать въ такое короткое время.» Помолчавъ онъ продолжалъ: «Я поражу непріятеля въ Парижѣ, но мнѣ нужно выиграть нѣсколько времени и вы мнѣ поможете въ этомъ.»

Наполеонъ посылаетъ къ императору Александру, для переговоровъ о мирѣ, Коленкура, совѣтовшаго ему покориться силѣ обстоятельствъ и принять шатильонскія условія. Наполеонъ не хотѣлъ мира и приказалъ ему только *выиграть время*. Посольство это не имѣло никакого успѣха; союзники объявили твердое намѣреніе продолжать борьбу съ Наполеономъ до конца, и не вступать съ нимъ въ переговоры. Вмѣстѣ съ тѣмъ они объявили, что готовы признать всякое правительство, которое пожелаютъ сами французы, предоставляя рѣшеніе этого вопроса самой Франціи. Но сочиненіе г. Богдановича показываетъ намъ, что вопросъ этотъ рѣшенъ былъ единственно искуствомъ и хитростью Талейрана, доказывавшаго очень убѣдительно, что республика невозможна, регенство, Бернадотъ—не что иное какъ интриги; одни лишь Бурбоны возможны. Желая убѣдить монарховъ, что выраженные имъ взгляды встрѣтятъ сочувствіе въ обществѣ, Талейранъ испросилъ разрѣшеніе пригласить въ совѣщаніе нѣкоторыхъ изъ своихъ соотечественниковъ—именно аббата де-Прадта, барона Луи и генерала Дессоля. Они всѣ по своему доказывали, что никто кромѣ Бурбоновъ не можетъ занять мѣсто Наполеона. Александръ, довольный такимъ отзывомъ французовъ, который былъ одобренъ нетолько королемъ прусскимъ, но и княземъ Шварценбергомъ, объявилъ, что представители древнихъ европейскихъ монархій не могли противиться возстановленію стариннаго дома Бурбоновъ. «Союзные монархи—продолжалъ государь—не хотятъ ни унизить Францію, ни установить въ ней какое либо правительство; они желаютъ искренно, чтобъ сами французы приняли то, которое послуживъ къ ихъ благополучію, обезпечило бы спокойствіе Европы» (стр. 570). Оставшись наединѣ съ Коленкуромъ, доставив-

Digitized by Google

шимъ актъ отреченія Наполеона, Александръ бесѣдовалъ съ нимъ откровенно, говорилъ съ прискорбіемъ объ участи Наполеона, съ негодованіемъ о приверженцахъ Бурбоновъ и сказалъ, что послѣ всѣхъ безразсудныхъ войнъ имперіи не менѣе будутъ опасны для общаго спокойствія безумные поступки роялистовъ (стр. 599). Привезенный Коленкуромъ трактатъ (фонтенеблоскій—опредѣлявшій судьбу Наполеона и членовъ его семейства), Наполеонъ долго не рѣшался ратификовать, сказавъ между прочимъ: «всѣ претерпѣваемыя мною униженія еще не послѣднія. Мнѣ придется ѣхать чрезъ южныя провинціи, гдѣ такъ сильно возбуждены страсти. Пусть Бурбоны заставятъ убить меня, но быть предану оскорбленіямъ гнусной черни юга... умереть на полѣ сраженія ничего не значитъ, но погибнуть въ грязи отъ такихъ рукъ...» Подобныя мысли склонили его принять изготовленный для него еще въ 1812 году, послѣ движенія отъ Малоярославца хирургомъ Ivan порошокъ, подобный тому, какимъ отравилъ себя Кондорсе. Но попытка эта оказалась неудачною: онъ стдѣлался сильною рвотою и принужденъ былъ ѣхать на островъ Эльбу, причемъ едва не сбылись на самомъ дѣлѣ мрачныя его предчувствія. Въ Ліонѣ онъ услышалъ послѣднія привѣтствія; на пути къ югу онѣ замѣнились восклицаніями: «à bas le tyran; à mort le tyran.» Въ Оргонѣ Наполеонъ былъ принужденъ переодѣться и пересѣсть въ другой экипажъ, чтобы избѣжать бѣшенства черни, изъявлявшей намѣреніе повѣсить его; спасеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ сопровождавшимъ его графу Шувалову и Коллеру, которые, выскочивъ изъ кареты, успѣли кое-какъ укротить волненіе народа. 22-го апрѣля 1814 года онъ вышелъ уже на берегъ въ Порто-Феррайо.

Въ то же время въ Парижѣ, на развалинахъ наполеоновской имперіи, возникало новое, столь же непрочное правленіе Бурбоновъ. 14-го апрѣля Лудовикъ XVIII явился уже въ Булонѣ, сказавъ передъ тѣмъ въ Лондонѣ принцу-регенту, въ отвѣтъ на поздравленіе его съ возвращеніемъ на французскій престолъ, что возстановленіемъ своей фамиліи на престолѣ Франціи онъ, послѣ всевышняго промысла, всего болѣе обязанъ его благоразумнымъ совѣтамъ, его благороднымъ усиліямъ и неповолебимому постоянству англійскаго народа.

Не отрицая, что Лудовикъ XVIII былъ много обязанъ Англіи, давшей ему убѣжище, когда онъ не имѣлъ его во всей Европѣ, едва-ли нужно замѣчать, что возстановленіемъ своимъ на престолъ онъ былъ обязанъ преимущественно Росіи, отстоявшей самостоятельность сперва свою собственную, а потомъ и своихъ сосѣдей. Но этого еще мало. При свиданіи съ императоромъ Александромъ, который выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Компьень, Лудовикъ XVIII встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями, благодарилъ за оказанную его семейству помощь, но повторилъ нѣсколько разъ, что причиною великихъ событій, совершившихся въ послѣднее время, было вліяніе всевышняго промысла и въ особенности могущества *великаго начала законности*, коего онъ

Digitized by Google

былъ представителемъ. Совѣты Александра — сдѣлать нѣкоторыя уступки духу времени, онъ слушалъ разсѣянно, апатически и желалъ возобновить отжившія традиціи вѣка Лудовика XIV. Выказывая притязанія представителя древнѣйшей европейской монархіи, король прибѣгалъ къ страннымъ уловкамъ. Шатобріанъ, какъ извѣстно, разсказываетъ, находя *высокопарнымъ* (*sublime*), что Лудовикъ XVIII, принимая у себя союзныхъ монарховъ, вошелъ въ столовую залу первымъ и сѣлъ на почетное мѣсто. Такимъ образомъ, говоритъ онъ, безвѣстный, едва лишь успѣвшій возвратиться послѣ продолжительнаго изгнанія старецъ, въ качествѣ преемника Лудовика-Святого занималъ въ Европѣ первое мѣсто—*за столомъ*, остроумно добавилъ Бернгарди въ воспоминаніяхъ графа Толля, показавъ этимъ самымъ всю пустоту высокопарныхъ фразъ Шатобріана. Но тщеславно-глупое поддержаніе достоинства французской короны этимъ не ограничилось. Когда одинъ изъ придворныхъ служителей, поднося блюдо, подошелъ прежде всѣхъ къ императору Александру, Лудовикъ грозно закричалъ: «à moi s'il vous plait» (подайте мнѣ, прошу васъ). Достоинство короны французской было вполнѣ поддержано: носившій оную оказывался одинаково надменнымъ и невѣжливымъ до глупости.

Заключеніемъ перваго парижскаго мира заканчиваетъ г. Богдановичъ свое сочиненіе, подробный разборъ и правильная оцѣнка котораго, по самому его содержанію преимущественно военному, должны принадлежать нашимъ военнымъ журналамъ. Мы съ своей стороны скажемъ только, что г. Богдановичъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи немалое количество матеріаловъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, яснымъ доказательствомъ чему служитъ весь второй томъ его сочиненій, и съ искуствомъ воспользовавшись ими, сдѣлалъ то, что нѣкоторыя изъ главъ его замѣчательнаго труда прочтутся съ немалымъ интересомъ людьми и не военными.

Женщина въ физіологическомъ, патологическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. *Изслѣдованіе медицинское, философское и литературное. Сочиненіе Морица де-Герцеи. Переводъ съ французскаго. Изданіе 1864 г. Москва 1865 г.* Изданіе Метелькова.

Въ сочиненіи этомъ авторъ, какъ онъ самъ говоритъ, резюмировалъ все, чему опытъ, положительная наука, долгія путешествія и сорокъ-семь лѣтъ жизни научили его относительно женщинъ, и старался объяснить, какъ физіологъ — устройство физической организаціи женщинъ, какъ патологъ—ея болѣзни, какъ публицистъ—ея права и обязанности, а какъ моралистъ—ея достоинства и недостатки. Изъ первой части этого сочиненія, посвященной естественной исторіи и физіологіи женщины, становится очевиднымъ, что женщина имѣетъ свою собственную жизнь, которая дѣлаетъ изъ нея самостоятельное существо въ человѣче-

Digitized by Google

ствѣ, гдѣ ей предназначена обширная роль, и что она имѣетъ совершенно особую организацію, характеризующуюся особымъ строеніемъ и особыми отправленіями, которыя придаютъ ей своеобразную типичность. Отличаясь отъ мужчинъ въ физическомъ и физіологическомъ отношеніи, женщина отличается отъ него и въ умственномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и относительно цѣли и всѣхъ средствъ бытія. Все это въ свою очередь должно обусловливать и *особенное* для нея воспитаніе, приноровленное къ ея природѣ и характеру. Но въ чемъ именно состоитъ для женщины цѣль ея бытія, отличная отъ назначенія мужчины, Герцеги не высказываетъ такъ положительно и съ такою необычайною ясностью, какъ это сдѣлалъ другой корифей современной медицинской науки, Вирховъ, въ лекціи, читанной имъ въ Берлинѣ, въ пользу общества семейнаго и народнаго воспитанія, которая и появилась у насъ на русскомъ языкѣ въ совершенно удовлетворительномъ переводѣ г. Неклюдова, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

О воспитаніи женщины согласно ея призванію, *Рудольфа Вирхова. Переводъ и изданіе* Неклюдова. *С.-Петербургъ. 1865 г.*

Объемъ одной лекціи, конечно, не позволялъ изложить въ подробности цѣлый трактатъ о воспитаніи, а потому Вирховъ ограничился тѣмъ, что указалъ на *тѣ цѣли*, которыя должны быть въ виду при воспитаніи женщины. Онъ говоритъ собственно о назначеніи самой женщины и высказываетъ съ необычайною ясностію и послѣдовательностію взглядъ, которому нельзя не пожелать полнаго и прочнаго распространенія и примѣненія въ сферѣ нашего общества. Сказавъ, что образованіе и прогресъ народа обезпечены только въ такомъ случаѣ, ежели оба они имѣютъ надежный оплотъ въ нѣдрахъ семейства, откуда передаются самымъ надежнымъ образомъ, изъ рода въ родъ, нетолько нравы, но и практическое пониманіе знаній и приложимость ихъ къ жизни — Вирховъ говоритъ, что семейство немыслимо безъ жены и матери. Пускай отецъ будетъ главою семейства, мать должна во всякомъ случаѣ представлять изъ себя его средоточіе; она должна быть настоящею представительницею дома, къ которой примыкаетъ все, даже и отецъ послѣ своей службы и занятій. Только присутствіе матери способно придать окружающему чувство роднаго; поэтому она должна быть единственною женою отца, а не одною изъ многихъ; должна быть свободною, а не рабою; должна принимать полное участіе въ образованіи народа, а не быть чуждою общему развитію; поэтому, наконецъ, она должна развиться, *согласно особенностямъ своего женскаго существа, а не быть воспитанною на манеръ мужчины и въ мужское существо.*

Вліяніе семьи есть самое раннее изъ всѣхъ вліяній, которымъ подверженъ ребёнокъ, а потому это вліяніе есть самое прочное. Матери представляются первыми и самыми главными во-

Digitized by Google

спитательницами; нужно позаботиться о томъ, чтобы онѣ были способны выполнить эту часть воспитанія такъ хорошо, какъ это возможно. Величайшимъ пріобрѣтеніемъ для общества и государства было бы имѣть въ матеряхъ въ то же самое время и самыхъ лучшихъ воспитательницъ. Въ этомъ послѣднемъ заключается величайшее призваніе женщины. Заботы о мужѣ отодвигаются на второй планъ. Въ домашнемъ быту, мужу должна принадлежать естественнымъ образомъ постоянно внѣшняя, а женѣ — внутренняя работа. Еслибы когда-нибудь получило значеніе обратное отношеніе, даже вообще еслибы эманципація женщины была достигнута вполнѣ, то это могло бы совершиться не иначе, какъ въ ущербъ семьѣ. Эманципація женщины, разложеніе семьи, огульное воспитаніе дѣтей съ самой ихъ молодости—все это находится въ тѣсной между собою связи. При этомъ вся будущность человѣческаго рода была бы поставлена на карту для того, чтобы осуществить *произвольно* выдуманную и все-таки только *кажущуюся свободу* женщины.

Никогда нельзя утверждать, что было бы естественнымъ призваніемъ женщины, вообще выступить на рынокъ общественной жизни и принимать дѣятельное участіе въ дрязгахъ дня. Естественное призваніе вытекаетъ также изъ естественной организаціи, а объ этой послѣдней мы знаемъ, что вообще женщина стоитъ несравненно ближе къ организаціи ребёнка, нежели мужчина. Поэтому легкое, несложное, негрубое занятіе будетъ самымъ естественнымъ для женщинъ, и такимъ именно слѣдуетъ признать главнымъ образомъ *домохозяйство*, хотя бы даже и не въ своемъ собственномъ жилищѣ. Отсюда необходимость воспитанія *женщины для дома*. Безспорно, для большинства молодыхъ дѣвушекъ придетъ время, когда имъ будетъ необходимо принять на себя заботы о дѣтяхъ, о больныхъ, о кухнѣ, о погребѣ, о себѣ и проч. Поэтому необходимо ихъ къ этому приготовить, если только мы дѣйствительно не думаемъ, что все это сдѣлается и изучится само собою. Сколько горькихъ опытовъ потребно для этого, сколько тяжкихъ заботъ должно быть перенесено! Какъ часто положеніе домохозяйки стало бы достойнѣе, ежелибы она была лучше подготовлена къ браку.

Предоставляя читателямъ нашимъ непосредственно самимъ познакомиться съ замѣчательною въ высшей степени брошюрою Вирхова, мы припомнимъ имъ, что лѣтъ пять тому назадъ французскій писатель Симонъ въ очень любопытномъ сочиненіи своемъ l'Ouvrière (par Jules Simon. Paris. Hachette. 1861), указывая на упадокъ семейной жизни въ промышленномъ классѣ народонаселенія, считалъ главнымъ и единственнымъ средствомъ къ возстановленію семьи возвращеніе къ домашнему очагу жены, матери семейства и хозяйки дома, потому что жена — сосредоточиваетъ вокругъ себя семейство и воспитываетъ дѣтей къ обязанностямъ домашней жизни (Retablir la vie de famille sans commencer par ramener la femme et la mère dans la maison est assurement une tache difficile. C'est

Digitized by Google

la femme qui est la famille: c'est sur elle qu'il faut compter pour rendre la famille et pour preparer les enfants aux vertus et aux devoirs de la vie domestique (p. 306.).

II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

На Высотѣ. *Романъ* Бертольда Ауэрбаха *.

Новый романъ Ауэрбаха—чисто-политическаго характера. Нѣмецкіе критики очень сожалѣютъ объ этомъ, и, по нашему мнѣнію, не безъ основанія; они не ожидали, что этотъ даровитый художникъ въ изображеніи простой жизни, закроетъ хотя на время сельскую лѣтопись Шварцвальда и углубится въ область политическихъ треволненій и придворнаго общества. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ написалъ жизнь Спинозы; но такъ-какъ эта книга назначалась для ограниченнаго круга читателей, то она нисколько не предвѣщала слишкомъ крутого поворота въ его бельлетристической дѣятельности. При первомъ взглядѣ на неразрѣзанныя страницы новаго романа, можетъ показаться, что авторъ занимался исключительно тѣми же характерами, которые такъ нравились читателямъ въ былое время. Но первая же глава обнаруживаетъ ошибочность предположенія. Читатель видитъ, что это не прежній Ауэрбахъ, рисующій идилическія сцены, но Даніилъ, изрекающій судъ надъ вѣнценосцами, надъ монархической неограниченной властью и конституціоннымъ образомъ правленія, надъ современной и будущей судьбою народовъ.

Романъ «На Высотѣ» начинается двумя отдѣльными исторіями, которыя сливаются потомъ въ руслѣ одного общаго разсказа. Авторъ вводитъ читателя въ сферу домашней жизни одного изъ королей Германіи, у котораго долженъ явиться скоро новорожденный сынъ. Начинаютъ искать кормилицу для будущаго ребёнка, и выборъ падаетъ на жену молодого крестьянина. Вальпурга, разлученная съ своимъ собственнымъ груднымъ малюткою, переходитъ во дворецъ. Здѣсь проводитъ она цѣлый годъ и пріобрѣтаетъ особенное расположеніе прекрасной графини Ирмы фонВильденортъ, которую тайно любитъ король. Вскорѣ послѣ возвращенія Вальпурги въ ея родныя горы, происходитъ при дворѣ кризисъ, и графиня Ирма скрывается. Всѣ думаютъ, что она бросилась въ рѣку, что ея нѣтъ въ живыхъ, тогда какъ она пріютилась тайкомъ въ хижинѣ Вальпурги, гдѣ, никѣмъ незримая, проводитъ около двухъ лѣтъ, и потомъ переселяется въ уединенный домикъ, чтобы умереть въ немъ. Здѣсь находятъ Ирму въ послѣднія минуты ея жизни раскаявающійся король и его супруга, которая прощаетъ несчастную соперницу.

---

* Auf der Höhe. (Roman in acht Büchern. Von Berthold Auerbach. 1865)

Digitized by Google

Завязка эта дала г. Ауэрбаху случай еще разъ обнаружить силу своего описательнаго таланта, которымъ безспорно владѣетъ онъ, и замѣчательную способность къ психологическому анализу, которая тоже нечужда ему. Но читатель видитъ мастерскую кисть художника только въ той части этой сложной картины, которая занята простолюдинами. Что касается вообще двора, то едва ли кто повѣритъ автору, чтобы придворная жизнь имѣла въ Германіи тотъ характеръ, какой данъ ей въ романѣ. Еслибы языкомъ пословичной философіи говорили только придворный докторъ, этотъ сардоническій либералъ, или странный, недовольный ничѣмъ отецъ Ирмы, главное наслажденіе котораго заключается въ многословныхъ размышленіяхъ о томъ, о семъ и больше ни о чемъ, въ такомъ случаѣ языкъ этотъ былъ бы ихъ индивидуальной принадлежностью. Но такъ-какъ всѣ придворные г. Ауэрбаха говорятъ имъ, то онъ нисколько уже невѣроятенъ. Нельзя также допустить, чтобы люди, серьёзно занятые высшими административными и политическими вопросами, любили безконечное резонерство. У нихъ недостало бы времени на такое словоизверженіе, еслибы они и дѣйствительно были подвержены этой слабости вслѣдствіе особеннаго закона природы.

Посмотримъ теперь, какой характеръ даетъ авторъ созданному имъ королю, и согласно ли съ началами этого характера онъ заставляетъ его сдѣлать рѣшительный шагъ въ чрезвычайно важномъ дѣлѣ.

«Еслибы—говоритъ онъ—король спросилъ самого себя, онъ сказалъ бы искренно: «я люблю конституцію и вѣрю ей». Однакоже въ глубинѣ души онъ чувствовалъ къ конституціи неодолимое отвращеніе, потому что она ограничиваетъ полную индивидуальность характера. Такъ же точно любилъ онъ королеву и графиню Ирму, вслѣдствіе страстныхъ порывовъ сердца, но, не желая имѣть для себя закона, не хотѣлъ также стѣснять себя привязанностью къ нимъ, потому что она препятствуетъ свободному проявленію индивидуальности. Всякое требованіе, отъ кого бы ни происходило оно—со стороны ли конституціи, или отъ подруги сердца, возбуждало въ немъ негодованіе, какъ попытка къ угнетенію. Онъ желалъ быть совершенно свободнымъ, и въ то же время не хотѣлъ обойдтись безъ закона и безъ любви. Нельзя сказать, чтобы онъ не дорожилъ мнѣніемъ другихъ людей, но ему не хотѣлось оставить за ними права на возраженіе. Онъ желалъ пересадить въ свою страну вѣками упроченную любовь англичанъ къ ихъ правителямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовать исключительно по своему личному благоусмотрѣнію. Онъ изучалъ конституціонные законы, но старался давать имъ такой смыслъ, вслѣдствіе котораго становились они илюзіею. Онъ любилъ и конституцію и королеву, сознавалъ законность одной и уважалъ добродѣтели другой и желалъ быть вѣренъ имъ, но не отказываясь однако слѣдовать внушенію своихъ собственныхъ склонностей».

Digitized by Google

Какимъ же образомъ заставилъ авторъ это олицетворенное стремленіе къ крайнему абсолютизму сдѣлаться конституціоннымъ монархомъ? Когда невѣрный слухъ о самоубійствѣ Ирмы достигъ до короля, онъ въ тотъ же день поспѣшилъ за утѣшеніемъ къ ея прежнему поклоннику, величайшему либералу по своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Долго, очень долго разсуждали они вдвоемъ и наконецъ пришли къ мысли, что король можетъ загладить свою вину только въ томъ случаѣ, если сдѣлается конституціоннымъ правителемъ. Мысль эта была приведена въ исполненіе, и г. Ауэрбахъ, достигшій своей цѣли, успокоился. Но читатель, сближая слѣдствіе съ его причиною и съ характеромъ короля, находитъ здѣсь бездну несообразностей. Онъ видитъ, что все это придумано очень неловко, и потому не успокоивается.

Героинѣ романа, Ирмѣ фонъ-Вильденортъ данъ мечтательно-философскій характеръ, который достигаетъ полнаго развитія въ тиши уединенія. Отецъ ея, ведя отшельническую жизнь, говоритъ безъ умолку. Въ одномъ изъ своихъ спичей онъ сообщаетъ дочери, какимъ образомъ установился окончательно оригинальный взглядъ его на жизнь. Эта исповѣдь производитъ такое же слабое впечатлѣніе на Ирму, какъ и на читателя. Можетъ быть, онъ нашелъ бы болѣе симпатичныхъ слушателей въ парламентѣ, когда представился ему случай сдѣлаться членомъ нижней палаты, но внезапная смерть сковала краснорѣчивыя уста этого оратора до открытія парламентскихъ дебатовъ. Братъ Ирмы — хотя незамѣчательный, но по крайней-мѣрѣ одинъ живой человѣкъ въ кругу великосвѣтскихъ лицъ г. Ауэрбаха, а потому и жаль, что онъ сдѣлалъ его совсѣмъ уже непригоднымъ для этой сферы. Ирма, по общему обычаю героинь нѣмецкихъ романовъ, ведетъ дневникъ въ періодъ своего покаянія. Едва-ли романистъ можетъ придумать что-нибудь скучнѣе этого пріема. Читатель желаетъ слѣдить за развитіемъ дѣйствія и характеровъ, а ему предлагаютъ 138 страницъ, наполненныхъ пустяками—невыносимо!

И такъ, это—темная сторона романа. Перейдемъ теперь къ тому, что̀ дѣйствительно хорошо въ немъ.

Все, что̀ относится здѣсь къ сельскому быту, къ характерамъ и обычаямъ деревенскихъ жителей, къ ихъ мыслямъ, чувствамъ и дѣйствіямъ—все это прекрасно. Какъ хорошо разсказаны обстоятельства, сопровождавшія разлуку Вальпу́рги съ ея роднымъ кровомъ, и тѣ новыя, странныя впечатлѣнія, которыя испытала она, перенесясь въ незнакомую ей атмосферу городской и придворной жизни. Она какъ-то инстинктивно старается одолѣть ихъ и въ то же время увлекается наивностью, которая безпрестанно измѣняетъ ей. Авторъ очень удачно изобразилъ ея самодовольство, нечуждое, впрочемъ, нѣсколько уязвленнаго тщеславія, когда возвратилась она въ прежнюю сферу жизни. Хорошъ также характеръ ея мужа. Это—неговорливый, но добрый малый. Онъ привыкъ смотрѣть на женщинъ, какъ на низшую расу, однакоже очень доволенъ, когда раздѣляютъ онѣ его личный образъ мыслей. Мастерски нарисованы содержатель трактира, желающій управлять

Digitized by Google

общественнымъ мнѣніемъ изъ-за своего прилавка, и деревенскій богачъ, покровительство котораго даетъ крестьянину неотъемлемое право на уваженіе всего околодка. Мать Вальпурги—старуха съ неистощимымъ запасомъ поговорокъ и библейскихъ фразъ—дополняетъ эту группу удачно и живо изображенныхъ характеровъ. Жаль, если г. Ауэрбахъ отъ картинъ сельской жизни, которыя умѣетъ рисовать онъ съ такимъ замѣчательнымъ искуствомъ, перейдетъ окончательно къ великосвѣтскому роману съ политическими тенденціями. Въ этой незнакомой ему сферѣ онъ необходимо долженъ будетъ бродить ощупью.

Рода Флемингъ. *Романъ* Джорджа Мередита *.

Г. Мередитъ занимаетъ очень видное мѣсто въ кругу романистовъ, одаренныхъ силою изобрѣтенія и способностью къ наблюденію. Въ каждомъ его романѣ есть свѣжіе и мастерски нарисованные характеры. Никогда не прибѣгаетъ онъ къ обыкновенной, заученной формѣ вымысла. Сверхъ того онъ обладаетъ превосходнымъ отрицательнымъ качествомъ, которое удерживаетъ его отъ лишнихъ подробностей. Но онъ часто доводитъ это воздержаніе до такой сжатости разсказа, что читатель остается въ недоумѣніи, не видя, какъ соединяются одинъ съ другимъ разсказанные факты. Этотъ недостатокъ есть, конечно, невыгодное слѣдствіе очень хорошаго качества. Мередитъ такъ свыкается съ дѣйствующими лицами своихъ романовъ, такъ живо представляетъ себѣ ихъ внутреннюю природу и образъ ихъ дѣйствій въ данномъ случаѣ, что совершенно забываетъ читателей, которые, безъ сомнѣнія, знакомы съ этими людьми не болѣе того, на сколько авторъ объяснилъ ихъ. Впрочемъ, этотъ недостатокъ искупается у него необыкновеннымъ искуствомъ создавать главные характеры и полнымъ самообладаніемъ при развитіи тѣхъ положеній, которыя нерѣдко даютъ поводъ другимъ писателямъ къ нравственнымъ сентенціямъ и приторной сантиментальности. Мередитъ не считаетъ себя обязаннымъ дѣлать наставленія обольщенной дѣвушкѣ, или испускать вопль негодованія при мысли о ея проступкѣ. Онъ артистъ, а не пасторъ. Для него женщина, которая пожертвовала собою, уступивъ влеченію страсти, остается тѣмъ же, чѣмъ была она прежде. Онъ не думаетъ, чтобы она, поддавшись чувству любви, утратила все, что́ было въ ней хорошаго, и въ самомъ дѣлѣ стала такъ-называемымъ «падшимъ созданіемъ». Надо, говоритъ онъ, смотрѣть на нее безъ этихъ вздорныхъ чувствъ, которыя рождаются при словахъ: оскверненная чистота, клеймо позора и т. д. Эти чувства, какъ признаки глупой сантиментальности, свойственны преимущественно людямъ, которые особенно падки на професію обольстителей, какъ скоро представится имъ удобный къ тому случай. Молодыхъ людей, способныхъ смотрѣть на «падшую женщину»

* Rhoda Fleming. A Story, by *George Meredith*. 3 vols. 1865.

Digitized by Google

благородными глазами, Мередитъ признаетъ лучшими образцами мужской расы.

Когда въ первыхъ главахъ романа описываетъ онъ покойную, утонувшую въ цвѣтахъ ферму, гдѣ живетъ надутая мистрисъ Флемингъ съ двумя хорошенькими дочками, которыя, подражая матери, любятъ помечтать о чемъ-то лучшемъ—его описаніе такъ подробно, что въ немъ не остается ничего недосказаннаго. Но вслѣдъ за отъѣздомъ миссъ Даліи Флемингъ въ Лондонъ, подробности ея жизни начинаютъ ускальзывать отъ вниманія читателя. Далія полюбила, увлеклась и стала несчастной. Затѣмъ слѣдуетъ стыдъ, отчаяніе, воспаленіе въ мозгу и лондонская больница. Между тѣмъ обольститель ея, Альджернонъ Блэнковъ, говоритъ въ свое оправданіе, что онъ сорвалъ только грушу, которою другой хотѣлъ полакомиться. Все это разсказано мѣстами слишкомъ отрывочно. Рода, когда сестра ея знакомится съ удовольствіями лондонской жизни, испытывая ихъ тяжкія послѣдствія, проводитъ время въ заботахъ о грубомъ отцѣ. До нея доходятъ слухи о приключеніяхъ Даліи, но она старается не вѣрить имъ. Наконецъ заблудшаяся овечка возвращается въ отцовскій домъ, кается въ грѣхѣ и обрекаетъ себя на подвиги сестры милосердія, отвергнувъ предложеніе Блэнкова, который вздумалъ загладить вину свою женитьбою на обольщенной дѣвушкѣ. Въ концѣ романа степенная Рода отдаетъ руку Роберту Экклесу, который сказалъ ей первое слово любви только въ то время, когда несчастіе постигло эту семью.

Выдержка характеровъ составляетъ, конечно, одно изъ главныхъ условій хорошаго романа. Зная это, второстепенные романисты отливаютъ часто какіе-то чугунные характеры, которые, передвигаясь изъ одного положенія въ другое, дѣйствительно не измѣняютъ самимъ себѣ. Но чугунъ не гнется, а потому и въ этихъ статуяхъ нѣтъ гибкости. Мередитъ презираетъ такой фабричный способъ производства характеровъ. Его Рода—твердая, суровая дѣвушка. Она, наперекоръ всѣмъ толкамъ, не вѣритъ, чтобы сестра ея могла поддаться чувству преступной любви. Но когда робкіе взгляды и дрожащій голосъ возвратившейся Даліи окончательно убѣждаютъ ее въ истинѣ, Рода, несмотря на свой пуританскій характеръ, не теряетъ симпатіи къ поруганной, униженной сестрѣ. Англійскіе романисты рѣдко допускаютъ такую гибкость рѣзко опредѣленныхъ характеровъ при перемѣнѣ обстоятельствъ, но Мередитъ особено хорошъ въ подобныхъ сценахъ. Поставя дѣйствующее лицо въ новую среду, онъ чрезвычайно тонко рѣшаетъ вопросъ: какъ должно поступить оно въ данномъ случаѣ? Отсюда въ его характерахъ являются совершенно неожиданныя, но тѣмъ не менѣе, вѣрныя черты. Такова, напримѣръ, сцена свиданія Роберта Экклеса съ Родою, когда этотъ смирный парень наводитъ страхъ на нее своей неожиданной удалью, доходящею до героизма. Этой мастерской сценою могъ бы гордиться Дикенсъ въ лучшую пору своего таланта. Мере-

Digitized by Google

дитъ говоритъ о Блэнковѣ: «этотъ природный фатъ, этотъ по наружности изящный джентльменъ принадлежитъ къ числу тѣхъ органическихъ машинъ, которыя заботятся только объ удовлетвореніи своихъ чувственныхъ желаній. Если глядѣть на этихъ молодцовъ съ философской точки зрѣнія, то кажется, что они все еще пасутся въ лѣсахъ, не выходя изъ дикаго состоянія». Однакоже «самое ничтожное существо, когда прилагается къ нему микроскопъ, бываетъ весьма пригодно для изученія простыхъ отправленій человѣческаго организма». Мередитъ отлично владѣетъ этимъ микроскопомъ. Въ его способности къ наблюденію и въ тонкости анализа можетъ убѣдить всякаго «Рода Флемингъ» Отецъ героини этого романа—превосходный типъ грубаго англійскаго земледѣльца, въ головѣ котораго хотя и мало мыслей, хотя и пусты онѣ, однакоже тѣмъ тверже онъ придерживается ихъ. Напримѣръ, онъ почему-то считаетъ своего зятя миліонеромъ, тогда какъ этотъ человѣкъ, находясь въ услуженіи у банкира, пополняетъ свое маленькое жалованье доходами ростовщика, снабжая небольшими деньжонками прокутившихся писцовъ. Мысль о несметномъ богатствѣ зятя такъ крѣпко засѣла въ упрямую головушку дяди Флеминга, что ее никакимъ гвоздемъ нельзя выковырить оттуда. Зная положительно, что къ его дочери присватывается негодный человѣкъ, онъ очень благодаренъ ему, онъ даже уважаетъ его именно за то, что негодяй этотъ хочетъ породниться съ нимъ. Онъ уговариваетъ дочь выдти за него, тогда какъ убѣжденъ, что бракъ съ нимъ не принесетъ ей ничего кромѣ нищеты и горя. Въ этихъ сценахъ много истиннаго юмора и еще больше правды. Авторъ вѣрно подмѣтилъ общія характеристическія черты въ быту и въ характерѣ англійскихъ фермеровъ. Романъ этотъ богатъ также художественными эскизами природы и сельской жизни. Вообще интересъ его очень значителенъ.

Лекція о подлинномъ языкѣ Зороастра, Мартина Гауга *.

Есть одна отрасль филологическихъ изслѣдованій, которая постоянно мѣняется. Ключъ, найденный къ открытію смысла древнихъ надписей, не далъ однакоже средства къ правильному объясненію каждаго слова ихъ. Потому-то одну и ту же іероглифную, или клинообразную надпись неодинаково читаютъ и переводятъ ученые филологи. Часто случается, что они совершенно передѣлываютъ свои собственные переводы. Одной участи съ надписями, уцѣлѣвшими на архитектурныхъ памятникахъ, подвергаются и древнѣйшіе манускрипты. Гимны Веды или Зендавесты, требуютъ тѣхъ же пріемовъ для точнаго уразумѣнія ихъ смысла. Значеніе нѣкоторыхъ словъ можетъ быть вѣрно понято

* A Lecture on the Original Language of Zoroaster. By *Martin Gaug*. 1865.

Digitized by Google

только въ то время, когда прослѣдятъ смыслъ ихъ во многихъ фразахъ. Люди, незнакомые съ трудами извѣстнѣйшихъ оріенталистовъ, занимавшихся истолкованіемъ надписей Кира, Дарія и Ксеркса, могутъ не понять, напримѣръ, какимъ образомъ надписи, подтверждавшей, по мнѣнію Ласена, сообщенное Геродотомъ извѣстіе, что Дарій Гистаспъ сдѣлался персидскимъ царемъ вслѣдствіе ржанія своей лошади, былъ данъ потомъ совершенно другой смыслъ. Геродотъ говоритъ, что когда былъ убитъ Смердисъ, то по взаимному условію шести заговорщиковъ, верховная власть надъ Персіею должна была перейдти къ тому изъ нихъ, чья лошадь заржетъ первая при восходѣ солнца. Такъ-какъ конь Дарія заржалъ прежде другихъ, то Дарій и былъ провозглашенъ персидскимъ царемъ. Геродотъ прибавляетъ, что въ память этого событія была воздвигнута конная статуя съ надписью: «Дарій Гистаспъ воцарился въ Персіи вслѣдствіе доблести своего коня (имя его) и конюха Оибарея». Ласенъ помѣстилъ въ «Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes» 1844 г. переводъ клинообразной надписи, снятой Нибуромъ съ одного пересепольскаго памятника, и своимъ авторитетомъ подтвердилъ слова Геродота. Но въ слѣдующемъ году професоръ Гольцманъ сталъ доказывать, что знаменитый филологъ ошибся. Наконецъ, послѣ разныхъ замѣчаній и поправокъ, сэръ Раулисонъ такъ перевелъ спорное мѣсто: «Эта персидская область, дарованная мнѣ Ормаздомъ, знаменита, богата *отличными лошадьми*, и населена хорошимъ народомъ». Такимъ образомъ, исчезло общеизвѣстное ржаніе съ его сказочными послѣдствіями.

Непонятно, въ самомъ дѣлѣ, какъ бываютъ иногда легковѣрны неглупые повидимому люди. Очень можетъ быть, что многіе конюхи умѣютъ и умѣли заставить ржать лошадь, когда имъ вздумается. Но не странно ли предполагать, чтобы такое вздорное искуство могло доставить человѣку, даже во времена древней персидской монархіи, желанный случай поправить хоть денекъ — не государствомъ, куда, но какимъ-нибудь отдѣльнымъ колесомъ государственнаго механизма? Потому-то слишкомъ уже очевидно простодушіе Геродота. Онъ повѣрилъ нелѣпой сказкѣ, доводившей болтливую откровенность Дарія до всенароднаго признанія въ стачкѣ съ конюхомъ, который заставилъ ржать лошадь и этимъ доблестнымъ искуствомъ возвелъ будто бы на престолъ своего господина. Кажется, прославлять доблесть конюха Оибарея въ этомъ случаѣ больше не за что.

Длинный рядъ филологическихъ ошибокъ могъ бы убѣдить большинство публики въ невозможности понять точный смыслъ надписей, сдѣланныхъ на мертвыхъ языкахъ, съ которыми современные лингвисты не могутъ ознакомиться по другимъ литературнымъ памятникамъ. Однакоже не такъ думаютъ знатоки дѣла. Поправляя другихъ, и сознаваясь въ своихъ собственныхъ ошибкахъ, они убѣждены, что каждый обнаруженный промахъ подвигаетъ впередъ ихъ дѣло. Еслибы переводы Иліады под-

Digitized by Google

вергли такому же изученію каждаго слова, въ нихъ непремѣнно обнаружилось бы множество невѣрностей. И это нисколько неудивительно: даже новые европейскіе языки довольно быстро подвергаются значительнымъ измѣненіямъ. Въ Англіи, напримѣръ, немного такихъ богослововъ, которые могутъ свободно читать англійскія духовныя сочиненія, написанныя лѣтъ четыреста назадъ тому. Вообще священныя книги болѣе другихъ подвергаются разнообразнымъ толкованіямъ. Мысли мѣняются, ростутъ, а между тѣмъ, каждое поколѣніе силится найдти въ этихъ древнихъ памятникахъ отраженіе своего собственнаго взгляда на нѣкоторые спорные вопросы. Такъ, въ настоящее время знатоки древне-еврейскаго языка состязаются о значеніи глагола bará, который употребленъ Моисеемъ въ книгѣ Бытія. Одни изъ нихъ говорятъ, что семьдесятъ толковниковъ правильно передали его словами «творить изъ ничего»; другіе же увѣряютъ, что bará значитъ только «образовывать, устроивать». Въ Иліадѣ есть также много словъ и выраженій, понимаемыхъ различно. Мудрено ли послѣ этого, что Зендавеста, объясненіемъ которой занимались очень немногіе изъ европейскихъ ученыхъ, заключаетъ въ себѣ мѣста, до сихъ поръ переводимыя то такъ, то иначе. Тѣ строфы ея, гдѣ нѣтъ религіозныхъ или философскихъ доктринъ, понимаются легко даже современными намъ азіатцами; но какъ скоро слову или предложенію дается смыслъ, могущій опредѣлить характеръ доктрины — тутъ начинаются объясненія и споры, взаимно уничтожающіе другъ друга

Докторъ Гаугъ, три года назадъ тому, издалъ «Опытъ священнаго языка парсовъ». Въ этой книгѣ былъ помѣщенъ переводъ Зендавесты. Теперь напечаталъ онъ лекцію, прочтенную имъ въ прошломъ году въ Бомбеѣ слушателямъ, состоявшимъ почти исключительно изъ парсовъ. Въ нее вошелъ новый переводъ десяти краткихъ параграфовъ религіозной теоріи Зороастра, дополненный филологическими объясненіями. Эти два перевода, такъ близкіе по времени другъ къ другу, очень несходны между собою, и едва-ли можно надѣяться, что когда нибудь прекратится подобная передѣлка. Религіозныя преданія парсовъ были записаны въ первый разъ, спустя слишкомъ тысячу лѣтъ по смерти Зороастра. Невѣжество переписчиковъ исказило этотъ текстъ. На персидскій языкъ Зендавеста была переведена въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х.; санскритскій переводъ сдѣланъ съ персидскаго. Что же касается уцѣлѣвшихъ манускриптовъ этого памятника, то ни одинъ изъ нихъ не заходитъ далѣе начала XIV столѣтія. Бюрнуфъ подвергъ граматическому анализу каждое слово Зендавесты. Професоръ Шпигель всю свою жизнь занимался изученіемъ религіи Зороастра. Ему обязанъ ученый міръ полнымъ изданіемъ и переводомъ Зендавесты. Но хотя онъ очень высоко цѣнилъ преданія парсовъ, однакоже сознавался, что они такъ же мало заслуживаютъ довѣрія, какъ раввинскія толкованія библіи. Всѣ ученые согласны, что какъ бы ни было правильно или ложно преданіе

Digitized by Google

все же подтвердить или опровергнуть его можно только независимымъ граматическимъ анализомъ оригинальнаго текста.

Вотъ сравнительный переводъ двухъ мѣстъ изъ Зендавесты.

Персидскій (Пельви). «И такъ; религія должна быть обнародована. Теперь будьте внимательны и слушайте, то-есть навострите уши, работайте и разговаривайте безъ шуму. Жаждущіе познать религію должны поступить такъ, ибо нынѣ все свидѣтельствуетъ, что Ангума (Ормаздъ) создалъ, что Ангума сотворилъ все сущее, и что въ пору втораго времени, когда явится будущая плоть, Агарманъ (Ариманъ) не разрушитъ (жизни) міровъ. Агарманъ способствуетъ своимъ языкомъ распространенію злыхъ дѣлъ и желаній».

Это скорѣе коментарій, нежели переводъ Шпигель передаетъ то же мѣсто слѣдующимъ образомъ:

«Теперь я хочу говорить вамъ. Внемлите мнѣ, услышьте то, что̀ желали слышать вы, пришедшіе изъ близка и далека. Очевидно, что мудрые (духи) создали всѣ вещи. Злое ученіе не должно снова рузрушить міра. Лукавый дурно дѣйствовалъ языкомъ своимъ.»

Переводъ доктора Гауга въ 1862 г.

«Вы, пришедшіе изъ близка и далека, склоните слухъ свой къ рѣчамъ моимъ. Хочу разсказать вамъ о двухъ духахъ все, извѣстное мудрому. Ни злоязычникъ (дьяволъ) не уничтожитъ второй (духовной) жизни, ни человѣкъ, лгущій языкомъ своимъ, не возвѣститъ ложно (идолопоклоннической) вѣры.»

Въ 1864 г. онъ перевелъ это мѣсто уже иначе:

«Вы, пришедшіе изъ близка и далека, должны внимать нынѣ тому, что̀ возвѣщу вамъ. Мудрый проявилъ вселенную, какъ двойственность. Не допускайте злодѣлателя къ разрушенію второй жизни, ибо онъ, лукавый, разсѣеваетъ языкомъ своимъ гибельное ученіе.»

Главная трудность этого параграфа заключается въ словѣ *dùm*, которое Гаугъ передалъ словомъ *двойственность*, основываясь на созвучіи съ санскритскимъ *dvam*, или *dvandvam*, что̀ значитъ «двойка, пара». Слово *dùm* одинъ только разъ употреблено въ Зендавестѣ, а потому и нѣтъ средства убѣдиться въ его значеніи. Другіе переводчики, напротивъ, считаютъ его глаголомъ, употребленнымъ во второмъ лицѣ множественнаго числа. Отсюда и происходитъ разница въ толкованіи этого мѣста.

Шестой параграфъ той же строфы переведенъ на персидскій языкъ такъ:

«Я возвѣщаю, что богослуженіе есть величайшее изъ всѣхъ дѣлъ. Чистая хвала довлѣетъ тому, кто обладаетъ хорошимъ вѣдѣніемъ, кто полагается на Ормазда. Я слышу Спенто-менію, (который есть) Ормаздъ. Внемлите мнѣ, слушайте, что̀ я скажу (вамъ). Поклоненіе ему есть сообщеніе съ добрымъ духомъ. Можно знать (по опыту) божественное приказаніе творить добро, увѣдавъ, что̀ такое есть оно. То, что̀ находится въ умѣ, учитъ

Digitized by Google

меня, какъ лучшая или природная (небесная) мудрость (то-есть, что божественная мудрость выше человѣческой).»

Переводъ Шпигеля:

«Теперь я хочу сказать вамъ о величайшемъ изъ всѣхъ дѣлъ. Да прославитъ всякая тварь чистоту того, кто мудръ есть. Да услышитъ ее святѣйшее небесное существо Агурамазда. Онъ, хвалу кому внушаетъ священный духъ, онъ да научитъ меня благу своимъ разумомъ.»

Гаугъ въ 1862 г.:

«Хочу говорить вамъ о величайшемъ изъ всѣхъ (Сраоша), восхваляющемъ истину и творящемъ благо, и о всѣхъ, собранныхъ вокругъ него по велѣнію священнаго духа (Агурамазды). Да услышитъ меня безсмертный мудрецъ. Силою его благости ростетъ (въ мірѣ) благой умъ. Да направляетъ онъ меня къ лучшему своей мудростью.»

Онъ же въ 1864 г.:

«Хочу возвѣстить величайшее дѣло: можно быть добрымъ, прославляя только истину. Агурамазда услышитъ тѣхъ, кои, согнувшись, движутъ впередъ (все хорошее). Да наставитъ меня въ своей высокой мудрости тотъ, его же благость сообщается благимъ умомъ.»

Не правда ли, что все это поучительно для филологовъ?

Какъ на пособіе оріенталистамъ при изученіи Зендавесты можно указать на изданную недавно въ Германіи книгу доктора Ф. Юсти «Handbuch der Zendsprache». Въ этомъ руководствѣ находится полный словарь, граматика и выдержки изъ ученія Зороастра.

НОВЫЯ РУССКІЯ И ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

Полный учебникъ уголовнаго права. *Бернера*. Переводъ съ примѣчаніями и дополненіями по исторіи русскаго права и положительному законодательству, магистра *Н. Неклюдова*. Вып. 1-й. Ц. 80 к., подписная цѣна на все сочиненіе 3 р. 50 к. Спб. Въ типографіи Тиблена.

Питаніе и выборъ пищи по возрастамъ, временамъ года, занятіямъ и состоянію здоровья, доктора *Реклама*, общепонятно изложенное. Ц. 35 к.

О нравственности, честности и чести въ приложеніи ихъ къ практической жизни, съ разсмотрѣніемъ революціонныхъ движеній вообще, и польскаго мятежа въ-особенности. Соч. *Кораблева*.

Статистическое описаніе киргизской степи оренбургскаго вѣдомства, составлено генеральнаго штаба подполковникомъ *Мейеромъ*, съ картою. 1865 года. Спб. Ц. 1 руб.

Судебный сборникъ, издаваемый подъ редакціею *Н. Ламанскаго*. Вып второй. Ц. 30 к.

Полный курсъ физики, *А. Гано*. Переводъ съ послѣдняго изданія *Павленкова*. Спб. 1865. Подписная цѣна за весь курсъ 3 р.

Digitized by Google

Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ, Карла *Фогта*. Изданіе *Гайдебурова*. Томъ 2-й и послѣдній. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

Историческіе очерки средневѣковой драмы (начальный періодъ). Изслѣдованіе Н. *Полеваго*, писанное для полученія степени доктора русской словесности. Ц. 1 р. 50 к., въ 8-ю долю листа.

Курсъ статистики, составленный для студентовъ университета св. Владиміра, соч. *Бунге*. Кіевъ. 1865 Ц. 1 руб.

Учебный атласъ по русской исторіи, составленъ и изданъ подъ редакціею *Замысловскаго*. Ц. 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Лѣтопись исторіи русскаго театра съ двумя портретами. Соч. *Аранова*. 1-й томъ 386 стр. Ц. 1 р. Спб.

Путешествіе по Хивѣ, Бухарѣ и Самарканду А. *Вамбери* (переводъ). Ц. 1 р. 25 к.

Вертеръ. Опытъ монографіи съ переводомъ романа Гёте «Страданія молодого Вертера». А. *Струговщикова*. Спб. 1865. Ц. 2 р.

Руководство комерческихъ и финансовыхъ вычисленій, составилъ *Рейнботъ*, старшій преподаватель бухгалтеріи с.-петербургскаго комерческаго училища. Спб. Изданіе *Смирдина*. 1865. Ц. 2 р. 50 к.

Краткая метрологія европейскихъ государствъ. Составилъ *Рейнботъ*. Спб. 1865. Изданіе *Смирдина*. Ц. 50 к.

Первый томъ древнихъ актовъ, издаваемыхъ высочайше учрежденною въ Вильнѣ комисіею (акты гродненскаго земскаго суда). 1865. Вильно. Въ типографіи Киркора. Ц. 2 р.

Руководство къ практической астрономіи. Соч *Ракочи*. Ц. 1 р. 50 коп. Москва. 1865.

Руководство къ качественному химическому анализу. Соч. *Фрезеніуса*, переводъ съ 11-го изданія съ дополненіями А. Б. подъ редакціею *Гиварговскаго*. Ц. полнаго сочиненія 8 р. Вып. 1-й 75 к. Москва. 1865.

Тайны французской полиціи. Описаніе истинныхъ и интересныхъ событій изъ государственной и семейной жизни французскаго народа. Томъ 1. Ц. 2 р. 25 к. Москва. Изданіе *Метелькова*. 1865.

Естественная исторія растительнаго царства, преимущественно въ примѣненіи къ русской флорѣ срединныхъ губерній. Составилъ *Рего*. Москва Изданіе *Глазунова*.

Пчела. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Составилъ Н. *Щербина*. Спб. 1865. Ц. 1 р. Книга въ переплетѣ и заключаетъ въ себѣ 134 статьи въ прозѣ и стихахъ на 500 страницахъ.

О судѣ присяжныхъ. Соч. *Гуэ-Глунэка*, переводъ съ нѣмецкаго О. *Филиппова*. Спб. 1865. Ц. 1 р.

Морское международное право. Соч. *Ортолана*, переводъ А. *Лохвицкаго*. Спб. 1865. Ц. 1 р.

Руководство къ физіологіи человѣка, доктора *Вундта*. Переводъ съ нѣмецкаго С. *Пинскера*. Вып. 1-й и 2-й. Ц. за оба 2 р. 75 к. Москва. Въ книжномъ магазинѣ Соловьева (бывшій Базунова). 1865.

Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи. Книга 1-я. И. *Рамазанова*. Москва. 1865. У Соловьева.

Мужчина и женщина, отъ перваго появленія человѣческихъ племенъ на земномъ шарѣ до настоящаго времени. Спб. 1865. Ц. 2 р.

Статистическія свѣдѣнія о пожарахъ въ Россіи. Изданіе центральнаго статистическаго комитета министерства внутреннихъ дѣлъ, обработано *Вильсономъ*.

Настольная книга для мировыхъ судей. Составлена кандидатомъ *Желѣзниковымъ*. Ц. 1 р. 25 к.

Digitized by Google

Исторія Юлія Цезаря. Соч. *Наполеона I*, диктованное имъ на островѣ св Елены г. Маршану. Москва. Въ университетской типографіи.

Человѣкъ и природа на островахъ Великаго Океана. Сочиненіе *Гартвига*. Москва. Изданіе *Шанова*. Ц. 3 р.

Britain and her Colonies. By J. *Beaufort-Hurlburt*. (Британія и ея колоніи, Дж. *Бьюфорта-Горльборта*).

The Cattle Plague of 1865 and its Cure. (Скотскій падежъ въ 1865 и леченіе этой болѣзни).

Chapters on Language. By Frederic *Farrar*. (Главы о языкѣ, Фр. *Фаррера*).

Dante, as Philosopher, Patriot and Poet. With an Analysis of the Divina Comedia, its Plot and Episodes. By Vincenzo *Botta*. (Данте, какъ философъ, патріотъ и поэтъ. Съ анализомъ «Божественной Комедіи», ея содержаніе и эпизоды, В. *Ботта*).

The Fells of Swarthmour-Hall and their Friends, with an Account of their Ancestor, Anne Askew, the Martyr. (The early Quakers). By Maria *Webb*. (Феллы Свартмур-Голя и ихъ друзья, М. *Вебъ*).

The Fine Arts, their Connexion with Education. A Lecture. By Pr. Hayter *Lewis*. (Изящныя искуства, ихъ связь съ воспитаніемъ. Лекція профессора Гейтера *Льюиса*).

History of the Administration of President Lincoln. From official documents and private papers, some of wich have not before been publisched. By Henry J. *Raymond*. (Исторія правленія президента Линкольна, составленная по офиціальнымъ документамъ и частнымъ бумагамъ, изъ коихъ нѣкоторыя здѣсь въ первый разъ опубликованы, Г. Дж. *Рэймонда*).

Lyra Americana. Hymn of Praise and Faith, from american Poets. (Американская лира. Гимны хвалы и вѣры, изъ американскихъ поэтовъ).

On the Nature and Treatment of the Cattle Plague. By R. *Allnatt*. (О свойствѣ и леченіи повальной болѣзни рогатаго скота, Р. *Алната*).

Report from the Select Committee of the House of Lords; on the Public Schools Bill, together with the Proceedings of the Committee, Minutes of Evidence, Appendix and Index. Ordered by the House of Commons to be printed. (Донесеніе комисіи палаты лордовъ о билѣ о народныхъ училищахъ, напечатанное по приказанію нижней палаты).

Sketches of General History. By the late James *Douglas*, of Cavers. (Очерки всеобщей исторіи, покойнаго Джемса *Дугласа*).

Three Years among the Working-Classes in the United States during the War. (Три года въ средѣ рабочихъ классовъ въ Соединенныхъ Штатахъ впродолженіе войны).

Transylvania: its Products and People. By Charles *Boner*. (Трансильванія, ея произведенія и народъ, Чарльса *Бонера*).

Travels in Egypt and Syria. By S. S. *Hill*. (Путешествія по Египту и Сиріи, С. С. *Гилля*).

The Works of William *Chillingworth*. (Произведенія Уильяма *Чиллингуорта*).

Дѣтскія книги:

Aunt Sally's Life. By Mrs. Alfred *Gatty*. (Жизнь тётя Сэлли, г-жи Альфредъ *Гэтти*).

Digitized by Google

Beeton's Annual: a Book for the *Young*. (Календарь *Витона*).

Mabel and Cora; or the Sisters of Stoneycroft Hall. By A. G. (Мабель и Кора, или сестры Стонейкрофт-Голля).

The Magic Lantern: How to buy and how to use it. By «A Mere Phantom». (Волшебный фонарь: какъ купить его, и какъ пользоваться имъ).

Shellburn. By Alexander Leighton.

Abraham Lincoln, sa Vie, son Caractère, son Administration, par E. *Pascal*. (Авраамъ Линкольнъ, его жизнь, характеръ и правленіе Э. *Паскаля*)

Le Ciel et l'Enfer ou la justice divine selon le spiritisme, par Allan *Kardek* (Небо и адъ, или божеское правосудіе съ точки зрѣнія спиритизма, Аллана *Кардека*).

Des Chèques, Commentaire théorique et pratique de la Loi du 23 mai 1865 concernant les chèques, par L. *Nouguier*. (О чекахъ, теоретическое и практическое объясненіе закона 23-го мая 1865, относящагося къ чекамъ, Л. *Нугье*).

La Chimie enseignée par la Biographie de ses fondateurs, par F. *Hoefer*. (Химія, преподаваемая по жизнеописаніямъ основателей этой науки, Ф. *Гёфера*).

Essais de Politique et de Littérature. 3-me Série, par *Prévost-Paradol*. (Опытъ о политикѣ и литературѣ, *Прево-Парадоля*).

Esthétique générale et appliquée contenant les règles de la composition dans les arts plastiques, par D. *Sutter*. (Общая прикладная эстетика, содержащая правила, относящіяся къ композиціи въ пластическихъ искуствахъ, Д. *Сюте*).

Etudes parallèles et morales, par J. *Benoid-Pons*. (Паралельные и нравственные этюды, Ж. *Бенуа-Понса*).

Guide pratique du Fabricant du Sucre, 2-e partie, par *Basset*. (Практическое руководство для сахаровара, 2 ч., г. *Бассе*).

Guide pratique des Alliages métalliques, par A. *Guettier*. (Практическое руководство къ составленію лигатуръ, А. *Гэтье*).

Histoire contemporaine, par C. A. *Danban*. Classe de philosophie. 1-re partie. (Современная исторія, г. *Добана*).

Histoire d'un homme heureux, par A. *Schaefer*. (Исторія счастливаго человѣка, А. *Шефера*).

Impôts et Liberté en France au XIX siècle, par *Alceste*. (Налоги и свобода во Франціи въ XIX вѣкѣ, г. *Альсеста*).

Leçons de Géométrie élémentaire, par Ch. *Rosan*. (Уроки элементарной геометріи, Ш. *Розана*).

Lectures publiques sur l'Homaeopathie, faites au palais de facultés de Clermont-Ferrand, par A *Imbert-Gourbeyre*. (Публичныя лекціи о гомеопатіи, А. *Энбер-Гурбейра*).

Lincoln, sa Vie, son Oeuvre et sa Mort, par F. *Bungener*. (Линкольнъ, его жизнь, совершенный имъ подвигъ и его смерть, Ф. *Бёнжене*).

Le Premier Consul Législateur. Etude sur la part que prit Napoléon aux travaux préparatoires du Code, par A. *Mudelin*. (Первый консулъ, какъ законодатель; этюдъ о томъ участіи, которое принималъ Наполеонъ въ приготовительныхъ работахъ по Своду Законовъ, А. *Мюделена*).

Digitized by Google

Les Religions et les Philosophies dans l'Asie centrale, par le comte *de Gobineau*. (Религіи и философіи въ средней Азіи, графа *де-Гобино*).

Da la Santé de Gens mariés, par le D-r L. *Seraine*. (О здоровьѣ женатыхъ, доктора Л. *Серена*).

Unité de Législation civile en Europe, par E. *Moulin*. (Единство гражданскаго законодательства въ Европѣ, Э. *Мулена*).

Ballegard und Alsen. Vortrag in der militärischen Gesellschaft zu Berlin, von F. v. *Adler*. (Балегардъ и Альзенъ. Рапортъ берлинскому военному обществу, Ф. *Адлера*).

Capital und Arbeit. Neue Antworten auf alte Fragen, von E. *Dühring*. (Капиталъ и работа. Новые отвѣты на старые вопросы, Э. *Дюринга*).

Chemische Fabrik e.t. c. Mit einer Vorrede von Dr. G. C. Wittstein, von Dr. Ed. *Stieren*. (Химическій заводъ и проч., Эд. *Штирена*).

Die Chronik Heinrichs von Lettland. Ein Beitrag zu Livlands Historiographie und Geschichte, von Dr. H. *Hildebrand*. (Лѣтопись Гейнриха Латвіанда. Къ исторіографіи и исторіи Лифляндіи, Г. *Гильдебранда*).

Correspondenzen und Aktenstücke zur Geschichte der Ministerconferenzen von Carlsbad und Wien in den Jahren 1819, 1820 und 1834, herausgegeben von Friedrich von Weech. (Переписка и документы къ исторіи министерскихъ конференцій въ Карлсбадѣ и Вѣнѣ въ 1819, 1820 и 1834 гг., изданные Фр. Вехомъ).

Die Fabrikmässige Darstellung chemischer Producte, umfassend die Fabrication aller, für Industrie und Gewerbe wichtigen, einfachen und zusammengesetzten Körper der anorganischen Chemie, von Dr. N. *Gräger*. (Сообразное съ фабричнымъ производствомъ изображеніе химическихъ продуктовъ, обнимающее приготовленіе всѣхъ для ремеслъ и промышленности важныхъ простыхъ и сложныхъ тѣлъ неорганической химіи, Н. *Грегера*).

Die Fortbildung des österreichischen materiellen Strafrechtes durch Gesetzgebung, Literatur und Praxis in den letzten zehn Jahren. von W. Th. *Frühwald*. (Преобразованіе австрійскаго матеріальнаго уголовнаго права въ послѣднія десять лѣтъ, В. Т. *Фрювальда*).

Der fossile Mensch aus dem Neanderthal und sein Verhältniss zum Alter des Menschengeschlechts. Zwei Vorlesungen, von Pr. Dr. E. Fuhlrott. (Ископаемый человѣкъ изъ Неандерталя и его отношеніе къ древности человѣческаго рода. Двѣ лекціи Э. Фульрота).

Die geographische Verbreitung der Pflanzen Westindiens von A. *Grisebach*. (Географическое распространеніе вестиндскихъ растеній, А. *Гризебаха*).

Goethe und Leipzig, von Woldemar von *Biedermann*. (Гёте и Лейпцигъ, Вольдемара *Бидермана*).

Die Lehre von Interesse nach römischen Recht. Mit Rücksicht auf neuere Gesetzgebung, von Dr. Richard *Cohnfeldt*. (Теорія процентовъ по римскому праву. Съ отношеніемъ къ новѣйшему законодательству, Р. *Конфельдта*).

Die Literatur der gemeinen, ordentlichen Civil-Processes, von O. A. *Walther*. (Литература простого гражданскаго процесса О. А *Вальтера*).

Ludwig der Reiche, Herzog von Bayern. Zur Geschichte Deutschands im XV Jahrhundert, von D. August *Kluckhohn*. (Лудовикъ-Богатый, баварскій герцогъ. Къ исторіи Германіи XV вѣка, Авг. *Клюкгона*).

Digitized by Google

Die Propädeutik der Araber im zehnten Jahrhundert, von Pr. Dr. F. *Dieterici*. (Пропедевтика арабовъ въ X вѣкѣ, Ф. *Дитерици*).

Die Proletarier. Drei Vorlesungen zur Orientirung in der socialen Frage, von Joh. *Huber*. (Пролетарій. Три лекціи для оріентированія въ гражданскомъ вопросѣ, Іог. *Губера*).

Staats- und Privatwirthschaftslehre, nebst einer Darlegung deren Verhältnisses zur Jurisprudenz und anderen verwandten Wissenschaften, von Dr. Arnold *Lindwurm*. (Теорія государственнаго и частнаго хозяйства, съ объясненіемъ ея отношенія къ юриспруденціи и другимъ родственнымъ наукамъ, Арн. *Линдвурма*).

Über Ursprung und Natur der Regalien, von Dr. Herm. *Strauch*. (О происхожденіи и свойствахъ регалій, Герм. *Штрауха*).

Digitized by Google

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви въ Санктпетербургѣ.

Musique pour le Piano à 4 mains:

BERNARD, PAUL. Beautés de l'Africaine, Opéra de G. Meyerbeer. Op. 82. 1-re Suite . . .	2 p.	— к.
CROISEZ, A. Duo enfantin sur l'Africaine de Meyerbeer	1 »	15 »
SCHUBERT, Fr. Variationen über ein französisches Lied. Op. 10	2 »	30 »
— — Variations sur un thême original Op. 35.	2 »	45 »
— — 6 Grandes marches et trios. Op. 40. Cah. 1 — 1 p. 75 к.; Cah. 2	2 »	— »
— — 3 Marches militaires. Op. 51.	1 »	45 »
— — Divertissement à la Hongroise Op. 54. .	3 »	45 »
— — Divertissement en forme d'une marche brillante et raisonnée. Op. 63	1 »	75 »
— — Andantino varié et rondeau brillant, sur des motifs originaux français. Op. 8. № 1. 1 p.; № 2.	1 »	45 »
— — Fantaisie. Op. 103	2 »	15 »
— — Deux marches caractéristiques Op. 121 № 1. 1 p. 15 к.; № 2	1 »	45 »
— — Notre amitié est invariable. Rondeau. Op. 138	1 »	45 »
— — Lebenstürme. Characteristisches Allegro. Op. 144	2 »	30 »
VILBAC, Reynaud de. 1-r. Duo dramatique sur des motifs de la «Donna del Lago». Op. 19.	1 »	75 »
— — 2-e Duo dramatique sur l'Elisire d'Amore de Donizetti. Op. 24	1 »	45 »
— — 3-e Duo dramatique sur Beatrice di Tenda de Bellini. Op. 26	1 »	15 »

Digitized by Google

VILBAC, Reynaud. Beautés de la Norma de Bellini.
— — 3 Suites . . . . . à . 1 р. 45 к.
— — Beautés des Puritains de Bellini 3 Suites
№ 1, 3 à. 1 » 45 »
№ 2 . . 2 » — »
— — Beautés de la Sonnambula de Bellini 2 Suites à 2 » 15 »
— — Beautes de la Dame blanche de Boieldieu,
2 Fantaisies № 1. 2 р.; № 2 . . . . . 1 » 45 »
— — Beautés de Zampa, de Herold. 3 Suites.
№ 1, 2 à 1 р. 75 к.; № 3 . . . . . 1 » 45 »
— — Beautés des Huguenots de Meyerbeer. 3
Suites. № 1. 2 р. 15 к.; № 2. 2 р. 30 к.; № 3 2 » 60 »
— — Beautés de Robert le diable de Meyerbeer.
3 Suites. № 1. 2 р.; № 2, 3 à . . . . 2 » 45 »
— — Beautés de Don-Juan de Mozart. 3 Suites.
— — № 1. 2 р. 45 к.; № 2, 3 à . . . . . 2 » 15 »
— — Beautés des Noces de Figaro de Mozart . 2 » 15 »
— — Beautés de Cenerentola de Rossini . . . 2 » 15 »
— — Beautés de Semiramide de Rossini. 3 Suites.
№ 1. 1 р. 75 к.; № 2. 2 р.; № 3. . . 2 » 30 »
— — Beautés de Weber. 4 Suites. № 1. Freischütz.
1 р. 45 к.; № 2. Euryanthe . . . . 1 » 75 »
№ 3. Oberon. 1 1. 75 к.; № 4. Preciosa. 1 » 75 »
— — Illustrations de Faust de Gounod. 3 Suites à 1 » 45 »
— — Faust. Opéra de Gounod. Choeur des soldats,
transcription brillante . . . . . » » 85 »
— — Valse de Faust, Opèra de Gounod . . . 1 » 15 »
— — Beautés du Barbier de Seville. 3 Suites à 1 » 45 »
— — Andante et Allegro marziale de J. Ascher,
op. 40, arrangés . . . . . 2 » — »
STRAUSS, Marche persane. 4 ms . . . . . » » 75 »

Въ этомъ же магазинѣ можно получать *всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя* или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ. Выписывающіе нотъ на три руб. сер., получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. — 25 проц.; на десять руб. — 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того, не платятъ за пересылку. Требованія гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

А. ВИТНЕРЪ.

Digitized by Google

ПОДПИСКА НА 1866 ГОДЪ.

ГОЛОСЪ,

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ

А. А. КРАЕВСКИМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ пересылкою.
На годъ	12 р. — к.	15 р. — к.	16 р. — к.
» полгода.	7 » — »	8 » 50 »	9 » — »
» три мѣсяца. . .	3 » 75 »	4 » 50 »	5 » — »
» мѣсяцъ.	1 » 30 »	1 » 70 »	1 » 85 »

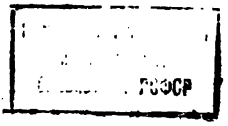
ПРІЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ, казенныхъ и частныхъ, для помѣщенія въ газетѣ. Плата за помѣщеніе объявленій — по таксѣ, находящейся въ конторѣ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, **въ главной конторѣ газеты «Голосъ»** *(на Литейной, № 38)*; въ Москвѣ, **у И. В. Базунова.** Гг. иногородные адресуютъ свои требованія: *Въ редакцію газеты «Голосъ», въ Санктпетербургѣ.*

Въ типографіи А. А. Краевскаго, (Литейная, № 38).

Digitized by Google

3 руб.



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google